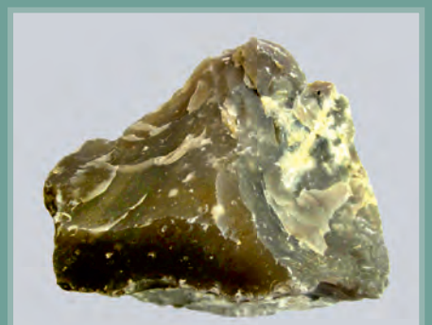
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

ISBN 978-5-9551-0749-3

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

235

ISSN 0130-2620

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

235

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
235

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЯСК
МОСКВА 2014

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 235 2014

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. Макаров

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев, проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская, д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, к. и. н. А. Р. Канторович, к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции), член-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина, д. и. н. В. Е. Щелинский

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 235 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М. : Языки славянской культуры : Знак, 2014. — 432 с., ил., вклейка.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-9551-0749-3

УДК 902/904
ББК 63.4

BRIEF COMMUNICATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
Editor-in-chief Academician N. A. MAKAROV

На задней стороне обложки изображен
чоппер на обломке желвака из поселения Мухкай I (к ст. А. Б. Селезнёва)

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм.Ульянова, д. 19;
Телефон +7 (499) 126-47-98, Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

ISBN 978-5-9551-0749-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2014
© Авторы, 2014
© Языки славянской культуры, 2014

КАМЕННЫЙ ВЕК
ПРОБЛЕМЫ, МАТЕРИАЛЫ, ОТКРЫТИЯ
(к 20-летию Отдела археологии каменного века ИА РАН)

Х. А. Амирханов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ДАГЕСТАНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАССЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА*

Резюме. В статье рассматривается современное состояние вопроса о первоначальном заселении человеком Евразии. Обобщение всех известных в настоящее время археологических материалов позволяет сделать выводы относительно времени начала расселения человека по земной поверхности, направлений и масштаба миграций, а также отражения этого феномена в развитии культуры эпохи олдована. В работе сформулирован ряд выводов: 1. Активное первоначальное расселение человека в сторону Евразии началось не позднее 2 млн л. н. и шло из Северо-Восточной Африки в трех направлениях – южноаравийском, ближневосточном и южносредиземноморском. 2. Первоначальное расселение носило не линейный, а дисперсный характер. 3. В ходе расселения имели место и безуспешные попытки обретения новой родины. 4. После открытия в последние годы памятников на юге России (Дагестан и Приазовье) долголетний спор между сторонниками короткой и длинной хронологии первоначального заселения Европы можно считать законченным в пользу вторых. Сейчас можно обоснованно утверждать, что по крайней мере Юго-Восточная Европа была заселена около 2 млн л. н. Один из путей первоначального заселения человеком Евразии пролегал вдоль западного побережья Каспийского моря.

Ключевые слова: олдован, первоначальное расселение человека в направлении Евразии, Кавказ, Приазовье, Юго-Восточная Европа.

Как любая фундаментальная проблема, проблема первоначального расселения человека стоит в центре внимания исследователей первобытности. Неслучайно ее изучение поддерживается не только национальными центрами,

* Доклад, сделанный автором на заседании Ученого совета Института истории, археологи и этнографии Дагестанского научного центра РАН в ноябре 2013 г., подготовлен с использованием материалов, полученных частично при финансовой помощи РФФИ (грант 13-06-12005 офи_м).

но и престижными международными научными фондами. В последнее время едва ли не каждый год в разных странах проводятся представительные конференции, посвященные разным аспектам этой проблемы. Успешные полевые исследования и теоретические разработки, имеющие широкий охват и опирающиеся на разносторонние данные естественных наук, включают здесь большой комплекс вопросов: время и пути расселения человека, механизмы и этапы первых миграций, характер и динамика географической среды, служивших фоном и влиявших на процесс начального освоения человеком новых пространств Земли.

Касаясь рассматриваемой темы, следует прежде всего напомнить, что к шестидесятым годам прошлого века в археологии и вообще в исторической науке о первобытности произошел огромный прорыв. Были радикально пересмотрены существовавшие ранее взгляды на время происхождения человека и начало его расселения по ойкумене. Как результат к начальной части археологической периодизации истории человечества была добавлена целая эпоха протяженностью более одного миллиона лет – в рамках от 2,5 до примерно 1,5 млн л. н. Распространение памятников этой эпохи, получившей название олдован, поначалу ограничивалось восточным и южным регионами Африки.

Материалы, о которых идет речь, для российских ученых долгое время оставались далекой экзотикой, а мысль о возможности открытия подобных памятников за пределами Африки (и особенно так далеко на севере – на территории современной России) представлялась фантастической. В последнее десятилетие, однако, ситуация резко изменилась. На юге нашей страны – в Дагестане, Приазовье и Ставропольском крае – открыта группа памятников, которые и в культурном, и в хронологическом отношениях принадлежат олдовану. Больше того, в Институте археологии РАН, а также в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН сосредоточены коллекции памятников олдована, относящиеся географически к трем континентам – Африке, Азии и Европе. Вряд ли в каком еще археологическом научном учреждении мира найдутся материалы с таким широким и разнородным набором. Автору посчастливилось быть причастным к открытию и изучению ряда памятников, из которых происходят указанные материалы. Это объясняет и выбор мною темы данного сообщения, и то, что в нем будет сделан акцент на материалах, имеющих отношение к первоначальному заселению человеком современной территории России. При этом задача здесь ограничена рассмотрением лишь археологического аспекта проблемы.

Итак, к моменту, когда российские исследователи получили возможность практических исследований данной проблемы, бесспорные памятники олдована оставались известными только на африканском континенте. Правда, время от времени появлялись сведения об открытии памятников или обнаружении разрозненных находок эпохи олдована на территории Евразии. Были публикации, посвященные единичным и невыразительным в типологическом отношении находкам в Нар эль Кебир в Сирии, артефактам в контексте апшеронских отложений на северо-западе Ирана, а также памятникам на территории Китая (например, Юаньмоу, Лунгупо). Но затем эти работы или не получали продолжения и забывались, или же исследователи отказывались от выводов о столь раннем их возрасте. В некоторых случаях ставилась под сомнение представительность

самих археологических материалов. На этом фоне бесспорным памятником за пределами Африки, имеющим возраст, близкий к олдованскому, оставалась стоянка Убейдия в долине р. Иордан. Материалы этого памятника были датированы временем около 1,4 млн л. н. и имели ашельский типологический облик. Это являлось указанием на то, что нижняя граница сменяющей олдован ашельской эпохи в Африке и на Ближнем Востоке совпадает и что в культурном отношении ближневосточный ашель имеет ту же подоснову, что и африканский.

Если обратиться к территории Европы, то в дискуссии о времени ее первоначального заселения в течение нескольких десятилетий преобладала точка зрения сторонников короткой хронологии. Господствовало представление о том, это событие произошло не ранее чем 800 тыс. лет назад. Убедительные данные, проливающие свет на эту проблему, были получены в ходе проводимых с конца 70-х гг. прошлого века исследований на территории Испании. Здесь на севере страны, в местности Сьерра де Атапуерка, известна группа многослойных пещерных памятников (Галериа, Гран Долина, Сима дель Элефанте, Сима де лос Уезос), содержащих археологический и палеонтологический материал. Эти объекты относятся к раннему и среднему плейстоцену. Особый интерес представляет то, что во всех названных пунктах обнаружены и палеоантропологические остатки. Для стоянки Гран Долина эти находки с возрастом около 800 тыс. л. н. определены как относящиеся к виду Homo antecessor. А костные остатки из стоянок Галериа и Сима де лос Уезос) отнесены к гейдельбергскому человеку.

Среди названных памятников наиболее древнюю дату (1,2–1,1 млн л. н.) имеет один из слоев (слой ТЕ 9) пещеры Сима дель Элефанте. Нижняя челюсть человека, обнаруженная в указанном слое, относится к виду Homo antecessor. Именно этот памятник на сегодняшний день считается самым древним для Западной Европы свидетельством первого появления человека на континенте. С точки зрения антропогенеза палеоантропологические материалы пещеры рассматриваются как показатель европейской линии антропогенеза, имеющей в своем начале прямые африканские истоки.

Все отмеченное выше не отрицает возможности существования на юге Европы памятников и более древних, чем те, о которых шла речь. В той же Испании, на юго-востоке страны, в местности Орсе, имеются местонахождения (пункт Барранко Леон 5), в которых каменные артефакты обнаружены в контексте с фауной, датирующейся временем ранее 1,2 млн л. н. Имеются данные и об обнаружении немногочисленных каменных изделий (три нуклеуса и несколько отщепов) вместе с виллафранкской фауной в Южной Италии (местонахождение Пирро Норд). По составу ископаемой фауны этот пункт находок авторы публикации датируют временем ранее 1,3 млн л. н. Названные местонахождения, так же как и подобные им азиатские пункты, в строгих обобщениях часто не учитываются по причине, о которой выше уже говорилось. То есть материал, происходящий из археологических памятников, или слишком фрагментарен, или остаются недостаточно ясными обоснования возраста таких объектов.

Теоретически отнесение некоторых южноевропейских находок ко времени ранее 1,2 млн л. н. допустимо. Вероятность этого косвенно подтверждает наличие на севере африканского континента памятника олдована, который пространственно близок к южной Европе и почти на полмиллиона лет старше

самых древних материалов Атапуерки. Речь идет о стоянке открытого типа Айн Ханеш на севере Алжира. В последние годы установлено, что горизонты с доашельской индустрией этого памятника по палеомагнитным данным и фаунистическим отложениям датируются временем, близким к самым древним памятникам ущелья Олдувай в Восточной Африке, т. е. около 1,8 млн л. н. А сама местная культура определяется исследователями как североафриканский вариант олдована.

Долгое ожидание полноценных стратифицированных памятников олдована за пределами Африки увенчалось успехом в 1983 г. в Южной Аравии. Это было результатом работ советско-йеменской экспедиции, организованной Академией наук СССР. Годом раньше произошло открытие стоянки Дманиси в Грузии. Этот поначалу мало кем замеченный факт спустя десятилетие стал восприниматься как яркое событие в первобытной археологии Евразии. Памятник дал, в частности, сенсационные находки в виде палеоантропологических остатков, относящихся к неизвестному ранее за пределами Африки виду человека *Homo Ergaster*.

Если говорить о Южной Аравии, то для археолога-палеолитоведа наиболее привлекательным являлся факт непосредственной близости ее к оконечности Северо-Восточной Африки, откуда происходят самые древние остатки и гоминид, и материальных свидетельств человеческой деятельности. Получив в начале 80-х гг. прошлого века возможность вести практические исследования на этой территории и исходя из концепции африканского происхождения человека, мы поставили себе задачу проследить процесс распространения человека и его культуры на территории, контактирующей с прародиной человечества.

Стратифицированные памятники олдована на юге Аравии составляют группу из трех многослойных стоянок пещерного типа. Один из этих памятников – пещера Аль-Гуза – исследован на всю глубину напластований, а два других – пещера Шархабиль и карстово-обвальный навес Аль-Амира – разведочными зондажами сравнительно небольшой глубины (3 м и 3,2 м соответственно). Все названные памятники сосредоточены в ущелье Аль-Гуза в Западном Хадрамауте. Тут имеется большое количество разнообразных карстовых образований, значительная часть которых дошла до настоящего времени в более или менее разрушенном состоянии. Не сохранилась полностью и пещера Аль-Гуза. От нее осталась только глубинная часть протяженностью около 3–4 м.

Общие технические и типологические оценки полученного здесь археологического материала сводятся к следующему: рассматриваемая индустрия относится к разновидности, определяемой обычно как галечная; для нее характерно отсутствие форм орудий, свойственных для следующей за олдованом стадии археологической периодизации – ашеля; весь набор каменного инструментария обнаруживает типологическое единство с соответствующими археологическими комплексами Олдувайского ущелья в Восточной Африке.

Коллекции культурных слоев пещеры дают возможность судить о функциональном типе представляемых ими памятников. Основанием для этого является разнородность инвентарей как с морфолого-функциональной, так и с технологической точки зрения. Существенно то, что здесь обнаруживаются вместе такие категории предметов, как запасы сырья для орудий, ядрища, заготовки орудий, законченные орудия, а также отходы производства. Все вышеуказанное

позволяет рассматривать материалы указанных слоев в качестве остатков базовых стоянок, на которых проходила и бытовая, и производственно-хозяйственная деятельность людей.

Время заселения пещеры Аль-Гуза по сумме геологических, археологических, палинологических и палеомагнитных данных устанавливается предположительно в отрезке 1,65–1,35 млн л. н. Не исключено, что реальный возраст памятника может быть древнее. Таким образом, рассматриваемые материалы представляют Южную Аравию в качестве района, который был заселен в числе первых на пути древнейших людей из Африки на Азиатский континент. Они же фиксируют и одно из основных направлений миграционных волн в процессе первоначального расселения человечества.

Неожиданные и неординарные находки, относящиеся к рассматриваемой теме, были обнаружены в 2009 г. в ходе работ российской экспедиции на острове Сокотра в Индийском океане. Здесь была выявлена большая группа памятников олдована. Особый интерес вызывает то, что эти памятники оказываются расположенными на океанском острове.

Остров Сокотра расположен в северо-западной части Индийского океана и принадлежит Республике Йемен. В историко-геологическом отношении он является самым крупным островом одноименного архипелага, являющегося продолжением оконечности Африканского рога. Помимо самой Сокотры в этот архипелаг входят острова Абд эль-Кури, Самха и Дарса, а также еще два безводных скальных выступа. Протяженность Сокотры в длину составляет 125 км; в ширину – 42 км; площадь – 3 650 кв. км. Расстояние до самого западного в этом архипелаге острова Абд эль-Кури от ближайшей к нему точки на африканском континенте – мыса Гвардафуй – 80 км. Расстояние от острова Сокотра до мыса Рас Фартак на аравийском побережье – 380 км.

С точки зрения ботанического районирования архипелаг является частью Северо-Восточно-Африканской нагорной и степной провинции. На Сокотре распространены элементы растительности, характерные для Афарско-Сомалийского региона Африки. В настоящее время на острове описано не менее 850 растений, из них 270 видов известны только там. Из-за столь масштабных проявлений эндемизма Сокотру часто называют галапагосами Индийского океана.

В зоогеографическом отношении остров относится к Восточноафриканской подобласти Эфиопской фаунистической области. В наше время представители крупных млекопитающих в диком виде здесь отсутствуют. Если не считать летучих мышей, то местные, коренные для острова виды млекопитающих неизвестны.

Геологическая история Сокотры является частью процессов, сопровождавших разделение единых прежде территорий Южной Аравии и Африканского Рога. Раскрытие Аденского залива и сопровождающее его опускание крупных блоков суши около 15 млн л. н. приводит к отдалению архипелага Сокотра от материковых пространств. А в плиоцене, около 6–8 млн л. н., происходит разделение островов самого архипелага и они обретают современные очертания.

Во время регрессий происходило существенное увеличение площади островов. В эти стадии Сокотра сливалась с другими островами архипелага (за исключением острова Абд эль-Кури) в единую сушу. Образовывался ли в такие

отрезки непрерывный сухопутный мост между оконечностью Африканского Рога и Сокотрой – вопрос до конца не ясный. Но известно, что размах крупных регрессий достигал значений более ста метров глубины относительно современного уровня моря. И, даже если в такие моменты не образовывалась сплошная перемычка между континентом и островом, на поверхность воды в пределах архипелага должно было выступать множество мелких островов и скальных гряд, отделенных друг от друга мелководьем.

Основным результатом археологических работ на острове Сокотра явилось установление того, что преимущественно в устьевых частях трех вади равнины (вади: Хажря, Динагхен, Хадибо) сосредоточены остатки большого количества стоянок древнекаменного века. Эти остатки стоянок выглядят как «пятна» скоплений каменных орудий на современной поверхности с повторяющимся и строго определенным типологическим составом, в котором господствуют чопперы – рубящие галечные орудия – в сочетании с пиками.

Шурф размерами 2 × 2 м, заложенный на одном из исследованных нами пунктов, со стратиграфической точки зрения не принес существенных результатов. Было установлено, что мощность рыхлых отложений не превышает здесь 35 см. Единичные артефакты в виде искусственно расщепленных камней встречались на глубину до 10 см. Всего обнаружено 8 предметов. Они представлены отщепами, чешуйкой оббивки и обломками галек. К орудиям относится лишь один предмет – скребло на массивном галечном отщепе.

Главная интрига сокотрийских материалов связана с их датировкой.

Вопрос в том, как датируются данные памятники. В обычных условиях решение этого вопроса применительно к материалам, залегающим на современной поверхности, бывает проблематичным из-за отсутствия прямых данных для датировки. В нашем случае эта задача поддается решению, поскольку известны исходные для нее данные. Известно, откуда данный тип культуры мог проникнуть на остров и откуда не мог ни при каких обстоятельствах. Территорией исхода в данном случае могла быть только Северо-Восточная Африка. Это следует из данных геологической истории региона, о чем кратко говорилось выше. Что касается технико-типологических характеристик того типа культуры, который представлен вновь открытыми памятниками, то он мог распространиться сюда никак не позднее примерно 1,4 млн л. н. В это время в Северо-Восточной Африке и на Ближнем Востоке олдован повсеместно сменился эпохой ашеля. Характерный для олдована типологический набор изделий с диагностичным для олдована технокомплексом на всей этой территории в последующие эпохи более никогда не повторялся.

Если вопрос о верхней границе времени первоначального заселения Сокотры является решаемым, то получить ответ на другой вопрос – как долго культура олдована могла здесь существовать – мы не можем. В отличие от Северо-Восточной Африки, Аравии и других, близких к острову территорий, на Сокотре – памятники следующих за олдованом эпох каменного века. Теоретически можно допустить, что данная культура на острове на какое-то время могла пережить свою эпоху. Но при постоянно скудных ресурсах, изолированности от мира и ограниченности территории острова люди вряд ли могли обеспечить себе выживание на протяжении десятков и сотен тысяч лет. Сокотрийцы помнят

немало примеров того, когда даже в благополучном двадцатом веке голодовки и эпидемии единовременно уносили значительную часть населения острова.

Таким образом, Сокотра не оправдала свое название «обитель благодати» для первых обитателей острова. Тут мы сталкиваемся с очевидным примером тупикового пути в процессе первоначального расселения человечества по лику Земли и безуспешную (с точки зрения перспективы) попытку освоения древнейшими мигрантами новой территории.

В отличие вышеописанного случая, в палеолитической ойкумене за пределами Африки были районы, которые не только оказались успешно освоенными еще в олдоване, но и сами выступили потом форпостами дальнейшего продвижения человека на просторы Евразии. Сказанное с полным основанием можно отнести к Кавказу. Как уже отмечалось выше, в самом начале 80-х гг. в Закавказье был открыт теперь уже знаменитый памятник олдована – стоянка Дманиси. Однако еще на протяжении четверти века после этого к северу от Главного Кавказского хребта следы памятников подобной древности оставались совершенно неизвестными. Большинством исследователей это воспринималось как показатель заселения Северного Кавказа, Предкавказья и, соответственно, и Юго-Востока Европы на миллион лет позже, чем Закавказья. На Северном Кавказе самые ранние (известные к этому времени) памятники, датировались временем не ранее 600 тыс. л. н., а на юге Восточноевропейской равнины – около 300 тыс л. н.

На этом фоне в 2003 г. по инициативе академика А. П. Деревянко на Северном Кавказе и в Предкавказье были развернуты археологические исследования, нацеленные на выявление и изучение наиболее ранних памятников, материалы которых могли бы иметь не только региональную значимость.

Наиболее результативными поиски были в Дагестане. Здесь на приморской равнине, предгорьях и во внутренних, горных, районах была выявлена группа памятников эоплейстоцена и неоплейстоцена. К настоящему времени среди эоплейстоценовых памятников горного Дагестана наиболее изученными являются стоянки Айникаб 1 и Мухкай 2.

По геолого-геоморфологическому районированию указанные памятники приурочены к полосе среднегорий Внутреннего Дагестана. В орографическом отношении это вытянутая в направлении с ЮВ на СЗ межгорная впадина, окаймленная средневысокими горами. Северная часть района представляет собой характерную для среднегорий платообразную поверхность выравнивания со средними отметками до 1 500 м н. у. м. В центральной части впадины данная поверхность сохранилась в виде водораздела рек Акуша и Усиша. В общей системе ярусности поверхностей выравнивания горного Дагестана этот уровень относится ко второй (сверху) ступени, сформировавшейся ранее верхнеапшеронского времени.

В геологическом отношении изучаемый участок является останцом эоплейстоценового рельефа данного района того времени, когда акушинской котловины в ее современном виде еще не существовало. Представленная ныне участком плато и котловиной, эта территория была частью обширной равнины, приподнятой над уровнем моря примерно на 500–700 м с наклоном в сторону современного Каспийского моря. Тектоническая активность привела в плиоцене и раннем и плейстоцене к относительной орографической изоляции описываемого района и образованию

здесь межгорной впадины. Параллельно с этим шел врез рек Акуша и Усиша. Он сопровождался активной боковой эрозией бортов долин, что постепенно превратило межгорную равнину в водораздельную гряду в его современном виде. В раннем плейстоцене эти процессы имели уже достаточно выраженные проявления.

Материалы культурных слоев изучаемых объектов представлены богатыми и представительными коллекциями каменных изделий, фаунистическими и палеоботаническими остатками и в одном случае, по-видимому, остатками кострища. При многодисциплинарном характере исследований имеющийся состав находок позволяет не просто осветить картину древнейшей культуры изучаемой территории, но показать ее на фоне конкретных ландшафтных реконструкций. Полученные данные имеют прикладное значение для четвертичной геологии, палеозоологии и палеоботаники Северо-Восточного Кавказа в целом.

Археологические материалы стоянок Айникаб I и Мухкай I безупречны со стратиграфической точки зрения и очень выразительны в археологическом отношении. Они позволяют говорить впервые со всей определенностью, что непосредственно на границе Юго-Востока Европы отсчет исторического процесса нужно начинать не с ашельской, а с предшествующей – олдованской – эпохи.

Индустрия олдована исследованных объектов Центрального Дагестана характеризуется следующими основными показателями:

1) близость памятников к выходам кремневого сырья;
2) эпизодическое (?) использование известняка и кварцита в качестве сырья, притом что индустрия базируется на кремне;
3) структурированность инвентаря; категориальная, типологическая и функциональная разнородность орудий, составляющих коллекции;
4) соответствие индустрии определению «технокомплекс чоппера и пика»;
5) очевидное господство в коллекциях чопперов над другими категориями орудий при полном отсутствии рубил; типологическое разнообразие чопперов;
6) примерно равная представленность чопперов односторонних и двусторонних;
7) наличие выразительных поперечно-двулезвийных форм;
8) высокий процент массивных чопперов;
9) содержание в коллекциях «мелкоразмерных» орудий.

Датировки стоянок Айникаб 1 и Мухкай 2 базируются на комплексе разнородных и согласующихся друг с другом данных. Общий историко-геологический взгляд на датировку изучаемого памятника основывается на признании хроностратиграфической значимости таких горных морфоструктур, как поверхности выравнивания. Базальная часть поверхности выравнивания, в которой, как и в ее верхней части содержатся отложения с археологическим материалом, по геологическим данным датируется эоплейстоценом и в его пределах предверхнеапшеронским временем (т. е. ранее 1,2 млн л. н.).

В. М. Трубихиным было проведено палеомагнитное изучение образцов из верхней части разреза стоянки Мухкай 2 в пределах глубин 03–24 м. На глубине 4 м и в промежутке от 8 до 14 м глубины в зоне общей отрицательной

полярности четко выявлено два интервала с положительной намагниченностью. К началу и концу второго из выделенных эпизодов примыкают при этом зоны переходов полярности. Этот факт вместе с большой мощностью отложений, которые демонстрируют здесь указанный тип полярности, служит аргументом для определения данного палеомагнитного эпизода как Харамильо (0,99–1,07 млн л. н.). Дополнительным доказательством этому может служить факт обнаружения упомянутых выше остатков органикостенного фитопланктона выше границы данного эпизода с положительной полярностью. Соответственно, вышележащий уровень положительной полярности должен рассматриваться как Камикатсура (0,85 млн л. н.), так как вся исследуемая толща относится к эоплейстоцену.

Палеомагнитное изучение продолжения рассматриваемого разреза вглубь (от 24 м до 34 м) осуществлялось В. В. Семеновым. Из 28 микроуровней 10-метровой толщи разреза им изучено 57 образцов. В результате этого анализа установлено наличие интервала прямой намагниченности в слое 61 разреза (глубина ок. 27 м от современной дневной поверхности) на фоне обратной полярности как выше, так и ниже этого уровня.

Таким образом, ниже уровня Харамильо в разрезе обнаруживается другой эпизод прямой намагниченности. Пока мы не можем сказать с определенностью о том, с каким из уровней общей палемагнитной шкалы он может быть сопоставлен. Если бы отсутствовали другие корректирующие данные, выбор здесь мог бы быть между эпизодами Кобб-Маунтин, Гилса или Олдувей. Однако, учитывая, что слой 80 разреза рассматриваемого памятника содержит остатки, фауны, датирующейся временем ранее 1,95 млн л. н. (например, грызуны рода *Mimomys*), наиболее вероятным является определение его как олдувейского.

Материалы, претендующие на глубокую древность, обнаружены и в предгорной зоне Дагестана. Речь идет о памятнике Рубас 1 в средней части долины одноименной реки. Согласно традиционным представлениям об исторической геологии плиоцен–плейстоцена данного региона, материалы памятника залегают в отложениях, сформировавшихся во время бакинской трансгрессии. Исследователи памятника допускают возможность датировки этого пункта гораздо более ранним временем – акчагыльским. Раскопки в настоящее время еще продолжаются, и в ходе их возможно получение новых данных, проясняющих этот вопрос.

Нужно отметить, что при всей их важности находки олдована в Центральном Дагестане не являются для Северного Кавказа и Предкавказья исключительными. Детали вопроса об общей абсолютной датировке некоторых из изучаемых пунктов находятся еще в стадии изучения. Однако в обобщенном, стадиальном плане принадлежность к олдовану по крайней мере трех памятников в Приазовье (Богатыри, Родники, Кермек) и одного пункта на Ставропольской возвышенности (Жуковский карьер) не может вызывать сомнений. Из Жуковского происходят единичные кремневые артефакты, обнаруженные в стратиграфическом контексте вместе с остатками раннеплейстоценовой фауны. Что касается приазовских материалов, то они предоставляют полноценные коллекции каменного инвентаря, пригодные для детального типологического и технологического анализа. Сравнительный анализ этих коллекций показывает максимальное сходство их основных показателей как друг с другом, так и с характеристиками

синхронной им в стадиальном отношении индустрии Северо-Восточного Кавказа (Центральный Дагестан).

В настоящее время актуальным становится тщательное типологическое изучение рассматриваемых материалов во всей их полноте. Но этому должна предшествовать детальная публикация коллекций памятников. Активные работы по поиску и изучению памятников олдована, осуществляемые как на российском Кавказе, так и на территории закавказских стран (особенно активно эти работы ведутся в Армении), продолжаются. Они позволят в скором будущем описать характер развития культуры олдована и раннего ашеля в регионе, который всегда играл важную роль в общеисторическом процессе Евразии, а в ходе первоначального расселения человека, как выясняется, служил восточными воротами Европы.

Обобщение всех известных в настоящее время археологических материалов позволяет сделать выводы, которые имеют отношение к проблеме времени начала расселения человека по земной поверхности, направлений и масштаба этих перемещений, а также особенностям отражения этого феномена в развитии культуры эпохи олдована. Основные из этих выводов могут быть сформулированы в следующем виде:

- активное первоначальное расселение человека в сторону Евразии началось не позднее чем около 2 млн л. н. и шло из Северо-Восточной Африки в трех направлениях – южноаравийском, ближневосточном и южносредиземноморском;
- характер первоначального расселения носил не линейный, а дисперсный характер, т. е. это были не ограниченные чем-то и строго направленные перемещения групп людей, а их рассеивание в пространстве;
- в ходе первоначального расселения имели место и безуспешные попытки обретения новой родины. Они заканчивались полным исчезновением отдельных групп первобытного человечества (пример – о. Сокотра);
- после открытия в последние годы памятников на юге России (в Дагестане и Приазовье) долголетний спор между сторонниками короткой и длинной хронологии первоначального заселения Европы можно считать законченным в пользу вторых. Сейчас можно говорить обоснованно, что по крайней мере Юго-Восточная Европа была заселена около 2 млн л. н.
- один из путей первоначального заселения человеком Евразии пролегал вдоль западного побережья Каспийского моря. На значительной части восточноевропейской равнины начало поступательного развития культуры и регионального исторического процесса в целом связано с проникновением сюда первых человеческих коллективов по «прикаспийскому коридору».

Сведения об авторе.

Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва 117036, Россия; Дагестанский научный центр РАН, ул. М. Гаджиева, 45, г. Махачкала 367025, Республика Дагестан, Россия; e-mail: Amirkhanov@rambler.ru.

H. A. Amirkhanov

Archaeological materials from Central Dagestan and the problem of initial human settling

Abstract. The paper considers the present-day state of the problem of initial human settling in Eurasia. General overview of the array of now available archaeological materials brings us to a series of conclusions concerning the time when man had first started settling over the earth surface, the trajectories and scale of these shifts, and the way the discussed phenomenon is reflected in development of the Oldovan culture. A number of conclusions are formulated. 1. Active initial settling of man toward Eurasia had begun not after 2 million years ago from North-eastern Africa by three directions – to South Arabia, the Near East and the South Mediterranean. 2. The process of initial settling took not linear, but dispersed character. 3. The process included unsuccessful attempts of gaining new motherland as well. 4. Recently discovered sites in Southern Russia (Dagestan and the Azov Sea region) have put an end to the long-term controversy between adherents of the short and long chronologies of the initial human settling in Europe in favour of the second one. At present it seems fairly grounded that at least South-eastern Europe was settled around 2 million years ago. One of the routes used by man, when settling over Eurasia led along the western Caspian coast.

Keywords: Oldovan, initial human settling toward Eurasia, Caucasus, Azov Sea region, South-eastern Europe.

About the autor.

Amirkhanov Hizri A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow 117036, Russia; Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, ul. M. Gadzhieva 45, Makhachkala 367025, Republic of Dagestan, Russia; e-mail: Amirkhanov@rambler.ru.

В. Е. Щелинский

ВОЗРАСТ, ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕНОСТИ И КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ЭОПЛЕЙСТОЦЕНОВОЙ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ РОДНИКИ 1 В ЗАПАДНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ*

Резюме. В статье приводятся и интерпретируются данные комплексных исследований эоплейстоценовой раннепалеолитической стоянки Родники 1 (возраст 1,6–1,2 млн л. н.), являющейся одним из опорных археологических памятников древнейшего раннего палеолита Западного Предкавказья и Приазовья. Обосновывается вывод о принадлежности индустрии стоянки к особому таманскому варианту олдована.

Ключевые слова: ранний палеолит, олдован, эоплейстоцен, Западное Предкавказье, Таманский полуостров, стоянка Родники 1, комплексные исследования.

Предисловие

К эоплейстоценовым раннепалеолитическим памятникам Кавказа и прилегающих к нему территорий до недавнего времени относились стоянка Дманиси в Южном Закавказье (*Džaparidze et al.*, 1992) и местонахождение Цимбал на Таманском полуострове в Западном Предкавказье (*Верещагин*, 1957). Оба этих памятника имеют исключительно важное значение, так как они ясно показали, что первоначальное заселение людьми Кавказского региона произошло уже в глубочайшей древности – более 1 млн л. н.

Особенно интересна стоянка Дманиси, содержащая, наряду с архаичной каменной индустрией, разнообразную териофауну и костные остатки древнейших людей. Изучение ее доставило исключительно ценную информацию о начальном этапе развития человека и культуры.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Проект № 1.5 «Олдованские традиции и их развитие в раннем палеолите Южного Приазовья (по материалам стоянок Родники 1 и 4 на Таманском полуострове)».

Эта стоянка находится в Южном Закавказье в горной лесистой местности на юго-востоке Грузии и располагается на высоком мысе, образованном слиянием рек Пинезаури и Машавера, на высоте около 1 000 м над уровнем моря (*Ниорадзе М., Ниорадзе Г.*, 2010).

Стоянка является многослойной. Культуросодержащие слои, общей мощностью до 4 м, залегают на базальтовой лаве и в основном представляют собой отложения речного генезиса. Выделяются два комплекса с культурными остатками: нижний комплекс (LFC), включающий слои VI–III (= TF, B1a, B1b), и верхний комплекс (UFC), к которому отнесен слой II (= B2b). Эти комплексы разделяет 15–20-сантиметровый слой (B1c) без культурных остатков (*Džaparidze et al.*, 1989; *Gabunia et al.*, 1999; 2000; *Jőris*, 2008). Культурные остатки, равно как и кости млекопитающих, на стоянке в большой части переотложены. Только в нижнем комплексе они залегают в более или менее ненарушенном положении, хотя и здесь культурные остатки были отчасти перемещены в результате проседания подстилающего базальта (*Jőris*, 2008).

Нижняя временная граница стоянки точно установлена радиометрической датировкой коренного базальта и вулканического пепла из нижнего комплекса культурных остатков, а также палеомагнитными исследованиями отложений. По этим данным, возраст стоянки составляет 1,7–1,8 млн лет и она относится к концу палеомагнитного эпизода Олдувей (*Schmincke, Bogaard*, 1995; *Gabunia et al.*, 2000; *de Lumley et al.*, 2002; *Jőris*, 2008).

Фауна обоих комплексов культурных остатков соответствует позднему виллафранку, что подтверждает датировку стоянки. Фаунистические остатки указывают на большое разнообразие палеоландшафтов. Однако в целом состав фауны свидетельствует, что в окрестностях стоянки произрастали средиземноморские леса, в которых было много оленей, и вместе с тем были широко распространены открытые степные пространства саванного типа с такими обитателями, как *Mammuthus (Archidiskodon) meridionalis (типичная форма)*, *Equus stenonis*, *E.cf. altideus, Antilopini indet и* другими. Климат был теплым и умеренно влажным (*Gabunia et al.*, 2000; *Lordkipanidze et al.*, 2007; *Bar-Yosef, Belmaker*, 2011; *Kahlke et al.*, 2011).

Особую значимость стоянке Дманиси придают найденные на ней, совместно с костями млекопитающих и каменными изделиями, костные остатки древнейших людей. Как показали исследования, дманисские гоминиды, несмотря на некоторые морфологические особенности, родственны древнейшим гоминидам Африки и принадлежат к группе *Homo habilis – H. ergaster – H. erectus*. Представители этой группы стали, по сути, первыми выходцами из Африки, заселившими некоторые районы южной Евразии почти 2 млн л. н. (*Agusti, Lordkipanidze*, 2011).

Каменная индустрия этой стоянки в обоих комплексах одинакова (*Jőris*, 2008; *Ниорадзе М., Ниорадзе Г.*, 2010). Ее отличительными особенностями являются использование исключительно местного сырья в виде речных галек различных пород, простота орудий и примитивная технология их изготовления. По этим признакам она сопоставляется с наиболее ранними восточноафриканскими индустриями, в частности Олдувайского ущелья в Восточной Африке, и относится к олдовану (*Justus, Nioradze*, 2000; *Gabunia et al.*, 2000; 2001; *Vekua et al.*, 2002).

А де Люмлей с соавторами относит ее к преолдовану (*de Lumley et al.*, 2005; 2009). По мнению О. Йориса, она представляет собой типичную олдованскую индустрию нуклеуса и отщепа с незначительным количеством модифицированных орудий (*Jőris*, 2008).

Местонахождение Цимбал находится значительно севернее Дманиси – в Западном Предкавказье, на Таманском полуострове, у станицы Сенной Краснодарского края. Оно было открыто еще в 1940-е гг. (*Верещагин*, 1957), но до сих пор остается почти неисследованным, поскольку считается не вполне достоверным археологическим памятником (*Любин*, 1970; 1984). Действительно, на этом местонахождении пока не найдены каменные изделия в четких стратиграфических условиях. Однако на нем палеонтологом Н. К. Верещагиным были обнаружены не менее важные и показательные артефакты, свидетельствующие о деятельности первобытных людей, а именно обломки костей млекопитающих с несомненными признаками искусственного раскалывания. Важно то, что эти обломки костей залегали in situ в одном слое с многочисленными и хорошо определимыми костными остатками ископаемых млекопитающих.

Фауну местонахождения (по результатам исследований Н. К. Верещагина) составляют следующие млекопитающие: таманский волк (*Canis tamanensis Ver.*), пантера (*Panthera sp.*), таманский бобр (*Castor tamanensis Ver.*), бобр трогонтерий (*Trogontherum cuvieri Fischer*), таманский слон (*Archidiskodon tamanensis*), кавказский эласмотерий (*Elasmotherium caucasicum Boris*), этрусский носорог (*Rhinoceros cf. etruscus Fals.*), таманская лошадь (*Equus cf. süssenbornensis Wüsti*), таманский кабан (*Sus tamanensis Ver.*), восточносредиземноморский верблюд (*Paracamelus cf. kujalnikensis Khomenko*), сложнорогий олень (*Eucladoceros sp.*), гигантский олень (*Megaceros sp.*), таманский оленелось (*Tamanalces caucasicum Ver.*), олени, ближе не определимые (*Cervidae*), газель (*Gasella sp.*), лесная антилопа (*Tragelaphus sp.*), короткорогий зубр (*Bison cf. schötensacki Freud*).

Все эти таксоны характерны для таманского фаунистического комплекса эоплейстоцена, и, по мнению Н. К. Верещагина, они указывают на теплый климат и почти субтропические природные условия (*Верещагин*, 1957). Вместе с тем изучение микротериофауны свидетельствует скорее об умеренном климате и развитии в окрестностях местонахождения остепненных биотопов (*Тесаков и др.*, 2012).

Поиском каменных изделий на местонахождении Н. К. Верещагин, судя по всему, не занимался. Однако открытием Н. К. Верещагина заинтересовался А. А. Формозов. В 1957 и 1962 гг. ему удалось найти на месте обнажения костеносного слоя два древнепалеолитических изделия: сильно патинизированный и выветрелый отщеп из коричневой окремненной породы и дисковидное изделие, изготовленное из сходного материала (*Формозов*, 1962).

Конечно, о местонахождении Цимбал с археологической точки зрения известно пока немного. Необходимы исследования с целью поиска на нем ненарушенного культуросодержащего слоя. Тем не менее уже сейчас это местонахождение имеет широкую известность и прочно вошло в список древнейших раннепалеолитических памятников Евразии, датируемых в интервале 1,5–0,78 млн л. н. (*Bosinski*, 1996).

За последние 10 лет в Кавказском регионе открыто значительное количество новых раннепалеолитических стоянок, датируемых эоплейстоценом.

На вулканическом Лорийском плато в Армении обнаружены стоянки Карахач и Куртан, имеющие абсолютные датировки. Согласно этим датировкам, наиболее древней является стоянка Карахач. На ней обнаружены только каменные изделия из местного вулканического сырья, залегавшие в вулканическом пепле и в нижележащей пачке пролювиально-делювиальных отложений. Для слоя вулканического пепла получены даты по U/Pb: 1,942 ± 0,046, 1,804 ± 0,030 и 1,750 ± 0,020 млн л. н. (*Presnyakov et al.*, 2012; *Беляева, Любин*, 2013). Для подстилающей пачки отложений также имеется датировка по U/Pb: 1,947 ± 0,0045 млн л. н. (слой 7, содержащий вулканический пепел) (*Беляева, Любин*, 2013). Индустрия из этой пачки отложений интерпретируется как раннеашельская. С культурной атрибуцией находок из слоя вулканического пепла исследователям пока не все ясно (Там же). Хотя и их они склонны считать раннеашельскими (*Беляева*, 2011; *Presnyakov et al.*, 2012).

Стоянка Куртан находится в 30 км от Карахача. Как и Карахач, она была обнаружена при обследовании стенок карьера (*Любин, Беляева*, 2010). Толща отложений, включающая культуросодержащие слои стоянки, имеет мощность 15–20 м и состоит из пачки супесчано-суглинистых отложений с горизонтами почвообразования, слоя пемзового песка и подстилающих эти слои долеритовых базальтов. Выделены 5 литологических слоев. Подстилающий культуросодержащие слои пемзовый песок (слой 5) имеет две U/Pb даты: 1,496 ± 0,021 и 1,495 ± 0,026 млн л. н. и одну 39 Ar / 40 Ar дату 1,432 ± 0,028 млн л. н. (*Беляева*, 2011; *Presnyakov et al.*, 2012). По данным предварительных палеомагнитных исследований, толща отложений на стоянке характеризуется в целом отрицательной полярностью, за исключением слоя 3, имеющего прямую намагниченность, сопоставляемую предположительно с эпизодом Харамильо (*Беляева, Любин*, 2013).

Культурные остатки, преимущественно каменные изделия, обнаружены в слоях 2–4. Сырьем для изделий всех слоев служили местные породы камня – риолит, базальт и некоторые другие вулканические породы. Из приносного сырья (вероятно, андезита) изготовлено лишь ручное рубило из 2 слоя (*Беляева*, 2011). Каменные изделия из этого слоя относятся к среднему ашелю, тогда как археологический материал слоев 3 и 4 считается раннеашельским (Там же). Правда, в более поздней публикации материалы и этих слоев стоянки интерпретируются как среднеашельские (*Беляева, Любин*, 2013).

Эоплейстоценовые стоянки с другими культурными традициями каменной индустрии выявлены Х. А. Амирхановым на Северо-Восточном Кавказе, в горном Дагестане. Эти стоянки (Айникаб I и II, Мухкай I и II, Гегалашур I–III) образуют компактную группу и залегают в одной толще отложений, слагающих верхнюю часть водораздела рек Акуша и Усиша высотой около 1 600 м над уровнем моря (*Амирханов*, 2007). Мощная толща отложений (около 80 м) представляет собой переслаивание бассейновых осадков с аллювиальными гравийно-галечными и валунно-галечными наносами и выделяется в ранге акушинской свиты. Нижняя и верхняя части этой свиты отложений характеризуются обратной полярностью. В средней части ее выявлен горизонт прямой полярности пород,

уверенно интерпретируемый как Харамильо (около 1 млн л. н.). В общем объеме эта свита по совокупности геологических, литолого-минералогических, палеонтологических и палеомагнитных данных коррелируется почти со всем апшероном Каспийского бассейна и датируется в интервале 1,8–0,8 млн л. н. (*Чепалыга и др.*, 2012).

В настоящее время больше изучены многослойные стоянки Айникаб I и Мухкай II. На стоянке Айникаб I фиксируется 13 культуросодержащих слоев, или горизонтов. В самом нижнем из них выявлены остатки кострища (*Амирханов и др.*, 2013). На стоянке Мухкай II зафиксировано 29 культуросодержащих слоев (*Амирханов и др.*, 2012). В одном из них, залегающем in situ на глубине 34 м, наряду с каменными изделиями имеется хорошая фауна крупных млекопитающих, изученная в настоящее время М. В. Саблиным (*Саблин и др.*, 2013). В составе фауны выделены травоядные: лошадь Стенона (*Equus stenonis*), сложнорогий олень (*Eucladoceros senezensis*), антилопы (*Gazellospira torticornis* и *Gallogoral meneghinii*), жираф (*Palaeotragus priasovicus*), южный слон (*Archidiskodon meridionalis*) (по фрагменту бедренной кости) – и представители хищников: саблезубая кошка (*Megantereon cultridens*), гиена (*Pliocrocuta perrieri*), этрусский волк (*Canis etruscus*) и лисица (*Vulpes alopecoides*). Преобладают остатки лошадей и оленей. Данное сообщество указывает в основном на открытые и полуоткрытые ландшафты саванного типа и позволяет предварительно датировать этот культуросодержащий слой в интервале 2,1–1,76 млн л. н. (*Саблин и др.*, 2013). Отмечается сходство фауны Мухкая II с фауной Дманиси, что может свидетельствовать о синхронности этих стоянок (*Амирханов и др.*, 2012).

Публикации археологических материалов дагестанских раннепалеолитических стоянок пока предварительные и отрывочные. По мнению Х. А. Амирханова, индустрии этих стоянок соответствуют показателям технокомплекса чоппера и пика, поскольку и та и другая категории орудий представлены в инвентаре стоянок и определяются как олдованские (*Амирханов*, 2007).

Большой неожиданностью стало открытие новых эоплейстоценовых местонахождений севернее Кавказа – в Предкавказье.

В Центральном Предкавказье таким местонахождением является Жуковское. Памятник расположен на Ставропольской возвышенности, на правом берегу р. Томузловка, около хутора Жуковский на высоте примерно 300 м над уровнем моря. Выявить его позволило обследование Х. А. Амирхановым местного карьера в 1977 г. Изучение местонахождения началось в 2003 г. (*Деревянко и др.*, 2006). В процессе расчистки разреза найдено всего несколько изделий из кремня, вероятно нуклеус из гальки, остроконечное прокалывающее орудие и чешуйка. Обнаружены они в галечно-гравийных прослоях пачки 7 (*Derevyanko et al.*, 2010; *Agadjanian, Shunkov*, 2010). Выше по разрезу в пачке 6 в результате промывки песчаных отложений были выявлены костные остатки мелких млекопитающих, относящихся к 13 таксонам. Важное биостратиграфическое значение имеют насекомоядные и грызуны. Среди насекомоядных доминирует крот (*Talpa minor*), представлены также землеройки *Blarinoides* и *Drepanosorex*, характерные на Русской равнине для интервала среднего-позднего плиоцена (*Derevyanko et al.*, 2010). Наиболее показательны грызуны, от-

носящиеся к корнезубым полевкам родов *Promimomys* и *Mimomys*. Отсутствие в составе этой фауны некорнезубых полевок позволяет установить ее верхний возрастной предел на уровне палеомагнитного эпизода Олдувей. Соответственно, возраст археологических находок местонахождения оценивается приблизительно в 2 млн лет (*Derevyanko et al.*, 2010; *Agadjanian, Shunkov*, 2010). Надо, однако, подчеркнуть, что археологический материал местонахождения пока очень мал и непредставителен.

Важные стратифицированные стоянки эоплейстоценового возраста открыты в 2002–2008 гг. в Западном Предкавказье (Богатыри / Синяя Балка, Родники 1–4 и Кермек). Эти стоянки сосредоточены на северном (азовском) берегу Таманского полуострова (рис. 1; цв. илл. I) и, как в горном Дагестане, располагаются поблизости одна от другой, образуя компактную группу (*Щелинский*, 2010). Исследование их фактически только начато. Однако уже сейчас не вызывает сомнений, что они имеют эоплейстоценовый возраст и тем самым принадлежат к начальной поре раннего палеолита. Каменные индустрии стоянок неашельские (доашельские) и выглядят более развитыми по сравнению с олдованской (преолдованской) индустрией стоянки Дманиси в Южном Закавказье. При этом, судя по биостратиграфическим и палеомагнитным данным, стоянки являются

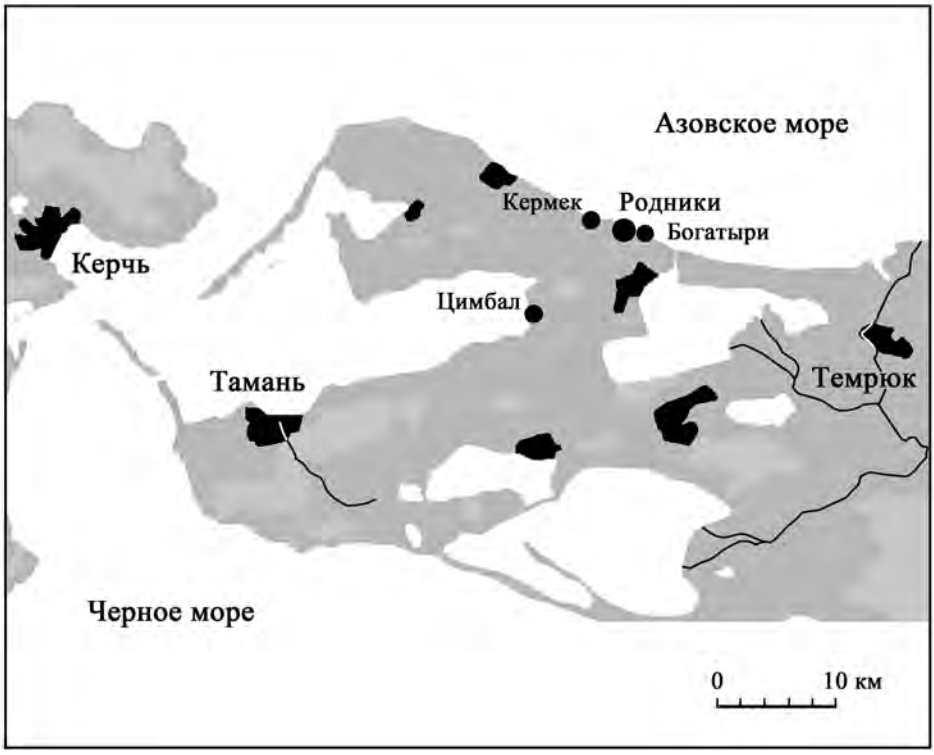

Рис. 1. Расположение раннепалеолитической стоянки Родники 1 на Таманском полуострове

разновременными и относятся к разным этапам эоплейстоцена, охватывая хронологический интервал 2,1–1,2 млн л. н. (*Shchelinsky, Dodonov et al.*, 2010; *Shchelinsky et al.*, 2010). Это весьма существенное обстоятельство, так как появляется возможность исследовать динамику развития культуры и природной среды на начальном этапе развития человеческого общества в конкретном географическом регионе на Юге России.

Открытие и начавшиеся исследования новых эоплейстоценовых стоянок во многом меняют наши представления о характере развития культуры в раннем палеолите Кавказа и Предкавказья. Однако сдерживает исследования отрывочность публикаций новых материалов. Предлагаемая статья призвана отчасти восполнить этот пробел. В ней публикуются и интерпретируются некоторые данные об эоплейстоценовой стоянке Родники 1, являющейся одним из опорных местонахождений древнейшего раннего палеолита Западного Предкавказья и Приазовья.

Геологические условия залегания, возраст и палеогеографическое окружение стоянки Родники 1

Стоянка Родники 1 располагается на Азовском побережье Таманского полуострова, в 25 км к западу от г. Темрюка и в 500 м к северу от пос. За Родину Темрюкского района Краснодарского края (координаты: 45° 21′ 408″ с. ш., 37° 06′ 317″ в. д.). Она находится всего в нескольких десятках метрах к западу от стоянки Богатыри / Синяя Балка (цв. илл. I). Однако, в отличие от нее, сохранилась in situ и залегает в ясных геологических условиях.

Открыта она была в 2004 г. В. Е. Щелинским при участии С. А. Кулакова и В. В. Цыбрия.

Стоянка располагается на склоне морского берега, сильно разрушенного оползнями, захватившими и часть стоянки. В некоторых местах в момент открытия стоянки можно было видеть оползшие вниз по склону крупные блоки отложений, содержащие культуросодержащий слой. Выше по склону культуросодержащий слой перекрыт более чем 10-метровой толщей отложений. Поэтому площадь стоянки установить невозможно. С западной стороны к ней примыкает стоянка Родники 2, а с северной – стоянка Родники 3.

Полевые исследования стоянки были проведены с помощью расчистки 2004 г., раскопа 2005 г., раскопа 1 2007 г. и раскопа 2 2007–2009 гг.

Раскоп 2 был основным. Он был поставлен за пределами оползневой зоны в верхней части берегового склона – на высоте около 30 м над уровнем моря. Полный стратиграфический разрез был получен в 2008 г. на южной стенке раскопа, в котором зафиксированы следующие отложения (сверху вниз):

Мощность, м

1. Гумусированный слой современной почвы. Суглинок темно-серый песчанистый, с корнями растений и кротовинами, заполненными серым и желтым песком. Переход к нижележащему слою постепенный..... 0,08–0,1
2. Песок неоднородный, рыхлый, серый и желтый, пронизан кротовинами (делювий). Нижний контакт очень неровный, с глубокими эрозионными карманами, мощность неравномерная..... 0,45–1,0
3. Песок плотный, ненарушенный, желто-серый, косо- и горизонтально слоистый («зеброидный»), состоит из чередующихся разноокрашенных прослоек, местами с кротовинами. Переход к нижележащему слою отчетливый, неровный..... 0,6–2,95

В восточном и северном направлении слой становится тоньше из-за размыва его в древности склоновыми процессами.

4. Галечник рыхлый, слабоокатанный, с глыбами до 20–25 см в поперечнике, многочисленными окатышами зеленовато-серой и желтовато-коричневой глины и серым песчано-гравийным заполнителем. Обломочный материал представлен исключительно доломитами. Обломки выветрелые, часто ломкие. Переход к нижележащему слою четкий лишь в западной части стенки (кв. 94–95/55). Восточнее этих квадратов контакт с нижележащим слоем менее отчетливый..... 0,1–0,25
5. Гравий плотный, ожелезненный, слабоокатанный, с серо-коричневым песком, мелкими окатышами серой глины и тонкими прослойками светло-серого алеврита. Гравийные зерна из доломита выветрелые и ломкие. Слой прослеживается в западной части стенки (кв. 94–95/55), в восточном направлении выклинивается. Контакт с нижележащим слоем отчетливый..... 0,1–0,3
6. Галечник рыхлый, слабоокатанный, слоистый, от мелкого (2–3 см) до крупного (10–15 см), с валунчиками и глыбами доломитов до 30–35 см в поперечнике, окатышами серой глины и серым песчано-гравийным заполнителем. Местами содержит мелкие линзы желтовато-серого и светло-серого песка. В западной части разреза (квадраты 94–95/55) постепенно выклинивается и замещается желто-серым песком. Обломочный материал представлен доломитами, обломки выветрелые и ломкие. В нижней части слоя, особенно на контакте с нижележащим слоем, встречаются фрагменты раковин дрейссен и унионид. Аналогичен галечнику слоя 4. Слой залегает на неровной поверхности темно-серой грязевулканической глины, наклоненной под значительным углом на юго-запад..... 0,4–0,45

В представленном разрезе, типичном для стоянки, выделяются три генетически различных пачки отложений. Верхняя пачка представлена делювиальными отложениями со слабо развитой современной почвой (литологические слои 1 и 2). Ниже следует толща желтых и желто-серых («зеброидный») слоистых прибрежно-морских песков (литологический слой 3), перекрывающая базальную пачку субаквальных отложений (литологические слои 4–6), состоящую из двух маломощных слоев слабоокатанных галечников, разделенных слоем гравия. (5 слой). Надо сказать, что этот слой гравия прослеживался только на нескольких квадратах вблизи южной и западной стенок раскопа. На большей же части раскопа он отсутствовал, и галечники слоев 4 и 6 сливались в один нерасчленимый слой. Слои базальной пачки, несомненно, представляют собой пляжевые отложения, сформировавшиеся на берегу опресненного и, вероятно, сравнительно мелководного морского бассейна или лимана.

Культурные остатки стоянки связаны как раз с этой базальной пачкой отложений и залегают главным образом в самом нижнем слое галечника, подстилаемом грязевулканической глиной.

Возраст стоянки определятся позицией ее в стратиграфической шкале эоплейстоцена и биостратиграфическими данными. Показательно, что культуросодержащий слой стоянки залегает под мощной толщей прибрежно-морских песков, сопоставляемых А. Е. Додоновым и А. С. Тесаковым с апшеронской трансгрессией Понто-Каспийского бассейна, относящейся к эоплейстоцену (*Shchelinsky, Dodonov et al.*, 2010; *Shchelinsky et al.*, 2010). Этот факт определенно указывает на то, что возраст стоянки составляет не менее 1 млн лет. Костные остатки крупных млекопитающих на стоянке малочисленны и в основном фрагментарны. По мнению В. С. Байгушевой и В. В. Титова, их недостаточно для сколько-нибудь существенных выводов. Основная часть остеологических находок представлена небольшими неопределимыми фрагментами трубчатых костей, эпифизов (суставных головок), ребер и, возможно, позвонков. Среди более или менее определимых костей установлены остатки хищника (довольно крупного медведя *Ursus*?), хоботных (слонов?), мелких оленеобразных типа косули *Capreolus sp.* Ясно лишь то, что данный комплекс животных существовал в плейстоцене и в условиях лесостепи.

Однако в культуросодержащем слое стоянки обнаружена многочисленная и более информативная фауна мелких млекопитающих, позволяющая уточнить и конкретизировать возраст стоянки. Эта фауна включает *Allophaiomys cf. pliocaenicus*, *Lagurodon arankae*, *Mimomys cf. savini*, *M. cf. pusillus*, *Mimomys sp.*, *Borsodia sp.*, *Ellobius sp.* и *Allocricetus cf. ehiki.* Данные таксоны характерны для таманского фаунистического комплекса. При этом, учитывая эволюционный уровень выявленного *Allophaiomys*, возраст стоянки может быть уверенно определен в интервале 1,6–1,2 млн л. н. (*Додонов и др.*, 2008; *Shchelinsky, Dodonov, et al.*, 2010; *Титов и др.*, 2012).

Поскольку микротериофауна стоянки принадлежит таманскому фаунистическому комплексу, развивавшемуся в условиях лесостепных и степных ландшафтов (*Додонов и др.*, 2007; *Тесаков и др.*, 2012; *Kahlke et al.*, 2011), можно предполагать, что стоянка существовала в окружении подобных ландшафтов. Это подтверждают и результаты палинологического анализа базальной пачки

отложений стоянки. В спектрах из этих отложений преобладает пыльца *Pinus*, *Ulmus*, *Juglans cinerea*, *Carya*, *Pterocarya* и *Chenopodiaceae.* Травянистая группа разнообразна и содержит пыльцу *Artemisia*, *Asteraceae*, *Salsola*, *Brassicaceae*, *Plumbaginaceae*, *Polygonaceae*, *Thalictrum* и *Fabaceae.* Эти спектры указывают на широкое распространение лесостепных ландшафтов, представляющих собой сочетание смешанных лесов и лугово-степной растительности (*Simakova*, 2009).

Характеристика культуросодержащего слоя и функциональные особенности стоянки

Культуросодержащий слой стоянки на раскопанной площади имел разную сохранность. В расчистке 2004 г., раскопе 2005 г. и раскопе 1 2007 г., располагавшихся в пониженной части берегового склона, он был зафиксирован в оползневых блоках, сползших вниз по склону, и находился в нарушенном и переотложенном состоянии. Однако культурные остатки в слое оставались гомогенными и не содержали каких-либо примесей. Ненарушенный культуросодержащий слой был выявлен в раскопе 2 и исследован в нем на площади 36 кв. м.

Культуросодержащим слоем стоянки, как отмечалось, является слоистый и слабоокатанный галечник, залегающий в основании толщи прибрежно-морских песков на поверхности вулканической темно-серой глины. Галечник этот местами разделен на две части слоем или линзой гравия. Общая мощность культуросодержащего слоя составляет около 80 см. Анализ состава и структуры этого слоя показывает, что он имеет субаквальное происхождение и сформировался в пляжевой зоне берега моря в условиях сравнительно невысокой активности прибойных потоков. На это указывают косая слоистость линз и прослоек гравия и песка, наличие в слое многочисленных глиняных окатышей, обломков раковин водных моллюсков, а также слабая окатанность обломочного материала. Обращает на себя внимание плохая сортированность и обилие грубообломочного материала в слое, безусловно, местного происхождения. Этот материал поступал на пляж с берегового обрыва и грязевулканических глин, подстилающих культуросодержащий слой.

Культурные остатки и обломки костей млекопитающих залегали в рыхлом песчано-гравийном заполнителе галечника среди крупного и мелкого обломочного материала, а также в линзах и прослойках песка и гравия. При этом распределялись они в слое и на площади раскопа неравномерно. В верхней части слоя (литологический слой 4) находки были единичными, а в слое гравия (литологический слой 5) они отсутствовали. Основная масса культурных остатков связана с нижней частью слоя, отвечающей 6 литологическому слою разреза. Но и здесь концентрация находок была неодинаковой. Вверху (1 раскопочный горизонт) они залегали в рассеянном виде по 1–3 предмета на 1 кв. м и редко располагались на одном уровне; разница их нивелировочных отметок составляла от 3–5 до 15–20 см. Большинство археологического материала было сосредоточено в нижней половине слоя (2 раскопочный горизонт), где местами

в основании слоя четко прослеживался горизонт находок толщиной 15–20 см. При этом часто культурные остатки были как бы втоптаны в подстилающую слой темно-серую глину. В этом горизонте количество находок на 1 кв. м составляло 5–10 предметов, а на отдельных квадратах – до 30–40 предметов. Причем на этих наиболее насыщенных находками квадратах, наряду с крупными орудиями, обнаружено много мелких отщепов. Очевидно, это были те места, где интенсивно обрабатывались и, возможно, использовались орудия. Вместе с тем на некоторых квадратах находки совсем отсутствовали. В целом прослеживалось увеличение археологического материала в северной части раскопа, примыкавшей к оползневой зоне берегового склона. В связи с этим складывается впечатление, что наиболее обитаемая часть стоянки могла быть разрушена современными оползневыми процессами.

Культурные остатки в культуросодержащем слое представлены преимущественно каменными изделиями, обломки костей малочисленны. При этом изделия не имеют признаков какой-либо сортировки и их состав свидетельствует о том, что на стоянке осуществлялся полный цикл изготовления орудий – от первичного расщепления камня и получения заготовок до оформления орудий вторичной обработкой. Однако, как было отмечено, изделия распределяются в слое в основном в рассеянном виде, хотя прослежены и небольшие концентрации обработанного материала. Безусловно, залегание культурных остатков в пляжевых наносах не могло не приводить к их некоторому перемещению. В условиях периодически обводнявшегося пляжа это было неизбежно. Вместе с тем обнаруженные в слое каменные изделия на удивление в большинстве своем не имеют следов окатанности и прекрасно сохранились. Это однозначно свидетельствует о том, что перемещение их прибойными потоками было незначительным. Поэтому ясно, что основной причиной рассредоточенности и относительной малочисленности культурных остатков на стоянке являются не естественные процессы, а особенности деятельности людей и прежде всего кратковременный характер этой деятельности. Стоянка раннепалеолитических людей располагалась на пляже мелководного опресненного бассейна, каковым могла быть морская лагуна. На сильно опресненный характер бассейна указывают обломки раковин дрейссен, встречающиеся в слое вместе с культурными остатками.

Каменная индустрия стоянки

Коллекция каменных изделий стоянки достаточно представительна как в количественном отношении, так и в плане состава технико-типологических категорий. Она состоит из 710 изделий и включает в себя все основные технологические группы инвентаря – нуклеусы, заготовки (отщепы и обломки отдельностей сырья) и орудия (рис. 2–6; цв. илл. II).

Исследование индустрии стоянки пока не закончено. Но уже сейчас можно указать на ее характерные признаки.

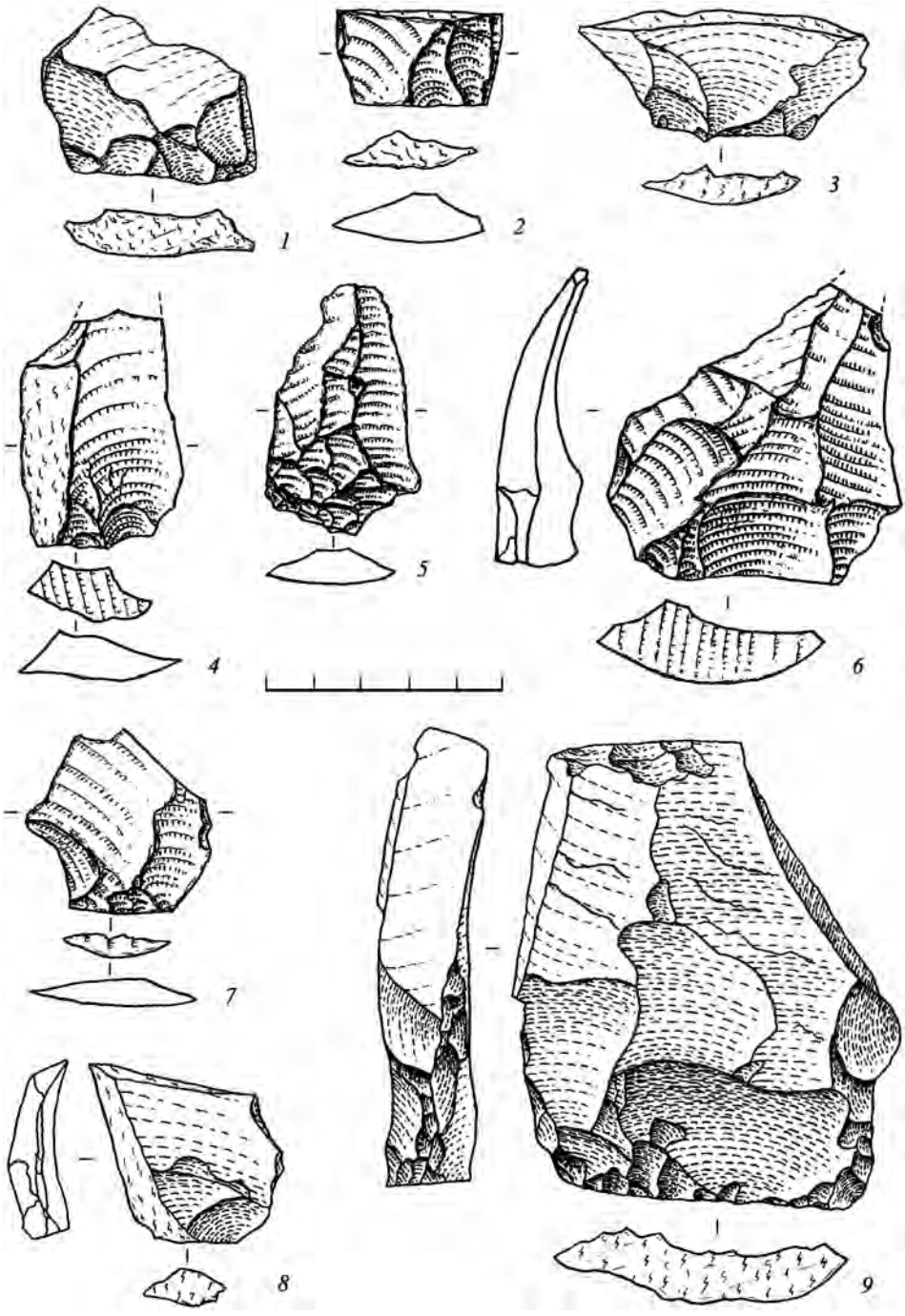

Рис. 2. Стоянка Родники 1. Изделия из окварцованного доломита

1–8 – отщепы; *9* – отщеп с частичной обработкой

Исходное сырье

Исходным сырьем индустрии служил местный твердый окварцованный доломит, имевший по большей части форму плитчатых отдельностей и их обломков разных размеров. Использовавшийся доломит часто тонкослоистый и содержит мелкие белесые червячковидные карбонатные включения. Коренные выходы этих доломитов на Таманском полуострове отсутствуют. Это сырье собиралось в округе стоянки в обнажениях грязевулканических отложений, содержащих его в большом количестве, и отчасти на пляже на месте стоянки. Об этом свидетельствует весьма небольшое количество окатанных исходных отдельностей сырья, использованных для расщепления и изготовления орудий. Следы окатанности исходных отдельностей сырья зафиксированы лишь на 32 (4,5 %) изделиях. При этом 89,7 % изделий изготовлено из однородной мелкозернистой разновидности доломита. Гораздо реже использовался менее качественный крупнозернистый и слоистый неоднородный доломит. Эти данные указывают на преднамеренный отбор наиболее качественного сырья. Недоломитовое сырье представлено одним-единственным мелким отщепом из черного лидита, явно неместного происхождения. Отшеп был сколот с гальки.

Сохранность изделий

Как отмечалось, культуросодержащий слой стоянки представляет собой субаквальные отложения, сформировавшиеся в пляжевой зоне берега моря. И, казалось бы, залегающие в них каменные изделия должны были быть окатанными. Однако таких изделий с более или менее выраженными признаками сглаженности поверхности водой в коллекции совсем немного (85 экз., 12 %). В большинстве своем изделия неокатанные и не утратили острые края. Это указывает на то, что изделия, брошенные на пляже, практически не перемещались водой и были быстро «запечатаны» наносами. Вместе с тем они подверглись химическому выветриванию (выщелачиванию), преобразовавшему первоначальную структуру исходной породы камня. На поверхности изделий нередко можно наблюдать мелкие и микроскопические трещинки от выщелачивания и усыхания доломита. Изделия имеют коричневую, светло-коричневую, коричневато-серую и белесую с различными оттенками патину, варьирующую в зависимости от структуры и плотности (степени окварцованности) исходного доломитового сырья, а также от условий залегания изделий. Например, патина изделий, находившихся в песке, чаще коричневая или светло-коричневая, тогда как на изделиях, залегавших в основании культуросодержащего слоя на глинах, она обычно коричневато-серая с теми или иными оттенками. Микрорельеф поверхности большинства изделий слегка сглаженный, и по этой причине на них почти не сохранились микроследы изношенности от использования в работе. Однако макропризнаки износа зафиксированы на ряде орудий.

Соотношение основных групп изделий

Соотношение основных групп изделий выглядит следующим образом:

Нуклеусы	36 экз.
Отщепы и искусственные обломки первичного сырья	292 экз.
Модифицированные орудия	377 экз.
Отбойники	5 экз.
Всего	710 экз.

Наличие этих групп изделий ясно показывает, что на стоянке осуществлялся полный цикл изготовления орудий – от первичного расщепления камня, до оформления орудий вторичной обработкой.

Изделия индустрии в основном крупные (5 см и больше). Таких изделий больше половины (375 экз., 52,8 %). Остальные изделия мелкие (335 экз., 47,2 %). Длина их меньше 5 см.

Продукты и технология первичной обработки камня

Продуктами первичной обработки камня, использовавшимися как орудия и служившими в качестве заготовок для модифицированных орудий, являются отщепы, изготовленные расщеплением нуклеусов, а также искусственные обломки, полученные намеренным раскалыванием исходных плитчатых отдельностей сырья. При этом получение обломков играло не менее важную роль, чем изготовление отщепов. Это хорошо видно по тому, что именно из искусственных обломков доломита на стоянке изготовлена почти половина (49 %) орудий и большая часть нуклеусов.

Процесс получения обломков-заготовок мог быть приблизительно таким. Первоначально раскалывались относительно крупные отдельности сырья. Затем отбирались подходящие обломки. Плоскости раскалывания на этих обломках по сохранности ничем не отличаются от негативов их последующей обработки. Применение этого способа изготовления заготовок было связано не только с необходимостью выбора «неотщеповых» заготовок нужного размера, но и с отбором наиболее качественного сырья. Дело в том, что качественное сырье, отличающееся высокой плотностью, отсутствием пористости и мелкозернистой структурой, и сырье менее качественное, имеющее меньшую плотность, пористость и крупнозернистую структуру, обычно включены в одни и те же плитчатые отдельности доломита. Раскалывание плитчатых отдельностей позволяло отобрать лучшее сырье.

Весьма значительную часть инвентаря стоянки составляют отщепы. Только необработанных отщепов – 283 экз. Кроме того, 124 отщепа были использованы в качестве заготовок для орудий с вторичной обработкой. Таким образом, больше половины изделий на стоянке (57,3 %) составляют именно необработанные и обработанные отщепы. Разумеется, далеко не все отщепы были целью расщепления. Часть из них, очевидно, является техническими сколами,

своего рода отходами от изготовления орудий путем оббивки, хотя четко отделить их не всегда представляется возможным. Однако, судя по морфологическим признакам отщепов, намеренное изготовление многих из них не вызывает сомнений.

На наличие в индустрии стоянки устойчивой практики намеренного изготовления отщепов указывают и нуклеусы, представленные в довольно большом количестве (36 экз.).

Нуклеусы архаичные. Они практически не подготовлены к расщеплению и слабо сработанны. По сути, это простые обломки плит и плиток доломита с негативами от 1 до нескольких сколов. Ударная площадка у них обычно необработанная и представляет собой поверхность плитчатой отдельности доломита, покрытую выветрелой коркой. Иногда на этих нуклеусах имеются 2–3 участка расщепления, не связанные между собой. Отдельные нуклеусы можно определить как многогранники.

Отщепы также имеют ряд признаков архаичной технологии расщепления камня (рис. 2, *1–9*). Большинство целых экземпляров (255 экз., 70 %) (с учетом отщепов, превращенных в орудия) имеет длину от 1 до 5 см. Они определяются как мелкие изделия. При этом несколько меньше половины из них (105 экз.) являются мельчайшими отщепами длиной 1–3 см. Фрагменты отщепов составляют 10,3 %.

По признакам огранки спинки отщепы (за исключением фрагментов и мельчайших отщепов) разделяются на 6 групп:

– первичные (спинка полностью покрыта коркой)	84 экз.
– полупервичные (спинка приблизительно наполовину покрыта коркой)	80 экз.
– с негативом одного крупного скола на спинке	16 экз.
– с параллельной и конвергентной огранкой спинки	31 экз.
– с параллельной встречной огранкой спинки	7 экз.
– с разнонаправленной огранкой спинки	42 экз.
Всего	260 экз.

По форме различаются отщепы (без учета первичных):

– треугольные	3 экз.
– подтреугольные	15 экз.
– подчетырехугольные	86 экз.
– овальные	11экз.
– округлые	2 экз.
– удлиненный	1 экз.
– бесформенные	58 экз.
Всего	176 экз.

Значительная часть отщепов (50 экз.) имеет укороченные пропорции, т. е. ширина этих отщепов больше их длины.

Следует также отметить, что на многих отщепах (48 экз.) хорошо выражены признаки скалывания от края плитки. Речь идет об отщепах с сохранившимися участками обеих поверхностей расщепляемой или обрабатываемой плитки. Одна сторона плитки фиксируется на ударной площадке отщепа, покрытой плитчатой коркой. Другая сторона плитки сохраняется в виде вертикальной или скошенной плоскости с корочным покрытием на дистальном крае отщепа. Такие отщепы, как правило, имеют подчетырехугольную форму и укороченные пропорции (рис. 2, *2, 3, 8*).

Показательна ударная площадка, сохранившаяся на 246 крупных и мелких отщепах. На подавляющем большинстве отщепов (205 экз., или 83,3 %) она лишена каких-либо признаков обработки и представляет собой остаток поверхности плитки, покрытой выветрелой коркой. При этом примерно в равных долях представлены отщепы с прямой и скошенной необработанной ударной площадкой. Вместе с тем имеются в небольшом количестве отщепы (31 экз., 12,6 %) с гладкой (прямой и скошенной) ударной площадкой и единичные отщепы с двугранной (3 экз.), частично фасетированной (1 экз.) и точечной (1 экз.) ударной площадкой.

Описанные отщепы ясно показывают, что весьма часто они изготавливались специально. И это было целенаправленное изготовление отщепов более или менее правильной формы. Однако большое количество среди них первичных, полупервичных и бесформенных отщепов, а также превалирование сколов с неподготовленой «корочной» ударной площадкой наглядно демонстрирует довольно низкий уровень технологии первичного расщепления камня в индустрии стоянки.

Вместе с тем это не препятствовало изготовлению различных сколов, предназначенных для разных целей.

В этой связи весьма интересны представленные в индустрии стоянки, без сомнения, намеренно изготовленные особо крупные отщепы размером более 10 см. Такие отщепы откалывали от крупных глыб доломита, вероятно, за пределами стоянки. Эти отщепы были заготовками для макроорудий, но использовались также как специализированные орудия. В инвентаре стоянки имеется 12 особо крупных отщепов. Размеры их варьируют от 10,4 см до 16,5 см. Только 2 из них не имеют вторичной обработки. Другие отщепы этой категории превращены в орудия. Из них изготовлены, в частности, 2 чоппера, 1 массивное скребло, 1 пик, 1 кливер, 1 массивное остроконечное орудие и 4 орудия, описываемые как отщепы с частичной обработкой.

Имеются в инвентаре стоянки и отбойники. Их 5 экз. 2 орудия из доломита в виде гальки (длина 7,4 см) и искусственного обломка породы (длина 9 см). Отбойник из обломка доломита сильно изношен. 3 других отбойника представляют собой гальки кварца (длина 6 см), серой окремненной породы (длина 5,8 см) и зеленовато-серой кристаллической породы (сохранился обломок длиной 4,2 см). Износ этих отбойников весьма слабый. Обращает на себя внимание, что гальки из недоломитовых пород, использованные в качестве отбойников, имеют, по-видимому, неместное происхождение.

Состав модифицированных орудий

Эти орудия, отличающиеся от отщепов и искусственных обломков наличием вторичной обработки и созданной нередко довольно сложной формой, являются самой многочисленной группой изделий в индустрии стоянки. Всего таких орудий 377 экз. (53,1 % всего инвентаря). При этом 251 орудие изготовлено из обломков доломита (66,6 %) (188 – из искусственных, 46 – из естественных, 17 – из неопределимых обломков) и 124 – из отщепов (32,9 %). Тип заготовок 2 орудий неопределим. Подавляющее большинство орудий крупные (5–10 см) и особо крупные (крупнее 10 см) (всего 74,4 %). Мелких (меньше 5 см) и мельчайших (меньше 3 см) орудий – 25,6 %.

Орудия удивительно разнообразны и многие из них представлены выразительными, законченными формами. Несмотря на малочисленность в отдельных подразделениях и наличие переходных форм, они четко разделяются на ряд технико-типологических категорий. Выделяются:

– чопперы	35 экз.
– пики	12 экз.
– скребла	57 экз.
– нуклевидные скребки	4 экз.
– скребки	10 экз.
– толстые острия	11 экз.
– клювовидные орудия	15 экз.
– ножи	4 экз.
– частичные бифасы	2 экз.
– проколки	3 экз.
– орудия с шипом	5 экз.
– зубчатые орудия	9 экз.
– выемчатые орудия	18 экз.
– клиновидное орудие	1 экз.
– долотовидное орудие	1 экз.
– резцы	2 экз.
– кливер	1 экз.
– сфероид	1 экз.
– обломки плитчатых отдельностей доломита с частичной обработкой	103 экз.
– отщепы с частичной обработкой	81 экз.
– фрагменты неопределимых орудий	2 экз.
Всего	377 экз.

Как видно по составу орудий, индустрия стоянки типично раннепалеолитическая. Наиболее многочисленными в ней являются простые орудия, такие как обломки плитчатых отдельностей доломита с частичной обработкой и частично обработанные отщепы (рис. 2, *9*). Они составляют 48,8 % всех модифицированных орудий.

Вместе с тем индустрия содержит немало более сложных форм орудий. В ней хорошо представлены чопперы, хотя пропорция этих орудий среди других орудий невелика (9,3 %). Чопперы разных размеров, преимущественно односторонние, с различной конфигурацией рабочего лезвия (рис. 3, *1, 2*; цв. илл. II, *1–3*). При этом угол заострения лезвия колеблется от почти прямого до 50–60º.

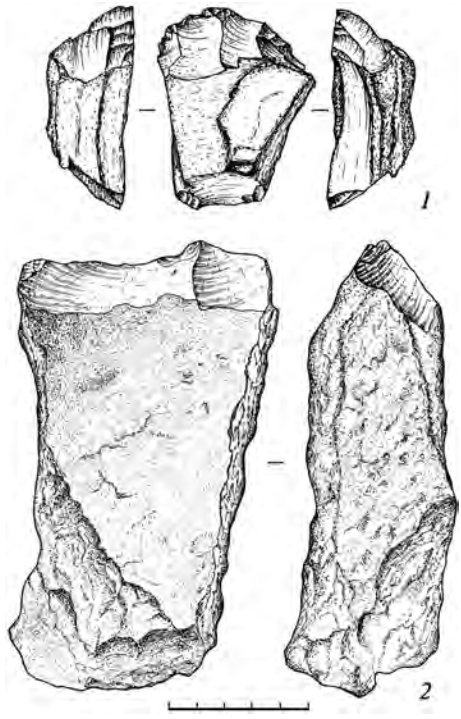

Рис. 3. Стоянка Родники 1. Чопперы из окварцованного доломита (*1, 2*)

Имеются пики. Они вариативны. Однако четко различаются две морфологических группы этих орудий: пики с хорошо выраженной пяткой (изготовление их требовало специального отбора соответствующих заготовок) и пики, у которых рукояточная часть практически ничем не выделяется на корпусе орудия. Тех и других пиков по 6 экз. Обращает на себя внимание неоднородность пиков первой группы. Среди них представлены орудия с разной формой рабочего конца, что, несомненно, указывает на некоторые различия орудий в функциональном отношении. Имеются орудия с заостренным, долотовидным, скребковидным и клиновидным рабочим концом. Учитывая наличие у этих орудий пятки, можно предполагать, что они служили главным образом для ударно-пробивающей и раскалывающей функции. Пики второй морфологической группы могли иметь другое функциональное назначение. Эти орудия все остроконечные, и очевидно, что в основном они выполняли функцию ножей (*Щелинский*, 2013а).

Весьма характерны для индустрии многочисленные разнотипные крупные массивные и мелкие скребла, в составе которых имеются хорошо оформленные изделия (рис. 4, *1–5*). Например, скребла, изготовленные из обломков плиток доломита, обычно широкие и имеют оббитые боковые края и аккомодационную пятку (рис. 4, *4, 5*). Некоторые массивные скребла высокой формы сходны с чопперами, однако их лезвия оббиты более интенсивно мелкими сколами. Среди скребел из отщепов нередки поперечные экземпляры.

К скреблам примыкают довольно выразительные скребки (рис. 6, *3*) и нуклевидные скребки.

Устойчивыми сериями представлены толстые острия (рис. 6, *4*) и разнообразные клювовидные орудия (рис. 6, *1*), изготовленные как из обломков плитчатых отдельностей доломита, так и из отщепов.

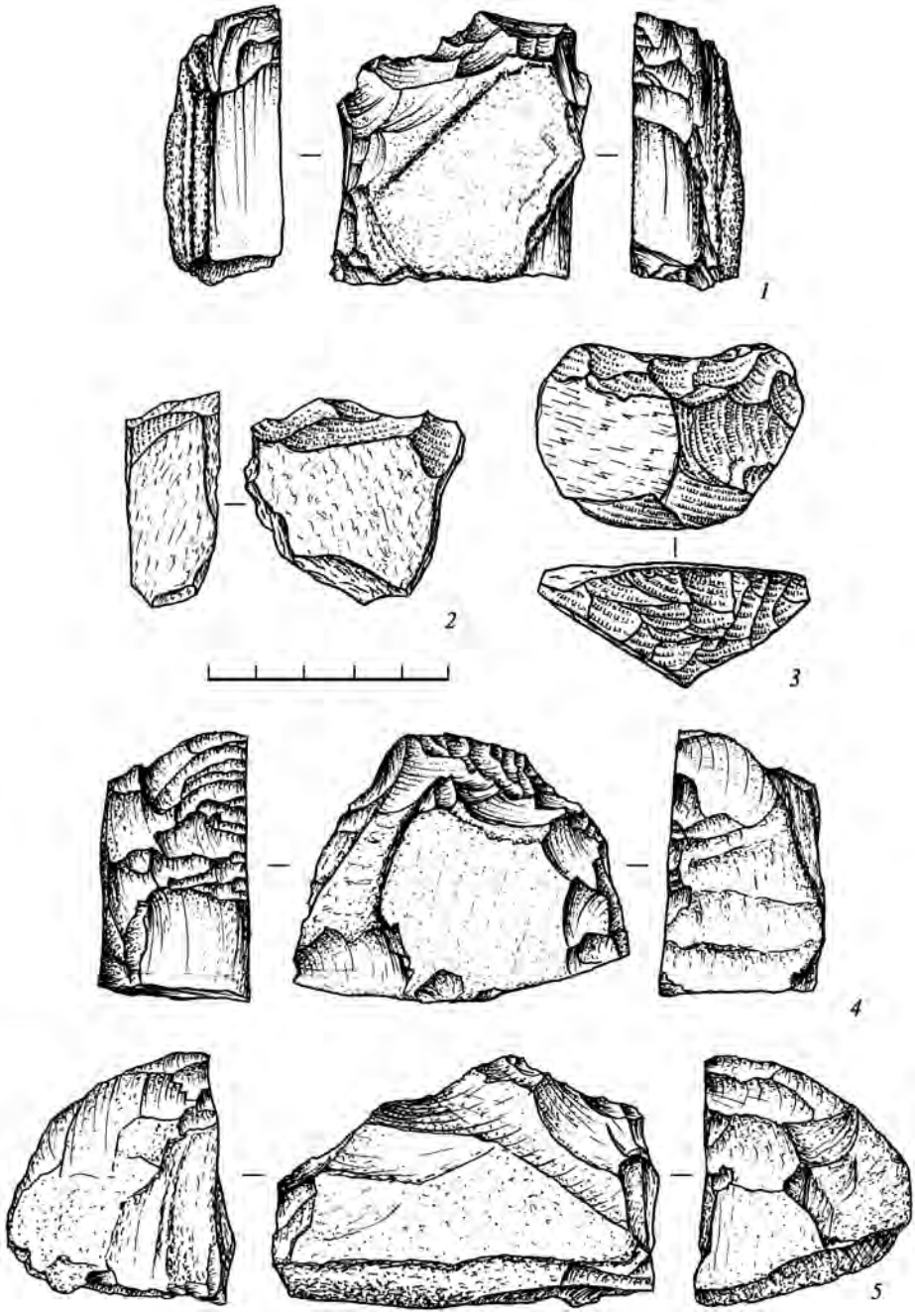

Рис. 4. Стоянка Родники 1.
Скрёбла из обломков плитчатых отдельностей окварцованного доломита (*1–5*)

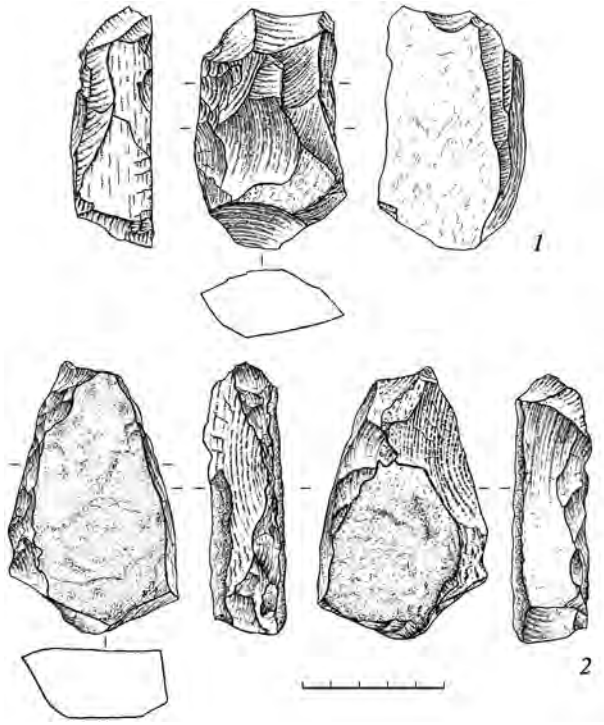

Рис. 5. Стоянка Родники 1.
Ножи из обломков плитчатых отдельностей окварцованного доломита (*1, 2*)

Интересны орудия и других категорий, также придающие оригинальный облик индустрии стоянки. В основном это единичные орудия. Несмотря на это, они четко выражены, имеют выработанные формы и явно неслучайны в наборе орудий. Отмечу, например, ножи (4 экз.). Различительными признаками этих орудий являются длинное обработанное лезвие, противолежащий ему и в той или иной степени обработанный обушок и широкое острие, образованное схождением обушка и лезвия на дистальном конце орудия (рис. 5, *1, 2*). Орудия крупные (8,5–11,5 см) и изготовлены из обломков плитчатых отдельностей доломита. Нельзя не отметить также наличие среди орудий двух частичных бифасов. Это небольшие орудия (6 и 7 см), имеющие мало общего с ручными рубилами (рис. 6, *2, 5*). Вместе с тем они не лишены стандартности и напоминают маленькие бифасы (миндалевидные рубильца), представленные в некоторых европейских раннепалеолитических индустриях, например в неашельских индустриях возрастом 1,4–1,2 млн л. н. из самых нижних культуросодержащих слоев (13–11а) пещеры Козарника, расположенной на Балканах на северо-западе Болгарии (*Сираков, Гуадели*, 2004; *Guadelli et al.*, 2005; *Иванова*, 2009).

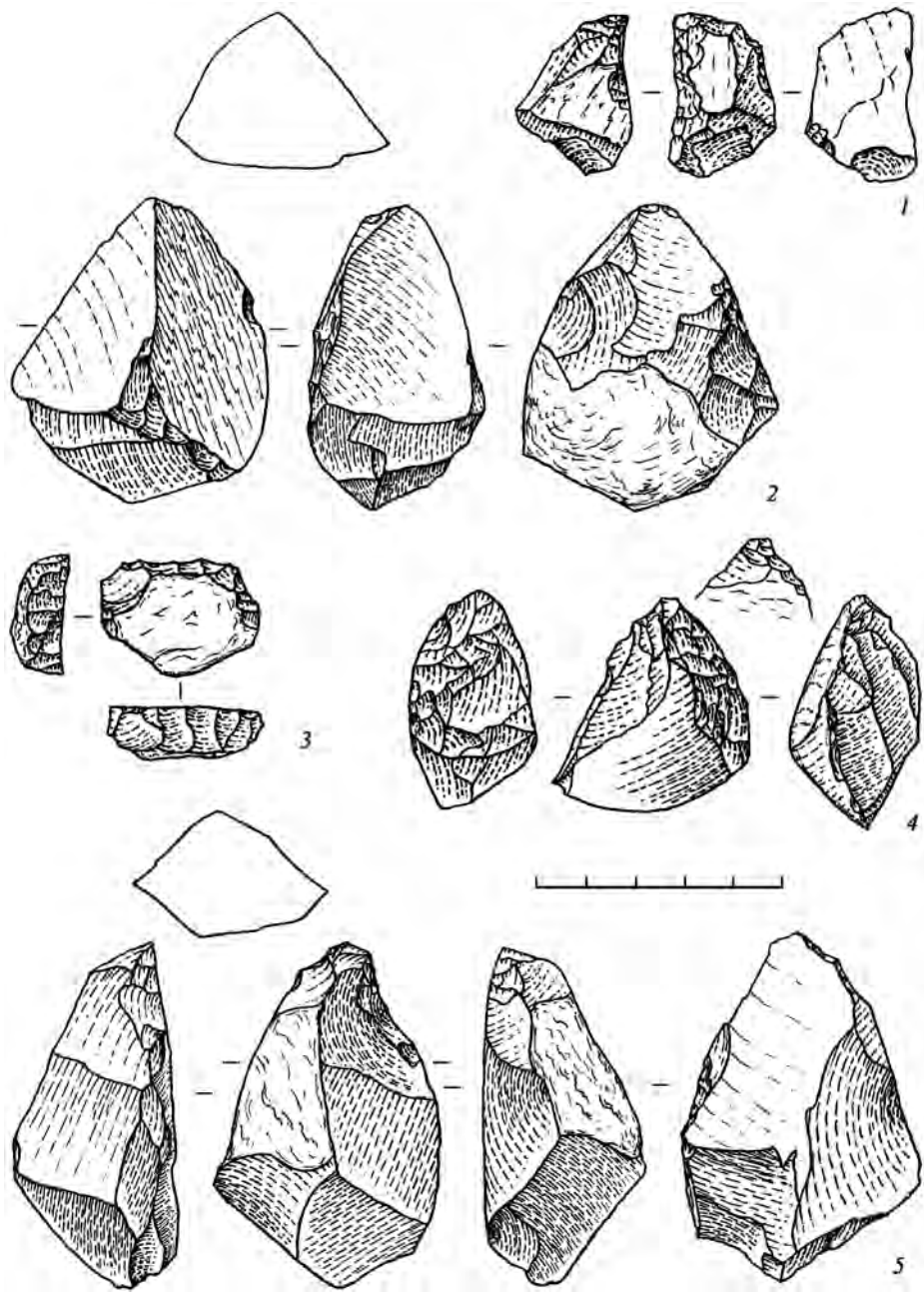

Рис. 6. Стоянка Родники 1. Изделия из окварцованного доломита

1 – клювовидное орудие; *2, 5* – частичные бифасы; *3* – скребок; *4* – толстое острие

Заключение

Описанная по необходимости в сжатом виде раннепалеолитическая индустрия стоянки Родники 1 в целом соответствует критериям олдована в понимании этого культурно-хронологического подразделения М. Лики (*Leakey*, 1971; 1975), Х. А. Амирханова (2008; 2012) и в значительной степени А. де Люмлея с соавторами (*de Lumley et al.*, 2009). Ее олдованский характер хорошо выражен как в технологии первичного расщепления камня, так и в габитусе и основных категориях орудий, хотя некоторые формы изделий, характерные, например, для африканского олдована (полиэдры, дискоиды, сфероиды), в ней отсутствуют или единичны. Вместе с тем, наряду со свойственным всем олдованским индустриям архаизмом орудий и технологии их изготовления, в индустрии Родников 1 отчетливо проявляются и признаки совершенствования и развития каменного инвентаря. В частности, такие показательные для олдованских индустрий орудия, как чопперы, составляют в этой индустрии всего лишь 9,3 % (от всех орудий), тогда как других орудий с вторичной обработкой в ней во много раз больше (90,7 %). При этом весьма значительная часть орудий (32,9 %) изготовлена из отщепов. Серией представлены крупные и особо крупные отщепы, несомненно изготовлявшиеся преднамеренно и служившие заготовками для орудий и готовыми орудиями. В индустрии Родников 1 обращает на себя внимание также многообразие категорий орудий и их четкая типологическая выраженность. При этом отдельные категорий орудий, например пики, ножи, маленькие частичные бифасы, кливер, вполне определенно указывают на довольно развитой характер индустрии стоянки и некоторое сходство ее с развитым олдованом, выделявшимся М. Лики в качестве поздней эволюционной стадии типичного олдована Олдувайского ущелья в Восточной Африке (*Leakey*, 1971; 1975). Эти и некоторые другие типологические и технологические признаки каменного инвентаря являются специфическими особенностями индустрии Родников 1, что позволяет отнести эту индустрию к особому таманскому варианту олдована (*Щелинский*, 2010).

С индустрией Родников 1 во многом сходны индустрии двух других олдованских памятников Таманского полуострова – синхронной стоянки Богатыри / Синяя Балка (*Щелинский*, 2013б) и более ранней стоянки Кермек (*Щелинский*, 2013в). Исходя из этого, можно предполагать, что перед нами одна индустрия и одна особая культурная традиция раннего палеолита, существовавшая в эоплейстоцене Западного Предкавказья на протяжении довольно длительного времени. Этому способствовало, по всей вероятности, то, что древнейшие люди – создатели этой индустрии обитали здесь в благоприятных природно-климатических и экологических условиях, сохранявшихся достаточно стабильными в течение эоплейстоцена.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Х. А., 2007. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М.: Таус. 52 с.

Амирханов Х. А., 2008. Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай-1 в Центральном Дагестане (по материалам раскопок 2007 года) // Ранний палео-

лит Евразии: новые открытия: материалы междунар. конф., Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г. / Ред. С. А. Васильев и др. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 28–31.

Амирханов Х. А., 2012. Категория пика в технокомплексах олдована и раннего ашеля // РА. № 2. С. 5–14.

Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В., Саблин М. В., 2012. Фауна млекопитающих стоянки Мухкай 2 (по результатам раскопок 2009–2010 гг.) // XXVII Крупновские чтения: Материалы Междунар. науч. конф. Махачкала. С. 16–18.

Амирханов Х. А., Бронникова М. А., Таймазов А. И., 2013. О следах огня на стоянке олдована Айникаб I в Центральном Дагестане // Древний Кавказ: перекресток Европы и Азии / Под ред. С. А. Васильева, А. В. Ларионовой. СПб.: ИИМК РАН. С. 7–19.

Беляева Е. В., 2011. Исследования ранне-среднеашельской стоянки Куртан на севере Армении // Записки ИИМК РАН. № 6. С. 37–45.

Беляева Е. В., Любин В. П., 2013. Ашельские памятники северной Армении // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А. П. Деревянко / Отв. ред. В. И. Молодин, М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 37–52.

Верещагин Н. К., 1957. Остатки млекопитающих из нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова // Труды Зоологического института АН СССР. Т. 22. С. 9–72.

Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., 2006. Материалы к проблеме прикаспийского пути первоначального заселения Юго-Востока Европы // Этнокультурное взаимодействие в Евразии: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук: В 2 кн. // Под ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодина, В. А. Тишкова. Кн. 1. М.: Наука. С. 91–97.

Додонов А. Е., Тесаков А. С., Титов В. В., Иноземцев С. А., Симакова А. Н., Никольский П. А., Трубихин В. М., 2007. Новые данные по стратиграфии плиоцен-четвертичных отложений низовьев Дона, разрезы побережья Цимлянского водохранилища // Геологические события неогена и квартера России: современное состояние стратиграфических схем и палеогеографические реконструкции: материалы Всероссийского совещания. Москва, 27–30 марта 2007 г. / Ред. Ю. Б. Гладков. М.: Геос. С. 43–53.

Додонов А. Е., Тесаков А. С., Симакова А. Н., 2008. Таманское местонахождение фауны млекопитающих Синяя Балка: новые данные по геологии и биостратиграфии // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: материалы междунар. науч. конф., Краснодар–Темрюк, 1–6 сентября 2008 г. / Ред. С. А. Васильев и др. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 53–57.

Иванова С., 2009. Раннопалеолитни ансамбли от пещерата Козарника // Saxa loquuntur: сборник в чест на 65-годишнината на Николай Сираков / Ред. И. Гацов, Ж.-Л. Гуадели. София: Авалон. С. 29–57.

Любин В. П., 1970. Нижний палеолит // Каменный век на территории СССР / Отв. ред. А. А. Формозов. М.: Наука. С. 19–42. (МИА; № 166.)

Любин В. П., 1984. Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР / Отв. ред. П. И. Борисковский. М.: Наука. С. 45–93. (Археология СССР.)

Любин В. П., Беляева Е. В., 2010. Новые данные о раннем палеолите Армении // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии / Под ред. С. А. Васильева, В. Е. Щелинского. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 107–126. (Труды ИИМК РАН; Т. 35.)

Ниорадзе М., Ниорадзе Г., 2010. Ранний палеолит Грузии (Дманиси) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии / Ред. С. А. Васильев, В. Е. Щелинский. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 84–106.

Саблин М. В., Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В., 2013. Стоянка эпохи олдована Мухкай II: палеонтологические данные к датировке и реконструкции природного окружения // РА. № 4. С. 7–19.

Сираков Н., Гуадели Ж.-Л., 2004. Разкопки на палеолитното находище Козарника, Белоградчишка // Археологигически открытия и разкопки през 2003 г. София. С. 11–13.

Тесаков А. С., Фролов П. Д., Симакова А. Н., 2012. Микротериофауны и палеосреда раннего плейстоцена Кавказа // Горные экосистемы и их компоненты: Материалы IV Междунар. конф., посвященной 80-летию основателя ИЭГТ КБНЦ РАН чл.-корр. РАН А. К. Темботова и 80-летию Абхазского государственного университета. Нальчик: М. и В. Котляровы. С. 83.

Титов В. В., Тесаков А. С., Байгушева В. С., 2012. К вопросу об объеме псекупского и таманского фаунистических комплексов (ранний плейстоцен, юг Восточной Европы) // Палеонтология и стратиграфические границы: Материалы LVIII сессии Палеонтологического общества при РАН (2–6 апреля 2012 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. Т. Н. Богданова. СПб.: Палеонтологическое общество РАН. С. 142–144.

Формозов А. А., 1962. Относительная хронология древнего палеолита Прикубанья // СА. № 4. С. 17–27.

Чепалыга А. Л., Амирханов Х. А., Садчикова Т. А., Трубихин В. М., Пирогов А. Н., 2012. Геоархеология олдувайских стоянок горного Дагестана // БКИЧП. № 72. С. 73–94.

Щелинский В. Е., 2010. Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / Отв. ред. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К. С. 57–77.

Щелинский В. Е., 2013а. Пики раннепалеолитической стоянки Родники 1 на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. № 8. С. 7–25.

Щелинский В. Е., 2013б. Функциональные особенности олдованских стоянок на Таманском полуострове в Южном Приазовье (геологические и археологические свидетельства) // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Труды VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода (10–15 июня 2013 г., Ростов-на-Дону) / Гл. ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 713–716.

Щелинский В. Е., 2013в. Кермек – стоянка начальной поры раннего палеолита в Южном Приазовье // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А. П. Деревянко / Отв. ред. В. И. Молодин, М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 153–171.

Agadjanian A., Shunkov M., 2010. Locality of Upper Pliocene mammals and Early Paleolithic in Ciscaucasia // Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA-SEQS Conference (Rostov-on-Don, June 21–26, 2010). Rostov-on-Don. P. 12–13.

Agusti J., Lordkipanidze D., 2011. Now «African» was the early human dispersal out of Africa? // Quaternary Science Reviews. Vol. 30. P. 1338–1342.

Bar-Yosef O., Belmaker M., 2011. Early and Middle Pleistocene faunal and hominins dispersals through Southwestern Asia // Quaternary Science Reviews. Vol. 30. P. 1318–1337.

Bosinski G., 1996. Les origines de l'homme en Europe et en Asie: Atlas des sites du Paléolithque inférieur. Paris: Editions Errance. 176 p. (Archéologie Aujourd'hui.)

Derevyanko A. P., Amirkhanov Kh. A., Shun'kov M. V., Agadjanian A. K., Ul'yanov V. A., 2010. New Locality of Pliocene Faunal Remains and Lower Paleolithic in Ciscaucasia // Doklady Earth Sciences. Vol. 434. Part 1. P. 1152–1155.

Džaparidze V., Bosinski G., Buginišvili T., Gabunia L., Justus A., Klopotovskaja N., Kvavadze E., Lordkipanidze D., Majsuradze G., Mgeladze N., Nioradze M., Pavlenišvili E., Schmincke H. U., Sologašvili D., Tušabramišvili D., Tvarčrelidze M., Vekua A., 1992. Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi in Georgien (Kaukasus) // Jahrbuch Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 36. S. 67–116.

Gabunia L., Jöris O., Justus A., Lordkipanidze D., Muschelišvili A., Nioradze M., Swischer C. III., Vekua A., 1999. Neue hominiden funde des altpaläolithischen Fundplatzes Dmanisi (Georgien, Kaukasus) in context aktualler Grabungsergebnisse // Archäologisches Korrespondentblatt. 29/4. S. 451–488.

Gabunia L., Vekua A., Lordkipanidze D., Ferring R., Justus A., Maisuradze G., Mouschelishvili A., Nioradze M., Sologashvili D., Swisher C. III, Tvalchrelidze M., 2000. Current research on the hominid site of Dmanisi // ERAUL. 92. P. 13–27.

Gabunia L., Antón S. C., Lordkipanidse D., Vekua A., Justus A., Swisher C. C. I., 2001. Dmanisi and Dispersal // Evolutionary Anthropology. Vol. 10. P. 158–169.

Guadelli J.-L., Sirakov N., Ivanova S., Sirakova S., Anastassova E., Courtaund P., Dimitrova I., Djabarska N., Fernandez Ph., Ferrier C., Fortugne M., Gambier D., Guadelli A., Iordanova N., Kovatcheva M., Krumov I., Leblanc J.-C., Mallye B., Marinska M., Miteva V., Popov V., Spassov R., Taneva S., Tisterat-Laborde N., Tsanova Ts., 2005. Une sequence du Paléolithique inférieur au Paléolithique recent dans les Balkans: La grotte Kozarnika à Oreshets (Nord-Ouest de la Bulgarie) // Les premiers peuplements en Europe. Actes du colloque international «Données récentes sur les modalités de peuplement et sur le cardre chronostratigraphique, géologique et paléogéographique des industries du Paléolithique inférieur et moyen en Europe», Rennes, 22–25 septembre 2003. Oxford: Hadrian Books. P. 87–103. (BAR International series; Vol. 1364.)

Jőris O., 2008. Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi (Georgien, Kaukasus). Mainz: Verlag des Rőmisch-Germanischen Zentralmusums Mainz. 157 S.

Justus A., Nioradze M., 2000. Neun Jahre Ausgrabungen in Dmanisi (Georgien, Kaukasus. Ein Überblick // Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Bd. 2. Berlin: Die Gesellschaft der Freunde und der Dombau. S. 61–92.

Kahlke R-D., Garcia N., Kostopoulos D. S., Lacombat F., Lister A. M., Mazz P. P. A., Spassov N., Titov V. V., 2011. Western Palaearctic palaeoenvironmental conditions during the Early and early Middle Pleistocene inferred from large mammal communities, and implications for hominin dispersal in Europe // Quaternary Science Reviews. Vol. 30. P. 1368–1395.

Leakey M. D., 1971. Olduvai Gorge. Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press. 306 p.

Leakey M. D., 1975. Cultural Patterns in the Olduvai Sequence // After the Australopithecines. Stratigraphy, ecology, and culture change in the Middle Pleistocene / Eds K. W. Butzer, G. L. Issak. Paris: Walter de Gruyter GmbH & Co. P. 477–493.

Lordkipanidze D., Jabhashvili T., Vekua A., Ponce de León M. S., Zollikofer C. P. E., Rightmire G. P., Pontzer H., Ferring R., Oms O., Tappen M., Bykhsianidze M., Agusti J., Kahlke R., Kiladze G., Martines-Navarro B., Mouskhelishvili A., Nioradze M., Rook L., 2007. Postcranial evidence from early *Homo* from Dmanisi, Georgia // Nature. 449. P. 305–310.

Lumley de H., Lordkipanidze D., Feraund G., Garcia T., Perrenoud Ch., Falqueres Ch., Gagnepain J., Saos T., Voinchet P., 2002. Datation par la methode Ar/Ar de la couche de cendres volcaniques (couche VI) de Dmanissi (Georgie) qui a livre des restes d'hominides fossils de 1,81 Ma // Compte Rendus de l'Académie des Sciences. Paléovol. No. 1. P. 181–189.

Lumley de H., Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D., 2005. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site Dmanissi en Géorgie // L'Anthropologie. 109 (1). P. 1–182.

Lumley de H., Barsky D., Cauche D., 2009. Les premères étapes de la colonization de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée // L'Anthropologie. 113. P. 1–46.

Presnyakov S. L., Belyaeva E. V., Lyubin V. P., Rodionov N. V., Antonova A. V., Saltykova A. K., Berezhnaya N. G., Sergeev S. A., 2012. Age of the earliest Paleolithic sites in the northern part of the Armenian Highland by SHRIMP-II U–Pb geochronology of zircons from volcanic ashes // Gondwana Research. 21. P. 928–938.

Schmincke H. U., Bogaard P., 1995. Die Datirung des Mašavera-Basaltlavastroms // Jarbuch des Rőmisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 42. S. 75–76.

Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V., 2010. Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri / Sinyaya Balka and Rodniki // Quaternary International. Vol. 223–224. P. 28–35.

Shchelinsky V., Tesakov V., Titov V., 2010. Early Paleolithic sites in the Azov Sea Region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries // Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Aftica and Asia: Abstracts of the International INQUA-SEQS Conference (Rostov-on-Don, June 21–26, 2010) / Eds V. V. Titov, A. S. Tesakov. Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre RAS. P. 148–149.

Simakova A., 2009. Palynologi study of the Early Pleistocene Bogatyry / Sinyaya Balka and Rodniki sites (Taman Peninsula, Russia) // The Quaternary of southern Spain: a bridge between Africa and the Alpine domain. Tarragona: Universitat Rovira i Virgili. P. 36–37.

Vekua A., Lordkipanidze D., Rightmire G. P., Agusti J., Ferring R., Maisuradze G., Mouskhelishvili A., Nioradze M., Ponce de Leon M., Tappen M., Tvalchrelidze M., Zollikofer C., 2002. A New skull of Early *Homo* from Dmanisi, Georgia // Science. Vol. 297. P. 85–89.

Сведения об авторе.

Щелинский Вячеслав Евгеньевич, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: shchelinsky@yandex.ru.

V. E. Shchelinsky

The age, functional features and lithic industry of the Eopleistocene Early Palaeolithic site Rodniki 1 in the Western Caucasus foothills

Abstract. The article presents and interprets the evidence obtained as a result of complex investigations carried out at the Lower Palaeolithic site of Rodniki 1 dated to the Eopleistocene period (1,6–1,2 mln). Rodniki 1 is one of the reference archeological sites for the earliest Lower Palaeolithic of the Western Ciscaucasian zone and the Azov Sea region. The author comes to the conclusion that the site's lithic industry belongs to a distinct Taman variant of the Oldovan.

Keywords: Early Palaeolithic, Oldovan, Eopleistocene, Western Caucasus foothills, Taman Peninsula, site Rodniki 1, complex studies.

REFERENCES

Agadjanian A., Shun'kov M., 2010. Locality of Upper Pliocene mammals and Early Paleolithic in Ciscaucasia. *Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA-SEQS Conference*. Rostov-on-Don, pp. 12–13.

Agusti J., Lordkipanidze D., 2011. Now «African» was the early human dispersal out of Africa? *Quaternary Science Reviews*, 30, pp. 1338–1342.

Amirkhanov H. A., 2007. Issledovaniya pamyatnikov oldovana na Severo-vostochnom Kavkaze (Predvaritel'nyye rezul'taty) [Research of Oldovan sites in North-Eastern Caucasus (preliminary results)]. Moscow: Taus. 52 p.

Amirkhanov H. A., 2008. Sravnitel'naya tipologo-statisticheskaya kharakteristika inventarya stoyanki Mukhkay-1 v Tsentral'nom Dagestane (po materialam raskopok 2007 goda) [Comparative typological-statistical characteristic of inventory of station Mukhkay-1 in Central Dagestan (on materials of excavations of 2007)]. *Ranny paleolit Yevrazii: novyye otkrytiya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Early Palaeolithic of Eurasia: new discoveries:*

materials of international scientific conference]. Rostov-na-Donu: Yuzhny nauchny tsentr RAN, pp. 28–31.

Amirkhanov H. A., 2012. Kategoriya pika v tekhnokompleksakh oldovana i rannego ashelya [Peak category in technocomplexes of Oldovan and Early Acheulian]. *RA*, 2, pp. 5–13.

Amirkhanov H. A., Bronnikova M. A., Taymazov A. I., 2013. O sledakh ognya na stoyanke oldovana Aynikab I v Tsentral'nom Dagestane [On traces of fire at Oldovan station Aynikab I in Central Dagestan]. *Drevny Kavkaz: perekryostok Yevropy i Azii* [*Ancient Caucasus: crossroad of Europe and Asia*]. S. A. Vasil'yev, A. V. Larionova, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 7–19.

Amirkhanov H. A., Ozherel'yev D. V., Sablin M. V., 2012. Fauna mlekopitayushchikh stoyanki Mukhkay 2 (po rezul'tatam raskopok 2009–2010 gg.) [Mammal fauna of station Mukhkay 2 (on results of excavations of 2009–2010)]. *XXVII Krupnovskiye chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*XXVII Krupnov readings: materials of international scientific conference*]. Makhachkala, pp. 16–18.

Bar-Yosef O., Belmaker M., 2011. Early and Middle Pleistocene faunal and hominins dispersals through Southwestern Asia. *Quaternary Science Reviews*, 30, pp. 1318–1337.

Belyayeva Ye. V., 2011. Issledovaniya ranne-sredneashel'skoy stoyanki Kurtan na severe Armenii [Investigations of Early-Middle Acheulian station Kurtan in North Armenia]. *Zapiski IIMK RAN* [*Notes of IIMK RAN*], 6, pp. 37–45.

Belyayeva Ye. V., Lyubin V. P., 2013. Ashel'skiye pamyatniki severnoy Armenii [Acheulian sites of North Armenia]. *Fundamental problems…*, pp. 37–52.

Bosinski G., 1996. Les origines de l'homme en Europe et en Asie: Atlas des sites du Paléolithque inférieur. Paris: Editions Errance. 176 p. (Archéologie Aujourd'hui).

Chepalyga A. L., Amirkhanov Kh. A., Sadchikova T. A., Trubikhin V. M., Pirogov A. N., 2012. Geoarkheologiya olduvayskikh stoyanok gornogo Dagestana [Geo-archaeology of Olduvai stations of mountainous Dagestan]. *BKIChP*, 72, pp. 73–94.

Derevyanko A. P., Amirkhanov Kh. A., Zenin V. N., 2006. Materialy k probleme prikaspiyskogo puti pervonachal'nogo zaseleniya Yugo-Vostoka Yevropy [Materials on problem of Caspian route of initial settling South-East of Europe]. *Etnokul'turnoye vzaimodeystviye v Yevrazii: programma fundamental'nykh issledovany Prezidiuma RAN* [*Ethno-cultural interaction in Eurasia: program of fundamental research of Presidium of RAS*], 1. A. P. Derevyanko, V. I. Molodin, eds. Moscow: Nauka, pp. 91–97.

Derevyanko A. P., Amirkhanov Kh. A., Shun'kov M. V., Agadjanian A. K., Ul'yanov V. A., 2010. New Locality of Pliocene Faunal Remains and Lower Paleolithic in Ciscaucasia. *Earth Sciences*, vol. 434, part 1, pp. 1152–1155.

Dodonov A. A., Tesakov A. S., Simakova A. N., 2008. Tamanskoye mestonakhozhdeniye fauny mlekopitayushchikh Sinyaya Balka: novyye dannyye po geologii i biostratigrafii [Taman' finding of mammals fauna Sinyaya Balka: new data on geology and biostratigraphy]. *Ranny paleolit Yevrazii: novyye otkrytiya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Early Palaeolithic of Eurasia: new discoveries: materials of international scientific conference*]. Rostov-na-Donu: Yuzhny nauchny tsentr RAN, pp. 53–57.

Dodonov A. A., Tesakov A. S., Titov V. V., Inozemtsev S. A., Simakova A. N., Nikol'sky P. A., Trubikhin V. M., 2007. Novyye dannyye po stratigrafii pliotsen-chetvertichnykh otlozheny nizov'yev Dona, razrezy poberezh'ya Tsimlyanskogo vodokhranilishcha [New data on stratigraphy of Pliocene-Quaternary deposits of Lower Don, sections of Tsimlyansk reservoir shores]. *Geologicheskiye sobytiya neogena i kvartera Rossii: sovremennoye sostoyaniye stratigraficheskikh skhem i paleogeograficheskiye rekonstruktsii: materialy Vserossiyskogo soveshchaniya* [*Geological events of Neogene and Quarter in Russia: current state of stratigraphic schemes and palaeogeographic reconstructions: materials of All-Russian meeting*]. Yu. B. Gladkov, ed. Moscow: Geos, pp. 43–53.

Džaparidze V., Bosinski G., Buginianišvili T., Gabunia L., Justus A., Klopotovskaja N., Kvavadze E., Lordkipanidze D., Majsuradze G., Mgeladze N., Nioradze M., Pavlenišvili E., Schmincke H. U.,

Sologašvili D., Tušabramišvili D., Tvarčrelidze M., Vekua A., 1992. Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi in Georgien (Kaukasus). *Jahrbuch des RGZM*, 36, pp. 67–116.

Formozov A. A., 1962. Otnositel'naya khronologiya drevnego paleolita Prikuban'ya [Relative chronology of Early Palaeolithic of Kuban' basin]. *SA*, 4, pp. 17–27.

Gabunia L., Antón S. C., Lordkipanidse D., Vekua A., Justus A., Swisher C. C. I., 2001. Dmanisi and Dispersal. *Evolutionary Anthropology*, vol. 10, pp. 158–169.

Gabunia L., Jöris O., Justus A., Lordkipanidze D., Muschelišvili A., Nioradze M., Swischer C. III, Vekua A., 1999. Neue hominiden funde des altpaläolithischen Fundplatzes Dmanisi (Georgien, Kaukasus) in context aktualler Grabungsergebnisse. *Archäologisches Korrespondentblatt*, 29/4, pp. 451–488.

Gabunia L., Vekua A., Lordkipanidze D., Ferring R., Justus A., Maisuradze G., Mouschelishvili A., Nioradze M., Sologashvili D., Swischer C. III. Tvalchrelidze M., 2000. Current research on the hominid site of Dmanisi. *ERAUL*, 92, pp. 13–27.

Guadelli J.-L., Sirakov N., Ivanova S., Sirakova S., Anastassova E., Courtaund P., Dimitrova I., Djabarska N., Fernandez Ph., Ferrier C., Fortugne M., Gambier D., Guadelli A., Iordanova N., Kovatcheva M., Krumov I., Leblanc J.-C., Mallye B., Marinska M., Miteva V., Popov V., Spassov R., Taneva S., Tisterat-Laborde N., Tsanova Ts., 2005. Une sequence du Paléolithique inférieur au Paléolithique recent dans les Balkans: La grotte Kozarnika à Oreshets (Nord-Ouest de la Bulgarie). *Les premiers peuplements en Europe: Actes du colloque international «Données récentes sur les modalités de peuplement et sur le cardre chronostratigraphique, géologique et paléogéographique»*. Oxford: Hadrian Books, pp. 87–103. (BAR, 1364.)

Ivanova S., 2009. Rannopaleolitni ansambli ot peshcherata Kozarnika [Early Palaeolithic complexes of cave Kozarnika]. *Saxa loquuntur: sbornik v chest na 65-godishninata na Nikolay Sirakov* [*Saxa loquuntur: collection of articles in honour of 65th anniversary of Nikolay Sirakov*]. I. Gatsov, Zh.-L. Guadeli, eds. Sofiya: Avalon, pp. 29–57.

Jőris O., 2008. Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi (Georgien, Kaukasus). Mainz: Verlag des RGZM. 157 p.

Justus A., Nioradze M., 2000. Neun Jahre Ausgrabungen in Dmanisi (Georgien, Kaukasus. Ein Überblick. *Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*, 2. Berlin: Die Gesellschaft der Freunde und der Dombau, pp. 61–92.

Kahlke R.-D., Garcia N., Kostopoulos D. S., Lacombat F., Lister A. M., Mazz P. P. A., Spassov N., Titov V. V., 2011. Western Palaearctic palaeoenvironmental conditions during the Early and early Middle Pleistocene inferred from large mammal communities, and implications for hominin dispersal in Europe. *Quaternary Science Reviews*, 30, pp. 1368–1395.

Leakey M. D., 1971. Olduvai Gorge. Excavations in Beds I and II, 1960–1963, 3. Cambridge: Cambridge University Press. 306 p.

Leakey M. D., 1975. Cultural Patterns in the Olduvai Sequence. *After the Australopithecines. Stratigraphy, ecology, and culture change in the Middle Pleistocene*. K. W. Butzer, G. L. Issak, eds. Paris: Walter de Gruyter GmbH & Co, pp. 477–493.

Lordkipanidze D., Jabhashvili T., Vekua A., Ponce de León M. S., Zollikofer C. P. E., Rightmire G. P., Pontzer H., Ferring R., Oms O., Tappen M., Bykhsianidze M., Agusti J., Kahlke R., Kiladze G., Martines-Navarro B., Mouskhelishvili A., Nioradze M., Rook L., 2007. Postcranial evidence from early Homo from Dmanisi, Georgia. *Nature*, 449, pp. 305–310.

Lumley de H., Barsky D., Cauche D., 2009. Les premères étapes de la colonization de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée. *L'Anthropologie*, 113, pp. 1–46.

Lumley de H., Lordkipanidze D., Feraund G., Garcia T., Perrenoud Ch., Falqueres Ch., Gagnepain J., Saos T., Voinchet P., 2002. Datation par la methode Ar/Ar de la couche de cendres volcaniques (couche VI) de Dmanissi (Georgie) qui a livre des restes d'hominides fossils de 1,81 Ma. *Compte Rendus de l'Académie des Sciences*. Paléovol, 1, pp. 181–189.

Lumley de H., Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D., 2005. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site Dmanissi en Géorgie. *L'Anthropologie*, 109 (1), pp. 1–182.

Lyubin V. P., 1970. Nizhny paleolit [Lower Palaeolithic]. *Kamenny vek na territorii SSSR* [*Stone Age in territory of USSR*]. A. A. Formozov, ed. Moscow: Nauka, pp. 19–42. (MIA, 166).

Lyubin V. P., 1984. Ranny paleolit Kavkaza [Early Palaeolithic of Caucasus]. *Paleolit SSSR* [*Palaeolithic of USSR*]. P. I. Boriskovsky, ed. Moscow: Nauka, pp. 45–93. (Arkheologiya SSSR).

Lyubin V. P., Belyayeva Ye. V., 2010. Novyye dannyye o rannem paleolite Armenii [New data on early Palaeolithic of Armenia]. *Drevneyshiye obitateli Kavkaza i rasseleniye predkov cheloveka v Yevrazii* [*Earliest inhabitants of Caucasus and human ancestor's settling in Eurasia*]. *St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye*, pp. 107–126. (Trudy [Transactions] IIMK RAN, 35.)

Nioradze M., Nioradze G., 2010. Ranny paleolit Gruzii (Dmanisi) [Early Palaeolithic of Georgia (Dmanisi)]. *Drevneyshiye obitateli Kavkaza i rasseleniye predkov cheloveka v Yevrazii* **[***Earliest inhabitants of Caucasus and human ancestor's settling in Eurasia*]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, pp. 84–106.

Presnyakov S. L., Belyaeva E. V., Lyubin V. P., Rodionov N. V., Antonova A. V., Saltykova A. K., Berezhnaya N. G., Sergeev S. A., 2012. Age of the earliest Paleolithic sites in the northern part of the Armenian Highland by SHRIMP-II U-Pb geochronology of zircons from volcanic ashes. *Gondwana Research*, 21, pp. 928–938.

Sablin M. V., Amirkhanov Kh. A., Ozherel'yev D. V., 2013. Stoyanka epokhi oldovana Mukhkay II: paleontologicheskiye dannyye k datirovke i rekonstruktsii prirodnogo okruzheniya [Station of Oldovan epoch Mukhkay II: paleontological data for dating and reconstruction of environment]. *RA*, 4, pp. 7–19.

Schmincke H. U., Bogaard P., 1995. Die Datirung des Mašavera-Basaltlavastroms. *Jahrbuch des RGZM*, 42, pp. 75–76.

Shchelinsky V. E., 2010. Pamyatniki rannego paleolita Priazov'ya [Early Palaeolithic sites of Azov Sea region]. *Chelovek i drevnosti: Pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009)* [*Man in antiquity: In memory of Aleksandr Aleksandrovich Formozov (1928–2009)*]. I. S. Kamenetsky, A. N. Sorokin, eds. Moscow: Grif i K, pp. 57–77.

Shchelinsky V. E., 2013a. Piki rannepaleoliticheskoy stoyanki Rodniki 1 na Tamanskom poluostrove [Peaks from Early Palaeolithic station Rodniki 1 in Taman' Peninsula]. *Zapiski IIMK RAN* [*Notes of IIMK RAN*], 8, pp. 7–25.

Shchelinsky V. E., 2013b. Funktsional'nyye osobennosti oldovanskikh stoyanok na Tamanskom poluostrove v Yuzhnom Priazov'ye (geologicheskiye i arkheologicheskiye svidetel'stva) [Functional specifics of Oldovan stations in Taman' Peninsula in South of Azov Sea region (geological and archaeological evidences)]. *Fundamental'nyye problemy kvartera: itogi izucheniya i osnovnyye napravleniya dal'neyshikh issledovany: trudy VIII Vserossiyskogo soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda* [*Fundamental problems of Quarter: research results and principal trajectories for future investigations: Proceedings of VIII All-Russian conference on research of Quaternary period*]. Rostov-na-Donu: Yuzhny nauchny tsentr RAN, pp. 713–716.

Shchelinsky V. E., 2013c. Kermek – stoyanka nachal'noy pory rannego paleolita v Yuzhnom Priazov'ye [Kermek – station of the beginning of Early Palaeolithic in South of Azov Sea region]. *Fundamental problems…*, pp. 153–171.

Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V., 2010. Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri / Sinyaya Balka and Rodniki. *Quaternary International*, 223–224, pp. 28–35.

Shchelinsky V., Tesakov V., Titov V., 2010. Early Paleolithic sites in the Azov Sea Region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries. *Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Aftica and Asia: Abstracts of the International INQUA-SEQS Conference*. V. V. Titov, A. S. Tesakov, eds. Rostov-on-Don: Yuzhny nauchny tsentr RAN, pp. 148–149.

Simakova A., 2009. Palynologi study of the Early Pleistocene Bogatyry / Sinyaya Balka and Rodniki sites (Taman Peninsula, Russia). *The Quaternary of southern Spain: a bridge between Africa and the Alpine domain*. Tarragona: Universitat Rovira i Virgili, pp. 36–37.

Sirakov N., Guadeli Zh.-L., 2004. Razkopki na paleolitnoto nakhodishche Kozarnika, Belogradchishka [Excavations at Palaeolithic site Kozarnika, Belograd region]. *Arkheologicheski otkrytiya i razkopki prez 2003 g.* [*Archaeological discoveries and investigations in 2003*]. Sofiya, pp. 11–13.

Tesakov A. S., Frolov P. D., Simakova A. N., 2012. Mikroteriofauny i paleosreda rannego pleystotsena Kavkaza [Microteriofaunas and paleoenvironment of Early Pleistocene of Caucasus]. *Gornyye ekosistemy i ikh komponenty: materialy IV mezhdunarodnoy konferentsii* [*Mountain ecosystems and their components: materials of IV international conference*]. Nal'chik: M. i V. Kotlyarovy, p. 83.

Titov V. V., Tesakov A. S., Baygusheva V. S., 2012. K voprosu ob ob'yome psekupskogo i tamanskogo faunisticheskikh kompleksov (ranny pleystotsen, yug Vostochnoy Yevropy) [On problem of volume of Psekups and Taman' faunistic complexes (Early Pleistocene, South of Eastern Europe)]. *Paleontologiya i stratigraficheskiye granitsy: materialy LVIII sessii Paleontologicheskogo obshchestva pri RAN* [*Paleontology and stratigraphic borders: materials of LVIII session of Paleontological Society at RAS*]. T. N. Bogdanova, ed. St. Petersburg: Paleontologicheskoye obshchestvo RAN, pp. 142–144.

Vekua A., Lordkipanidze D., Rightmire G. P., Agusti J., Ferring R., Maisuradze G., Mouskhelishvili A., Nioradze M., Ponce de Leon M., Tappen M., Tvalchrelidze M., Zollikofer C., 2002. A New skull of Early Homo from Dmanisi, Georgia. *Science*, 297, pp. 85–89.

Vereshchagin N. K., 1957. Ostatki mlekopitayushchikh iz nizhnechetvertichnykh otlozheny Tamanskogo poluostrova [Mammals remains from Lower Quaternary deposits of Taman' Peninsula]. *Trudy Zoologicheskogo instituta AN SSSR* [*Transactions of Institute of Zoology, Academy of Sciences of USSR*], 22, pp. 9–72.

About the author.

Shchelinsky Vyacheslav E., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St.-Petersburg, 191186; Russian Federation; e-mail: shchelinsky@yandex.ru.

В. П. Любин, Е. В. Беляева

МАКРО-НОЖИ В АШЕЛЕ КАВКАЗА*

Резюме. В прошлом веке две позднеашельские стоянки Цона и Кударо 1 (Центральный Кавказ) впервые доставили крупные орудия с боковым лезвийным краем, противолежащим обушковому, и рукоятью, оформленной крутой ретушью. Они были выделены как «цалди» (нож грузинских крестьян). Позднее отчасти сходные обушково-лезвийные орудия были найдены в ранне-среднеашельских памятниках Кавказа, в основном в Северной Армении. Все эти изделия, изготовленные из естественных плиток, могут быть определены как макро-ножи, подразделяемые на три типа: 1) удлиненный макро-нож с рукоятью – «цалди»; 2) удлиненный макро-нож без рукояти – «тесак»; 3) макро-нож с рукоятью и выступающим арковидным лезвием – «топоровидный нож». Изготовление макро-ножей в ашеле Кавказа является региональной традицией, которую стимулировало местное плитчатое сырье.

Ключевые слова: Кавказ, ашель, макро-ножи, типология.

Проводя морфолого-типологический анализ ашельских индустрий, мы сталкиваемся с тем, что для них характерны слабая стандартизация и значительная степень вариабельности орудийных форм, отражающая прежде всего адаптацию к той или иной сырьевой базе. Такая вариабельность ашельского инвентаря не позволяет в полной мере описать его в рамках универсальной всеобъемлющей классификации, требуя построения локальных исследовательских типологий. С другой стороны, необходимость сравнительного анализа разных ашельских индустрий требует наличия общего типологического «языка». Представляется, что для разрешения этой дилеммы необходим двоякий подход. При анализе конкретных ашельских индустрий следует, на наш взгляд, сочетать использование общепринятой классификационной системы с созданием более дробных или дополнительных подразделений, отражающих специфику данного материала (*Любин, Беляева*, 2004а. С. 20). Разумеется, предлагаемые типологические новшества должны быть детально обоснованы и соотнесены с ранее разработанными

* Работа выполнена в рамках проекта «Традиции и трансформации в раннем палеолите Кавказа и Ближнего Востока», поддержанного грантом Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» и грантом РФФИ 13-06-1216 офи_м.

понятиями. Данная статья посвящена обсуждению классификационного статуса одной из специфических орудийных групп, выделяющихся в ашеле Кавказа.

В 60-е гг. прошлого века в позднеашельской пещерной стоянке Цона были найдены два крупных орудия неизвестного ранее типа, изготовленные из удлиненных сланцевых плиток. Один из продольных краев этих макро-орудий притуплен крутой ретушью, которая придает ему вид обушка. Более половины противоположного края оформлено приостряющей ретушью как лезвие, которое на дистальной конце стыкуется с обушком. Таким образом, большая часть корпуса этих изделий напоминает клинок ножа. Меньшая часть корпуса была заужена и оформлена крутыми сколами как рукоять для захвата (рис. 1, *1*). Эти орудия были определены вначале как «ручной топор цонского типа» (*Каландадзе*, 1965. С. 34), а позднее получили наименование «цалди» ввиду их сходства с одноименным крупным ножом, используемым грузинскими крестьянами для различных сельских работ (*Каландадзе*, 1969. С. 21). Затем подобное обушково-лезвийное макро-орудие было обнаружено в позднеашельских слоях расположенной неподалеку пещерной стоянки Кударо 1 (*Любин, Беляева*, 2004а. С. 131. Рис. 81, *1*). Оно было сделано также из сланцевой плитки, по длинным краям которой оформлены лезвие и обушок, однако отличается от цонских образцов плохо выраженной рукояточной частью, которая, видимо, была обломана в древности (рис. 1, *2*). Все три орудия, отнесенные к одному типу под названием «цалди», имеют близкие размеры: длина в диапазоне 18,6–24,3 см, ширина – 5,8–8,1 см, толщина – 1,5–2,0 см. По своим габаритам цалди относятся к макро-орудиям. При этом они обладают очень тонким сечением, которое достигнуто благодаря соответствующей сланцеватости исходной породы. При анализе кударского ашельского инвентаря в качестве не аналогичной, но отчасти близкой к цалди формы было выделено еще одно орудие. Оно изготовлено из удлиненного двояко-плоского песчаникового валуна, один из продольных краев которого приострен крупным сколом и наложенной на него односторонней ретушью, а другой оставлен необработанным. Плоские сколы на другой стороне орудия придают приострение одному из его концов. Общая схема рабочих и аккомодационных элементов этого орудия соответствует таковой у цалди – противопоставление расположенных по продольным краям лезвия и обушка. Однако выделенная рукоять в данном случае отсутствует, а корпус является несколько менее удлиненным и намного более массивным (16,5 × 8,9 × 4,0 см). Последнее можно объяснять использованием породы, которая не образует столь тонких отдельностей, как сланец (*Любин, Беляева*, 2004а. С. 174. Рис. 109, *3*; *Любин*, 2007. С. 102. Рис. 3). В монографии, посвященной ашельской индустрии Кударо 1, отмечалось, что, в отличие от ряда орудийных форм, характеризующих ашель Кавказа в целом, цалди является специфическим типом именно кударско-цонской группы индустрий. Было высказано мнение, что это связано с локальной традицией и обусловлено прежде всего влиянием местного сланцевого сырья (*Любин, Беляева*, 2004а. С. 265).

Время показало, что эти выводы нуждаются в определенном пересмотре, поскольку открытие новых ашельских памятников как на Северном, так и на Южном Кавказе принесло еще несколько изделий, которые в той или иной степени морфологически близки к кударско-цонским цалди. Необходимость

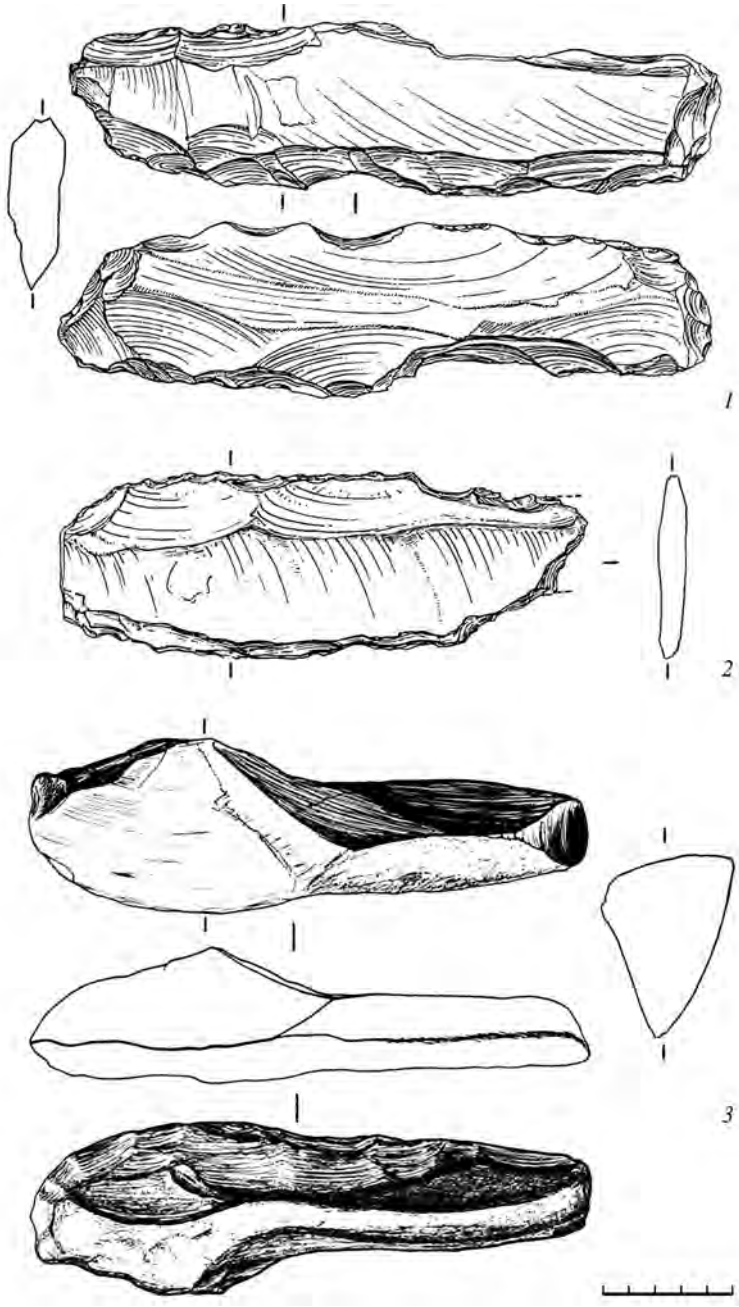

Рис. 1. Макро-ножи типа цалди

1 – позднеашельская стоянка Цона (Центральный Кавказ); *2* – позднеашельская стоянка Кударо 1 (Центральный Кавказ); *3* – раннеашельская стоянка Кинжал (Северный Кавказ)

сравнительного анализа и осмысления этих находок отразилась в специальной статье (*Любин*, 2007), в которой была еще раз подчеркнута главная отличительная черта макро-орудий типа цалди, а именно противопоставление продольного лезвийного края и обушкового. Там же впервые было четко высказано мнение о факультативности такого признака, как выделенная рукоять. Из всех описанных в этой работе изделий наиболее близким к сланцевым кударско-цонским цалди по общей конфигурации и наличию как клинка, так и рукояти является орудие, найденное на раннеашельской стоянке Кинжал (Северный Кавказ, Пятигорье) (рис. 1, *3*). Отличается оно главным образом меньшими габаритами и большей массивностью (15,4×4,7×3,7 см). Это орудие, как и все прочие изделия Кинжала, изготовлено из плитчатых отдельностей местного метаморфизованного известняка, или роговика, качества которого существенно повлияли на облик индустрии этого памятника (*Любин, Беляева*, 2004б. С. 108). Более примитивный облик имеют пять обушково-лезвийных орудий, найденных на ашельских местонахождениях Даштадем 1, 5 и Благодарное 1 на севере Армении (Лорийское плато, предгорья Джавахетского хребта). Все они сделаны путем грубой оббивки очень массивных плитчатых отдельностей местного вулканического сырья (гиалодацит). Среди них преобладают формы с выделенной рукоятью (рис. 2, *2*), но есть и образцы без нее (рис. 2, *1*). Длина орудий колеблется от 23 до 34 см, ширина – 7,5–13,6, толщина – 4,9–6,2 см. Архаичность лорийских орудий по сравнению с описанными образцами цалди из Цоны и Кударо позволила предполагать их ранне-среднеашельский возраст. Цалди из Кинжала и памятников Лорийского плато можно рассматривать, очевидно, как более раннюю стадию развития данного типа. В данной статье также подчеркивалась явная связь цалди с ашельскими комплексами, базирующимися на плитчатом сырье, а также характерность этого типа для ашеля Кавказа в целом (*Любин*, 2007. С. 104–107). В то же время отмечалось, что находка архаичного варианта цалди, изготовленного из плитчатой отдельности кремня, на среднеплейстоценовой стоянке Мешхед III в Южном Йемене (*Амирханов*, 1991. С. 151. Рис. 63, *1*; 2006. С. 127–128. Рис. 73, *1*) указывает на присутствие аналогичных орудий и за пределами кавказского региона. Не исключено, что они могли быть просто не выделены в других индустриях из-за невнимания ко всем формам, которые не укладываются в рамки традиционного набора ашельских типов.

Последние годы принесли новые находки орудий подобного рода. На севере Армении (Лорийское плато, предгорья Джавахетского хребта) были открыты памятники со стратифицированными раннеашельскими индустриями (Карахач и Мурадово), в своеобразном, сформировавшемся на вулканическом плитчатом сырье орудийном наборе которых (*Любин, Беляева*, 2010; 2011; *Беляева, Любин*, 2012; 2013) было выявлено шесть изделий, морфологически напоминающих цалди. Еще одно изделие этой группы было найдено на местонахождении Даштадем 1. Таким образом, общее количество находок таких ашельских орудий на Кавказе составило более полутора десятков, причем наблюдаемая внутри этой группы вариабельность дает основания несколько усложнить и детализировать их классификацию. Этот вопрос мы обсудим после краткой характеристики новых находок.

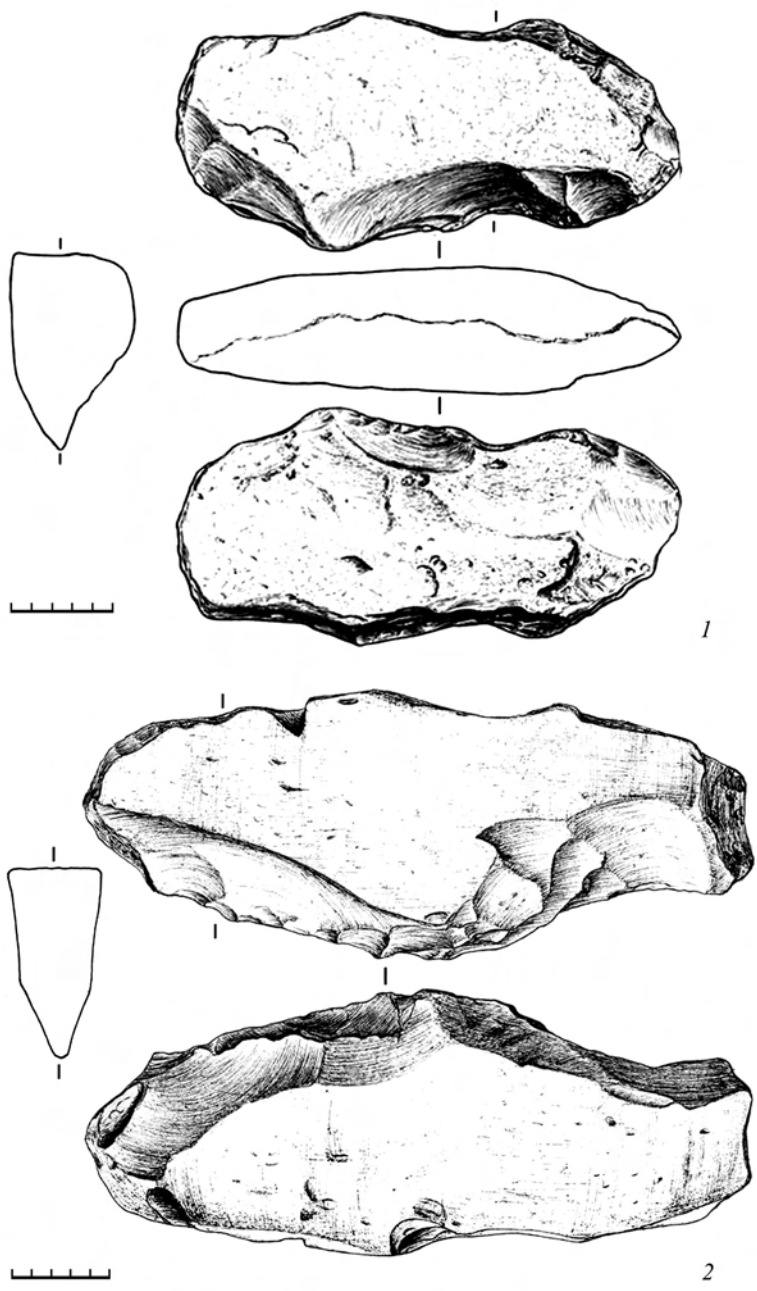

Рис. 2. Макро-ножи из ашельских памятников Северной Армении (Лорийское плато)

1 – безрукояточный макро-нож (тесак), местонахождение Даштадем 1; *2* – цалди, местонахождение Даштадем 5

Стоянка Карахач доставила лишь два изделия с интересующими нас морфологическими чертами. Однако этот памятник заслуживает особого внимания, поскольку он имеет ключевое значение для исследований формирования ашеля не только в Армении, но и во всей Евразии (*Любин, Беляева*, 2011; *Беляева, Любин*, 2013). Многослойная ашельская стоянка Карахач, как и другие памятники Лорийского плато, была открыта в результате работ Армяно-российской экспедиции (*Асланян и др.*, 2007. С. 151). В этом карьере, расположенном в юго-западном подножье Джавахетского хребта, вскрыта толща агломератов и залегающие под ней вулканические пеплы, которые добывались для строительных нужд. Осмотр стен карьера показал, что в пепловом слое мощностью 4–5 м присутствуют ашельские изделия из андезита и андезито-дацита. Последующая шурфовка выявила под пеплами пачку пролювиально-делювиальных отложений, вскрытых на глубину до 5 м (литологичекие слои 1–10), где также содержится ашельская каменная индустрия. Она базируется преимущественно на более прочном риодацитовом сырье (С. Н. Бубнов, личное сообщение), отдельности которого часто имеют плитчатый характер. Лицо этой индустрии, в составе которой были встречены цалди, определяют чопперы и пики в сочетании с грубыми ручными рубилами, что позволило определить ее как ранний ашель (*Любин, Беляева*, 2011. С. 16). Это заключение подтверждается раннеплейстоценовым возрастом как пролювиально-делювиальной пачки, так и вышележащих отложений, которые относятся к эпохе обратной полярности Матуяма (древнее 0,78 млн л. н.). Палеомагнитные данные (*Трифонов и др.*, 2014) показывают, что пачка слоев с риодацитовой раннеашельской индустрией формировалась непосредственно до и в течение эпизода прямой полярности Олдувай (около 1,95–1,77 млн л. н.), а перекрывающие пеплы, а также агломераты – в последующую фазу эпохи Матуяма. Для небольшого пеплового прослоя (слой 7) в низах вскрытой пролювиально-делювиальной толщи получена уран-свинцовая дата $1{,}947 \pm 0{,}045$ млн л. н., а для подошвы пепла, перекрывающего эту пачку, – $1{,}804 \pm 0{,}030$ млн л. н. (*Presnyakov et al.*, 2012). Речь, следовательно, идет о древнейшей на сегодня раннеашельской индустрии в рамках всей Евразии и о самых ранних образцах орудий, соотносимых нами с цалди.

Первое орудие из слоя 3 Карахача ($20{,}5 \times 9{,}5 \times 6{,}9$ см) имеет мощный обушок вдоль одного продольного края и хорошо выровненное односторонней обработкой слабовыпуклое лезвие на другом краю. Специально выделенной рукояти у этого орудия нет (рис. 3, *2*). Второе орудие из слоя 4, напротив, имеет такую рукоять. Вдоль одного продольного края этого небольшого орудия ($14{,}3 \times 6{,}1 \times 5{,}1$ см) тянется массивный обушок, представляющий собой естественный торец плитчатого обломка. Лежащее на противоположном крае дуговидное лезвие занимает верхнюю широкую половину орудия, а в нижней половине орудие заужено крутыми сколами, формирующими рукоять шириной около 3,5 см. Обе стороны этого орудия отделаны плоскими сколами, которые снимались как со стороны лезвия, так и со стороны обушка (рис. 3, *1*). Следует подчеркнуть, что по своим пропорциям и очертаниям лезвийный участок этого орудия отличается от ранее рассмотренных цалди, поскольку имеет вид не удлиненного клинка, а скорее небольшого топорика. Более всего это орудие напоминает современные топоровидные ножи, или секачи, используемые для нарубания мяса и других продуктов.

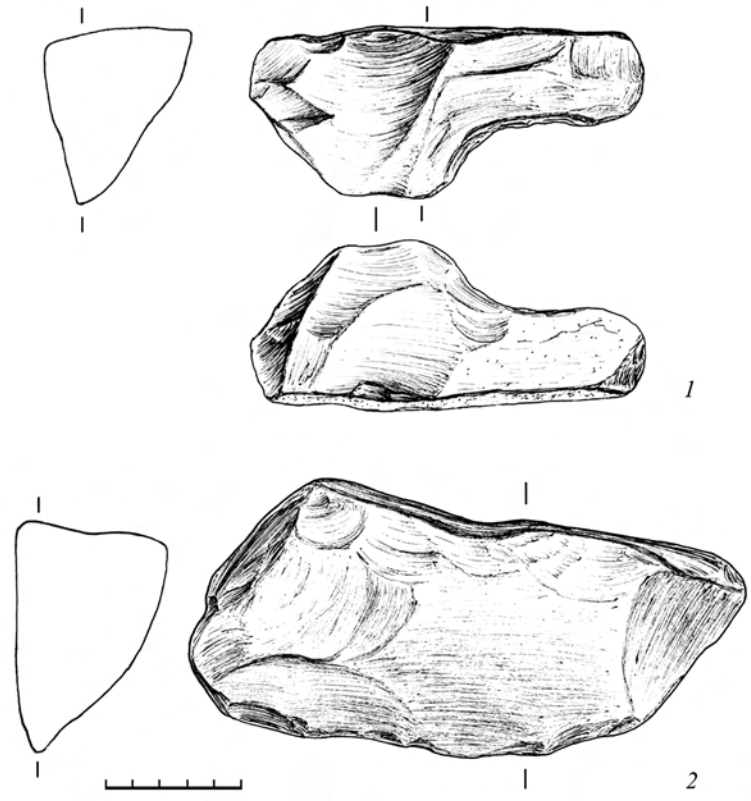

Рис. 3. Макро-ножи из раннеашельской стоянки Карахач в Северной Армении (Лорийское плато)

1 – топоровидный макро-нож (секач), слой 3; *2* – безрукояточный макро-нож (тесак), слой 4

На стоянке Мурадово найдено четыре крупных орудия с противопоставлением лезвия и обушка. Эта многослойная ашельская стоянка расположена в 3,5 км восточнее карьера Карахач, в долине небольшого ручья, стекающего с Джавахетского хребта. Раскоп глубиной около 7 м вскрыл здесь толщу делювиально-пролювиальных отложений, подразделяемых на 9 литологических слоев. Слои 1 и 2 содержат переотложенный позднеашельский материал, слой 3 (погребенная почва) – индустрию среднеашельского облика, а слои 4–9 – раннеашельскую индустрию, которая базировалась преимущественно на риодацитовом плитчатом сырье и очень схожа с индустрией из пролювиально-делювиальной пачки Карахача (*Беляева, Любин*, 2013. С. 40–45). Рассматриваемые нами четыре орудия происходят из слоев 5, 7 и 8. Оба орудия из слоя 5 имеют массивные обушки толщиной около 5 см, но отличаются по очертаниям в плане. Первое орудие представлено крупным фрагментом (15,5 × 8,3 × 5,6 см). Один край его представляет собой слабовыпуклое лезвие, которое в дистальной части по широкой дуге сходится с прямым и отвесным обушком на другом краю (рис. 4, *1*). Лезвие оформлено широкими плоскими снятиями, почти полностью захватывающими

одну из сторон орудия. По рабочей кромке тянется мелкая ретушь, которая может отражать как подправку лезвия, так и макроследы утилизации. Поскольку нижняя часть орудия обломана, судить о наличии выделенной рукояти нельзя. Второе орудие (18,0 × 10,0 × 5,0 см), изготовленное на толстой плитке, имеет коленчатый в плане массивный обушок и противолежащее ему слегка вогнутое лезвие, по дуге соединяющееся с обушком (рис. 4, *2*). Слоистый характер сырья отразился в ступенчатом характере грубой краевой двусторонней ретуши, приостряющей лезвие этого орудия. Это изделие выделяется на фоне всех прочих обушково-лезвийных орудий необычной формой обушка.

Орудие из слоя 7 Мурадово включено в рассматриваемую группу с очень большой долей условности, и вопрос о его атрибуции пока не вполне ясен. С одной стороны, это крупное орудие (21,6 × 10,6 × 6,1 см), оформленное на массивной плитке, имеет зауженную рукояточную часть, оформленную крутой оббивкой, и явное противопоставление обушкового и лезвийного краев в средней части корпуса. В то же время характер полукрутой оббивки обоих краев в наиболее широкой дистальной части этого орудия не позволяет однозначно трактовать их как дальнейшее продолжение обушка и лезвия (рис. 5). В этой части орудия рабочими являются, возможно, оба его края. Данное орудие также отличается симметрией относительно длинной оси, что совершенно нехарактерно для всех прочих описываемых здесь обушково-лезвийных форм. Наконец, еще одно примечательное орудие найдено в слое 8 этого памятника (рис. 6, *1*). Оно поражает большим сходством с орудием из слоя 4 Карахача (рис. 3, *1*), которое мы соотнесли выше с топоровидным ножом, или секачом. Подобно карахачскому образцу, данное орудие из Мурадово характеризуется массивным прямым обушком, зауженной рукоятью и выступающим дуговидным лезвием. Оно имеет близкие размеры (15,1 × 8,3 × 5,7 см) и также оформлено сплошной двусторонней оббивкой, идущей как со стороны лезвия, так и со стороны обушка. Обнаружение двух орудий одного типа в раннеашельских индустриях Карахача и Мурадово является дополнительным аргументом их родства, что прослеживается и по другим орудийным формам.

Рассмотрим теперь новую находку обушково-лезвийного макро-орудия на местонахождении Даштадем 1. Оно изготовлено из плитчатой отдельности, но из той разновидности дацита, которая, судя по колонке Мурадово, становится основным сырьем только со среднего ашеля. Это крупное орудие (23,1 × 13,1 × 5,7 см) с резко выступающим лезвием и массивной рукоятью, хорошо выделенной крутой оббивкой (рис. 6, *2*), напоминает описанные выше секачи из слоя 4 Карахача и слоя 8 Мурадово. Орудие из Даштадем 1 отличается от них более крупными размерами и иным характером поперечного сечения. Если карахачский и мурадовский секачи демонстрируют максимальную толщину на обушковом крае, то у данного образца она находится в средней части. Можно осторожно предположить, что в данном случае мы имеем дело с проявлениями ранне- и среднеашельской стадий развития определенного орудийного типа.

Проанализированный материал позволяет более подробно поговорить о типологическом статусе обушково-лезвийных макро-орудий. Ранее мы соотносили все подобные формы, выявляемые в ашельских индустриях Кавказа, с кударскоцонскими макро-ножами, именуемыми цалди. Соответственно, совокупность

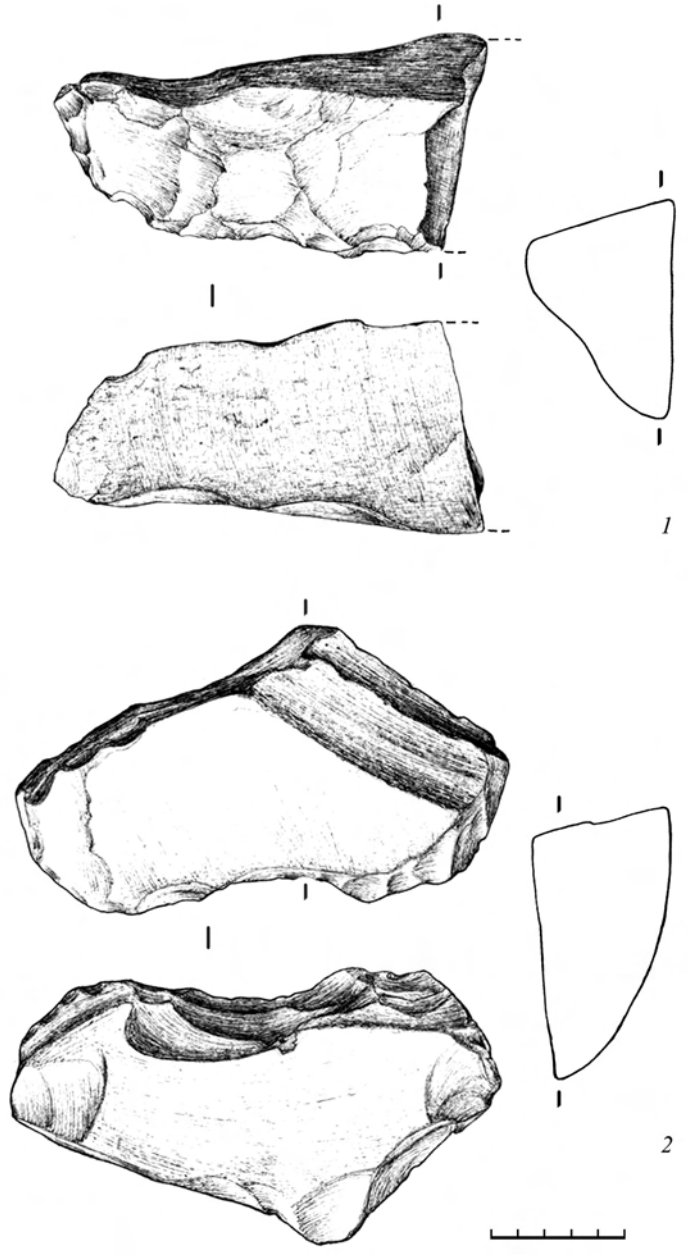

Рис. 4. Макро-ножи из раннеашельской стоянки Мурадово в Северной Армении (Лорийское плато)

1 – крупный фрагмент макро-ножа, слой 5; *2* – атипичный безрукояточный макро-нож, слой 5

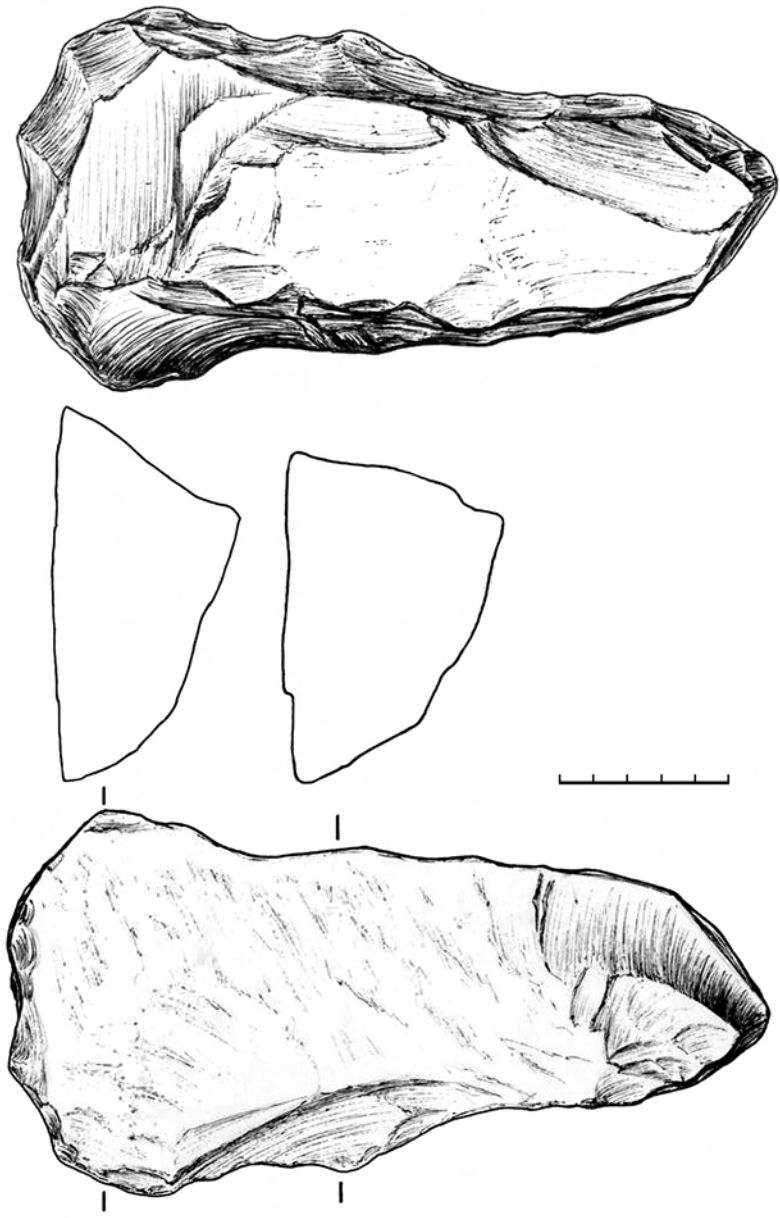

Рис. 5. Атипичный макро-нож из раннеашельской стоянки Мурадово (слой 7) в Северной Армении (Лорийское плато)

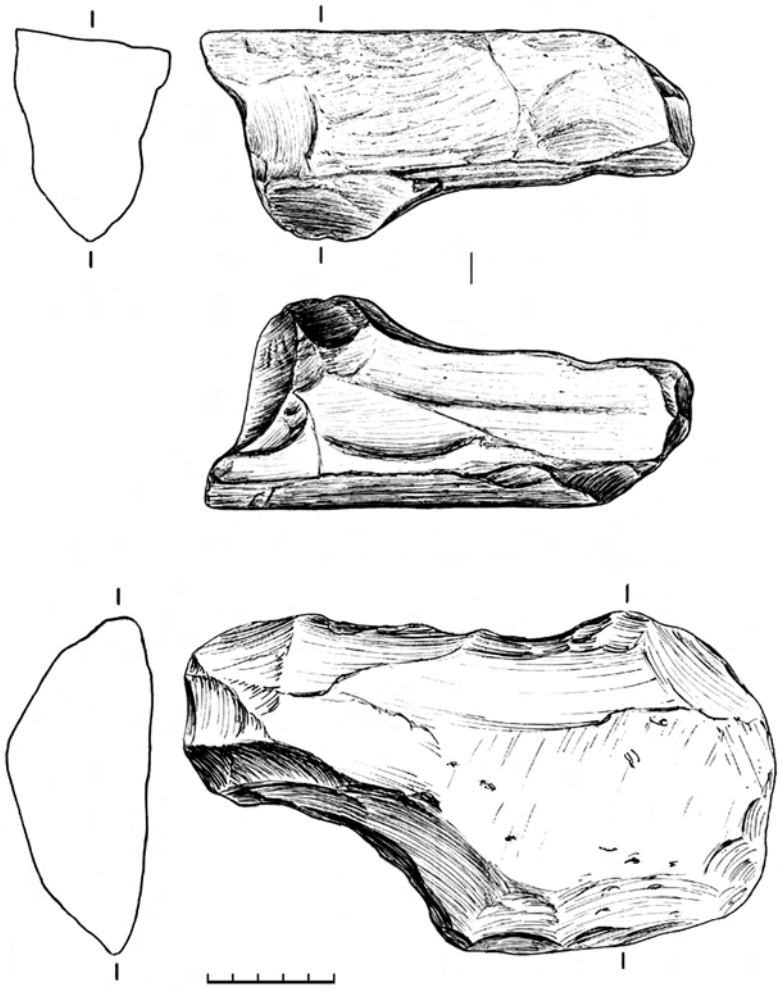

**Рис. 6. Топоровидные макро-ножи (секачи)
из ашельских памятников Северной Армении (Лорийское плато)**

1 – раннеашельская стоянка Мурадово, слой 8; *2* – местонахождение Даштадем 1

таких орудий рассматривалась как особый тип под названием «цалди» (*Любин*, 2007). Однако сегодня с увеличением находок обушково-лезвийных орудий в ашеле Кавказа становится все более очевидным, что вариабельность этих форм слишком широка для помещения их в рамки одного типа. Кроме того, чтобы выразить сущность этих орудий на общепринятом типологическом языке, необходимо увязать их с существующими классификационными схемами. Основной для ашеля обычно считается классификационная система, разработанная Дж. Д. Кларком и М. Клейндинст на материалах ряда памятников Восточной Африки (*Clark, Kleidienst*, 1974). С определенными коррективами она использовалась затем для описания других африканских и ближневосточных индустрий.

На наш взгляд, разработанный в этой системе понятийный аппарат можно применять также и при анализе кавказского ашеля (*Любин, Беляева*, 2004а. С. 20). В этой системе все орудия подразделяются на три субкатегории. Первая из них объединяет Large cutting tools (крупные рубяще-режущие орудия размером более 10 см), в состав которых входят ручные рубила, кливеры, ножи и листовидные изделия. Две другие субкатегории включают Heavy duty tools (макро-орудия иного рода, как то: нуклевидные орудия, пики, чопперы, нуклевидные скребки и др.) и Light duty tools (разнообразные мелкие (< 10 см) орудия, т. е. скребла, скребки, остроконечники, резцы и др.) (*Clark, Kleidienst*, 1974).

Рассматриваемые нами орудия из ашельских памятников Кавказа отличаются крупными размерами, и их главной чертой является противопоставление лезвийного и обушкового краев. Соответственно, эта орудийная группа должна соотноситься с субкатегорией Large cutting tools, а внутри этой субкатегории соответствует, очевидно, классу ножей. Класс под таким названием объединяет орудия, один продольный край которых является обушком (натуральным или притупленным ретушью), а второй – рабочим лезвием, оформляемым обработкой разного рода (*Kleidienst*, 1962. P. 89). Дж. Д. Кларк и М. Клейндинст помещали в этот класс как массивные рубящие, так и относительно небольшие орудия, соответствующие бифасиальным обушковым скреблам. В свое время это побудило одного из нас высказать критические замечания по поводу эклектичности данного типологического подразделения (*Любин, Геде*, 2000. С. 27). Однако понятие «нож» все же представляется достаточно удобным, чтобы обозначить всю совокупность встреченных в ашеле Кавказа орудий с противопоставлением лезвийного и обушкового краев. Чтобы подчеркнуть крупные размеры этих орудий и отсутствие среди них изделий, сопоставимых с обушковыми скреблами, можно предложить для этого класса орудий наименование «макро-ножи».

Внутри этой группы на сегодня намечаются несколько разновидностей, или типов. Первая из них включает удлиненные орудия, большая часть корпуса которых имеет вид клинка с противопоставлением лезвийного и обушкового краев, а один из концов заужен крутыми сколами, образующими рукоять. Таковы макро-ножи позднеашельских индустрий из центральнокавказских стоянок Цона и Кударо 1, вошедшие в литературу как цалди (рис. 1, *1, 2*), а также более массивные, архаичные (ранний-средний ашель), но в целом аналогичные формы из северокавказской стоянки Кинжал (рис. 1, *3*) и из местонахождений Лорийского плато на севере Армении – Благодарное 1 и Даштадем 5 (рис. 2, *2*). Этот тип удлиненных макро-ножей с выделенной рукоятью мы считаем логичным продолжать называть «цалди».

Обушково-лезвийные орудия, которые сходны с цалди по удлиненности пропорций, но не имеют специально выделенных рукояточных частей, следует, видимо, относить к другому типу. Такие орудия встречены в позднеашельской индустрии центральнокавказской стоянки Кударо 1 (*Любин, Беляева*, 2004а. С. 174. Рис. 109, *3*; *Любин*, 2007. С. 102. Рис. 3) и в раннем-среднеашельских памятниках Северной Армении (Лорийское плато) – на стоянке Карахач (рис. 3, *2*) и на местонахождении Даштадем 1 (рис. 2, *1*). Этот второй тип макро-ножей без выделенной рукояти предлагается обозначить термином «тесак». Еще один (третий) тип макро-ножей представлен образцами, происходящими только

из памятников Лорийского плато в Северной Армении. Это обушково-лезвийные орудия более укороченных пропорций с резко выступающими дуговидными лезвиями и рукоятью, занимающей не менее половины длины. Мы предлагаем для них название «топоровидные макро-ножи (секачи)». Такие секачи найдены в раннеашельских слоях Карахача (рис. 3, *1*) и Мурадово (рис. 6, *1*), а также на местонахождении Даштадем 1 (рис. 6, *2*). Обушково-лезвийные орудия с иными характеристиками представлены единичными образцами (рис. 4, *2*; 5), и их более точная атрибуция станет возможной только после обнаружения других аналогичных изделий.

Выделение описанной нами типологической группы макро-ножей в ашеле Кавказа важно не только для описания и учета соответствующих орудий. Их присутствие в разновременных и пространственно удаленных памятниках Кавказа, как уже отмечалось, показывает, что они является значимой и очень характерной особенностью ашеля данного региона. Образец цалди из Йемена (*Амирханов*, 1991. С. 151. Рис. 63, *1*; 2006. С. 127–128. Рис. 73, *1*) допускает вероятность обнаружения подобных форм и в других областях ашельского ойкумены, однако за последние более чем два десятка лет о новых находках такого рода за пределами Кавказа пока ничего не известно. На Кавказе, напротив, количество подобных находок постепенно растет. Это дает повод поговорить о том, чем можно объяснить возникновение и длительное бытование группы макро-ножей в ашельских индустриях Кавказа.

Начнем с того, что морфологические особенности описанных нами ашельских макро-ножей тесно связаны с использованием определенных заготовок, которые должны быть большеразмерными (15–20 см и более), удлиненными и прямоосными. В редких случаях этим требованиям могли отвечать наиболее крупные отщепы, но наиболее подходящими заготовками являлись, как правило, большие плитчатые отдельности (*Любин*, 2007. С. 106). Подобная форма естественных обломков породы характерна для сланцев, а также для лавовых пород, обладающих упорядоченным плоско-параллельными или линейно-параллельными текстурами (*Рыка, Малишевская*, 1989. С. 482–488. Рис. 511), что приводит к расслоению породы на крупные плитчатые отдельности. Именно такие текстуры отличают, в частности, значительную часть лавовых пород, которые были доступны ашельскому человеку на севере Армении. Наряду с габаритами и формой исходного сырья при изготовлении макро-ножей, используемых, очевидно, как рубяще-режущие орудия, необходимым условием была также достаточная прочность используемой породы. С учетом всех этих требований, совсем неудивительно, что среди рассмотренных макро-ножей нет изделий из хрупких пород типа обсидиана, а также из кремня, который редко встречается в виде достаточно крупных отдельностей. Все ранне- и среднеашельские образцы макро-ножей, происходящие из памятников Лорийского плато в Северной Армении, как было отмечено, изготовлены из местного лавового плитчатого сырья – риодацита и других разновидностей дацита. Вполне допустимо, что само возникновение орудий такого рода в раннем ашеле этой области Кавказа было обусловлено местным сырьем, среди плитчатых обломков которого попадаются плоские и удлиненные формы, являющие собой почти готовые «клинки».

Подчеркивая, что макро-ножи являются компонентом ашельских индустрий на плитчатом сырье (дацит, сланец, роговик), обратим теперь внимание на хронологический диапазон отдельных типов этой орудийной группы. Собственно цалди обнаружены на раннеашельской стоянке Кинжал на Северном Кавказе, в среднеашельских, судя по всему, материалах местонахождений Северной Армении и в позднеашельских пещерных стоянках Цона и Кударо 1 (Центральный Кавказ). Клинковидные орудия без рукояти («тесаки») встречены в раннеашельских и среднеашельских индустриях Северной Армении, а также в позднеашельской индустрии Кударо 1. Топоровидные макро-ножи (секачи) выявлены в раннеашельских индустриях североармянских памятников Карахач и Мурадово, а также среди изделий среднеашельского облика, найденных на соседствующем местонахождении Даштадем 1. Таким образом, эти типы макро-ножей возникают в раннем ашеле и продолжают существовать в средне- и позднеашельское время. Это говорит о глубинной местной традиции, связующей разные этапы кавказского ашеля и возникшей, видимо, благодаря общей подоснове. Наряду с некоторыми другими региональными особенностями, прослеживаемыми от раннеашельских индустрий до позднеашельских, данная традиция изготовления макро-ножей может свидетельствовать о преимущественно автохтонном развитии кавказского ашеля. Новые находки различных типов макро-ножей, как можно надеяться, позволят тщательнее изучить развитие этих специфических форм в связи с культурно-хронологической динамикой ашеля Кавказа в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Х. А., 1991. Палеолит юга Аравии. М: Наука. 344 с.

Амирханов Х. А., 2006. Каменный век Южной Аравии. М: Наука. 693 с.

Асланян С. А., Беляева Е. В., Колпаков Е. М., Любин В. П., Саркисян Г. М., Суворов А. В., 2007. Работы армяно-российской археологической экспедиции в 2003–2006 гг. // Записки ИИМК РАН. № 2. С. 142–154.

Беляева Е. В., Любин В. П., 2012. Первые данные о ранних этапах ашеля на Кавказе // КСИА. Вып. 227. С. 28–37.

Беляева Е. В., Любин В. П., 2013. Ашельские памятники Северной Армении // Фундаментальные проблемы… С. 37–52.

Каландадзе А. Н., 1965. Цонская пещера и ее культура // Пещеры Грузии. Тбилиси. С. 28–37.

Каландадзе А. Н., 1969. Цонская пещера и ее культура // Actes du IVe Congr. Intern. de Speleologie en Yougoslavie (12–16.IX.1965). Ljubljana. P. 339–353.

Любин В. П., 2007. Цалди – новый тип ашельских орудий // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги. С. 100–108.

Любин В. П., Беляева Е. В., 2004а. Стоянка Homo erectus в пещере Кударо I (Центральный Кавказ). СПб.: Петербургское востоковедение. 272 с. (Труды ИИМК РАН; Т. 13.)

Любин В. П., Беляева Е. В., 2004б. Открытие следов нижнего палеолита на островных горах Пятигорья (Ставропольский край) // Проблемы первобытной археологии Евразии: К 75-летию А. А. Формозова: Сб. ст. / Ред., сост. В. И. Гуляев, С. В. Кузьминых. М.: ИА РАН. С. 104–111.

Любин В. П., Беляева Е. В., 2010. Новые данные о раннем палеолите Армении // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 107–126. (Труды ИИМК РАН; Т. 35.)

Любин В. П., Беляева Е. В., 2011. Раннеашельский памятник Карахач в Северной Армении // Археологические вести. № 17 (2010–2011). С. 13–19.

Любин В. П., Геде Ф. Й., 2000. Палеолит Республики Кот д'Ивуар (Западная Африка). СПб.: Петербургское востоковедение. 158 с. (Труды ИИМК РАН; Т. 3.)

Рыка В., Малишевская А., 1989. Петрографический словарь. М.: Недра. 189 с.

Трифонов В. Г., Любин В. П., Беляева Е. В., Трихунков Я. И., Симакова А. Н., Тесаков А. С., Веселовский Р. В., Пресняков С. Л., Бачманов Д. М., Иванова Т. П., Ожерельев Д. В., 2014. Геодинамические и палеогеографические условия расселения древнейшего человека в Евразии (Аравийско-Кавказский регион) // Тектоника складчатых поясов Евразии: сходство, различие, характерные черты новейшего горообразования, региональные обобщения: Материалы 46-го Тектонического совещания. Т. 2. М.: ГЕОС, 2014. С. 240–246.

Clark J. D., Kleindienst M., 1974. The Stone Age Cultural Sequence: Terminology, Typology and Raw Material // Kalambo Falls Prehistoric Site / Ed. J. D. Clark. London; Cambridge: Cambridge University Press. Vol. 2. P. 71–106.

Kleindienst M., 1962. Components of the East African Acheulian assemblages: an analytic approach // Actes du IV Congres Panafricain de Prehistoire et de l'Etude du Quaternaire. Vol. 3. Tervuren: Musee Royal de L'Afrique Central. P. 86–105.

Presnyakov S. L., Belyaeva E. V., Lyubin V. P., Rodionov N. V, Antonov A. V., Saltykova A. K., Berezhnaya N. G., Sergeev S. A., 2012. Age of the earliest Paleolithic sites in the northern part of the Armenian Highland by SHRIMP-II U-Pb dating of zircons from volcanic ashes // Gondwana Research. № 21. P. 925–938.

Сведения об авторах.

Любин Василий Прокофьевич, Беляева Елена Владимировна, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург 191186, Россия; e-mail: biface@mail.ru.

V. P. Lyubin, Ye. V. Belyaeva

Macro-knives of the Acheulian period in the Caucasus

Abstract. In the last century two Late Acheulian sites of Tsona and Kudaro 1 (Central Caucasus) first yielded large tools with a lateral cutting edge opposing to the backed one and a handle formed with a steep retouch. They were defined as «tsaldi» (Georgian peasants' knife). Later partly similar backed-cutting tools were found in the Early-Middle Acheulian sites of the Caucasus, mainly in North Armenia. All these pieces made of natural slabs may be defined as macro-knives subdivided into three types: 1) elongated macro-knife with a handle – «tsaldi»; 2) elongated macro-knife without a handle – «broadsword»; 3) handled macro-knife with a prominent arched cutting edge – «hatchet-like macro-knife». Producing macro-knives in the Caucasian Acheulian is a regional tradition stimulated by local slab-like raw material.

Keywords: Caucasus, Acheulian, macro-knives, typology.

REFERENCES

Amirkhanov H. A., 1991. Paleolit yuga Aravii [Palaeolithic of the South of Arabia]. Moscow: Nauka. 344 p.

Amirkhanov H. A., 2006. Kamenny vek Yuzhnoy Aravii [Stone Age of South Arabia]. Moscow: Nauka. 693 p.

Aslanyan S. A., Belyayeva Ye. V., Kolpakov Ye. M., Lyubin V. P., Sarkisyan G. M., Suvorov A. V., 2007. Raboty armyano-rossiyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2003–2006 gg. [Activities of Armanian-Russian archaeological expedition in 2003–2006]. *Zapiski IIMK RAN* [*Notes of IIMK RAN*], 2, pp. 142–154.

Belyayeva Ye. V., Lyubin V. P., 2012. Pervyye dannyye o rannikh etapakh ashelya na Kavkaze [Preliminary data on the early stages of Acheulian in the Caucasus]. *KSIA*, 227, pp. 28–37.

Belyayeva Ye. V., Lyubin V. P., 2013. Ashel'skiye pamyatniki Severnoy Armenii [Acheulian sites of North Armenia]. *Fundamental problems…*, pp. 37–52.

Clark J. D., Kleindienst M., 1974. The Stone Age Cultural Sequence: Terminology, Typology and Raw Material. *Kalambo Falls Prehistoric Site*, 2. J. D. Clark, ed. London; Cambridge: Cambridge University Press, pp. 71–106.

Kalandadze A. N., 1965. Tsonskaya peshchera i yeye kul'tura [Tsoni cave and its culture]. *Peshchery Gruzii* [*Caves of Georgia*]. Tbilisi, pp. 30–38.

Kalandadze A. N., 1969. Tsonskaya peshchera i yeye kul'tura [Tsoni cave and its culture]. *Actes du IVe Congres International de Speleologie en Yougoslavie (12–16.IX.1965). Ljubljana, pp. 339–353.*

Kleindienst M., 1962. Components of the East African Acheulian assemblages: an analytic approach. *Actes du IV Congres Panafricain de Prehistoire et de l'Etude du Quaternaire*, 3. Tervuren: Musee Royal de L'Afrique Central, pp. 86–105.

Lyubin V. P., 2007. Tsaldi – novy tip ashel'skikh orudy [Tsaldi – a new type of Acheulian tools]. *Problemy arkheologii kamennogo veka (k yubileyu M. D. Gvozdover)* [*Problems of Stone Age archaeology (towards anniversary of M. D. Gvozdover)*]. Moscow: Dom yevreyskoy knigi, pp. 119–154.

Lyubin V. P., Belyayeva Ye. V., 2004a. Stoyanka Homo erectus v peshchere Kudaro I (Tsentral'ny Kavkaz) [Homo erectus station in cave Kudaro I (Central Caucasus)]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. *272 p.* (Trudy [Transactions] IIMK RAN, 13.)

Lyubin V. P., Belyayeva Ye. V., 2004b. Otkrytiye sledov nizhnego paleolita na ostrovnykh gorakh Pyatigor'ya (Stavropol'sky kray) [Discovery of traces of Lower Palaeolithic on island mountains of Pyatigorsk region (Stavropol kray)]. *Problemy pervobytnoy arkheologii Yevrazii: K 75-letiyu A. A. Formozova* [*Problems of prehistoric archaeology of Eurasia: Towards 75th anniversary of A. A. Formozov*]. *V. I. Gulyayev, S. V. Kuz'minykh, eds.* Moscow: IA RAN, pp. 104–111.

Lyubin V. P., Belyayeva Ye. V., 2010. Novyye dannyye o rannem paleolite Armenii [New data on early Palaeolithic of Armenia]. *Drevneyshiye obitateli Kavkaza i rasseleniye predkov cheloveka v Yevrazii [Earliest inhabitants of Caucasus and human ancestor's settling in Eurasia*]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, pp. *107–126.* (Trudy [Transactions] IIMK RAN, 35.)

Lyubin V. P., Belyayeva Ye. V., 2011. Ranneashel'sky pamyatnik Karakhach v severnoy Armenii [Early Acheulian site Karakhach in North Armenia]. *Arkheologicheskiye vesti* [*Archaeological bulletin*], 17 (2010–2011), pp. 13–19.

Lyubin V. P., Gede F. Y., 2000. Paleolit Respubliki Kot d'Ivuar (Zapadnaya Afrika) [Palaeolithic of Republic Côte d' Ivoire (West Africa)]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 158 p. (Trudy [Transactions] IIMK RAN, 3.)

Presnyakov S. L., Belyaeva E. V., Lyubin V. P., Rodionov N. V., Antonov A. V., Saltykova A. K., Berezhnaya N. G., Sergeev S. A., 2012. Age of the earliest Paleolithic sites in the northern part of the Armenian Highland by SHRIMP-II U-Pb dating of zircons from volcanic ashes. *Gondwana Research*, 21, pp. 928–938.

Ryka V., Malishevskaya A., 1989. Petrograficheskiy slovar' [Petrology dictionary]. Moscow: Nedra. 189 p.

About the authors.

Lyubin Vasili P., Belyaeva Yelena V., Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St.-Petersburg, 191186; Russian Federation; e-mail: biface@mail.ru.

Д. В. Ожерельев

ТИПОЛОГИЯ ИЗДЕЛИЙ СО ВТОРИЧНОЙ ОБРАБОТКОЙ СЛОЯ 74 РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ МУХКАЙ II (Дагестан)*

Резюме: В статье изучается орудийный набор одного из богатых культурных слоев стоянки эпохи олдована Мухкай II. Находки происходят из раскопок 2010–2012 гг. Орудия подразделяются на две большие подгруппы: крупные и мелкоразмерные ретушированные. Обе подгруппы обнаруживают большое типологическое и категориальное разнообразие. Типологический состав орудий по многим признакам имеет сходство с некоторыми стоянками этого времени Восточной и Северной Африки, а также с материалами стоянок Айникаб I–II, Мухкай I и Гегалашур III в Центральном Дагестане. По палеомагнитным и палеонтологическим данным стоянка в слое 74 датируется в промежутке 2,1–1,9 млн л. н.

Ключевые слова: каменный век, эпоха олдована, стоянка открытого типа, каменные орудия, типология, технокомплекс чоппера и пика, Северо-Восточный Кавказ.

Многослойный раннепалеолитический памятник Мухкай II был открыт в 2006 г. Х. А. Амирхановым в ходе работы Северокавказской палеолитической экспедиции Института археологии РАН. Памятник находится в Акушинском районе Республики Дагестан. Ближайший населенный пункт от него (2,5 км к северу) – окраинный выселок села Акуша Айникаб-махи. Абсолютная высота Мухкая II составляет 1619,8 м над уровнем моря. Геоморфологическая позиция местонахождения связана с 220-метровым террасовым уровнем водораздельной гряды рр. Акуша и Усиша. Памятник находится у тыльной, прислоненной к хребту Вацалабек, части водораздельного хребта. Водораздел в районе памятника имеет высокую уплощенную поверхность (около 100 м шириной) с крутыми, местами обрывистыми склонами. Восточный склон водораздела обращен к руслу небольшой речки Цианшури, впадающей в р. Усиша. В 100 м западнее площадка водораздела срезается долиной р. Акуша, благодаря чему здесь рыхлые раннеплейстоценовые отложения обнажаются на большую глубину. В районе стоянки Мухкай II их мощность достигает своего максимума и составляет более 70 м. Данные отложения имеют преимущественно пролювиальный генезис

* Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 11-06-00293-а, 14-06-000042-а.

и представляют собой фрагменты позднеплиоценовой поверхности выравнивания (*Амирханов*, 2007а. С. 7).

Беспрецедентные по масштабу и информативности исследования на Мухкае II продолжаются в течение шести лет (2008–2013 гг.). В 2008 г., с учетом большой мощности возможных культуросодержащих отложений, было принято решение в первую очередь получить полный стратиграфический разрез всей мухкайской толщи. С этой целью в 2008 г. была заложена траншея в месте естественного обнажения крутого склона, где в 2006–2007 гг. были собраны первые находки кремневых артефактов. За два года исследований (2008–2009 гг.) траншея была доведена до глубины 24 м. Было вскрыто 52 литологических слоя (*Селезнев*, 2012. С. 18–27). В 2010 г. разведочная траншея в виде врезки в крутой склон была перенесена на 16 м к юго-западу, на гребень склона, который формируют два ручья. Траншея и впоследствии раскоп, заложенный на месте стоянки в слое 80, вскрыли разрез памятника до глубины 35 м. В 2011–2013 гг. траншея была доведена до известнякового материка. Контакт раннеплейстоценовых слоев с меловыми отложениями был зафиксирован на глубине 72,7 м (цв. илл. III). Таким образом, систематичными исследованиями была получена полная стратиграфическая колонка всей культуросодержащей толщи Мухкая II, различные слои и пачки которой формировались соответственно в разные этапы раннего плейстоцена (2,6–0,8 млн л. н.). По литолого-фациальным характеристикам разрез памятника содержит слоистые чередующиеся толщи крупнообломочных (галечные, гравийно-галечные, галечно-валунные отложения и т. д.) и мелкоземистых слоев (суглинки, опесчаненные суглинки).

Общая коллекция памятника Мухкай II с различных слоев (исключая коллекцию базовой стоянки в слое 80) насчитывает 1 558 предметов. Мощность культурных слоев толщи различна. Обработанные кремневые изделия имеют как различную количественную представительность по слоям, так и по концентрации находок на 1 кв. м между слоями. Наиболее насыщенными на находки являются слои 25, 34, 63, 74, 82. С точки зрения литологической характеристики данные слои имеют свои особенности, в общих моментах схожие. Технико-типологический состав инвентаря, представляющего полный технологический цикл обработки от опробывания кремневого сырья до получения законченных орудий, его структурированность, типологическое и категориальное разнообразие индустрии позволяют считать каждый из этих слоев остатками долговременных стоянок-мастерских (*Амирханов*, 2012б. С. 40).

Слой 74 был впервые вскрыт разведочной траншеей в 2010 г. на глубине 32 м от дневной поверхности. В дальнейшем он исследовался раскопами 1–3 в 2010–2012 гг. Общая площадь раскопанной части отложений составляет 27 кв. м.

В настоящее время экспонируемая эрозией часть слоя слегка задернована, однако эрозия, выветривание и гравитационные процессы постепенно разрушают отложения на данном участке. Особенно это заметно в разрезе на присклоновых участках. Крупнообломочная составляющая слоя выполняет своеобразную «бронирующую» роль, благодаря чему гребень здесь слегка выполаживается. Угол продольного уклона склона в этом месте колеблется от 28º в месте контакта с нижележащими суглинками до 14º в верхней части

обнажения. В плане раскопанный участок стоянки имеет мысообразные очертания. Разрушению подвергаются южная, западная и северная стороны. Соответственно, непотревоженные отложения уходят в восточный борт, где они связаны с коренными отложениями единой толщи. Исследования показали, что слой 74 залегает на глубине 32,00–33,23 м, его мощность на непотревоженном участке составляет 1,20–1,25 м. Литологический слой 74 определяется как галечник с заполнителем в виде песчано-глинистого материала и известняковой крошки. Крупнообломочный материал представлен известняками и мергелями. При детальном рассмотрении слой имеет более сложную структуру и подразделяется на несколько литологических единиц – прослоев.

В качестве сырья, из которого изготавливались каменные орудия слоя 74, выступал местный меловой кремень различных оттенков серого цвета. Кремневые желваки обильно встречаются в галечниках, в руслах прилегающих рек и ручьев. В культурные слои кремень попадал при разрушении прилегающих известняковых хребтов и далее «разносился пролювиальными потоками по котловине вместе с другим обломочным материалом» (*Амирханов*, 2012б. С. 17). Для находок из слоя 74 не отмечается окатанность, изделия имеют острые режущие края, но в то же время на ряде предметов фиксируется неглубокая патина белого цвета, чаще всего в виде небольших участков и пятен.

Каменная коллекция слоя 74 насчитывает 370 предметов. По технико-типологическим показателям инвентарь подразделяется на две основные группы: группа первичного расщепления и отходы производства и орудийный набор (табл. 1).

Таблица 1. Типологический состав находок стоянки Мухкай II, слой 74

№ п/п	Наименование изделия	Количество	%
ГРУППА ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ И ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА			
1	Нуклеусы и нуклевидные обломки	3	0,81
2	Желваки со сколами	21	5,68
3	Обломки желваков со сколами	13	3,51
4	Обломки желваков	1	0,27
5	Обломки со сколами	46	12,43
6	Обломки	49	13,24
7	Отщепы	74	20,00
8	Обломки отщепов	29	7,84
9	Пластинатые сколы и их обломки	6	1,62
10	Чешуйки	1	0,27
ОРУДИЙНЫЙ НАБОР			
11	Чопперы односторонние	18	4,86
12	Чопперы двусторонние	25	6,76
13	Чопперы двулезвийные	5	1,35
14	Пики	7	1,89
15	Пикообразные орудия	12	3,24

16	Скребла	4	1,08
17	Обломки скребел	1	0,27
18	Ножи с естественным обушком	2	0,54
19	Долотовидные орудия	1	0,27
20	Острия трехгранные на обломках	6	1,62
21	Шиповидные орудия	4	1,08
22	Скребки	5	1,35
23	Орудия с выемкой	1	0,27
24	Отщепы и обломки отщепов с ретушью	8	2,16
25	Отщепы и обломки отщепов с участком ретуши	15	4,05
26	Обломки с ретушью	7	1,89
27	Обломки с участком ретуши	6	1,62
	ИТОГО ГРУППА ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ И ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА	243	65,68
	ИТОГО ОРУДИЙНЫЙ НАБОР	127	34,32
	ИТОГО	**370**	**100,00**

Орудия насчитывают 127 экземпляров, или 34,32 % от всей коллекции. Орудийный набор подразделяется на две подгруппы: это крупные орудия с рубяще-режущими функциями (heavy-duty tools) и небольшие орудия с вторичной обработкой, изготовленные на сколах и обломках (light-duty tools) и предназначенные для резания, скобления, прокалывания. Подгруппа крупных орудий включает в себя чопперы, пики и пикообразные орудия.

Наиболее многочисленной и показательной для индустрии слоя является категория чопперов. Их насчитывается 48 экз., в процентном отношении ко всей коллекции это 13 %, доля чопперов в орудийном наборе 37,8 %. Учитывая важную роль этих орудий в раннепалеолитических индустриях не только Внутреннего Дагестана, но и большинства культурно близких памятников Африки и Евразии, приведем их более подробное описание. Типологическая характеристика чопперов, разработанная первоначально для памятников Южной Аравии (*Амирханов*, 2006б. С. 36–42 и др.), а затем успешно использованная и для стоянок Центрального Дагестана (Айникаб I, Мухкай I–II) (*Таймазов*, 2010. С. 75–87; *Амирханов*, 2012б. С. 21–24), является достаточно полной и информативной для работы с материалами олдованских памятников. В отличие от других классификаций, она сочетает в себе максимальное количество признаков и критериев, в первую очередь форму и размер лезвия, а также способ оформления рабочего края. В нашей работе мы используем эту классификацию.

В качестве заготовок для чопперов использовались как целые желваки, так и их фрагменты, усеченные обломки плоских (вплоть до плиток) или уплощенных очертаний. Готовые изделия имеют разнообразную форму – округлую, подчетырехугольную, подтреугольную и некоторые другие.

Оббивка лезвий чопперов имеет различную направленность: поперечную, продольную, диагональную и смешанные между собой разновидности. Оформление лезвий проводилось вдоль края уплощенных сторон заготовки. Есть предметы, когда скалывание проводилось в плоскости, перпендикулярной уплощенным

поверхностям заготовки. Лезвие этих предметов располагается развернуто на 90° к уплощенным сторонам чоппера, и часто ширина лезвия у них соответствует толщине желвака или обломка желвака. Число фасет оформления лезвий у чопперов насчитывает от двух и более. Одним из использованных при подготовке лезвия приемов являлся обруб или усечение боковых сторон чоппера с целью выделения участка для будущего рабочего края. Усеченная поверхность изделия в дальнейшем могла подправляться более мелкими сколами. Такое усечение проводилось как с одной, так и с двух продольных сторон заготовки. В большинстве случаев одним из необходимых признаков чоппера рассматриваемой коллекции является наличие аккомодационных участков. Аккомодационные участки могут быть естественными в виде желвачной корковой поверхности закругленных очертаний, либо намеренно подготовленной зоной в виде «пятки», а также боковых поперечных усечений. В некоторых случаях применялся такой прием, как удаление желвачных выступов («шишек»). Подчас аккомодационные участки несут следы интенсивной оббивки, выделяясь тщательностью выверенной работы.

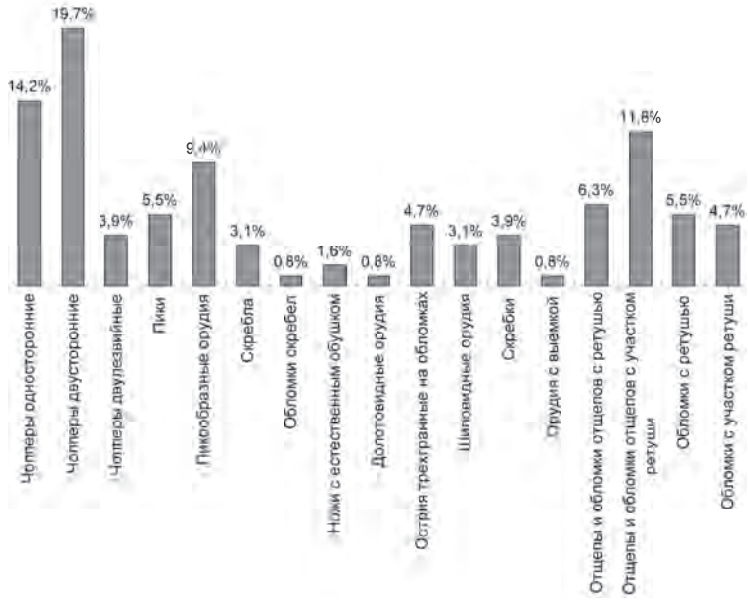

Диаграмма 1. Процентное соотношение различных категорий орудий слоя 74 стоянки Мухкай II

Чопперы слоя 74 включают односторонние, двусторонние и двулезвийные формы. В количественном отношении преобладают двусторонние изделия – 25 экз. (52% от чопперов и 19,7% от всех орудий). Односторонних изделий на семь меньше – 18 экз. (37,5% от чопперов, 14,2% от всех орудий). Двулезвийных форм насчитывается 5 (10,4% от чопперов, 3,94% от всех орудий) (см. диаграмму 1). В свою очередь, односторонние и двусторонние чопперы в зависимости от формы рабочего лезвия (прямое, дугообразное, скошенное, долотовидное, стрельчатое) и его величины (широкое, узкое) подразделяются на 15 типов. Двулезвийные

чопперы включают односторонние и двусторонние формы. Широким считается лезвие, имеющее ширину свыше 5 см, узким, соответственно, – меньше этого показателя. Таким образом, общее количество выделяемых в коллекции типов чопперов насчитывает 17 классификационных единиц (табл. 2).

Размеры наиболее крупного чоппера – 20,3 × 9,9 × 5,9 см, самый маленький чоппер имеет размеры 7,6 × 7,2 × 5,7 см. Бóльшая же часть орудий – свыше 10 см.

Таблица 2. Типологический состав чопперов слоя 74 стоянки Мухкай II

Наименование типа	Количество
Чопперы односторонние с прямым широким лезвием	2
Чопперы односторонние с дугообразным широким лезвием	4
Чопперы односторонние со скошенным широким лезвием	3
Чопперы односторонние с прямым узким лезвием	4
Чопперы односторонние с дугообразным узким лезвием	2
Чопперы односторонние со скошенным узким лезвием	1
Чопперы односторонние со стрельчатым лезвием	2
Чопперы двусторонние с прямым широким лезвием	4
Чопперы двусторонние с дугообразным широким лезвием	5
Чопперы двусторонние со скошенным широким лезвием	3
Чопперы двусторонние с прямым узким лезвием	4
Чопперы двусторонние с дугообразным узким лезвием	4
Чопперы двусторонние со скошенным узким лезвием	1
Чопперы двусторонние с долотовидным лезвием	2
Чопперы двусторонние со стрельчатым лезвием	2
Чопперы двулезвийные односторонние	3
Чопперы двулезвийные двусторонние	2
Всего	48

Опишем некоторые типы этих орудий.

Чоппер односторонний с дугообразным широким лезвием – самый крупный экземпляр этого типа, представлен на рис. 1, *3*. Орудие размером 15,8 × 15,1 × 5,2 см имеет пятиугольную форму. Ширина лезвия составляет 11,9 см. Чоппер изготовлен на плоском нетрещиноватом кремневом желваке. Лезвие оформлено на широком крае заготовки крупной и средней оббивкой (размеры фасеток снятия от 1,3 до 7,5 см). Оббивка продольная, систематичная, наносилась с одной стороны. Местами лезвие несет следы забитости. В местах забитости лезвия с другой стороны чоппера есть участки с фасетками утилизации. Пятка и одна из сторон чоппера плоские, намеренно усеченные. Лицевая и тыльная стороны покрыты желвачной коркой. С тыльной стороны сделана многоразовая попытка снятия естественного выступа («шишки») желвака.

Чоппер односторонний с дугообразным узким лезвием имеет в плане подтрапециевидную форму (рис. 1, *2*). Широкое плоское основание («пятка») тщательно подработано множественными сколами. Лицевая сторона выпукло-округлых

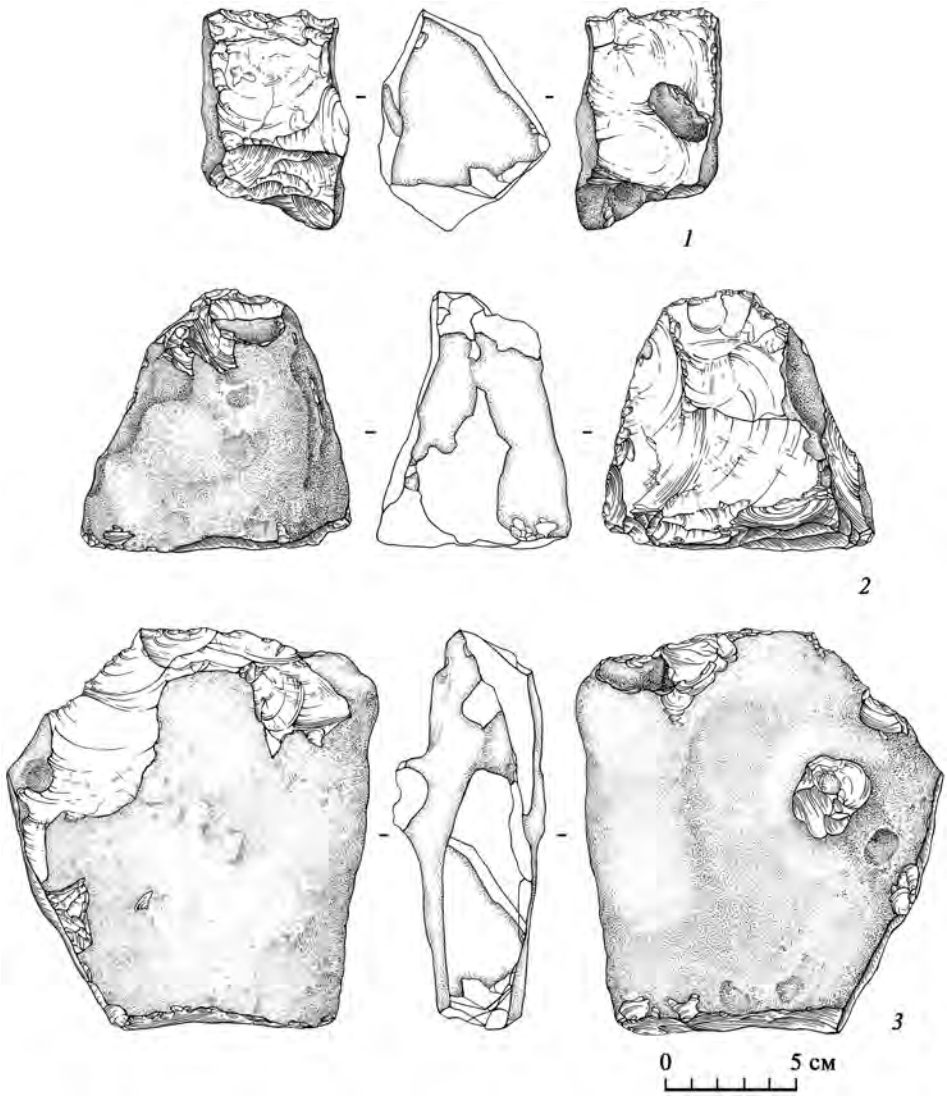

Рис. 1. Стоянка Мухкай II. Чопперы слоя 74

1 – двусторонний с прямым широким лезвием; *2* – односторонний с дугообразным узким лезвием; *3* – односторонний с дугообразным широким лезвием

очертаний представлена желвачной поверхностью. Тыльная сторона уплощенная, представляет собой крупную фасету рассечения желвака. Боковые стороны имеют естественное сужение к лезвийной части. Лезвие (ширина – 4,5 см) дугообразное, оформлено несколькими поперечными и мелкими поперечно-диагональными и продольными снятиями. Размеры орудия – 13,7×7,0×7,1 см.

Двусторонние чопперы слоя 74 более многочисленны и разнообразны (табл. 1, 2; диаграмма 1).

Чопперы двусторонние с прямым широким лезвием включают 4 экз. Один из них, с размерами 8,3 × 5,6 × 6,6 см, имеет подчетырехугольную форму (рис. 1, *1*). Предмет выполнен на фрагменте естественно уплощенного желвака. Лезвие оформлено в плоскости, перпендикулярной лицевой и тыльной поверхностям заготовки. Его ширина ограничена толщиной желвака (5,6 см). Обработка лезвия преимущественно односторонняя, несколькими некрупными (до 2,5 см в длину) разнонаправленными сколами. Противоположная сторона представляет крупную фасету усечения желвака, лезвие же подправлялось несколькими мелкими (до 1,3 см) снятиями. Основание чоппера частично уплощено обработкой.

Чопперы двусторонние с дугообразным широким лезвием – наиболее многочисленный тип чопперов для данного слоя. Всего 5 экз. В качестве примера опишем два выразительных орудия этой разновидности. Первый чоппер имеет подовальные очертания и изготовлен на специально подготовленном желваке (размеры – 14,6 × 9,8 × 5,8 см). Причем интересно, что форме заготовки орудия преднамеренно была придана уплощенная форма. Тыльная сторона чоппера содержит негатив крупного разового рассечения желвака, потом эта сторона была уплощена еще тремя небольшими сколами. Лицевая сторона также уплощалась, площадкой здесь выступала желвачная поверхность одной из латералей изделия. Особого внимания заслуживает аккомодационные участки чоппера. Один из них представляет вышеуказанная желвачная поверхность. Противоположную сторону тщательно редуцировали вертикальными поперечными встречными снятиями с уплощенных поверхностей и продольной обработкой с предварительно подготовленной «пяточной» части чоппера. После подготовки формы орудия обрабатывалось концевое лезвие. Большей обработке подверглась лицевая (выпуклая) сторона изделия. Рабочему краю была придана общая дугообразная форма, двумя глубокими сколами образована небольшая выемка в центральной части лезвия. С тыльной стороны чоппера кромка лезвия подправлялась главным образом чешуйчатыми снятиями. Размер лезвия – 7,2 см (рис. 2, *2*).

Второй чоппер имеет обработанное основание, две боковые грани с желвачной поверхностью, уплощенный контрфронт и двусторонне оббитое лезвие (рис. 2, *1*). Лезвие имеет сильно изогнутую дугообразную форму. В изготовлении лезвия здесь отмечается прием, характерный для стрельчатых форм чопперов – выделение заостренного конца сходящейся обивкой с двух краев заготовки. В данном же случае с двух краев обломка желвака двусторонней и односторонней оббивкой сформированы своеобразные «плечики» лезвия, выделен дугообразный конец чоппера. Более интенсивной и качественной обработке лезвия помешала сильно трещиноватая структура желвака. Размеры орудия – 10,3 × 9,6 × 6,8 см, ширина лезвия – 8,0 см.

Следующий тип изделий представлен *чопперами двусторонними со скошенным широким лезвием* (3 экз.). Общим признаком этих орудий является скошенный или наклонный (относительно продольной оси) рабочий край. Один из них выделяется из всей коллекции, в первую очередь, тщательностью оббивки лезвия (рис. 2, *3*). Орудие изготовлено на крупном уплощенном желваке подчетырехугольной формы, слегка расширяющемся к основанию. Размеры орудия – 18,5 × 17,5 × 7,4 см. Практически вся его поверхность покрыта желвачной коркой.

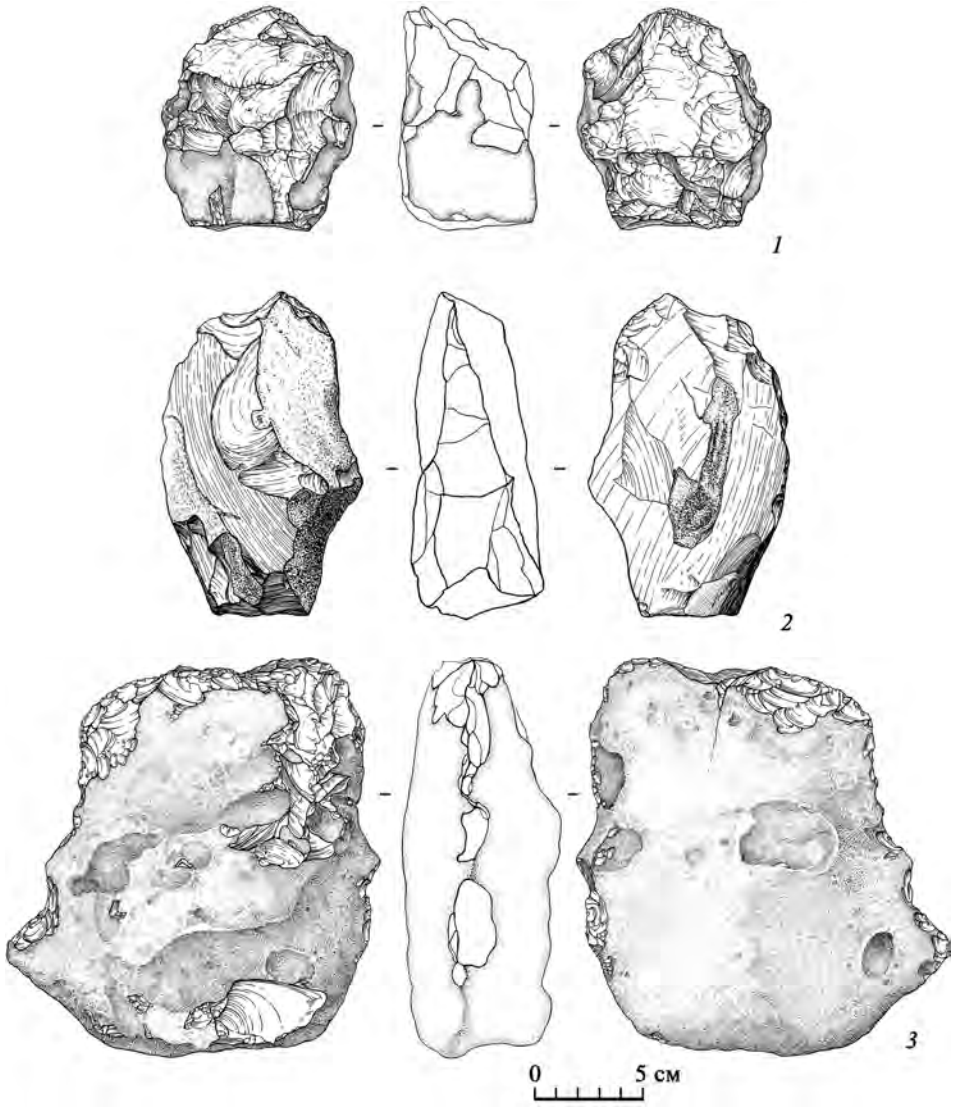

Рис. 2. Стоянка Мухкай II. Чопперы слоя 74

1, 2 – двусторонние с дугообразным широким лезвием; *3* – двусторонний со скошенным широким лезвием

Аккомодационными зонами выступали естественные закругленные желвачные поверхности, местами частично подправленные сколами. Орудийная часть подготовлена регулярными интенсивными сколами средних размеров (2,5–3,5 см) и множественными чешуйчатыми снятиями. Чешуйчатая оббивка многорядная, приостряющая, противолежащая. На участке, где лезвие немного заходит на одну из боковых сторон, обработка частично чередующаяся, переходит на другую сторону орудия. Следует отметить, что поперечный край оббит полностью,

но приостренный участок занимает примерно $^{2}/_{3}$ его ширины. Остальной участок был преднамеренно уплощен. Лезвие скошено к боковой стороне. Ширина его приостренной части – 9,6 см.

Чопперы двусторонние с дугообразным узким лезвием объединяют 4 предмета. У двух чопперов лезвие выполнено в плоскости, перпендикулярной лицевой стороне заготовок. Одно из этих изделий имеет сильно вытянутую подтреугольную форму размером $13{,}7 \times 7{,}0 \times 7{,}1$ см. Такая форма была придана заготовке тремя поперечными усечениями (обрубами), оформившими пятку и две сходящиеся стороны (рис. 3, *2*). Лезвие оформлено одним боковым утончающим сколом и несколькими двусторонними систематичными снятиями с верхней суженной части желвака. Ширина дугообразного лезвия – 3,5 см.

Чоппер двусторонний со скошенным узким лезвием в коллекции представлен одним экземпляром. Орудие имеет округлую в плане форму, его размеры – $8{,}8 \times 7{,}9 \times 5{,}6$ см (рис. 3, *1*). Первоначально с одной стороны орудия был произведен крупный диагональный скол, затем на этой же стороне с противоположного края в прилезвийной части был сделан поперечный скол. Далее обработка лезвия продолжилась с противоположной стороны. Площадкой скалывания здесь явился негатив предыдущего поперечного скола. Было произведено снятие основного скола в продольно-диагональном направлении и утончение более мелким снятием. Лезвие оказалось слегка скошенным к боковой стороне, которая, в свою очередь, была частично оббита. Ширина лезвия – 3,8 см. «Пятка» чоппера также тщательно подработана множественными ударами, ей была придана закругленная форма.

В коллекции слоя 74 имеются два экземпляра *двусторонних чопперов с долотовидным лезвием*. В целом они схожи. Так, орудие этого типа выполнено на уплощенном обломке желвака подтреугольной формы. Имеет размеры $14{,}0 \times 8{,}1 \times 6{,}2$ см. Лезвие сделано в плоскости, перпендикулярной к естественным уплощенным поверхностям желвака. Преднамеренное формирование заготовки для орудия предполагало два мощных поперечных обруба желвака, которые усеченными и сходящимися плоскостями предварительно оформили заостренный конец. Далее угол заострения регулировался противолежащими снятиями, причем скалывались как небольшие отщепы, так и пластинчатые сколы. Долотовидный рабочий конец чоппера несет следы интенсивной работы с одной из сторон. Лезвие прямое, имеет ширину 4,3 см (рис. 3, *3*).

Чопперы двусторонние со стрельчатым лезвием представлены двумя яркими орудиями. Один из них прост и изящен в исполнении. Чоппер имеет подовальную форму (рис. 4, *2*). Лезвийная часть расположена на широкой стороне желвака, причем оббивкой затронута лишь половина перспективной для обработки грани, благодаря чему складывается первоначальное впечатление незаконченности изготовления орудия. Тем не менее обработанный участок демонстрирует тщательную оббивку, образующую слегка извилистый рабочий край. В центральной части изделия выделяется массивный заостренный конец. Таким образом, диагональной двусторонней обработкой был достигнут необходимый угол заострения. Сам заостренный конец частично сколот и забит. Аккомодационная часть орудия представлена подокруглой желвачной поверхностью. Размеры орудия – $11{,}1 \times 8{,}7 \times 6{,}6$ см.

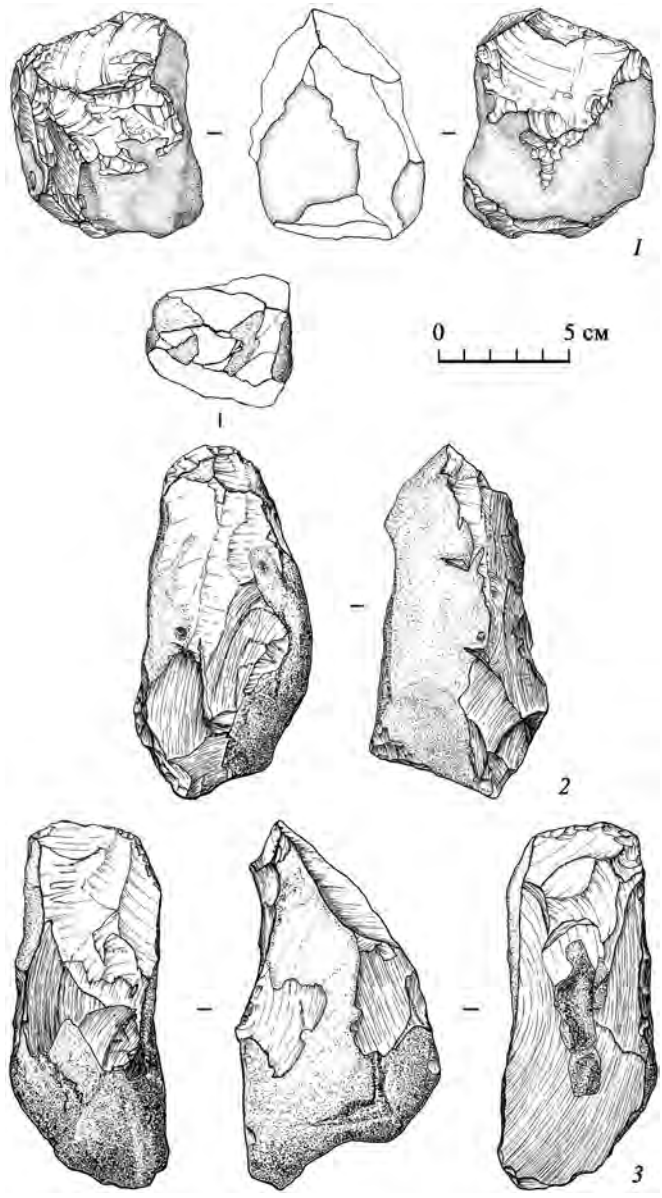

Рис. 3. Стоянка Мухкай II. Чопперы слоя 74

1 – чоппер двусторонний со скошенным узким лезвием; *2* – чоппер двусторонний с дугообразным узким лезвием; *3* – двусторонний с долотовидным лезвием

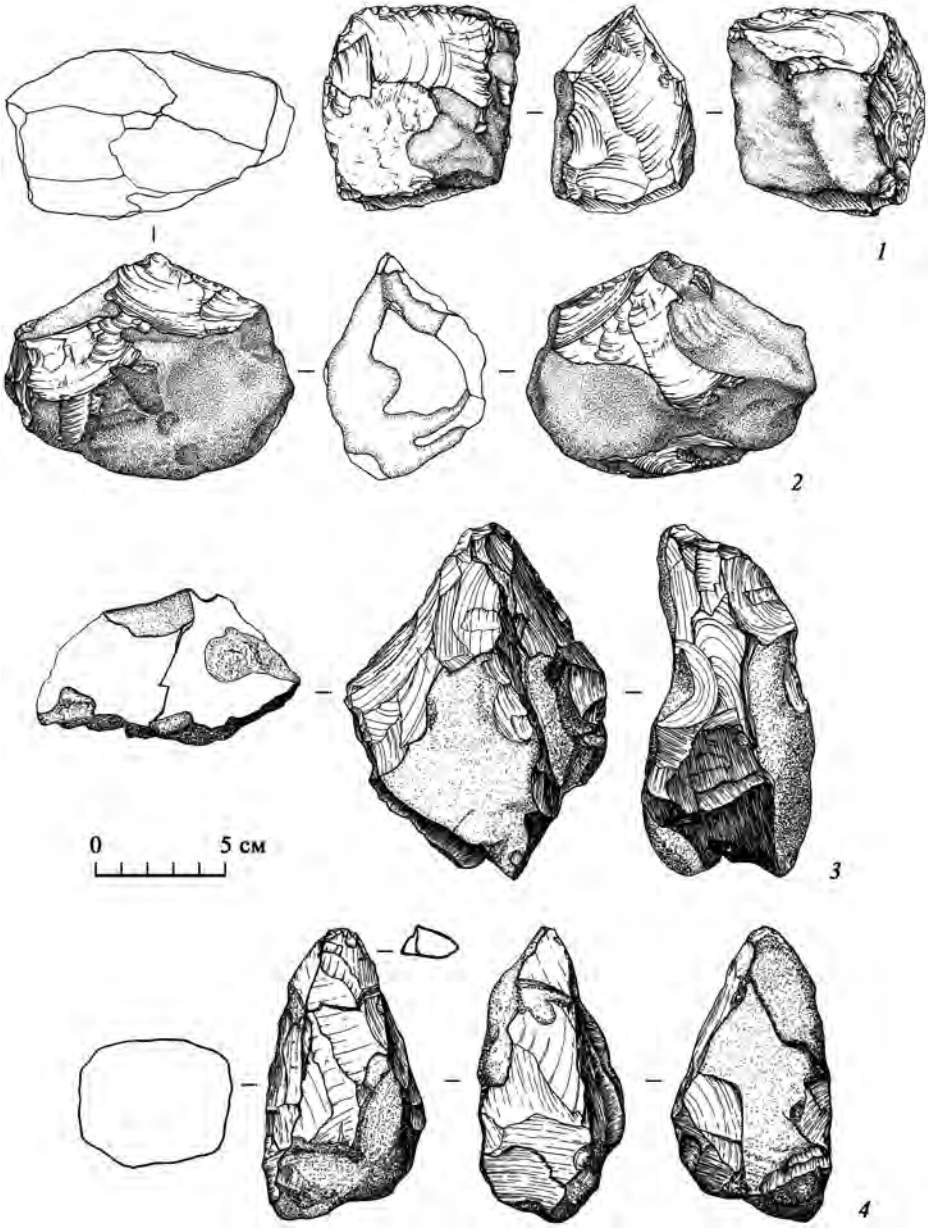

Рис. 4. Стоянка Мухкай II. Чопперы и пики слоя 74

1 – чоппер двулезвийный двусторонний; *2* – чоппер двусторонний со стрельчатым лезвием; *3, 4* – пики

Чопперы двулезвийные односторонние представлены 3 экз. Один из них изготовлен на плитчатом обломке желвака подчетырехугольной формы (размеры – 8,9 × 5,4 × 3,9 см). Лезвия чопперов оформлены на двух диаметрально противоположных узких сторонах заготовки. Ширина лезвий ограничена толщиной желвака (5,4 см). Обработка лезвий производилась в перпендикулярной лицевой стороне плоскости. Одно из лезвий готовилось достаточно тщательной оббивкой. Для другого необходимый угол заострения был достигнут одним крупным сколом. Другие два предмета – поперечно-продольного типа, с прилегающими, но не пересекающимися лезвиями.

Чопперы двулезвийные двусторонние включают в себя 3 предмета. Для примера опишем один из них. Двулезвийный двусторонний чоппер представлен поперечно-продольной разновидностью с прилегающими рабочими лезвиями (рис. 4, *1*). Имеет подчетырехугольную форму и размеры 7,6 × 7,2 × 5,7 см. Лезвие первое – концевое, прямое, широкое (ширина – 6,0 см). Оформлено двойными поперечными сколами, снятыми с разных сторон чоппера во встречном направлении. Площадками для них служили противоположные уплощенные боковые стороны. Лезвие содержит следы забитости. Второе лезвие – боковое, дугообразное, широкое (ширина – 5,5 см). С одной стороны его лезвие – это проксимальная часть негатива одного из поперечных сколов концевого лезвия. С другой стороны его заострение произведено крупным продольным снятием, произведенным с дистального края фасетки другого поперечного скола концевого лезвия. Орудие имеет подправленное основание.

Значительное место в каменной индустрии слоя 74 стоянки Мухкай II занимает категория пиков и близких им пикообразных орудий. Всего их насчитывается 19 экз. (7 пиков и 12 пикообразных). В процентном отношении это 5,1 % от общего числа находок, 14,9 % от числа всех орудий и 28,35 % от числа изделий, относимых к подгруппе массивных (heavy-duty tools) (табл. 1, 2; диаграмма 1). Столь высокий процент пиков и пикообразных орудий говорит об устоявшихся технологических традициях в их изготовлении и подчеркивает одно из ведущих мест этих категорий в «технокомлексе чоппера и пика» стоянок Центрального Дагестана. Пики – распространенная и неотъемлемая категория находок во многих раннем среднепалеолитических памятниках (*Leakey*, 1971. P. 5; *Clark, Kleindienst*, 1974. P. 96, 97; *Bar-Yosef, Goren-Inbar*, 1993; *Любин, Геде*, 2000. С. 32–34; *Амирханов*, 2007а. С. 20, 43, 44, 46; 2012а. С. 12; 2012б. С. 13–16; *Щелинский*, 2013а. С. 14–24 и др.). Значение и стадиальный статус этих орудий в олдованских и раннеашельских индустриях Африки и Евразии были изучены в работе Х. А. Амирханова (*Амирханов*, 2012а. С. 5–14). Там же были обозначены технико-типологические критерии пиков, которые в значительном количестве встречаются на стоянках олдована Северо-Восточного Кавказа: Айникаб I–II, Мухкай I–II, Гегалашур III. Изделия слоя 74 схожи с подобного рода орудиями с этих стоянок.

Так, один из них – пик массивный (heavy-duty pick), трехгранный в поперечном сечении, подромбовидной в плане формы. В качестве заготовки использовался уплощенный фрагмент желвака. Размеры орудия – 13,7 × 9,9 × 6,1 см (рис. 4, *3*). Относительно симметричная срединная продольная грань, характерная для этой категории орудий, сформирована следующим образом. Левое (по отношению к грани) сечение образовано преимущественно сколами от края

к центру, правое же сечение поддерживало симметрию пика благодаря сколам как от края к центру, так и с самой грани к краю. Образовавшийся здесь залом явился, по всей вероятности, решающим. Краевая подправка правого края доведена несколькими небольшими снятиями. Сам заостренный конец выделяется в виде уплощенного носика (ширина носика – 1,8 см). Срединная грань снята с него продольными повторяющимися сколами. Пяточная часть орудия усеченная, плоская, смещена относительно центра орудия в левую сторону. Тыльная сторона пика – уплощенная, немного вогнута внутрь, представляет собой естественную желвачную поверхность.

Среди пиков есть единичные экземпляры, которые морфологически близки формам, известным как oblong picks. Так, один из них имеет четырехгранное сечение в срединной части и трехгранное у конца (рис. 4, *4*). Его размеры 10,7×6,1×5,0 см. Тыльная плоскость на большей части изделия – плоская, в верхней части из-за особенностей желвачной заготовки (карбонатное включение в сырье) наклонена к острию. Пяточная часть пика представлена естественной поверхностью желвака. Четырехгранное сечение предмета образовано перпендикулярными крупными усечениями трех сторон предмета, минимально подправлявшимися мелкими снятиями. Незначительные усилия на подправку боковых граней, по-видимому, были предопределены частично формой самой заготовки. Острие пика предстает интенсивно подработанным: сперва с правой грани пика по направлению к центру снят крупный уплощающий отщеп, затем с противоположной левой грани и в какой-то мере с самого острия сколами редукции получено окончательное, в сечении трехгранное и немного скошенное острие.

Морфологически близка пикам категория пикообразных (пиковидных) орудий. Пикообразные или пиковидные (*Любин и др.*, 2010. С. 45, 53; *Беляева, Любин*, 2012. С. 31) орудия не всегда содержат в себе все характерные для пиков признаки (симметрия, трех- и четырехгранное сечение, наличие срединной грани, пятки, более или менее уплощенный контрфронт, заостренный рабочий конец). Они чрезвычайно вариабельны, не образуют четкой серийности, некоторые из них предстают вполне готовыми орудиями, другие выглядят как выбракованные пики, заготовки пиков или атипичные пики. В независимости от определения, для них всех характерна односторонняя конвергентная обработка с двух краев заготовки с целью оформления приостренного рабочего конца. В коллекции слоя 74 таких орудий 12 экз. На примере одного орудия выглядят они следующим образом.

Пикообразное орудие (размеры – 12,7 × 6,1 × 4,2 см) выполнено на плоском обломке желвака вытянутой подтреугольной формы (рис. 5, *11*). Предварительно желвак был усечен двумя крупными поперечными ударами. Далее рабочий конец подвергся тщательной подработке. Во-первых, косым усечением, перпендикулярным лицевой стороне, была сформирована асимметричная срединная грань и выделено будущее острие. Далее с этой грани были произведены несколько поперечных сколов, утончавших и приострявших острие орудия. Бóльшая часть лицевой и вся тыльная сторона покрыты желвачной коркой, пятка отсутствует. По своим внешним характеристикам и пропорциям орудие напоминает плоский пик.

Другая подгруппа орудийного набора включает мелкоразмерные орудия (light-duty tools). Они изготавливались на кремневых обломках, отщепах, слабо

диагностируемых сколах, обломках отщепов. Общее количество этих орудий – 60 экз. (47,25 %). Максимальный размер орудий – 12,5 см (единичные образцы долотовидного орудия и двух скребел). В основной своей массе размерность этих изделий варьирует в пределах 3–6 см.

Скребла включают 4 целых экз. и одно сломанное орудие. В качестве заготовок служили отщепы. Из них четыре являются поперечными, одно скребло поперечно-продольное. Три из них имеют выпуклое лезвие, у двух – лезвие прямое скошенное. Ширина лезвий – от 5,1 до 8,5 см (рис. 5, *9*). Ретушь средняя и крупная, регулярная полукрутая, как однорядная, так и ступенчатая. Размеры орудий – от 12,4×9,2×4,4 см до 4,4×5,5×1,7 см.

Ножи с естественным обушком насчитывают 2 экз., выполнены на отщепах, имеют в плане подтреугольную и подчетырехугольную формы. Лезвия слегка вогнутые, ретушь мелкая краевая. Обушок представляет собой широкую корковую поверхность дугообразной формы.

Долотовидное орудие (1 экз.) имеет сильно вытянутую подчетырехугольную форму (размеры – 12,6×3,9×4,0 см). Заготовкой служила усеченная с двух сторон плитка желвака. Рабочий конец (ширина – 2,5 см) оформлен на одной из узких поперечных сторон фрагмента желвака. Оббивка двусторонняя, приостряющая. Лезвие слегка скошено к боковому краю (рис. 5, *12*). Типологически орудие близко чопперам с узким скошенным лезвием.

Острия трехгранные (6 экз.) изготавливались на обломках удлиненной подтреугольной формы. У этих орудий в основании имеется небольшая подправленная или естественная пятка. С противоположной стороны оформлялся заостренный рабочий конец. Вторичная обработка регулярная, обычно многосторонняя. В поперечном сечении острия имеют треугольную форму (рис. 5, *4, 5*).

Морфологически близки остриям шиповидные орудия (4 экз.). Эти орудия имеют ряд отличительных признаков. Во-первых, в отличие от острий они изготовлялись на отщепах (3 экз.) и обломке отщепа (1 экз.). Во-вторых, если у острий рабочий конец первоначально был предопределен формой заготовки, вторичная обработка лишь приостряла его, то у шиповидных орудий ретушь формирующая, заостренный конец (шип) был специально выделен конвергентной обработкой (рис. 5, *6, 7*). Причем преобладает обработка орудия и выделение шипа на дистальном конце отщепов (у 3 экз. – на дистальном, у 1 экз. – на проксимальном).

Выразительной категорией в орудийном наборе являются скребки (5 экз.). Все они подчетырехугольной формы. У тех из них, что сделаны на отщепах (3 экз.), скребковое лезвие оформлено на дистальном конце (2 экз.) и на одной из латералей (1 экз.). Лезвия по форме: прямое (2 экз., рис. 5, *2, 3*), прямое высокой формы (1 экз.) (рис. 5, *1*), выпуклое с выемкой в центре (1 экз.) и выпуклое с шипом (1 экз.). Ширина лезвий колеблется в пределах от 4,8 до 2,0 см. Ретушь мелкая и средняя, как однорядная, так и двурядная. По углу нанесения ретушь также разнообразная – полукрутая, крутая и вертикальная. Размеры орудий – от 4,9×5,5×2,1 см до 2,8×2,8×1,0 см.

Орудие с выемкой (1 экз.) выполнено на первичном отщепе. Выемка оформлена на угловом сломе. Ретушь регулярная, вертикальная, разнофасеточная. Со стороны спинки на боковой грани также имеются несколько ретушных фасеток. Размеры орудия – 4,5×4,3×1,3 см (рис. 5, *10*).

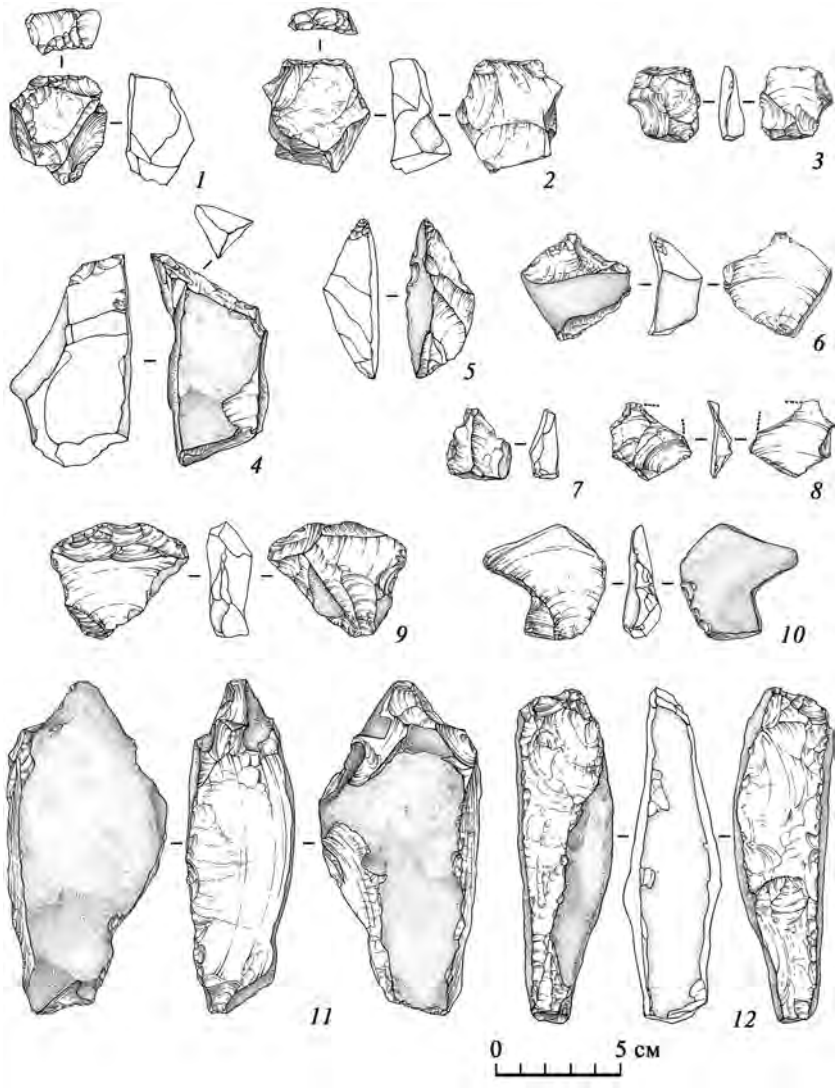

Рис. 5. Стоянка Мухкай II. Другие категории орудий слоя 74

Важно отметить, что в качестве орудий использовались любые кремневые сколы и обломки, имеющие необходимые острые края и зоны аккомодации. Эти орудия, безусловно, выполняли те же функции, что и, например, скребла, скребки, ножи, но типологически они не обнаруживают четкой стандартизации. В эту подгруппу мелкоразмерных орудий входят такие изделия, как отщепы и обломки отщепов с ретушью (8 экз.), отщепы и обломки отщепов с участком ретуши (15 экз.) (рис. 5, *8*), обломки с ретушью (7 экз.), обломки с участком ретуши (6 экз.). Всего их насчитывается 36 экз., или 28,3 % от всех орудий (табл. 1, 2; диаграмма 1). Орудия с ретушью и орудия с участком ретуши отличаются друг

от друга длиной подправленного участка. У последних длина ретушированной зоны не превышает 2 см. У отщепов, обломков отщепов и обломков с ретушью вторичная подработка охватывает часто всю длину той или иной стороны заготовки. Ретушь по размеру, наклону, распространенности, рядности и другим параметрам самая разнообразная.

Заключение

В орудийном наборе доминируют чопперы: односторонние, двусторонние и двулезвийные (48 экз., 13 % от всего инвентаря). Исходя из формы и размера лезвия и способа оформления рабочего края выделяется 17 типов. Преобладают двусторонние формы. Также отмечается высокое содержание пиков и пикообразных орудий (19 экз., 5,14 % коллекции). Причем подавляющее большинство из них является массивными (heavy-duty picks), трехгранными в сечении. Таким образом, уместно говорить, что облик индустрии определяет «технокомплекс чоппера и пика». Полиэдры, многогранники, дискоиды, сфероиды, рубила в коллекции слоя отсутствуют. Немногим менее половины изделий из орудийного набора (60 экз., 47,25 %) приходится на орудия из отщепов и небольших обломков. Отмечается, что ретушь как способ оформления рабочих краев орудий является распространенным явлением. Ретушь самая разнообразная по расположению, размеру, рядности, наклону, регулярности и т. д. Для ретушированных орудий характерно большое категориальное разнообразие: скребла, ножи с естественным обушком, долотовидное орудие, острия трехгранные на обломках и шиповидные орудия, скребки, орудие с выемкой, различные формы отщепов и обломков с ретушью. Материалы слоя 74 стоянки Мухкай II обнаруживают определенные аналогии со стоянками олдована Восточной (DK, FLK NN, FLK North Олдувайского ущелья, Gombore I в Эфиопии) (*Leakey*, 1971; Studies…, 2004. P. 253–448) и Северной Африки (Ain-Hanech, El-Kherba) (*Sahnouni et al.*, 1998, 2002; 2010). Датируются эти памятники в пределах 1,85–1,7 млн л. н. Еще большее сходство находки из Мухкая II обнаруживают с материалами соседних многослойных стоянок Внутреннего Дагестана – Айникаб I, Мухкай I, Гегалашур III (*Амирханов*, 2006а; 2007а; 2007б; 2008; 2010; 2012а; 2012б; 2012в; *Амирханов и др.*, 2007; *Кулаков*, 2010; *Таймазов*, 2010). Близкое сходство обнаруживается в категориях, типах орудий, технологических приемах первичного и вторичного расщепления. Все это позволяет нам говорить, что типологические признаки каменной индустрии слоя 74 соответствуют показателям классического (типичного) олдована.

Археологическую датировку отложений этого уровня подтверждают естественнонаучные данные. Большое внимание в ходе изучения многослойной стоянки Мухкай II уделялось палеомагнитным исследованиям. На данный момент в палеомагнитном отношении охарактеризован практически весь разрез стоянки. Согласно полученным результатам, геологическая толща слоев памятника имеет устойчивую обратную намагниченность, соответствуя по международной палеомагнитной шкале хрону Матуяма (2,59–0,78 млн л. н.).

Значительно сузить относительную датировку различных слоев позволяют обнаруженные на глубинах 1, 7–12 и 27,5–28 м зоны прямой намагниченности. Исследования этих зон дают основания предполагать соответствие верхних двух из них субхронам Камикатсура (0,85 млн л. н.) и Харамильо (1,1–0,99 млн л. н.). Для участка разреза с положительной намагниченностью на глубине 27,5–28 м (слой 60) можно предполагать его соответствие эпизодам Кобб-Маунтин (1,24–1,22 млн л. н.) или Гилса (1,68 млн л. н.). Но, учитывая крайне редкие случаи фиксации этих двух эпизодов в раннеплейстоценовых разрезах Прикаспия и Кавказа, а также данные, полученные по костным останкам крупной териофауны и мелких позвоночных, наиболее вероятным следует считать его соответствие эпизоду Олдувей (1,95–1,82 млн л. н). Слой 74 залегает на четыре метра ниже слоя с положительной намагниченностью, на глубине 32,00–33,23 м. Выше- и нижележащие отложения, с которыми контактирует слой 74, намагничены обратно. Таким образом, возраст слоя 74 древнее эпизода, который на сегодняшнем этапе исследований интерпретируется нами как Олдувей (*Amirkhanov et al.*, 2014. P. 723, 724). Нижнюю границу бытования стоянки в слое 74 очерчивают палеонтологические данные, происходящие из слоя 60 (фрагмент нижней челюсти лошади Стенона) и слоя 80. Слой 80 включен в полутораметровую пачку суглинков, непосредственно подстилающих слой 74. Глубина его залегания соответствует 33,60–34,17 м на различных участках раскопов. Впервые для памятников олдована Северо-Восточного Кавказа здесь была обнаружена базовая стоянка с многочисленными находками костей животных и каменных орудий в состоянии in situ. Общее количество фаунистических находок крупных млекопитающих в слое 80 составляет 305 единиц. Видовой состав раннеплейстоценовой фауны стоянки Мухкай II, слой 80 представлен следующими животными: этрусский волк (Canis etruscus), мелкая лисица (Vulpes alopecoides), саблезубая кошка (Megantereon cultridens), древняя гиена (Pliocrocuta perrieri), южный слон (Archidiskodon meridionalis), древний жираф (Palaeotragus priasovicus), стеноновая лошадь (Equus (Allohippus) stenonis), сложнорогий олень (Eucladoceros cf. Senezensis) винторогая антилопа (Gazellospira torticornis), горалоподобная антилопа (Gallogoral meneghinii). По определению М. В. Саблина, комплекс данной фауны датируется в пределах 2,1–1,76 млн л. н. (*Саблин и др.*, 2013. С. 17, 18).

Исходя из вышеизложенного хронологические рамки бытования стоянки в слое 74 определяются в промежутке 2,1–1,9 млн л. н. Принимая во внимание многочисленные открытия раннего палеолита последних десяти-пятнадцати лет, сделанных в разных частях юга России и Кавказа (*Gabunia et al.*, 2000. P. 1022; *de Lumley et al.*, 2005; *Беляева, Любин*, 2013. С. 47, 48; *Щелинский*, 2013б. С. 163), столь древний возраст для олдованских стоянок Дагестана не вызывает удивления и вполне допустим.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Х. А., 2006а. Работы Северокавказской палеолитической экспедиции Института археологии РАН в Центральном Дагестане // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. № 3. С. 121–124.

Амирханов Х. А., 2006б. Каменный век Южной Аравии. М.: Наука, 693 с.

Амирханов Х. А., 2007а. Исследования памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М.: Таус. 52 с.

Амирханов Х. А., 2007б. Памятники олдована в Центральном Дагестане // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе: материалы междунар. науч. конф. (Махачкала, 1–5 октября 2007 г.) / Ред. М. С. Гаджиев и др. Махачкала: Эпоха. С. 6, 7.

Амирханов Х. А., 2008. Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай-1 в Центральном Дагестане (по материалам раскопок 2007 года) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: материалы междунар. науч. конф. (Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 28–31.

Амирханов Х. А., 2010. Пики трехгранного поперечного сечения в коллекциях памятников олдована Центрального Дагестана // Карабах… С. 8–11.

Амирханов Х. А., 2012а. Категория пика в технокомплексах олдована и раннего ашеля // РА. № 2. С. 5–13.

Амирханов Х. А., 2012б. Памятники раннего плейстоцена Центрального Дагестана // Проблемы палеолита Дагестана / А. П. Деревянко, Х. А. Амирханов, В. Н. Зенин, А. А. Анойкин, А. Г. Рыбалко; отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 6–67.

Амирханов Х. А., 2012в. Местонахождения олдована на острове Сокотра // КСИА. Вып. 227. С. 8–18.

Амирханов Х. А., Магомедов Р. Г., Хангишиев Г. К., 2007. Открытие стратифицированного памятника раннеплейстоценового времени в Центральном Дагестане // АО 2005 г. / Ред. С. В. Кузьминых и др. М.: Наука. С. 290–291.

Беляева Е. В., Любин В. П., 2012. Первые данные о ранних этапах ашеля на Кавказе // КСИА. Вып. 227. С. 28–36.

Беляева Е. В., Любин В. П., 2013. Ашельские памятники Северной Армении // Фундаментальные проблемы… С. 37–52.

Кулаков С. А., 2010. Начало исследований раннепалеолитической стоянки Гегалашур III // Исследования… С. 60–74.

Любин В. П., Беляева Е. В., Саблин М. В., 2010. Открытие раннепалеолитической стоянки в районе Нурнусского озера (Центральная Армения) // Исследования… С. 36–59.

Любин В. П., Геде Ф. Й., 2000. Палеолит Республики Кот-д'Ивуар (Западная Африка). СПб.: Петербургское Востоковедение. 160 с.

Саблин М. В., Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В., 2013. Стоянка эпохи олдована Мухкай II: палеонтологические данные к датировке и реконструкции природного окружения // РА. № 4. С. 7–19.

Селезнев А. Б., 2012. Раскопки раннепалеолитической стоянки Мухкай II в 2008–2009 гг. // КСИА. Вып. 227. С. 18–28.

Таймазов А. И., 2010. Типология чопперов раннепалеолитической стоянки Айникаб I (по материалам исследования 2005–2009 гг.) // Исследования… С. 75–87.

Щелинский В. Е., 2013а. Пики раннепалеолитической стоянки Родники 1 на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. № 8. С. 7–25.

Щелинский В. Е., 2013б. Кермек – стоянка начальной поры раннего палеолита в Южном Приазовье // Фундаментальные проблемы… С. 153–171.

Amirkhanov H. A., Ozherel'ev D. V., Gribchenko Yu. N., Sablin M. V., Trubikhin V., Semenov V. V., 2014. Early Humans at the eastern gate of Europe: The discovery and investigation of Oldowan sites in northern Caucasus // Palevol. Vol. 13. Issue 8. P. 717–725.

Bar-Yosef O., Goren-Inbar N., 1993. The lithic assemblages of 'Ubeidiya a lower palaeolithic site in the Jordan Valley. Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem. 266 p. (Qedem; 34.)

Clark J. D., Kleindienst M. R., 1974. The stone age cultural sequences: terminology, typology and raw material // Kalambo Falls prehistoric site. Vol. 2 / Ed. J. D. Clark. Cambridge: Cambridge University Press. P. 71–106.

Gabunia L., Vekua A., Lordkipanidze D., Swisher I. C. C., Ferring R., Justus A., Nioradze M., Tvalcrelidze M., Anton S. C., Bosinski G., Jöris O., de Lumley M.-A., Majsuradze G., Mouskhelishvili A., 2000. Earliest Pleistocene Hominid Cranial Remains from Dmanisi, Republic of Georgia: Taxonomy, Geological Setting, and Age // Science. Vol. 288. P. 1019–1025.

Leakey M. D., 1971. Olduvai Gorge: Excavations in Beds I & II, 1960–1963. Cambridge: Cambridge University Press. 301 p.

de Lumley H., Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D., 2005. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pleistocene inférieur du site de Dmanissi en Géorgie // Anthropology. Vol. 109. No. 1. P. 1–182.

Sahnouni M., de Heinzelin J., 1998. The site of Ain Hanech revisited: new investigationsat this Lower Pleistocene site in Northern Algeria // Journal of Archaeological Science. Vol. 25. № 11. P. 1083–1101.

Sahnouni M., Hadjouis D., van der Made J., Derradji A., Canals A., Medig M., Belahrech H., Harichane Z., Rabhi M., 2002. Further research at the Oldowan site of Ain Hanech, northeastern Algeria // Journal of Human Evolution. Vol. 43. P. 925–937.

Sahnouni M., van der Made J., Everett M., 2010. Early North Africa: chronology, ecology, and hominin behavior. Insights from Ain Hanech and El-Kherba, northeastern Algeria // Quaternary International. Vol. 223–224. P. 436–438.

Studies on the Early Paleolithic site of Melka Kunture, Ethiopia, 2004 / Eds.: J. Chavaillon & M. Piperno. Origines, Istituto Italiano di Preistoria e Protostoria. Florence: Istituto Italiano di Preistoria e Protostoria. P. 733 p.

Сведения об авторе.

Ожерельев Дмитрий Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: dim_as_oj@mail.ru.

D. V. Ozherelyev

Typology of artefacts with secondary treatment from layer 74 of the Early Palaeolithic site Mukhkay II (Dagestan)

Abstract. In this article a range of tools from one of the rich habitation levels at the site Mukhkay II the of Oldovan epoch is examined. The finds come from excavations of 2010–2012. The tools are divided into two sub-groups: heavy-duty tools and light-duty tools. Both sub-groups include a wide range of different types and categories. The typological set of the tools is similar by many features to that from certain sites of the same period in East and North Africa and also to the materials from the settlements Ainikab I and II, Mukhkay I and Gegalashur III in Central Dagestan. On the basis of palaeomagnetic and palaeontological data the camp in layer 74 dates from a period between 2.1 and 1.9 million ago.

Keywords: Stone Age, Oldovan epoch, open site, stone tools, typology, chopper and pick technocomplex, North-eastern Caucasus.

REFERENCES

Amirkhanov H. A., 2006a. Raboty Severokavkazskoy paleoliticheskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v Tsentral'nom Dagestane v 2006 g. [Works of North Caucasian Palaeolithic expedition of Institute of Archaeology RAS in Central Dagestan in 2006]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN* [*Bulletin of Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan scientific centre of RAS*], 3, pp. 121–124.

Amirkhanov H. A., 2006b. Kamenny vek Yuzhnoy Aravii [Stone Age of South Arabia]. Moscow: Nauka. 440 p.

Amirkhanov H. A., 2007a. Issledovaniya pamyatnikov oldovana na Severo-vostochnom Kavkaze (Predvaritel'nyye rezul'taty) [Research of Oldovan sites in North-Eastern Caucasus (preliminary results)]. Moscow: Taus. 52 p.

Amirkhanov H. A., 2007b. Pamyatniki oldovana v Tsentral'nom Dagestane [Oldovan sites in Central Dagestan]. *Arkheologiya, etnografiya i fol'kloristika Kavkaza. Noveyshiye arkheologicheskiye i etnograficheskiye issledovaniya na Kavkaze: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Archaeology, ethnography and local lore studies of Caucasus. Newest archaeological and ethnographical investigations in Caucasus: materials of international conference*]. Makhachkala: Epokha, pp. 6–7.

Amirkhanov H. A., 2008. Sravnitel'naya tipologo-statisticheskaya kharakteristika inventarya stoyanki Mukhkay-1 v Tsentral'nom Dagestane (po materialam raskopok 2007 goda) [Comparative typological-statistical characteristic of inventory of station Mukhkay-1 in Central Dagestan (on materials of excavations of 2007)]. *Ranny paleolit Yevrazii: novyye otkrytiya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Early Palaeolithic of Eurasia: new discoveries: materials of international scientific conference*]. Rostov-na-Donu: Yuzhny nauchny tsentr RAN, pp. 28–31.

Amirkhanov H. A., 2010. Piki trekhgrannogo poperechnogo secheniya v kollektsiyakh pamyatnikov oldovana Tsentral'nogo Dagestana [Peaks with triangular cross-section in collections of Oldovan sites of Central Dagestan]. *Karabakh…*, pp. 20–25.

Amirkhanov H. A., 2012a. Kategoriya pika v tekhnokompleksakh oldovana i rannego ashelya [Peak category in technocomplexes of Oldovan and Early Acheulian]. *RA*, 2, pp. 5–13.

Amirkhanov H. A., 2012b. Pamyatniki rannego pleystotsena Tsentral'nogo Dagestana [Early Pleistocene sites in Central Dagestan]. *Problemy paleolita Dagestana* [*Problems of Palaeolithic in Dagestan*]. M. V. Shun'kov, ed. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 6–67.

Amirkhanov H. A., 2012c. Mestonakhozhdeniya oldovana na ostrove Sokotra [Oldovan sites at Sokotra Island]. *KSIA*, 227, pp. 8–18.

Amirkhanov H. A., Magomedov R. G., Khangishiyev G. K., 2007. Otkrytiye stratifitsirovannogo pamyatnika rannepleystotsenovogo vremeni v Tsentral'nom Dagestane [Discovery of stratified site of Early Pleistocene time in Central Dagestan]. *AO 2005 goda* [*AO of 2005*]. S. V. Kuz'minykh, ed. Moscow: Nauka, pp. 290–291.

Bar-Yosef O., Goren-Inbar N., 1993. The lithic assemblages of 'Ubeidiya a Lower Palaeolithic site in the Jordan Valley. Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem. 266 p. (Qedem, 34).

Belyayeva Ye. V., Lyubin V. P., 2012. Pervyye dannyye o rannikh etapakh ashelya na Kavkaze [Preliminary data on the early stages of Acheulian in the Caucasus]. *KSIA*, 227, pp. 28–36.

Belyayeva Ye. V., Lyubin V. P., 2013. Ashel'skiye pamyatniki Severnoy Armenii [Acheulian sites of North Armenia]. *Fundamental problems…*, pp. 37–52.

Clark J. D., Kleindienst M. R., 1974. The Stone Age cultural sequences: terminology, typology and raw material. *Kalambo Falls prehistoric site*, 2. J. D. Clark, ed. London: Cambridge University Press, pp. 71–106.

Gabunia L., Vekua A., Lordkipanidze D., Swishe I. C. C., Ferring R., Justus A., Nioradze M., Tvalcrelidze M., Anton S. C., Bosinski G., Jöris O., de Lumley M.-A., Majsuradze G., Mouskhe-

lishvili A., 2000. Earliest Pleistocene Hominid Cranial Remains from Dmanisi, Republic of Georgia: Taxonomy, Geological Setting, and Age. *Science*, 288, pp. 1019–1025.

Kulakov S. A., 2010. Nachalo issledovany rannepaleoliticheskoy stoyanki Gegalashur III [Beginning of investigation of Early Palaeolithic station Gegalashur III]. *Investigations…*, pp. 60–74.

Leakey M. D., 1971. Olduvai Gorge: Excavations in Beds I & II, 1960–1963. Cambridge: Cambridge University Press. 301 p.

Lyubin V. P., Belyayeva Ye. V., Sablin M. V., 2010. Otkrytiye rannepaleoliticheskoy stoyanki v rayone Nurnusskogo ozera (Tsentral'naya Armeniya) [Discovery of Early Palaeolithic station in the region of Nurnus Lake (Central Armenia)]. *Investigations…*, pp. 36–59.

Lyubin V. P., Gede F. Y., 2000. Paleolit Respubliki Kot-d'Ivuar (Zapadnaya Afrika) [*Palaeolithic of Republic C*ôte d'Ivoire (West Africa)]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 160 p.

de Lumley H., Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D., 2005. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanissi en Géorgie. *Anthropology*, 109/1, pp. 1–182.

Sablin M. V., Amirkhanov Kh. A., Ozherel'yev D. V., 2013. Stoyanka epokhi oldovana Mukhkay II: paleontologicheskiye dannyye k datirovke i rekonstruktsii prirodnogo okruzheniya [Station of Oldovan epoch Mukhkay II: paleontological data for dating and reconstruction of environment]. *RA*, 4, pp. 7–19.

Sahnouni M., Hadjouis D., van der Made J., Derradji A., Canals A., Medig M., Belahrech H., Harichane Z., Rabhi M., 2002. Further research at the Oldowan site of Ain Hanech, northeastern Algeria. *Journal of Human Evolution*, 43, pp. 925–937.

Sahnouni M., de Heinzelin J., 1998. The site of Ain Hanech revisited: new investigations at this Lower Pleistocene site in Northern Algeria. *Journal of Archaeological Science*, vol. 25, No. 11, pp. 1083–1101.

Sahnouni M., van der Made J., Everett M., 2010. Early North Africa: chronology, ecology, and hominin behavior. Insights from Ain Hanech and El-Kherba, northeastern Algeria. *Quaternary International*, 223–224, pp. 436–438.

Seleznev A. B., 2012. Raskopki rannepaleoliticheskoy stoyanki Mukhkay II v 2008–2009 gg. [Excavations of the Early Palaeolithic site Mukhkai II in 2008–2009]. *KSIA*, 227, pp. 18–28.

Shchelinsky V. E., 2013a. Kermek – stoyanka nachal'noy pory rannego paleolita v Yuzhnom Priazov'ye [Kermek – station of the beginning of Early Palaeolithic in South of Azov Sea region]. *Fundamental problems…*, pp. 153–171.

Shchelinsky V. E., 2013b. Piki rannepaleoliticheskoy stoyanki Rodniki 1 na Tamanskom poluostrove [Peaks from Early Palaeolithic station Rodniki 1 in Taman' Peninsula]. *Zapiski IIMK RAN* [*Notes of IIMK RAN*], 8, pp. 7–25.

Studies on the Early Paleolithic site of Melka Kunture, Ethiopia, 2004. J. Chavaillon, M. Piperno, eds. Florence: Istituto Italiano di Preistoria e Protostoria. 733 p.

Taymazov A. I., 2010. Tipologiya chopperov rannepaleoliticheskoy stoyanki Aynikab I (po materialam issledovaniya 2005–2009 gg.) [Typology of choppers from Early Palaeolithic station Aynikab I (on materials of research of 2005–2009)]. *Investigations…*, pp. 75–87.

About the author.

Ozherelyev Dmitriy V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: dim_as_oj@mail.ru.

А. Б. Селезнёв

ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ МУХКАЙ I В 2011–2013 гг.

Резюме. В статье представлены результаты исследований материалов раннепалеолитической стоянки Мухкай I, расположенной в Акушинском районе Республики Дагестан вблизи выходов кремневого сырья. По типологическому набору каменного инвентаря стоянка может быть отнесена к культуре олдован и датироваться в пределах не моложе 2–1,5 млн л. н. На памятнике представлен полный цикл первичного расщепления и изготовления орудий, что встречается крайне редко на памятниках этого времени.

Ключевые слова: ранний палеолит, Республика Дагестан, культура олдован, стоянка, технология расщепления камня, стратиграфический анализ.

Многослойная нижнепалеолитическая стоянка Мухкай I была открыта в 2006 г. Х. А. Амирхановым (2006) и исследовалась им же в 2007 г. (*Амирханов*, 2007; 2008а; 2008б). В 2011–2013 гг. исследования на памятнике проводил автор при общем руководстве и непосредственном участии Х. А. Амирханова. В 2007 г. на стоянке Мухкай I шурфом-врезкой шириной 2 м была исследована 3,5-метровая толща раннеплейстоценовых отложений, включающая слои с обломочным материалом и многочисленными кремневыми изделиями (*Амирханов*, 2008а; 2008б). В 2011 г. работы были продолжены и исследованы отложения на глубину до 15,5 м от уровня дна 2007 г. В 2012 г. работы были перенесены на новый участок, находящийся в 50 м южнее, где шурфом-врезкой шириной 1 м были исследованы отложения на глубину порядка 17 м. В 2013 г. на новом участке была раскопана 15-метровая толща отложений. Всего на момент окончания полевого сезона 2013 г. (с учетом работ 2007 и 2011–2012 гг.), на стоянке Мухкай I общая мощность стратиграфически изученных отложений составила порядка 51 м от общей 80-метровой раннеплейстоценовой толщи на этом участке (цв. илл. IV).

Стоянка Мухкай I, как и другие раннепалеолитические памятники горного Дагестана, расположена в полосе среднегорий. Северная часть территории района представляет собой характерную платообразную поверхность выравнивания со средними отметками 1200–1500 м (*Амирханов*, 2007. С. 6, 7. Рис. 4). В общей системе ярусности поверхностей выравнивания горного Дагестана этот уровень

относится ко второй (сверху) ступени, сформировавшейся в предверхнеапшеронское время на позднеплиоценовой поверхности выравнивания (*Варданянц*, 1943. С. 53). Ранее в Акушинском районе, в окрестностях села *Гинта* В. Г. Котович обнаружил памятники каменного века в виде местонахождений каменных изделий на современной поверхности, которые он предварительно отнес к среднему палеолиту (*Котович*, 1964). Стоянка Мухкай I, как и расположенные в непосредственной близости от нее стоянки Мухкай II, Гегалашур I, II, III, связана с тыловым участком относительно изолированного эрозионными процессами хребта, являющегося водоразделом долин рек Акуша и Усиша (рис. 1). Верхние слои хребта сложены галечно-валунно-гравийным конгломератом, залегающим на коренных песчаниках. Абсолютная высота хребта в данной точке – 1620 м; относительная высота над руслами рек Акуша и Усиша – 235 м. В нескольких сотнях метров к югу от стоянки Мухкай I рыхлые раннеплейстоценовые отложения прислонены к склону горного хребта, образованного меловыми известняками.

Немногочисленные костные остатки в виде зубов крупных животных из слоев однокультурной стоянки Айникаб I позволяют отнести их к лошади Стенона; в отношении стоянки Мухкай II, геологически одновременной стоянке Айникаб I, принадлежность костей к лошади Стенона установлена более точно (*Амирханов*, 2010. С. 22). Х. А. Амирханов справедливо отмечает, что естественнонаучные датировки, полученные для стоянки Айникаб I, в полной мере применимы для стоянок мухкайской и гегалашурской групп, поскольку все названные памятники залегают в одних и тех же геологических пачках, а также что сумма всех данных позволяет на сегодняшний день говорить о возрасте рассматриваемых материалов не моложе 1,2 млн л. н., а точнее ранее палеомагнитного эпизода Кобб Маунтин, в пределах 1,4–1,5 млн л. н. (Там же).

В последней статье, посвященной результатам исследования стоянки, стратиграфически связанной с 80-м слоем Мухкая II, на основе найденных в этом слое многочисленных фаунистических остатков 10 видов животных в раскопках 2009–2012 гг. хронология сохранившегося in situ слоя 80 уточнена до рамок 2,1–1,76 млн л. н. (*Саблин и др.*, 2013. С. 17).

Основными источниками настоящего исследования стали материалы полевых работ и коллекции каменных изделий стоянки Мухкай I раскопок 2011–2013 гг. (см. табл. 1).

Таблица 1. Количественный и качественный состав коллекций каменных изделий со стоянки Мухкай I по годам раскопок

Год раскопок	Общее количество изделий	Количество орудий
2007	344	64 (18,6 %)
2011	317	44 (13,9 %)
2012	483	73 (15,1 %)
2013	326	31 (9,5 %)
ВСЕГО	**1470**	**212 (14,4 %)**

Накопленная за четыре года исследования источниковедческая база со стоянки Мухкай I составляет почти 1 500 кремневых артефактов, что для раннепалеоли-

тических памятников культуры олдован несомненно является представительной и, с нашей точки зрения, достаточной выборкой для попытки решения поставленных в исследовании задач. Для сравнения можно привести пример исследованной в 2006–2010 гг. однокультурной раннепалеолитической стоянки Айникаб I, коллекция которой на тот момент насчитывала 852 предмета, в том числе 118 орудий, что составило 14% от общего количества находок (*Таймазов*, 2010а. С. 77).

В 2011 г. на стоянке Мухкай I была продолжена линия квадратов «А» шурфа врезки 2007 г. Шурфом-врезкой в склон в виде ступенчатой траншеи шириной 1 м была исследована 15,5-метровая толща отложений, порядка 21 м (с учетом работ 2007 г.) от современной дневной поверхности (цв. илл. IV). Площадь шурфа (в основании 1-й ступени врезки) составила 2 кв. м, отступая на 11 м от западной стенки шурфа-врезки 2007 г. на уровне литологического слоя 11.

Работы на шурфе-врезке 2011 г. зафиксировали показательный разрез со структурированными и контрастными по уровням высоты отложениями из 26 литологических слоев, объединяющихся в чередующиеся геологические пачки с преобладанием и редкостью/отсутствием обломочного материала и гравийной крошки.

Археологические остатки в виде каменных изделий обнаружены в 5 литологических слоях: 13, 14, 17, 23 и 32. Количественное и качественное соотношение материалов со стоянки Мухкай I–2011 представлено в табл. 2.

Таблица 2. Типологический состав инвентаря Мухкай I–2011

№ п/п	Наименование изделий	Слои					Всего
		13	14	17	23	32	
ЖЕЛВАКИ, НУКЛЕУСЫ И ЗАГОТОВКИ							
1	Желваки и обломки без видимых следов обработки	–	15	20	22	18	75
2	Желваки со сколами	–	–	2	2	–	4
3	Нуклеусы и нуклевидные	–	–	–	2	–	2
4	Отщепы	1	4	8	12	29	54
ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА							
1	Обломки желваков со сколами	–	1	7	9	38	55
2	Обломки и осколки	1	6	14	17	36	74
3	Чешуйки оббивки	1	2	1	1	2	7
ОРУДИЯ							
1	Чопперы	–	–	1	3	6	10
2	Пики и пикообразные орудия	–	–	–	–	1	1
3	Скребки	–	1	1	2	5	9
4	Скребла	–	–	–	1	1	2
5	Ножи с обушком	–	–	–	–	1	1
6	Орудия с выемкой	–	1	–	–	2	3
7	Отщепы с частичной ретушью	–	2	3	–	15	20
Итого		3	32	57	71	154	317

В 2011 г. процентное соотношение орудий было следующим: слой 13 – 0 %; слой 14 – 12,5 %; слой 17 – 8,8 %; слой 23 – 8,5 %; слой 32 – 20 %. Как видно из приведенных данных, доля орудий колеблется от 8,8 (слой 17) до 20 % (слой 32). На категорию чопперов приходится около 22 % всего состава орудий, что в культурно-стадиальном отношении (как и в случае с аналогичным показателем на стоянке Мухкай II – см. выше) полностью соответствует основным технико-типологическим характеристикам культуры классического ***олдована***.

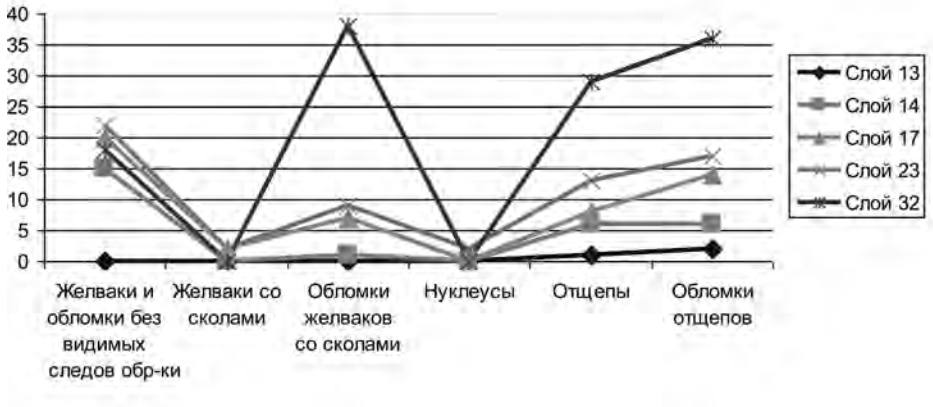

График 1. Статистика послойного распределения предметов первичного раскалывания со стоянки Мухкай I–2011

По данным графика 1 можно заметить преобладание обломков желваков со сколами и обломков отщепов во всех слоях с обломочно-гравийным материалом. В количественном выражении обращают на себя внимание 2 пика, соответствующие статистическим выборкам из слоя 32, и это, видимо, означает, что раскопками был затронут насыщенный находками участок этого слоя.

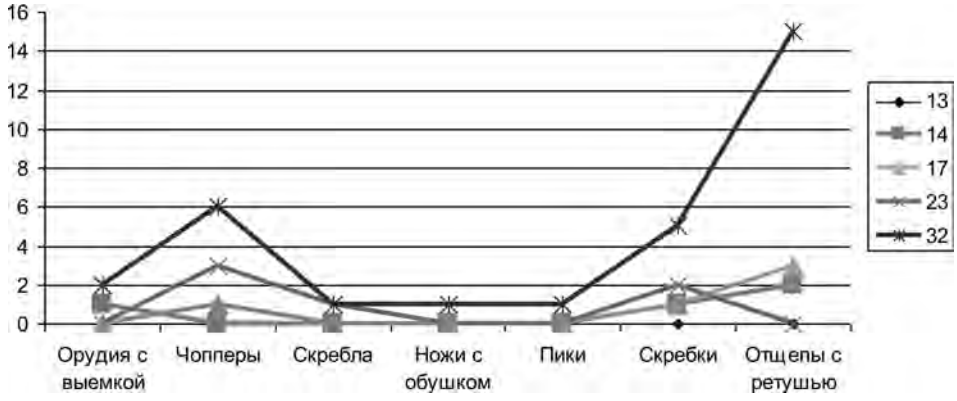

График 2. Статистика послойного распределения предметов вторичного раскалывания со стоянки Мухкай I–2011

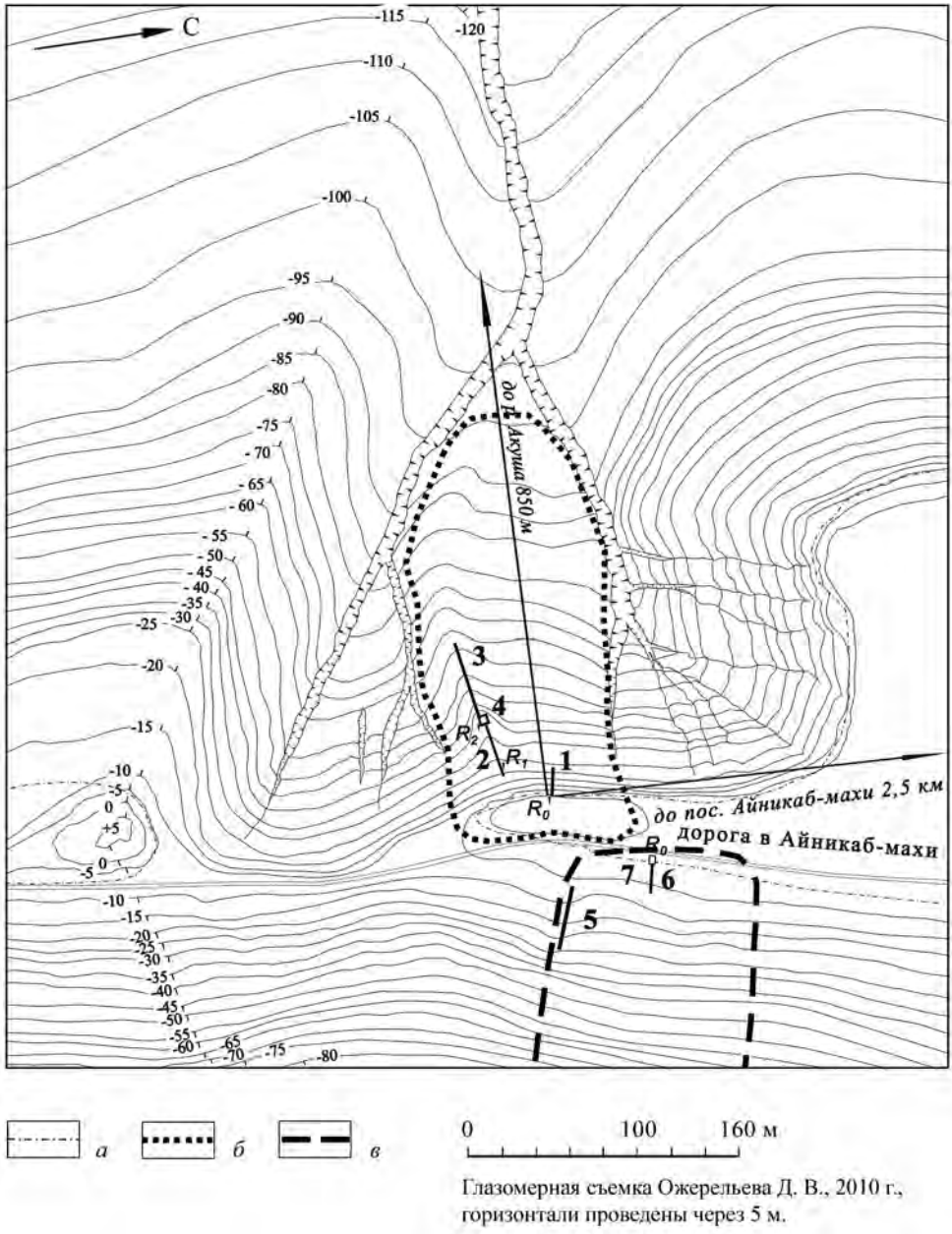

Рис. 1. Раннепалеолитические памятники Мухкай II и Мухкай I (работы 2007, 2011–2013 гг.). Ситуационный план

Условные обозначения: *а* – граница задернованной поверхности; *б* – условная граница памятника Мухкай II; *в* – условная граница памятника Мухкай I

Раскопы и траншеи: *1* – траншея 1 (2008–2009 гг.); *2* – траншея 2 (2010 г.); *3* – траншея 3 (2011 г.); *4* – раскопы 1 и 2 (2010–2011 гг.); *5* – Мухкай I, 2012–2013; *6* – Мухкай I, 2011; *7* – Мухкай I, 2007

Данные графика 2 свидетельствуют, что наиболее насыщенными изделиями вторичной обработки в раскопках 2011 г. оказался литологический слой 32 (рис. 2), где был встречен полный типологический набор кремневой индустрии культуры олдована (как и в случае со слоем 5 этой же стоянки и со слоем 25 стоянки Мухкай II), а самыми многочисленными оказались чопперы, скребки и отщепы с ретушью.

Разнообразие находок на стоянке Мухкай I в раскопках 2011 г. представлено всеми категориями кремневых изделий, характерных для палеолитических стоянок охотников древнекаменного века. Кроме значительного количества законченных орудий в коллекции имеются группы предметов, относящиеся к заготовкам орудий, незаконченным обработкой и поломанным в ходе использования вещам, а также многочисленные отходы производства каменных инструментов. Среди последних, так же как и в случаях с другими исследуемыми раннепалеолитическими стоянками горного Дагестана (Айникаб I, Мухкай II, Гегалашур III) (*Кулаков*, 2010), особенно выделяется значительная в количественном отношении группа чопперов из 10 экз. (рис. 2, *1, 2*). Помимо чопперов, немногочисленными экземплярами представлены скребки (рис. 2, *3, 5, 6, 8*) и скребла (рис. 2, *7*), как на небольших отщепах, так и на массивных обломках, ножи с обушком, орудия с ретушированными выемками на краях, а также единичные предметы виде пиков из фрагментированных желваков кремня (рис. 3).

В 2012–2013 гг. исследования стоянки Мухкай I продолжились. По причине того, что в 2011 г. в процессе исследования нижней части отложений шурфа-врезки резко увеличилась мощность современной оползневой осыпи, в 2012 г. было принято решение перенести шурф-врезку на 45 м южнее – на участок с минимально присутствующими оползневыми процессами (цв. илл. IV). Новый шурф-врезка в виде системы нескольких последовательных ступеней, как и шурф-врезка раскопок 2007 и 2011 гг., был разбит по линии запад–восток (цв. илл. IV). Стратиграфической привязке могла помочь фиксация исследованного в предыдущем 2011 г. ярко выраженного слоя 32 толщиной около 1 м с обломочным материалом и многочисленными кремневыми изделиями, залегавшего в основании 6-метровой пачки суглинков на глубине 18,5–19,5 м от нуля. Общая мощность исследованных отложений в 2012–2013 гг. составила около 31 м.

Работы на шурфе-врезке в 2012–2013 г., так же как и в предыдущем 2011 г., выявили стратиграфический разрез со структурированными и контрастными по уровням высоты отложениями из 71 литологического слоя, которые объединялись в чередующиеся геологические пачки с преобладанием и редкостью/отсутствием обломочного материала и гравийной крошки.

В 2012–2013 гг. на стоянке Мухкай I археологические остатки в виде каменных изделий были обнаружены в 17 слоях: слои № 32, 35, 37, 39, 42, 44, 46, 49, 51, 54, 56, 58, 61, 63, 65, 67, 68. Количественное и качественное соотношение материалов раскопок 2012–2013 гг. представлено в табл. 3 и 4.

Наиболее насыщенным находками в 2012 г. оказался слой 32 – 60 предметов на 1 кв. м. Состав орудий в процентах: слой 32 – 21,1 %; слой 35 – 6 %; слой 37 – 8,1 %; слой 39 – 26 %; слой 42 – 4,7 %; слой 44 – 15,7 %. Как видно из процентного соотношения орудий по слоям, их число колеблется от 4,7 % до 26 %, достигая в самых насыщенных орудиями слоях (№ 32 и 39) максимальных значений,

соответственно 21,1 % и 26 %. На чопперы приходится 32,9 % – одна треть всего состава орудий. Очень показателен процент скребков и скребел из траншеи 2 2012 г. – 13,7 % от общего числа орудий.

Таблица 3. Типологический состав инвентаря Мухкай I–2012.

№ п/п	Наименование изделий	Слои						Всего
		32	35	37	39	42	44	
ЖЕЛВАКИ, НУКЛЕУСЫ И ЗАГОТОВКИ								
1	Желваки и обломки без видимых следов обработки	–	2	–	2	2	2	8
2	Желваки со сколами	3	–	–	1	–	–	4
3	Нуклеусы и нуклевидные	–	–	–	–	–	–	–
4	Отщепы	57	30	46	14	16	17	180
ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА								
1	Обломки желваков со сколами	56	18	21	7	5	13	120
2	Обломки и осколки	27	13	13	13	18	11	95
3	Чешуйки оббивки	3	–	–	–	–	–	3
ОРУДИЯ								
1	Чопперы	13	–	5	2	1	3	24
2	Пики и пикообразные орудия	5	–	–	2	–	1	8
3	Скребки	6	–	1	–	–	–	7
4	Скребла	1	–	–	1	–	1	3
5	Ножи с обушком	–	1	–	1	–	1	3
6	Орудия с выемкой	1	–	–	–	–	–	1
7	Отщепы с частичной ретушью	13	3	1	7	1	2	27
Итого		185	67	87	50	43	51	483

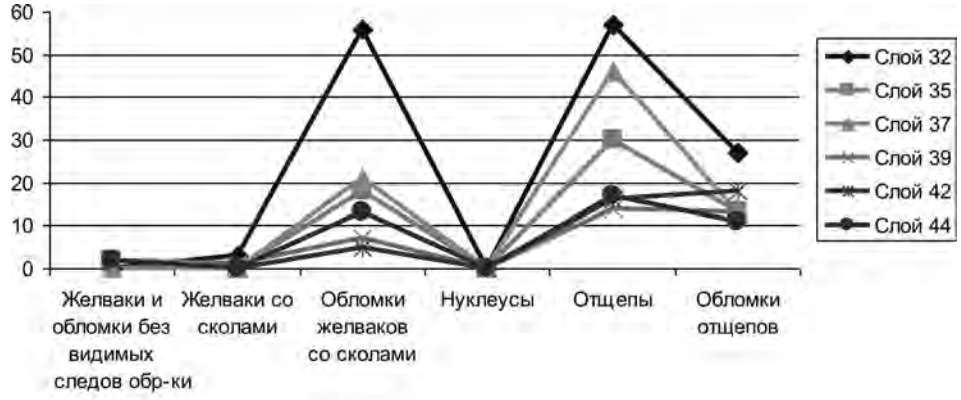

График 3. Статистика послойного распределения предметов первичного раскалывания со стоянки Мухкай I–2012

На графике 3, характеризующем распределение массива первичного расщепления кремня из раскопок стоянки Мухкай I в 2012 г., во всех слоях заметно преобладание двух категорий – обломков желваков со сколами и отщепов, что, несомненно, может объясняться доступностью кремневого сырья на раннепалеолитических стоянках горного Дагестана и активными операциями по первичному расщеплению на этих памятниках.

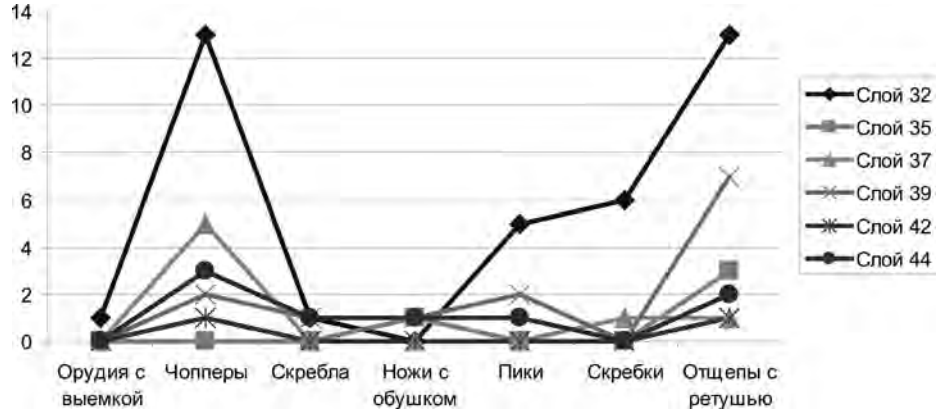

График 4. Статистика послойного распределения предметов вторичного раскалывания со стоянки Мухкай I–2012

Данные графика 4 свидетельствуют, что наиболее насыщенными изделиями вторичной обработки в раскопках стоянки Мухкай I–2012 оказался литологический слой 32, где был встречен практически весь типологический набор кремневой индустрии культуры Олдована (как в случае с этим же слоем 32 в раскопках стоянки Мухкай I–2011), а самыми многочисленными оказались чопперы, пики, скребки и отщепы с ретушью.

Находки 2012 г. представлены всеми категориями кремневых изделий, характерных для раннепалеолитических стоянок горного Дагестана. Среди орудий особенно выделяется значительная в количественном отношении (24 экз.) группа чопперов, причем половина из них (13 экз.) найдена в насыщенном кремневыми изделиями слое 32 (рис. 4).

В специальном исследовании, посвященном типологии чопперов стоянки Айникаб I, А. И. Таймазов (2010б), опираясь на мировой исследовательский опыт классификации этой категории изделий, взял за основу (совершенно справедливо считая) наиболее разработанную классификацию чопперов, предложенную Х. А. Амирхановым при изучении раннепалеолитических памятников из Южной Аравии (*Амирханов*, 1991; 2006а; *Таймазов*, 2009; 2010б. С. 76). Можно полностью согласиться с А. И. Таймазовым, что это первая классификация, в которой полностью учитываются и морфологические признаки орудий, и технические приемы их получения, а в ее основу положены в первую очередь форма и размеры лезвия, а затем способ оформления рабочей части (*Амирханов*, 2006. С. 36; *Таймазов*, 2010б. С. 76; 2012).

На основе этой классификации в каменной индустрии стоянки Айникаб I А. И. Таймазов при анализе 48 чопперов выделяет среди них 15 типов, изго-

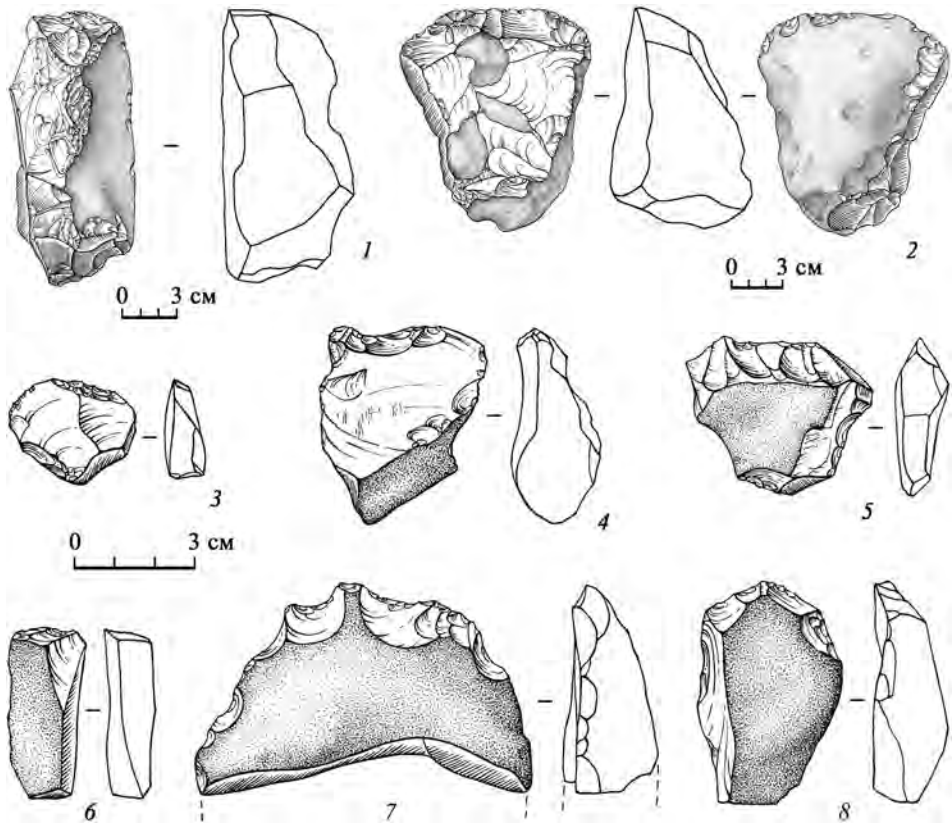

Рис. 2. Мухкай I–2011. Кремневые изделия из слоев 23 (1) и 32 (2–8)

1 – чоппер (№ 106); *2* – чоппер (№ 218); *3* – скребок на мелком отщепе (№ 262); *4* – орудие с «шипом», образованном ретушной выемкой (№ 248); *5* – скребок (№ 276); *6* – скребок на пластинчатом отщепе (№ 297); *7* – скребло с выемками (№ 240); *8* – скребок на первичном сколе (№ 176)

товленных из 3 видов каменного сырья – кремня, известняка и окремнелого известняка (*Таймазов*, 2009; 2010б. С. 78. Табл. 2). Интересен тот факт, что 11 чопперов (почти ¼ часть – 23 %) из раскопок стоянки Айникаб I изготовлены из некремневых видов каменного сырья. В коллекции чопперов из 68 экз. со стоянки Мухкай I (2007, 2011–2012 гг.), сопоставимой по числу этих изделий с 1-й Айникабской стоянкой, не встречено ни одного чоппера, изготовленного из некремневых пород каменного сырья, а известняк и окремнелый известняк представлены одним экземпляром из коллекции 2012 г.

Большинство чопперов со стоянки Айникаб I, как отмечает А. И. Таймазов, изготовлены из трещиноватого кремня серого цвета (Там же. С. 78). Добавим, что такого качества кремень в основном представлен сырьем в виде желваков и их обломков и сопоставим с верхней геологической пачкой с обломочным материалом на стоянке Мухкай I. В нижележащих пачках с чередующимися слоями суглинков и обломочных материалов превалирует в основном кремень другой

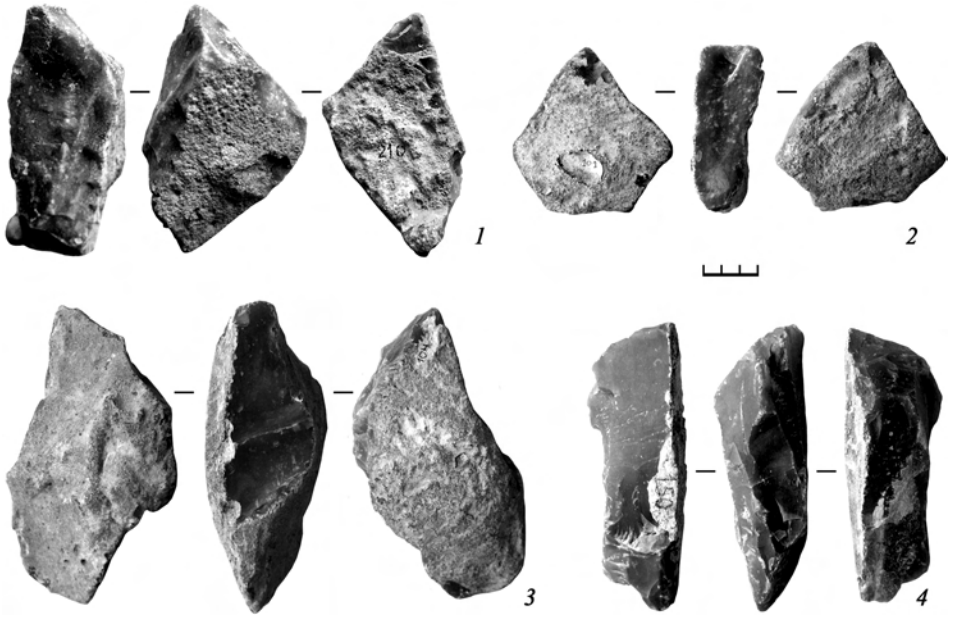

Рис. 3. Мухкай I–2011

1 – пик (слой 32, № 210); *2* – чоппер с долотовидным лезвием (№ 101); *3* – чоппер с долотовидным лезвием (№ 104); *4* – чоппер с узким лезвием (№ 150)

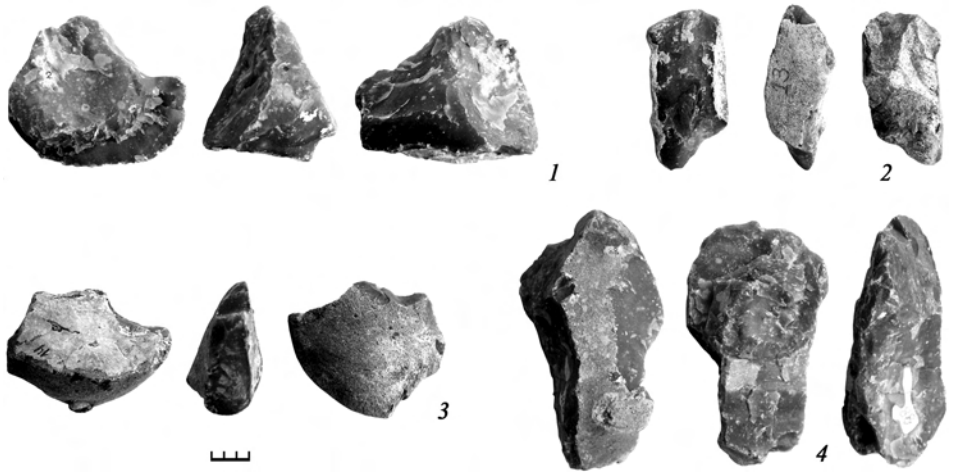

Рис. 4. Мухкай I–2012. Слой 32

1 – чоппер на обломке желвака (№ 2); *2* – чоппер на плитке (№ 13); *3* – чоппер с переходящим лезвием (№ 14); *4* – чоппер (№ 88)

формы (плитчатый) и другого качества (более темный по оттенкам и менее трещиноватый) (*Гиря*, 2010).

Как нам кажется, подобные характеристики каменного сырья могли влиять не только на отбор кремневого сырья на мухкайских стоянках, но и на получение конечной формы орудий. В качестве примера можно привести коллекцию чопперов со стоянки Мухкай I–2012, где большинство чопперов на плитчатом сырье представлены экземплярами с долотовидным и узким лезвиями, тогда как на стоянке Айникаб I доля чопперов этого типа составляет менее $^{1}/_{3}$ от всей коллекции (*Таймазов*, 2010б. С. 80. Табл. 7). Как нам кажется, подобные факты могут говорить о том, что сырье для расщепления древними поселенцами могло находиться и использоваться прямо на месте стоянок, без специальных экспедиций за более качественным сырьем. А на расположенных ближе к выходам сырья мухкайских стоянках могло отбираться сырье лучшего качества и не использоваться некремневые породы.

В 2012 г. в слое 32 была встречена показательная группа крупных чопперов, названных в специальном исследовании Х. А. Амирханова чопперами-гигантолитами и впервые введенных в научный оборот (*Амирханов*, 2012б; 2013). Автор отмечает, что по габаритам и особенно по своему весу они в 8–10 раз превосходят орудия аналогичных типов обычных размеров (Там же. С. 5). Помимо вышеуказанных нами чопперов-гигантолитов из раскопок 2012 г. автор публикует односторонний чоппер-гигантолит из слоя 32 (№ 91), отмечая его крупный вес – свыше 4,5 кг (Там же. Рис. 2).

Кроме чопперов, на стоянке Мухкай I–2012 было найдено 8 пиков и пикообразных орудий, из которых почти половина (так же как и чопперы) была изготовлена на плитчатом сырье. Важно, что в 2012 г. в слое 32, помимо чопперов-гигантолитов, были найдены 2 гигантских пика, один – на плоском желваке или плитке (вес 5,5 кг), а второй – пик-клевец весом 3,29 кг (Там же. С. 9–10. Рис. 3, *2*; 4, *1*). Автор совершенно справедливо объясняет появление орудий-гигантолитов в индустрии олдована горного Дагестана близостью источников доступного кремневого сырья. Скребки и скребла, как на небольших отщепах, так и на массивных обломках, в раскопках стоянки Мухкай I–2012 представлены соответственно 7 и 3 экз. К редким формам орудий можно отнести унифас, а также орудие с концом в виде клевца.

Уникальной находкой со стоянки Мухкай I–2012 стал сильно обгоревший отщеп кремня из слоя 39. Степень термического воздействия на этот артефакт (его структура после обжига стала полностью состоять из мозаичных отслаивающихся «чешуек») с определенной долей вероятности позволяет предположить, что описываемый отщеп мог находиться в зоне действующего огня (в очаге?) в течение длительного промежутка времени, что почти исключено в случае естественных природных пожаров. С нашей точки зрения, вторая находка подобного обожженного кремневого артефакта на мухкайских стоянках может свидетельствовать о возможности использовании огня носителями культуры олдован на Северном Кавказе.

Наиболее насыщенным находками в 2013 г. оказался слой 68 – порядка 100 предметов на 1 кв. м. Состав орудий относительно всех находок в процентах: слой 49 – 8 %; слой 51 – 9,5 %; слой 56 – 2,3 %; слой 65 – 5,9 %; слой 67 – 35 %;

Таблица 4. Типологический состав коллекции стоянки Мухкай I–2013

№ п/п	Наименование изделий	Слои											Всего
		46	49	51	54	56	58	61	63	65	67	68	
ЖЕЛВАКИ, НУКЛЕУСЫ И ЗАГОТОВКИ													
1	Желваки и обломки без видимых следов обработки	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	2
2	Желваки со сколами	–	4	–	–	–	–	–	–	–	–	2	6
3	Нуклеусы и нуклевидные	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4	Отщепы	1	6	2	5	21	5	9	6	5	3	30	93
ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА													
1	Обломки желваков со сколами	3	24	11	3	9	1	6	1	2	6	36	102
2	Обломки и осколки	–	12	6	3	12	7	14	3	9	2	22	90
3	Чешуйки оббивки	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	2
ОРУДИЯ													
1	Чопперы	–	1	–	–	–	–	–	–	–	3	5	9
2	Пики и пикообразные орудия	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1
3	Скребки	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	4	5
4	Скребла	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1
5	Ножи с обушком	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6	Орудия с выемкой	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1
7	Отщепы с частичной ретушью	–	3	2	–	–	–	–	–	1	2	6	14
Итого		4	50	21	11	44	14	30	10	17	17	108	326

слой 68 – 15,7 %. Как видно из процентного соотношения орудий по слоям, их число колеблется от 2,3 (слой 56) до 15,7 % (слой 68). Почти в половине слоев стоянки Мухкай I в 2013 г. (слои № 46, 54, 58, 61, 63) изделия с вторичной обработкой отсутствовали. На чопперы приходится 29 % – одна треть всего состава орудий. Очень показателен процент скребков и скребел из раскопок 2013 г. – 19,4 % от общего числа орудий.

На графике 5, характеризующем распределение массива первичного расщепления кремня из раскопок стоянки Мухкай I–2013, показано, что во всех слоях преобладают обломки желваков со сколами, отщепы и обломки отщепов, что свидетельствует об активных операциях по первичному расщеплению на раннепалеолитических стоянках горного Дагестана у доступных выходов кремневого сырья.

Данные графика 6 свидетельствуют, что наиболее насыщенными изделиями вторичной обработки в раскопках стоянки Мухкай I–2013 оказались литологические слои 49, 67, 68, где был встречен практически весь типологический набор кремневой индустрии культуры олдована (как в случае со слоем 32 в раскоп-

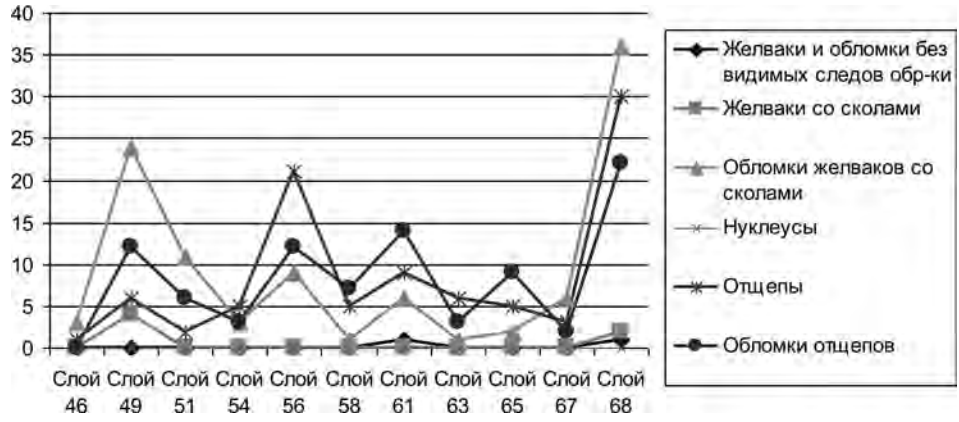

График 5. Статистика послойного распределения предметов первичного раскалывания со стоянки Мухкай I–2013

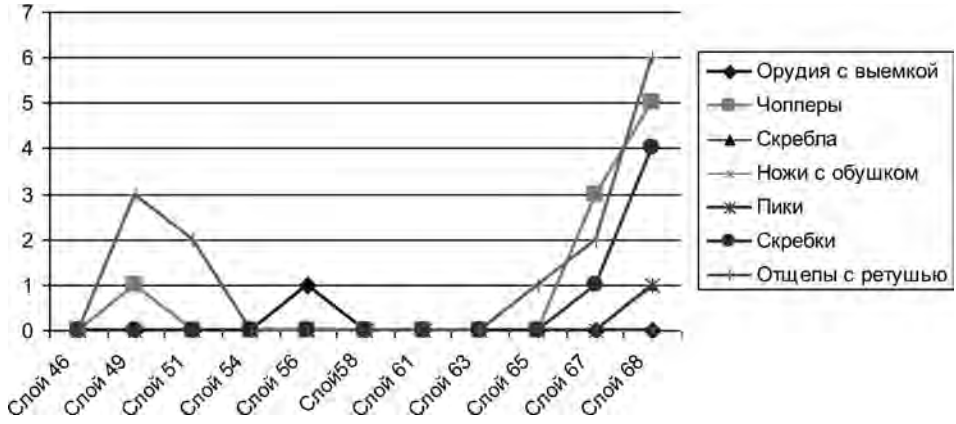

График 6. Статистика послойного распределения предметов вторичного раскалывания со стоянки Мухкай I–2013

ках стоянки Мухкай I в 2011–2012 гг.), а самыми многочисленными оказались чопперы и отщепы с ретушью. Обращает на себя внимание количественный пик скребков в слое 68.

Из коллекции гигантских орудий раскопок 2013 г. выделяются чоппер-гигантолит и комбинированное орудие чоппер-пик-клевец, найденный в слое № 68 (рис. 5), что, как было сказано выше, объясняется наличием близких источников легкодоступного сырья (*Амирханов*, 2013). Большинство чопперов из коллекции 2013 г. было изготовлено на плитчатом сырье, поэтому в количественном и качественном отношении преобладают чопперы с узкими и долотовидными лезвиями. Скребки, скребла, единичные экземпляры ножей и острий, как на небольших отщепах, так и на массивных обломках, практически все найдены в основном в насыщенных слоях 67, 68. В остальных слоях стоянки Мух-

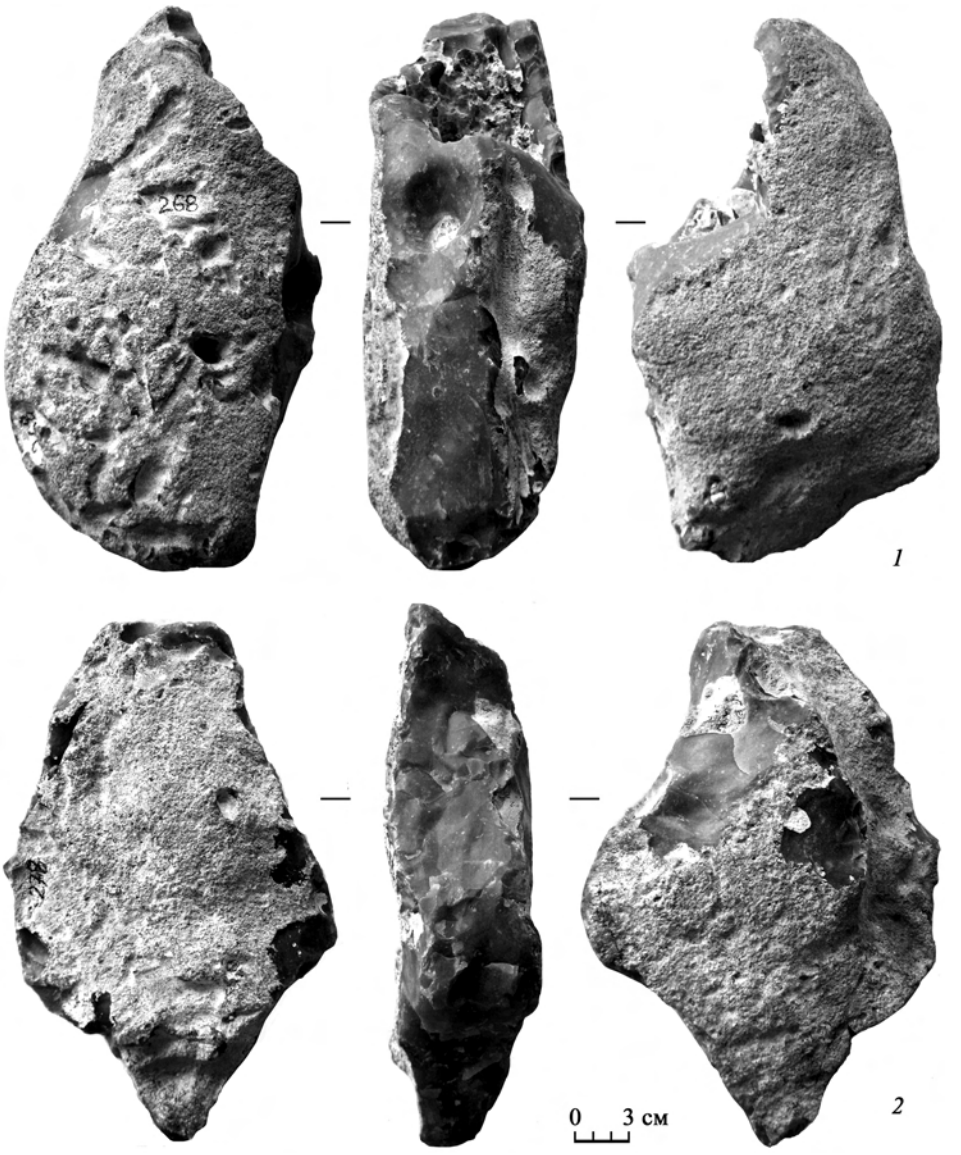

Рис. 5. Мухкай I–2013. Слой 68

1 – чоппер-гигантолит (№ 268); 2 – чоппер-пик-клевец (№ 278)

кай I–2013, содержащих кремневые изделия, встречены отходы первичного раскалывания – обломки и осколки желваков со сколами, отщепы и обломки отщепов, что может объясняться функциональным характером вскрытых участков этих слоев.

Таким образом, общее количество находок кремневых изделий с памятника Мухкай I на момент окончания полевых работ 2013 г. вместе с материала-

ми 2007 г. (*Амирханов*, 2008а) и 2011–2012 гг. составило почти 1 500 предметов (1 470 экз.), из которых 212 (14,4 %) являются изделиями с вторичной обработкой, представляющими полный орудийный набор культуры олдован. Процент орудий – 14,5 % – со стоянки Мухкай I хорошо сопоставим с аналогичным показателем (14 %) со стоянки Айникаб I (*Таймазов*, 2010б. С. 77).

В результате полевых исследований 2007, 2011 и 2012–2013 гг. на стоянке Мухкай I был исследован показательный стратиграфический разрез со структурированными и контрастными по уровням высоты отложениями, которые по литологическим критериям можно предварительно объединить в несколько геологических пачек. Первая пачка слоев мощностью порядка 3,5 м (слои 2–8 из раскопок Х. А. Амирханова 2007 г.) представлена плотными сцементированными отложениями с большим количеством обломочного материала и находок кремневых изделий. Эта пачка хорошо коррелируется с аналогичными пачками отложений на однокультурных стоянках Айникаб I и Мухкай II. Вторую (сверху) составляет пачка чередования стерильных слоев суглинков и слоев с обломочным материалом и археологическими находками (слои 9–24) общей мощностью около 7,5 м. Эта пачка также хорошо коррелируется с аналогичной пачкой слоев на стоянке Мухкай II, на стоянках Айникаб I и Гегалашур подобные пачки слов отсутствуют. Третья пачка мощностью 6 м со своими специфическими характеристиками представлена слоями 25–32. Она отличается наличием ряда стерильных слоев суглинков с линзами без находок, в основании которых залегает своеобразный слой 32 мощностью до 1 м с многочисленным обломочным материалом и большим количеством находок кремневых изделий. Четвертая пачка мощностью около 5,5 м (слои 33–34) характеризуется наличием мощного слоя однородного плотного суглинка без обломочного материала мощностью до 4 м. Слой подобной мощности на мухкайских стоянках был встречен впервые. Для пятой пачки (слои 35–39) мощностью около 4 м характерно наличие мощных слоев с обломочным материалом и многочисленными кремневыми находками, разделенных небольшими по мощности слоями суглинков без находок. Шестая пачка стоянки Мухкай I, представленная чередующимися стерильными слоями суглинков и слоями с обломочным материалом и археологическими находками (слои 40–45) общей мощностью около 5,5 м, аналогична 2-й пачке слоев этой же стоянки. Важно отметить, что находящийся в этой пачке слой 44 по своему строению близок к слою 80 со стоянки Мухкай II, который в исследованном раскопе 2010 г. перекрывал обнаруженное скопление фауны. В 7-й пачке (слои 45–53) общей мощностью около 6 м также зафиксировано чередование слоев с преимущественным преобладанием мощных стерильных слоев суглинков, разделенных небольшими по мощности слоями с обломочным материалом и редкими кремневыми находками почти без предметов с вторичной обработкой. Эта пачка отделена от нижележащей мощным слоем 54 с большим количеством мелкого обломочного материала, дресвы, крупнозернистого (аллювиального?) песка и крайне редкими находками слабо окатанных (?) кремневых изделий. 8-я пачка (слои 55–64) мощностью до 5 м чередованием слоев близка к вышележащим 6-й и 7-й пачкам. Характерной особенностью этой пачки является небольшая мощность слоев с обломочным материалом и редкими находками кремневых изделий, которые с определенной степенью интерпретации можно назвать

горизонтами находок. 9-я пачка (слои 65–70) мощностью свыше 2 м представлена чередующимися буровато-коричневыми суглинками и тяжелыми сизовато-зелеными глинистыми с мощным ожелезнением (озерными?) отложениями со слоями с обломочным материалом, в нижнем из которых – слое 68 – была найдена треть всех находок кремневых изделий полевого сезона 2013 г. Подстилается эта пачка мощным слоем 70 белесоватой плотной глины, представляющим результат разложения третичных известняков.

Относительно генезиса охарактеризованных выше слоев можно высказать следующие предположения, основанные на характере литологии отложений, а также особенностях их залегания, структуры и текстуры. Наслоения верхней пачки свидетельствуют о периоде накопления отложений преимущественно делювиального и гравитационного характера и, в меньшей степени, в результате деятельности водных потоков. 2, 6, 7 и 8 пачки с большой долей вероятности можно связать с аллювиальной и/или пролювиальной активностью. Она имеет такие признаки, как сортированность материала, мелкослоистость и доминирование глинистой составляющей. Эти характеристики в самых общих чертах близки признакам отложений пойменной фации. Но с не меньшими основаниями описанные особенности можно отнести и к условиям нерегулярных и преимущественно слабых водных потоков, а не к отложениям горной реки. Третья и четвертая пачки отличаются особенностями, характерными для прирусловой фации со слаботекущими водными потоками. Но и здесь в равной степени можно говорить и о флювиогляциальном и пролювиальном факторах, способствовавших образованию слоя. 9-я пачка слоев может характеризовать фацию со стоячей водой (озерную?) при наличии гравитационной составляющей накопления слов с обломочным материалом.

Несмотря на непродолжительный период исследования раннепалеолитических многослойных памятников горного Дагестана, результаты их комплексных изысканий позволяют сделать ряд важных выводов. Культурные слои стоянок Мухкай I и Мухкай II, расположенные в многометровых толщах раннеплейстоценовых отложений, могут коррелироваться между собой, особенно этот вывод касается серии верхних пачек разрезов этих стоянок. Состав предметов с вторичной обработкой из трех самых насыщенных слоев – слоя 25 стоянки Мухкай II, слоев 5 и 32 стоянки Мухкай I – может свидетельствовать, на наш взгляд, о сходной хозяйственной деятельности на памятниках, к которым принадлежат эти слои, выражающейся в преобладании орудий на обломках, а не на отщепах и доминировании среди орудий чопперов, пиков, скребков и отщепов с ретушью. Отсутствие окатанности на кремневых изделиях из Мухкайских стоянок, а также тот факт, что стратиграфические ступенчатые шурфы-врезки (траншеи) вскрыли различные по характеру участки слоев, которые можно отнести к центральным (где представлен полный орудийный набор) и периферийным (где в основном встречены отходы первичного расщепления) хозяйственным зонам стоянок, позволяют ставить вопрос о хозяйственной зональности.

Необходимо отметить, что применявшийся в процессе раскалывания на стоянках Мухкай I и II меловой кремень различных оттенков серого цвета, происходящий из слоев верхних геологических пачек, имеет определенные

отличия от кремневого сырья из нижележащих пачек. К таким отличиям относятся: худшее качество, трещиноватая структура и наличие зачастую толстой меловой корки, что при подборе сырья и раскалывании приводило к появлению большого количества отходов производства – желваков и обломков без видимых следов обработки.

Как мы выше отметили, при анализе такой характеристики в процессе расщепления, как выбор сырья, заметная разница наблюдается в сравнении мухкайских стоянок с однокультурной с ними стоянкой Айникаб I. На последней зачастую использовалось сырье худшего качества, а также в процессе расщепления применялись некремневые породы каменного сырья. На Мухкайских стоянках, напротив, практически не использовался известняк, а в слоях, расположенных в нижних геологических пачках (особенно на стоянке Мухкай I), большинство изделий изготавливалось на более качественном плитчатом сырье. Форма кремневого плитчатого сырья влияла на конечные формы изделий с вторичной обработкой, особенно на чопперы – самую распространенную категорию среди крупных орудий. Большинство чоперов на плитчатом сырье из мухкайских стоянок относится к типам долотовидных и с узким лезвием, в отличие от чопперов стоянки Айникаб, где их доля заметно меньше (*Таймазов*, 2010б). Возможно, подобные закономерности могут быть прослежены среди другой категории орудий – пиков, когда последние, изготовленные из плитчатого сырья, могли не обладать полным набором признаков (*Амирханов*, 2010; 2012а) и могут быть отнесены к «пиковидным» и к «пикообразным». Ответить на этот вопрос поможет дальнейшее исследование стоянки Мухкай I. Кроме того, на стоянке Мухкай I встречены показательные серии орудий-гигантолитов (*Амирханов*, 2013), которые на стоянке Айникаб I представлены редкими единичными экземплярами.

При сравнении стратиграфии стоянок Мухкай I и Мухкай II по верхним 4 геологическим пачкам слоев прослеживаются определенные закономерности. Это в первую очередь касается верхних первых пачек с обломочным материалом, когда на стоянке Мухкай I основание 1-й пачки на 5 м ниже основания 1-й пачки на Мухкае II, что сопоставимо с современным уклоном в 3 м. Нижний уровень залегания нижних пятых пачек со стерильными суглинками на мухкайских стоянках показывает противоположную тенденцию – понижение от Мухкая I к Мухкаю II на 1,5–2 м (меньше, чем современный склон), что свидетельствует о более или менее ровной поверхности, на которой начали откладываться слои суглинков на анализируемых стоянках. Остается открытым вопрос, в течение какого промежутка времени могли формироваться толщи с суглинистым материалом и геологические пачки с преобладанием обломочного материала.

Материалы из раскопок стоянки Мухкай I в 2011–2013 гг. имеют надежную стратиграфическую позицию и чрезвычайно выразительны в археологическом отношении. Они позволяют говорить с большой степенью определенности, что в Юго-Восточной Европе, а конкретно на территории юга России, отсчет исторического процесса нужно начинать не с ашельской, а с предшествующей – олдувайской – эпохи. И наконец, полученные материалы служат надежным подтверждением концепции каспийского пути как одного из направлений

первоначального заселения Евразии, и прежде всего Юго-Востока Европы, со стороны Западной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Х. А., 1991. Палеолит юга Аравии. М.: Наука. 344 с.

Амирханов Х. А., 2006. Каменный век Южной Аравии. М.: Наука. 693 с.

Амирханов Х. А., 2007. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (предварительные результаты). М.: Таус. 52 с.

Амирханов Х. А., 2008а. Отчет о работах Дагестанского отряда Северокавказской палеолитической экспедиции в 2007 г. // Архив ИА РАН.

Амирханов Х. А., 2008б. Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай I в центральном Дагестане // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: материалы междунар. науч. конф. (Краснодар – Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.) / Ред. С. А. Васильев и др. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 28–31.

Амирханов Х. А., 2010. Пики трехгранного сечения в коллециях памятников олдована Центрального Дагестана // Карабах в каменном веке: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 50-летию открытия палеолитической стоянки Азых в Азербайджане (3–7 октября 2010 г., Баку, Азербайджанская Республика). Баку: Текнур. С. 20–25.

Амирханов Х. А., 2012а. Категория пика в технокомплексах олдована и раннего ашеля // РА. № 2. С. 5–14.

Амирханов Х. А., 2012б. Памятники раннего плейстоцена Центрального Дагестана // Проблемы палеолита Дагестана // Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г.; отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 6–67.

Амирханов Х. А., 2013. Орудия-гигантолиты в индустрии Олдована Дагестана // РА. № 3. С. 5–12.

Амирханов Х. А., Трубихин В. М., Чепалыга А. Л., 2009. Палеомагнитные данные к датировке многослойной стоянки раннего плейстоцена Айникаб I (Центральный Дагестан) // Древнейшие миграции человека в Евразии: Материалы Междунар. симпозиума (6–12 сентября 2009 г., г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия) / Отв. ред. А. П. Деревянко, М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.

Варданянц Л. А., 1943. Постплиоценовая история кавказско-черноморско-каспийской области. Ереван: АН СССР. 184 с.

Гиря Е. Ю., 2010. Открытия олдована на юге России в свете экспериментально-трасологического метода // Исследования… С. 88–113.

Котович В. Г., 1964. Каменный век Дагестана. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР. 225 с.

Кулаков С. А., 2010. Начало исследований раннепалеолитической стоянки Гегалашур III // Исследования… С. 60–65.

Саблин М. В., Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В., 2013. Стоянка эпохи олдована Мухкай II: палеонтологические данные к датировке и реконструкции природного окружения // РА. № 4. С. 7–19.

Таймазов А. И., 2009. Чопперы из стоянки Айникаб I // Древнейшие миграции человека в Евразии: материалы междунар. симпозиума (6–12 сентября 2009 г., г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия) / Отв. ред. А. П. Деревянко, М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 175–187.

Таймазов А. И., 2010а. Сравнительный типолого-статистический анализ чопперов в некоторых памятниках олдована // Карабах… С. 242–251.

Таймазов А. И., 2010б. Типология чопперов раннепалеолитической стоянки Айникаб I (по материалам исследований 2005–2009 гг.) // Исследования… С. 75–87.

Таймазов А. И., 2012. Палеолитические памятники Усишинской долины Дагестана: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Махачкала. 29 с.

Сведения об авторе.

Селезнёв Алексей Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва 117036, Россия; e-mail: absel@rambler.ru

A. B. Seleznyov

Investigations at the Early Palaeolithic site Mukhkay I in 2011–2013

Abstract. The article presents the results of the studies of Early Paleolithic site Mukhkay I, located in the Akusha district (Republic of Dagestan) near flint outcrops. On the basis of the lithic typology the site can be attributed to Oldovan culture and dated not after 2–1.5 million years ago. The whole flint-knapping cycle is represented at the site, which is rarely the case at the sites of this date. It was possible to carry out the analysis of all aspects of lithic technology, identify and describe various operational chains associated with tool manufacture and blank production.

Keywords: Early Paleolithic, Dagestan republic, Oldovan culture, site, lithic technology, stratigrafical analysis.

REFERENCES

Amirkhanov H. A., 1991. Paleolit yuga Aravii [Palaeolithic of South of Arabia]. Moscow: Nauka. 344 p.

Amirkhanov H. A., 2006. Kamenny vek Yuzhnoy Aravii [Stone Age of South Arabia]. Moscow: Nauka. 693 p.

Amirkhanov H. A., 2007. Issledovaniya pamyatnikov oldovana na Severo-vostochnom Kavkaze (Predvaritel'nyye rezul'taty) [Research of Oldovan sites in North-Eastern Caucasus (preliminary results)]. Moscow: Taus. 52 p.

Amirkhanov H. A., 2007b. Pamyatniki oldovana v Tsentral'nom Dagestane [Oldovan sites in Central Dagestan]. *Arkheologiya, etnografiya i fol'kloristika Kavkaza. Noveyshiye arkheologicheskiye i etnograficheskiye issledovaniya na Kavkaze: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Archaeology, ethnography and local lore studies of Caucasus. Newest archaeological and ethnographical investigations in Caucasus: materials of international conference*]. Makhachkala: Epokha, pp. 6–7.

Amirkhanov H. A., 2008a. Report on works of Dagestan section of North Caucasian Palaeolithic expedition in 2007. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).

Amirkhanov H. A., 2008b. Sravnitel'naya tipologo-statisticheskaya kharakteristika inventarya stoyanki Mukhkay-1 v Tsentral'nom Dagestane (po materialam raskopok 2007 goda) [Comparative typological-statistical characteristic of inventory of station Mukhkay-1 in Central Dagestan (on materials of excavations of 2007)]. *Ranny paleolit Yevrazii: novyye otkrytiya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Early Palaeolithic of Eurasia: new discoveries: materials of international scientific conference*]. Rostov-na-Donu: Yuzhny nauchny tsentr RAN, pp. 28–31.

Amirkhanov H. A., 2010. Piki trekhgrannogo poperechnogo secheniya v kollektsiyakh pamyatnikov oldovana Tsentral'nogo Dagestana [Peaks with triangular cross-section in collections of Oldovan sites of Central Dagestan]. *Karabakh…*

Amirkhanov H. A., 2012a. Kategoriya pika v tekhnokompleksakh oldovana i rannego ashelya [Peak category in technocomplexes of Oldovan and Early Acheulian]. *RA*, 2, pp. 5–13.

Amirkhanov H. A., 2012b. Pamyatniki rannego pleystotsena Tsentral'nogo Dagestana [Early Pleistocene sites in Central Dagestan]. *Problemy paleolita Dagestana* [*Problems of Palaeolithic in Dagestan*]. M. V. Shun'kov, ed. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 6–67.

Amirkhanov H. A., 2013. Orudiya-gigantolity v industrii Oldovana Dagestana [Gigantolithic tools in Oldovan industries of Dagestan]. *RA*, 3, pp. 5–12.

Amirkhanov H. A., Trubikhin V. M., Chepalyga A. L., 2009. Paleomagnitnyye dannyye k datirovke mnogosloynoy stoyanki rannego pleystotsena Aynikab I (Tsentral'ny Dagestan) [Palaeomagnetic data for dating multilayer station of Early Pleistocene Aynikab I (Central Dagestan)]. *Drevneyshiye migratsii cheloveka v Yevrazii: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [*Earliest migrations of man in Eurasia: materials of international symposium*]. A. P. Derevyanko, M. V. Shun'kov, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN.

Girya Ye. Yu., 2010. Otkrytiya Oldovana na yuge Rossii v svete eksperimental'no-trasologicheskogo metoda [Discoveries of Oldovan in South of Russia in light of method of experimental use-wear analysis]. *Investigations…*, pp. 88–113.

Kotovich V. G., 1964. Kamenny vek Dagestana [Stone Age of Dagestan]. Makhachkala: Dagestansky filial AN SSSR. 225 p.

Kulakov S. A., 2010. Nachalo issledovany rannepaleoliticheskoy stoyanki Gegalashur III [Beginning of investigation of Early Palaeolithic station Gegalashur III]. *Investigations…*, pp. 60–65.

Sablin M. V., Amirkhanov Kh. A., Ozherel'yev D. V., 2013. Stoyanka epokhi oldovana Mukhkay II: paleontologicheskiye dannyye k datirovke i rekonstruktsii prirodnogo okruzheniya [Station of Oldovan epoch Mukhkay II: paleontological data for dating and reconstruction of environment]. *RA*, 4, pp. 7–19.

Taymazov A. I., 2009. Choppery iz stoyanki Aynikab I [Choppers from station Aynikab I]. *Drevneyshiye migratsii cheloveka v Yevrazii: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [*Earliest migrations of man in Eurasia: materials of international symposium*]. A. P. Derevyanko, M. V. Shun'kov, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 175–187.

Taymazov A. I., 2010a. Sravnitel'ny tipologo-statisticheskiy analiz chopperov v nekotorykh pamyatnikakh oldovana [Comparative typological-statistical analysis of choppers at some Oldovan sites]. *Karabakh…*, pp. 242–251.

Taymazov A. I., 2010b. Tipologiya chopperov rannepaleoliticheskoy stoyanki Aynikab I (po materialam issledovaniya 2005–2009 gg.) [Typology of choppers from Early Palaeolithic station Aynikab I (on materials of research of 2005–2009)]. *Investigations…*, pp. 75–87.

Taymazov A. I., 2012. Paleoliticheskiye pamyatniki Usishinskoy doliny Dagestana: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Palaeolithic sites of Usisha valley in Dagestan: thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy]. Makhachkala. 29 p.

Vardanyants L. A., 1943. Postpliotsenovaya istoriya kavkazsko-chernomorsko-kaspiyskoy oblasti [Post-Pliocene history of Caucasus-Pontic-Caspian region]. Yerevan: AN SSSR. 184 p.

About the author.

Seleznyov Aleksey B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow 117036, Russian Federation; e-mail: absel@rambler.ru.

А. А. Анойкин

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ МЕЛКООРУДИЙНАЯ ИНДУСТРИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1 (Приморский Дагестан)

Резюме. Статья посвящена результатам археологических работ на памятнике Рубас-1 (Приморский Дагестан). Согласно предварительным стратиграфическим оценкам возраста, индустрия нижнего археологического комплекса стоянки (слой 5) соответствует мелкоорудийным комплексам начальной поры палеолита и является одной из древнейших на Кавказе (относится к раннему плейстоцену). Она характеризуется простейшими техниками расщепления и дроблением породы, частым использованием для изготовления орудий несколовых основ, малыми размерами и типологической неустойчивостью орудийных форм. Раннепалеолитические материалы памятника позволяют рассматривать Северо-Восточный Кавказ как один из очагов развития доашельских микроиндустрий.

Ключевые слова: Дагестан, ранний палеолит, мелкоорудийные комплексы, плейстоцен, морские трансгрессии, палинология, палеонтология.

Введение

Приморский Дагестан представляет собой узкую (до 30 км шириной) полосу третичных и раннечетвертичных отложений, протянувшуюся с юго-востока на северо-запад. С востока он огражден Каспийским морем, с запада – известковыми хребтами мелового возраста. В орографическом отношении подразделяется на две обособленные части: прибрежную равнину и область предгорий, естественная граница между которыми проходит по третьей древнекаспийской террасе (*Голубятников*, 1940).

Первые сведения о существовании палеолита на этой территории получены М. З. Паничкиной в конце 30-х гг. XX в. (сборы у с. Геджух) (*Замятнин*, 1950). Дальнейшие поиски палеолитических местонахождений осуществлялись в 50–60-е гг. XX в. В. Г. Котовичем. В ходе работ на территории предгорной зоны им было обнаружено около десятка местонахождений с поверхностным залеганием археологического материала, в том числе 3 пункта с каменными

изделиями палеолитического облика. Наиболее древние артефакты найдены на местонахождении Чумус-Иниц (среднее течение р. Дарвагчай) и предварительно датированы В. Г. Котовичем ашельским и мустьерским временем (*Котович*, 1964).

Новый этап исследования палеолита в Приморском Дагестане начался в 2003 г. и связан с работами совместной экспедиции ИАЭТ СО РАН и ИА РАН под общим руководством академика А. П. Деревянко (*Деревянко и др.*, 2004). В ходе археологических исследований последних лет в бассейнах рек Дарвагчай и Рубас было открыто более 20 памятников палеолита, в том числе несколько многослойных стратифицированных объектов. В ходе этих работ был выявлен принципиально новый для территории Старого Света район присутствия раннепалеолитических мелкоорудийных индустрий, что позволяет включить кавказский регион в зону появления и распространения этих специфических ассамбляжей (*Деревянко и др.*, 2009).

Мелкоорудийные / микролитические индустрии раннего палеолита привлекали большое внимание и вызывали много вопросов у специалистов, занимающихся наиболее древними этапами каменного века еще со времени первых находок, сделанных в Вертешселеше (Vértesszőlős…, 1990). В первую очередь это было связано с тем, что данные комплексы не в полной мере соответствовали традиционным представлениям о развитии каменных технологий в палеолитическое время. За прошедшее время мелкоорудийные ассамбляжи, первоначально выглядевшие как некий уникальный культурный феномен, зафиксированы во многих регионах Старого Света, хронологически перекрывая все основные этапы древнего каменного века. На территории Евразии они распространены от Центральной Европы до Китая в хронологическом интервале примерно, от 1 млн до 300 тыс. л. н. Основными районами, где зафиксированы раннепалеолитические мелкоорудийные индустрии, являются Ближний Восток (Бизат Рухама и др.), Центральная Европа и Апеннинский полуостров (Вертешселеш, Изерния-ля-Пинета и др.), Средняя Азия (Кульдара и др.) и Северный Китай (Дунгуто и др.) (Lower Palaeolithic Small Tools…, 2003; *Burdukiewicz*, 2003; *Ronen*, 2003; *Деревянко*, 2009).

На территории Приморского Дагестана древнейшие мелкоорудийные комплексы были обнаружены недалеко г. Дербента – на многослойном стратифицированном памятнике Рубас-1. Археологический материал раннего палеолита на стоянке связан с прибрежно-морскими отложениями, соответствующими древним трансгрессивным этапам истории Каспийского моря (*Деревянко и др.*, 2009).

Стратиграфия, хронология и палеоэкология памятника

Памятник Рубас-1 локализован в среднем течении р. Рубас (Табасаранский район Республики Дагестан), по правому берегу, в теле древнего оползня, в настоящее время имеющего вид 28-метрового террасовидного уступа. Стационарное изучение памятника начато в 2006 г. (рис. 1, *А*). На склоне участка «террасы», где расположена стоянка, была заложена разведочная траншея шириной 2 м, состоящая из нескольких уступов общей протяженностью 28 м и имеющая максимальную глубину до 18 м от дневной поверхности. На глубине около 16 м

от дневной поверхности в тонкой (до 10 см) линзовидной гравийно-галечной прослойке с примесью обломков раковин моллюсков (слой 5) обнаружен комплекс раннепалеолитических кремневых изделий (*Деревянко и др.*, 2006).

В 2007–2012 гг. работы на местонахождении были продолжены. Культуросодержащий слой 5 изучался в 2007–2011 гг. смежными участками (раскоп 1) общей площадью 194 кв. м, включая участок, вскрытый разведочной траншеей 2006 г. В результате раскопок в общей сложности обнаружено около 3 000 отдельностей кремня, из которых 133 определены как артефакты и возможные артефакты (*Деревянко и др.*, 2009; 2011).

В 2012 г. работы на памятнике проводились на новом участке (раскоп 2) площадью 40 кв. м, расположенном в 20 м к северо-западу от северного угла раскопа 1. Перенос места работ диктовался ситуацией на объекте, а именно направлением простирания слоя 5 и наличием большого количества глубоких трещин в рыхлых отложениях на участке склона, прилегающего к раскопу 1, что связано с угрозой обвала стенок, учитывая глубину вскрышных работ (до 8 м) (*Деревянко и др.*, 2012б).

Сводный стратиграфический разрез памятника состоит из следующих литологических подразделений (рис. 1, *Б*) (*Деревянко и др.*, 2009):

В основании разреза залегают горизонтально-слойчатые темно-серые глины (слой 6). Осадки морского генезиса и предположительно имеют миоценовый возраст. На глинах, с большим хронологическим разрывом, залегает нижний культуросодержащий слой (слой 5), представленный гравийно-галечной прослойкой мощностью до 0,4 м с зеленовато-серым алеврито-песчаным заполнителем. Слой 5 перекрывают мелкозернистые карбонатные пески светло-коричневого цвета с прослоями светлых желтовато-коричневых глин, в которых встречаются отпечатки листьев и стеблей травянистых растений (слой 4); мощность ~ 8 м. Выше, с большим хронологическим разрывом, залегают гравийно-галечно-валунные отложения речного генезиса, местами слабо сцементированные до конгломерата (слой 3). Встречаются невыдержанные по простиранию прослои желтовато-рыжего песка (до 0,4 м); мощность ~ 3,5–3,8 м. В слое присутствует археологический материал среднепалеолитического облика. Галечники перекрывает аллювиальный песок с прослоями светло-серого алеврита (слой 2). Мощность ~ 0,3–0,6 м. Венчает разрез пачка светло-коричневых супесчано-суглинистых отложений сложного генезиса (совокупность коллювиальных, делювиальных и эоловых процессов) – слой 1. В слое выявлено несколько уровней залегания каменных артефактов, относящихся к финалу среднего – верхнему палеолиту; мощность – до 4 м.

Анализ разреза позволяет выделить четыре разновозрастные пачки (*Лещинский и др.*, 2009). Пачка 1 (слой 6; тортонский век, $N_1^2{}_{tr}$) представляет собой илы шельфа (глубина вод от 20 до 200 м). Пачка 2 (слои 5 и 4; позднеакчагыльское время, $N_2^3{}_{ak}$) сформирована в субаэральных и субаквальных (на глубинах от 0 до 15 м – пляжная, предфронтальная и переходная зоны) условиях морского побережья. Пачка 3 (слои 3 и 2; поздний (?) неоплейстоцен) – речной аллювий. Пачка 4 (слой 1; поздний неоплейстоцен – голоцен) – субаэральные образования. Обоснование возраста отложений базируется на совокупности геологических и палеонтологических данных. Так, в подошвенной части слоя 4

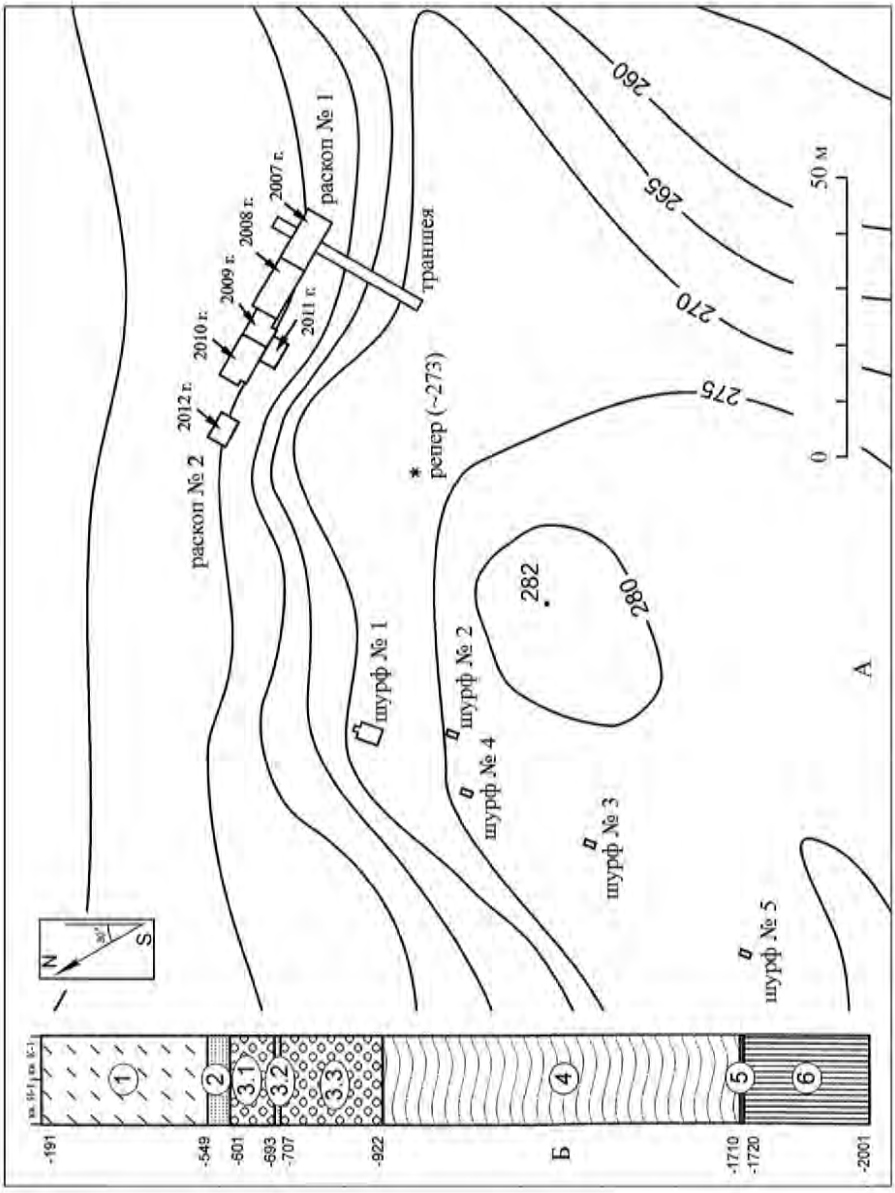

Рис. 1. Рубас-1

А – план-схема памятника; *Б* – сводная стратиграфическая колонка, выполненная на основе стратиграфических профилей траншеи 2006 г.

было обнаружено большое количество раковинок и створок остракод хорошей сохранности, редкие фораминиферы (*Rotalia beccari* (Linne) и др.) и гастроподы. Доминанты среди остракод: эвригалинные *Cyprideis littoralis* (Brady) и *Cyprideis punctillata* (Brady). Другие виды – солоновато-пресноводные формы: *Limnocythere* aff. *luculenta* Livental, *Limnocythere tenuireticulata* Suzin, *Candona abichi* Livental, *Ilyocypris bradyi* Sars, *Eucypris* aff. *puriformis* Mandelstam. Наиболее важно присутствие в слое значительного количества *L. tenuireticulata* Suzin и *L.* aff. *luculenta* Livental. Первый вид появляется в акчагыльское время и для него типичен. Распространение второго – с акчагыльского до бакинского времени, где он угасает. Вид *C. punctillata* (Brady) известен в отложениях миоцена – апшерона. Раковины акчагыльских видов *C. abichi* Livental и *E.* aff. *puriformis* Mandelstam имеют признаки локального переноса. *C. littoralis* (Brady) и *I. bradyi* Sars – виды широкого распространения. Таким образом, состав остракод и литология осадков позволяют предполагать, что осадконакопление слоя 4 происходило в опресненных прибрежных водах акчагыльского моря (*Лещинский и др.*, 2010).

В ходе работ с полного разреза памятника Рубас-1 была отобрана серия образцов на спорово-пыльцевой анализ, который выявил крайне низкую концентрацию пыльцы в отложениях, часто не превышающую 30 зерен в образце при их удовлетворительной сохранности. Два наиболее информативных образца из слоя 6 характеризуются преобладанием в спектрах пыльцы древесных таксонов (сосна *Pinus* sg. *Pinus*, граб восточный *Carpinus orientalis* и береза *Betula*) и отсутствием пыльцы маревых и полыни. Анализ поверхностных спорово-пыльцевых спектров показал, что пыльца *Carpinus orientalis* и *Betula* имеют тенденцию отлагаться локально и не переноситься на большие расстояния, в то время как пыльца сосны может являться результатом дальнего заноса. Таким образом, можно предполагать распространение в описываемый период в окрестностях памятника широколиственных лесов. Анализ образцов, полученных из слоя 4, показывает доминирование здесь пыльцы древесных таксонов с небольшим преобладанием пыльцы трав вверх по разрезу (*Artemisia*, Chenopodiaceae, *Asteroideae*), что может указывать на распространение открытых ценозов в это время в окрестностях памятника. В этой же пробе обращает на себя внимание большое количество хламидиоспор эндомикоризного гриба *Glomus*, который является показателем почвенной эрозии. Возможно, накопление слоя происходило в прибрежной зоне, характеризующейся эрозионными процессами (*Деревянко и др.*, 2008).

Палинологический состав образцов из отложений слоя 4 ближе всего палинокомплексам «мезофитного» типа, который сопоставляется с верхнеакчагыльским палинокомплексом серии МПК-6ак Восточного Закавказья и Западной Туркмении (*Филиппова*, 1997). Для Восточного Предкавказья также выделен близкий комплекс с доминированием Juglandaceae, *Quercus*, *Fagus*, *Pinus*, *Picea*, *Abies*, *Tsuga*, *Ulmus*, *Alnus*, *Carpinus* и разнотравьем (*Найдина*, 1991; *Рудая*, 2012).

Таким образом, суммарная информация, полученная методами естественных наук, позволяет предполагать, что археологический материал, зафиксированный в слое 5, накапливался в субаэральных и субаквальных условиях

морского побережья (пляжная и предфронтальная зоны), при этом в береговом ландшафте преобладали залесенные участки. Хронологически время формирования культуросодержащего слоя соотносится с финальной стадией акчагыльской трансгрессии Каспийского моря и, согласно принятым стратиграфическим схемам, имеет возраст ≈ 1,8–2,0 млн л. н.

Характер сырьевой база индустрии и проблемы идентификации артефактов

Древнейший археологический комплекс памятника связан со слоем 5. Среди угловатых обломков кремня, представленных в незначительном количестве в гравийно-галечной составляющей слоя (основная масса представлена обломками известняка и песчаника), некоторые предметы имеют признаки искусственной обработки. Диагностика изделий затруднена сильной «сглаженностью» поверхности предметов, что, скорее всего, связано с абразионным воздействием на них песка в пляжно-прибрежных условиях, в которых формировался слой, и особенностями самого кремневого сырья. В ходе работ 2006–2012 гг. было обнаружено более 3 500 экз. кремня. Окатанные обломки в основном имеют размеры до 5 см, хотя встречаются единичные экземпляры до 20–25 см по длинной оси. В общей сложности 147 экз. кремня имеет признаки искусственного расщепления.

Детальное исследование кремневого сырья, проведенное к. г.-м. н. Н. А. Кулик, показало следующее. Источником кремня являются известняки датского яруса, составляющие передовые выходы горной гряды в верховьях Рубаса и его притоков (*Деревянко и др.*, 2012а). Наблюдения над кремнями в их естественном залегании показали, что важнейшим фактором, влияющим на качество кремня как исходного сырья, характер его раскалывания и форму обломков, является многократное проявление крупных тектонических нарушений, приводивших к появлению в желваках кремня скрытой трещиноватости, направления которой определялись как собственными особенностями породы, так и направлением тектонических напряжений. Это обусловило основное отличие кремневого сырья – большое количество внутренних дефектов, как правило, не позволяющих при раскалывании получить протяженные заготовки; сколы часто прерываются трещинами и имеют неровные очертания. Далекий перенос (≈ 10 км), с одной стороны, отсеивает часть некачественного сырья, разбивающегося при соударениях обломков в горном водном потоке, с другой – предопределяет преимущественно мелкие размеры кремневых галек. То есть форма и размер артефактов в большой мере зависят от формы и размеров естественных обломков, что, в свою очередь, обусловлено особенностями морфологии и генезиса кремня в этом районе. Сырьевые ограничения, возможно, в значительной степени повлияли на широкое использование несколовых основ для изготовления орудий, но одновременно дополнительно осложнили идентификацию последних. Действительно, используемое сырье изначально колется очень «артефактоподобно», а перенос в условиях горных потоков способствует образованию мелкой «псевдоретуши» вследствие раковистого скалывания при обламывании тонких краев обломков и возникновению при соударениях последних «забитостей»

и «выемок» на их ребрах и вершинах. Проведенный анализ позволил, несмотря на признаки «артефактности», отсеять часть предметов, имеющих, скорее всего, естественное происхождение, и более четко локализовать группу бесспорных артефактов (*Деревянко и др.*, 2009).

Таким образом, структура и технологический контекст раннепалеолитического комплекса, морфология артефактов и сохранность поверхностей последних обнаруживают весьма существенные проблемы идентификации инвентаря, тем более что в целом индустрия этого памятника явно неоднородна: в ней бесспорные артефакты сопровождаются изделиями с признаками естественного раскалывания, или «псевдоретушью», которая зачастую трудноотличима от преднамеренной.

Исследователями палеолита неоднократно предпринимались попытки выработки критериев, отличающих искусственную обработку краев изделий от естественной и непреднамеренной. Многочисленными экспериментами установлено, что тип и интенсивность «псевдоретуши» определяют такие факторы как вид и качество каменного сырья, форма и толщина заготовок, характер вмещающих или подстилающих (при поверхностном залегании) отложений, продолжительность и способ воздействия (вытаптывание, солифлюкция, давление щебенки и т. д.), а также степень концентрации находок (*Щелинский*, 1983; *Shea, Klenck*, 1993; *Mc Brearty et al*., 1998; *Колобова, Рыбин*, 2006). Оказалось также, что в зависимости от комбинации перечисленных факторов характер ненамеренной «обработки» мог принципиально отличатся по всем основным параметрам. Это касалось как расположения «ретуши» (сплошная или прерывистая по всему периметру, более интенсивная по одному из краев, редкие фасетки на всем предмете), так и других ее характеристик (альтернативная, чередующаяся, по одной плоскости; удлиненная, чешуйчатая и т. д.). Единственным общим моментом в результатах экспериментов был тот, что у относительно тонких заготовок при ненамеренном воздействии образуется сильная выкрошенность края, имеющая вид зубчато-выемчатой отделки, а также часто появляются короткие «шиповидные» выступы.

Также в контексте проблемы идентификации палеолитических артефактов часто упоминаются свидетельства обнаружения «псевдоорудий» в гравийно-галечных отложениях (*Матюхин*, 1986; *Дороничев и др.*, 2007. С. 201–205). В тех случаях, когда анализируются единичные находки чопперовидных изделий, первичных отщепов или предметов с иррегулярными сколами / ретушью, с неоднозначной трактовкой этих материалов можно согласиться. Применительно же к находкам отдельных рубил, нуклеусов, сколов с полным набором отличительных признаков искусственного расщепления, при возникновении сомнений следует прежде всего искать им объяснение в возможном или вероятном переотложении. Предположение о природном происхождении четко локализованных в пространстве комплексов артефактов, определяемых как палеолитические индустрии, должно иметь хотя бы одно фактическое подтверждение, между тем примеры таких массовых локализаций «псевдоартефактов» с признаками палеолитических изделий в галечниках неизвестны.

Следует добавить, что какие-либо сведения об экспериментах по возникновению ненамеренной обработки на кремневом материале при водном переносе

или при попадании его в прибрежную зону морских бассейнов в научной литературе отсутствуют и соответствующих критериев не выработано.

В сомнительных ситуациях, возникающих, как правило, в отношении комплексов раннего палеолита, принято ориентироваться на наличие в коллекции бесспорных артефактов. В их числе – площадочные нуклеусы с негативами упорядоченных снятий, серии сколов с четко диагностируемыми признаками искусственного раскалывания (дорсальной и вентральной поверхностями, остаточной площадкой и ударным бугорком), орудия, оформленные регулярной упорядоченной ретушью или сколами оббивки (например, скребки, скребла и т. д.). Полный серийный набор перечисленных форм, несомненно, присутствует в коллекции Рубаса-1, то есть налицо все основания рассматривать данный комплекс изделий в качестве палеолитической индустрии. При этом нельзя исключать вероятности образования отдельных фасеток и даже непротяженных участков ретуши или негативов мелких сколов от соударения предметов и других случайных факторов, но, учитывая окатанность многих изделий, доказать или опровергнуть их появление в результате такого воздействия очень сложно. Возникающие в связи с этим вопросы по проблеме идентификации тех или иных орудий следует признать неизбежными (*Зенин, Анойкин*, 2008).

Еще одним важным аспектом в изучении мелкоорудийных индустрий раннего палеолита является четкое типологическое определение и классификация изделий, в первую очередь орудийных форм. В настоящее время единые критерии анализа и общепринятая типология для подобных комплексов отсутствуют. Соответственно, возникают проблемы их технико-типологического сравнения и археологической периодизации. Малые размеры и разнообразие заготовок, преобразованных в орудия, часто не позволяют уверенно отличать скребло от скребка, острие от клювовидного орудия и т. д. Отсутствие устоявшихся стандартных орудийных форм в технокомплексах Рубаса-1 и преобладание в них сильноокатанных артефактов представляют собой серьезное препятствие для их четкого типологического определения.

Каменная индустрия слоя 5

На основе петрографических данных из состава коллекции кремневых отдельностей были удалены предметы, образование которых может быть объяснено естественными причинами (раскалывание по трещинам в породе, раскалывание при соударениях во время водной транспортировки и др.). Также были исключены все предметы, не имеющие достаточно выразительных следов антропологического воздействия из-за сильной сглаженности поверхности, очень малых размеров, отсутствия основных признаков направленного раскалывания и др. В результате такого подхода было определено, что характеристиками, достаточными для технико-типологического анализа, в коллекции слоя 5 обладают 147 предметов. Их сохранность и облик определили разделение коллекции на две группы – по степени выраженности антропогенного воздействия. Артефакты первой группы представлены сколами, теми орудийными формами, которые легко диагностируются, имеют типологическую привязку и четкую системность

обработки, а также нуклевидными формами с прослеживающейся системой подготовки ядрища и негативами серии целенаправленных снятий. Изделия второй группы представлены нуклевидными обломками, а также фрагментами сколов, обломками и осколками, вторичная отделка которых позволяет диагностировать возможную системность обработки и выделить возможные рабочие участки. В эту категорию попадает и группа мелких сколов, для которых нельзя исключать природный характер образования при раскалывании кремневых обломков и галек вследствие соударений, а также медиальные и дистальные фрагменты более крупных сколов, не имеющих остаточных ударных площадок.

Группа I – предметы с выраженным антропогенным воздействием – насчитывает 74 экз. Категории, представляющие первичное расщепление, включают: колотые гальки – 9 экз.; нуклеусы – 2 экз. (оба ядрища имеют небольшие размеры и относятся к простым формам плоскостного однонаправленного раскалывания, при этом более крупный предмет несет следы использование двух плоскостей для расщепления с независимых площадок); сколы – 36 экз. (рис. 2, *5, 7*); обломки, осколки – 27 экз. Из 74 предметов преобразованы в орудия 48 экз., в том числе: рубильце – 1 экз.; скребла – 6 экз. (рис. 2, *3*); скребловидные – 5 экз.; нуклевидные скребки – 2 экз.; скребки атипичные – 9 экз. (рис. 2, *1, 4*); шиповидные – 8 экз. (рис. 2, *2, 6*); выемчатые – 9 экз. (рис. 2, *8*); зубчато-выемчатое – 1 экз.; комбинированное орудие (скребло выемчатое) – 1 экз.; обломки с ретушью – 6 экз.

Группа II – предметы с предполагаемым антропогенным воздействием – насчитывает 73 экз. Категории, представляющие первичное расщепление, включают: колотые гальки – 5 экз.; нуклевидные обломки – 5 экз.; сколы – 46 экз. (рис. 3, *1, 2, 6*); обломки, осколки – 17 экз. По наличию следов вторичной обработки к категории орудий может быть отнесено 25 предметов, в том числе: скребло – 1 экз.; скребловидное – 1 экз. (рис. 3, *7*); скребки атипичные – 4 экз. (рис. 3, *4*); шиповидные – 7 экз. (рис. 3, *5*); клювовидные – 1 экз.; выемчатые – 2 экз.; сколы с ретушью – 3 экз. (рис. 3, *8*); обломки с ретушью – 6 экз. (рис. 3, *3*). Необходимо отметить, что малая протяженность обработанных участков на всех изделиях и характер ретуши не позволяют однозначно утверждать ее антропогенное происхождение.

В целом раннепалеолитический комплекс Рубаса-1 характеризуется большим количеством изделий малых размеров (~ 2–4 см), а также слабой типологической выраженностью и неустойчивостью орудийных форм. Последнее может быть связано как с примитивной техникой обработки камня, так и с использованием нестандартизированных заготовок, так как в большинстве случаев утилизировались несколовые основы (осколки, обломки). Вместе с тем при всем кажущемся разнообразии количество функциональных типов среди орудийных форм невелико. В основном это предметы с выемками, шиповидными выступами и скребловидные изделия. Вторичная отделка осуществлялась преимущественно мелкими сколами и грубой, однорядной, крутой и вертикальной ретушью. Изделия крупнее 4 см немногочисленны (около 20 %) – в основном это сколы, скребловидные и выемчатые орудия, а также единичные нуклевидные формы. Предполагаемый (на основании комплекса естественнонаучных данных) возраст вмещающих отложений и специфический характер артефактов позволяют

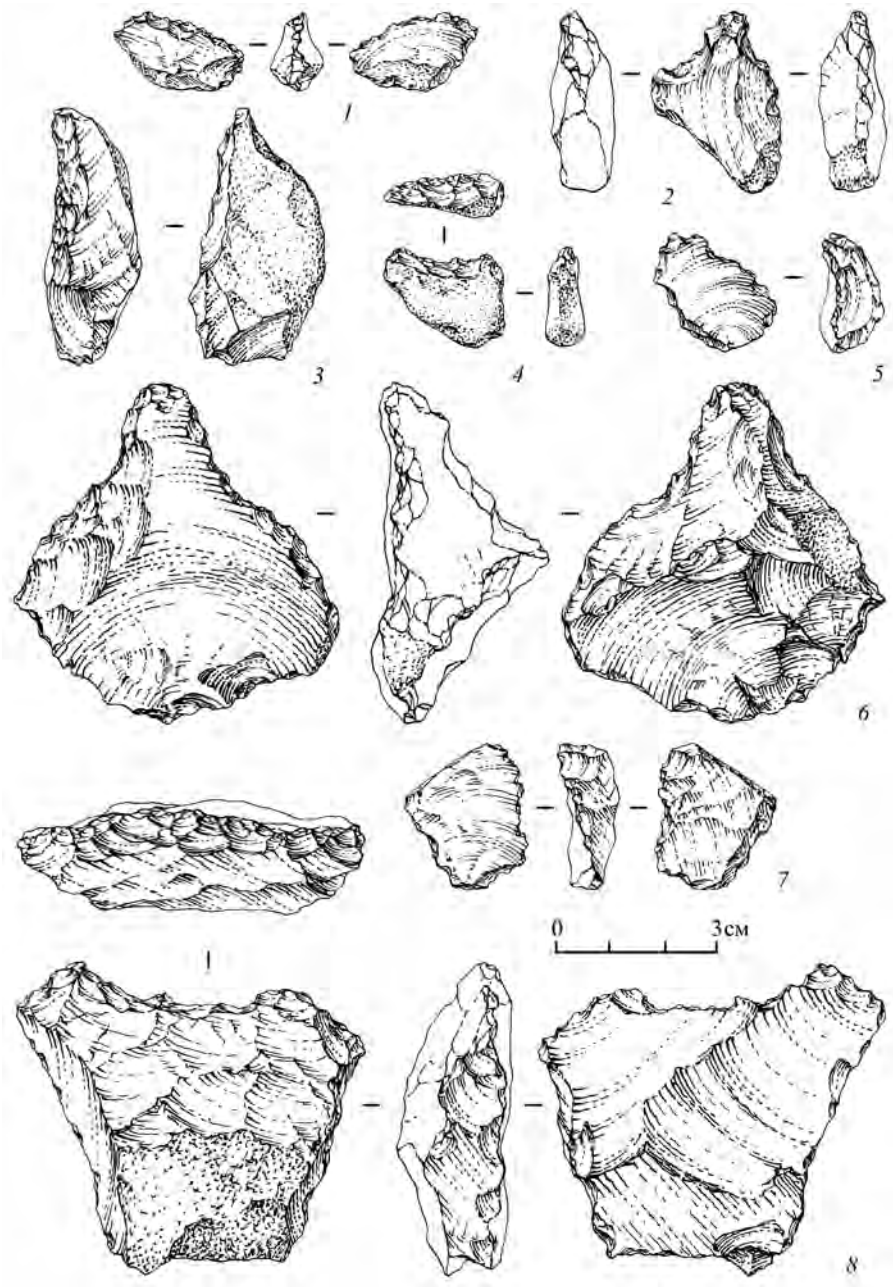

Рис. 2. Рубас-1. Раскоп 1. Слой 5. Каменные артефакты группы I (рисунки художника А. В. Абдульмановой)

1, 4 – атипичные скребки; *2, 6* – шиповидные изделия; *3* – скребло; *5, 7* – сколы; *8* – выемчатое изделие

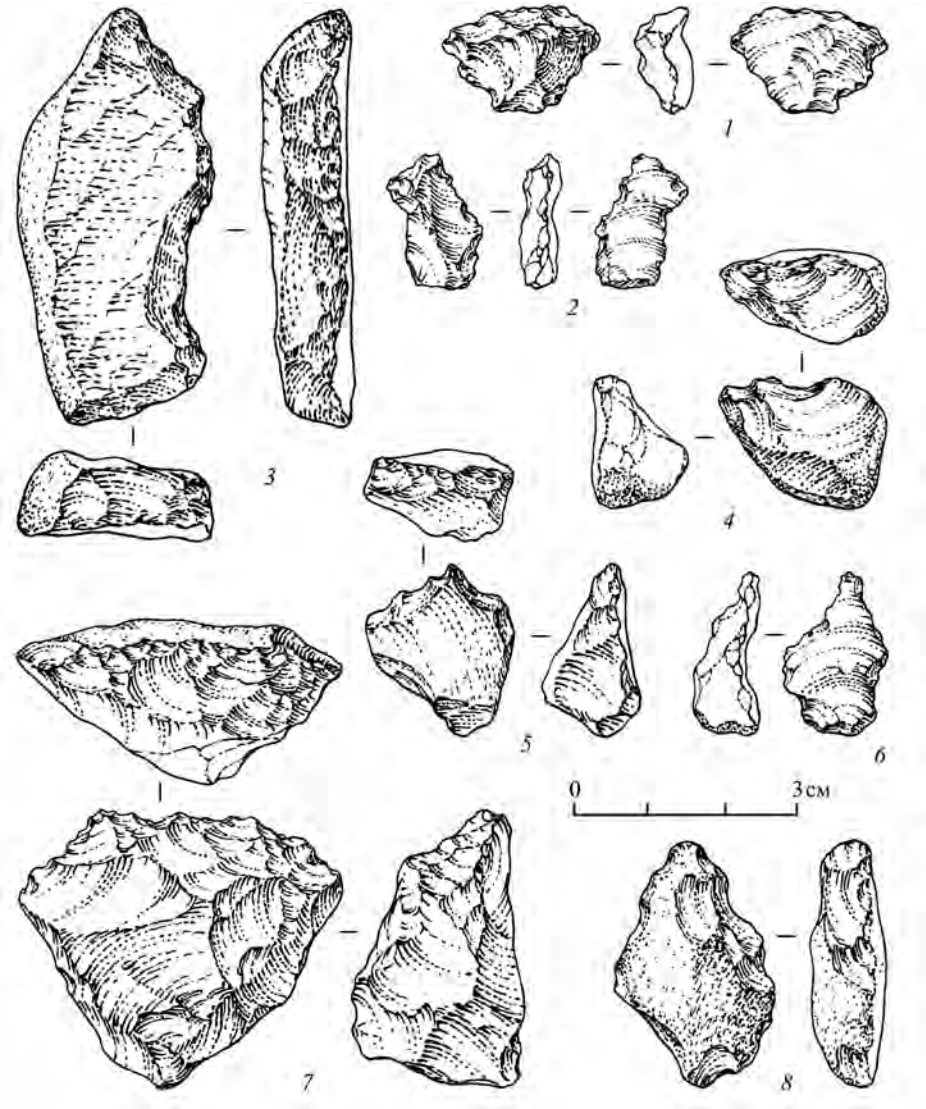

Рис. 3. Рубас-1. Раскоп 1. Слой 5. Каменные артефакты группы II (рисунки художника А. В. Абдульмановой)

1, 2, 6 – сколы; *3* – обломок с ретушью; *4* – атипичный скребок; *5* – шиповидное из-делие; *7* – скребловидное изделие; *8* – скол с ретушью

отнести эти материалы к числу мелкоорудийных индустрий начальных этапов раннего палеолита. Согласно предварительным стратиграфическим оценкам возраста, раннепалеолитический комплекс Рубаса-1 является одной из древнейших археологических индустрий на Кавказе. Наиболее близкие аналогии данным артефактам прослеживаются в материалах расположенной в 30 км от Рубаса-1 стоянки Дарвагчай-1, которая датируется ≈ 700–500 тыс. л. н. (бакинское

время, Q_1b) (*Деревянко и др.*, 2009; 2012б), что свидетельствует о длительном существовании раннепалеолитических индустрий с мелкоорудийными ассамбляжами на территории Северо-Восточного Кавказа.

Заключение

Наиболее древние каменные ассамбляжи, размер изделий в которых позволяет относить их к микроиндустриям, известны в настоящее время в Восточной Африке, в нижнем течении р. Омо, на стоянках Омо 57 и Омо 123, возраст которых, по геологическим данным, определяется в 2,3–2,4 млн л. н. (*Torre et al*., 2003). Перечень изделий включает нуклеусы, сколы и их фрагменты, а также обломки и осколки, которые составляют до 85 % дебитажа. При этом длина нуклеусов и целых сколов не превышает 3 см, что определялось размерами исходного сырья, представленного мелкими галечками кварца, эффузивов и кремневых пород. Вместе с тем в индустрии фиксируется набор технических приемов, образующих устойчивые системы расщепления, которые реализовывались даже на самом низкокачественном материале (кварц). Интересно, что сырье высокого качества (кремневые породы) использовалось интенсивнее и предметы из него в среднем имеют более мелкие размеры, чем из кварца (*Torre*, 2004).

Таким образом, уже на самых ранних этапах возникновения технологий расщепления камня человек умел утилизировать сырье в рамках несложных устойчивых стратегий и был практически не ограничен размерами каменных отдельностей, так как получаемые продукты первичного расщепления не требовали сложных техник раскалывания или предварительной подготовки. Изначально миниатюрные размеры артефактов определялись, видимо, только размером исходного сырья. Это видно из общего анализа древнейших индустрий Восточной Африки (комплексы местонахождений в бассейнах Гона и Омо в Эфиопии), где наряду с уже упоминавшимися стоянками с мелким инвентарем хорошо представлены стоянки с предметами «обычных» размеров (3–7 см) (стоянки EG-10, OGS-7 и др.) (*Semawa et al.*, 2003; *Stout et al.*, 2010). Подробный анализ этих древнейших комплексов позволил выявить определенные различия между ними, однако определить их причину – разная природная обстановка и сырьевая база или культурные различия– не позволил недостаток имеющейся информации. Тем не менее, исследователи не исключили возможную культурную дивергенцию уже на самых ранних этапах возникновения каменных индустрий, хотя и остающуюся в неких общих рамках использования ограниченного числа технологических моделей.

Древнейшие африканские материалы демонстрируют уже на рубеже 2,5 млн л. н. наличие навыков, достаточных для осуществления довольно сложных технологических процессов, и существование нескольких устойчивых технологических схем, применявшихся с разной частотой и в различных сочетаниях. При этом имевшихся навыков хватало, чтобы использовать сырье даже крайне небольшого размера (в пределах 2–3 см), а полученные в результате раскалывания артефакты использовались несмотря на свои миниатюрные размеры. Древнейшие каменные ассамбляжи характеризуются наличием определенной

системы в первичном расщеплении, но отсутствием серийности в конечных продуктах, невыраженностью форм, а также большим количеством отходов производства (осколки, обломки), возможно получавшихся намеренно (техника дробления). Орудийный набор как таковой не был еще сформирован, ретуширование заготовок носило случайный характер.

На территории Евразии до последнего времени наиболее древним памятником с мелкоорудийными наборами эпохи раннего палеолита была стоянка Бизат Рухама (около 1 млн л. н.) (*Zaidner et al.*, 2003). В составе каменной индустрии памятника находятся предметы крайне небольших размеров: нуклеусы не превышают 3 см, сколы, в среднем, около 2 см. Первичное расщепление представлено простейшими формами ядрищ – простая унифасиальная техника при минимальной предварительной подготовке. Большую роль играют угловатые обломки, на которых выполнено значительное число орудий. Характерной особенностью индустрии является неустойчивость орудийных форм. Изделия группируются по очень общим характеристикам рабочих элементов, как то: наличие острого выступа, выемки и т. д. Выделяется четыре основные группы изделий: остроконечные, зубчато-выемчатые, скребловидные и прочие, куда включаются единичные ножи, резцы и транкированные предметы. Основной прием оформления орудий – ретушь, в основном регулярная разноразмерная крутая и полукрутая (*Burdukiewicz, Ronen*, 2000; *Zaidner et al*., 2003). Размеры изделий определяются размерами сырья, однако мелкий материал выбирался древним человеком сознательно. (*Zaidner*, 2003; *Zaidner et al*., 2003). Вместе с тем предполагать, что миниатюрность изделий была определена именно культурными предпочтениями, с полным основанием нельзя, так как хорошее сырье было только небольшого размера. Однако отсутствие крупных орудий при их возможном изготовлении, пусть и из сырья невысокого качества, свидетельствует, что мелкоорудийный технокомплекс полностью удовлетворял потребности древнего населения стоянки и, следовательно, мог существовать как самостоятельная культурно-технологическая традиция.

Индустрия Рубаса-1 с ее типологической невыраженностью и наличием орудий, выполненных слабоорганизованной ретушью, занимает промежуточное хронологическое и технологическое положение между африканскими и ближневосточными мелкоорудийными комплексами. Особенности используемого каменного материала не позволяют утверждать, что миниатюрность основной массы изделий определяется исключительно культурной традицией. Возможно, в определенной степени это связано с сырьевыми ограничениями.

Археологические материалы Дарвагчая-1 имеют более развитый облик, в них присутствуют отдельные сложные и тщательно выполненные орудийные формы, набор орудий более разнообразен, появляются такие типы изделий, как скребла-ножи, ножи, резцы, что сближает эти технокомплексы с индустрией Бизат-Рухамы. В наиболее позднем комплексе (слой 8) яркой чертой является присутствие рубил. В целом можно констатировать, что наличие довольно большого количества крупных форм на фоне общей мелкоорудийной направленности индустрии Дарвагчая позволяет предполагать намеренное производство изделий небольших размеров (*Деревянко, Зенин*, 2007; *Деревянко и др.*, 2012а; 2012б).

Раннепалеолитические комплексы стоянок Рубас-1 и Дарвагчай-1 позволяют рассматривать Кавказ как один из очагов развития доашельских микроиндустрий. Их характеризует применение простейших техник расщепления, включая дробление породы, частое использование для изготовления орудий несколовых основ, малые размеры основной части предметов (~ 2–4 см), а также слабая типологическая выраженность и неустойчивость орудийных форм, среди которых преобладают скребловидные, остроконечно-шиповидные и выемчатые категории изделий. Эти материалы дополняют существующие представления о начальных этапах освоения человеком пространства Евразии, о происхождении и развитии древнейших микролитических индустрий, предположительно возникших около 2,5 млн л. н. в Африке (Омо и др.), а затем распространившихся на территорию Леванта (Бизат Рухама), Европы (Изерния ла Пинета и др.) и Центральной Азии (Кульдара) и далее на восток (*Деревянко, Зенин*, 2007). Можно предполагать, что уже на самых ранних этапах человеческой истории существовали предпосылки возникновения мелкоорудийных индустрий, которые, видимо, начинали формироваться как адаптационная реакция на ограничения, накладываемые размерами / качеством каменного материала.

ЛИТЕРАТУРА

Голубятников В. Д., 1940. Геология и полезные ископаемые третичных отложений Дагестана. М.; Л.: Госгеолиздат. 228 с.

Деревянко А. П., 2009. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 232 с.

Деревянко А. П., Зенин В. Н., 2007. Первые результаты исследования раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-1 в Дагестане // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (32). С. 29–51.

Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбин Е. П., 2004. Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. Т. 10: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Ч. 2. С. 65–69.

Деревянко А. П., Анойкин А. А., Лещинский С. В., Славинский В. С., Борисов М. А., 2006. Нижнепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1: предварительные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. Т. 12: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 года. Ч. 1. С. 65–70.

Деревянко А. П., Анойкин А. А., Борисов М. А., Рудая Н. А., 2008. Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1 (по материалам работ 2008 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. Т. 14: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008 г. С. 42–47.

Деревянко А. П., Анойкин А. А., Зенин В. Н., Лещинский С. В., 2009. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 124 с.

Деревянко А. П., Анойкин А. А., Борисов М. А., 2011. Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1 (по материалам работ 2011 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. Т. 17: Материалы Годовой сессии института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. С. 29–33.

Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г., 2012а. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 292 с.

Деревянко А. П., Анойкин А. А., Борисов М. А., 2012б. Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1 (по материалам работ 2012 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. Т. 18: Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. С. 36–40.

Дороничев В. Б., Голованова Л. В., Барышников Г. Ф., Блэквелл Б. А. Б., Гарутт Н. В., Левковская Г. М., Молодьков А. Н., Несмеянов С. А., Поспелова Г. А., Хоффекер Д. Ф., 2007. Треугольная пещера: Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы / Ред. Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев]. СПб.: Островитянин. 270 с.

Замятнин С. Н., 1950. Изучение палеолитического периода на Кавказе в 1936–1948 гг. // Материалы по четвертичному периоду СССР: К докладам Советской делегации на III конф. Международной ассоциации по изучению четвертичного периода / Ред. А. А. Блохин. Вып. 2. М.; Л.: АН СССР. С. 135–136.

Зенин В. Н., Анойкин А. А., 2008. Микролитические индустрии раннего палеолита Дагестана: проблемы идентификации и анализа каменного инвентаря // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. Т. 14: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008 г. С. 67–70.

Колобова К. А., Рыбин Е. П., 2006. Утилизационная ретушь как фактор образования орудийных наборов в палеолитических индустриях Центральной Азии // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии / Отв. ред. А. П. Деревянко, Т. И. Нохрина. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 92–104.

Котович В. Г., 1964. Каменный век Дагестана. Махачкала: Б. и. 224 с.

Лещинский С. В., Коновалова В. А., Бурканова Е. М., Бабенко С. Н., 2009. Обоснование относительного возраста раннепалеолитических местонахождений Дарвагчай-1 и Рубас-1 (Южный Дагестан) // Древнейшие миграции человека в Евразии: материалы междунар. симпозиума (6–12 сентября 2009 г., г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия) / Отв. ред. А. П. Деревянко, М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 140–149.

Лещинский С. В., Коновалова В. А., Бурканова Е. М., Бабенко С. Н., 2010. Палеонтологическое и стратиграфическое изучение окружения раннепалеолитических памятников в Южном Дагестане // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 67–79. (Труды ИИМК; т. 35.)

Матюхин А. Е., 1986. О галечных псевдоорудиях // СА. № 3. С. 95–104.

Найдина О. Д., 1991. Палинокомплексы верхнего плиоцена Предкавказья и Прикаспия // Бюл. МОИП. Отд. Геол. Т. 66. Вып. 1. С. 1301–1331.

Рудая Н. А., 2012. Палинологическая характеристика памятника Рубас-1 // *Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г.* Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 277–289.

Филиппова Н. Ю., 1997. Палинология верхнего плиоцена – среднего плейстоцена юга Каспийской области. М.: ГЕОС. 164 с.

Щелинский В. Е., 1983. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита / Под ред. А. Н. Рогачева. Л.: Наука. С. 72–116.

Burdukiewicz J. M., 2003 Technokompleks mikrolityczny w paleolicie dolnym środkowej Europy. Wroclaw: WERK. 374 p.

Burdukiewicz J. M., Ronen A., 2000. Ruhama in the Northern Negev Desert. A new microlithic site of Lower Palaeolithic in Israel // Praehistoria Thuringica. Vol. 5. P. 32–46.

Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant, 2003 / Eds J. M. Burdukiewicz, A. Ronen. Oxford. 239 p. (BAR International Series; 1115.)

Mc Brearty S., Bishop L., Plummer T., Dewar R., Conard N., 1998. Tools underfoot: human trampling as an agent of lithic artifact edge modification // American Antiquity. Vol. 63. No. 1. P. 108–129.

Ronen A., 2003. The Small Tools of Evron Quarry, Western Galilee, Israel // Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant / Eds J. M. Burdukiewicz, A. Ronen. Oxford. P. 113–120. (BAR International Series; 1115.)

Semawa S., Rogersb M. J., Quadec J., Renned P. R., Butlerc R. F., Rodrigof M. D., Stouta D., Hartc W. S., Pickeringg T., Simpsoni S. W., 2003. 2.6 Million year old stone tools and associated bones from OGS-6 and OGS-7, Gona, Afar, Ethiopia // Journal of Human Evolution. Vol. 45. P. 169–177.

Shea J. J., Klenck J. D., 1993. An experimental investigation of the effects of trampling on the results of lithic microwear analysis // Journal of Archaeological Science. Vol. 20. P. 175–194.

Stout D., Semaw S., Rogers M. J., Cauche D., 2010. Technological variation in the earliest Oldowan from Gona, Afar, Ethiopia // Journal of Human Evolution. Vol. 58. P. 474–491.

Torre de la I., 2004. Omo Revisited. Evaluating the Technological Skills of Pliocene Hominids // Current Anthropology. Vol. 45. No. 4. P. 439–465.

Torre de la I., Mora R., Dominguez Rodrigo M., Luque de L., Alcala L., 2003. The Oldowan industry of Peninj and its bearing on the reconstruction of the technological skills of lower Pleistocene hominids // Journal of Human Evolution. Vol. 44 (2). P. 203–224.

Vértesszőlős: Site, Man and Culture, 1990 / Eds M. Kretzoi, V. T. Dobosi. Budapest: Akademia Kiado. 556 p.

Zaidner Y., 2003. The use of raw material at the Lower Palaeolithic site of Bizat Ruhama, Israel // Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant. / Eds J. M. Burdukiewicz, A. Ronen. Oxford. P. 121–132. (BAR International Series; 1115.)

Zaidner Y., Ronen A., Burdukiewicz J. M., 2003. The Lower Palaeolithic microlithic industry of Bizat Ruhama, Israel // L'anthropologie. Vol. 107. P. 203–222.

Сведения об авторе.

Анойкин Антон Александрович, Институт археологии и этнографии СО РАН, просп. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630000, Россия; e-mail: anui1@yandex.ru.

A. A. Anoykin

The Early Palaeolithic small tool industry of the Rubas-1 site (Caspian Dagestan)

Abstract. This article is devoted to archeological studies at the Rubas-1 site (coastal Dagestan). Available paleontological and palinological data together with the noted lithological features suggest that the lithic industry of Rubas-1 (layer 5) is dated roughly to 1,8–2,0 Ma (the terminal Akchagyl period of the Lower Pleistocene ($N_2^3{}_{ak}$)). In general, the Early Paleolithic technocomplex of Rubas-1 are characterized by the small size of artifacts, vague typological features, and variability of tool forms. The preliminary age estimates of the sediments together with specific features of the major categories of typologically distinct artifacts make it possible to attribute the Rubas-1 collection to the industry of small tools of the Early Palaeolithic.

Keywords: Dagestan, Early Palaeolithic, small tool complexes, Pleistocene, sea transgressions, palinology, paleontology.

REFERENCES

Burdukiewicz J. M., 2003. Technokompleks mikrolityczny w paleolicie dolnym środkowej Europy. Wrocław: WERK. 374 p.

Burdukiewicz J. M., Ronen A., 2000. Ruhama in the Northern Negev Desert. A new microlithic site of Lower Palaeolithic in Israel. *Praehistoria Thuringica*, 5, pp. 32–46.

Derevyanko A. P., 2009. Drevneyshiye migratsii cheloveka v Yevrazii v rannem paleolite [Earliest migrations of man in Eurasia in Early Palaeolithic]. Novosibirsk: IAE SO RAN. 232 p.

Derevyanko A. P., Amirkhanov Kh. A., Zenin V. N., Anoykin A. A., Rybin Ye. P., 2004. Razvedka ob'ektov kamennogo veka v Respublike Dagestan v 2004 g. [Field surveys of Stone Age sites in Republic of Dagestan Republic in 2004]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territory* [*Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories*], 10. *Materialy godovoy sessii IAE SO RAN 2004 goda* [*Materials of yearly session of IAE SO RAN of 2011*]. A. P. Derevyanko, V. I. Molodin, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 65–69.

Derevyanko A. P., Amirkhanov Kh. A., Zenin V. N., Anoykin A. A., Rybalko A. G., 2012a. Problemy paleolita Dagestana [Problems of Palaeolithic in Dagestan]. Novosibirsk: IAE SO RAN. 292 p.

Derevyanko A. P., Anoykin A. A., Borisov M. A., 2011. Rannepaleoliticheskiy kompleks mestonakhozhdeniya Rubas-1 (po materialam rabot 2011 g.) [Early Palaeolithic complex of site Rubas-1 (on materials of works in 2011)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territory* [*Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories*]*, 17. Materialy godovoy sessii IAE SO RAN 2011 goda.* [*Materials of yearly session of IAE SO RAN of 2011*]. A. P. Derevyanko, V. I. Molodin, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 29–33.

Derevyanko A. P., Anoykin A. A., Borisov M. A., 2012b. Rannepaleoliticheskiy kompleks mestonakhozhdeniya Rubas-1 (po materialam rabot 2012 g.) [Early Palaeolithic complex of site Rubas-1 (on materials of works in 2012)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territory* [*Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories*]*,* 18*. Materialy godovoy sessii IAE SO RAN 2012 goda.* [*Materials of yearly session of IAE SO RAN of 2012*]. A. P. Derevyanko, V. I. Molodin, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 36–40.

Derevyanko A. P., Anoykin A. A., Borisov M. A., Rudaya N. A., 2008. Rannepaleoliticheskiy kompleks mestonakhozhdeniya Rubas-1 (po materialam rabot 2008 g.) [Early Palaeolithic complex of site Rubas-1 (on materials of works in 2008]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territory* [*Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories*]*,* 14. *Materialy godovoy sessii IAE SO RAN 2008 goda.* [*Materials of yearly session of IAE SO RAN of 2008*]. A. P. Derevyanko, V. I. Molodin, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN*,* pp. 42–47.

Derevyanko A. P., Anoykin A. A., Leshchinsky S. V., Slavinsky V. S., Borisov M. A., 2006. Nizhnepaleoliticheskiy kompleks mestonakhozhdeniya Rubas-1: predvaritel'nyye rezul'taty [Lower Palaeolithic complex of site Rubas-1: preliminary results]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territory* [*Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories*], 1. *Materialy godovoy sessii IAE SO RAN 2006 goda.* [*Materials of yearly session of IAE SO RAN of 2006*]. A. P. Derevyanko, V. I. Molodin, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 65–70.

Derevyanko A. P., Anoykin A. A., Zenin V. N., Leshchinsky S. V., 2009. Ranniy paleolit yugo-vostochnogo Dagestana [Early Palaeolithic of South-Eastern Dagestan]. Novosibirsk: IAE SO RAN. 124 p.

Derevyanko A. P., Zenin V. N., 2007. Pervyye rezul'taty issledovaniya rannepaleoliticheskoy stoyanki Darvagchay-1 v Dagestane [First results of research of Early Palaeolithic station Darvagchay-1 in Dagestan]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [*Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia*], 4 (32), pp. 29–51.

Doronichev V. B., Golovanova L. V., Baryshnikov G. F., Blekvell B. A. B., Garutt N. V., Levkovskaya G. M., Molod'kov A. N., Nesmeyanov S. A., Pospelova G. A., Khoffeker D. F., 2007. Treugol'naya peshchera: Ranny paleolit Kavkaza i Vostochnoy Yevropy [Treugol'naya cave: Early Palaeolithic of Caucasus and Eastern Europe]. St. Petersburg: Ostrovityanin. 270 p.

Filippova N. Yu., 1997. Palinologiya verkhnego pliotsena – srednego pleystotsena yuga Kaspiyskoy oblasti [Palinology of Upper Pliocene – Middle Pleistocene of South of Caspian region]. Moscow: GEOS. 164 p.

Golubyatnikov V. D., 1940. Geologiya i poleznyye iskopayemyye tretichnykh otlozheny Dagestana [Geology and minerals of ternary deposits in Dagestan]. Moscow; Leningrad: Gosgeolizdat. 228 p.

Kolobova K. A., Rybin Ye. P., 2006. Utilizatsionnaya retush' kak faktor obrazovaniya orudiynykh naborov v paleoliticheskikh industriyakh Tsentral'noy Azii [Usage retouch as a factor of formation of tool sets in Palaeolithic industries of Central Asia]. *Chelovek i prostranstvo v kul'turakh kamennogo veka Yevrazii* [*Man and space in Stone Age cultures of Eurasia*]. A. P. Derevyanko, T. I. Nokhrina, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 92–104.

Kotovich V. G., 1964. Kamenny vek Dagestana [Stone Age of Dagestan]. Makhachkala. 224 p.

Leshchinsky S. V., Konovalova V. A., Burkanova Ye. M., Babenko S. N., 2009. Obosnovaniye otnositel'nogo vozrasta rannepaleoliticheskikh mestonakhozhdeny Darvagchay-1 i Rubas-1 (Yuzhny Dagestan) [Foundations for relative chronology of Early Palaeolithic sites Darvagchay-1 and Rubas-1 (South Dagestan)]. *Drevneyshiye migratsii cheloveka v Yevrazii: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [*Man's earliest migrations in Eurasia: materials of International symposium*]. A. P. Derevyanko, M. V. Shun'kov, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 140–149.

Leshchinsky S. V., Konovalova V. A., Burkanova Ye. M., Babenko S. N., 2010. Paleontologicheskoye i stratigraficheskoye izucheniye okruzheniya rannepaleoliticheskikh pamyatnikov v Yuzhnom Dagestane [Paleontological and stratigraphic research of environment of Early Palaeolithic sites in South Dagestan]. *Drevneyshiye obitateli Kavkaza i rasseleniye predkov cheloveka v Yevrazii* [*Earliest inhabitants of Caucasus and human ancestors' settling in Eurasia*]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, pp. 67–79. (Trudy IIMK RAN, 35.)

Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant, 2003. Eds J. M. Burdukiewicz, A. Ronen. Oxford. 239 p. (BAR International Series, 1115).

Matyukhin A. E., 1986. O galechnykh psevdoorudiyakh [On pebble pseudo-tools]. *SA*, 3, pp. 95–104.

Mc Brearty S., Bishop L., Plummer T., Dewar R., Conard N., 1998. Tools underfoot: human trampling as an agent of lithic artifact edge modification. *American Antiquity*, vol. 63, no. 1, pp. 108–129.

Naydina O. D., 1991. Palinokompleksy verkhnego pliotsena Predkavkaz'ya i Prikaspiya [Palinocomplexes of Upper Pliocene in North Caucasus piedmonts and Caspian region]. *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody. Otdel Geologichesky* [*Bulletin of Moscow Society of naturalists. Department of Geology*], t. 66, vyp. 1, pp. 1301–1331.

Ronen A., 2003. The Small Tools of Evron Quarry, Western Galilee, Israel. *Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant*. J. M. Burdukiewicz, A. Ronen, eds. Oxford, 2003, pp. 113–120. (BAR International Series, 1115).

Rudaya N. A., 2012. Palinologicheskaya kharakteristika pamyatnika Rubas-1 [Palinological characteristic of site Rubas-1]. *Derevyanko A. P., Amirkhanov Kh. A., Zenin V. N., Anoykin A. A., Rybalko A. G. Problemy paleolita Dagestana* [*Problems of Palaeolithic in Dagestan*]. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 277–289.

Semawa S., Rogersb M. J., Quadec J., Renned P. R., Butlerc R. F., Rodrigof M. D., Stouta D., Hartc W. S., Pickeringg T., Simpsoni S. W., 2003. 2.6 Million year old stone tools and associated bones from OGS-6 and OGS-7, Gona, Afar, Ethiopia. *Journal of Human Evolution*, 45, pp. 169–177.

Shchelinsky V. E., 1983. K izucheniyu tekhniki, tekhnologii izgotovleniya i funktsy orudy must'yerskoy epokhi [On investigation of technique, technology and functions of tools of Moustierian epoch]. *Tekhnologiya proizvodstva v epokhu paleolita* [*Producing technology in Palaeolithic epoch*]. A. N. Rogachev, ed. Leningrad: Nauka, pp. 72– 116.

Shea J. J., Klenck J. D., 1993. An experimental investigation of the effects of trampling on the results of lithic microwear analysis. *Journal of Archaeological Science*, 20, pp. 175–194.

Stout D., Semaw S., Rogers M. J., Cauche D., 2010. Technological variation in the earliest Oldowan from Gona, Afar, Ethiopia. *Journal of Human Evolution*, 58, pp. 474–491.

Torre de la I., 2004. Omo Revisited. Evaluating the Technological Skills of Pliocene Hominids. *Current Anthropology*, vol. 45, no. 4, pp. 439–465.

Torre de la I., Mora R., Dominguez Rodrigo M., Luque de L., Alcala L., 2003. The Oldowan industry of Peninj and its bearing on the reconstruction of the technological skills of lower Pleistocene hominids. *Journal of Human Evolution*, 44 (2), pp. 203–224.

Vértesszőlős: Site, Man and Culture, 1990. M. Kretzoi, V. T. Dobosi, eds. Budapest: Akademia Kiado. 556 p.

Zaidner Y., Ronen A., Burdukiewicz J. M., 2003. The Lower Palaeolithic microlithic industry of Bizat Ruhama, Israel. *L'anthropologie*, 107, pp. 203–222.

Zaidner Y., 2003. The use of raw material at the Lower Palaeolithic site of Bizat Ruhama, Israel. *Lower Palaeolithic Small Tools in Europe and the Levant*. J. M. Burdukiewicz, A. Ronen, eds. Oxford, pp. 121–132. (BAR International Series, 1115.)

Zamyatnin S. N., 1950. Izucheniye paleoliticheskogo perioda na Kavkaze v 1936–1948 gg. [Research of Palaeolithic period in Caucasus in 1936–1948]. *Materialy po chetvertichnomu periodu SSSR: K dokladam Sovetskoy delegatsii na III konferentsii Mezhdunarodnoy assotsiatsii po izucheniyu chetvertichnogo perioda* [*Materials of Quaternary period in USSR: On reports of Soviet delegation at III conference of International Association for studies of Quaternary period*], 2. A. A. Blokhin, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 135–136.

Zenin V. N., Anoykin A. A., 2008. Mikroliticheskiye industrii rannego paleolita Dagestana: problemy identifikatsii i analiza kamennogo inventarya [Microlithic industries of Early Palaeolithic of Dagestan: problems of identification and analysis of stone inventory]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territory* [*Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories*], 14. *Materialy godovoy sessii IAE SO RAN 2006 goda.* [*Materials of yearly session* of IAE SO RAN *of 2008*]. A. P. Derevyanko, V. I. Molodin, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN, pp. 67–70.

About the author.

Anoykin Anton A., Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Akademika Lavrent'eva av., 17, Novosibirsk, 630000, Russian Federation; e-mail: anui1@yandex.ru.

О. И. Александрова

ОРГАНИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ НА КРЕМНЕВЫХ ИЗДЕЛИЯХ ИЗ ВТОРОГО МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ

(по данным трасологического анализа)*

Резюме. В процессе трасологического анализа инвентаря второго мезолитического слоя пещеры Двойная на поверхности каменных артефактов были зафиксированы остатки минерального и предположительно органического происхождения, ассоциируемые со смолами, древесиной, тканями животного происхождения, минеральными компонентами. В ряде случаев удалось установить взаимосвязь органических остатков и выявленных следов использования орудий. Интерпретации остатков различного происхождения делались на основании аналогий в зарубежной литературе, а также собственных экспериментов. Дальнейшее изучение остатков (отпечатков) требует привлечения специалистов естественных наук[1].

Ключевые слова: каменный век, мезолит, Северо-Западный Кавказ, Губское ущелье, пещера Двойная, трасология, следы, эксперимент, функция, охотничье вооружение, органические остатки, смолы.

Пещера Двойная располагается в Губском ущелье на Северо-Западном Кавказе и исследуется с 2007 г. под руководством Е. В. Леоновой (*Леонова*, 2009; *Леонова, Александрова*, 2012). В настоящее время на памятнике выделяется три культурных слоя, имеющих свои структурные особенности и отличия в комплексах каменного инвентаря (*Леонова и др.*, 2013). Для исследования привлекались материалы второго мезолитического слоя пещеры Двойная (литологический слой 6). На данный момент коллекция второго мезолитического слоя насчитывает чуть более 3 500 изделий из камня, однако исследования в пещере продолжаются.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Традиции и инновации» (рук. Е. В. Леонова) и гранта РФФИ № 12-06-00202-а.

[1] С результатами применения микрохимического и ИК-спектроскопического анализов для изучения остатков органического происхождения можно ознакомиться в публикации (*Александрова и др*., 2014).

Коллекция каменных предметов, происходящих из второго мезолитического слоя пещеры Двойная, демонстрирует весь спектр производственной деятельности на памятнике. Среди морфологически выраженных орудий преобладают скребки – 68 экз. (более 20 % от всех орудий), большинство из которых относится к концевым формам. Также в коллекции второго слоя присутствуют два скребла на массивных отщепах. Резцы составляют менее 10 % орудий (24 экз.) коллекции и представлены преимущественно различными ретушными формами. Кроме этого, в коллекции хорошо представлены выемчатые (28 экз.) и зубчато-выемчатые (11 экз.) орудия, острия разнообразных форм (23 экз.), пластины с ретушью (35 экз.), пластины и пластинки с притупленным краем (24 экз.), а также долотовидные орудия. Геометрические микролиты представлены трапециями (всего 10 экз.), единичными находками прямоугольников (3 экз.), а также серией сегментов, насчитывающих 34 экз. Изделия из кости единичны: два костяных острия и три подвески из зубов животных со сверленными биконическими отверстиями на корнях, а также обломок трубчатой кости с удаленной губчатой массой и заглаженными краями сломов, предположительно служивший в качестве муфты, и обломок трубчатой кости с пазом.

Трасологический анализ каменных артефактов осуществлялся при помощи бинокулярного микроскопа МБС-2 и металлографического микроскопа Olympus с увеличением в диапазоне 50–500 крат. Для исследования привлекались все каменные артефакты с признаками вторичной обработки, группа нуклевидных, а также выборки из пластинчатых заготовок и отщепов без признаков вторичной обработки. Таким образом, общее число изученных с помощью трасологии предметов, происходящих из второго мезолитического слоя пещеры Двойная, составило 600 экземпляров (286 изделий с признаками вторичной обработки, 67 нуклевидных, 200 пластин и пластинок, среди которых 136 с нерегулярной ретушью и выкрошенностью краев; 40 отщепов).

Методика проводившегося анализа традиционна для исследований в этой области, и останавливаться на ней подробно не представляется целесообразным. В основе своей она следует за разработками С. А. Семенова, Г. Ф. Коробковой, В. Е. Щелинского, Л. Кили (L. H. Keeley) и др. и представляет собой последовательную схему изучения поверхности предмета на макроуровне с помощью лупы и бинокуляра, а затем с помощью металлографического микроскопа на больших увеличениях (*Коробкова, Щелинский*, 1996; *Odell*, 1979; *Keeley*, 1980; *Plisson*, 1985; *Lohse, Sammons*, 1999). Структура анализа включала в себя описание орудия по ряду признаков, которые вместе характеризуют поверхность орудия на предмет макроповреждений (выкрошенность, сломы различного характера, резцовые сколы), описание кромки лезвия, наблюдаемых на ее поверхности объемных следов и заполировки, а также их сочетания между собой.

В зависимости от вида выполняемой работы и обрабатываемого материала каменные предметы второго мезолитического слоя пещеры Двойная были объединены в следующие функциональные группы: орудия охоты и разделки добычи; орудия для обработки шкур / кожи; орудия для обработки дерева; орудия для обработки кости / рога; орудия для обработки камня; орудия для обработки твердых неопределимых органических материалов. Подробное описание результатов трасологического анализа является предметом отдельной публикации.

В процессе изучения поверхности орудий было зафиксировано значительное количество остатков предположительно органического происхождения, которые удалось объединить в 4 группы по облику, форме, характеру их расположения. В общей сложности остатки зафиксированы на 153 каменных предметах, что составляет 20 % от всего количества изученных с помощью трасологии артефактов. Нужно отметить, что в процессе камеральной обработки все артефакты мылись в воде при помощи мягкой щетки.

К первой группе были отнесены следы, которые были зафиксированы на поверхности 111 изученных предметов (69 % от всех предметов со следами). Эта группа объединяет следы, представляющие собой длинные, плавно изогнутые, реже ветвящиеся полосы серого пористого на микроуровне вещества, шириной около 1 мм (в частных случаях 2–3 мм) и толщиной около 0,5–2 мм, имеющие под микроскопом волокнистую поверхностную структуру (цв. илл. V, *А, Б, В*). Эти следы встречены как на морфологически выраженных орудиях, нуклеусах, так и на дебитаже и интерпретируются нами как не имеющие отношения ко времени бытования предмета-носителя, образовавшиеся в ходе процессов, проистекавших во вмещающем артефакт слое. К этой же группе относятся подокруглые и продолговатые, но более короткие пятна серо-коричневого вещества, структура которых на микроуровне также волокнистая. Схожие по описанию остатки были зафиксированы на поверхности орудий, происходящих из верхнепалеолитических отложений скального навеса Kastritsa на северо-западе Греции, и на основе биомолекулярного анализа определены как продукты контакта поверхности орудий с органическими остатками уже в погребенном состоянии (*Galanidou*, 2006).

Ко второй группе относятся следы, представляющие собой пятна смолоподобного вещества, имеющие цвет от светло-желтого полупрозрачного до темно-бурого и красноватого непрозрачного, не имеющие четкой структуры и более объемные, чем описанные выше. Размеры этих смолоподобных пятен различны (от 1,5 см до нескольких миллиметров в поперечнике и от долей миллиметров до 2–3 мм в высоту). Подобные остатки зафиксированы на 38 каменных предметах (24 % от всей выборки) и относятся исключительно к орудиям, что было установлено на основании трасологического анализа. В редких случаях смолоподобные пятна представляют собой цветные (бурых, коричневых, темно-серых оттенков) полосы шириной не более 2 мм и толщиной не более 1 мм. Расположение этих следов на корпусе орудия приурочено к аккомодационным частям: обушкам скребков, резцов, черешкам наконечников и др. (цв. илл. VI, *А*; VII, *В*).

К третьей группе следов относятся предположительно органические остатки, находящиеся в контексте со следами использования, выявленными трасологически на 12 орудиях (7 % от выборки), представленных скребком, выемчатыми орудиями, пластинами с ретушью, а также двумя сегментами. Так, на концевом скребке для обработки шкур / кожи (цв. илл. VIII, *Б*) на макроуровне наблюдаются полосы светлого красно-бурого вещества, направление которых полностью совпадает с зафиксированным на микроуровне направлением следов от работы орудием. Идентичные сочетания макроостатков предположительно органического происхождения с линейностью микрозаполировки отмечены на струге

по обработке дерева (цв. илл. VIII, *А*). Схожие полосы красноватого вещества присутствуют также на лезвиях двух сегментов (цв. илл. VI, *Б*), использовавшихся в качестве косолезвийных наконечников стрел, что было установлено на основании комплекса макроповреждений (*Odell*, 1979; *Fischer et al.*, 1984; *Нужний*, 1992; *Суворов, Васильева*, 2003). В ряде случаев на поверхности каменных изделий фиксировались остатки предположительно минерального происхождения, идентификация которых требует лабораторных анализов.

Вопрос сохранности органических остатков для каменного века активно разрабатывается в последнее десятилетие. Так, в ходе функционального изучения пластинок с притупленным краем, происходящих из голоценовых отложений скального навеса Эму (Emu Cave) на юго-восточном побережье Австралии, исследователям удалось зафиксировать органические остатки на их поверхности, идентифицируемые как различные ткани животного происхождения (коллаген, мышечная ткань), кровь (включая протеин и красные кровяные тельца), жировая ткань, фрагменты костной ткани, волосы и шерсть (*Robertson*, 2011). Среди остатков растительного происхождения на пластинках с притупленным краем исследователи зафиксировали фрагменты аморфной целлюлозы, растительной ткани, смолы и фитолиты. Среди неорганических веществ встречены охра, вивианит и пр. Обобщая результаты трасологического анализа, ученые приходят к выводу о полифункциональности ППК, использовавшихся как для вооружения, так и в обычных хозяйственно-бытовых операциях, что подкрепляется также результатами анализа органических остатков на их поверхности. Схожий подход к изучению материала применялся к каменным предметам пещерных отложений голоценового времени, происходящих из скального навеса Руф Фол (Roof Fall). располагающегося в национальном парке Ущелье Кания (Cania Gorge) в Австралии (*Eales et al.*, 1999). Специализированному изучению органических остатков посвящен ряд исследований, которые основываются на широком круге материалов, охватывающих острова Тихого океана, Аляску (*Gerlach et al*., 1996; *Allen et al.*,1995). Комплексный анализ каменных материалов среднего каменного века, происходящих из двух памятников Роуз Коттэж (Rose Cottage) Cave и пещера Сибуду (Sibudu Cave) в Южной части Африканского континента, позволил определить функции изучаемых групп острий и геометрических микролитов, выявить зоны аккомодации и реконструировать способы фиксации наконечников на древке посредством изучения микроостатков смолянистого вещества, охры на их поверхности, зафиксировать остатки крови, костного вещества на их остриях (*Lombard, Wadley*, 2007; 2009). Значительная работа по анализу степени сохранности органических остатков в зависимости от условий хранения и обработки коллекций каменных индустрий была проведена коллективом авторов из Соединенных Штатов и Германии на основе изучения материалов ориньякских слоев пещерных стоянок Германии (*Hardy et al.*, 2008; *Hardy*, 2009). Схожие проблемы изучаются на примере орудий среднего палеолита Крыма, Чехии и пр. Исследователями отмечается назревшая необходимость проводить раскопочные работы на качественно новом уровне и с минимальной очисткой поверхности артефактов. Однако авторы констатируют возможность сохранения на поверхности каменного орудия органических остатков даже в случаях, когда оно подвергалось мытью с применением щетки и хранилось в общих лотках с прочими

каменными артефактами. Нужно сказать, что во всех исследованиях, касающихся проблем сохранности органических остатков на поверхности орудий, отмечается особая важность сочетания функционального анализа с детальным изучением этих остатков с привлечением комплекса естественнонаучных методов.

Систематизация формы, облика, характера расположения наблюдаемых на каменных артефактах пещеры Двойная различных остатков предположительно органического происхождения, а также аналогии в зарубежной литературе позволяют предварительно сделать вывод о высокой степени сохранности органических остатков в мезолитических слоях пещеры Двойная и необходимости дальнейшего детального изучения этих остатков с привлечением специалистов в области химии, палеоботаники, молекулярной биологии и др. Представленные выводы находят косвенное подтверждение фактом обнаружения в 2013 г. древесных волокон сосны (определение Е. А. Спиридоновой) в древних отложениях пещеры Двойная (*Леонова*, 2013. С. 68).

Изучение каменных орудий трасологическим методом тесно связано с верификацией полученных результатов путем экспериментального воспроизведения реконструируемой функции, с анализом трансформации рабочего лезвия, формирования и развития следов на нем. В ходе экспериментов по обработке свежей сосны на поверхности экспериментального орудия были зафиксированы макроостатки растительных тканей, пятна смолы, схожие по облику в наблюдаемыми на материалах второго мезолитического слоя (цв. илл. IX). Таким образом, органические остатки на экспериментальных орудиях доказывают возможность их нахождения на археологических предметах при благоприятных условиях сохранности органики.

Дальнейшее изучение органических остатков на каменных артефактах из пещеры Двойная позволит существенно дополнить как данные трасологического анализа относительно вопросов обрабатываемого сырья, аккомодации, так и более общих вопросов технологии изготовления фиксирующей массы, ее состава, способах фиксации орудий. В более глобальном смысле подобное исследование будет ценным как для мезолита Кавказа, так и для более широкого региона и временных рамок исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова О. И., Киреева В. Н., Леонова Е. В., 2014. Опыт исследования остатков веществ органического и неорганического происхождения на поверхности каменных орудий из мезолитического слоя пещеры Двойная // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (60). С. 2–12.

Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е., 1996. Методика макро-микроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН. 80 с. (Археологические изыскания; Вып. 36.)

Леонова Е. В., 2009. К вопросу о хронологии и периодизации позднеплейстоценовых – раннеголоценовых памятников Северо-Западного Кавказа (по материалам последних исследований в Губском ущелье) // РА. № 4. С. 94–107.

Леонова Е. В., 2013. Памятники раннего голоцена в Губском ущелье // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: Сб. ст. / Ред. Е. А. Ягафова и др. Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. С. 66–68.

Леонова Е. В., Александрова О. И., 2012. Новые исследования многослойных памятников каменного века в Губском ущелье // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации: XXVII Крупновские чтения: Материалы Междунар. науч. конф. 23–28 апреля 2012 г. Махачкала. С. 89–92.

Леонова Е. В., Александрова О. И., Антипушина Ж. А., Сердюк Н. В., Спиридонова Е. А., Тесаков А. С., 2013. Комплексные исследования многослойных памятников каменного века в Губском ущелье // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: труды VIII Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода (10–15 июня 2013 г., Ростов-на-Дону) / Гл. ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 373–375.

Нужний Д. Ю., 1992. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців. Київ: Наукова думка. 185 с.

Суворов А. В., Васильева Н. Б., 2003. Два вкладышевых орудия из погребения III памятника Минино II на Кубенском озере // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: В честь юбилея Г. Ф. Коробковой / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 287–292.

Alexandrova O. I., Kireeva V. N., Leonova Ye. V. Opyt issledovaniya ostatkov veshchestv organicheskogo i neorganicheskogo proiskhozhdeniya na poverkhnosti kamennykh orudy iz mesoliticheskogo sloya peshchery Dvoynaya [Study of organic and non-organic residues on the stone tools from the early Mesolithic layer in the Dvoinaya Cave] // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [*Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia*], 4 (60), pp. 2–12.

Allen J., Newman M., Riford M., Archer G., 1995. Blood and Plant Residues on Hawaiian Stone Tools from Two Archaeological Sites in Upland Kane`one, Ko`ola Pogo District, O`ahu Island // Asian Perspectives. 34 (2). P. 283–302.

Eales T., Westcott C., Lilley I., Ulm S., Brian D., Clarkson C., 1999. Roof Fall Cave, Cania Gorge: Site report // Queensland Archaeological Research 11. P. 29–42.

Fischer A., Hansen P., Rasmussen P., 1984. Macro and Micro Wear Traces on Lithic Projectile Points // Journal of Danish Archaeology. 3. P. 19–46.

Galanidou N., 2006. Analytical and Ethical Issues Concerning Residues on Stone Tools from Greece // Journal of Field Archaeology. Vol. 31 (4). P. 351–362.

Gerlach S., Newman M., Knell E., 1996. Blood Protein Residues on Lithic Artifacts from Two Archaeological Sites in the De Long Mountains, Northwes-tern Alaska // Arctic. Vol. 49. No. 1. P. 1–10.

Hardy B., 2009. Understanding Stone Tool Function: Methods and Examples from the Aurignacian Levels at Hohle Fels // Mitteilungen der Gesellschaft für Urgeschichte. 18. S. 109–121.

Hardy B., Bolus M., Conard N., 2008. Hammer or crescent wrench? Stone-tool form and function in the Aurignacian of southwest Germany // Journal of Human Evolution. 54. P. 648–662.

Keeley L. H., 1980. Experimental determination of stone tool uses: a microwear analysis. Chicago (IL): University of Chicago Press. 212 p.

Lohse E., Sammons D., 1999. A computerized data base for lithic use-wear analysis' // Archaeology in the age of internet: CAA 97. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology: Proceedings of the 25th Anniversary Conference, University of Birmingham, April 1997 / Ed. L. Dingwall et al. Oxford: Hadrian Books. 1 CD-ROM. (BAR International Series; 750.)

Lombard M., Wadley L., 2007. The morphological identification of micro-residues on stone tools using light microscopy: progress and difficulties based on blind tests // Journal of Archaeological Science. 34. P. 155–165.

Lombard M., Wadley L., 2009. The impact of micro-residue studies on South African middle stone age research // Archaeological Science Under a Microscope: Studies in Residue and Ancient DNA Analysis in Honour of Thomas H. Loy. Canberra: ANU E Press. P. 11–28. (Terra Australis, 30.)

Odell G., 1979. A New and Improved System for the Retrieval of Functional Information from Microscopic Observations of Chipped Stone Tools. In Lithic Use-Wear Analysis / Ed. B. Hayden. New York: Academic Press. P. 51–80.

Plisson H., 1985. Etude fonctionnelle d'outillages lithiques préhistoriques par l'analyse desmicro-usures: recherché méthodologique et archéologique. Paris: Université de Paris. 1. P. 125–132.

Robertson G., 2011. Changing perspectives in Australian archaeology. Part VII: Aboriginal use of backed artifacts at Lapstone Creek rock-shelter, New South Wales: an integrated residue and use-wear analysis // Technical reports of the Australian Museum. 23 (7). P. 83–101.

Сведения об авторе.

Александрова Олеся Игоревна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: adamena@mail.ru.

O. I. Aleksandrova

Organic residues on the stone artefacts from the Early Mesolithic layer of Dvoinaya Cave (based on data of use-wear analysis)

Abstract. During traceological analysis of stone artefacts from the Early Mesolithic layer of Dvoinaya Cave the residues of mineral and presumably organic origin on the surface of the tools have been found. The residues were associated with resins, wood fibers, animal tissues and mineral components. In a number of cases the presence of organic residues on the working surfaces of tools is consistent with the functional definitions obtained during traceological analysis. On the basis of analogies from foreign publications and personal experiments it is concluded that a part of residues are of ogranic origin. The application of chemical methods and IR-spectroskopy for the analysis of residues is planned.

Keywords: Stone Age, Mesolithic, North-western Caucasus, Gubs gorge, Dvoinaya cave, use-and-wear analysis, traces, experiment, function, hunting weapons, organic remains, pitches.

REFERENCES

Allen J., Newman M., Riford M., Archer G., 1995. Blood and Plant Residues on Hawaiian Stone Tools from Two Archaeological Sites in Upland Kane`one, Ko`ola Pogo District, O`ahu Island. *Asian Perspectives*, 4 (2), pp. 283–302.

Eales T., Westcott C., Lilley I., Ulm S., Brian D., Clarkson C., 1999. Roof Fall Cave, Cania Gorge: Site report. *Queensland Archaeological Research*, 1, pp. 29–42.

Fischer A., Hansen P., Rasmussen P., 1984. Macro and Micro Wear Traces on Lithic Projectile Points. *Journal of Danish Archaeology*, 3, pp. 19–46.

Galanidou N., 2006. Analytical and Ethical Issues Concerning Residues on Stone Tools from Greece. *Journal of Field Archaeology*, 31 (4), pp. 351–362.

Gerlach S., Newman M., Knell E., 1996. Blood Protein Residues on Lithic Artifacts from Two Archaeological Sites in the De Long Mountains, Northwestern Alaska. *Arctic*, 49/1, pp. 1–10.

Hardy B., 2009. Understanding Stone Tool Function: Methods and Examples from the Aurignacian Levels at Hohle Fels. *Mitteilungen der Gesellschaft für Urgeschichte*, 18, pp. 109–121.

Hardy B., Bolus M., Conard N., 2008. Hammer or crescent wrench? Stone-tool form and function in the Aurignacian of southwest Germany. *Journal of Human Evolution*, 54, pp. 648–662.

Keeley L. H., 1980. Experimental determination of stone tool uses: a microwear analysis. Chicago (IL): University of Chicago Press. 212 p.

Korobkova G. F., Shchelinsky V. E., 1996. Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudy truda [Methodics of micro-macroanalysis of ancient tools], 1. St. Petersburg: IIMK RAN. 80 p. (Arkheologicheskiye izyskaniya, 36.)

Leonova Ye. V., 2009. K voprosu o khronologii i periodizatsii pozdnepleystotsenovykh – rannegolotsenovykh pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kavkaza (po materialam poslednikh issledovaniy v Gubskom ushchel'ye) [On problem of chronology and periodization of Late Pleistocene – Early Holocene sites of Norht-Western Caucasus (on materials of recent research in Gubs gorge)]. *RA*, 4, pp. 94–107.

Leonova Ye. V., 2013. Pamyatniki rannego golotsena v Gubskom ushchel'ye [Early Holocene sites in Gubs gorge]. *Problemy etnokul'turnogo vzaimodeystviya v Uralo-Povolzh'ye: istoriya i sovremennost': sbornik statey* [*Problems of ethno-cultural interaction in Urals-Volga region: history and modernity*]. Samara: Povolzhskaya gosudarstvennaya sotsial'no-gumanitarnaya akademiya, pp. 66–68.

Leonova Ye. V., Aleksandrova O. I., 2012. Novyye issledovaniya mnogosloynykh pamyatnikov kamennogo veka v Gubskom ushchel'ye [New investigations of Stone Age multilayer sites in Gubs gorge]. *Noveyshiye otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniya i interpretatsii: XXVII Krupnovskiye chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Newest discoveries in archaeology of North Caucasus: investigations and interpretations: XXVII Krupnov readings*]. Makhachkala, pp. 89–92.

Leonova Ye. V., Aleksandrova O. I., Antipushina Zh. A., Serdyuk N. V., Spiridonova Ye. A., Tesakov A. S., 2013. Kompleksnyye issledovaniya mnogosloynykh pamyatnikov kamennogo veka v Gubskom ushchel'ye [Complex investigations of Stone Age multilayer sites in Gubs gorge]. *Fundamental'nyye problemy kvartera: itogi izucheniya i osnovnyye napravleniya dal'neyshikh issledovany: trudy VIII Vserossiyskogo soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda* [*Fundamental problems of Quarter: research results and principal trajectories for future investigations: proceedings of VIII All-Russian conference on research of Quaternary period*]. Rostov-na-Donu: Yuzhny nauchny tsentr RAN, pp. 373–375.

Lohse E., Sammons D., 1999. A computerized data base for lithic use-wear analysis'. *Archaeology in the age of internet: CAA 97. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology: Proceedings of the 25th Anniversary Conference, University of Birmingham, April 1997*. L. Dingwall, ed. Oxford: Hadrian Books, 1 CD-ROM. (BAR International Series, 750.)

Lombard M., Wadley L., 2007. The morphological identification of micro-residues on stone tools using light microscopy: progress and difficulties based on blind tests. *Journal of Archaeological Science*, 34, pp. 155–165.

Lombard M., Wadley L., 2009. The impact of micro-residue studies on South African middle stone age research. *Archaeological Science under a Microscope: Studies in Residue and Ancient DNA Analysis in Honour of Thomas H. Loy*. Canberra: ANU E Press, pp. 11–28. (Terra Australis, 30.)

Nuzhny D. Yu., 1992. Rozvitok mikrolitichnoï tekhniki v kam'yanomu vitsi: udoskonalennya zbroï pervisnikh mislivtsiv [Development of microlithic technique in Stone Age: improvement of early hunters' weapons]. Kïïv: Naukova dumka. 185 p.

Odell G., 1979. A New and Improved System for the Retrieval of Functional Information from Microscopic Observations of Chipped Stone Tools. *Lithic Use-Wear Analysis*. B. Hayden, ed. New York: Academic Press, pp. 51–80.

Plisson H., 1985. Etude fonctionnelle d'outillages lithiques préhistoriques par l'analyse desmicro-usures: recherche méthodologique et archéologique. Paris: Université de Paris. 357 p.

Robertson G., 2011. Changing perspectives in Australian archaeology. Part VII: Aboriginal use of backed artifacts at Lapstone Creek rock-shelter, New South Wales: an integrated residue and use-wear analysis. *Technical reports of the Australian Museum*, 23 (7), pp. 83–101.

Suvorov A. V., Vasil'yeva N. B., 2003. Dva vkladyshevykh orudiya iz pogrebeniya III pamyatnika Minino II na Kubenskom ozere [Two inserted tools from burial III at site Minino II on Kubenskoye Lake]. *Peterburgskaya trasologicheskaya shkola i izucheniye drevnikh kul'tur Yevrazii: V chest' yubileya G. F. Korobkovoy* [*Petersburg school for use-wear analysis and investigation of ancient early cultures of Eurasia: In honour of G. F. Korobkova's anniversary*]. V. M. Masson, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 287–292.

About the author.

Aleksandrova Olesya I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: adamena@mail.ru.

К. Н. Гаврилов, Е. В. Воскресенская, К. Дука, Е. Н. Мащенко

СТОЯНКА ХОТЫЛЁВО 2 – ПУНКТ В: НОВЫЕ ДАННЫЕ О ВОЗРАСТЕ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ*

Резюме: Статья посвящена пространственному и стратиграфическому анализу комплекса объектов, изученных на месте открытого в 2005 г. Хотылёвской археологической экспедицией нового пункта (В) стоянки восточного граветта Хотылёво 2. Культурный слой стоянки связан с уровнем инициального почвообразования в основании деснинского горизонта лессовых почв. Общие стратиграфические условия залегания культурного слоя в пункте В типичны для Хотылёво 2 и не отличаются от ситуации пунктов А и Б. На площади 45 кв. м в пункте В зафиксировано два пространственно связанных комплекса. Первый комплекс характеризуется наличием округлых неглубоких ям, вместе со вкопанными костями мамонта расположенных вокруг скопления костного угля, расколотых костей животных и расщепленного кремня. Второй комплекс отличается крупными скоплениями преднамеренно уложенных костей шерстистого мамонта. В укладке костей прослеживается определенный порядок, аналогичный установленному для жилищ аносовско-мезинского типа. Микростратиграфическое соотношение двух комплексов объектов и радиоуглеродные датировки дают основание для утверждения тезиса об их разновременности. Наиболее многочисленный вид млекопитающих на исследованном участке – шерстистый мамонт (*Mammuthus primigenius*). Список видов принципиально не отличается от такового на других памятниках Русской равнины данного периода. Минимальное количество костей других видов растительноядных млекопитающих может свидетельствовать об отсутствии разделки туш на данном участке памятника. Большое количество костей мамонта не является прямым свидетельством одновременной массовой охоты на этот вид, однако не противоречит гипотезе о периодической охоте на отдельных животных.

Ключевые слова: Хотылёво 2, верхний палеолит, стратиграфия и палеогеография позднего плейстоцена, восточный граветт, радиоуглеродный метод, пространственная структура культурного слоя, мамонт (*Mammuthus primigenius*).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 14-06-00380 А. Лабораторные исследования К. Дуки проведены при финансовой поддержке AHOB project (U.K.), а также в рамках подпроекта «Радиоуглеродное датирование европейского граветта» под руководством Т. Хайема (Университет Оксфорда) и Р. Динниса (Университет Эдинбурга).

Введение

Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2 находится в 400 км к юго-юго-западу от Москвы и в 25 км к северо-западу от г. Брянска. Памятник был открыт Ф. М. Заверняевым в 1968 г. (*Заверняев*, 1974), который систематически раскапывал его с небольшими перерывами в 1969–1981 гг. В 1993 г. полевые работы здесь были возобновлены Хотылёвской археологической экспедицией Института археологии РАН, которые в 2003 г. привели к открытию нового участка распространения культурного слоя, получившего обозначение «пункт **В**». Он расположен на удалении от коренного берега р. Десны, выше по склону, и систематически раскапывался в период с 2005 по 2011 г. (*Гаврилов, Воскресенская*, 2012).

Геоморфология и стратиграфия

Стоянка Хотылёво 2 приурочена к прибортовому участку правого коренного берега р. Десны (цв. илл. X) и располагается на мысах в краевой части приводораздельного плато, крутой склон которого опирается на уровень голоценовой поймы р. Десны. Бровка склона правого берега поднята над урезом на высоту 20–25 м. Перепад высот от отметки уреза реки до высшей точки водораздела составляет до 60 м. Поверхность водораздельных пространств полого-волнистая, густо расчлененная овражно-балочной сетью. Среди эрозонных форм, привязанных к пойме Десны, выражены как развитые крупные балки, уходящие истоками далеко в глубь водоразделов, так и более мелкие овраги, расчленяющие коренной склон на небольшие регулярные мысы, имеющие северную экспозицию. В настоящее время культурный слой, относящийся к Хотылёво 2, зафиксирован в четырех пунктах, которые получили обозначения буквами кириллицы от **А** до **Г** (цв. илл. X). Стратиграфическая последовательность строения лессово-почвенно-криогенной серии позднеплейстоценовых отложений, которые вмещают культурный слой, во всех четырех пунктах практически идентична (*Воскресенская*, 2007; *Воскресенская, Гаврилов*, 2011).

Коренные породы в долине Десны представлены среднеюрскими и верхнемеловыми отложениями. Современное русло р. Десны прорезает юрские черные глины келловейского яруса, которые в районе с. Хотылёво уходят под урез воды (Геологическая карта дочетвертичных отложений..., 1998). Слагающие коренной берег породы верхнего мела представлены сеноманскими кварцево-глауконитовыми песками со стяжениями фосфоритов, выходящими на поверхность в 1–2 м выше современного уреза р. Десны, которые перекрыты туронскими мергелисто-меловыми породами с включениями конкреций серовато-черного кремня. Непосредственно на мергелисто-меловых породах туронского яруса залегают отложения лессово-почвенно-криогенной серии, накапливавшиеся в течение последнего ледниково-межледникового цикла. Толща субаэральных отложений, вскрытых на пункте В, имеет мощность 6,4 м (цв. илл. XI). Современная серая лесная почва с горизонтами Апах – А–В – Bt развита в верхней части разреза (сл. 1–3) на лессовидных супесях алтыновского (*Velichko et al.*, 2010) лессового горизонта (сл. 4).

Голоценовое почвообразование проработало лессовидные супеси до гл. 1,5 м. В раскопах, расположенных ближе к долине, орзандовыми прослоями горизонта иллювиирования Bt были подчеркнуты воронки в верхней части заполнений мощных псевдоморфоз по повторно-жильным льдам. Основание ледяных клиньев достигало глубины до 5 м. В толще лессовидных отложений мощностью до 4,7 м (сл. 4, 6, 8) фиксируются этапы замедления или перерывов в осадконакоплении (сл. 5, 7). Уровень слабого почвообразования прослеживается на гл. 2,3–2,5 м. Его профиль состоит из маломощного гумусового горизонта и горизонта аккумуляции карбонатов с характерной языковатой нижней границей. Данный уровень сопоставим с трубчевским уровнем почвообразования, разделяющего алтыновский лессовый горизонт от нижележащего деснинского горизонта лессов. В толще лессовидных супесей сл. 6 также прослеживаются этапы активизации процессов делювиально-склонового переотложения материала, выраженные в чередовании тонких линз, в большей или меньшей степени обогащенных песчаным материалом. По углам наклона данных линз можно реконструировать, что на всех этапах лессонакопления наиболее активный снос происходил в восточном направлении (угол падения составляет 5–7º), в сторону окаймляющего раскоп овражного понижения. Можно предположить, что и на этапе функционирования памятника, и после захоронения овражное понижение к востоку от раскопа уже было сформировано. Ориентированные к северу, к долине Десны, прослои залегают практически субгоризонтально, с углом падения не больше 2º.

Горизонт серовато-сизого суглинка с каймой ржавого ожелезнения по нижнему контакту (сл. 7), представленный на гл. 3,6 м, отражает, по-видимому, положение древнего деятельного слоя. От верхней границы данного горизонта прослеживается частая сетка наклонных мерзлотных трещин, которые проникают в нижележащие отложения вплоть до уровня культурного слоя и разбивают его на всей площади раскопа на полигоны, которые имеют размеры от 30 до 50 см в поперечнике.

Граница между стерильными лессовидными отложениями сл. 8 и культурным слоем подчеркивается прерывистыми песчаными линзами кварцевого средне- и мелкозернистого песка – еще одно свидетельство активизации процессов склонового сноса, после того как поселение прекратило функционировать. Сам культурный слой не несет следов нарушений и деформаций, соотносимых по времени с периодом обитания стоянки.

На уровне 4,6 м от поверхности в оглеенном суглинке начинают встречаться отдельные выветрелые обломки костей. Основная зона концентрации находок прослеживается на 5–10 см ниже и приурочена к уровню темно-коричневого, обогащенного органикой легкого суглинка мощностью 2–4 см. Гумусированная прослойка разбита на фрагменты со смещением по вертикали трещинами, проникающими из сл. 7. Отдельные трещины на уровне культурного слоя оканчиваются воронковидными утолщениями, в «раструбы» которых затянут гумусированный суглинок из маркирующего находки прослоя. Над гумусированной прослойкой местами прослеживаются микрослойки темно-коричневого цвета, «ныряющие» в направлении крупных костей. Находки вмещает серовато-палевый влажный суглинок с рассеянными по слою пятнами оглеения и ожелезнения и отдельными пятнами ярко-голубого вивианита. Отдельные

находки фиксируются и ниже основной зоны концентрации – в подстилающем культурный слой сильно оглеенном суглинке, здесь имеет место результат заноса материала из культурного слоя в трещины. Подстилают культурный слой серые с желтоватым оттенком тяжелые суглинки (сл. 10–12). В них на гл. 4,5 м прослеживался еще один слабовыраженный уровень почвообразования, по строению во многом аналогичный содержащему находки, но не содержащий артефакты (сл. 11). Гумусированные суглинки сл. 13, вмещающие многочисленные обломки кремня и меловую крошку, залегают в основании разреза непосредственно на неровной поверхности коренных меловых пород. Они представляют собой смещенные и деформированные криотурбационными процессами педоседименты брянской и мезинской ископаемых почв.

Общая стратиграфическая ситуация свидетельствует в пользу вывода о том, что культурный слой пункта **В** имеет непосредственно постбрянский возраст. Поздневалдайские отложения лессово-почвенно-криогенной серии, подобные тем, которые вмещают культурный слой стоянки Хотылёво 2, формировались в перигляциальной зоне валдайского оледенения в специфических криоаридных условиях (*Величко и др.*, 1977; *Морозова, Нечаев*, 2002; *Velichko et al.*, 2006). Период обитания человека соотносится с интервалом, переходным от относительно теплого средневалдайского мегаинтерстадиала к наиболее холодным и суровым климатическим условиям максимального похолодания поздневалдайской ледниковой эпохи. Горизонты слаборазвитых почв в разрезе стоянки, в том числе и тот, с которым связан культурный слой, фиксируют различные по протяженности этапы снижения скорости лессовой аккумуляции или незначительного смягчения климатических условий в интервале позднего валдая, на завершающей фазе развития которых возобновлялись процессы лессонакопления и мерзлотного растрескивания (*Воскресенская, Морозова*, 2009).

Пространственная структура культурного слоя

За время исследований пункта **В** культурный слой был изучен двумя раскопами А и Б, общей площадью 45 м^2 (рис. 1). Археологический материал был представлен в них скоплениями костей мамонта, кремневых предметов, костного угля, разрозненными угольками и отдельными экземплярами расколотого кремня, пятнами охры, а также изделиями из кости и бивня. В целом поверхность культурного слоя имела слабо выраженное понижение к северу и востоку, согласно современному рельефу местности.

Исследованная площадь достаточно отчетливо делится на два комплекса взаимно связанных археологических объектов, которые, с некоторыми исключениями, совпадают с делением изученной площади на раскопы А и Б. Дальнейшее описание пространственной структуры культурного слоя ведется с севера на юг. Вначале описывается комплекс объектов, зафиксированный на площади раскопа Б (кв. А–Д/1’–4’). Затем дается описание комплекса объектов, связанного в основном с раскопом А (кв. А–Д/1–5) и частично – с юго-западным (кв. А/1’–3’; Б/1’–2’) и юго-восточным (кв. Д/1’) секторами раскопа Б.

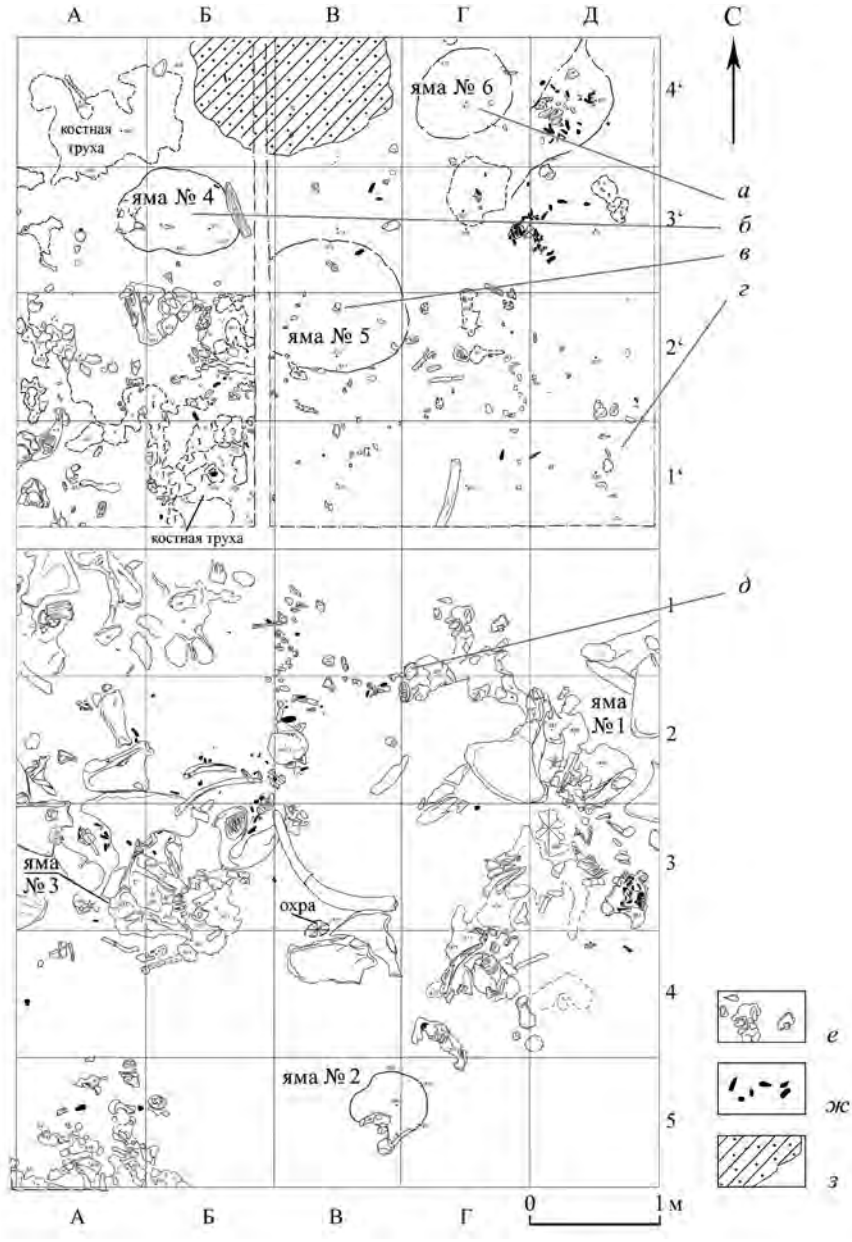

Рис. 1. Хотылёво 2, пункт В. Совмещенный план раскопов А и Б с указанием планиграфии радиоуглеродных датировок

Черной заливкой показаны контуры предметов из расщепленного кремня, косой штриховкой и точками – скопление костного угля, расщепленного кремня и фрагментированных костей
Радиоуглеродные датировки: *а*) OxA-27225, 22720 ± 150, кость, мамонт; *б*) OxA-27223, 23050 ± 150, кость, волк; *в*) OxA-27224, 23160 ± 160, кость, птица; *г*) OxA-X-2500-11, 23020 ± 210, кость, северный олень; *д*) OxA-27000, 23470 ± 170, кость, мамонт

Пространственная организация культурного слоя на большей части раскопа Б определяется археологическими объектами, которые могут быть разделены на следующие категории: *а*) ямы, получившие порядковые номера 4, 5 и 6 в северо-западном, центральном и северо-восточном секторах раскопа соответственно; *б*) скопление костного угля на квадратах Б–В/1’, зафиксированное к югу от ямы № 5; *в*) скопление костного угля, расщепленного кремня, фрагментированных костей животных и охры к западу от ямы № 6 (кв. Б–В/4’); *г*) скопление костного угля, расщепленного кремня и охры к востоку и юго-востоку от ямы № 6 (кв. Д/4’); *д*) скопления охры и расщепленного кремня на кв. Г–Д/3’; *е*) вертикально и наклонно стоящие кости мамонта, преднамеренно вкопанные обитателями стоянки. Ямы на площади раскопа Б имели в плане округлые и подовальные очертания, наклонные стенки и плоское дно. Глубина их составила от 7 см (яма № 6) до 10 см (ямы № 4 и 5). Подавляющее большинство костных остатков в заполнении всех ям принадлежит шерстистому мамонту (*Mammuthus primigenius* (Blumenbash 1799). Общим элементом заполнения также являлась охра, в ряде случаев образовывавшая целые скопления на дне ям № 4 и 5, а в яме № 6 – в ее средней части. Особенностью заполнения ямы № 6 было обилие расщепленного кремня и костного угля, что может быть объяснено непосредственной близостью ямы № 6 к скоплениям аналогичного археологического материала. Ямы располагались по площади раскопа таким образом, что в плане они как бы очерчивали дугу вокруг скопления археологического материала, зафиксированного на кв. Б–В/4’ (археологический объект *в*). В восточной части этого скопления, в непосредственной близости от ямы № 6, были обнаружены произведения искусства: двойная женская статуэтка и схематическая антропоморфная фигурка, вырезанные из мела (*Гаврилов*, 2011).

Ранее считалось, что вкопанные кости мамонта могут рассматриваться в качестве конструктивного элемента, служившего для крепления основания жердей, из которых состоял каркас жилища (*Шовкопляс*, 1965; *Пидопличко*, 1969; *Заверняев*, 1974; *Трусов*, 2011; *Сергин*, 1998; *Гаврилов*, 1998). Однако изучение подобных объектов на площади раскопа Б позволило получить информацию, которая может изменить наши представления об их предназначении. В юго-восточном секторе кв. Д/2’ была обнаружена группа вкопанных костей мамонта, предварительно фрагментированных в медиальной части. Непосредственно под ними был обнаружен пренуклеус, обильно посыпанный охрой. В полуметре к северу от первой группы, в южной части квадрата Д/3’, была зафиксирована вторая группа вкопанных длинных костей мамонта, также преднамеренно фрагментированных. Концы костей, возвышавшиеся над древней дневной поверхностью, были неравномерно окрашены охрой. Непосредственно под костями залегал кварцитовый отбойник. Западнее этих групп костей, в восточном секторе квадрата Г/3’, была обнаружена подвеска из клыка медведя, а в непосредственной близости от подвески – ямка с раковиной моллюска юрского периода, в которую, как в чашу, были уложены кремневые пластины (*Гаврилов и др.*, 2013).

Изучение культурного слоя на площади раскопа А выявило иную картину пространственной структуры поселения на этом участке (рис. 1). Углубленные объекты, а также отдельные вкопанные кости мамонта, предварительно прошедшие обработку разной степени, были зафиксированы и здесь (ямы № 1, 2 и 3).

Однако скопления костного угля и расщепленного кремня, а также группы преднамеренно вкопанных костей мамонтов на данном участке отсутствовали. Особенно интересными оказались группы из уложенных в определенном порядке черепов мамонта в сочетании с лопатками, костями таза и длинными костями конечностей. Две из трех ям и вкопанные отдельные кости были связаны именно с подобного рода скоплениями.

Центральное место на площади раскопа А (кв. В/3) занимал целый бивень мамонта. Альвеолярный конец бивня был перекрыт тазовой костью мамонта, к которой примыкала лопатка мамонта. К северо-западу от бивня, на кв. А–Б/1, были расчищены два черепа мамонта, уложенные на их переднюю поверхность. К первому черепу примыкала половина таза, ко второму – лопатка мамонта, окрашенная охрой.

К северо-востоку и востоку от бивня, на кв. Г–Д/1–4, была зафиксирована еще одна группа преднамеренно уложенных крупных костей скелета шерстистого мамонта. Данное скопление включало в себя не менее шести черепов мамонта, три лопатки, две длинные кости конечностей и некоторые другие кости. Часть скопления остается невскрытой к востоку от раскопа А. На границе кв. Г/1–2 располагался череп половозрелого мамонта, вкопанный альвеолами бивней в грунт. Непосредственно у левой альвеолы бивня, на границе кв. Г–Д/2, была вкопана плечевая кость половозрелой особи мамонта, нижний конец которой предварительно был расколот и заострен. Рядом с плечевой лежала тазовая кость крупной половозрелой особи мамонта. Под тазовой костью был зафиксирован фрагмент плоской кости мамонта, стоявший вертикально. С восточной стороны к тазовой примыкал фрагмент лицевого отдела от еще одного черепа мамонта, уложенный на его переднюю поверхность. Поверх второго черепа и к юго-востоку от него залегала большая берцовая кость половозрелого мамонта. С восточной стороны, с некоторым смещением к юго-востоку, ко второму черепу примыкал еще один, уложенный, вероятно, на его переднюю поверхность. Второй и третий черепа были сориентированы в противоположные стороны. Непосредственно с южной стороны к альвеолам бивней третьего черепа своей суставной частью примыкала правая лопатка мамонта, лежащая лопаточным гребнем вниз (кв. Д/2–3). С северной стороны этот же череп частично перекрывался еще одной лопаткой мамонта. Большая ее часть залегала за пределами раскопа. В свою очередь, она перекрывала еще одну лопатку мамонта, лежавшую лопаточным гребнем вниз. Эти две лопатки были уложены в яму, получившую порядковый номер 1. Яма имела подокруглую в плане форму (диаметр – около 1 м, глубина – около 20 см), наклонные стенки и уплощенное днище.

Южный край этого скопления костей располагался на площади кв. Г–Д/3 и Г/4. В его состав входили три плохо сохранившихся черепа половозрелых мамонтов, а также редкие фрагменты других костей посткраниального скелета. Черепа мамонтов на кв. Г–Д/3 залегали на окрашенной охрой поверхности. Поверхность всех лопаток мамонта, зафиксированных на кв. Д/1–3, также была окрашена охрой.

К югу от центрального бивня на кв. В/5 еще в 2005 г. была зафиксирована яма № 2 округлой в плане формы, диаметр которой достигал 80 см. Глубина ямы – около 16 см, стенки – наклонные. Яма перекрывалась довольно

интересным скоплением фаунистических остатков, включающим различные кости шерстистого мамонта. Его центральным элементом была анатомическая группа костей стопы мамонта, по сторонам от которой располагались два ребра, также мамонта. Между костями стопы и одним из ребер залегали еще два позвонка мамонта. В юго-западном секторе кв. В/5, рядом с указанным скоплением, была обнаружена еще одна анатомическая группа, состоявшая из хвостовых позвонков мамонта. Рядом с этой группой костей была обнаружена лопаточка с фигурной головкой, изготовленная из ребра мамонта (*Воскресенская, Гаврилов*, 2006). Под костями стопы мамонта располагалась другая группа, состоявшая из трех длинных костей конечностей мамонта, уложенных в форме трехлучевой звезды. Непосредственно в яму № 2 были уложены длинные кости и позвонки мамонта.

Еще одно скопление костей было расчищено на кв. А–Б/2–3. Здесь с севера на юг последовательно располагались: лопатка бизона, лопатка половозрелого мамонта с искусственным отверстием в ее заднем крае, тазовая кость мамонта. Между тазовой костью и бивнем располагались две нижние челюсти половозрелых мамонтов, а также лопатка и частично перекрывавший ее череп мамонта. Суставная часть лопатки была перекрыта раздавленным черепом мамонта, уложенным на его переднюю поверхность. К западу от тазовой кости, на границе раскопа были расчищены две лопатки мамонта, под одну из которых уходила целая бедренная кость и бивень мамонта. Под перечисленным скоплением костей находилось крупное углубление вытянутой формы, достигавшее в ширину 2 м и обозначенное как яма № 3. Упомянутая выше целая бедренная кость мамонта входила в состав заполнения этой ямы и залегала с наклоном в северо-западном направлении.

Радиоуглеродный возраст культурного слоя

В 2013 г. в лаборатории радиоуглеродного датирования Оксфордского университета с помощью ускорителя частиц для стоянки Хотылёво 2 была получена серия датировок. Для анализа были отобраны кости животных различных видов из пунктов В, А и Б (см. табл. 1 и 2, рис. 2). Костные образцы были обработаны в поле жидким раствором ПВА. В дополнение к обычной методике сверхтонкой фильтрации, используемой в оксфордской лаборатории, кости подверглись очистке с погружением в ацетон и метанол.

В результате было получено семь определений радиоуглеродного возраста, пять из которых относятся к пункту В и по одной дате – к пунктам А и Б. Для калибровки была использована кривая IntCal13 (табл. 2).

Хотя довольно сложно судить о реальном временном соотношении между комплексами объектов, зафиксированных на площади раскопов А и Б, мы, учитывая данные о микростратиграфии культурного слоя (см. ниже), можем предполагать, что комплекс раскопа А немного древнее комплекса раскопа Б.

На основании имеющихся калиброванных дат мы можем рассматривать полученные для раскопа Б данные как относящиеся к одной хронологической фазе. Они позволяют также оценить начальную и конечную датировки, рассчитать

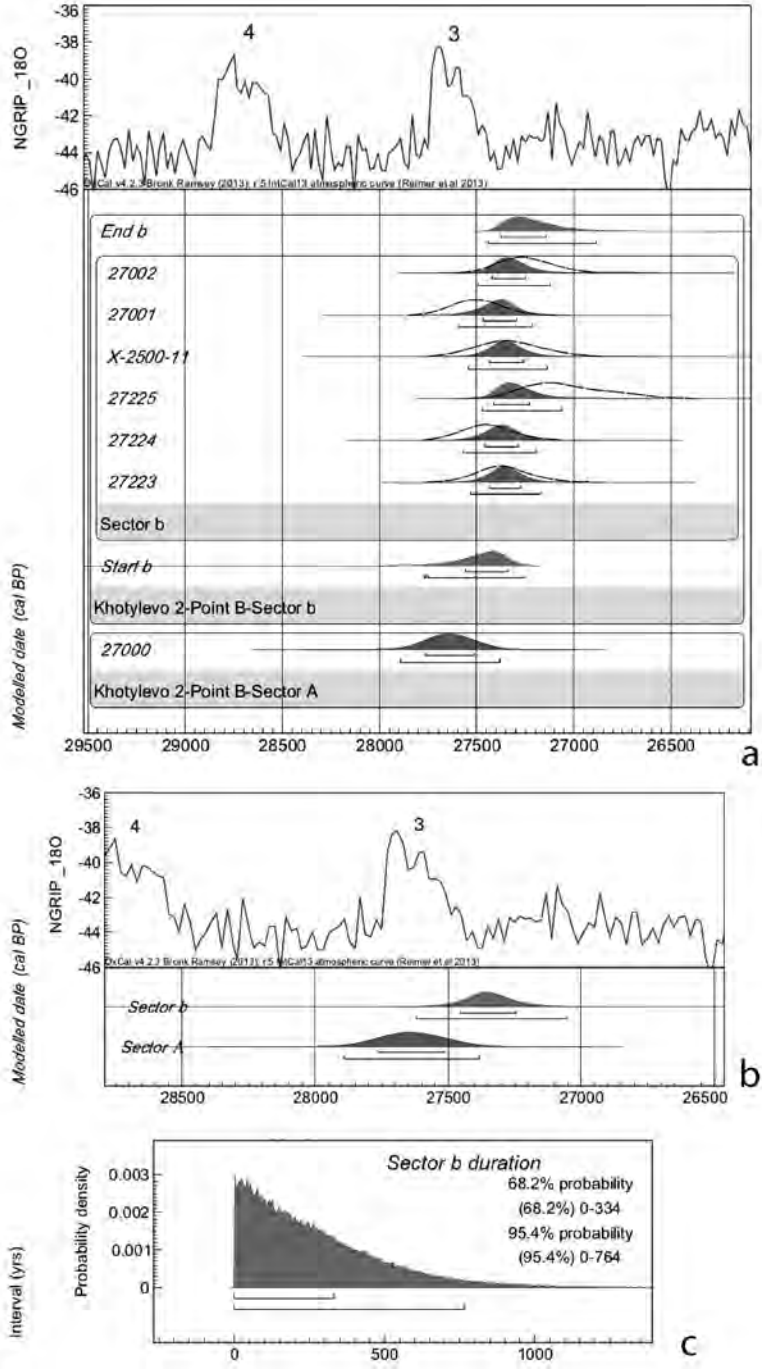

Рис. 2. Хотылёво 2. Радиоуглеродные датировки стоянки, выполненные в Оксфордской радиоуглеродной лаборатории

продолжительность этой фазы и сравнить ее с соответствующим определением для раскопа А. Полученный результат представлен на рис. 2, *a–c*.

Датировки для раскопа Б статистически идентичны и располагаются в интервале между 27,5 и 27,1 тыс. л. н. Эти определения помещают время функционирования данного участка поселения в самый конец короткого интерстадиала 3, а также, вероятно, в начало последующего похолодания (стадиала) в соответствии с гренландской кислородно-изотопной шкалой. Напротив, определение, полученное для раскопа А – 27,8–27,4 тыс. л. н. (см. рис. 2), полностью укладывается внутри интерстадиала 3. Сравнение данных для раскопов А и Б (рис. 2, *b*) показывает, что объекты раскопа А древнее примерно на пару сотен лет. Кроме того, необходимо отметить, что значения возрастов двух комплексов частично перекрываются при доверительном интервале 2σ, равном 95,4 %.

На рис. 2, *c* представлена оценка вероятной продолжительности обитания на участке раскопа Б, которая при доверительном интервале в 68,2 % укладывается в отрезок до 300 лет. Однако, учитывая природу радиоуглеродных датировок и относительно небольшое количество новых определений, вероятнее всего, что эта продолжительность является завышенной и в реальности была значительно короче – в пределах жизни одного поколения или даже менее того.

В заключение стоит отметить, что все три пункта (А, Б и В) стоянки Хотылёво 2, для которых были получены новые датировки с использованием современной методики, имеют практически идентичный радиоуглеродный возраст.

Стратиграфическое соотношение археологических комплексов пункта В

Различия, которые прослеживаются между комплексами археологических объектов, зафиксированными на площади раскопов А и Б, касаются не только их пространственной организации и внутренней структуры. Они также проявляются и в дифференциации стратиграфического положения этих комплексов в культурном слое стоянки (*Гаврилов, Воскресенская*, 2012). Наиболее выразительно картина их микростратиграфического соотношения проявилась в профиле южной стенки раскопа Б и в профиле северной стенки раскопа А (рис. 3, *II*), где было зафиксировано три уровня содержавших находки отложений:

1) суглинок коричневато-бурый, слабо гумусированный, разорванный трещинами, в пятнах суглинка – мелкие выветрелые фрагменты костей, уровень захоронения сформировавшегося культурного слоя;

2) горизонт *а* – прослойка серо-коричневого гумусированного суглинка толщиной до 3 см, вмещающая линзы костного угля, единичные кремни и обломки костей; подстилается практически стерильным оглеенным суглинком – выбросом, вероятно, из ямы № 5;

3) горизонт *б* – узкая, залегающая с небольшим уклоном к востоку полоса серо-коричневого гумусированного материала, распадающаяся на отдельные линзочки толщиной 2–3 см, вмещающие фрагменты костей до 1,5 см длиной и мелкий костный материал; в ней прослеживаются отдельные пятна оглеения, возможно по трещинам.

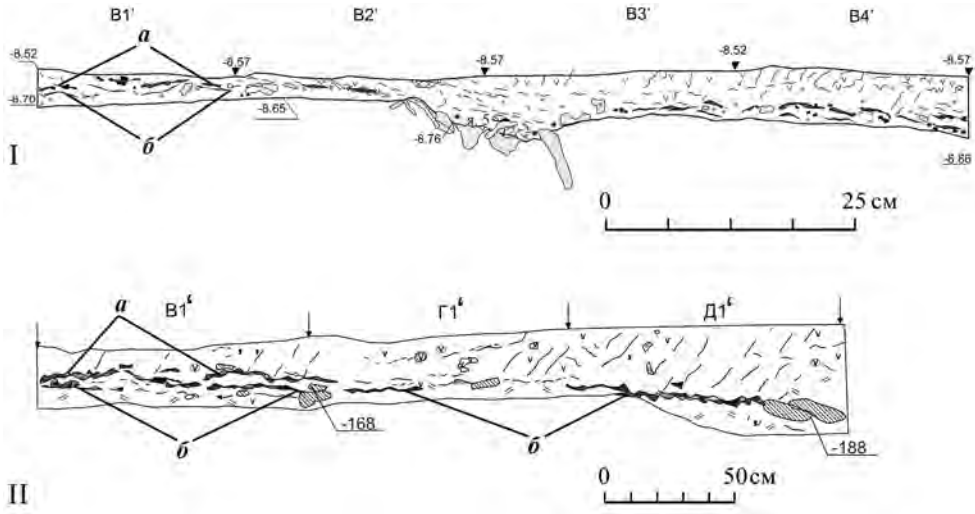

Рис. 3. Хотылёво 2, пункт В. Стратиграфия культурного слоя

I – западный экран стратиграфической бровки раскопа Б, кв. В/1'–4'; *II* – северная стенка раскопа А, кв. В–Д/1'; *а* и *b* – горизонты культурного слоя

В примыкающем к этой стенке профиле западного экрана стратиграфической бровки раскопа Б, на кв. Б–В/ 1'–2', также были прослежены горизонты *а* и *б* (рис. 3, *I*). Горизонт *а* был насыщен костным углем. Под скоплением костного угля была зафиксирована тонкая прослойка гумусированного суглинка, с которым связаны единичные фрагменты неопределимых костей и расщепленного кремня. Эта прослойка отделялась от скопления угля неокрашенным суглинком толщиной около 1 см и соответствовала горизонту *б* стратиграфических профилей. На площади раскопа Б данный горизонт прослежен на участке квадратов В–Г/1' и В/2'. К северу он прорезался ямой № 5, заполнение которой, в свою очередь, замыкалось на уровень горизонта *а*. Соответственно, скопления костей животных и углубленные объекты раскопа А были зафиксированы на уровне горизонта *б*.

Кремневый инвентарь

В задачи данной статьи не входит детальная характеристика каменной индустрии вскрытого участка пункта В. Тем не менее необходимо отметить, что она едина для обоих комплексов по технологическим и морфологическим характеристикам. Общее количество кремневых предметов из коллекции раскопок 2003–2011 гг. насчитывает 2 229 экз. Среди предметов первичного раскалывания имеются заготовки нуклеусов, сколы их переоформления, отдельности сырья и первичные сколы оббивки. Таким образом, на данном участке производился весь цикл первичной обработки и утилизации кремня. Кремневые орудия насчитывают 235 экз., что составляет около 10 % от состава имеющейся сейчас коллекции. Наиболее представительные серии орудий представлены резцами (рис. 4, *21, 25*), в том числе – нуклевидными (рис. 4, *27, 28*),

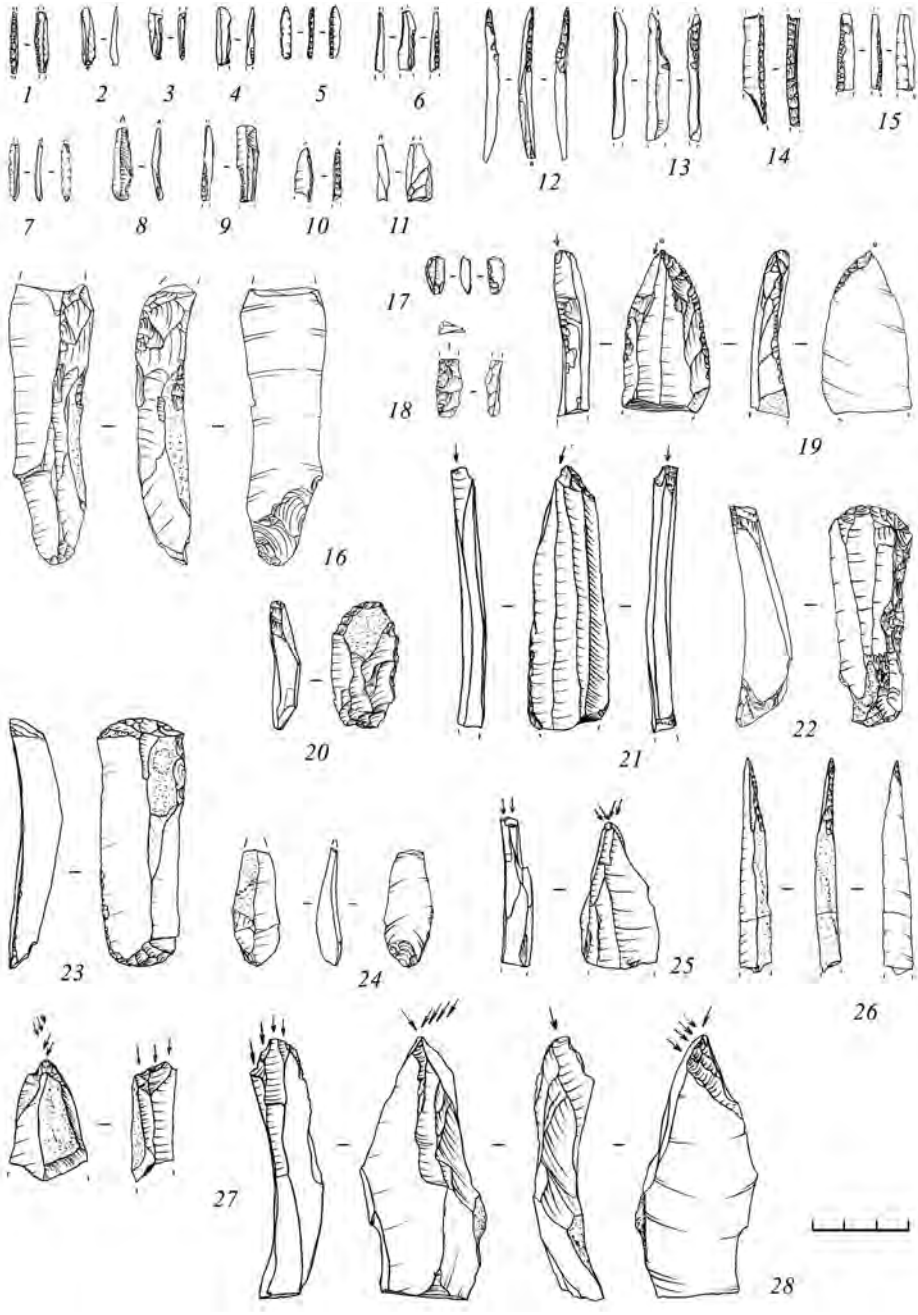

Рис. 4. Хотылёво 2, пункт В. Кремнёвые изделия

1–9, 14, 15 – микроорудия; 1*0, 12, 13, 26* – острия на пластинах; *16, 18, 19* – ножи; *20, 22, 23*– скребки; *21, 25, 27, 28* – резцы; *11, 17, 24* – прочие

скребками (рис. 4, *20, 22, 23*), разнообразными остриями на пластинах (рис. 4, *10, 12, 13, 26*) и микроорудиями – пластинами и микропластинами с притупленным краем (рис. 4, *1–9, 14, 15*). Единичны ножи костенковского типа, один из которых относится к классическому варианту этой категории, что необычно для Хотылёво 2 (рис. 4, *19*). Соответствует ему и обнаруженный при раскопках типичный краевой скол с костенковского ножа (рис. 4, *18*). Имеется один предмет, который может рассматриваться как фрагмент листовидного острия костенковского типа (рис. 4, *16*). В целом, состав орудий является характерным для этого памятника. Присутствие листовидного острия и типичного костенковского ножа в этом комплексе демонстрирует определенную степень вариабельности материальной культуры стоянки.

Предварительная характеристика состава фауны крупных млекопитающих

При описании костей скелета мамонтов использована терминология – половозрелые особи (adults individuals), молодые (subadults individuals) и детеныши (calves) (*Maschenko*, 2002; *Maschenko et al.*, 2006). Подавляющее большинство костей мамонта принадлежат половозрелым особям. С исследованной части памятника определены остатки только трех детенышей (одна особь индивидуального возраста 1–2 года и две – 2–4 лет) шерстистого мамонта и два фрагмента костей, предположительно отнесенные к одному эмбриону этого вида. Индивидуальный возраст особей определялся по методике Е. Мащенко (*Maschenko*, 2002).

Исследование комплекса объектов Хотылёво 2 (пункт В) в 2005–2011 гг. сопровождалось очень большим количеством остатков крупных млекопитающих: более 2 188 экз. Обзор данных по фауне млекопитающих из раскопок объектов, прилегающих к пункту В, выявил следующие виды: *Lepus sp*., *Panthera spelaea*, *Canis lupus*, *Gulo gulo*, *Mammuthus primigenius*, *Rangifer tarandus*, *Bison priscus* (*Gavrilov et al.*, 2013).

Шерстистый мамонт – наиболее многочисленный вид на всех участках памятника Хотылёво 2. Для участка памятника, раскапывавшегося Ф. М. Заверняевым, определено не менее 1 364 костей от большинства отделов скелета (*Чубур*, 2003) и не менее 287 экз. (2005–2006 гг.), 237 экз. (2010 г.) и около 300 экз. (2011 г.). Общее количество остатков млекопитающих на участке памятника В составляет не менее 824 экз.

Определение количества особей шерстистого мамонта, сделанное А. А. Чубуром по чертежам и изображениям зубов мамонта для этой части памятника, близко к числу особей, установленному Ф. М. Заверняевым – около 50 (*Чубур*, 1995).

Сводный список видов млекопитающих участка памятника Хотылёво 2, пункт В и непосредственно прилегающих участков включает 10 видов: Rodentia gen ind., *Lepus sp*., *Panthera spelaea*, *Alopex lagopus*, *Canis lupus*, *Gulo gulo*, *Ursus arctos*, *Mammuthus primigenius*, *Rangifer tarandus*, *Bison priscus*. *Equus ferus*, *Coelodonta antiquitatis*. Кроме того, в 2011 г. были обнаружены фрагменты диафизов больших берцовых одной особи птицы (Aves gen ind.) размерного класса

лебедь / тетерев. За исключением шерстистого мамонта, другие млекопитающие представлены остатками одной-трех особей каждого вида. Иногда остатки конкретного вида, например *C. antiquitatis* и *G. gulo*, представлены одной костью. Фрагменты костей таких видов, как *E. ferus*, *C. antiquitatis* представлены каждый одним фрагментом кости, точное определение которых затруднено из-за их повреждений.

Обращает на себя внимание, что количество костей мамонта с исследованного участка составляет около 99 % от общего количества остатков крупных млекопитающих. Указанный выше состав видов крупных млекопитающих и процентное соотношение остатков разных видов типично для многих памятников позднего палеолита Русской равнины (*Бурова, Мащенко*, 2009; *Maschenko et al.*, 2003; *Gavrilov et al.*, 2013).

Следует отметить, что кости шерстистого мамонта на исследованной площади памятника чаще всего группируются в зависимости от бытовых нужд человека. В ряде случаев удается отнести кости с разных участков к скелету одной особи, например, две бедренных, принадлежавших взрослому индивидууму (ХАЭ, кв. В2′, № 2; ХАЭ, кв. Д2′, № 3).

Кости шерстистого мамонта чаще всего несут какие-либо следы специальной обработки, свидетельствующие об их использовании как вспомогательных материалов при хозяйственной деятельности. Например, humerus, Adult, НАЕ 2010 № 46, с удаленной спонгиозной частью из диафиза. Кости других видов млекопитающих могут не иметь специальной обработки и в ряде случаев составляют анатомические группы, относящиеся к скелету одной особи. Эта закономерность отмечена неоднократно для *C. lupus* (*Гаврилов*, 2008. Рис. 47). Другой пример сохранности частей скелета *C. lupus* – фрагменты скелетов не менее двух половозрелых особей, включающих черепа (цв. илл. XII), метаподии, фаланги, лучевые кости (всего более 40 костей), обнаруженные в 2003 г. при раскопках участка пункта Б (раскоп I, кв. А-7, А-9).

Количество особей мамонта, установленное на участке пункта В, составляет по предварительной оценке 12 особей (5 – половозрелые: 2 самца и 3 самки; 5 – молодые (3–4 – 5–6 лет), 2 детеныша 1,5–2 года). Следует отметить, что количество костей от каждой из особей шерстистого мамонта не превышает 2–3 % от скелета каждой из особей.

По остаткам эмбриона шерстистого мамонта (предположительно, вторая половина второго года пренатального развития) и сброшенным рогам северного оленя (ХАЭ-2010, кв. Д-1′, № 195), можно предположить, что гибель / сбрасывание рогов особей, относящихся к этим видам, произошла в конце зимы – начале весны.

Несмотря на значительное площадное распределение костей одной из особей *R. tarandus* и их нахождение на разных стратиграфических уровнях (2010 г., кость № 195, кв. Д-1’, глубина – 8,94/8,98 м, кв. Б-2’, глубина – 8,89 м), по морфологии скелета они могут быть отнесены к одной особи. Эти данные указывают на сложную ситуацию формирования культурного слоя на указанном участке памятника.

Указанное распределение и сохранность остатков разных видов млекопитающих, а также абсолютное преобладание (99 % от общего числа костей)

остатков шерстистого мамонта, по нашему мнению, не является свидетельством систематической массовой охоты людей стоянки Хотылёво 2 на этот вид. Причиной, ограничивающей систематическую охоту с массовым забоем (overkill) большого количества мамонтов, является относительная низкая плотность популяций этого вида млекопитающих на Русской равнине в конце плейстоцена и особенности биологии шерстистого мамонта (*Мащенко*, 2008; 2009). Тафономические данные о формировании костеносных слоев местонахождений и части памятников позднего палеолита Русской равнины также могут свидетельствовать в пользу этого (*Чубур*, 1998; 2006; *Мащенко*, 2008; *Iakovleva et al.*, 2012).

По морфологии зубов последней смены (M3) и размерам костей посткраниального скелета шерстистый мамонт со стоянки Хотылёво 2 незначительно отличается от представителей вида, распространенного на Русской равнине в интервале 26–13,5 тыс. лет (табл. 2–3) (*Maschenko et al.*, 2003; 2006). Незначительное превышение размера ширины коронки наблюдается для M3 шерстистого мамонта из Хотылёво 2 пункт В, но выборка здесь представлена всего одним образцом. Размерная изменчивость большой берцовой кости практически не отличается от данных для местонахождения Севск (Брянская область) и стоянки Зарайск (Московская область).

Выводы и обсуждение

Структура археологических объектов, зафиксированных на площади раскопов А и Б, а также их пространственное соотношение позволяют сделать вывод, что на изученной площади пункта В стоянки Хотылёво 2 были частично вскрыты два различных комплекса объектов. Южный комплекс, занимавший по преимуществу площадь раскопа А, отличается прежде всего присутствием крупных скоплений костей животных, а именно шерстистого мамонта, составляющего 99 % собранных остатков. Данные скопления характеризуются выраженным преднамеренным характером укладки крупных костей посткраниального скелета: черепов, длинных костей конечностей, лопаток и костей таза. Эта манера укладки находит аналогии в конструкциях так называемых жилищ аносовско-мезинского типа, широко распространенных в памятниках поздней поры верхнего палеолита Русской равнины (*Поликарпович*, 1968; *Пидопличко*, 1969; *Рогачёв*, 1962; *Сергин*, 1981; 1987; 2003). На участке пункта А стоянки Хотылёво 2 Ф. М. Заверняевым также были обнаружены скопления преднамеренно уложенных костей мамонта (*Заверняев*, 1974; 2001; *Гаврилов*, 2008), однако они были не столь масштабны, как те, которые мы исследовали в раскопе А пункта В. Северный комплекс, занимавший большую часть раскопа Б и распространяющийся за его пределы, находит более полную аналогию в одном из комплексов, изученных Ф. М. Заверняевым, – так называемом комплексе № 1, по нашей нумерации (*Гаврилов*, 2008). Очевидно, раскопом Б была вскрыта южная половина подобного комплекса.

Структурные особенности обнаруженных комплексов позволяют предполагать их сакральный характер. Для подобного заключения существует несколько оснований. Во-первых, обильное использование охры в заполнении ям, а также

в скоплениях костей мамонта. В последнем случае охрой были полностью окрашены некоторые плоские кости, ряд черепов мамонта также залегали вместе с обширными скоплениями минеральной краски. Во-вторых, характер укладки и подбора костей мамонта в крупных скоплениях, которые характеризуются устойчивым сочетанием черепов, лопаток и тазовых костей, уложенных преднамеренно в определенном порядке. В-третьих, некоторые детали объектов также позволяют сделать вывод об их ритуальном характере: двойная женская статуэтка, предварительно разбитая на части и уложенная на поверхность скопления костного угля в «первоначальном» виде; преднамеренно погребенные предметы (ископаемая раковина морского моллюска, отбойник, нуклеус), которые затем были перекрыты костями мамонта; подвеска из клыка мамонта, воткнутая вертикально в древнюю поверхность, окрашенную охрой. Пространственная связь всех частей выявленных комплексов свидетельствует о едином смысловом контексте, в который были включены как индивидуальные предметы, так и каждый археологический объект.

Стратиграфическое соотношение изученных комплексов позволяет сделать вывод о том, что северный комплекс формировался уже после завершения существования южного комплекса. Временной разрыв между ними, судя по особенностям стратиграфии культурного слоя, был невелик.

С фаунистической точки зрения список видов млекопитающих из Хотылёво 2, пункт В, мало отличается от списков видов других стоянок Русской равнины аналогичного хронологического периода. Количественно абсолютно преобладают кости только одного вида – шерстистого мамонта (98–99 %) и только 1–1,5 % составляют кости хищных млекопитающих. Такие виды, как волк и песец, представляют максимальное количество остатков (для Хотылёво 2, пункта В – 3 и 5 особей соответственно). Хищниками представлено максимальное число видов не только в Хотылёво 2, но и на других одновозрастных памятниках Русской равнины. Парнопалые и непарнопалые млекопитающие представлены на рассматриваемом участке памятника единичными находками, и каждый из видов представлен 1–2 находками. Нахождение на рассматриваемом участке памятника остатков *E. ferus* остается пока точно не установленным.

ЛИТЕРАТУРА

Бурова Н. Д., Мащенко Е. Н., 2009. Зооархеологические исследования. Исследования палеолита в Зарайске (1999–2005) / Под ред. Х. А. Амирханова. М.: Палеограф. С. 350–401.

Величко А. А., Грибченко Ю. Н., Маркова А. К., Ударцев В. П., 1977. О возрасте и условиях обитания стоянки Хотылёво II на Десне // Палеоэкология древнего человека: К X конгрессу JNQUA (Великобритания, 1977): Сб. статей / Ред. И. К. Иванова. М.: Наука. С. 40–50.

Воскресенская Е. В., 2007. Вещественный состав и условия накопления отложений позднепалеолитической стоянки Хотылёво-2 // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы V Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода (Москва, 7–9 ноября 2007 г.) / Отв. ред. Ю. А. Лаврушин, И. М. Хорева, И. А. Чистякова. М.: ГЕОС. С. 64–67.

Воскресенская Е. В., Гаврилов К. Н., 2006. Новый комплекс верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2 // Деснинские древности – IV: Материалы Межгос. науч. конф. «История и археология Подесенья», посвященной памяти брянского археолога и краеведа Ф. М. Заверняева

(28.02.1919–18.06.1994) / Ред.: В. П. Алексеев, В. В. Крашенинников. Брянск: Брянский обл. краеведческий музей, 2006. С. 135–149.

Воскресенская Е. В., Гаврилов К. Н., 2011. Новый комплекс верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2: раскопки 2005–2010 гг. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород – Старая Русса) / Ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: Новгородский технопарк. Т. I. С. 40–41.

Воскресенская Е. В., Морозова Т. Д., 2009. Микростроение культурного слоя и особенности почвообразования в районе верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2 // Эволюция почвенного покрова: история идей и методы, голоценовая эволюция, прогнозы: труды V Междунар. конф. (26–31 октября 2009 г., г. Пущино, Московская область) / Отв. ред.: И. В. Иванов, Л. С. Песочина. М.; Пущино: Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН. С. 227–228.

Гаврилов К. Н., 1998. Структура Хотылёвского верхнепалеолитического поселения // Восточный граветт / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. С. 177–190.

Гаврилов К. Н., 2008. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2. М.: Таус. 256 с.

Гаврилов К. Н., 2011. Новые произведения искусства малых форм из раскопок стоянки Хотылёво 2 (пункт В) // КСИА. Вып. 225. С. 231–239.

Гаврилов К. Н., Воскресенская Е. В., 2012. Новый комплекс верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2: пространственная структура и стратиграфия культурного слоя // КСИА. Вып. 227. С. 70–82.

Гаврилов К. Н., Боескоров Г. Г., Мащенко Е. Н., 2013. Подвеска из клыка медведя из раскопок Хотылёво 2 // КСИА. Вып. 230. С. 275–286.

Геологическая карта дочетвертичных отложений Брянской области, 1998. Министерство природных ресурсов Российской Федерации, центральный региональный геологический центр, межрегиональный центр по геологической картографии / Сост. О. Г. Олферьев и др.; гл. ред. Н. И. Сычкин. 1: 500 000. М.

Заверняев Ф. М., 1974. Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне // СА. № 4. С. 142–161.

Заверняев Ф. М., 2001. Остатки жилищно-бытового и хозяйственного комплексов на Хотылёвской верхнепалеолитической стоянке // РА. № 2. С. 69–87.

Мащенко Е. Н., 2008. Охота на мамонта в верхнем палеолите в аспекте биологии вида Mammuthus primigenius (Blumenbash, 1799) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале, 2008 г.: В 3 т. / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Т. I. М.: ИА РАН. С. 148–150.

Мащенко Е. Н., 2009. Интерпретация археозоологических данных Зарайской стоянки в связи с биологией шерстистого мамонта (Mammuthus primigenius (Blumenbasch, 1799) // Исследования палеолита в Зарайске (1999–2005) / Под ред. Х. А. Амирханова. М.: Палеограф, С. 402–435.

Морозова Т. Д., Нечаев В. П., 2002. Валдайская перигляциальная зона Восточно-Европейской равнины как область древнего холодного почвообразования // Пути эволюционной географии (итоги и перспективы) / Ред. И. И. Спасская. М.: Институт географии РАН; Наука. С. 93–107.

Пидопличко И. Г., 1969. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев: Наукова Думка, 1969. 177 с.

Поликарпович К. М., 1968. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника. 204 с.

Рогачёв А. Н., 1962. Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине // КСИА. Вып. 92. С. 11–17.

Сергин В. Я., 1981. Раскопки жилища на Гонцовском палеолитическом поселении // КСИА. Вып. 165. С. 43–50.

Сергин В. Я., 1987. Структура Мезинского палеолитического поселения. М.: Наука. 104 с.

Сергин В. Я., 1998. Жилища на памятниках Восточного Граветта Русской равнины // Восточный граветт / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 151–176.

Сергин В. Я., 2003. Супонево: общие сведения. Остатки жилища // РА. № 2. С. 5–16.

Трусов А. В., 2011. Палеолит бассейна Оки. М.: Репроцентр-М. 312 с.

Чубур А. А., 1995. О мамонтах с верхнепалеолитической стоянки Хотылёво II // Деснинские древности: Материалы Межгос. науч. конф. «История и археология Подесенья», посвященной памяти брянского археолога и краеведа Ф. М. Заверняева (28.II.1919–18.VI.1994), 25–27 апреля 1995 г. / Ред. В. П. Алексеев и др. Брянск: Брянский обл. краеведческий музей. С. 28–30.

Чубур А. А., 1998. Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины в осташковское время // Восточный граветт / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. С. 309–329.

Чубур А. А., 2003. Мамонт Mammuthus primigenius (Blumenbach) с палеолитической стоянки Хотылёво 2 // Труды Государственного дарвиновского музея. Вып. VI. С. 226–237.

Чубур А. А., 2006. Охота в палеолите: историография и современное состояние источников (по материалам бассейна Десны) // Русский сборник. Вып. 2–3. Брянск. С. 105–113. (Труды кафедры отечественной истории БГУ.)

Шовкопляс И. Г., 1965. Мезинская стоянка. Киев: Наукова думка. 327 с.

Gavrilov K. N., Voskresenskaya E. V., Maschenko E. N., 2013. A survey of the Khotylevo 2 – Point V site: 2005–2011 investigations // International Conference World of Gravettian Hunters. (Krakow, Poland, 25th – 28th June 2013): Abstracts & Guide Book / Ed. P. Wojtal. Krakow: Institute of Systematics and Evolution of Animals, Polish Academy of Sciences. P. 19–22.

Iakovleva L., Djindjian F., Maschenko E. N., Konik S., Moigne A.-M., 2012. The late Upper Palaeolithic site of Gontsy (Ukraine): A reference for the reconstruction of the hunter-gatherer system based on a mammoth economy // Quaternary International. Vol. 255. P. 86–93.

Maschenko E. N., 2002. Individual development, biology and evolution of the woolly mammoth Mammuthus primigenius (Blumenbach, 1799) // Cranium. 19/1. 120 p.

Maschenko E., Lev S., Burova N., 2003. Zaraysk late palaeolithic site: Mammoth assemblages, age profile and morphology // Occasional Paper in Earth Sciences N 5: 3rd International Mammoth Conference, Program and Abstracts. P. 71–73.

Mashchenko E. N., Gablina S., Tesakov A. S., Simakova A. N., 2006. The Sevsk woolly mammoth (Mammuthus primigenius) site in Russia: Taphonomic, biological and behavioral interpretations // Quaternary International. Vol. 142/143. P. 147–165.

Velichko A. A., Morozova T. D., Nechaev V. P., Rutter N. W., Dlusskii K. G., Little E. C., Catto N. R., Semenov V. V., Evans M. E., 2006. Loess / paleosol / cryogenic formation and structure near the northern limit of loess deposition, East European Plain, Russia // Quaternary International. Vol. 152/153. P. 14–30.

Velichko A. A., Pisareva V. V., Morozova T. D., Borisova O. K., Faustova M. A., Gribchenko Y. N., Timireva S. N., Semenov V. V., Nechaev V. P., 2010. Correlation of glacial and periglacial Pleistocene events in Eastern Europe // Quaternary Stratigraphy and Paleontology of the Southern Russia: Connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of International INQUA-SEQS Conference; Rostov-on-Don. P. 188–190.

Сведения об авторах.

Гаврилов Константин Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва 117036, Россия; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru;

Воскресенская Екатерина Владимировна, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва 119017, Россия; e-mail: kavosk@mail.ru;

Дука Катерина, Оксфордский центр радиоуглеродного УМС датирования, Исследовательская лаборатория археологии и истории искусства, Археологическая Школа, Оксфордский университет, Оксфорд; e-mail: katerina.douka@rlaha.ox.ac.uk;

Мащенко Евгений Николаевич, Палеонтологический институт им. А. А. Борисяка РАН, ул. Профсоюзная, 123, Москва 117647, Россия, e-mail: evmash@mail.ru.

K. N. Gavrilov, Ye. V. Voskresenskaya, K. Douka, Ye. N. Mashchenko

Khotylyovo 2 site – point B: new data on the age and spatial organization of the cultural deposit

Abstract. This article is devoted to spatial and stratigraphic analysis of a range of objects studied at the new point (B) of the East Gravettian site Khotylyovo 2 discovered by the Khotylovo archaeological expedition in 2005. The site's cultural deposit is associated with the level of initial soil formation at the base of the Desna loess horizon. Stratigraphic situation of the cultural deposit at point C is generally typical of Khotylyovo 2 and does not differ from that at points A and Б. Two spatially related complexes have been recorded within 45 sq. m of the excavated area in point B. The first one is marked by rounded shallow pits together with dug-in mammoth bones arranged around a cluster of burnt animal bones, split animal bones and knapped flint. The second complex consists of large accumulations of deliberately arranged bones of woolly mammoth. In their arrangement certain order can be traced similar to dwelling structures of the Anosovo–Mezin type. Micro-stratigraphic relationship of the two complexes together with radiocarbon dates point to their different chronology. Woolly mammoth (*Mammuthus primigenius*) is most widespread species of mammals in the investigated area. The species list does not differ substantially from other sites of the Russian plain in the same period. Limited number of bones of other species of herbivorous mammals may testify that carcasses were not cut up in this part of the site. The large number of mammoth bones is not a direct evidence of the mass-scale simultaneous hunt for this species, yet it does not contradict the hypothesis regarding the periodic hunting for separate animals.

Keywords: Khotylyovo 2, Upper Palaeolithic, stratigraphy and palaeogeography of the Late Pleistocene, Eastern Gravette, radiocarbon method, spatial structure of the cultural deposit, mammoth (*Mammuthus primigenius*).

REFERENCES

Burova N. D., Mashchenko Ye. N., 2009. Zooarkheologicheskiye issledovaniya [Zoo-archaeological research]. *Issledovaniya paleolita v Zarayske* (*1999–2005*) [*Investigations of Palaeolithic in Zaraysk* (*1999–2005*)]. Kh. A. Amirkhanov, ed. Moscow: Paleograf, pp. 350–401.

Chubur A. A., 1995. O mamontakh s verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Khotylevo II [On mammoths from Upper Palaeolithic station Khotylevo II]. *Desninskiye drevnosti: materialy mezhgosudarstvennoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati bryanskogo arkheologa i krayeveda F. M. Zavernyayeva* [*Desna antiquities: materials of inter-state scientific conference held in commemoration of Braynsk archaeologist and local historian F. M. Zavernyayev*]. V. P. Alekseyev, ed. Bryansk: Bryansky oblastnoy krayevedchesky muzey, pp. 28–30.

Chubur A. A., 1998. Rol' mamonta v kul'turnoy adaptatsii verkhnepaleoliticheskogo naseleniya Russkoy ravniny v ostashkovskoye vremya [Role of mammoth in cultural adaptation of Upper Palaeolithic population of Russian Plain in Ostashkov time]. *Vostochny gravett* [*Eastern Gravette*]. Kh. A. Amirkhanov, ed. Moscow: Nauchny mir, pp. 309–329.

Chubur A. A., 2003. Mamont *Mammuthus primigenius* (Blumenbach) s paleoliticheskoy stoyanki Khotylevo 2 [Mammoth *Mammuthus primigenius* (Blumenbach) from Palaeolithic station Khotylevo 2]. *Trudy Gosudarstvennogo darvinovskogo muzeya* [*Transactions of Darwin State museum*], VI, pp. 226–237.

Chubur A. A., 2006. Okhota v paleolite: istoriografiya i sovremennoye sostoyaniye istochnikov (po materialam basseyna Desny) [Hunting in Palaeolithic: historiography and present state of sources

(on materials of Desna basin)]. *Russky sbornik. Trudy kafedry otechestvennoy istorii Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Russian collection of articles. Proceedings of Chair of National history, Bryansk State university*], 2–3, pp. 105–113.

Gavrilov K. N., 1998. Struktura Khotylevskogo verkhnepaleoliticheskogo poseleniya [Structure of Khotylevo Upper Palaeolithic settlement]. *Vostochny gravett* [*Eastern Gravette*]. Kh. A. Amirkhanov, ed. Moscow: Nauchny mir, pp. 177–190.

Gavrilov K. N., 2008. Verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Khotylyovo 2 [Upper Palaeolithic station Khotylyovo 2]. Moscow: Taus. 256 p.

Gavrilov K. N., 2011. Novyye proizvedeniya iskusstva malykh form iz raskopok stoyanki Khotylyovo 2 (punkt B) [New objects of minor arts from the excavations of the Khotylevo 2 station (point B)]. *KSIA*, 225, pp. 231–239.

Gavrilov K. N., Boyeskorov G. G., Mashchenko Ye. N., 2013. Podveska iz klyka medvedya iz raskopok Khotylyovo 2 [A pendant made from a bear's tooth found in excavations at the Khotylyovo 2 site]. *KSIA*, 230, pp. 275–286.

Gavrilov K. N., Voskresenskaya Ye. V., 2012. Novy kompleks verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Khotylyovo 2: prostranstvennaya struktura i stratigrafiya kul'turnogo sloya [New complex at the Upper Palaeolithic site Khotylevo 2: Spatial structure and stratigraphy of cultural deposit]. *KSIA*, 227, pp. 70–82.

Gavrilov K. N., Voskresenskaya Ye. V., Maschenko Ye. N., 2013. A survey of the Khotylevo 2 – Point B site: 2005–2011 investigations. *International Conference World of Gravettian Hunters*. (*Krakow, Poland, 25th – 28th June 2013*)*: Abstracts & Guide Book*. P. Wojtal, ed. Krakow: Institute of Systematics and Evolution of Animals; Polish Academy of Sciences, pp. 19–22.

Geologicheskaya karta dochetvertichnykh otlozheny Bryanskoy oblasti [Geological map of pre-Quaternary deposits in Bryansk Region], 1998. 1: 500 000 / O. G. Olfer'yev, comp., N. I. Sychkin, ed. Moscow. 1 p.

Iakovleva L., Djindjian F., Maschenko E. N., Konik S., Moigne A.-M., 2012. The late Upper Palaeolithic site of Gontsy (Ukraine): A reference for the reconstruction of the hunter-gatherer system based on a mammoth economy. *Quaternary International*, 255, pp. 86–93.

Maschenko E., Lev S., Burova N., 2003. Zaraysk Late Palaeolithic site: Mammoth assemblages, age profile and morphology. *Occasional Paper in Earth Sciences*, 5. *3rd International Mammoth Conference*: Program and Abstracts, pp. 71–73.

Maschenko E. N., 2002. Individual development, biology and evolution of the woolly mammoth *Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799). *Cranium*, 19/1, pp. 1–120.

Mashchenko Ye. N., 2008. Okhota na mamonta v verkhnem paleolite v aspekte biologii vida *Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799) [Hunting mammoth in Upper Palaeolithic in aspect of biology of species *Mammuthus primigenius* (Blumenbach, 1799)]. *Trudy II* (*XVIII*) *Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Suzdale, 2008 g.* [*Transactions of II* (*XVIII*) *All-Russian congress in Suzdal, 2008*]. A. P. Derevyanko, N. A. Makarov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 148–150.

Mashchenko Ye. N., 2009. Interpretatsiya arkheozoologicheskikh dannykh Zarayskoy stoyanki v svyazi s biologiyey sherstistogo mamonta (Mammuthus primigenius (Blumenbasch, 1799)) [Interpretation of archaeozoological data from Zaraysk station in relation with bilogy of woolly mammoth (*Mammuthus primigenius*, Blumenbasch, 1799)]. *Issledovaniya paleolita v Zarayske* (*1999–2005*) [*Investigations of Palaeolithic in Zaraysk* (*1999–2005*)]. Kh. A. Amirkhanov, ed. Moscow: Paleograf, pp. 402–435.

Mashchenko E. N., Gablina S., Tesakov A. S., Simakova A. N., 2006. The Sevsk woolly mammoth (Mammuthus primigenius) site in Russia: Taphonomic, biological and behavioral interpretations. *Quaternary International*, 142/143, pp. 147–165.

Morozova T. D., Nechayev V. P., 2002. Valdayskaya periglyatsial'naya zona Vostochno-evropeyskoy ravniny kak oblast' drevnego kholodnogo pochvoobrazovaniya [Valday periglacial zone of East European Plain as region of early cold soil formation]. *Puti evolyutsionnoy geografii* (*itogi i perspektivy*) [*Paths of evolutionary geography* (*results and perspectives*)]. I. I. Spasskaya, ed. Moscow: Institut geografii Rossiyskoy akademii nauk; Nauka, pp. 93–107.

Pidoplichko I. G., 1969. Pozdnepaleoliticheskiye zhilishcha iz kostey mamonta na Ukraine [Late Palaeolithic dwellings of mammoth bones in Ukraine]. Kiyev: Naukova dumka. 177 p.

Polikarpovich K. M., 1968. Paleolit Verkhnego Podneprov'ya [Palaeolithic of Upper Dnieper basin]. Minsk: Nauka i tekhnika. 204 p.

Rogachyov A. N., 1962. Ob anosovsko-mezinskom tipe paleoliticheskikh zhilishch na Russkoy ravnine [On Anosovo–Mezin type of Palaeolithic dwellings in Russian Plain]. *KSIA*, 92, pp. 11–17.

Sergin V. Ya., 1981. Raskopki zhilishcha na Gontsovskom paleoliticheskom poselenii [Excavations of a dwelling at Gontsy Palaeolithic settlement]. *KSIA*, 165, pp. 43–50.

Sergin V. Ya., 1987. Struktura Mezinskogo paleoliticheskogo poseleniya [Structure of Mezin Palaeolithic settlement]. Moscow: Nauka. 104 p.

Sergin V. Ya., 1998. Zhilishcha na pamyatnikakh Vostochnogo Gravetta Russkoy ravniny [Dwellings at Eastern Gravette sites of Russian Plain]. *Vostochny gravett* [*Eastern Gravette*]. Kh. A. Amirkhanov, ed. Moscow: Nauchny mir, pp. 151–176.

Sergin V. Ya., 2003. Suponevo: obshchiye svedeniya. Ostatki zhilishcha [Suponevo: general information. Remains of a dwelling]. *RA*, 2, pp. 5–16.

Shovkoplyas I. G., 1965. Mezinskaya stoyanka [Mezin station]. Kiyev: Naukova dumka. 326 p.

Trusov A. V., 2011. Paleolit basseyna Oki [Palaeolithic of Oka basin]. Moscow: Reprotsentr-M. 312 p.

Velichko A. A., Gribchenko Yu. N., Markova A. K., Udartsev V. P., 1977. O vozraste i usloviyakh obitaniya stoyanki Khotylyovo II na Desne [On age and habitation conditions of Khotylyovo II station on Desna]. *Paleoekologiya drevnego cheloveka: K X kongressu JNQUA, Velikobritaniya, 1977: sbornik statey* [*Palaeoecology of early man: Towards X congress JNQUA, Great Britain, 1977: collection of articles*]. I. K. Ivanova, ed. Moscow: Nauka, pp. 40–50.

Velichko A. A., Morozova T. D., Nechaev V. P., Rutter N. W., Dlusskii K. G., Little E. C., Catto N. R., Semenov V. V., Evans M. E., 2006. Loess / paleosoil / cryogenic formation and structure near the northern limit of loess deposition, East European Plain, Russia. *Quaternary International*, 152/153, pp. 14–30.

Velichko A. A., Pisareva V. V., Morozova T. D., Borisova O. K., Faustova M. A., Gribchenko Y. N., Timireva S. N., Semenov V. V., Nechaev V. P., 2010. Correlation of glacial and periglacial Pleistocene events in Eastern Europe. *Quaternary Stratigraphy and Paleontology of the Southern Russia: Connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of International INQUA-SEQS Conference*. Rostov-on-Don, pp. 188–190.

Voskresenskaya Ye. V., 2007. Veshchestvenny sostav i usloviya nakopleniya otlozheny pozdnepaleoliticheskoy stoyanki Khotylevo-2 [Artefact structure and accumulation conditions of deposits at Late Palaeolithic station Khotylevo-2]. *Fundamental'nyye problemy kvartera: itogi izucheniya i osnovnyye napravleniya dal'neyshikh issledovany: materialy V Vserossiyskogo soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda* [*Fundamental problems of Quarter: research results and principal trajectories for future investigations: Proceedings of V All-Russian conference on research of Quaternary period*]. Moscow: GEOS, pp. 64–67.

Voskresenskaya Ye. V., Gavrilov K. N., 2006. Novy kompleks verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Khotylevo 2 [New complex of Upper Palaeolithic station Khotylevo 2]. *Desninskiye drevnosti: materialy mezhgosudarstvennoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati bryanskogo arkheologa i krayeveda F. M. Zavernyayeva* [*Desna antiquities: materials of inter-state scientific conference held in commemoration of Braynsk archaeologist and local historian F. M. Zavernyayev*]. V. P. Alekseyev, ed. Bryansk: Bryansky gosudarstvenny oblastnoy krayevedchesky muzey, pp. 135–149.

Voskresenskaya Ye. V., Gavrilov K. N., 2011. Novy kompleks verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Khotylyovo 2: raskopki 2005–2010 gg. [New complex of Upper Palaeolithic station Khotylevo 2: excavations of 2005–2010]. *Trudy III* (*XIX*) *Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda* [*Transactions of III* (*XIX*) *All-Russian archaeological congress*]. N. A. Makarov, Ye. N. Nosov, eds. St. Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod: Novgorodsky tekhnopark, pp. 40–41.

Voskresenskaya Ye. V., Morozova T. D., 2009. Mikrostroyeniye kul'turnogo sloya i osobennosti pochvoobrazovaniya v rayone verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Khotylevo 2 [Microstructure of

cultural deposit and features of soil-formation in the region of Upper Palaeolithic station Khotylevo 2]. *Evolyutsiya pochvennogo pokrova: istoriya idey i metody, golotsenovaya evolyutsiya, prognozy: trudy V Mezhdunarodnoy konferentsii* [*Evolution of soil cover: ideas history and methods, Holocene evolution, outlooks: proceedings of V International conference*]. I. V. Ivanov, L. S. Pesochina, eds. Moscow: Pushchino: Institut fiziko-khimicheskikh i biologicheskikh problem pochvovedeniya RAN, pp. 227–228.

Zavernyayev F. M., 1974. Novaya verkhnepaleoliticheskaya stoyanka na r. Desne [New Upper Palaeolithic station on Desna River]. *SA*, 4, pp. 142–161.

Zavernyayev F. M., 2001. Ostatki zhilishchno-bytovogo i khozyaystvennogo kompleksov na Khotylevskoy verkhnepaleoliticheskoy stoyanke [Remains of habitation-household and economic complexes at Khotylevo Upper Palaeolithic station]. *RA*, 2, pp. 69–87.

About the authors.

Gavrilov Konstantin N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru;

Voskresenskaya Yekaterina V., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetny per., 29, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: kavosk@mail.ru;

Duka Katerina, Oxford Radiocarbon Accelerator Unit, Research Laboratory for Archaeology and the History of Art, School of Archaeology, University of Oxford, Oxford, Great Britain; e-mail: katerina.douka@rlaha.ox.ac.uk;

Mashchenko Yevgeny N., Borisyak Paleontological Institute Russian Academy of Sciences, ul. Profsoyuznaya, 123, Moscow, 117647, Russian Federaion; e-mail: evmash@mail.ru.

Н. Б. Ахметгалеева, В. Я. Сергин, Е. Н. Мащенко

ОБРАБОТАННАЯ КОСТЬ ИЗ РАСКОПОК 1970–1980-х гг. ПОСЕЛЕНИЯ ГОНЦЫ (Украина, Полтавская область)*

Резюме. Представлены результаты исследования остеологической коллекции из Гонцов (Полтавская область, Украина). Рассмотрена технология изготовления, морфология обработанной кости и следы использования на изделиях из костей разных видов млекопитающих, бивня мамонта и рога северного оленя. Материал собран при раскопках верхнепалеолитического памятника Гонцы В. Я. Сергиным в 1977–1985 гг. Гонцы входят в группу памятников среднеднепровского типа. Абсолютные датировки по 14^{C} – 15–14 тыс. лет. По технологии обработки кости Гонцы наиболее близки к Межиричу. Культурная связь этих памятников, установленная по кремневому инвентарю и устройству поселения, прослежена и по характеру изделий из кости.

Ключевые слова: верхний палеолит Русской равнины; Украина; технология обработки кости, бивня мамонта и рога; трасологический анализ костяных изделий.

Введение

Изучение палеолита требует специализированного подхода при изучении предметов материальной культуры. Современные методы исследований позволяют получать новую информацию, которая выходит за рамки констатации типового разнообразия готовых изделий и предметов искусства. Одним из наиболее значимых и результативных направлений является анализ верхнепалеолитических костяных индустрий в целях культурно-хронологических сравнений (*Гвоздовер*, 1953; *Clark, Thompson*, 1953; *Clark*, 1977; *Olsen*, 1979; *Knecht*, 1993; *Gwozdover*, 1995; *D'Errico et al.*, 2003; *Khlopatchev*, 2000; 2001; *Хлопачёв*, 2004, 2006 и др.).

В предлагаемой работе представлены результаты исследования технологии изготовления, морфологии и следов использования изделий из костей разных

* Работа выполнена в рамках проектов РГНФ 11-21-17003а/Fra и 14-21-17003 а(м) (Н. Ахметгалеева) и грантов РФФИ 11-04-00933-а и ОФИ № 13-06-12015 (Е. Мащенко).

видов млекопитающих и бивня мамонта, происходящих из раскопок верхнепалеолитической стоянки Гонцы, проведенных под руководством В. Я. Сергина в 1977–1985 гг. Памятник находится на Украине, в селе Гонцы Лубенского района Полтавской области. Поселение открыто Ф. И. Каминским в 1873 г. В культурном отношении оно входит в группу памятников среднеднепровского типа и имеет среди них относительно четко установленную датировку – в пределах от 14 670 ± 110 до 14 110 ± 120 BP (Радиоуглеродная хронология палеолита..., 1997; *Yakovleva, Djinjian*, 2005).

Основная площадь памятника приурочена к мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Удай, притока р. Сулы, впадающей в Днепр. Собранные предметы из кости залегали в желто-серой (палевой) лессовидной породе на глубине до 2,5 м, глубже находились нижние части вкопанных костей и днища хозяйственных ям.

Кости использовались в строительных конструкциях, различных бытовых приспособлениях в виде обработанных предметов. Представлены остатки следующих видов млекопитающих: сурок (*Marmota* sp.), заяц (*Lepus* sp.), волк (*Canis lupus*), бурый медведь (*Ursus arctos*), песец (*Alopex lagopus*), шерстистый мамонт (*Mammuthus primigenius*), северный олень (*Rangifer tarandus*), первобытный бизон (*Bison priscus*).

Коллекция обработанной кости количественно невелика, но включает предметы, относящиеся ко всем этапам обработки: готовые изделия, заготовки, отходы производства. Это позволяет реконструировать ряд технологических последовательностей изготовления. Ранее обработанная кость из Гонцов описывалась по находкам 1914–1916 гг. В. М. Щербаковским (*Щербаківський*, 1919). Недавно материалы Гонцов, сохранившиеся в фондах Полтавского краеведческого музея, были заново проанализированы и опубликованы И. М. Гавриленко (2003а).

Материалы и методика

Планиграфический анализ коллекции проведен В. Я. Сергиным. Технологический анализ обработанной кости и функциональное изучение проводилось Н. Б. Ахметгалеевой на основе образцов, полученных в результате экспериментальных работ с использованием методики экспериментально-трасологической школы ИИМК РАН г. Санкт-Петербурга (*Семёнов*, 1952; 1957; *Семёнов, Коробкова*, 1983; *Филиппов*, 1977; 1983; *Щелинский*, 1983; *Коробкова, Щелинский*, 1996; *Коробкова, Шаровская*, 2001). При описании изделий был учтен опыт российских специалистов по палеолиту (*Герасимов*, 1941; *Підоплічко*, 1947; *Гвоздовер*, 1953; 1985; *Грехова*, 1977; *Gwozdover*, 1995; *Філіпов*, 1984; *Григорьева*, 1997; *Grigorieva*, 1999; и др.), результаты экспериментальных работ Е. Ю. Гири (*Гиря*, 2002; *Гиря, Хлопачёв*, 2006) и исследований Г. А. Хлопачёва (*Khlopatchev*, 2000–2001; *Хлопачёв*, 2004; 2006).

В работе используется принятая в российском палеолитоведении терминология, основанная на морфологии предметов. Бивень мамонта, длинные кости конечностей и ребра имеют разные физико-механические характеристики,

существенно влияющие на возможности обработки и использования выполненных из них изделий. Поэтому определенные типы орудий делятся на группы по виду используемого сырья.

Видовое определение костей млекопитающих, определение индивидуального возраста по морфологическим признакам проводилось Е. Н. Мащенко по стандартной методике сравнения морфологии костей млекопитающих. Базой служили сравнительные коллекции Палеонтологического института им. А. А. Борисяка РАН и Зоологического музея МГУ.

Некоторые данные по тафономии и археозоологии

Коллекция включает 73 экз. обработанных и 97 необработанных костей.

Сохранность костей млекопитающих различается и зависит от местонахождения кости (в культурном слое, в объекте и т. п.), степени ее утилизации и обработки. Сохранность всех костных остатков, залегавших на дне ям, как правило, лучше. Выветренность костей проявляется в наличии мелких и крупных продольных трещин с неровными краями, в отслаивании наружной части компактного слоя кости. Кости и их фрагменты окрашены в разные оттенки коричневого цвета. Кости млекопитающих среднего размерного класса (песец, заяц, сурок) имеют желтый и буровато-серый цвет. Белый цвет некоторых изделий из бивня мамонта характерен для высокой степени выветренности. На поверхности поделок из бивня фиксируются участки деформаций, возникшие в результате естественного расслоения бивня мамонта по конусам роста.

На поверхности части костей и изделий из них имеются темно-бурые пятна, видимо связанные с образованием соединений марганца или других природных соединений металлов. Подобное прокрашивание поверхностного слоя кости обычно для Гонцов. На поверхностном слое значительного количества костей (включая обработанные), в особенности на длинных костях конечностей песца, зайца и ребрах мамонта, имеются ветвящиеся бороздки, формирующиеся при частичном растворении поверхностного слоя кислотами, выделяемыми эпителием корней растений, воздействием почвенных кислот и других химически активных соединений, имеющихся во вмещающем слое. Окатанность фрагментов костей наблюдается редко.

Преобладание спирально-штыковых изломов на длинных костях конечностей песца, волка и зайца свидетельствует о раскалывании их в свежем виде. Многие изделия имеют следы выскабливания на поверхности диафизов при удалении надкостницы во время подготовки свежих костей к дальнейшей обработке. Кроме того, это может свидетельствовать о полной утилизации туш этих животных, отборе и подготовке поделочного материала из определенных видов костей. Отметим, что для изготовления изделий, как правило, использовались большие берцовые, лучевые и локтевые кости. Все обработанные кости этих трех видов млекопитающих принадлежат половозрелым особям с полностью приросшими эпифизами и облитерированными в разной степени эпифизарными швами.

В коллекции присутствует передняя кисть половозрелой особи песца с кв. 25–26/Л-М, 1977 г., представляющая анатомическую группу, состоящую

из одной запястной кости, 5 метаподий (metacacarpal), 4 первых фаланг (phalanges I), 4 вторых фаланг (phalanges II), 4 когтевых фаланг, 3 сесамоидных костей. На костях отсутствуют повреждения, что позволяет предположить, что лапу, видимо, отрезали по линии соединения с дистальными поверхностями карпальных костей. На поселениях среднеднепровского типа это не единственная находка. В частности, в Межириче И. Г. Пидопличко описана кисть песца, преднамеренно положенная древним человеком в альвеолу постоянного бивня черепа мамонта (*Пидопличко*, 1976. С. 196–200). Он писал: «В сельском быту населения района села Межирича и на Украине вообще заячьи лапки используются до настоящего времени как вид метелки для подметания пепла и сора возле печи и как кисть для смазывания кожаных сапог». Возможно и ритуальное использование отчлененной лапки, например в качестве амулета.

Преобладание древних спирально-штыковых изломов на длинных костях копытных животных свидетельствует о раскалывании и этих костей в свежем состоянии. На поверхности единственной заготовки из дистальной части ребра взрослой особи млекопитающего размерного класса северный олень-волк (яма 9, кв. 22-С, П/№ 68, 1985 г.) присутствуют следы выскабливания при снятии мягких тканей, которые также указывают на выбор для поделок свежей кости.

О разделке туш северных оленей непосредственно на стоянке свидетельствуют характерные повреждения в виде порезов разного типа на группе из 9 грудных позвонков с кв. 22-С 1985 г., полевой номер (далее П/№) 49, а также наличие анатомических групп костей из дистальных отделов конечностей этих животных. В частности, представлена задняя правая стопа половозрелой особи (яма 9, кв. 22-С, П/№53, 1985 г.), состоящая из 5 костей: пяточной, астрагала, центральной и 2 клиновидных костей – и имеющая следы разделки в виде порезов. Представлен дистальный конец передней метаподии молодой особи северного оленя с пальцевыми фалангами, 1 боковой копытной фалангой и 4-мя костями предплюсны из ямы 10, 1985 г. Все эпифизы метаподии и фаланг не приросли, но сохранились в анатомическом положении. Последнее свидетельствует, что время забоя данной особи – начало зимы (индивидуальный возраст 7–9 месяцев). Также на дне ямы 8 (кв. 28-З) в 1977 г. найдены кости дистального отдела передней ноги северного оленя – от дистального отдела лучевой кости до копытных фаланг (всего 20 костей). Лучевая кость переломлена в дистальной трети диафиза.

На костях **мамонта** фиксируются как изломы свежей кости, так и изломы кости в «сухом» состоянии. Отмечена и разная степень выветренности костей мамонта. Ребра мамонта, выветренные в меньшей степени, имеют следы выскабливания поверхности при удалении надкостницы. И, наоборот, более выветренные изделия не имеют подобных следов. Т. е. для обработки использовались и *свежие*, и выветренные кости мамонта (вместе с трещиноватым сырьем из бивня мамонта). Наблюдения за бивнем мамонта в условиях климата Северо-Востока Азии, показывают, что трещиноватость на частях бивня, выступающих из вмещающих пород, появляется в течение одного сезона. Разрушение бивня по конусам нарастания, при его полном экспонировании на поверхности, происходит в течение 3–4 сезонов. Расслоившиеся фрагменты

остаются пригодными для резьбы по кости с применением современных методов химической консервации.

Определенные затруднения вызывает определение функционального назначения предметов из кости и отдельных фрагментов костей из-за тафономических изменений, сходных со следами от их использования (цв. илл. XIII). Наиболее сложно выявление орудий для копания, так как следы от кратковременной работы могут быть сходны со следами изменения на костях вследствие абразивного воздействия вмещающей породы. Примером подобных изменений является фрагмент продольно расчлененного ребра из ямы 8, кв. 28-З, 1977 г. (цв. илл. XIII, *1А*). Его длина – 22,0 см, ширина – 3,0 см. С одного конца имеется излом «сухой» кости, с другого – дугообразный приостренный конец, сформировавшийся при переломе по свежей кости. Внутренняя поверхность этого конца сглажена и затерта. Заполировки нет, контактный материал не определен. Вероятно, указанные изменения возникли вследствие тафономических причин.

Заполировка по грунту возникает и хорошо сохраняется при очень интенсивной работе по мерзлому со снегом, влажному или глинистому материалу. На артефактах из Гонцов преобладает износ в виде истирания поверхности и скругленности кромок (цв. илл. XIII, *1В, С*). Он характерен для кратковременной работы по любому грунту и относительно длительной по абразивному материалу (например, по песку, супеси). Для более уверенного суждения о типе применения необходимо проследить степень изменения первоначальной формы изломов кости на более представительной выборке. Принципиально, что использование ребра при копании-сгребании грунта формирует полосу износа разной ширины. Последняя обязательно затрагивает торец с небольшим переходом на спинку и внутреннюю поверхность рабочей зоны. Тафономические изменения не имеют столь четкой локализации.

На части предметов коллекции наблюдаются повреждения, вызванные погрызами и царапинами, оставленными животными. Принято считать, что их возникновение относится ко времени, когда предмет уже не использовался.

Технико-морфологический и трасологический анализ обработанной кости

В качестве основных приемов первичной обработки кости, рога северного оленя и бивня мамонта отмечены: продольное раскалывание кости; подрубание паза по окружности кости; поперечное пиление-резание; продольное вырезание пазов, включая двойные; скобление; строгание; скобление с нажимом. Обработка каждого вида сырья включала разных набор технических приемов.

Обработка ребер мамонта

Данный вид сырья в коллекции обработанной кости преобладает.

Зафиксирован только один фрагмент дистальной части ребра взрослой особи млекопитающего размерного класса северный олень-волк из ямы 9 длиной 11,3 см

со следами выскабливания при снятии мягких тканей. Особенности его обработки те же, что и у ребер мамонта из этой же коллекции. Проксимальный конец фрагмента переломлен по небольшому надрезу. Дистальный конец отколот.

Предметы из ребер мамонта представлены как заготовками и отходами (14 экз.), так и готовыми изделиями (10 экз.). Использовались два базовых типа заготовок для поделок. Это пластина, выделенная при поперечном расчленении ребра, и пластина, полученная в результате продольного расщепления ребра. В обоих случаях использовалась дистальная и средняя части, и обе могли быть получены из одной кости. Их размеры колеблются от 8 до 22 см, что соответствует большинству представленных в коллекции изделий.

Представлены предметы, отражающие технологическую последовательность получения заготовок из *продольно расщепленных ребер*.

Сначала происходило отламывание / откалывание одного или обоих концов ребра. В некоторых случаях разламывание могло производиться по пазу, вырезанному углом проксимальной части пластины из кремня. Затем производилась серия ударов по продольным осям боковой кромки. Не исключено использование при этом посредника. Возможно, линия ударов как-то размечалась, но свидетельств тому нет.

Затем из заготовки извлекалась пластина. Для этого ребро разрывали на части, вероятно используя клинья. В завершение полученная основа делилась поперечно. При этом применялась ***техника поперечного резания-пиления***. Первые движения, соответствующие обозначенной технике, производились не боковым лезвием, как и при типичном пилении, а углом проксимальной части каменного орудия. Использовались возвратно-поступательные движения. Резание угловой кромкой вызывало появление изогнутых линий, но при этом создавало больше возможностей для получения аккуратного паза. Побочные линии, расположенные на большом расстоянии (до 0,3 см), как при традиционном пилении, отсутствовали.

Лучше всего гонцовский вариант ***продольного разделения*** на две части демонстрирует фрагмент *ребра* взрослого мамонта длиной 47,0 см с обломанной головкой (яма 10, кв. 19-О, 1985 г.) со следами последовательного продольного раскалывания (рис. 1, *б*). Дистальный конец обломан в современности. Удары вдоль продольной оси боковой кромки наносились с обеих боковых поверхностей ребра – краниальной и каудальной. Кромки изломов выемчатые, зубчики идут друг от друга на расстоянии 2–5 см.

Другой пример: продольно расколотая пластина (яма 9, кв. 22-С, П/№ 47, 1985 г.) длиной 19,4 см. Ее концы были обломлены по небольшим поперечным надрезам.

Еще две продольные пластины из ребер (яма 9, кв. 22-С) с одного края были переломлены, с другого обломаны по небольшому надрезу. Первая пластина представляет собой фрагмент левого ребра (проксимальная треть) со следами выскабливания поверхности длиной 17,5 см (П/№ 38). Вторая пластина – это средняя часть ребра длиной 20,0 см.

Еще один фрагмент: поперечный скол с левого продольно расщепленного ребра взрослого мамонта длиной 16,5 см из ямы 9 (кв. 22-Р, 1979 г.). Кромки его затерты в результате тафономических изменений.

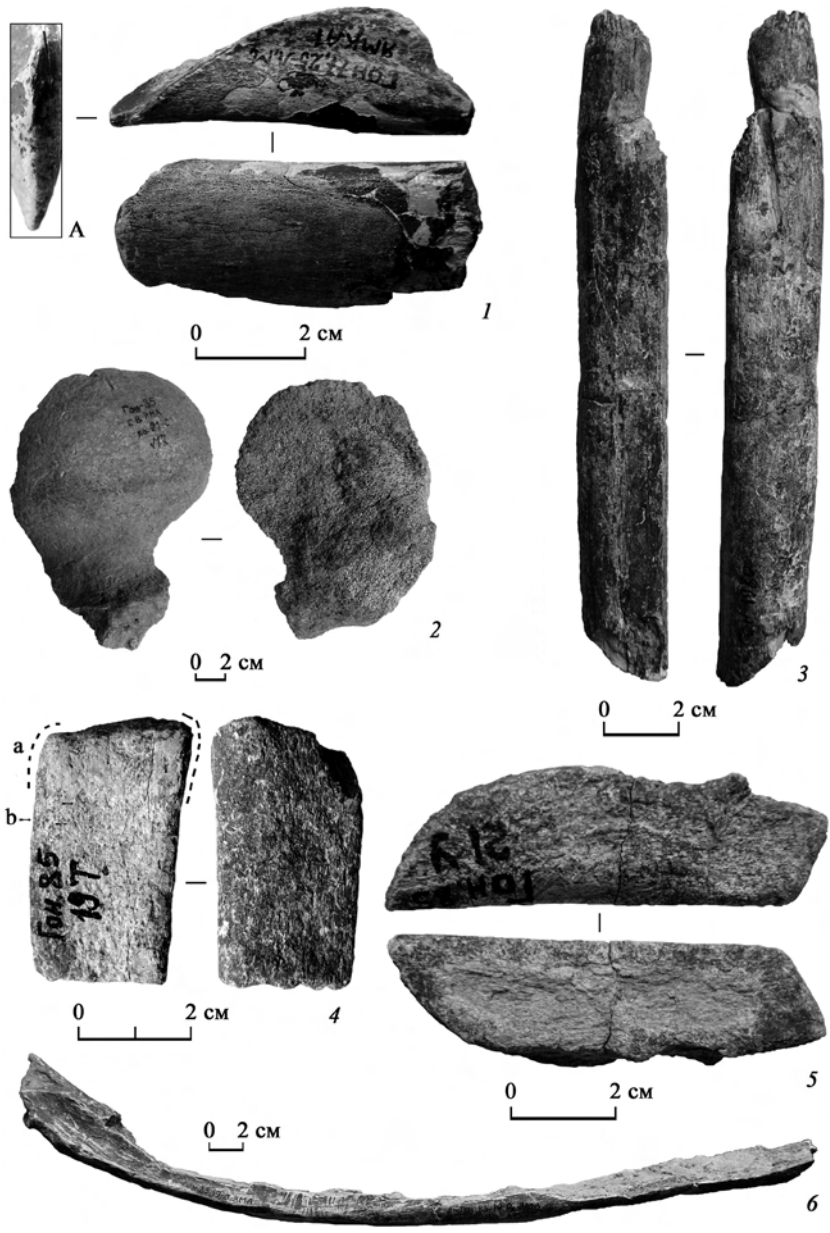

Рис. 1. Изделия стоянки Гонцы

1 – изделие с износом (скребок) из продольно расколотого ребра взрослого мамонта: А – рабочая зона (торцевая кромка); *2* – эпифиз бедренной кости мамонта («светильник»); *3* – цилиндрическая заготовка из бивня мамонта; *4* – фрагмент плоской кости с износом: a – следы износа (истертость и заполировка), b – выбоинки; *5* – фрагмент плоской кости с износом (видимо, фрагмент заднего края лопатки взрослого мамонта); *6* – фрагмент левого ребра взрослого мамонта со следами продольного раскалывания

При получении ***пластины из целого ребра*** учитывался характер будущего орудия (цв. илл. XIII, *2*). В первую очередь отчленялся проксимальный конец. Обычно он обламывался (иногда по надрезу) или откалывался, если ребро было небольших размеров. В *медиальной части* ребра излом обычно проходил по линии резания-пиления кости по ее окружности или половине ее окружности. Линия спила во всех случаях была ровная, количество побочных следов минимально, плоскость излома ровная. При получении двух заготовок из одного ребра надрез мог располагаться близко к концу дистальной части. Извлечение средних частей ребер было ориентировано, к примеру, на изготовление изделий фигурной формы.

Описание сохранившихся заготовок из ребер шерстистого мамонта

Выветренный фрагмент средней части правого ребра половозрелой особи длиной 22,5 см (яма 8, кв. 29-З, 1977 г.) с обломанным дистальным концом и отколотым проксимальным.

Фрагмент средней части тела ребра детеныша длиной 3,6 см (кв. 24-О, 1979 г.) обломан с одного конца, а другой конец аккуратно отпилен по всей окружности кости.

Фрагмент проксимальной части правого ребра детеныша (яма 9, П/№ 36, 1985 г.) длиной 11,2 см обломан по поперечному надрезу по внешней поверхности.

Проксимальная часть левого ребра половозрелой особи (П/№ 37, кв. 22-С, 1985 г.) длиной 21,2 см была обломлена по спилу, затрагивающему ½ диаметра кости.

Дистальная часть правого ребра детеныша с кв. 25-К 1977 г. длиной 16,5 см обломана по линии спила, захватывающей ½ часть окружности кости (цв. илл. XIII, *2A*). Непосредственно около самого конца есть еще одна круговая линия спила, по которому облом произведен не был. Поверхность выскоблена. Поверхность кости выветрена, эродирована.

У трех других артефактов дистальные части были отломлены по линии спила, затрагивающего всю окружность кости. Это выветренная и эродированная дистальная часть правого ребра детеныша (яма 5, кв. 28-Р, 1979 г., П/№ 5) длиной 15,3 см (цв. илл. XIII, *2C*). Дистальная часть правого ребра половозрелой особи из ямки 1 (кв. 25-Л/М, 1977 г.) длиной 16,3 см (цв. илл. XIII, *2D*). На внутренней и наружной поверхностях этого предмета сохранились следы выскабливания, а в центральной части – с обеих сторон есть пятна лоска и эрозия от воздействия кислотами корней растений. Третий предмет: отпиленная дистальная часть фрагмента ребра детеныша (П/№10, яма 5, кв. 28-Р, 1979 г.) длиной 11,2 см (цв. илл. XIII, *2B*). На ее поверхности также присутствуют следы скобления при удалении мягких тканей.

Изделия из ребер мамонта

Имеются три ***землекопных орудия***.

Первое (1977 г.) (цв. илл. XV, *2*) представляет собой среднюю часть ребра половозрелой особи длиной 9,3 см, шириной 2,9 см и толщиной компактного

слоя 0,5–0,7 см. С проксимального края кость обломана, отсутствует продольный фрагмент (современные изломы). На дистальном конце было преднамеренно, с помощью строгания, оформлено скошенное относительно продольной оси изделия рабочее лезвие. Подправленный край имеет слегка вытянутую совковидную форму. На рабочем лезвии есть следы его использования в качестве землекопного орудия: рабочая поверхность истерта. Образовавшаяся поверхностная матовая заполировка покрывает узкую полосу (ширина – 0,1 см) кромки рабочего лезвия. Кромка скруглена, с наклоном на спинку. На торце кромки есть выбоины и поперечные борозды. Предполагается, что подобное изменение рабочей поверхности могло возникнуть при копании-сгребании абразивного сухого материала, например супесчаного грунта.

Второе изделие (яма 4, кв. 25-С, 1979 г.) выполнено из дистальной части ребра мамонта (цв. илл. XIII, *1С*). Его длина – 48,0 см. Отколота проксимальная часть ребра от уровня реберного бугра. Дистальный конец подправлен для придания лопатковидной формы и истерт. Заполировка не сформировалась. Предположительная функция – копание сухого супесчаного грунта.

Третье изделие (яма 10, кв. 20-П, 1985 г.) выполнено из проксимальной части ребра взрослой особи (цв. илл. XIII, *1В*). Длина – 20,5 см, поперечные диаметры – 3,0 × 2,0 см. Проксимальный конец ребра с головкой обломан. Дистальный конец обломан по неглубокому поперечному надрезу. Противолежащие кромки обоих концов истерты. Не исключается кратковременный износ по абразивному грунту (копание супесчаного материала).

Острия. В коллекции имеется два острия из ребер мамонта.

Первое ***острие из дистальной части ребра*** (яма 1, кв. 25-Л, 1977 г.) имеет длину 17,9 см (рис. 2, *1*). Форма поперечного сечения полукруглая, от 1,15 до 2,45 см в диаметре. С проксимального конца ребро обломано после предварительного поперечного пиления-резания. Дистальная часть заострена. Поверхность участка ребра длиной 6 см от кончика острия слегка заглажена и пигментирована (окислы марганца?). В центральной части тела ребра, вдоль реберной борозды, есть группа поперечных нарезок длиной 0,8 см. Они могут представлять собой порезы, не относящиеся к производству данного орудия. На поверхности сохранились следы выскабливания кости, особенно ближе к острому концу. Кончик острия скруглен и стерт. Есть встречные заусенцы, возникновение которых можно связать с проникновением в контактный материал. На расстоянии 3,5 см от кончика заметны жирная заполировка и многочисленные длинные продольные и поперечные короткие царапины, видимые при увеличении. Невозможно точно установить функцию данного изделия, поскольку на нем наблюдается воздействие разных контактных материалов. Возможно его использование как колышка для растяжки шкур (?).

Второе острие из сильно выветренного ребра мамонта (кв. 24-К, 1977 г.), сделано из крупного фрагмента дистальной части (рис. 2, *2*). Длина – 33,8 см, максимальный поперечный диаметр – 3,4 см. Заготовка из продольно расчлененного ребра была дополнительно расколота продольно одним сильным ударом. Проксимальный конец неровно обломан по надрезу. Острие заглажено и сильно истерто в результате использования. Технологические следы изготовления отсутствуют. Торец острия покрыт поверхностной матовой заполировкой,

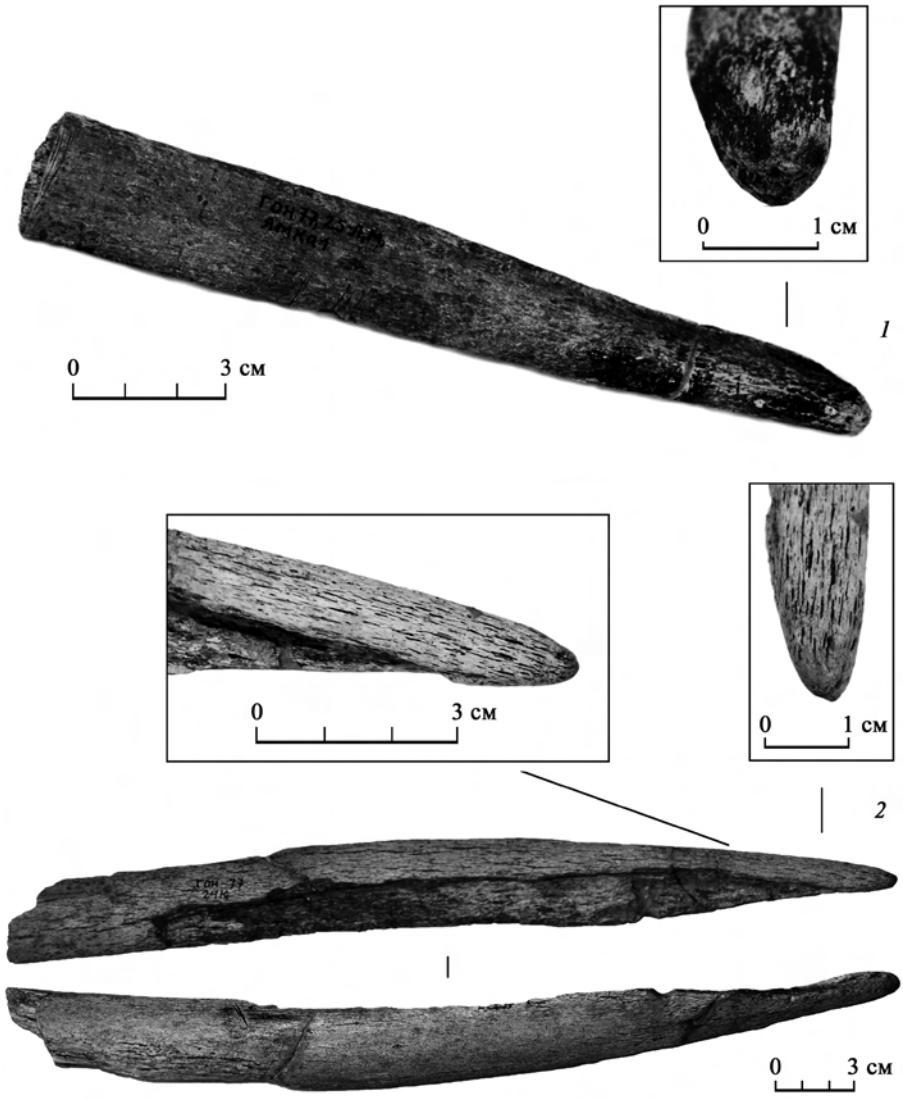

Рис. 2. Стоянка Гонцы. Острия из ребра мамонта
(выделены концевые части со следами использования)

рассеивающейся по мере удаления от кончика. Протяженность этой зоны достигает 4 см. Описанные признаки характерны для контакта с грунтом. Возможно, что этот фрагмент ребра служил колышком или клином. Хорошо сформировавшаяся заполировка указывает на контакт с талым грунтом или снегом.

Следы использования и морфология обоих предметов указывают на сходное назначение. Однако, судя по различию в интенсивности и характере следов использования на этих орудиях, не исключено, что их функциональное назначение в чем-то различалось.

Изделия с нарезками. Выделено два изделия с нарезками из ребер шерстистого мамонта.

Первое выполнено из дистальной части ребра половозрелой особи (яма 10, кв. 19-О, 1985 г.) (рис. 3, *4*). Длина – 15,3 см, поперечные диаметры: 2,9 и 0,8 см. На поверхности фиксируются следы выскабливания. Оба конца ребра отпилены. Линия резания-пиления с одного конца затрагивает всю окружность кости, с другого – около половины окружности. На внутренней поверхности ребра фиксируется серия из 7 поперечных надпилов длиной около 0,9 см, но возможно, что какая-то часть надпилов не сохранилась. Первый след от пиления расположен на расстоянии 3 см от конца с полукруговым спилом, далее следуют остальные с интервалом 0,8 –1,0 см.

Второе изделие выполнено с применением аналогичных технических приемов (рис. 3, *3*). Для него использована пластина, полученная из средней части ребра мамонта (кв. 25-К, 1977 г.). Длина предмета – 8,35 см, поперечные диаметры – 2,3 и 1,3 см. На внешней поверхности расположено 6 нарезок, выполненных углом проксимальной части и боковым лезвием кремневого орудия. Три линии расположены в центральной части на расстоянии 0,4 см друг от друга. Следующая прорезана на расстоянии 1 см справа, и далее следуют еще 2 линии на расстоянии 0,9 и 0,2 см. Обе боковые грани ребра покрыты насечками, которые группируются по две. Семь пар с одной стороны, четыре – с другой (рис. 3, *3*). Они располагаются симметрично напротив друг друга. Насечки выполнены боковой кромкой кремневого орудия. Вдоль внутренней поверхности ребра с края видна полоса заполировки шириной около 0,5 см, захватывающая торцовую плоскость (рис. 3, *3А*). Границы заполировки четкие. Эта жирная, проникающая заполировка возникла от долговременного контакта со свежей кожей. Основная рабочая зона – торцовая грань фрагмента ребра. Указанные изменения могли возникнуть при движениях, разглаживающих кожу.

Фигурные изделия неясного предназначения из ребер мамонта. Первое изделие изготовлено из поперечно вычлененной пластины ребра (кв. 25-Н, 1977 г.) (цв. илл. XIV, *1*). Размеры: 10,9 × 2,15 × 0,9 см. Концы пластины отпилены (техника пиления-резания), но из-за условий сохранности изломы нечетки. С другого конца обе грани ребра симметрично срезаны на длину до 6 см. Следов износа нет.

Второе изделие (яма 1, кв. 25-Л/М, 1977 г.) выполнено из дистальной части правого ребра. Размеры 18,4 × 2,1 × 1,0 см (цв. илл. XIV, *2*). Проксимальная часть ребра аккуратно отпилена по окружности кости (техника резания-пиления). Дистальная часть ребра в технике «скобления с нажимом» оформлена в фигурную часть – «головку». Следов износа нет.

Скол с ребра мамонта с износом. В яме 1 на кв. 25-Л/ М в 1977 г. найдено орудие, основой для которого послужил скол ребра мамонта (рис. 1, *1*). Более вероятно, что это продукт поперечного раскола крупного ребра. Размеры изделия: 6,1 × 3,0 × 1,9 см. Дугообразная кромка осколка сглажена и скруглена с переходом на спинку. Угол между внешней поверхностью кости и поверхностью брюшка в рабочей части около 40°. Характер фиксируемых изменений кости

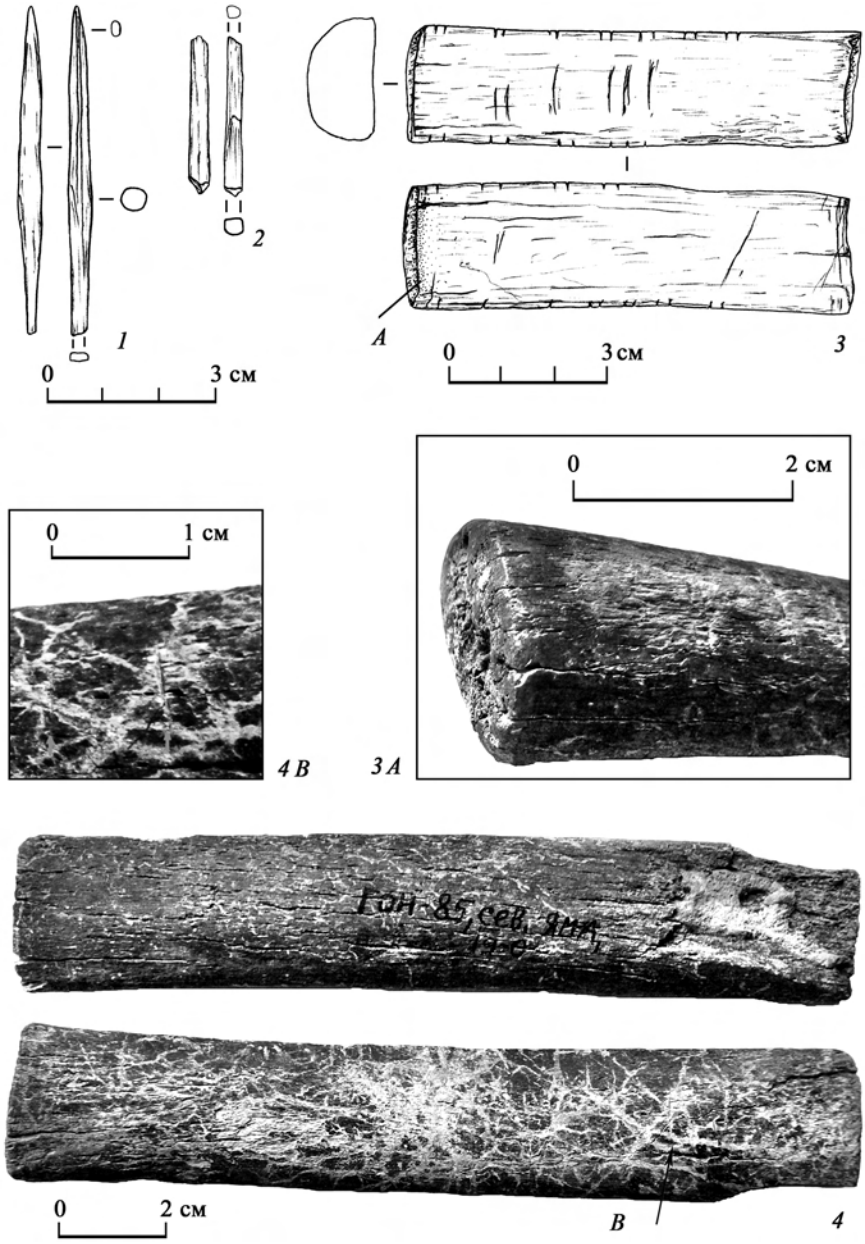

Рис. 3. Изделия стоянки Гонцы

1 – короткий наконечник – «стрелка»; *2* – фрагмент острия; *3* – прорисовка ребра с нарезками; *3а* – срез концевой части ребра со следами износа; *4* – фрагмент ребра с нарезками; *4В* – участок с нарезками

предполагает кратковременное использование предмета как скребка / грабалки. Консервирующее вещество, которым была обработана кость, не дает возможности более точно сказать о контактном материале.

Обсуждение данных об использовании ребер мамонта для производства костяного инвентаря

Тип и характер обработки ребер мамонта стоянки Гонцы имеет прямые аналоги в костяной индустрии поселения Межирич. В Межириче также наблюдается подбор пластин из отрезанных дистальных частей ребер и отделенных от средних частей тела ребра пластин (*Пидопличко*, 1976).

В Межириче имеются аналоги обоим предметам из ребер с фигурным оформлением, представленным в Гонцах (Там же. Рис. 71; 72, *2*). Заслуживает внимания предположение И. Г. Пидопличко, что ребра с фигурной головкой могут быть заготовками к охотничьим снастям или сторожкам. Наблюдаются и сходно выполненные острия со следами их употребления, предположительно, как кольев (Там же. Рис. 73, *3*). И. Г. Пидопличко отметил «сильную зашлифованность одной из конечных частей и заглаженность поверхности среза» на обрезанной средней части ребра (Там же. С. 185). Согласно И. Г. Пидопличко, они могли использоваться при обработке шкур. Аналогичные следы использования описаны в данной работе у ребра с нарезками (рис. 3, *3*).

Что касается скребков из кости, то в их функции в Межириче использовались осколки диафизов длинных костей конечностей (*Пидопличко*, 1976), а в Елисеевичах – бивневые сколы (*Хлопачёв*, 2006).

Обработка длинных костей конечностей

Одним из важных видов сырья для производства изделий были длинные кости конечностей разных млекопитающих. Приемы их обработки могут быть сходны, но длинные кости хищников, зайцев и птиц, в отличие от костей более крупных млекопитающих, благодаря относительно небольшой толщине компактной части диафиза, не требовали значительной предварительной подготовки к обработке. Кости с толстым компактным слоем, как правило, предварительно подвергались размягчению, оббивке, многоступенчатому расщеплению и пр. Поэтому в данной работе обработка длинных костей млекопитающих разного размерного класса рассматривается отдельно.

Обработка длинных костей конечностей млекопитающих размерного класса заяц-песец и птиц

В коллекции представлено 22 предмета, демонстрирующих разные этапы изготовления и использования изделий из длинных костей млекопитающих данного размерного класса. Большинство их относится к остриям. К отходам

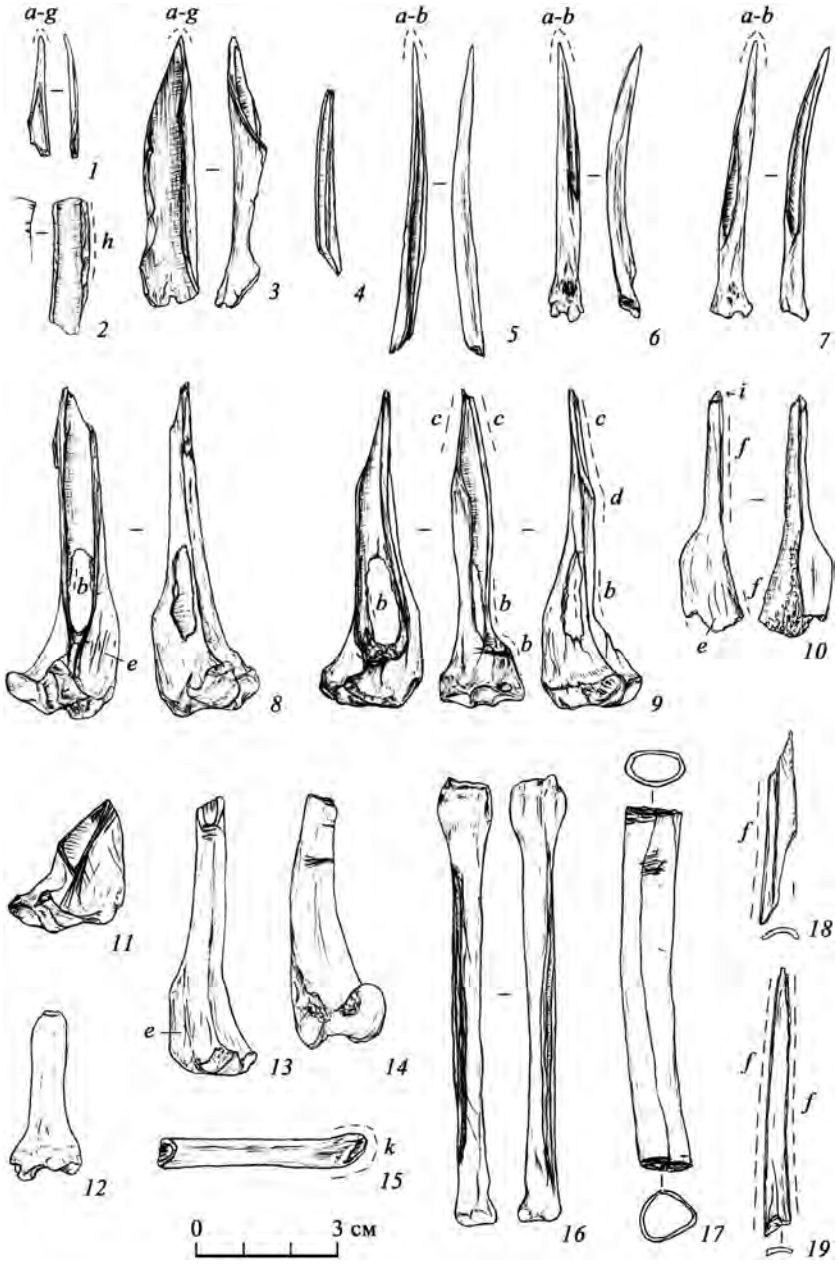

Рис. 4. Стоянка Гонцы. Обработанная кость

1 – острие из рога; *2–19* – изделия из кости мелких по размерам животных
Условные обозначения: *a* – следы износа, указывающие на прокалывающую функцию; *b* – контакт с кожей, шкурой; *c* – контакт с растительным материалом; *d* – «смешанная» заполировка; *e* – следы снятия надкостницы; *f* – следы продольного резания резцевидным лезвием каменного орудия; *g* – контактный материал неопределим; *h* – скобление; *i* – пиление; *k* – след от контакта с грунтом

производства или обломкам заготовок может быть отнесено 11 фрагментов костей.

Поперечное расчленение длинных костей производилось в технике *пиления* кромкой бокового лезвия каменного орудия. Фиксируется как аккуратное пиление по всей окружности кости, так и поперечный слом по неглубоким коротким надпилам (рис. 4, *11–14*). Выбор зависел от варианта изготовляемого орудия. Только в одном случае были зафиксировано *поперечное резание* – при изготовлении игольника из диафиза длинной кости птицы (бедренной / плечевой?), когда оба конца были аккуратно отрезаны. Видимо, была выбрана самая широкая в поперечном сечении часть диафиза (рис. 4, *17*; цв. илл. XV, *1C*). Линии резания затрагивали всю окружность кости, осталось много побочных царапин. Кость была прорезана почти на всю глубину компактного слоя.

Продольное резание длинных костей песца и зайца производилось острой кромкой каменного орудия (углом пластинки или микрорезца?).

В этом плане показательна лучевая кость песца со следами продольного резания (кв. 26-Н, 1977 г.) (рис. 4, *16*; цв. илл. XV, *1G*). Данный предмет отражает технологию производства игл и игловидных предметов. Длина – 9,0 см. Обратим внимание на то, что ни один из концов кости предварительно не отчленялся. На передней и задней поверхностях диафиза лучевой кости песца, ближе к боковой грани, с одного конца к другому резцевидным острием каменного орудия проделаны противолежащие продольные пазы. Длина их – 6 см. В средней части они сходятся, образуя продолговатые отверстия. Для извлечения основы будущей иголки или игловидного острия оставалось только выломать образовавшуюся тонкую пластинку. Размеры предполагаемой заготовки – 6 × 0,15 × 0,2 см. Концы ее сужены.

В коллекции 1970–1980-х гг. игл нет, но в материалах раскопок В. Щербаковского (1919 г.) встречена игла с отверстием длиной 5,5 см и толщиной 0,1 см.

Несколько предметов из длинных костей конечностей могут быть связаны с производством острий.

Три представляют собой фрагменты пластинок из стенок диафиза длинных костей (рис. 4, *18, 19*), обломанные с обеих сторон. Заготовки получены с помощью прорезания двух пазов (double grooves) острой кромкой каменного орудия. Первая пластинка (кв. 26-Л, 1977 г.) длиной 5,6 см, шириной 0,2–0,6 см, толщиной стенки кости 0,01 см. Вторая – длиной 4,0 см, шириной 0,6 см, толщиной 0,01 см (кв. 25-К, 1977 г.). Обломком готового изделия или заготовки может быть еще один пластинчатый фрагмент стенки диафиза длинной кости (длина – 2,9, ширина – 0,75, толщина – 0,01 см) со следами строгания и заглаживания на одной из боковых кромок (рис. 4, *2*) (отвал раскопа 1977 г.). Короткие поперечные насечки технологического происхождения расположены на противоположной кромке.

Проксимальная часть плечевой кости зайца длиной 7,3 см (кв. 26-Л, 1977 г.), обломанная по коротким надпилам вблизи эпифиза, также может быть связана с производством острий.

Две большеберцовых кости зайца, найденные в 1977 г. (одна длиной 4 см из ямы 1, вторая – 5,8 см), были переломлены по коротким поперечным надпилам, располагавшимся примерно в центре диафиза (рис. 4, *12–13*). Получившаяся заготовка была недостаточно длинной для изготовления острия, поэтому такое

разделение кости, скорее всего, предназначалось для чего-то другого. На втором фрагменте (рис. 4, *13*) сохранилось много побочных коротких нарезок, расположенных близко к излому, следы выскабливания при удалении мягких тканей. Также фиксируются повреждения корневой системой растений.

В 1985 г. на кв. 22-С (П/№ 78) был найден обломанный по небольшому надпилу проксимальный конец большой берцовой кости песца длиной 4 см, на поверхности которого остались продольные царапины от скобления.

К этой же группе заготовок / отходов производства относится и отпиленная проксимальная часть плечевой кости зайца с кв. 28-С 1978 г. (рис. 4, *14*). Поверхность кости повреждена корневой системой растений. Линия пиления затрагивает всю окружность кости, осталось много побочных следов. Длина предмета – 5,5 см. На расстоянии 1,4 см от излома расположена группа из глубоких поперечных коротких нарезок (цв. илл. XVII, *5*). Они выполнены более грубым режущим острием, чем все остальные следы резания из Гонцовской коллекции.

Особым образом отпилена проксимальная часть большой берцовой кости зайца длиной 2,7 см с кв. 26-Л 1977 г. Излом прошел по 3 линиям пиления с большим количеством побочных следов. Они располагаются наклонно относительно продольной оси изделия и создают скошенный срез, который обычно не практиковался при вычленении игольников или пронизок (рис. 4, *11*; цв. илл. XV, *1F*). Созданный угол среза не подходил и для последующего изготовления острия. Интересно, что на поверхности фрагмента кости остались продольные царапины от выскабливания при снятии надкостницы, так как кость преднамеренно подготавливали для поделочных работ.

В коллекции всего два предмета, для которых использованы длинные кости конечностей птиц. Кроме игольника, к ним относится отпиленный фрагмент длинной кости размерами 0,9 × 0,6 см из отвала раскопа 1977 г.

На этапе заключительного формообразования применялось *строгание*.

Изделия

Выше уже упоминался ***игольник,*** из средней части диафиза длинной кости конечности птицы (кв. 27-Л, 1977 г.). Его длина – 7,5 см, а максимальный поперечный диаметр – 1,0 см (рис. 4, *17*; цв. илл. XV, *1C*). На поверхности сохранился небольшой участок со следами продольного выскабливания. Плоскости изломов и прилегающая узкая зона (до 0,01 см) слегка заполированы. Предположительно, предмет был в употреблении. Заполировка жирная, проникающая, от контакта с кожей. Изделие покрыто темно-бурым пигментом (окислы марганца?). Изделие состоит из двух продольных фрагментов, склеенных в настоящее время. Аналогичные игольники широко распространены на памятниках верхнего палеолита.

Фрагмент со следами износа. На обломанном со всех сторон диафизе длинной кости конечности млекопитающего размерного класса песец-заяц (возможно, лучевой кости песца) из засыпи раскопа 1977 г. сохранились следы использования (рис. 4, *15*; цв. илл. XVII, *6*). Длина предмета – 4,3 см. Поперечные диаметры – 0,7 и 0,5 см. С обоих концов фрагмент обломан. На одном из них видна зона износа в виде интенсивной затертости, распространяющейся на расстояние

от края излома на 1,5 см. Ближе к краю излома есть микроучастки с выраженной матовой заполировкой, сглаживающей рельеф поверхности кости. Цвет кости в зоне износа осветлен. Подобные изменения могла вызвать работа, связанная с трением о влажный, супесчаный грунт (растирание?).

Все остальные изделия относятся к категории **острий**. Их 8 экз. В качестве сырья для них использовались преимущественно большие берцовые и лучевые кости зайца и песца, реже локтевые или плечевые. Рукояточную часть острия образуют эпифизы без дополнительной обработки.

Острие практически во всех случаях сформировано с помощью двух параллельных *прорезанных* пазов, идущих наискось от дистальной к проксимальной части кости. Резание производилось острой кромкой каменного орудия (углом пластинки или микрорезца?). Возможно, противоположный эпифиз мог заранее отламываться по небольшим надпилам. Но также не исключено, что кость делилась на две части с помощью двойного продольного резания.

Первая группа острий выполнена из лучевых (?) костей зайца и песца. Большинство предметов можно определить как ***шилья*** (острия, у которых не выделено жальце и присутствует рукояточная часть).

Из них 2 целых изделия и 2 фрагмента (рис. 4, *4–7*). В качестве рукояточной части оставлялся дистальный эпифиз. Технологические следы резания сохранились преимущественно на участках, расположенных ближе к эпифизу, на остальной части они сняты последующим скоблением-строганием и заглажены в результате использования. Следы завершающего строгания сохранились около кончиков острий. На сохранившихся кончиках острий сформировалась интенсивная зона износа *от прокалывания ими тонких кож*: заполировка жирная, проникающая, осветляющая. По мере удаления от кончика она рассеивается (рис. 4, *6, 7*; цв. илл. XVII, *4А, 4В*). На предметах фиксируются пятна лоска, возникающие при соприкосновениях с руками.

Первое *шильце* из дистальной части лучевой (?) кости (заяц, песец?) длиной 5,5 см найдено в 1977 г. на кв. 26-О (рис. 4, *6*). Острие выполнено с помощью двух продольных пазов длиной около 4,5 см, направленных наискось к продольной оси диафиза. Около эпифиза расположено отверстие (по происхождению, видимо, естественное). Рабочая часть острия подправлена строганием. На внутренней поверхности жала следы длинных продольных царапин. Кончик острия скруглен вследствие износа. Максимальный износ захватывает 0,1 мм.

Второе *шило* из дистальной части лучевой (?) кости (песец-заяц) длиной 5,7 см было найдено в 1976 г. на кв. Л-4 (полевой номер 9). Оно выполнено полностью аналогично первому (рис. 4, *7*). Кончик острия подправлен скоблящими движениями и скруглен вследствие износа. Максимальный износ захватывает 0,1 мм.

Фрагмент *шила* из диафиза малой берцовой или лучевой кости (песец-заяц) длиной 6,5 см обнаружено в засыпи раскопа 1977 г. (рис. 4, *5*). Основание обломано в древности, после чего, судя по затертости кромок изломов, изделие продолжало использоваться. Острие соответствующе выполнено с помощью двух диагональных прорезанных пазов длиной не менее 6,5 см. Кончик острия подправлен в технике скобления. На нем сформировалась интенсивная зона износа. Полоса заполировки захватывает 0,18 см, по мере удаления от кончика

рассеивается. Грани пазов также заглажены из-за длительного использования предмета (пятна лоска от рук, контактного материала).

Последний фрагмент *шила* из этой группы длиной 4,0 см выполнен из дистальной части длинной кости конечности (локтевая или лучевая) песца (рис. 4, *4*). Он также был обнаружен в засыпи раскопа 1977 г. Следы прорезания пазов видны до кромок излома основания. В древности обломан и кончик острия. Поверхность сильно повреждена корневой системой и эродирована. От кончика отходит продольная царапина. Возможно, это след от скобления острия.

Два других ***острия (шилья?) с отверстием в рукояточной части*** изготовлены из больших берцовых костей зайца и песца (рис. 4, *8, 9*). Оба предмета фрагментированы, и в обоих случаях фиксируется прорезание двух продольных пазов острием каменного орудия. Длина пазов более 5 см. Но в отличие от пазов на шильях первой группы, здесь они расположены на большем расстоянии друг от друга. Длина пазов около эпифиза ограничена с помощью поперечного пиления. На одном шиле (рис. 4, *9*) видно, что нарезка вторична по отношению к пазу. На другом изделии нарезка расположена на небольшом расстоянии от паза и, соответственно, предшествует его производству. Это свидетельствует о том, что мастер опасался повредить рукояточную часть, которая несла функциональную нагрузку. В качестве рукояточной части оставлен проксимальный конец кости. Основное отличие данных изделий – это преднамеренно пробитые в диафизе ближе к его проксимальному концу овальные отверстия размерами 1,8 × 0,6 см (цв. илл. XV, *1В*). Линия излома внутри отверстий неровные, с поперечными трещинами. Ее характер говорит о том, что края отверстия могли доламываться уже в ходе использования предмета. Грани изломов на некоторых участках немного стерты от контакта с твердым материалом. На участках, близких к тонкой перегородке, они покрыты пятнами жирной проникающей заполировки.

Характеристика острий (шильев?) с отверстием в рукояточной части

Первое *шило*, обломанное, длиной 7 см, выполнено из большой берцовой кости песца, найдено в засыпи раскопа 1977 г. (рис. 4, *8*; цв. илл. XV, *1А*). Кончик острия обломан в древности. Слом произошел после того, как кость была разрезана по диагонали с помощью двух прорезанных пазов длиной более 5 см. Ближе к эпифизу преднамеренно пробито отверстие размерами 1,8 × 0,6 см. Образовавшаяся узкая костяная перегородка покрыта пятнами жирной «шкурной» заполировки.

Второе *шило* из проксимальной части большой берцовой кости зайца длиной 6,6 см (кв. 28-Л, 1977 г.). Кончик острия обломан в настоящее время. Кость была расчленена аналогично первому с помощью двух прорезанных пазов длиной более 6 см. Ближе к эпифизу преднамеренно пробито отверстие размерами 1,8 × 0,6 см. Края отверстия были доломаны из-за вставления в него твердого узкого предмета. Около отверстия, под эпифизом, есть царапины от выскабливания поверхности при очистке от мягких тканей. В верхней части и сбоку, ближе к образовавшейся узкой костной перегородке, грани излома вокруг отверстия слегка затерты и покрыты пятнами «шкурной» заполировки. Поверхность костной перегородки немного заглажена (цв. илл. XV, *1В*). Следы износа покрывают и другие участки изделия.

На сохранившемся фрагменте острия (до плечиков) зеркальная, сглаживающая рельеф заполировка покрывает 0,2 см кончика сохранившегося жала, далее рассеивается, фиксируясь преимущественно на плоскости прорезанных пазов. Технологические царапины от резания на этом участке полностью заглажены, а желтый цвет кости немного темнеет и становится более насыщенным (результат механического трения по поверхности кости). Данный вид заполировки мог образоваться от контакта с тканями растительного происхождения. Плечики проколки покрыты «шкурной» заполировкой, на стыке с жалом она смешивается с «растительной». На гранях пазов сохранились слабые следы смешанной заполировки в виде отдельных пятен. Грани поперечного излома на эпифизе покрывает интенсивная, проникающая, «жирная», шкурная заполировка. Плоскость излома поперечного спила такая же заполировка, заходящая на поверхность эпифиза на 0,2 см. Технические, морфологические и трасологические характеристики свидетельствуют о том, что данные изделия могли использоваться как часть какой-либо крепежной конструкции. Острие было воткнуто в растительный материал, а какая-то стержевидная деталь была продета в отверстие. Происхождение «шкурной» заполировки неясно. Лоск мог возникнуть и от рук, и от кожаного шнура, которым стержень дополнительно крепился за тонкую костяную перегородку. Он мог появиться и от контакта с материалом (например, шкурой животного), который при помощи этих костей-колышков растягивали. Возможно, что данные острия использовали в составе какой-то конструкции.

Фрагментом ***острия*** можно считать и локтевую кость зайца со следами обработки (цв. илл. XV, *1D*) длиной 6,5 см. Дистальный кончик обломан. На эпифизе сохранились следы выскабливания поверхности кости. В центральной части предмета есть короткие поперечные насечки. Ближе к облому на вогнутой поверхности острия видны продольные царапины от режущей кромки каменного орудия. В центральной части фиксируются пятна жирного лоска (от рук?). Поверхность острия более сглажена, чем эпифизная часть, поэтому не исключено, что это обломок изделия.

Еще в коллекции присутствует фрагмент ***острия*** из стенки диафиза длинной кости животного. Он был найден под черепом 22 на кв. 25-К в 1977 г. (рис. 4, *3*; цв. илл. XVII, *4C*). Длина предмета – 5,6 см. На 0,15 см кончика острия сохранились следы утилизации – зеркальная, сглаживающая рельеф заполировка. Цвет кости в зоне износа более темный, с желтым оттенком. По мере удаления от кончика заполировка рассеивается. Можно предположить, что данный предмет был использован в течение короткого времени для создания углубления в умеренномягком материале, возможно, растительного происхождения.

Обсуждение данных об изготовлении и использовании острий стоянки Гонцы

По публикации В. М. Щербаковского (*Щербаківський*, 1919), в материалах Гонцов присутствуют около 18 шильев и их обломков[1]. И. М. Гавриленко

[1] Коллекция хранится в Полтавском краеведческом музее, ознакомиться с ней лично пока не удалось.

(2003а) были опубликованы 8 из них, как шилья из разных длинных костей конечностей зайца и песца. Они различаются не только по выбору той или иной используемой длинной кости, но и по комплексу технологических приемов обработки. Одно шило с выструганным жалом выполнено из локтевой кости. Есть шилья из дистальных и проксимальных концов большеберцовых костей, из лучевой кости. К сожалению, несмотря на хорошее качество рисунка, детально определить технологию выполнения каждого предмета невозможно. Но видно, что изготовление разных типов орудий различается. Описывая технологию их изготовления, И. М. Гавриленко совершенно оправданно обращается к работе А. К. Филиппова (1984), установившего по материалам Межирича процесс изготовления шильев из больших берцовых костей. Он полностью соответствует изготовлению шильев из тех же костей в рассматриваемой коллекции, исключая присутствие отверстий.

В целом относительно изделий из длинных костей песца, зайца и птиц в Гонцах можно отметить следующее. Своеобразна техника получения игло видных заготовок без предварительного отпиливания одного из эпифизов. Редкая для палеолитических стоянок Русской равнины технология прорезания пазов на больших берцовых костях песца и зайца при исполнении шильев находит прямые аналоги в материалах Елисеевичей I (личный осмотр) и Межирич. Прием продольного резания длинных костей конечностей животных размерного класса песец-заяц не зафиксирован в Юдиново и на стоянках костёнковской культуры.

Изучение материалов Гонцовской стоянки позволяет сделать заключение, что человеком осознанно использовалось природное разнообразие морфологии костей разных видов животных. Так, выбор определенного вида длинной кости при выполнении поделок учитывает предполагаемую функцию изделия. Поэтому рассматривать все известные типы шильев из длинных костей песца и зайца как аналогичные предметы неверно. Отличия в их изготовлении и выбор разных длинных костей конечностей (передних или задних) млекопитающих размерного класса песец-заяц наблюдаются не только по материалам изученной коллекции. Сравнение острий, выполненных из идентичных костей с разнокультурных стоянок центра Русской равнины, подтверждает разнообразие их технологического исполнения. В Гонцах, например, отсутствуют проколки и плоские острия из стенок диафиза длинных костей северного оленя. А на некоторых памятниках они образуют целые серии, в том числе в бассейне Десны и Дона: в Мезине (*Шовкопляс*, 1965), Быках-1,7 (*Ахметгалеева*, 1999; 2006), Костёнках-4 (личный осмотр), Авдеево (*Gwozdover*, 1995).

В то же время в группе стоянок комплекса Быки, напротив, отсутствуют шилья из длинных костей песца и зайца, за исключением одного изделия из Быков-1 (*Ахметгалеева*, 1999). Отсутствуют в Гонцах и распространенные на памятниках центра Русской равнины шилья из грифельных костей лошади. Но возможно, что отсутствие острий, как и других изделий из стенок длинных костей копытных животных, на стоянке Гонцы объясняется особенностями и спецификой вскрытого участка.

Обработка костей парнопалых млекопитающих

В коллекции 1985 г. представлена группа костей из ямы на кв. 22-Р, ремонтаж которых представляет метаподию (metatarsale) северного оленя со следами преднамеренного раскалывания для извлечения продольных заготовок (цв. илл. XIV, *3*). Реконструированная длина метаподии – 26,4 см. Она собрана из 8 фрагментов (П/№ 29, 51, 52, 55, 57, 58). Первоначально кость была поперечно расколота в целях извлечения костного мозга. Тогда же был отколот нижний эпифиз. Затем длинная часть преднамеренно была расколота продольно, а направление разлома программировалось созданием предварительного неглубокого паза. Следы продольного резания, по которым проходит трещина разлома, сохранились на самом крупном фрагменте с проксимальным эпифизом.

Обработка и использование длинных костей конечностей шерстистого мамонта

В коллекции представлены фрагменты длинных костей, которые указывают на их преднамеренное раскалывание. Так, в 1977 г. в яме 8 на кв. 29-М был найден фрагмент продольно расколотой стенки (П/№ 16), грани которой были подправлены строганием, после чего осталась характерная бугристость. Характер изломов на фрагменте стенки диафиза длинной кости мамонта размерами 5,2 × 5,2 × 2,8 см из ямы 9, кв. 22-С раскопок 1979 г. также свидетельствует о преднамеренном раскалывании кости. Кроме того, имеется еще четыре предмета из расколотой стенки диафиза со следами их дальнейшего использования.

Остроконечный предмет (П/№147, кв. 28-Ж, 1977 г.) из крупного фрагмента стенки диафиза длинной кости мамонта (цв. илл. XIV, *4*). Выполнен из преднамеренно полученного продольного скола. Его длина – 18,2 см, ширина – 4,05 см. Возможно, внутренняя поверхность обработана скоблящими движениями. Уверенно о последнем сказать нельзя, так как не исключена возможность биотических повреждений. Острый кончик скруглен и истерт на торце, фиксируются выбоинки, линейные следы идут продольно оси изделия. На расстоянии 2,2 см от кончика, на гранях фрагмента, фиксируется заглаженность и поперечные микро царапины. Следы износа указывают на возможный недолговременный или неинтенсивный по кинематике контакт предмета с грунтом. Внешняя поверхность изделия покрыта косыми глубокими (до 0,2 см) бороздами шириной около 0,3 см. Формирование их каменным орудием сомнительно. Вероятнее, что это повреждения биотического характера, возникшие до раскалывания кости.

Второй предмет (П/№ 17, яма 9, кв. 21-С, 1985 г.), известный в научной литературе под названием «***чашка-светильник***» (рис. 1, *2*). Это фрагмент проксимального эпифиза правой плечевой кости половозрелой особи, видимо самки, полностью приросший к диафизу. Судя по повреждениям, можно предположить его преднамеренное отделение от диафиза, что было сопряжено с определенными трудностями из-за полного прирастания эпифиза и облитерации эпифизарного шва. На губчатой массе видны следы обжига. «Чашки-светильники»

из верхних эпифизов головок бедренных костей мамонта, специально отделенных от эпифизов в древности, были описаны И. Г. Пидопличко (1976) в Межириче. И. Г. Пидопличко тогда же выдвинул предположение, основанное на экспериментальных работах, о функции данных предметов.

Использование костей черепа, таза и лопатки шерстистого мамонта

Имеющиеся в описываемой части остеологической коллекции Гонцов материалы позволяют судить об использовании только некрупных фрагментов этих костей. Они являются приспособлениями для каких-то видов хозяйственной деятельности или представляют собой остатки орудий. Их пять экземпляров.

На поверхности фрагмента заднего края лопатки (кв. 21-У, 1985 г.) длиной 8,2 см расположены две овальных истертых вогнутых зоны со следами износа от выбивания или растирания (?) какого-то материала (рис. 1, *5*). На обратной стороне фиксируется истертость с линейными следами и царапинками в продольном направлении. Более острый конец фрагмента немного скруглен из-за того, что с этого края был обрезан. На поверхности фиксируются следы окатанности, эрозии, выветренности.

Второй фрагмент плоской (?) кости с износом (яма, кв. 19-Т, 1985 г.) сильно отличается по степени фоссилизации от других костей коллекции (рис. 1, *4*). Имеет выраженное рабочее лезвие. Длина предмета – 4,3 см. Максимальная ширина рабочего лезвия – 2,6 см, толщина – 0,7–0,9 см. С более узкого края фрагмент обломан в древности (излом по свежей кости). С другого края кромки более ровные и немного скругленные. Возможно, с этого края в древности он был обрезан. Внутренняя поверхность фрагмента эродирована, истерта. Вдоль обрезанного края фиксируется полоса матовой, поверхностной, истирающей заполировки шириной около 1,3 см. Торец заполировкой не затронут. Линейные следы продольны по отношению к оси изделия. На выпуклых участках заполировка сформирована лучше, но она проникает и на вогнутые участки. Можно предположить использование данного фрагмента при растирании умеренномягкого материала (грунт?). Следует отметить, что на поверхности кости зафиксированы также небольшие выбоины. Заполировка по отношению к ним вторична. Во время образования выбоин кость могла быть немного размягченной. Выражена полифункциональность предмета. Видимо, фрагмент или кость до ее откалывания использовались и для иных целей, например в качестве подставки при работе.

Два следующих предмета являются частями от черепа взрослой особи мамонта. Это левый и правый обломки альвеолярного отростка верхней челюсти (яма 10 кв. 19, 20-О, 1985 г.), формирующих снизу альвеолу постоянного бивня половозрелой некрупной особи мамонта (цв. илл. XVIII, *2*). Оба фрагмента были отделены от черепа преднамеренно. Изломы кости показывают слом сухой (лежалой) кости. На поверхности левого фрагмента есть длинные беспорядочно пересекающиеся нарезки на расстоянии друг от друга 0,3–0,5 см. Они произведены боковым лезвием каменного орудия, вероятно, в результате использования

кости в качестве подставки. Обе кости выветрены в равной степени, и их отбор, помещение в яму не был случайным.

Единственный фрагментом, указывающим на обработку плоских костей мелких животных, обломок изделия из левой лопатки млекопитающего размерного класса песец-сурок-заяц длиной 3,9 см (яма 5, кв. Р-28, 1979 г.) (рис. 4, *10*). Кость с одного края продольно обломлена по линии резания, нанесенной резцевидной кромкой каменного изделия. Излом на тонком конце свидетельствует о его поперечном пилении.

Обработка бивня шерстистого мамонта

Предметов из обработанного бивня мамонта 9. По ним можно охарактеризовать ряд технологических приемов обработки бивня в Гонцах. Но, вероятно, есть приемы, о которых мы не знаем.

В коллекции присутствуют ***три продольно расщепленных бивня*** взрослых особей. Они представляют собой альвеолярную, концевую и среднюю части бивней.

На плоскости продольного излома альвеолярной части бивня длиной 39,5 см и максимального диаметра 6 см из раскопок 1985 г. (цв. илл. XVI, *1*) наблюдаются следы в виде тонких волокнистых линий, которые расходятся от пульпарной полости к краям расколовшегося бивня, что означает естественное продольный разрыв бивня вследствие потери влаги при низких температурах. Нахождение расщепленных естественным путем бивней в жилом комплексе не исключает их преднамеренный отбор.

Самый крупный фрагмент продольно расколотого бивня длиной 65 см, максимальный диаметр – 9,5 см (цв. илл. XVI, *4*). Он составляет приблизительно половину от общего объема от продольного расколотого бивня. Боковые кромки бивня выкрошены.

Третий фрагмент длиной около 33 см (цв. илл. XVI, *3*). На одной боковой кромке бивня есть выкрошенность, царапины и выломы (следы применения клина?).

Практически у всех фрагментов бивней наблюдается расслоение по конусам нарастания вещества бивня. Подобное расслоение характерно при быстром высыхании бивня и при разложении (окислении кислородом воздуха) органической компоненты, входящей в состав вещества бивня. Но это могло произойти и после их первичного расщепления. К сожалению, на бивнях фиксируются современные и «сухие» изломы концов, поэтому техника поперечного расщепления не ясна. Рассматривая вопрос об использовании трещиноватого сырья, в каждом случае необходимо учитывать наличие или отсутствие обработанных отслоившихся плоскостей.

О знании техники поперечного членения бивня с использованием рубящих ударов свидетельствует ***заготовка цилиндрической формы*** из средней (не альвеолярной) части бивня взрослого мамонта из ямы 9 1980 г., кв. 22-Р (рис. 1, *3*). Ее длина – 16,5 см, диаметр – 2,45 см, один конец заужен. Важно, что использован продукт естественного расщепления бивня. С одной стороны серией рубящих

ударов, формирующих конусовидную плоскость излома, был создан широкий и глубокий круговой паз. По нему бивень был обломан. С другого конца следов подготовки разлома нет, негатив разлома скошенный. На поверхности заготовки сохранились следы скобления и остатки глубокого паза, указывающие на извлечение более узкого стержня из той части, которая была отчленена от фрагмента.

С технологией изготовления ***острий из бивня*** мамонта связаны 5 предметов. Еще два стержневидных острия из бивня мамонта описаны ранее по раскопкам В. М. Щербаковского (*Гавриленко*, 2003б).

Сохранилась ***стержневидная заготовка для наконечника*** из бивня мамонта (кв. 26-Л, 1977 г.) длиной 19,2 см, шириной 0,75 см, диаметром 1,2 × 0,8 см (цв. илл. XVI, *1*). В сечении она в нижней и центральной части овальная, ближе к острию трапециевидная, округлая у кончика. Узкая и длинная заготовка была получена с помощью вырезания параллельных продольных пазов (double grooves) глубиной до 1 см из более крупной плоской заготовки. Расстояние между пазами достигает 0,8 см в начале работы и 0,5 см в конце, после вынужденного расширения. Следы продольного резания и конечные участки пазов хорошо видны на предмете. Таким образом, две параллельные плоскости предмета образованы стенками пазов, верхняя и нижняя поверхности – это плоскости первоначальной заготовки. Поверхностный слой бивня отсутствует. Участки нижней грани являются поверхностью отслоившегося кольцевого слоя. Если учесть то, что нижняя грань шире, а на зауженном участке она чуть превышает ширину паза, вероятней видится использование в качестве заготовки продукта расслоения бивня. Сохранились следы скобления-строгания, формирующие округлость сечения. С одного края заготовка сужена, здесь мы наблюдаем стадию формирования острия. Изломы концов – древние изломы бивневой основы.

Стержневидный фрагмент из бивня мамонта (яма 5, 1979 г.; П/№ 13). Его длина – 4,15 см, максимальный диаметр – 0,9 см (цв. илл. XVII, *1*). Он свидетельствует об еще одном технологическом приеме при изготовлении острий. С обоих концов фрагмент обломан, толстый конец сохранил древний излом, образовавшийся при скалывании заготовки. Поперечное сечение предмета сохраняет ее форму. На поверхности заметны следы строгания. На некоторых участках поверхность выскоблена до блеска. Около суженного кончика имеются резкие заломы, оставшиеся от его скобления от кончика к основанию. Обычно подобные заломы остаются тогда, когда острие формируется строгающее-скоблящими движениями с нажимом вдоль стержневидной заготовки, сужающими ее равномерно на определенном участке, по которому кость затем обламывается (*Ledosseur*, 2003). Острие дорабатывается из того фрагмента, на котором скобление направлено от основания к узкой части. В данном случае мы наблюдаем противоположный фрагмент. Нижняя грань кости представляет собой поверхность отслоившегося кольцевого слоя, что подтверждает использование трещиноватого сырья.

В коллекции представлено два острия. Первое ***острие*** (яма 8, кв. 28-З, 1977 г.; П/№ 158) выстругано из продольной стержневидной заготовки (рис. 3, *1*). Его длина – 5,9 см, максимальный диаметр (в средней части) – 0,4 см. Кончик острия сужен равномерно от центра, основание слегка уплощено, сужено и немно-

го обломано в наше время. Кончик острия имеет овальную форму, но сформировавшейся заполировки на нем нет, как и следов преднамеренной абразивной обработки. Экспериментальные работы показали, что округлиться кончик острия мог только при проникновении в контактный материал. В данном случае его установить невозможно, так как использование было кратковременным и не сформировало выразительных следов износа. Обычно аналогичные предметы исследователями относятся к *коротким наконечникам*, некоторые исследователи используют термин «стрелка». Уплощенное основание вполне могло играть роль насада.

Второе ***острие*** из бивня мамонта (ямка 1, кв. 25-М, 1978 г.) длиной 2,9 см и максимальным диаметром 0,35 см выстругано из продольной стержневидной заготовки (рис. 3, *2*). Кончик острия и основания обломаны. Поверхность не заглажена, и следы строгания сохранились. Есть продольная нарезка технологического происхождения.

На основе имеющихся данных можно реконструировать следующий процесс изготовления острия из бивня мамонта. Стержневидные заготовки могли выламываться по пазам из продуктов расслоения бивня. С другой стороны, не исключается возможность изготовления стержневидных изделий из поперечных отщепов или из поверхностных частей бивня. Для этого на небольшом расстоянии (около 1 см) друг от друга вырезались резцевидным кремневым орудием глубокие, почти параллельные пазы, идущие под небольшим наклоном друг к другу, но не смыкающиеся. По этим пазам заготовка выламывалась. Окончательную форму острие приобретало после его выстругивания. Данная технология описана при анализе изготовления узких острий из продуктов расслоения бивня. Например, она известна по материалам стоянок костёнковской культуры (Авдеево, Зарайск). Сходно выполнены и стержни с овальным сечением на стоянке Елисеевичи и Межирич, но бивневые основы у них могут различаться.

Интересный предмет из Гонцов (кв. 26-Л, 1977 г.) имеет аналог в материалах других поселений среднеднепровского типа и известен в палеолитоведении как ***нож***. Он выполнен из поперечного отщепа бивня мамонта (цв. илл. XVIII, *3*). Изделие имеет форму вытянутого изогнутого овала размерами 18,5 × 3,7 × 0,8 см, что соответствует типичным параметрам, но, в отличие от материалов Супонево и Елисеевичей I, в качестве заготовки использована отслоившаяся дистальная, а не проксимальная часть поперечного отщепа. Поверхностный слой дентина не обработан и сохраняет естественную выпуклость, внутренняя поверхность слегка вогнута. Она, как и края изделия, подработана путем скобления-строгания. В 1 см от дугообразной нижней кромки изделие имеет наибольшую толщину. В средней части дугообразной скругленной кромки сохранились следы износа. Центральная часть противоположной кромки немного сглажена. Торец смят, есть микрофасетки, микроцарапины, сохранились мелкие пятна зеркальной заполировки. Предположительно, изделие могло использоваться как скобель по твердому материалу (растительного происхождения?). Но наличие сильной смятости вещества бивня не исключает предваряющих скобление-строгание каких-либо ударных воздействий. Следует отметить, что скалывание отщепа-заготовки без значительной деформации структуры вещества бивня должно

было происходить при очень низких температурах, ниже -20°С (*Хлопачёв*, 2006). Раскалывание бивня (как и удары по рабочей кромке) при плюсовой температуре вызывает сминание вещества бивня.

Обсуждение данных об использовании бивня мамонта. Говоря в целом об обработке бивня мамонта в Гонцах, по имеющимся материалам можно отметить: 1. Использование продольного расщепления бивня на две половины. 2. Сочетание техники скалывания поперечных отщепов и использования свойств трещиноватого сырья. Возможной причиной последнего может быть ограниченное количество свежего бивня и использование костного материала со следами выветривания. 3. Использование поперечных отщепов и наличие в коллекции бивневого «ножа» находит прямые аналоги в материалах стоянок поздней поры верхнего палеолита Супонево и Елисеевичи I.

Обработка зубов бизонов

В коллекции представлены два нижних резца бизона (кв. 23-З, 1979 г.). Оба резца принадлежат разным взрослым особям (цв. илл. XVII, *2, 3*). По степени стертости один может относиться к очень старому животному (старше 12 лет), другой – к особи 6–8 лет. Оба резца имеют кольцевую нарезку в 0,5 см от кончика корня, выполненную по сходной технологии. Линии пиления пересекаются, есть много побочных следов. Предварительной разметки не делалось, поэтому начальная и конечная точки пиления не сошлись и были подправлены дополнительно. По-видимому, желобок пропиливали для крепления зуба в ожерелье. Поверхность одного зуба залощена от длительного контакта с кожей или шкурой (цв. илл. XVII, *2*), второй сильно эродирован (цв. илл. XVII, *3*). Данные предметы находят прямые аналоги в материалах Межирича (*Пидопличко*, 1976).

Обработка рога северного оленя

Об обработке рога северного оленя свидетельствуют только 4 предмета. Два из них, по-видимому, относятся к стадии фасонажа, одно определено как рукоятка, и есть одно острие, предположительно тоже выполненное из рога. Все они происходят из заполнения ям. Технологические следы на роге сохранились несравненно хуже, чем на кости и даже бивне. Они затерты вследствие тафономических изменений.

В одном случае использована часть несброшенного рога, что говорит о возможности использования сырья, полученного в результате охоты. Данный экземпляр представляет собой ***фрагмент лобных костей черепа с приросшей штангой рога и надглазничным отростком*** мелкой молодой особи, скорее всего самки (цв. илл. XVIII, *1В*) (кв. 20-О, 1985 г.). Диаметр розетки рога – 2,15 × 2,0 см. Вся поверхность штанги рога покрыта следами выскабливания. Рог был преднамеренно обломан в древности, часть надглазничного отростка утрачена в настоящее время.

Во втором случае представлена штанга рога (до начала ветвления) взрослой особи с основанием надглазничного отростка (яма 8, кв. 28-З, 1977 г.). Типологически это изделие можно отнести к рукоятям. Диаметр основания ствола рога – около 3,5 см. Рог поперечно отчленен по предварительно прорезанным пазам с использованием дополнительного подрубания (удары по клину, вставленному в паз) у розетки. Зубчатый излом в розеточной части указывает на обработку влажноватого рога. Плоскость верхнего излома ствола скруглена, но не заполирована и не отличается от поверхности соседних участков. Вероятно, это результат предварительного поперечного резания и эродированности вследствие пребывания в грунте. Но не исключено, что это результат трения во время использования (см. ниже). Ствол рога расчленен продольно по двум противолежащим продольным пазам глубиной до губчатой массы (цв. илл. XVIII, *1A*). Излом надглазничного отростка характерен для излома в сухом состоянии. Продольное членение ствола создало удобную плоскость для крепления вкладыша, поэтому не исключено использование данного предмета в качестве рукоятки.

Третий фрагмент рога – это часть штанги с крупным надглазничным отростком (яма 10, кв. 19-О, 1985 г.). Основание штанги отрезано (цв. илл. XVIII, *1C*). Диаметр штанги – 4,1 см. Лопата отростка обрублена. От верхней точки крепления отростка ствол наискось обломлен по предварительно прорезанным пазам с использованием дополнительного подрубания (возможны и удары по клину, вставленному в паз). Следы рубки (три) есть около кромки паза. На участке длиной 2 см основания штанги (цв. илл. XVIII, *1C*) отсутствует губчатая масса, что может быть следствием как тафономических причин, так и преднамеренных действий.

Еще один обломок ***острия*****,** предположительно выполненный из рога, имеет длину 2,5 см (рис. 4, *1*; цв. илл. XVII, *4D*). Из-за небольшого размера и фрагментарности четко установить сырье не удается[2]. Он найден на кв. 26-Л в 1977 г. Технологические следы затерты, но, исходя из формы изломов, можно предположить, что острие было изготовлено из верхнего отдела ствола или отростка с помощью прорезания пазов и последующей подправки скоблением. Кончик острия сглажен. Заполировка не проникающая, матовая, рассеивающаяся по мере удаления от кончика, цвет кости в зоне утилизации имеет более темный оттенок. Интенсивная зона износа занимает 0,15 см кончика. Функция предмета – прокалывание. Контактный материал точно не установлен, но относится к умеренно-мягким, слабо абразивным материалам.

Планиграфическое распределение предметов из обработанной кости

Основу работ 1977–1985 гг. составило повторное изучение объектов, вскрытых и законсервированных В. М. Щербаковским в 1915 и 1916 гг. На месте сохранилась большая часть крупных костей мамонта из конструкций жилища и заполнения ям 4, 5 и 8. Остальные культурные остатки были разобраны. Их

[2] Данное изделие ранее, до фаунистического определения специалистом, проходило в публикации как острие из трубчатой кости (*Сергин, Ахметгалеева*, 2008. С. 62).

выгребли и в промежутках между крупными костями, где это можно было сделать, не стронув кости с места. В ямах наличие большого количества крупных костей создавало препятствие для изъятия мелких предметов. В них мелкие остатки оказались разобранными в основном в верхней трети заполнения, хотя местами, у края, также в средней его части и до придонного уровня.

Небольшой нетронутый участок культурного слоя из раскопок В. М. Щербаковского сохранился лишь в жилище. Его прикрывали плотно сомкнутые крупные кости, лежавшие на полу. Маленькие пятна слоя обнаружились также под черепами и другими крупными костями краевой части жилища. Слой был не вполне добран внутри жилища – у черепов с западной стороны. Несколько находок уцелело в останце под крупным бивнем (в восточной части).

От центральной части жилища к северу проходила разведочная траншея 1914 г. Заплывшая ямка с культурными остатками на кв. 25-М не была обнаружена ею. Дно траншеи не коснулось ямы 10 и окружающей поверхности поселения. За пределами раскопов 1915, 1916 гг. культурные остатки, не считая зольно-угольной массы, располагались разреженно. На многих квадратах находки были единичными или отсутствовали. Концентрации остатков имелись только на участках к северо-западу и северо-востоку от жилища. Указанные обстоятельства позволят правильнее оценить распределение продуктов обработки кости на раскопах 1977–1985 гг.

Готовые изделия, заготовки, отходы производства и фрагменты обработанных костей встречались: в культурном слое внутри и вне жилища, в хозяйственных ямах и в ямке в полу, а также в полостях внутри черепов мамонта. Количественно преобладали предметы из костей животных размерного класса песец-заяц-сурок и из ребер крупных млекопитающих. Острия из длинных костей мелких млекопитающих в основном связаны с жилищем. Два шила найдены на кв. 26-Л и 26-О, одно острие – на кв. 24/25-К, под краем черепа 22, и еще одно – на кв. 24-О. Пятое шило находилось внутри черепа 40 на кв. 28-Л и еще одно острие – в яме 4. В раскопках В. М. Щербаковского (*Щербаківський*, 1919. С. 70) в остатках жилища числилось 21 шило. Вся коллекция шильев из его раскопок составляла 35 экз., причем два шила были найдены в альвеолах бивней черепов мамонтов (*Гавриленко*, 2003б. С. 71, 72). На кв. 27-Л, под краем черепа 43 лежал игольник. Заготовки для изделий из костей мелких млекопитающих распределялись между жилищем и хозяйственными ямами более равномерно.

Изделия из бивня мамонта: «нож» из отщепа бивня и два острия найдены, соответственно, в жилище на кв. 25-М, в ямке 1 и в яме 8. Одна стержневидная заготовка из бивня связана с культурным слоем внутри жилища, другая – со скоплением культурных остатков к западу от него, а третья – с заполнением ямы 5. Более массивная цилиндрическая заготовка обнаружена в яме 9. Острие из бивня с нарезками, игла и фигурный предмет, предположительно шпилька, собраны в жилище В. М. Щербаковским (*Щербаківський*, 1919. С. 71).

Предметы из ребер, плоских костей, костей конечностей и рога крупных млекопитающих встречены только в жилище и ямах. Крупное острие из продольно расщепленного, сильно выветренного ребра мамонта лежало под северным краем черепа 14 на кв. 24-К. Возможно, оно было просунуто под стенку

и острием направлено наружу. Второе острие происходит из ямки 1 в жилище. Вместе с ним и другими изделиями из верхней части заполнения ямки торчал фрагмент ребра мамонта с выделенной фигурной частью и две заготовки из ребер. Одно изделие с нарезками из медиальной части ребра найдено в западной части жилища, в яме 10 – второе такое же изделие (рис. 3, *3*). Преобладающее число заготовок из ребер находилось в ямах 8, 5 и 9, главным образом в последней. В яме 8 все находки залегали в верхней части заполнения, разобранной в 1985 г., а в яме 10 – в средней и нижней части.

Определенные категории предметов отсутствовали в жилище. Это землекопалки из ребер, найденные в ямах 4 и 10. В яме 8, на кв. 28-Ж, найден остроконечный предмет из стенки длинной кости мамонта с непонятными деформациями-нарезками поверхности (цв. илл. XIV, *4*). Рядом с ним на кв. 28-И находилось второй, аналогичный, в настоящий момент утраченный. Еще один предмет из стенки диафиза плечевой кости взрослого мамонта с выбоинами и следами износа зафиксирован на кв. 23-Ж. В яме 9 лежали предметы из того же материала, определенные как заготовки и отходы производства. Изделие из плоской кости с износом № 2 приурочено к углублению на кв. 19-Т, а в яме 10 найдены две заготовки из плоских костей. Обработанный рог представлен в яме 8 рукоятью орудия и двумя заготовками в яме 10. В. М. Щербаковский упомянул о находке в жилище молотка из рога (*Щербаківський*, 1919. С. 69).

В раскопках В. М. Щербаковского в 1915 г. возле жилища культурные остатки были малочисленны. Между жилищем и ямами 4 и 5 они образовывали выраженный слой, где были найдено несколько предметов. В целом можно констатировать, что подавляющая часть обработанной кости и отходов производства находилась в жилище и ямах. Если бы изготовление предметов происходило на спорадически использовавшихся точках, отходы производства оставались бы на месте. Поскольку этого не наблюдается, орудия изготовлялись, видимо, в жилище. Отходы и сломанные предметы частично оставались в жилище, но в основном они удалялись в ямы вместе с другим мусором. В ямы 4 и 5 отходы и отслужившие вещи должны были попадать и из стационарного производственного участка, раскопанного И. Ф. Левицким непосредственно восточнее этих ям (*Левицький*, 1947. С. 222–224). Учитывая сведения В. М. Щербаковского, можно считать определенной предназначенность для работ внутри жилища таких орудий, как шилья. В жилище концентрировались также наиболее ценные изделия из бивня.

Заключение

Несмотря на небольшой объем изученной коллекции костяных изделий Гонцовского поселения, она оказывается достаточно информативной. Характерно разнообразие обрабатываемых видов костного сырья и использование определенного набора технологических приемов для обработки каждого из них (бивень, рог, длинные кости конечностей, ребра и т. д.). Основным видом сырья являлись ребра мамонта и длинные кости конечностей песца и зайца. Такой выбор в некоторой степени может быть обусловлен особенностями исследованного участка, имеющего главным образом бытовое назначение.

Изученные материалы демонстрируют определенную выборочность в использовании частей скелета для производства тех или других видов орудий. Очевидно также предпочтение костей некоторых видов животных для изготовления конкретных типов орудий. Практически одинаково используются заготовки, полученные в результате сложной модификации первоначальной формы кости, и небольшая подработка естественной формы. Широко употребляются в качестве орудий продукты раскалывания.

Технологический и трасологический анализ представленных в коллекциях орудий указывает на широкий спектр выполняемых действий и на осуществление косторезного производства непосредственно в жилой зоне поселения. Преобладают орудия, связанные с обработкой и скреплением кож-шкур, а также землекопные и другие формы изделий, контактировавших с грунтом. Есть предметы, которые могли быть составными частями каких-то конструкций.

Сопоставление технологий, использованных при изготовлении гонцовских изделий, с материалами широкого круга палеолитических стоянок центра Русской равнины на данный момент делать весьма затруднительно. Во многих публикациях пока присутствует только перечень поделок и видов используемого костного сырья, дополненный прорисовкой или фотографией. Технология и особенно заготовки, отходы производства детально рассматриваются крайне редко. Функциональное назначение предполагается только на основе морфологии, без учета экспериментально-трасологических данных. Тем не менее можно уверенно говорить о том, что наибольшую близость, на уровне культурного единства, костяная индустрия Гонцов обнаруживает с материалами Межирича. Одним из признаков, определяющих эту близость, является сходство технологии обработки и использования орудий из ребер мамонта. Редкая для палеолитических стоянок Русской равнины технология прорезания пазов на больших берцовых костях песца и зайца при исполнении шильев находит свои прямые аналоги в материалах Елисеевичей I и Межирича. С Межиричем гонцовские материалы связывает и изготовление подвесок из резцов бизона.

Преднамеренное раскалывание длинных костей конечностей крупных животных и изготовление из полученных отщепов орудий, отмечено на материалах поселений Межирич и Мезин.

Первичное расчленение рога северного оленя, заключающееся в отделении части основания штанги с отростком, тяготеет к индустриям, в материалах которых в качестве основных изделий из рога фигурируют «жезлы» и «молотки». К ним как раз относятся материалы стоянок среднеднепровского типа (Межирич, Елисеевичи I, Юдиново, Мезин). Приемы поперечного вырезания паза, по которому обламывался рог, продольного деления по двум противолежащим пазам и продольного деления по двум противолежащим пазам широко известны по многим разнокультурным позднепалеолитическим памятникам начиная с конца граветта.

По материалам изученной коллекции восстанавливаются лишь отдельные элементы технологии обработки бивня мамонта, которые указывают на близость гонцовской индустрии к материалам группы стоянок Елисеевичи I, Супонево, Мезин, Межирич и Добраничевка. С последними ее еще объединяет значительная роль трещиноватого сырья.

Использование продольно расщепленных на две половины бивней мамонта известно на более ранних памятниках (Костёнки I (*Хлопачёв*, 2004), Зарайск, Хотылёво II (личный осмотр)). О традициях, отмеченных по материалам граветтийских памятников, напоминают пластины из ребер с поперечными насечками. Из памятников поздней поры верхнего палеолита ребра с насечками встречены в материалах стоянки Быки-7 (I, Ia) (*Ахметгалеева*, 2005).

В заключение можно отметить, что по технологии обработки кости Гонцовское поселение наиболее близко к памятникам среднеднепровского типа, особенно к Межиричу. Таким образом, культурная связь этих памятников, установленная по кремневому инвентарю и устройству поселения, прослеживается в еще одном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметгалеева Н. Б., 1999. Костяные проколки верхнепалеолитической стоянки Быки-1 // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы: Тезисы докл. Междунар. конф., посвящ. 120-летию открытия палеолита в Костёнках 15–19 ноября 1999 г. / Отв. ред. Н. Д. Праслов, М. В. Аникович. СПб.: ИИМК РАН. С. 14–15.

Ахметгалеева Н. Б., 2005. Предметы неутилитарного характера со стоянки Быки-7 // Мир наскального искусства: Сб. докл. Междунар. конф. / Под ред. Е. Дэвлет. М.: ИА РАН. С. 28–31.

Ахметгалеева Н. Б., 2006. Возможности комплексного анализа утилитарных костяных изделий палеолитической эпохи // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Материалы Междунар. конф. к 125-летию открытия палеолита в Костёнках, 23–26 августа 2004 г. / Отв. ред. М. В. Аникович. СПб.: Нестор-История. С. 193–202. (Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН; Вып. 4.)

Гавриленко І. М., 2003а. Кам'яні та кістяні вироби Гінцівського пізньопалеолітичного поселення (за матеріалами Полтавського краєзнавчого музею) // Археологический альманах. № 13. Донецк. С. 232–249.

Гавриленко І. М., 2003б. Вадим Щербаківський та дослідження Гонцівської пізньопалеолітичної стоянки // Кам'яна доба України. Вип. 4. Київ: Шлях, 2003. С. 53–81.

Гвоздовер М. Д., 1953. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Палеолит и неолит СССР. Ч. 2 / Под ред. А. П. Окладникова. М.; Л.: Академия наук СССР. С. 192–226. (МИА; № 39.)

Гвоздовер М. Д., 1985. Типология женских статуэток костёнковской палеолитической культуры // Вопросы антропологии. № 75. МГУ. С. 42–63.

Герасимов М. М., 1941. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // Палеолит и неолит СССР. Ч. 1 / Под ред. П. П. Ефименко. М.; Л.: Академия наук СССР. С. 65–85. (МИА; № 2.)

Гиря Е. Ю., 2002. О возможностях выпрямления стержней из бивня мамонта // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур: Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. А. Н. Рогачева / Ред. Н. Д. Праслов. СПб.: ИИМК РАН. С. 87–88.

Гиря Е. Ю., Хлопачев Г. А., 2006. Копья из двойного погребения подростков сунгирьской стоянки (технологический анализ) // IN SITU (к 85-летию А. Д. Столяра) / Ред. Л. А. Вербицкая и др. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т. 2006. С. 69–87.

Грехова Л. В., 1977. Обработанная кость Тимоновской стоянки // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы / Отв. ред. Н. Д. Праслов. Л.: Наука. С. 83–93.

Григорьева Г. В., 1997. Костяной инвентарь верхнепалеолитических стоянок бассейна Десны–Днепра // Верхнепалеолитическое поселение Юдиново / Ред. З. А. Абрамова. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН. С. 115–131.

Коробкова Г. Ф., Шаровская Т. А., 2001. Костяные орудия каменного века (диагностика следов изнашивания по археологическим и экспериментальным данным) // Археологические вести. № 8. СПб. С. 88–98.

Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е., 1996. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН. 80 с. (Археологические изыскания; Вып. 36.)

Левицький І. Ф., 1947. Гонцівська палеолітична стоянка (за даними досліджень 1935 р.) // Палеоліт і неоліт України. Т. ІІІ. Київ: АН УРСР. С. 197–247.

Підоплічко І. Г., 1947. Дослідження палеоліту в УРСР // Палеоліт і неоліт України. Київ: АН УРСР. С. 7–21.

Пидопличко И. Г., 1976. Межеричские жилища из костей мамонта. Киев: Наукова думка. 237 с.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы, 1997 / Ред. А. А. Синицын, Н. Д. Праслов. СПб.: ИИМК РАН. 141 с.

Семёнов С. А., 1952. Костяные землекопные орудия из палеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкари I // СА. № 16. С. 120–128.

Семёнов С. А., 1957. Первобытная техника. Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы. М.; Л.: Академия наук СССР. 240 с. (МИА; № 54.)

Семёнов С. А., Коробкова Г. В., 1983. Технология древнейших производств. Л.: Наука. 256 с.

Сергин В. Я., Ахметгалеева Н. Б., 2008. Костяные острия стоянки Гонцы из раскопок 1970–1980-х гг. (технико-морфологический и трасологический анализ)// Деснинские древности. Вып. V. Брянск: Клинцовская городская типография. С. 58–71.

Филиппов А. К., 1977. Трасологический анализ каменного и костяного инвентаря из верхнепалеолитической стоянки Мураловка // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы / Отв. ред. Н. Д. Праслов. Л.: Наука. С. 167–181.

Филиппов А. К., 1983. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производств в эпоху палеолита / Сост. Л. М. Всевиов. Л.: Наука. С. 9–71.

Філіпов О. К., 1984. Обробка та використання кістяних предметів на піздньопалеолітичному поселенні Межиріччі // Археологія. № 48. С. 35–47.

Хлопачёв Г. А., 2004. Технология расщепления и ее место в процессе обработки бивня на стоянках верхнего палеолита Русской равнины (25–13 тыс. лет) // В начале был камень / Ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест. С. 250–265. (Stratum plus; № 1/2001–2002.)

Хлопачёв Г. А., 2006. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука. С. 71–76.

Шовкопляс И. Г., 1965. Мезинская стоянка. Киев: Наукова думка. 326 с.

Щелинский В. Е., 1983. К изучению техники, технологии, изготовления и функции орудий мустьерской эпохи // Технология производств в эпоху палеолита / Сост. Л. М. Всевиов. Л.: Наука. С. 86–98.

Щербаківський В., 1919. Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях, Лубенського повіту в 1914 і 1915 рр. // Записки Українського наукового товариства дослідування й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині. Вип. І. Полтава. С. 61–78.

Clark J. D., 1977. Bone tools of the earlier Pleistocene // Eretz-Israel Archaeological, Historical and Geographic Studies. Vol. 13. P. 23–37.

Clark J. D., Thompson M. W., 1953. The Groove and Splinter Technique of Working Antler in Upper Paleolithic and Mesolithic of Europe // Proceedings of the Prehistoric Society. Vol. 19. P. 148–160.

Grigorieva G. V., 1999. L'Outillage osseux du site du paleolithique superieur de Yudinovo (Russie) // L'Antropologie. T. 103. No. 2. P. 265–287.

Gwozdover M. D., 1995. Art of the mammoth hunters. The Finds from Avdeevo. Oxbow. 186 p. (Oxbow Monograph; 49.)

D'Errico F., Julien M., Vanhaeren M., Baffier D., 2003. Many awls in our argument. Bone tool manufacture and use in the Chatelperronian and Aurignacian levels of the grotte Du Renne at Arcy-sur-cure //

Zilhao J., d'Errico F. The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications: Proceedings of Symposium 6.1 of the XIVth Congress of the UISPP (University of Liege, Belgium, September 2–8. 2001). Lisboa: Instituto Portugues de Arqueologia. 355 p. (Trabalhos de Arqueologia. Vol. 33.)

Iakovleva L., Djinjian F., 2005. New data on Mammoth bone Settlements of Eastern Europe in the light of the new excavations of the Gontsy site (Ukraine) // Quaternary International. Vol. 126–128. P. 195–207.

Khlopatchev G. A., 2000–2001. Les Techniques de debitage de l'ivoire dans les site de la Plaine Russe au paléolithique supérieur (25 000–13 000 av. J.-C.) // Prehistoire Europeenne. Vol. 16–17. P. 215–230.

Knecht H., 1993. Early Upper Paleolithic Approaches to Bone and Antler Projectile Technology // Hunting and Animal exploitation in the Later Paleolithic and Mesolithic of Eurasia. No. 4. P. 33–47.

Ledosseur G., 2003. Sent et contre sens. Reflexions concernant l'orientation d'un geste technique observe sur der objets en matieres osseuses du Levant // Prehistoire Anthropologie Mediterraneennes. Vol. 12. P. 115–128.

Olsen S. L., 1979. A study of bone artifacts from Grasshopper Pueblo, AZ P: 14: 1 // The Kiva. Vol. 44. No. 4. P. 341–373.

Сведения об авторах.

Сергин Виктор Яковлевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва 117036, Россия; e-mail: viktorsergin@list.ru;

Ахметгалеева Наталия Борисовна, Курчатовский государственный краеведческий музей, ул. Молодежная, 12, Курчатов 307251, Курская обл., Россия; e-mail: achmetga@mail.ru;

Мащенко Евгений Николаевич, Палеонтологический институт им. А. А. Борисяка РАН, ул. Профсоюзная, 123, Москва 117647, Россия, e-mail: evmash@mail.ru.

N. V. Akhmetgaleyeva, V. Ya. Sergin, Ye. N. Mashchenko

Artefacts of processed bones from the excavations of 1977–1985 at the Gontsy Upper Palaeolithic site (Ukraine, Poltava Region)

Abstract. The paper presents the first results of investigation of the osteological collection from the Upper Palaeolithic site of Gontsy (Poltava Region, Ukraine). The material was obtained during excavations by V. Ya. Sergin in 1977–1985. Manufacturing technology and traces of use and wear on artefacts made of bone, reindeer antlers and ivory are described. Chronologically Gontsy fall within a short period between 15 000 and 14 000 BP. Gontsy belongs to the Dnieper type of the Upper Palaeolithic sites. As regards the technology of working bone, the closest parallel is provided by the Mezhirichi Upper Palaeolithic site (Ukraine). Cultural connection between these sites is clear from the characters of the flint industry and structure of settlements, now supported by the data on bone processing technique and features of bone artefacts from Gontsy.

Keywords: Upper Paleolith of Russian Plane; Ukraine; technology of working bone, mammoth tusks and antlers, use-and-wear analysis of bone artefacts.

REFERENCES

Akhmetgaleyeva N. B., 1999. Kostyanyye prokolki verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Byki-1 [Bone bodkins of Upper Palaeolithic station Byki-1]. *Osobennosti razvitiya verkhnego paleolita Vostochnoy Yevropy: tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchyonnoy 120-letiyu otkrytiya paleolita v Kostyonkakh* [*Development features of Upper Palaeolithic in Eastern Europe: Abstracts of reports of International conference in commemoration of 125th anniversary of discovery of Palaeolithic in Kostyonki*]. N. D. Praslov, M. V. Anikovich, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 14–15.

Akhmetgaleyeva N. B., 2005. Predmety neutilitarnogo kharaktera so stoyanki Byki-7 [Objects of non-utilitarian character from station Byki-7]. *Mir naskal'nogo iskusstva: sbornik dokladov mezhdunarodnoy konferentsii* [*World of rock art: reports of international conference*]. Ye. G. Devlet, ed. Moscow: IA RAN, pp. 28–31.

Akhmetgaleyeva N. B., 2006. Vozmozhnosti kompleksnogo analiza utilitarnykh kostyanykh izdely paleoliticheskoy epokhi [Possibilities of complex analysis of bone utilitarian objects of Palaeolithic epoch]. *Rannyaya pora verkhnego paleolita Yevrazii: obshcheye i lokal'noye: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii k 125-letiyu otkrytiya paleolita v Kostyonkakh* [*Early stage of Upper Palaeolithic in Eurasia: general and local: materials of International conference in commemoration of 125th anniversary of discovery of Palaeolithic in Kostyonki*]. M. V. Anikovich, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 193–202.

Clark J. D., 1977. Bone tools of the earlier Pleistocene. *Eretz-Israel Archaeological*, Historical and Geographic Studies, 13, pp. 23–37.

Clark J. D., Thompson M. W., 1953. The Groove and Splinter Technique of Working Antler in Upper Paleolithic and Mesolithic of Europe. *Proceedings of the Prehistoric Society*, 19, pp. 148–160.

D'Errico F., Julien M., Vanhaeren M., Baffier D., 2003. Many awls in our argument. Bone tool manufacture and use in the Chatelperronian and Aurignacian levels of the grotte Du Renne at Arcy-sur-cure. *Zilhao J., d'Errico F. The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications: Proceedings of Symposium 6.1 of the XIVth Congress of the UISPP* (*University of Liege, Belgium, September 2–8. 2001*). Lisboa: Instituto Portugues de Arqueologia, pp. 247–270. (Trabalhos de Arqueologia, 33).

Filipov O. K., 1984. Obrobka ta vikoristannya kistyanikh predmetiv na pizdn'opaleolitichnomu poselenni Mezhirichchi [Processing and utilization of bone objects at Late Palaeolithic settlement Mizhirichi]. *Arkheologiya* [*Archaeology*], 48, pp. 35–47.

Filippov A. K., 1977. Trasologichesky analiz kamennogo i kostyanogo inventarya iz verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Muralovka [Use-wear analysis of stone and bone inventory from Upper Palaeolithic station Muralovka]. *Problemy paleolita Vostochnoy i Tsentral'noy Yevropy* [*Problems of Palaeolithic of Eastern and Central Europe*]. N. D. Praslov, ed. Leningrad: Nauka, pp. 167–181.

Filippov A. K., 1983. Problemy tekhnicheskogo formoobrazovaniya orudy truda v paleolite [Problems of technical shaping tools in Palaeolithic]. *Tekhnologiya proizvodstv v epokhu paleolita* [*Production technology in Palaeolithic epoch*]. L. M. Vseviov, comp. Leningrad: Nauka, pp. 9–71.

Gavrilenko I. M., 2003a. Kam'yani ta kistyani virobi Gintsivs'kogo pizdn'opaleolitichnogo poselenni (za materialami Poltavs'kogo krayeznavchogo muzeyu) [Stone and bone artefacts from Gontsy Late Palaeolithic settlement (on materials from Poltava museum of local lore)]. *Arkheologichesky al'manakh* [*Archaeological miscellany*], 13. Donetsk, pp. 232–249.

Gavrilenko I. M., 2003b. Vadim Shcherbakivs'ky ta doslidzhennya Gontsivs'koi pizn'opaleolitichnoi stoyanki [Vadim Shcherbakivs'ky and research of Gontsy Late Palaeolithic station]. *Kam'yana doba Ukraïni* [*Stone Age of Ukraine*], 4. Kiyev, pp. 53–81.

Gerasimov M. M., 1941. Obrabotka kosti na paleoliticheskoy stoyanke Mal'ta [Processing bone at Palaeolithic station Mal'ta]. *Paleolit i neolit SSSR* [*Palaeolithic and Neolithic of USSR*], 1. P. P. Yefimenko, ed. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 65–85. (MIA, 2).

Girya Ye. Yu., 2002. O vozmozhnostyakh vypryamleniya sterzhney iz bivnya mamonta [On possibilities of straightening rods of mammoth tusks]. *Verkhny paleolit – verkhny pleystotsen: dinamika*

prirodnykh sobyty i periodizatsiya arkheologicheskikh kul'tur: materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. N. Rogacheva [*Upper Palaeolithic – Upper Pleistocene: dynamics of environment events and periodisation of archaeological cultures: materials of International conference in commemoration of A. N. Rogachev's 90th anniversary*]. N. D. Praslov, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 87–88.

Girya Ye. Yu., Khlopachev G. A., 2006. Kop'ya iz dvoynogo pogrebeniya podrostkov sungir'skoy stoyanki (tekhnologichesky analiz) [Spears from double burial of juveniles of Sungir' station (technological analysis)]. *IN SITU* (*k 85-letiyu A. D. Stolyara*) [*IN SITU (towards 85th anniversary of A. D. Stolyar*)]. St. Petersburg: St. Petersburgsky universitet, pp. 69–87.

Grekhova L. V., 1977. Obrabotannaya kost' Timonovskoy stoyanki [Processed bone from Timonovo station]. *Problemy paleolita Vostochnoy i Tsentral'noy Yevropy* [*Problems of Palaeolithic of Eastern and Central Europe*]. N. D. Praslov, ed. Leningrad: Nauka, pp. 83–93.

Grigorieva G. V., 1999. L'Outillage osseux du site du paleolithique superieur de Yudinovo (Russie). *L'Antropologie*, t. 103, no. 2, pp. 265–287.

Grigor'yeva G. V., 1997. Kostyanoy inventar' verkhnepaleoliticheskikh stoyanok basseyna Desny-Dnepra [Bone inventory of Upper Palaeolithic stations of Desna-Dnieper basin]. *Verkhnepaleoliticheskoye poseleniye Yudinovo* [*Upper Palaeolithic settlement Yudinovo*], 2. Z. A. Abramova, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 115–131.

Gvozdover M. D., 1953. Obrabotka kosti i kostyanyye izdeliya Avdeyevskoy stoyanki [Bone processing and bone artefacts of Avdeyevo station]. *Paleolit i neolit SSSR* [*Palaeolithic and Neolithic of USSR*], 2. A. P. Okladnikov, ed. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 192–226. (MIA, 39.)

Gvozdover M. D., 1985. Tipologiya zhenskikh statuetok kostyonkovskoy paleoliticheskoy kul'tury [Typology of female statuettes of Kostyonki Palaeolithic culture]. *Voprosy antropologii* [*Problems of Anthropology*], 75, pp. 42–63.

Gwozdover M. D., 1995. Art of the mammoth hunters. The Finds from Avdeevo. Oxbow. 186 p. (Oxbow Monographs, 49).

Iakovleva L., Djinjian F., 2005. New data on Mammoth bone Settlements of Eastern Europe in the light of the new excavations of the Gontsy site (Ukraine). *Quaternary International*, 126–128, p. 196–207.

Khlopatchev G. A., 2000–2001. Les Techniques de debitage de l'ivoire dans les siter de la Plaine Russe au paléolithique supérieur (25 000–13 000 av. J.-C.). *Prehistoire Europeenne*, 16–17, pp. 215–230.

Khlopachyov G. A., 2004. Tekhnologiya rasshchepleniya i yeyo mesto v protsesse obrabotki bivnya na stoyankakh verkhnego paleolita Russkoy ravniny (25–13 tys. let) [Technology of splitting and its place in process of tusks working at Upper Palaeolithic stations of Russian Plain (25–13 thousand years)]. *V nachale byl kamen'* [*In the beginning was stone*]. L. B. Vishnyatsky, ed. St. Petersburg; Kishinyov; Odessa; Bukharest: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 250–265. (Stratum plus, 1/2001–2002).

Khlopachyov G. A., 2006. Bivnevyye industrii verkhnego paleolita Vostochnoy Yevropy [Tusk industries of Upper Palaeolithic of Eastern Europe]. St. Petersburg: Nauka. 261 p.

Knecht H., 1993. Early Upper Paleolithic Approaches to Bone and Antler Projectile Technology. *Hunting and Animal exploitation in the Later Paleolithic and Mesolithic of Eurasia*, 4, pp. 33–47.

Korobkova G. F., Sharovskaya T. A., 2001. Kostyanyye orudiya kamennogo veka (diagnostika sledov iznashivaniya po arkheologicheskim i eksperimental'nym dannym) [Bone tools of Stone Age (identification of use-wear traces on archaeological and experimental data)]. *Arkheologicheskiye vesti* [*Archaeological bulletin*], 8, pp. 88–98.

Korobkova G. F., Shchelinsky V. Ye., 1996. Metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudy truda [Methodic of micro-macro analysis of ancient tools], 1. St. Petersburg: IIMK RAN. 80 p.

Ledosseur G., 2003. Sent et contre sens. Reflexions concernant l'orientation d'un geste technique observe sur der objets en matieres osseuses du Levant. *Prehistoire Anthropologie Mediterraneennes*, 12, pp. 115–128.

Levits'ky I. F., 1947. Gontsivs'ka paleolitichna stoyanka (za danimi doslidzhen' 1935 r.) [Gontsy Palaeolithic station (on data of research of 1935)]. *Paleolit i neolit Ukrayini* [*Palaeolithic and Neolithic of Ukraine*], III. Kiyev: Vidavnitstvo AN Ukrainskoy SSR, pp. 197–247.

Olsen S. L., 1979. A study of bone artifacts from Grasshopper Pueblo, AZ P: 14: 1. *The Kiva*, 44, no. 4, pp. 341–373.

Pidoplichko I. G., 1947. Doslidzhennya paleolitu v SSSR [Palaeolithic studies in USSR]. *Paleolit i neolit Ukrayini* [*Palaeolithic and Neolithic of Ukraine*], I. Kiyev: AN Ukrainskoy SSR, pp. 7–21.

Radiouglerodnaya khronologiya paleolita Vostochnoy Yevropy i Severnoy Azii: Problemy i perspektivy [Radiocarbon chronology of Palaeolithic of Eastern Europe and Northern Asia: Problems and perspectives], 1997. A. A. Sinitsyn, N. D. Praslov, eds. St. Petersburg: IIMK RAN. 141 p.

Semyonov S. A., 1952. Kostyanyye zemlekopnyye orudiya iz paleoliticheskikh stoyanok Yeliseyevichi i Pushkari I [Bone digging tools from Palaeolithic stations Yeliseyevichi and Pushkari I]. *SA*, 16, pp. 120–128.

Semyonov S. A., 1957. Pervobytnaya tekhnika. Opyt izucheniya drevneyshikh orudy i izdely po sledam raboty [Primitive technique. Experience of study of earliest tools and artefacts on use-wear traces]. Moscow; Leningrad: Nauka. 240 p. (MIA, 54).

Semyonov S. A., Korobkova G. F., 1983. Tekhnologiya drevneyshikh proizvodstv [Technology of earliest production]. Leningrad: Nauka. 256 p.

Sergin V. Ya., Akhmetgaleyeva N. B., 2008. Kostyanyye ostriya stoyanki Gontsy iz raskopok 1970–80-kh gg. (tekhniko-morfologichesky i trasologichesky analiz) [Bone projectile points of station Gontsy from excavations of 1970–80-ss (technical-morphological and use-wear analysis]. *Desninskiye drevnosti* [*Desna antiquities*], V. Bryansk: Klintsovskaya gorodskaya tipografiya, pp. 58–71.

Shovkoplyas I. G., 1965. Mezinskaya stoyanka [Mezin station]. Kiyev: Naukova dumka. 326 p.

Shchelinsky V. Ye., 1983. K izucheniyu tekhniki, tekhnologii izgotovleniya i funktsii orudy must'yerskoy epokhi [On research of technique, technology of production and function of tools of Moustierian epoch]. *Tekhnologiya proizvodstv v epokhu paleolita* [*Production technology in Palaeolithic epoch*]. L. M. Vseviov, comp. Leningrad: Nauka. 1983, pp. 86–98.

Shcherbakivs'ky V., 1919. Rozkopki paleolitichnogo selishcha v s. Gontsyakh, Lubens'kogo povitu v 1914 i 1915 r. [Excavations of Palaeolithic settlement in village Gontsy, Lubny district in 1914 and 1915]. *Zapiski Ukrainskogo naukovogo tovaristva dosliduvannya y okhoroni pam'yatok starovini ta mistetstva na Poltavshchini* [*Notes of Ukrainian Scientific Society for research and protection of ancient sites and art monuments in Poltava Region*], I, pp. 61–78.

About the authors.

Akhmetgaleyeva Natalia B., Kurchatov State museum of the Local Lore, ul. Molodezhnaya, 12, Kurchatov, 307251, Kursk Region, Russian Federation; e-mail: achmetga@mail.ru;

Sergin Viktor Ya., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: viktorsergin@list.ru;

Mashchenko Yevgeny N., Borisyak Paleontological Institute Russian Academy of Sciences, ul. Profsoyuznaya, 123, Moscow, 117647, Russian Federation; e-mail: evmash@mail.ru.

Л. В. Грехова

СТРУКТУРА КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СТОЯНКИ ЕЛИСЕЕВИЧИ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1970–1980 гг.

Резюме. В статье обсуждается возможность существования разновременных археологических комплексов на верхнепалеолитической стоянке Елисеевичи 1. Дается характеристика объектов культурного слоя и археологической стратиграфии памятника, а также соотношения археологических объектов и мерзлотных нарушений культурного слоя.

Ключевые слова: Верхний палеолит, стоянка Елисеевичи 1, пространственная структура культурного слоя, стратиграфия, мерзлотные деформации.

Вопрос о нескольких слоях верхнепалеолитической стоянки Елисеевичи 1, отличающихся друг от друга хронологически, встал с момента открытия этого памятника. В 1930 г. при зачистке стенок ямы гумна на усадьбе Бесчастного на глубине 1 м К. М. Поликарпович обнаружил во всех стенках кости и кремень, особенно в ЮВ части (*Поликарпович*, 1932. С. 156). В 7 метрах от этого гумна на бровке обрыва он заложил шурф. Под слоем светлого лесса на гл. 156–166 см отмечен золистый слой мощностью 7–11 см, содержавший множество мелких костей и кремня (Там же. С. 156–161).

В 1935 г. К. М. Поликарповичем был заложен первый раскоп (рис. 1). К сожалению, план этого раскопа не сохранился и был восстановлен по описям и фотографиям (*Грехова*, 1993. С. 173–182). По описанию восточной стенки и собственно находок по квадратам в южной части раскопа 1935 г. был сосредоточен костный уголь, который хорошо прослеживался и в восточной стенке. От середины восточной стенки в северном направлении углистый слой почти выклинивался и прослеживался в виде тонкой прослойки вплоть до северной стенки раскопа. Ниже этого слоя шел лесс с редкими находками. Еще ниже в северо-восточной части раскопа было расположено большое скопление (*Поликарпович*, 1941. С. 32–37). Схема четко показывает расположение объектов в раскопе (Там же. С. 34). К сожалению, визуальные наблюдения автора не были подкреплены цифровыми данными разницы в уровне залегания находок.

С 1970 г. на Елисеевической стоянке начались комплексные исследования Деснинской экспедиции ГИМ под руководством Л. В. Греховой и экспедиции Отдела палеоэкологии Института географии РАН под руководством

А. А. Величко. Основные результаты исследования изложены в статьях и коллективной монографии (*Величко и др.*, 1997).

У бровки речной террасы были поставлены несколько разрезов, строение которых позволило зафиксировать признаки более раннего появления человека на елисеевическом мысу, а так же предположить размыв и вынос материала из культурного слоя, расположенного на более высоком уровне. Если объединить эти данные с первыми наблюдениями К. М. Поликарповича, то можно прийти к заключению, что по борту террасы на протяжении 30 м сохранились свидетельства неоднократного пребывания здесь древнего человека. Не исключено, что значительная часть стоянки уничтожена обвалом берега, подмытого рекой.

Вопросы стратиграфии культурных остатков на стоянке Елисеевичи 1 решать очень сложно по двум причинам. Во-первых, антропогенный фактор. Площадь стояночного мыса до Великой Отечественной войны (1941 г.) была занята усадьбами, где строили дома, сараи, рыли погреба и ямы под гумно глубиной до 3 м. После 1945 г. здесь размещались колхозные сараи. Вся площадь на этом месте изрыта современными ямами (Там же. С. 9. Рис. 2). Второй фактор – это древние природные нарушения культурного слоя, связанные с палеокриогенными процессами. В-третьих, сказалась своеобразная методика отсчета глубины объектов, использованная К. М. Поликарповичем, – «от первых обнаруженных находок». Эта глубина принималась за условный «0».

Наиболее устойчивым и документированным в стратиграфическом плане является участок стоянки, вскрытый в 1948 г. Это знаменитый зольник, «очажный слой» в южной части площади, которому автор раскопок уделил много внимания.

Скопление зольной массы, насыщенной кремнем, краской, камнями, костным материалом, мощностью 30–40 см занимало южную часть раскопа 1935 г. и целиком было вскрыто раскопом 1948 г. (рис. 1). Мощный, плотный «очажный слой», насыщенный культурными остатками имел форму овала, вытянутого с СВ на ЮЗ. Суммируя данные раскопок 1935, 1936, 1948 гг., К. М. Поликарпович определил размеры овала по длинной оси в 9,4 м при ширине 8,8 м (*Поликарпович*, 1968. С. 54–56). В центре этой площадки была яма овальной формы, ориентированная по линии СВ–ЮЗ, размером 3,5 × 2,4 м. Назначение этого объекта автор раскопок определил как пол наземного жилища со «спальной ямой» в холодное время года. На площадке находились крупные кости мамонта, а также большое количество костей песца и волка, как целые скелеты, так и кости конечностей с нарезками (Там же. С. 53–62). К сожалению, в публикации нет описания расположения этих крупных костей. Автор раскопок не увидел порядка в их размещении и уделил основное внимание «очажному слою».

Анализ этого участка площади стоянки с точки зрения распространения и концентрации кремня на 1 кв. м позволяет сделать вывод о существовании на этом месте долговременного производственного центра. На его площади были представлены в большом количестве основные классы кремневой индустрии: 1 – нуклеусы, желваки, обломки; 2 – отщепы, чешуйки, 3 – пластины и их обломки; 4 – орудия и их обломки. Концентрация кремня в центральной части над ямой достигала более 10 тыс. экз. на 1 кв. м (*Величко и др.*, 1997. С. 98). Здесь же

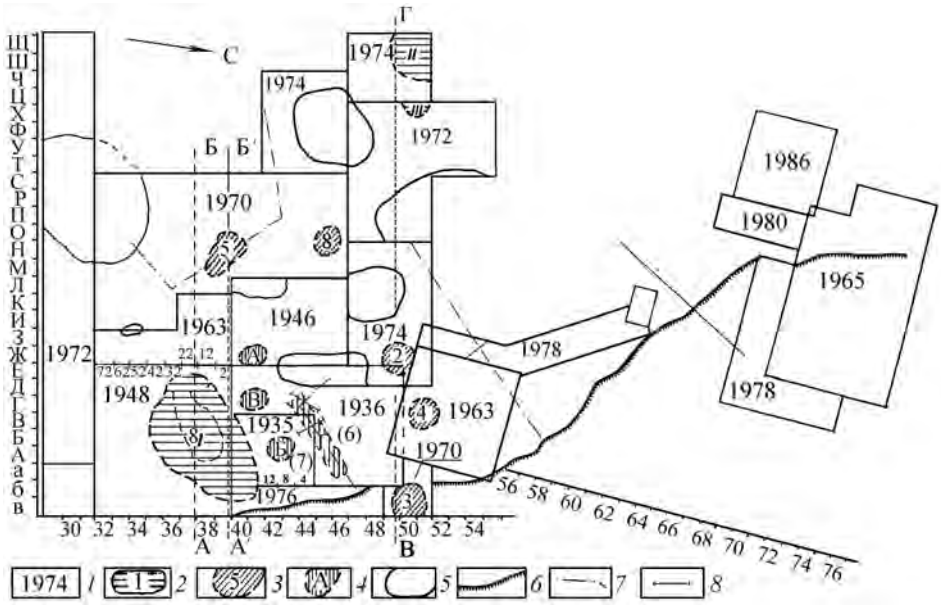

Рис. 1. Елисеевичи. Схема расположения раскопов разных лет и основных археологических объектов

1 – годы раскопок; *2* – скопления зольной массы и костей; *3* – хозяйственные ямы и скопления крупных костей; *4*: А – «хранилище чуринг»; Б-В – скопления черепов мамонта; Г – «ход» (по К. М. Поликарповичу); *5* – перекопы; *6* – бровка берегового уступа; *7* – мерзлотные трещины; *8* – линии стратиграфических разрезов

обнаружено большое количество краски, мергеля, костей песца, волка, заготовок костяных предметов и самих орудий из кости (*Величко и др.*, 1997. С. 94–99).

Удаление очажного слоя велось от периферии к центру, где по мере разборки очажной массы обнаружился чистый желтый лесс. На этом фоне четко выделился овал ямы в центральной части площадки, ориентированный СВ–ЮЗ. Длина ямы по продольной оси 3,5 м, ширина – 2,4 м. Заполнение ямы аналогично по структуре очажному слою, перекрывающему ее.

На полу ямы не было углублений, но он имел явный наклон к востоку. Самые высокие участки пола у западного края ямы были зафиксированы на глубине 1,92 м (1,32 м от «0»), к юго-востоку он снижался до 2,1 м (1,50 м). Самые низкие участки у юго-восточного края ямы были зафиксированы на глубине 2,3–2,4 м (1,70–1,80 м) стенки ямы не отличались высотой: 0,4 м у северо-западного края и 0,3–0,2 м – у юго-восточного.

Интересны наблюдения К. М. Поликарповича о временном соотношении очажного слоя («пола жилища») и «спальной ямы» в его центре. Исследователь выделял более древний период существования ямы, когда она являлась самостоятельным элементом слоя, однако он не уточнил, был ли это отдельный слой и как он прослеживался в плане. Данный вопрос остается открытым. Прекращение функции этой ямы как части жилища связано, по К. М. Поликарповичу, с заполнением ее очажной массой. Следов очага в яме обнаружено не было.

Редкие крупные кости, как обычно, лежали вдоль стен на гл. 1,92 м (1,32 м) и гл. 1,62 м (1,02 м), в квадрате 35. В узком конце ямы найден только один череп (*Поликарпович*, 1968. С. 63).

Рассматривая площадку очажного слоя в раскопах 1935, 1936, 1948 гг. как производственный центр, существовавший длительное время, нельзя согласиться с мнением К. М. Поликарповича о назначении углубления ниже очажного слоя как спальной ямы в холодное время года. Площадь ямы совпадает с квадратами с максимальной насыщенностью кремнем: более 10 тыс. на 1 кв. м. Но выделение ее как самостоятельного объекта более раннего времени, чем очажный слой, вполне убедительно доказано автором раскопок. Яма под очажным слоем не является естественным образованием, несмотря на резкий наклон пола с запада на восток: у западной стенки он зафиксирован на глубине 1,9 м (1,3 м от «0»), на юго-восточных участках – на глубине 2,3–2,4 м (1,7–1,8 м от «0»). В своей монографии К. М. Поликарпович отмечает небольшое количество костей в яме, уложенных вдоль стенок, и ссылается на чертежи и рисунки, которых в публикации нет (Там же. С. 56, 57). Есть только общий сводный план раскопов. На нем очень схематично отмечены кости животных, зафиксированные вдоль восточного и северо-восточного краев ямы. Расположение некоторых из них совпадает с описанием автора. В квадрате 35 (В-36, по общей сетке, рис. 1) трубчатые кости лежали вдоль стенки: на гл. 1,92 м (1,3 м от «0») были обнаружены целая плечевая кость мамонта длиной 0,78 м и на гл. 1,62 м (1,32 м) прижатая к стенке тазовая длиной 0,78 м. В северном направлении от них в кв. 26, 27 (Б-37, А-37) находились две стоящие трубчатые кости. Расстояние между этими группами вдоль стенки составляет около 1,5 м. У северного края ямы, на кв. 6 и 16 (А-38, 39), находились три кости, одна из которых примыкала к стенке вплотную. Глубина залегания этих костей автором не указана. На кв. 15, 16, 17 (В-38, Б-38, А-38) у самого края ямы также располагались крупные кости. Таким образом, северная и северо-восточная стенки ямы были укреплены достаточно прочно. В узкой, юго-восточной, части ямы лежал череп мамонта. Он изображен на плане в кв. 14 (Г-38). Вся сумма данных свидетельствует о рукотворном происхождении ямы или, по крайней мере, искусственном укреплении ее краев.

Существенной чертой характеристики этого участка является «древний овражек» у юго-западного конца ямы, который тянулся к обрыву (Там же. С. 57). Овражек имеет форму корыта, отмеченного прослойкой культурных остатков. Очевидно, по этой промоине шел размыв и вынос материала из описанной выше ямы. В расчистке 1–72, в нескольких метрах от юго-восточного угла раскопа 1948 г., на глубине более двух метров были зафиксированы мелкие кости, костный уголь, кремень. По предположению А. А. Величко, происхождение культурных остатков в расчистке может быть связано с размывом и переотложением культурного слоя более раннего времени – основного периода заселения стояночного мыса и расположенного выше по склону на достаточно близком расстоянии (*Величко и др.*, 1997. С. 38, 39). «Овражек», по мнению К. М. Поликарповича, образовался раньше, чем было устроено жилище (*Поликарпович*, 1968. С. 57) «Овражек», судя по общему сводному плану, занимает южную часть кв. 33, 44, 45 и уходит в кв. 56. По общей буквенно-цифровой сетке – это кв. Д-36, Г-35, В-34, Б-34. Как распределяется в количественном

и качественном выражении кремень на этих участках? Кв. Д-33: общее количество находок – 3 208, орудий – 72; кв. Г-35: соответственно 831/18; кв. В-34: 240/7; кв. Б-34: 544/46. Очажный слой перекрывает и яму, и «овражек», но находится в одной плоскости, как в центре, так и на периферии, т. е. провалов, углублений над ямой или «овражком» не наблюдалось.

Это, пожалуй, единственный участок площади стоянки, который дает четкую стратиграфию двух разновременных объектов: поздний – «очажный слой» – производственный центр с огромным количеством кремня, краски, мергеля, камней и ранний – яма, края которой укреплены костями. Существование двух разновременных, но связанных стратиграфически объектов (ямы и очажного слоя), вскрытых раскопом 1948 г., дали толчок к послойному анализу культурных остатков на вскрытой площади.

На фоне неяркого, но четко выраженного культурного горизонта мощностью 10–15 см, включающего мелкие обломки ребер, бивней, трубчатых, позвонки мамонта, неопределимые кости, кости песца и волка, зольные пятна небольших размеров, небольшое количество кремня, выделяются скопления крупных костей в округлых ямах – костно-земляные конструкции (*Грехова*, 1985. С. 5–25). Глубина ям от низа культурного горизонта 40–60 см. Реконструкция полигонально-блочной системы на площади стоянки (*Величко и др.*, 1997. С. 63. Рис. 25) позволила взглянуть на размещение этих ям с точки зрения древнего рельефа. Древний рельеф на площади стояночного мыса представляет полигонально-блочную систему криогенных нарушений. Размещение костно-земляных конструкции в этой системе определяется очень четко (Там же). Все четыре ямы с костями расположены на блоке, т. е. на сухой, хорошо дренажированной площадке. При деградации мерзлоты краевые участки блоков были захвачены этим процессом. В результате культурные остатки вдоль его краевых частей затекли по стенкам трещины вместе с вмещающим грунтом на большую глубину – до трех метров. Однако ни одна из ям не имела следов воздействия криогенных процессов.

В качестве причины формирования описанной выше ситуации можно предположить следующее. В период затухания криогенных процессов жилы могли выделяться в древнем рельефе понижениями, более увлажненными канавками, с другой растительностью. Вероятно, поселенцы отмечали эти явления в рельефе и ставили свои конструкции на более высоком сухом месте. В разрезах и стенках раскопов отмечен выход псевдоморфоз выше культурного слоя с ямами (основного слоя). Это определяет время появления здесь древних строителей. Они появились на этом мысу в то время, когда криогенные процессы затухали, но вся полигональная система еще окончательно не сформировалась и не перешла в погребенное состояние. Костно-земляные конструкции на Елисеевической стоянке не одновременны, не идентичны, имеют свою специфику, но в основном они демонстрируют сложившуюся, устойчивую строительную традицию, существовавшую в определенный отрезок времени.

Особенностью размещения этих конструкций в Елисеевичах является не только их расположение на блоках полигональной системы, но и их диспозиция по отношению к центральной части стоянки, если в качестве центра рассматривать яму с чурингами в раскопе 1935 г. Ямы с костями с северной стороны по дуге отделяют центр от более северной площади. Центр представляет

собой сложную структуру, состоящую из нескольких строительных ярусов (*Грехова*, 1993. С. 173–182). С юга центр отрезан «очажным слоем». Попытка приблизиться к пониманию структуры культурного слоя стоянки предпринята методом послойного сканирования культурных остатков. Определив четко выраженный временной срез с круглыми ямами с костями и «удалив» этот материал до глубины 100 см, получаем чистую поверхность желтой лессовой супеси с «гнездам» культурных остатков. Это, прежде всего, предметы на полу ям. Яма 1 – скопление тонких концов бивней на гл. 110–116 см от «0». Яма 2 – дно на гл. 114–116 см и прижатые к стенке трубчатые кости. Яма 3 (у обрыва) – дно на гл. 134–140 см. На дне – бивни и трубчатые кости. Яма 4 – крупный бивень, прижатый к стенке, гл. 105–110 см. В центре (раскоп 1935 г.) – низ черепов, поставленных в углубление, и низ ямы под черепом 15 определены на гл. 97–113 см и 111–114 см, где на зеленом суглинке находились чуринги с орнаментом и статуэтка. Определен и нижний фрагментированный уровень черепов (134–149 см), который, очевидно, являлся фундаментом для более поздних конструкций (Там же. С. 178–180).

В 1970 г. на расстоянии 12–13 м к западу от центра вскрылось скопление костей мамонта большой плотности на гл. 95–100 см от «0» и на 30–60 см ниже основного слоя на соседних участках (рис. 1). Скопление имело овальную форму, длинной осью ориентировано по линии ЮВ–СЗ, размеры – 3,6 × 2 м, мощность – 60–61 см. По верхнему контуру скопление имело наклон с юга на север. Самые верхние кости в южной части проявились на гл. 90 см, в северной – на гл. 100–106 см. Кроме того, на этом уровне наблюдался общий наклон костей к востоку, к оси морозобойной трещины. В монографии 1997 г., посвященной Елисеевическим стоянкам, это скопление обозначено под № 5 (*Величко и др.*, 1997. С. 9. Рис. 2). Его подробное описание дано в отдельной статье (*Грехова*, 1985).

В структуре культурных остатков палеолитической стоянки Елисеевичи 1 скопление № 5 (ниже основного слоя) занимает особое место. Во-первых, обозначилась динамика взаимодействия древнего человека (рукотворное сооружение) и природной среды (морозобойные жилы и их деградация). Во-вторых, появилась возможность сопоставить два типа конструкций: скопления № 5 и ямы округлой формы с костями. Строительным материалом в том и другом случае являются крупные кости мамонта. Скопление № 5 обнаружено при прокопке отработанных участков раскопа 1970 г. на 30–60 см ниже основного слоя. Разница глубин залегания основного слоя на соседних участках (зольник на расстоянии 0,5 м к западу, яма 1 – 1,5–1,6 м к северу) и глубина залегания верхних костей скопления составляет 50–70 см. Судя по группировке костей (в юго-восточной части – трубчатые, лопатки и черепа; в западной и северо-западной – тазовые; в центре – бивни), скопление № 5 представляет собой остатки крупной конструкции вытянутой формы. В северной и западной части наблюдается меньшая плотность развала, сохранились в основном тазовые кости. Не исключено, что неравномерное распределение костей в скоплении № 5, отсутствие черепов, трубчатых связано с использованием этих костей более поздними поселенцам при сооружении ямы 1. В яме 1 отмечена очень плохая сохранность черепов и трубчатых (без эпифизов) по сравнению со строительным материалом в ямах 2, 3, 4 (Там же. С. 2–25).

В квадратах ЮВ части (Н-37–38) материковая порода, лессовая супесь желтого цвета с известковыми конкрециями, обнаружилась после снятия костей на гл. 142–143 см от «0». В СЗ части (кв. Н, О-40, 41) желтый лесс отмечен на гл. 152–160 см. Кости располагались на желтом лессе без каких-либо углублений, признаков зольных пятен или кострищ под костями не обнаружено (рис. 2). Это остатки наземной конструкции, что принципиально отличает ее от костей в округлых ямах основного слоя.

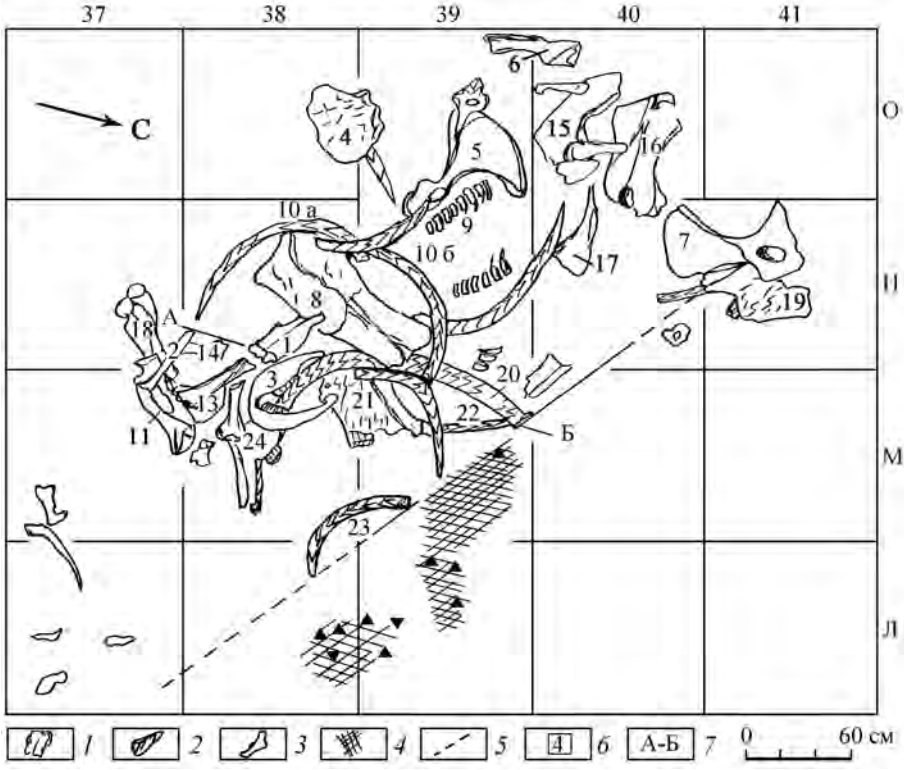

Рис. 2. Елисеевичи. Скопление № 5, план расположения находок

1 – черепа; *2* – бивни; *3* – кости; *4* – зольник; *5* – борт деформации; *6* – номера костей; *7* – разрез деформации

Наклон костей в восточном направлении связан с просадкой отдельных блоков вмещающего грунта в результате криогенных и посткриогенных процессов. Современные перекопы разрушили верхние слои, перекрывающие скопление № 5, поэтому остается не совсем ясным верхний уровень жилы, с которого началась ее деградация на этом участке, но есть сравнительный материал по профилям на других участка площади стоянки. Большая глубина спасла это скопление от перекопов 1946 г. и хозяйственной ямы. Верхние кости находятся под перекопанной землей, но на нетронутом грунте и заключены (заполнение между костями) в лесс желтого цвета. Встает вопрос о происхождении скопления № 5.

Как такой крупный блок культурных остатков мог оказаться на значительной глубине? И откуда он опустился или «просел» на такую глубину? Самый простой ответ: наклон и сползание культурных остатков в полость ледяной жилы при деградации мерзлоты. Обоснование этой точки зрения дано в статье Л. В. Греховой о формах скоплений костей на стоянке Елисеевичи (*Грехова*, 1998. С. 60–69). И действительно, с гл. 140 см в кв. Н, М-39, Н-38 крупные кости и их обломки концентрируются в узкой полосе заполнения трещины шириной 60–70 см (рис. 3). В подвижных грунтах заполнения жилы отдельные кости, в основном плоские, сползают, соскальзывают до гл. 270 см (рис. 4). Но встает вопрос об их первоначальном положении. Если мы «поднимем» эти кости до уровня основного слоя, то им просто негде расположится. Расстояние тазовых костей скопления № 5 в квадратах О-39–40 до зольного пятна в квадрате П-40 составляет всего 40–80 см. Тазовые кости и череп в квадрате Н-40–41 находятся на расстоянии около 2 м от костей в яме 1. Это расстояние на момент раскопок, т. е. с учетом факта смещения костей к востоку при деградации мерзлотной структуры. До этого первоначальное положение их было еще ближе к западу и захватило бы часть зольного пятна в квадрате П-39. Но два объекта основного слоя – зольник и яма 1 не затронуты мерзлотными процессами, а под костями скопления № 5 нет ни золы, ни угля. Таким образом, скопление № 5 оказывается независимой от основного слоя структурой. Это обстоятельство позволяет высказать иную точку зрения на время ее бытования. Вертикальный срез псевдоморфозы по жильному льду в кв. М-39, Н-39 (рис. 4) показал, что ось морозобойной трещины прошла близ восточного края какой-то конструкции. С глубины 140 м трещина резко сужается к низу и имеет форму клина. На максимальной глубине 270–289 см от «0» в узкой части клина поперек полости трещины в ее заполнении оказались лопатки и их обломки. Кости более объемные, черепа, трубчатые остались в средней части заполнения на гл. 154–190 см. Они как бы перекрыли центральную осевую часть жилы (рис. 4). Крупный бивень на гл. 140 см упирался толстым концом в восточный борт жилы, а тонкий конец его уходил вглубь до 189 см к центральной оси. В восточный борт жилы упирался бивень одного из черепов, черепная коробка которого находилась над центром трещины на гл. 154 см. В борт жилы упирался еще один небольшой бивень (рис. 5). Такое положение костей в заполнении жилы выделяется своей спецификой.

Криогенные структуры, вскрытые на стоянке Елисеевичи, начинаются немного выше основного слоя. Они заложены в верхней части лесса, но ниже горизонта ортзандов и опускаются до глубины 3 м. Небольшие мерзлотные трещины поздней генерации разбивают поверхность основного культурного слоя, раздвигают его на 20–30 см и доходят до глубины 120–125 см, т. е. на 50–60 см ниже горизонта находок. При вытаивании жил культурные остатки: мелкие кости, кремень, зола – сползают по краям трещины, очерчивая ее форму. Заполнение в таком случае – разнородное, пятнистое. Оно резко отличается от вмещающей породы. На горизонтальном срезе жилы под скоплением № 5 крупные кости концентрируются в средней части, иногда поперек полости, грунт между костями мало отличается по цвету и структуре от вмещающей породы. Положение крупных костей по центру жилы, характер грунта между ними, отсутствие видимых затеков по бортам жилы свидетельствуют об особом характере этого

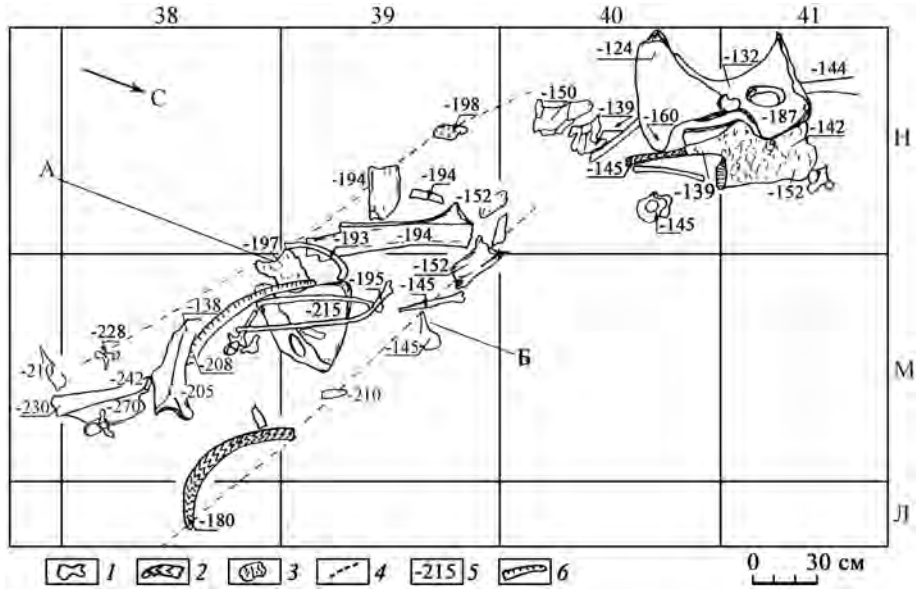

Рис. 3. Елисеевичи. Скопление № 5; нижний ярус

1 – кости; *2* – бивни; *3* – черепа; *4* – борта жилы; *5* – глубина находок от репера; *6* – бивень с нарезками

явления, до сих пор еще конкретно не понятого. Положение крупных костей в средней и нижней частях заполнения свидетельствует о том, что затягивание, сползание костей в жилу происходило из нижних горизонтов: сначала плоские, потом объемные, тяжелые. Создается впечатление, что конструкция была возведена еще в начальной стадии формирования полигонально-блочной системы. Древние строители сооружали что-то на ровной поверхности стояночного мыса. Возможно, криогенные процессы затронули этот участок после того, как жила древней генерации уже сформировалась, но не была заметна в рельефе. С развитием экстремальных условий, ростом ледяного заполнения трещины конструкция начала деформироваться и разрушаться, т. к. оказалась в краевой части блока. Жила проходила с восточной стороны конструкции. Люди покинули эту территорию, после чего деформированное сооружение перешло постепенно в погребенное состояние. Из этого можно сделать вывод, что первые разрушения возведенного сооружения были связаны не с деградацией мерзлоты, а, наоборот, с ростом жильного льда. Этим можно объяснить специфику переотложения и размещения крупных костей в центре жилы при деградации всей полигонально-блочной системы. Анализ взаимного расположения костей скопления № 5 и псевдоморфозы по жильному льду позволяет отнести конструкцию к более раннему времени, т. е. к начальной стадии формирования блочной системы. Основной слой с округлыми ямами с костями связан с затуханием криогенных процессов при уже сложившейся системе полигонов.

Скопление № 5 в настоящий момент представляет уникальное явление для культурного слоя стоянки. Это остатки наземной, незамкнутой конструкции

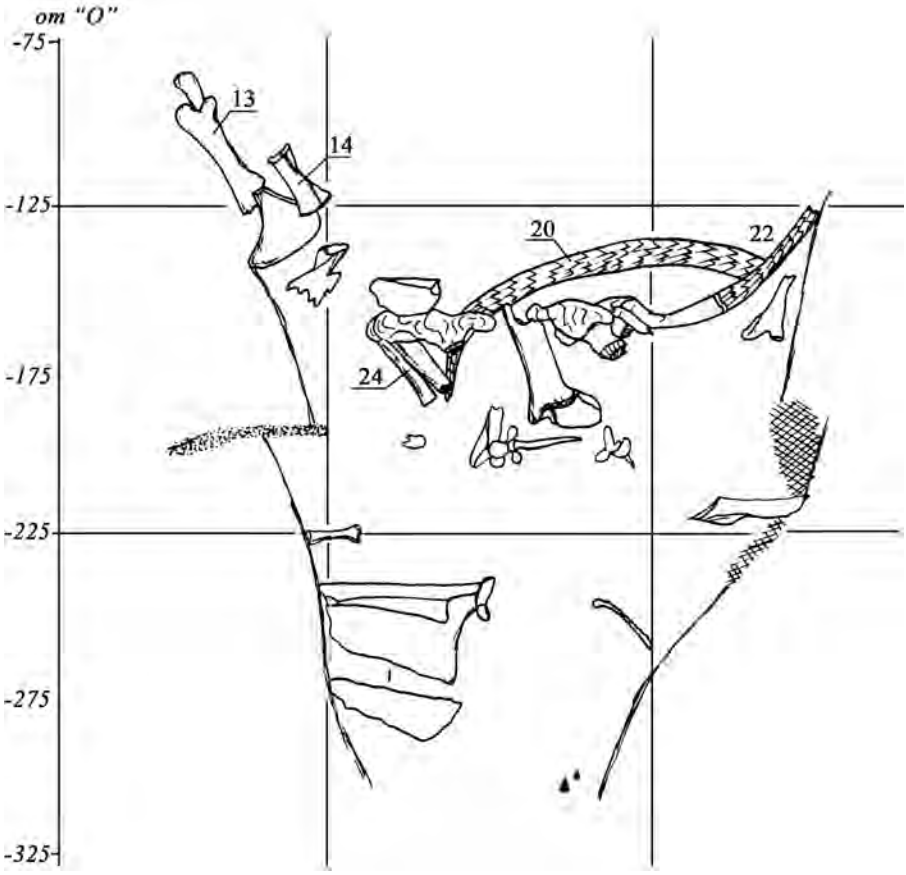

Рис. 4. Елисеевичи. Разрез скопления № 5 по линии А–Б (условные обозначения см. рис. 3)

типа основания навеса или заслона, открытого к востоку, т. е. к реке. Как было отмечено выше, под костями на желтом лессе с известковыми конкрециями отсутствуют не только очаги, но даже зольные пятна. Нет затеков золы и по западному борту псевдоморфозы. На память о своем пребывании древние обитатели оставили часть бивня с нарезками. Он был обнаружен в центре заполнения жилы, на кв. М-38–39 (рис. 3), на гл. 208 см (*Грехова*, 1978. С. 249–253). Очевидно, бивень находился во внутренней части конструкции рядом с лопатками. Он обнаружен в средней части заполнения жилы среди лопаток и их обломков, т. е. бивень сползал вместе с ними.

Бивни с нарезками были обнаружены в раскопах 1935–1936 гг. Всего – три крупных и один фрагмент. Бивень № 1 (раскоп 1935 г.) находился в кв. 6. Тонким концом он был воткнут в грунт на гл. 183 см, толстый конец бивня был обращен к востоку и отмечен на гл. 138 см. Бивень 2 был найден в северной части раскопа 1936 г., на кв. 14, в трех метрах от костей так называемого «хода». Бивень 3 залегал в раскопе 1936 г. в кв. 40, к югу от «хода». Бивень 4 (крупный обломок) был найден в кв. 41, к югу от «хода». К. М. Поликарпович обратил внимание на то,

Рис. 5. Елисеевичи. Скопление № 5, борта жилы на гл. 140 см

что бивни с нарезками на стоянке Елисеевичи – явление неслучайное, и высказал предположение, что нарезки могут являться счетными знаками (*Поликарпович*, 1968. С. 93). Обращает на себя внимание другой факт. Место находок бивней с нарезками в раскопах 1935–1936 гг. непосредственно связано с костями конструкции, разрушенной мерзлотной деформацией («ход»), т. е. находятся в положении бивня с нарезками, обнаруженного в 1972 г. Это совпадение требует более детального рассмотрения «хода» в системе общей структуры культурных остатков поселения. В коллективной монографии (*Величко и др.*, 1997) «ход» рассматривается как псевдоморфоза по жильному льду, разрез которой показал переотложение отдельных элементов культурного слоя в ее заполнение при формировании блочно-полигональной системы (Там же. С. 56, 57. Рис. 19, 20). Археологический аспект этого объекта рассмотрен в статье Л. В. Греховой (1998).

К. М. Поликарпович рассматривал вскрытое скопление с исторической точки зрения и, в соответствии с духом того времени, уделял больше внимания интерпретации объектов, чем их анализу. В раскопе 1948 г. им подробно описан «очажный слой» как пол наземного жилища со «спальной ямой» в центре. В 1935 г. он уделил особое внимание скоплению «чуринг», окруженному черепами, в СВ части раскопа как святилищу и свидетельству существования у обитателей стоянки тотемизма. В 1936 г. его внимание привлекли два ряда плоских костей, которые он объяснял как ход от реки к жилищу, уничтоженному ямой на усадьбе Бесчастного. Соотношение этих объектов с окружающим слоем его интересовало меньше и слабо отражено в публикациях. Однако вопрос о разновременности находок возникал перед ним неоднократно.

В 1970 г. на стоянке впервые были обнаружены псевдоморфозы по *жильному* льду. Их детальное изучение продолжалось в 1970–80 гг., что привело

к реконструкции полигонально-блочного рельефа на площади стоянки (*Величко и др.*, 1997. С. 63. Рис. 25). В результате появилась новая источниковая база для пересмотра структуры культурного слоя на палеолитической стоянке Елисеевичи 1. Кроме того, появилась возможность новой интерпретации обнаруженных объектов: 1) обозначились костно-земляные конструкции, а также культурный слой около них на блоках полигональной системы; 2) разделение двух разновременных структур в южной части стоянки (очажный слой и спальная яма) поставило вопрос о двух разновременных горизонтах находок; 3) тип и форма скопления № 5, его расположение по отношению к псевдоморфозе и основному слою с округлыми ямами выделили его в особую структуру в общей системе культурных отложений. То, что «ход», заново изученный на месте расположения раскопа К. М. Поликарповича 1936 г., есть результат переотложения разрушенного мерзлотной жилой культурного слоя, является установленным фактом. Необходимо понять, какая конструкция была разрушена, а также – откуда шло переотложение археологического материала. Об ущербности источников для этой цели упоминалось не один раз. Определение «ход» используется как наиболее краткое и емкое обозначение данного объекта. В монографии 1997 г. «ход» получил обозначение как скопление 6 (рис. 1) (Там же. С. 114. Рис. 51).

Ледяная жила, разрушившая скопление 6, имела направление по линии СВ–ЮЗ и выходила к борту террасы. В 1976 г. была заложена траншея длиной 14 м, шириной до двух метров, как позволял обрыв. В траншее были вскрыты три квадрата, открывшие северо-восточную часть очажного слоя, угол раскопа 1948–1935 гг. Среди вскрытых находок следует отметить лопатку, суставная впадина которой наметилась на границе кв. ЕД-4 раскопа 1935 г. (в описи № 427 с глубинной отметкой 138 см). Она явилась репером, с помощью которого были пересчитаны все глубины находок и выведены на условный «0» раскопа (или траншеи) 1963 г., равный +50 см. В траншее 1976 г., кроме того, вскрыт восточный край раскопов 1935 и 1936 гг., «ступенька» 1936 г., яма 3 у самого края обрыва, расчистка геологическая 2–72 (кв. б-48) и угол раскопа 1963 г. «Ступенька» (не вскрытый в 1936 г. участок) сохранила квадраты 21, 28 и 35 северной части раскопа 1936 г. (б-47, а-47–46, по общей сетке) и часть восточной стенки. В разрезе восточной стенки в кв. б-47 обозначился культурный слой на глубине 60–80 см (от общего репера), чистая лессовая супесь под ним и верхняя часть псевдоморфозы над культурным слоем. В кв. а-47, 46 обозначился резкий провал кремня и костей по северному борту жилы от ямы 3 к оси деформации. Морозобойная жила отделила краевую часть блока, на котором находится костно-земляная конструкция (яма 3) от южной площадки (раскоп 1935 г.). Возникла ситуация, аналогичная взаимному расположению костей скопления № 5 и ямы 1. Поэтому материалы скопления № 5 могут быть использованы для сравнения обозначенных явлений, но есть и различия. Морозобойные трещины перпендикулярны друг другу (рис. 1). В продольном разрезе имеют наклон дна по оси, т. е. более мелкие и более глубокие участки. Жила под скоплением № 5 имеет более мелкую северо-западную часть и более глубокую юго-восточную.

Яма 1 была расположена на блоке у северной, мелкой части псевдоморфозы. Жила-«ход» имеет более мелкую западную часть (раскоп 1936 г.) и макси-

мально глубокую в восточной части. Яма 3 расположена на блоке в трех метрах севернее самой глубокой части жилы. Псевдоморфозы имеют различный характер бортов: более крутой и более пологий. Псевдоморфоза – «ход» имеет более крутой северный борт кв. А-46, б-46, 47, четко отсекая краевую часть блока с костно-земляными сооружениями. Южный борт расплывчатый с обширными сбросами культурных остатков (рис. 6). Псевдоморфоза скопления № 5 имеет четкий восточный борт и более пологий западный с просадками культурного слоя (скопление № 5). Глубина обеих структур по археологическому материалу одинаковая – 260–270 см.

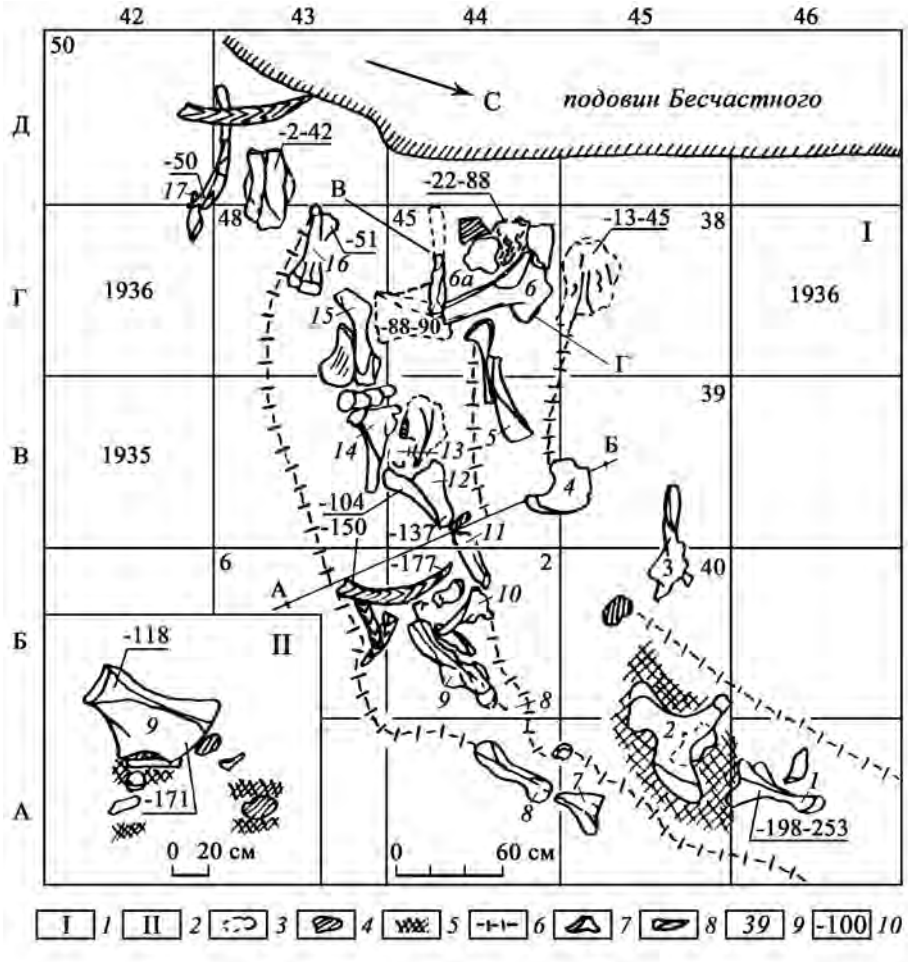

Рис. 6. Елисеевичи. План расположения костей скопления № 6

1 – основное скопление; *2* – «затек» за лопаткой; *3* – черепа; *4* – камни; *5* – зольные пятна; *6* – борт жилы; *7* – лопатки, тазовые (номера см. в тексте); *8* – бивни; *9* – номера костей (по К. М. Поликарповичу); *10* – глубина находок от репера

В результате анализа расположения псевдоморфоз на месте основного скопления каких-то конструкций можно выделить два четких блока полигональной системы, которые были освоены древним человеком (рис. 1). Блок 1 с округлыми костно-земляными конструкциями (основной слой) ограничен с юга псевдоморфозой – «ходом». С севера проходит трещина от кв. О-49, 50 в направлении ЮЗ–СВ. Она захватывает СЗ угол раскопа 1974 г. (разрез северной стенки раскопа опубликован: *Величко, Грехова и др*., 1997. С. 52. Рис. 18), западную стенку раскопа 1978 г., а также СЗ угол раскопа 1963 г. Западный край блока определяет псевдоморфоза под скоплением № 5 и восточный обрыв берега. Размеры блока между крупными трещинами: по линии С–Ю – около 12 м, по линии В–З (от реки вглубь террасы, от ямы 3 до ямы 1) – 20 м. На блоке расположены ямы с костями 1, 2, 3, 4 (северная часть раскопа 1936 г. и раскоп 1963 г.).

Второй блок на археологическом материале прослеживается хуже. Это развалы нескольких строительных ярусов в раскопе 1935 г., южная часть раскопа 1936 г., южный угол раскопа 1946 г. Четкой структурой здесь является жила-«ход», которая определяет северный край блока. Западный край ограничен «замком» трещин в раскопах 1970–1972 гг. (кв. М-35, Л-36, 37), восточный разрушен обрывом, южный не определен, но хозяйственно-производственный комплекс расположен как раз в южной части этого блока и не затронут мерзлотными процессами. Размеры блока от «замка» на ЮЗ до обрыва – около 18 м. Площадка этого блока осваивалась древним человеком очень интенсивно и длительное время. Кроме производственного комплекса в южной части, существовавшего длительное время, северную часть занимает скопление крупных костей, особенно черепов мамонта, с углублением под ними, где обнаружена статуэтка и чуринги с орнаментом.

Детальный анализ архивного материала центральной части этого блока потребовал корректировки плана размещения культурных остатков (рис. 7). Псевдоморфоза-«ход» (скопление 6) продолжается до обрыва, где отмечены выходы ее «крыльев». Скопление 7 в центре раскопа 1935 г. ошибочно обозначено круглой формой, хотя это незамкнутое ограждение. План скопления 7 является результатом реконструкции по архивным данным расположения черепов в северной части блока 2. В состав скопления 7 входили, судя по описям, черепа мамонтов, трубчатые кости, бивни, лопатки. Размеры и положение некоторых костей в описи точно не указаны, поэтому они не были фиксированы на плане (*Грехова*, 1993. С. 173–182. Рис. 3). Скопление имело форму полукруга диаметром более двух метров (расстояние от черепа 15 на востоке до черепа 19 на западе), открытого к северу. На момент раскопок черепа находились в различных положениях, но в основном на лобных костях, что свидетельствует о завале их с края в центр. По фото и описи только череп 15 стоял альвеолами вниз, но и он не был поставлен, а упал в яму, так как под его зубами находились чуринги с орнаментом и статуэтка. Под черепом 25 также находились чуринги с орнаментом. Яма глубиной 40–45 см была вырыта в рыхлом желтом лессе, имела плоское дно без углублений. Заполнена яма была зеленоватым суглинком, на котором на гл. 97–113 см от «0» обнаружены уникальные находки. В скоплении 7 есть еще один нижний (гл. 81–149 см) ярус черепов (20, 22, 26, 27), очень плохой сохранности. Некоторые из них оказались под черепами, упавшими в яму. Череп 20

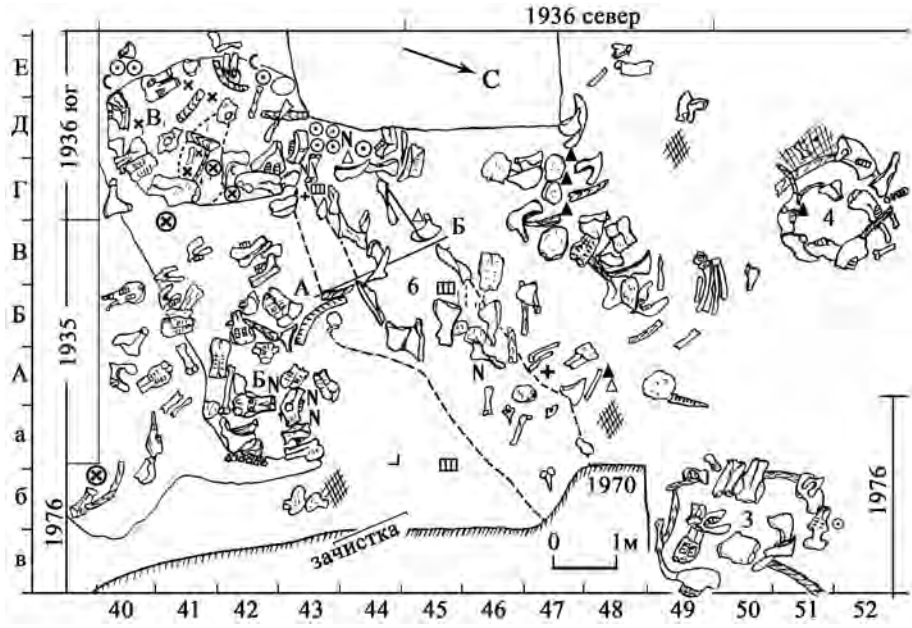

Рис. 7. Елисеевичи 1. План центральной части стоянки (реконструкция)

1 – границы мерзлотной трещины; *2* – граница зольника

под черепом 19, череп 27 под черепом 18, череп 22, по замечанию автора раскопок, закопан в землю до гл. 141 см, череп 27 (у западного края кв. Г-4, Д-4) отмечен на гл. 93 см, но рассыпался. В центре квадратов Г-3, Г-2 (гл. 135–146–166 см от «0») в описи отмечена куча неопределимых костей.

Вопрос о месте этого скопления в структуре культурных отложений стоянки остается открытым. Радиоуглеродных дат для этого участка нет. Формально конструкции из черепов, трубчатых, бивней, лопаток, тазовых над ямами характерны для основного слоя памятника. Глубина дна скопления 7 – 97–113 см – соответствует глубине дна ям с костями, но полукруглая, незамкнутая форма ограждения, нижний ярус черепов на глубине до 149 см и куча неопределимых костей в западной части кв. Г-3 не позволяют идентифицировать эти объекты. Предположение о том, что просадка культурных остатков на большую глубину связана с мерзлотными процессами (*Грехова*, 1993. С. 180), остается предположением, так как в ограждении скопления 7 разрывов, провалов крупных костей не отмечено. Ограждение представляет собой плотную конструкцию. В дневнике К.М. Поликарповича есть запись, что в квадратах Б-1, 2, 3, 4 ниже 160–170 см (93–103 см от «0») никаких находок не было. Линия квадратов «Б», кв. В-1 отделяет скопление в кв. Г-4, Г-3, Г-2 от жилы-«хода» (рис. 1). Эти факты являются материалом к размышлению.

Концепция существования «хода» так увлекла К. М. Поликарповича, что он объединил в одну структуру различные элементы культурного слоя, расположенные на различных уровнях. Кости «хода» он оставил на месте, а раскоп засыпал. Раскопками 1976 г. кости хода были вскрыты (рис. 6). Они находились

на трех различных уровнях вдоль псевдоморфозы по жильному льду (*Грехова*, 1998. С. 66–69). Весь грунт около костей был выбран. Методика раскопок К. М. Поликарповича была следующей: кости оставались на «попах», грунт вокруг них выбирался, а они подпирались палками, чтобы не падали. Как пишет автор раскопок, все пространство хода внутри и около костей снаружи было заполнено зеленым суглинком с зольными пятнами. По сторонам от стен хода залегал желтый лесс (*Поликарпович*, 1940. С. 288). Кости хода, таким образом, находились в середине заполнения жилы – в зеленом суглинке. Наиболее четко определилось положение костей в восточной, самой глубокой части псевдоморфозы по жильному льду. Это кости у южного борта жилы: 7, 8, 9, 10, 11 на глубине 115–123 см – и две кости в центре заполнения: 1 на глубине 153 см, 2 – 114 см. Под костью 2 на гл. 64–208 см обнаружились остатки черепа. Затек культурных остатков по дну трещины отмечен в кв. 40–41 (по плану 1976 г.) на глубине до 260 см, где трещина сужается до 40 см, а в слоистых песках ширина ее составляет 20–30 см. По данным описи (архив ИЭ. Ф. К1. Оп. 2. № 735), на соседних участках северной части раскопа 1936 г. основной культурный слой, включая черепа, залегает с небольшим наклоном краевой части блока к борту жилы.

При разборке костей нижней группы были обнаружены участки очень сложной деформации в зоне костей 9, 10, 11 «хода», на кв. 2, 6 раскопа 1935 г. Здесь обнаружены неопределимые обломки костей, обломки бивней, зольная масса, кремень, камни. Наибольший интерес представляет обломок конца бивня длиной около 1 м, залегающий наклонно к центру жилы на гл. 150–177 см. Перекоп 1936 г. разрушил только его верхнюю часть и не дошел нескольких сантиметров до тонкого конца. Под тонким концом бивня на гл. 177 см – затек зольной массы, которая почти вертикально опускается в трещину. Рядом с толстым концом бивня на желтом лессе находился обломок конца еще одного бивня, очень плохой сохранности (рис. 8). На фото хорошо видна разница глубины залегания тазовой кости 12 (101, 121) и наклонного бивня в нетронутом грунте. Этот «затек» культурных остатков может быть «подтянут» только с южной стороны трещины из квадратов 2, 6 раскопа 1935 г. Явление пока непонятое, так как в описи 1935 г. на квадратах 1, 2, 3, 4 ниже 100–110 см никаких находок не отмечено. Возможно, этот «затек» связан с мерзлотными процессами на северных квадратах раскопа 1935 г. (*Грехова*, 1998. С. 68). В центральной части этого раскопа ограждение скопления 7, как было отмечено, не имеет следов морозобойных процессов. Можно предположить, что это явление связано с более ранней мерзлотной структурой.

Верхняя, западная, часть «хода» связана с самым высоким уровнем залегания культурного слоя на площади стоянки. К. М. Поликарпович не один раз отмечал резкое повышение культурного слоя в западном направлении. Это как раз южные квадраты раскопа 1936 г., западная часть блока 2. В такой ситуации К. М. Поликарповичу пришлось поднимать «горизонталь» для отметок глубины. Находки лежали совсем неглубоко. При пересчете глубины находок на общий репер черепа и крупные кости на этих участках имеют положительные отметки. Другой участок площади стоянки с положительными отметками обозначился в раскопе 3 (1974 г.) на расстоянии 28 м от борта вглубь террасы.

Рис. 8. Елисеевичи. Затек культурного слоя по трещине в скоплении № 6

Череп 19 в квадрате 49\52 «как звено южной стенки» был оставлен на месте, а бивень с южной стороны его был снят с глубинными отметками (+29/–38). Череп 19 занимает самое высокое положение даже среди черепов, бивней, лопаток, тазовых на соседних участках южной части раскопа 1936 г. В 1976 г. не удалось обнаружить этот череп, очевидно, он все-таки разрушился при засыпке раскопа. Но в том же 1976 г. обнаружился обломок тазовой кости, стоящий вертикально на глубине 04–57 см. Также вертикально с небольшим наклоном стоит плечевая кость мамонта (гл. +9–57). Между ними, обломком тазовой и плечом, находился череп 16 (гл. +2–42), но он не входил в концепцию «хода» и был снят.

Верхняя группа костей «хода», таким образом, расположена на самых высоких участках блока 2 и не затронута мерзлотными процессами. Есть замечание автора раскопок о существовании в восточной части кв. 45 «порога», где на глубине 76–88 см начинается очажный слой. Ниже очажного слоя находок нет. «Порог» – это борт небольшой жилы направлением ЮВ–СЗ, которая прошла с восточной стороны высоких участков. Эта жила зафиксирована в разрезе В–Г (*Величко и др.*, 1997. С. 55, 56. Рис. 19, 20). Особенностью этого участка является то, что просадки культурного слоя над этой жилой незначительны. Возможно, это связано с направлением жилы по линии СЗ–ЮВ (нет выхода к борту террасы). Квадрат 45 заполнен крупными костями начиная с самого высокого уровня. Череп 17 стоит на очажном слое на гл. 22–88 см, лопатка в центре квадрата лежит на гл. 38–47 см, наклонная к центру деформации лопатка имеет глубину 75–125 см «остаток скопления» (№ 1435–1453 по описи), кремень, мелкие кости, уголь проникают до глубины 89–113–136 см. Очевидно, это результат «стекания» культурных остатков по борту жилы. В «замок» двух жил попала средняя группа костей «хода» (квадраты 1, 2, 5, 6 по плану 1935 г.). По опубликованному общему плану (*Поликарпович*, 1968. Приложение), все пространство над костями хода и северной части раскопа 1936 г. завалено костями. Между «стенками» «хода» также плотно лежат кости. Остается не очень понятной характеристика,

данная автором раскопок этому участку. Слой костей залегал горизонтально в лессе, очевидно, на поверхности древней почвы. Эта поверхность почвы находилась на уровне верхних частей тазов, лопаток и др. костей. Стены уходят вглубь на 50–60 см (*Поликарпович*, 1941. С. 32–37; 1940. С. 288). Крупные кости хода оказались перекрыты горизонтальным слоем других костей более мелких. Материал, очевидно, переотложен с более высоких участков залегания культурных остатков. По отношению к средней группе костей, в псевдоморфозе это западная часть блока 2 (раскоп 1936 г.) и ямы гумна. При первом посещении стоянки в 1930 г. К. М. Поликарпович отмечал высокое положение костей (1 м от поверхности) во всех стенках ямы (*Поликарпович*, 1932. С. 156–160). Смыв или сброс костей (ребер, и их обломков, зубов, позвонков) с верхних участков происходил в то время, когда кости, просевшие в среднюю часть псевдоморфозы, переходили уже в погребенное состояние, и поэтому перекрывающий их слой залегает горизонтально. Временной разрыв является фактом, но продолжительность его неясна. Сброс концентрируется над костями средней группы в деформации (рис. 6). По данным раскопок 1976 г., четыре кости (15, 14, 13, 12) по южному борту имеют глубину 110–138 см. Три кости (3, 4, 5) находились на глубине 92–148 см. Кости 15, 14, 13, 12 представляют собой плотную связку, остатки какой-то конструкции, оказавшейся в середине жилы при образовании псевдоморфозы. Расстояние от тазовой кости 14 до тазовой кости 5 (северный борт) составляет 50 см. Между ними, но вплотную к тазовой 14, на глубине 63 см находился череп мамонта (по описи 1935 г. № 363). Этот факт подтверждает завал не только мелких костей с верхних участков на уже погребенные кости хода. Восточнее «замка» трещин на квадратах 6, 2, 3 раскопа 1935 г. и квадратах 40, 41, 34 раскопа 1936 г. идет четкое интенсивное скольжение культурных остатков по наклонному дну псевдоморфозы в сторону борта террасы. Сложные криогенные и посткриогенные процессы на этом участке не позволяют представить древнюю конструкцию, которая, несомненно, существовала и была разрушена при росте жилы. Можно только предполагать (по плотности костей по южному борту), что она имела вытянутые формы и относилась к развалам сооружений в центральной части блока 2. Анализ расположения костей «хода» и их соотношения с культурными остатками на соседних участках выявил самый высокий уровень находок в западной части блока 2, с которого идет сброс материала на более низкий уровень, на участки погребенного культурного слоя. Временной разрыв пока не устанавливается. Западная часть блока 2 (раскоп 1936 г.) представлена очень интересными группировками из черепов, бивней, лопаток, тазовых и трубчатых костей, детальные планы которых отсутствуют. Под многими костями прослеживался здесь очажный слой. К этим группировкам относится западная, самая высокая часть «хода», обозначенного К. М. Поликарповичем. Существенным моментом в понимании структуры слоя и материалом к размышлению является размещение костяных поделок и индивидуальных предметов в раскопе 1936 г. Иглы, шилья, бусы, раковины, бивни с резьбой размещаются в основном в западной части блока 2 среди крупных костей, небольшое количество их найдено в южной, краевой, части блока 1, также между костями мамонта (рис. 9). Аналогичный материал насыщал очажный слой в раскопе 1948 г.

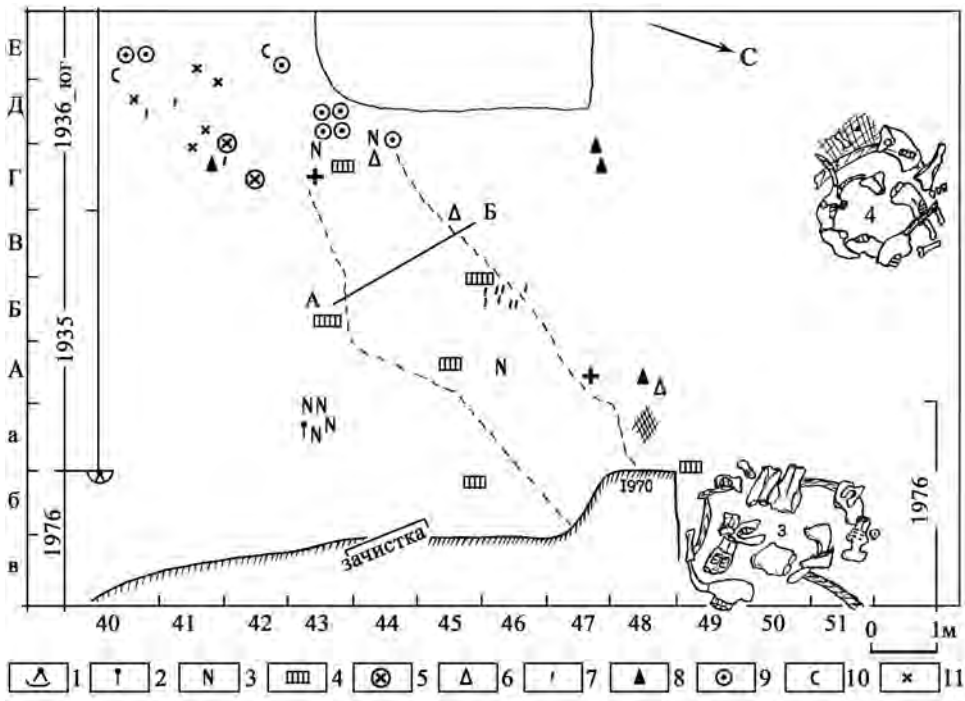

Рис. 9. Елисеевичи 1. План расположения индивидуальных находок в центральной части стоянки

1 – фигурка мамонта; *2* – статуэтка; *3* – чуринги с орнаментом; *4* – бивни с нарезками; *5* – мотыга; *6* – стержни; острия; *7* – иглы; *8* – шилья; *9* – бусы; *10* – раковины; *11* – обработанная кость

В итоге структура, обозначенная К. М. Поликарповичем как «ход», содержит три различных элемента слоя. Самый верхний – кости 17, 16, 6 – относится к комплексам западной части блока 2. Это «бугор», не затронутый мерзлотными процессами. Средний связан с незначительной просадкой какой-то конструкции в «замке» морозобойных трещин (кости 15–12 по южному борту, а также кости 4 и 5 – по северному). Кости нижней части «хода» (11–7 – по южному и 1–3 – по северному борту) представляют смыв по дну жилы части разрушенной конструкции к краю террасы. За костями 11–9 с южной стороны в разрезе псевдоморфозы обнаружилось «гнездо» культурных остатков на глубине 150–172 см. Это обломок конца бивня длиной около 1 м, лежавший наклонно в сторону жилы в кв. 2 и 6 раскопа 1935 г. В разрезе видно, что тонкий конец бивня находился под костью 12 – в заполнении жилы на гл. 172 см, т. е. на 51 см ниже этой кости. Частью какого слоя является это «гнездо», определить трудно.

Вопрос о нескольких слоях культурных остатков на стоянке Елисеевичи 1, поставленный К. М. Поликарповичем в начале исследования памятника, в конкретном выражении остается нерешенным, но постепенно проясняется. Палеогеографические исследования, начатые в 1972 г., вскрыли мощную полигонально-блочную систему на площади стояночного мыса и заставили пересмотреть динамику взаимодействия древнего человека и природной среды. В центре

исследованной К. М. Поликарповичем площади выделяются два крупных блока полигональной системы, на которых сосредотачивалась жизнь древних поселенцев в различные периоды их появления на этом мысу.

Подводя итог изложенному материалу, надо признать, что единой структуры культурных отложений на стоянке Елисеевичи 1 нет. Есть четкий горизонт распространения археологического материала на большой площади (раскопы 1970, 1972, 1974, 1978, 1963 гг.), который можно назвать основным слоем. Исключение составляют крайние квадраты раскопа 1974 г. Он представлен конструкциями из крупных костей мамонта над округлыми ямами размером 200–300 см в диаметре и глубиной 40–60 см и невыразительным слоем: обломками ребер, бивней, трубчатых и зольными пятнами около них. Кремневая индустрия основного слоя мало выразительна, представлена, главным образом, резцами с преобладанием типа бокового ретушного резца, незначительным количеством пластин с притупленным краем, единичными формами скребков. Индивидуальных форм, определяющих культуру или время, нет (*Грехова*, 1987). Основой горизонт имеет достаточно определенную временную привязку. Ровные, дренажированные плоскости блоков хорошо видны в древнем рельефе, и именно их осваивают древние строители. Это время заключительных этапов формирования полигональной системы до перехода ее в погребенное состояние. Поверхность культурного горизонта в краевых частях блоков разбита мелкими морозобойными трещинами. Очевидно, развалины прежних сооружений были еще видны в рельефе. Некоторые крупные кости: черепа, бивни, тазовые, лопатки, трубчатые – использовались как строительный материал новыми поселенцами. В яме 4, на дне вдоль стенки, находился очень крупный бивень мамонта, который не мог принадлежать ни одному из обнаруженных черепов. О вторичном использовании крупных костей в яме 1 уже говорилось. К этому горизонту с костно-земляными конструкциями можно отнести яму в южной части блока 2 под очажным слоем. Несмотря на то, что она крупнее ям в центральной части блока 1, конструкция ее внутренней части сопоставима с ямой 2 (*Грехова*, 1985. С. 9–13). В обоих объектах края ям на уровне пола были укреплены трубчатыми костями и лопатками. Пол ровный, наклонный, без углублений и следов очага, высота стенок ям около 40 см. Яма была перекрыта очажным слоем (площадка хозяйственно-производственного комплекса), но является самостоятельным элементом слоя, более древним. Это единственное место на стояночном мысу, где четко фиксируется связь объектов и их временная последовательность.

Другие свидетельства присутствия древнего человека на стояночном мысу представлены отдельными объектами и «гнездами» культурных остатков на различных уровнях и расстояниях по отношению к основному горизонту находок. Таким объектом является скопление № 5, вскрытое в раскопах 1970 и 1972 гг. Оно расположено в краевой части блока на расстоянии 50–57 см от зольника основного слоя (но на 50–60 см ниже его) и около двух метров от ямы 2. Это мощная конструкция наземного типа, состоящая из черепов, трубчатых, бивней, тазовых, лопаток, вытянутой формы размером 3,6 × 2 м, открытая к реке, что принципиально отличает ее от костно-земляных конструкций основного горизонта. Вертикальный и горизонтальный срезы морозобойной жилы, прошедшие с ее восточной стороны, позволяют предположить, что время создания

этой конструкции относится к начальной стадии формирования полигональной системы. Ледяная жила не выделялась в рельефе и не учитывалась древними строителями. Рост жилы деформировал сооружение, и оно перешло в погребенное состояние. Процесс переотложения археологического материала связан со временем общей деградации мерзлоты. В заполнении жилы найден очень крупный бивень. Погребенное состояние разрушенной конструкции наблюдалось в заполнении жилы-«хода», где на погребенные крупные кости происходил сброс материала с верхних участков.

Поздние поселенцы оставили мощный хозяйственно-производственный комплекс в южной части блока 2. Он не был затронут морозобойными процессами, имеет ровную поверхность по всей площади. Возможно, этот участок имел какую-то ограду со стороны реки, так как граница очажной массы и желтого лесса очень четко определяется на стыке раскопов 1935–1948 гг. В раскопе 1935 г. преградой для его распространения в северном направлении является скопление крупных костей (*Грехова*, 1993. С. 173–180). Возможно, к этому времени относятся наземные группировки костей в западной части блока 2, на очень высоком уровне залегания («бугор»). На это также указывает и сходство материальной культуры (костяная индустрия, украшения), и присутствие зольной массы под костями в обоих объектах. К «гнездам» культурных остатков надо отнести нижний ярус костей на гл. 125–138, 141–149 см в центре блока 2 (скопление 7); наклонный бивень на краю трещины с подстилающим его зольником на гл. 150–172 см, вскрытый в разрезе псевдоморфозы-«хода». По положению бивня и вертикального «затека» зольной массы в нижнюю часть жилы можно представить, что это «гнездо» связано со временем закладки жил полигональной системы и относится к более раннему времени, чем основной горизонт.

Вопрос о времени и месте в структуре культурных отложений стоянки Елисеевичи 1 женской статуэтки и чуринг с орнаментом остается открытым по нескольким обстоятельствам. При реконструкции по описям плана 1935 г. (*Грехова*, 1993. С. 173–182. Рис. 3) обозначилась яма, у края которой они находились. Оградка ямы из крупных костей мамонта имела форму полукруга, открытого к северу, что отличает ее от замкнутых ям основного горизонта, но глубина залегания уникальных предметов соответствует глубине дна округлых ям.

Особо следует выделить раскоп № 3 1974 г. (*Грехова*, 1974). Характер археологического материала на квадратах 49–51, «Ч–Щ», резко меняется по отношению к горизонту находок на соседних участках раскопа 1974 г. Здесь, на глубине 4–5 см от «0», вскрыта золисто-углистая масса толщиной около 8 см, расположенная по дуге шириной 5–20 см, по хорде 260 см. Внутри дуги – большое количество кремня, в основном представленное дебитажем. Крупные кости (обломки тазовых, трубчатых) возвышались над зольной массой (+5, +10 см) и уходили вглубь (в лесс) до 40 см, т. е. на 30 см ниже зольной массы. Горизонт находок разбит небольшими трещинами. Минимальные минусовые и плюсовые отметки глубины находок в раскопе № 3 1974 г. – это не просто повышение культурного слоя, а новый, другой горизонт залегания археологического материала. Раскоп № 3 1974 г., находящийся в краевой западной части вскрытой площади, является краевой частью другой жилой площадки, оставленной другой группой населения.

Для Елисеевической стоянки имеется небольшая серия углеродных дат, полученных в различных лабораториях (*Величко и др.*, 1997. С. 76. Табл. 1). Даты указывают на три временные группы с небольшим разрывом (в пределах допуска) между ними. Сложная структура культурных отложений стоянки Елисеевичи 1 ставит много вопросов общего плана. В частности, вопрос о нашем представлении о жизнедеятельности и подвижности различных групп позднепалеолитического населения. На стоянке Елисеевичи 1 нет единого слоя. Есть различные по площади и уровню залегания жилые площадки на стояночном мысу, которые в различные временные интервалы занимала одна группа (основной слой) или другие группы поселенцев с различными традициями строительной техники и различными представлениями о пространстве и месте себя в этом пространстве. Материальная культура стоянки Елисеевичи 1 не имеет аналогий среди памятников позднего палеолита Днепровского бассейна. Ведущей формой кремневой индустрии, как и на других стоянках, является резец, но соотношение типов внутри класса в материалах Елисеевичей 1 отличается от соотношений внутри этого класса на других стоянках. На фоне преобладания резцов, особенно выделяется класс индивидуальных форм, которые с первого взгляда не образуют серий. Но именно эта категория предметов требует пристального внимания и связь отдельных форм с определенными объектами или участками может дать интересные результаты. Стоянка Елисеевичи 1 до сих пор является «непознанным» объектом и требует длительного и тщательного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Величко А. А., Грехова Л. В., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И., 1997. Первобытный человек в экстремальных условиях природной среды. Стоянки Елисеевичи. М.: ГИМ. 186 с.

Грехова Л. В., 1974. Отчет о работе Деснинской экспедиции ГИМ в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Грехова Л. В., 1978. Бивень с нарезками из стоянки Елисеевичи // СА. № 2. С. 249–263.

Грехова Л. В., 1985. Костно-земляные конструкции на позденепалеолитической стоянке Елисеевичи // Труды ГИМ. Вып. 60. С. 4–25.

Грехова Л. В., 1987. Кремневый комплекс стоянки Елисеевичи // СА. № 4. С. 123–139.

Грехова Л. В., 1993. Опыт реконструкции по архивным данным утраченного плана 1935 г. палеолитической стоянки Елисеевичи. // РА. № 4. С. 173–182.

Грехова Л. В., 1998. О формах скоплений костей мамонта на позднепалеолитической стоянке Елисеевичи // Труды ГИМ. Вып. 98. С. 60–69.

Поликарпович К. М., 1932. Палеолит на р. Судасьц (водозобор р. Дзясны) // Працы сэкцыі археалогіі Інстытута гісторыі Беларускай Акадэміі навук. Т. III. Менск. С. 156–160.

Поликарпович К. М., 1940. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г. // СА. № 5. С. 285–290.

Поликарпович К. М., 1941. Археологические исследования в дер. Елисеевичи 1934–1936 гг. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936: Краткие отчеты и сведения / Под ред. В. В. Гольмстен. М.; Л.: Академия наук СССР. С. 32–37.

Поликарпович К. М., 1968. Палеолит верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника. 202 с.

Сведения об авторе.

Грехова Людмила Вадимовна, Государственный Исторический музей, Красная площадь, д. 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: *нет*.

L. V. Grekhova

Structure of the cultural deposit of the Yeliseyevichi 1 site, based on materials from excavations of 1970–1980

Abstract. In this article the possibility of functioning of archaeological complexes of different age at the Yeliseyevichi 1 Upper Palaeolithic camp-site is discussed. Features in the cultural layer are described, also the archaeological stratigraphy of the site and the correlations between archaeological features and cryogenic disruptions of the cultural layer.

Keywords: Upper Palaeolithic, Yeliseyevichi 1 site, spatial structure of the cultural layer, stratigraphy, cryogenic deformations.

REFERENCES

Grekhova L. V., 1974. Report on the work of Desna expedition of State Historic museum in 1974. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished.)

Grekhova L. V., 1978. Biven' s narezkami iz stoyanki Yeliseyevichi [Incised mammoth tusk from station Yeliseyevichi]. *SA*, 2, pp. 249–263.

Grekhova L. V., 1985. Kostno-zemlyanyye konstruktsii na pozdenepaleoliticheskoy stoyanke Yeliseyevichi [Bone-earthen constructions at Late Palaeolithic station Yeliseyevichi]. *Trudy GIM* [*Transactions of SHM*], 60, pp. 4–25.

Grekhova L. V., 1987. Kremnevy kompleks stoyanki Yeliseyevichi [Flint complex of station Yeliseyevichi]. *SA*, 4, pp. 123–139.

Grekhova L. V., 1993. Opyt rekonstruktsii po arkhivnym dannym utrachennogo plana 1935 g. paleoliticheskoy stoyanki Yeliseyevichi [Experience of reconstruction of lost plan (1935) of Palaeolithic station Yeliseyevichi on archive data]. *RA*, 4, pp. 173–182.

Grekhova L. V., 1998. O formakh skopleny kostey mamonta na pozdnepaleoliticheskoy stoyanke Yeliseyevichi [On shapes of accumulations of mammoth bones at Late Palaeolithic station Yeliseyevichi]. *Trudy GIM* [*Transactions of SHM*], 98, pp. 60–69.

Polikarpovich K. M., 1932. Paleolit na r. Sudas'ts (vodozobor r. Dzyasny) [Palaeolithic on River Sudost' (tributary of River Desna)]. *Pratsy sektsyi arkhealogiiInstytuta gistoryi Belaruskay Akademii navuk* [*Transactions of Archaeological section of Institute of History, Byelorussian Academy of Sciences*], III, pp. 156–160.

Polikarpovich K. M., 1940. Raboty po paleolitu v Zapadnoy oblasti v 1936 g. [Works on Palaeolithic in Western Region in 1936]. *SA*, 5, pp. 285–290.

Polikarpovich K. M., 1941. Der. Yeliseyevichi i dr., 1935–1936 gg. [Village Yeliseyevichi and other, 1935–1936]. *Arkheologicheskiye issledovaniya v RSFSR. 1934–1936 gg.: Kratkiye otchety i svedeniya* [*Archaeological research in RSFSR. 1934–1936: Brief reports and data*]. V. V. Gol'msten, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 32–37.

Polikarpovich K. M., 1968. Paleolit verkhnego Podneprov'ya [Palaeolithic of Upper Dnieper basin]. Minsk: Nauka i tekhnika. 202 p.

Velichko A. A., Grekhova L. V., Gribchenko Yu. N., Kurenkova Ye. I., 1997. Pervobytny chelovek v ekstremal'nykh usloviyakh prirodnoy sredy. Stoyanki Yeliseyevichi [Primitive man in extremal conditions of natural environment. Station Yeliseyevichi]. Moscow: Gosudarstvenny istorichesky muzey. 186 p.

About the author.

Grekhova Lyudmila V., The State History Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: *n/a.*

А. А. Симоненко, О. И. Александрова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ КОМПЛЕКСА № 2 ПЕРВОГО СЛОЯ СТОЯНКИ ТРЕТИЙ МЫС

Резюме. В статье анализируются материалы комплекса № 2 первого слоя верхнепалеолитической стоянки Третий мыс (рис. 1). Результаты функционально-планиграфического анализа позволили говорить о структурном единстве комплекса № 2 (цв. илл. XIX) и выделить в пределах комплекса несколько специализированных зон: обработка шкур скребками – в области приочажного скопления и пятна красной охры, подправка и переоформление скребков – в области скопления микродебитажа (цв. илл. XX).

Ключевые слова: Третий мыс, палеолит, планиграфия, ремонтаж, экспериментально-трасологический метод, микроследы, скребок, микродебитаж.

Верхнепалеолитическая стоянка Третий мыс (Каменная Балка 3) расположена на пологом мысу правого борта балки Каменная, к СЗ от хут. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области. Стоянка открыта М. Д. Гвоздовер в 1962 г. (*Гвоздовер*, 1964), исследовалась ею в 1967–1970 гг., и была отнесена к каменнобалковской археологической культуре. С 1990 г. раскопки ведутся экспедицией Государственного Исторического музея под руководством Н. А. Хайкуновой[1] (*Хайкунова*, 1996; 2004; 2006; 2007; 2011).

На стоянке были выявлены три «уровня обитания», второй уровень прослеживается на всей раскопанной площади, первый и третий зафиксированы в ЮВ части памятника (*Хайкунова*, 2004). Верхний (первый) «уровень» до настоящего момента не являлся самостоятельным предметом исследования и упоминается в публикациях как «верхний уровень обитания» (Там же), или «первый культурный слой» (*Хайкунова*, 2007; 2011; *Леонова и др*., 2006), и предварительно определен как «остатки кратковременного поселения типа охотничьего лагеря» (*Хайкунова*, 2011. С. 383).

[1] Авторы выражают благодарность к. и. н. в. н. с. отдела археологических памятников ГИМ Н. А. Хайкуновой и д. и. н. проф. кафедры археологии МГУ Н. Б. Леоновой за предоставленную возможность работы с материалами памятника, советы и консультации.

Первый слой приурочен к верхней и средней частям пачки буровато-палевого суглинка позднеплейстоценового времени и лежит на 5–10 см ниже границы с черноземом. Мощность горизонта залегания находок первого слоя колеблется от 2 до 25–30 см на отдельных участках, культурные остатки залегают взвешенно, но в пределах скоплений разброс глубин небольшой (1–5 см). Находки первого и второго слоев разделяет стерильная прослойка мощностью 20–35 см, при этом существуют зоны с почвенными нарушениями, связанные с деятельностью землероев, сухим растрескиванием. Нижележащий второй слой приурочен к средней части палевого суглинка, по данным радиоуглеродного анализа датируется 13,6–13,2 тыс. л. н. (*Леонова и др.*, 2013. С. 101). Таким образом, первый слой может быть отнесен к интервалу 13,2 тыс. л. н. – границе плейстоцена-голоцена.

Работая с материалами первого слоя[2], авторы отталкиваются от определения культурного слоя как «структурного единства предметов, объектов и других остатков человеческой деятельности, залегающих в погребенном состоянии», равного одному поселению, предложенного Х. А. Амирхановым (*Амирханов*, 2000. С. 43). Данное определение позволяет различать понятия «культурный слой», основным признаком которого является структурное единство, и «культурные отложения», где подобное единство либо отсутствует, либо еще не доказано. Одной из задач данного исследования было выявление структурного единства предметов и объектов в рамках первого слоя. Раскопки памятника Третий мыс (далее ТМ) проводились по методике, разработанной для однокультурных памятников Каменная Балка 1 и Каменная Балка 2 (фиксация находок, объектов и почвенных нарушений в трехмерном пространстве, промывка вмещающей «слой» породы[3] и т. д., см.: *Миньков*, 1990). Эта методика дала возможность решать эту и другие задачи: провести планиграфические и микростратиграфические наблюдения, сделать максимально возможный ремонтаж расщепленного кремня.

На площади раскопов 2003–2013 гг. (162 кв. м) выявлены 4 скопления (№ 1–4). Скопления материала определяются визуально, они приурочены к древней погребенной «ложбине», выявленной на основании микростратиграфических наблюдений (рис. 1). Коллекции[4] насчитывают 1 238 предметов, из которых 1 224 из кремня, 240 – морфологически выраженные орудия. Типологический состав и технико-морфологические характеристики кремневого инвентаря позволяют говорить о единстве материала первого слоя и предварительно отнести его к каменнобалковской археологической культуре.

[2] Используя формулировку «первый слой», авторы имеют в виду исключительно стратиграфическую позицию слоя, не применяя понятия «культурный слой» ко всему первому слою.

[3] При раскопках первого слоя Третьего мыса каждый квадрат делился на четыре сектора (a, b, c, d), промывка производилась по секторам через миллиметровые сита.

[4] Номера коллекций, хранящихся в ГИМе: 2314нв, 2315оф; 2323оф, 2324нв; 2334нв, 2335оф; 2354нв, 2355оф; 2361оф, 2362нв; 2366оф, 2367нв; 2377оф, 2378нв; 2388оф, 2389нв; 2395оф, 2396нв; 2402оф, 2403нв; 2418оф, 2419нв.

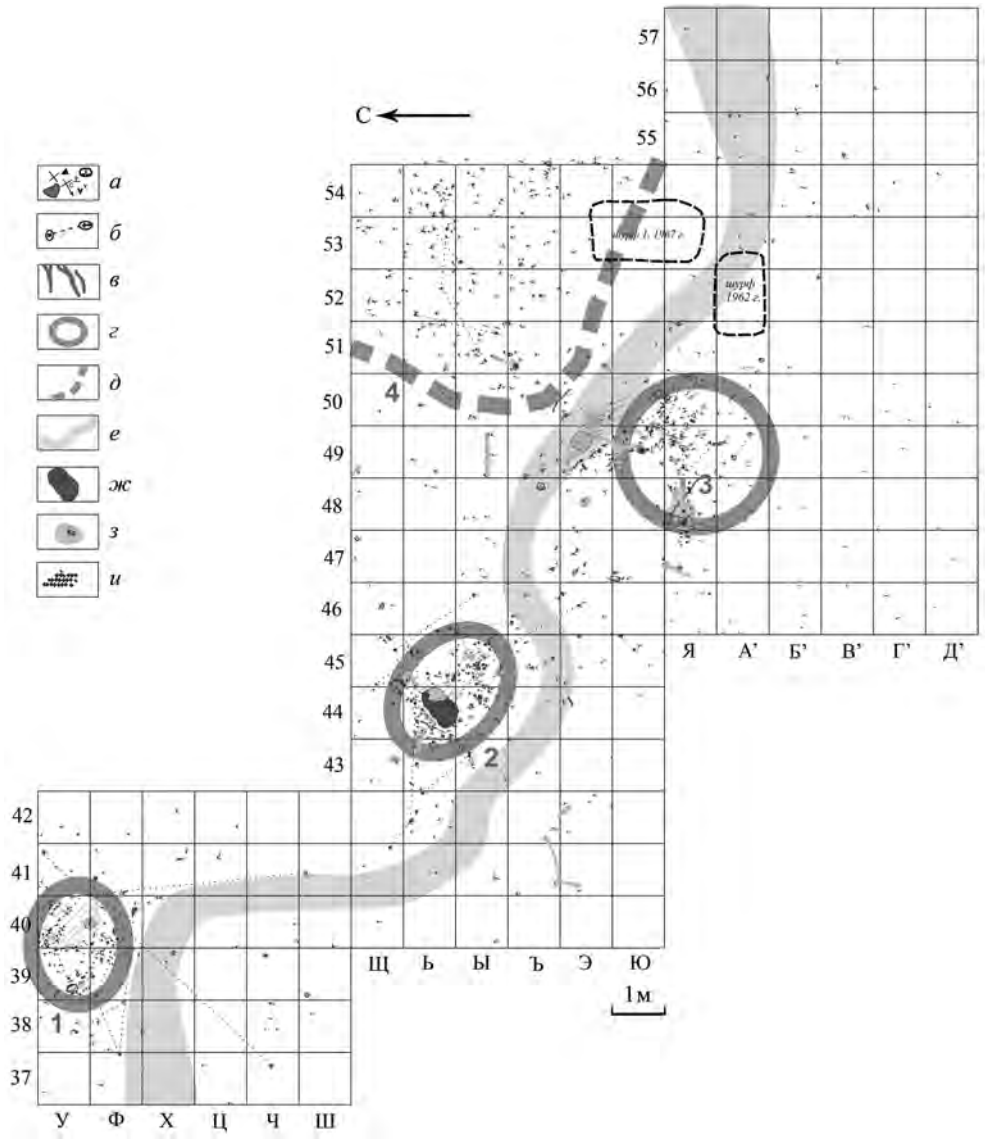

Рис. 1. Стоянка Третий мыс. Сводный план первого слоя (2003–2013 гг.), соотношение комплексов № 1–3, и скопления № 4

Условные обозначения: *а* – кремни, кости и зубы, уголь, камни; *б* – связи по ремонтажу; *в* – трещины с темным заполнением; *г* – комплексы № 1–3; *д* – скопление № 4; *е* – древняя ложбина; *ж* – очаг; *з* – кротовина; *и* – зольный или гумусный прослой

В пределах трех скоплений (№ 1, 2 и 3) выявлены многочисленные разнонаправленные «связи» по ремонтажу (от 25 до 40). Разница между глубинами залегания аппликируемых предметов составляет от 0,5 до 26 см (во всех случаях разница более 10 см связана с «длинными связями» (от 4 м), что обусловлено

как локальными нарушениями (связанными с деятельностью землероев), так и характером древней поверхности. «Связи» по ремонтажу и планиграфические наблюдения свидетельствуют о структурном единстве материала в рамках каждого из трех скоплений и позволяют считать последние гомогенными комплексами. Скопление № 4 демонстрирует иную ситуацию: в пределах скопления выявлены немногочисленные связи по ремонтажу (6), разброс глубин залегания находок колеблется от 10 до 30 см, кремневый материал патинирован сильнее, чем материал из комплексов № 1–3, внутри скопления отсутствует внутренняя структура, предварительно материал можно считать частично переотложенным. «Связи» как между комплексами № 1, 2, 3, так и между комплексами и скоплением № 4 отсутствуют. Данных о синхронности комплексов № 1–3 нет. Для комплекса № 3 по костному углю была получена радиоуглеродная дата – 13 100 ± 200 BP[5] (SPb_521_R Date). Таким образом, предварительно мы можем говорить о трех участках культурного слоя (связанных с комплексами № 1, 2, 3) в рамках первого слоя стоянки ТМ. Для применения функционально-планиграфического анализа был выбран комплекс № 2. Этот выбор обусловили следующие причины: чистота археологических материалов, составляющих единый технико-типологический комплекс и залегающих insitu, наличие углубленного объекта (очага), концентрация в приочажном скоплении определенных категорий орудий и возможная кратковременность бытования комплекса.

Участок, сопряженный с комплексом № 2, расположен в ЮВ части памятника. Комплекс состоит из нескольких структурных элементов: очажного пятна / очага (кв. Ь44) и приочажного скопления находок (кв. Ь44, восточная часть кв. Ь43, северо-восточная часть кв. Ы43, западная часть кв. Ь45, юго-западная часть кв. Щ45), скопления микродебитажа[6] (кв. Ы45, восточная часть кв. Ы44), пятна красной охры (восточная часть кв. Ь43, западная часть кв. Ь44). Площадь комплекса – 50 кв. м, из которых 45 – периферия, где находки единичны / малочисленны. Всего в комплексе зафиксировано 487 кремневых предметов и 38 костных фрагментов[7], немногочисленные угольки, 90 % артефактов и 60 % костных фрагментов связаны с приочажным скоплением и скоплением микродебитажа.

Основные структурные элементы комплекса (очажное пятно / очаг, приочажное скопление, скопление микродебитажа и пятно красной охры) расположены на соседних квадратах (Ь43–44, Ы44–45) и приурочены к северному борту и склону древней «ложбины». Очажное пятно / очаг представляло собой мелкое чашеобразное углубление на высоком северном борту ложбинки. В 30–40 см

[5] 14 316–13 191 (calBC, в программе OxCal).

[6] Под термином «микродебитаж» авторы понимают мельчайшие кремневые сколы, как полученные в результате промывки вмещающей культурный слой породы, так и зафиксированные в качестве отдельных находок размером до 15 мм, на которых выделяются проксимальная часть с ударной площадкой, медиальная и дистальная части.

[7] В том числе два определимых фрагмента (определения В. В. Титова) из приочажного скопления: кв. Щ45, средняя часть диафиза плюсневой кости (метаподия передняя) – бизон, взрослая особь; кв. Ь43–44, фрагмент средней части диафиза длинной кости или метаподии (сильно выщелочена) – благородный олень (?).

к З от него расположено пятно охры, на расстоянии 50–70 см к ЮВ – скопление микродебитажа. Внутри комплекса прослежено 39 разнонаправленных «связей» по ремонтажу последовательно снятых сколов, переоформления орудий, обломков орудий и сколов, как внутри структурных элементов комплекса, так и между структурными элементами и периферией (цв. илл. XIX).

Состав кремневых находок отражает полный технологический цикл раскалывания от подготовки ядрища до изготовления орудия (табл. 1). В коллекции представлены разнообразные технические сколы (сколы оживления ударной площадки нуклеуса (3 пр. – 1 %), ребристые сколы (8 пр. – 2 %), первичные отщепы (23 пр. – 5 %) и первичные пластинчатые сколы (22 пр. – 5 %), при этом нуклеусы единичны. Найден один вторичный торцевой нуклеус на массивном отщепе, к которому аппликировано 4 последовательно снятых скола. Самой многочисленной является группа микродебитажа (236 пр. – 48 %). Морфология сколов микродебитажа разнообразна, их длина варьирует от 2 до 15 мм, при этом большая часть чешуек являются сколами оформления или подправки скребковых лезвий.

Таблица 1. Состав кремневого инвентаря комплекса № 2

	Количество	%
Нуклеусы	1	0,2
Скол оживления ударной площадки нуклеуса	3	1
Ребристые сколы	8	2
Первичные пластинчатые	22	5
Первичные отщепы	23	5
Пластины	56	11
Отщепы	76	16
Резцовые / краевые отщепки	7	1
Орудия	55	11
Микродебитаж	236	48
Всего	487	100

Судя по морфологии ударных площадок, можно предварительно заключить, что расщепление в рамках комплекса производилось с помощью ударной техники как твердым, так и мягким минеральным отбойником. Часть площадок демонстрирует большую глубину (до 6 мм) и четко выраженную точку удара на задней линии площадки, что характерно при использовании твердого минерального отбойника. При этом на серии сколов глубина площадки не превышает 1 мм, что сочетается со слабовыраженной «губой» и вентрально-проксимальной псевдоподтеской (*Коваль*, 1996). Это указывает на возможность применения мягкого минерального отбойника.

Основной заготовкой для орудий являлась массивная широкая пластина или пластинчатый скол (без правильной огранки, с субпараллельными краями), в редких случаях (при изготовлении пластинок с притупленным краем или притупленным концом) в качестве заготовки использовались пластинки.

Микропластинки среди кремневого инвентаря комплекса № 2 отсутствуют. Приемы вторичной обработки кремня в рамках комплекса включают в себя ретушь, резцовый скол и вентральную подтеску. Орудия составляют 11 % (22 % без учета микродебитажа) от общего количества находок. Представлены основные категории, характерные для данного памятника (табл. 2): скребки (26 экз. – 47 %, рис. 2, *13–20, 23*), резцы (9 экз. – 16 %, рис. 2, *6–7, 9–12*), пластинки с притупленным краем – ППК (5 экз. – 9 %, рис. 2, *1–5*), пластинки с притупленным концом (5 экз. – 9 %, рис. 2, *8*), острия (3 экз. – 6 %, рис. 2, *21*), чешуйчатые орудия (2 экз. – 4 %; рис. 2, *22*). Большинство орудий связаны с приочажным скоплением и скоплением микродебитажа, две категории орудий – резцы (7 из 9 экз.) и все острия – связаны с периферией комплекса (цв. илл. XIX).

Таблица 2. Орудийный состав комплекса № 2

Скребки	26	47 %
Резцы	9	16 %
МППК / ППК	5	9 %
Чешуйчатые	2	4 %
Острия	3	6 %
Пластинки с притупленным концом	5	9 %
Фрагменты орудий	3	5 %
Пр. со следами использования	2	4 %
Всего	55	100 %

В приочажном скоплении и его ближайшем окружении сосредоточено 15 скребков комплекса № 2, в рамках скопления микродебитажа найдены 4 пластинки с притупленным краем, 2 пластинки с притупленным концом, 1 резец, к которому аппликирована часть корпуса (рис. 2, *10*), 2 скребка, к одному из которых аппликирован скол переоформления лезвия (рис. 2, *14*), и аккомодационная часть скребка из приочажного скопления. Два скола (чешуйки) подновления скребковых лезвий из скопления микродебитажа аппликированы со скребками (цв. илл. XXI, *Б*; XXII, *Г*) из приочажного скопления, что позволяет утверждать, что имеется связь скопления микродебитажа с приочажным скоплением и, вероятно, определенной операцией – переоформлением лезвий скребков.

Основными категориями орудий комплекса № 2 являются скребки и резцы. Большая часть резцов ретушные (рис. 2, *6, 9–12*), один – на сломе заготовки (рис. 2, *7*) и три двугранных. Скребки были проанализированы по разработанной на материалах каменнобалковской археологической культуры и не раз апробированной методике (*Гвоздовер, Деопик*, 1984; *Виноградова*, 1996) и включены в уже созданную систему классификации (*Виноградова*, 1996). Все скребки комплекса № 2 концевые, 4 сделаны на заготовках случайной формы (СФ) – технических сколах, отщепах и осколках (рис. 2, *18*), 17 – на пластинчатых заготовках неслучайной формы (НСФ) – это скребки вытянутых пропорций (ВП) с одним оформленным в качестве лезвия концом (ОК) и один

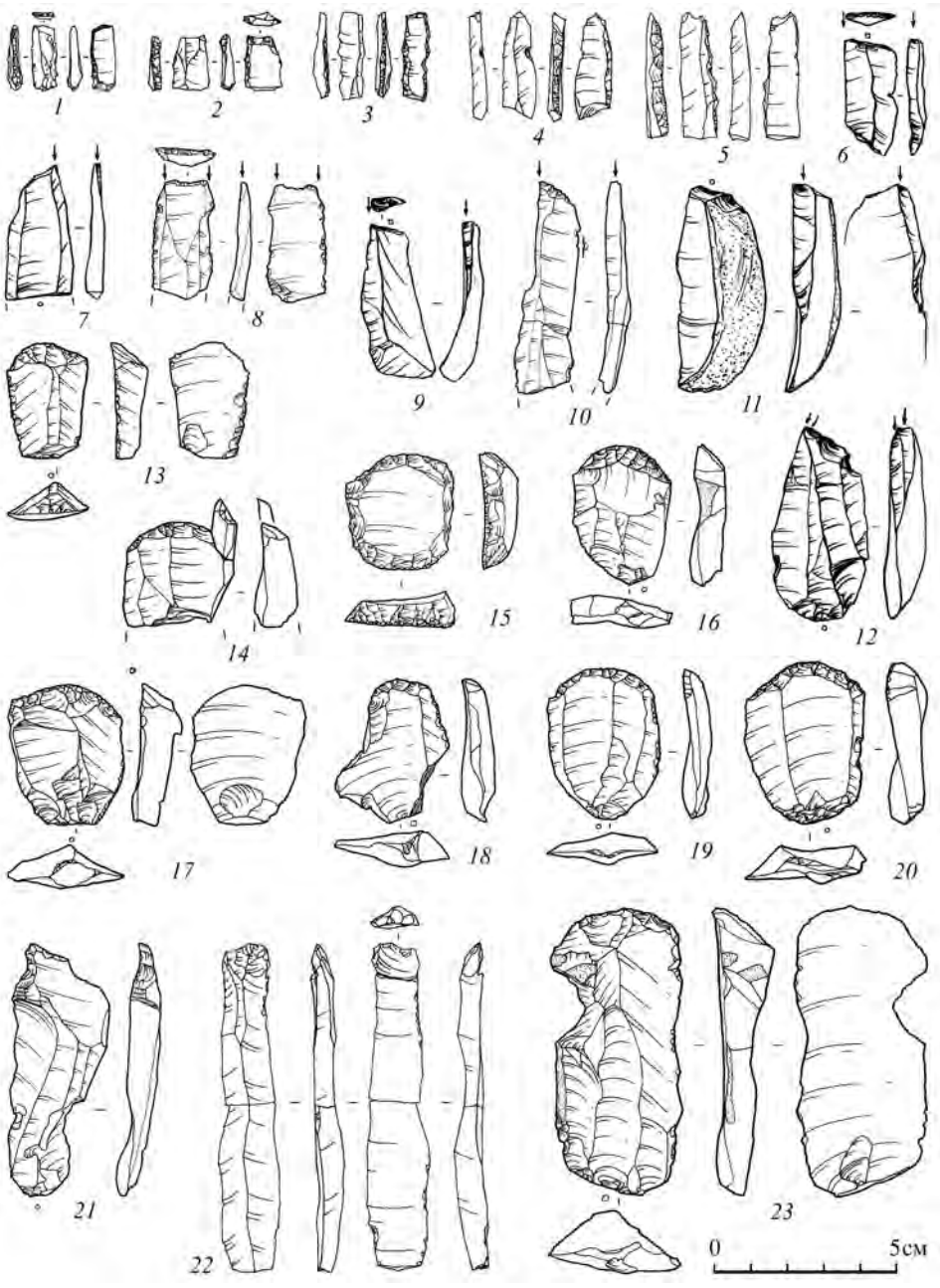

Рис. 2. Стоянка Третий мыс, первый слой. Кремневый инвентарь комплекса № 2

двойной скребок (ДК) с ретушированными краями (рис. 2, *15*). Группа скребков ВП делится на две группы УРФ (устойчивой разновидности формы): скребки с выраженным схождением краев (СВС) – 11 экз. – и скребки без выраженного схождения краев (БВС) – 6 экз. В группе скребков СВС выделены следующие типы УРФ: СВСА4 – 7 экз., характеризующихся большой шириной и толщиной лезвия, средней длиной заготовки (не более 5 см) и достаточно узким основанием (рис. 2, *13, 17, 19, 20*); СВСА3 – 1 экз., имеющий более вытянутую форму и меньшую ширину лезвия (по сравнению с СВСА4); СВСБ2 (1 экз.) и СВСБ5 – 1 экз. (цв. илл. XXI, *Б*), отличающиеся наибольшей в подгруппе СВС длиной (5–8 см), и СВСБ6 (1 экз.) с более широким, по сравнению с СВСБ2 и 5, лезвием. В группе БВС выделены следующие типы УРФ: БВС2–3, характеризующиеся наибольшей длиной корпуса (до 8 см) при узком, относительно длины корпуса, лезвии и параллельными краями (рис. 2, *23*; 5, *Б*); БВС3 (3 экз.) – это скребки, имеющие длину не более 4,4 см, с широким лезвием и параллельными краями (цв. илл.XXI, *В*). Четыре предмета фрагментированы (они не включены в классификацию, но характер заготовки был определен), три скребка ремонтажированы с аккомодационными частями, к трем скребкам аппликированы сколы переоформления / подправки лезвия.

Скребки, происходящие из комплекса № 2, были подвергнуты трасологическому анализу. Целью проводившегося анализа было установление выполняемых скребками функций и кинематики работы ими. Трасологический анализ проводился по традиционной схеме, методологическую основу которой составляют работы, посвященные как общим вопросам развития метода, так и примерам применения метода к изучению конкретных археологических материалов (*Семенов*, 1957; *Odell*, 1979; *Keeley*, 1980; 1982; *Plisson*, 1985; *Коробкова, Щелинский*, 1996; и др.).

Изучение поверхности орудий производилось при помощи бинокулярного микроскопа МБС-2, металлографического микроскопа Olympus с увеличением в диапазоне 50–500 крат, а также металлографического микроскопа Olympus MX 51 с увеличением в диапазоне 50–1 000 крат. Перед изучением поверхность орудий проходила очистку с помощью щелочных и кислотных растворов, а также обрабатывалась спиртом.

Анализ поверхности орудий позволяет говорить о ее хорошей сохранности. Деформации, связанные с контактом скребков со слоем, выражены в виде легкой заглаженности ребер корпуса и его поверхностей, а также бессистемно расположенных пятен заполировки с тонкой разнонаправленной линейностью в структуре, царапин. Такие повреждения поверхности встречены в единичных случаях. Часть орудий (два скребка) имеет патинированность с разной степенью выраженности.

Общее число изученных с помощью трасологии скребков составляет 26 ед. Преобладает группа скребков (18 ед.) с комплексом микроследов, характерных для обработки шкуры / кожи (цв. илл. XXI; XXII). Рабочим лезвием во всех случаях служил конец скребка, оформленный ретушью. Следы локализуются вдоль кромки дугообразного, волнистого на микроуровне лезвия скребка и затухают при переходе на боковые его стороны. Все скребки имеют скругленный, приближенный к арочному профиль рабочего лезвия. Заполировка располагается

на самой кромке лезвия и узкой полосой на вентральной стороне, примыкающей к кромке, облегающая – характерна для обработки подсушенных и сухих шкур (*Коробкова, Щелинский*, 1996). Линейные следы в структуре заполировки представлены невыразительными тонкими рисками, располагающимися преимущественно перпендикулярно к линии кромки рабочего лезвия. Сломы скребков приходятся на среднюю часть корпуса орудий, что, по всей вероятности, происходило из-за давления рукояти на корпус при определенном угле работы орудием. В четырех случаях по слому корпуса скребка встречена уплощающая ретушь по спинке, причем межфасеточные грани несут на себе признаки истертости в виде уплощения части ребра и локальных пятен четко очерченной налегающей заполировки, что позволяет предполагать использование скребков в рукояти, а подобную ретушь интерпретировать как намеренную подгонку скребка под рукоять (цв. илл. XXI; XXII).

Интересно, что среди изучаемого скопления обнаружено значительное количество кусков охры и отмечается прокрашенность ею участка культурного слоя. По данным этнографических исследований, а также на основании археологических наблюдений, консервирующие свойства охры применялись при выделке шкур (*Keeley*, 1980. P. 170–172; *Vaughan*, 1985. P. 99, 100; *Bonwick*, 1898. P. 24; *Dubreuil, Grosman*, 2009. P. 935–954; *Audouin, Plisson*, 1982. P. 33–80).

Следы, характерные для скобелей по твердому органическому материалу, выявлены на лезвиях трех скребков: на двух орудиях отмечен комплекс следов, характерный для скобления кости, и одного – дерева. На 5 скребках не удалось выявить диагностирующих признаков износа, позволяющих установить их функцию и обрабатываемый ими материал.

Трасологически был изучен микродебитаж, происходящий из комплекса № 2. Всего было изучено 236 единиц микродебитажа, из которых со следами работы было выявлено 20. Комплекс следов, характерный для скобления шкур / кожи был встречен на 11 экз. дебитажа, причем один скол со следами «шкурного» износа был аппликирован к скребку. Наличие идентичных следов износа на дебитаже и на скребках, выполнявших функцию обработки шкур, а также высокий процент скребков среди всех находок из комплекса № 2 указывают на вероятную специализацию деятельности в рамках изучаемого скопления, ассоциируемую с циклом обработки шкур / кожи.

Выводы о функциях скребков и о следах на микродебитаже, сделанные на основе трасологического анализа, верифицировались при помощи сравнения наблюдаемых следов с эталонными следами износа на экспериментальных орудиях. В настоящее время коллекция эталонов, которой располагают авторы, насчитывает более 200 экспериментальных орудий (и подправок их лезвий) по обработке различных органических и неорганических материалов с различной кинематикой и продолжительностью работы, полученных в ходе экспериментов М. Г. Жилина, экспериментально-трасологических школ в Зарайске и Ростовской обл., а также экспериментов на базе Института археологии РАН и Института проблем экологии и эволюции РАН.

Трасологические данные позволили сделать выводы о соотношении морфологии и функции скребков. Скребки, функционально связанные с обработкой

шкуры / кожи (18 пр.), были отнесены к следующим группам и типам УРФ: 1 – ДК; 3 – СФ; 5 – СВСА4; 1 – СВСБ5; 1 – СВСБ6; 2 – БСВ2; 3 – БСВ3, 2 – фрагментированы. Скребки, которыми работали по твердым материалам – кости / дереву, распределились следующим образом: 1 – СФ; 2 – СВСА4. Судя по этим данным, типы УРФ скребков не связаны с их функцией. Возможно, это обусловлено постоянной необходимостью подправки лезвий скребков. В. Е. Щелинский, на основании экспериментальных наблюдений, отмечает изменчивость размеров и формы скребков в процессе использования[8]. Изменения происходят в момент совершенно необходимых периодических подправок этих орудий: кремневые скребки при мездрении и пушении бахтармы нуждаются в подправке ретушью через 0,5–1,5 часа работы. Нередки случаи поломок орудий, особенно сделанных из тонких заготовок. Корпус скребка в результате подобных подправок становится короче на 1 см и более. При этом в комплексе № 2 выделяются два количественных признака корпуса скребков, сохраняющиеся при морфологическом разнообразии: это толщина лезвия (только 3 скребка имеют толщину лезвия меньше 6 мм, средняя толщина – 6–9 мм) и ширина лезвия (всего 2 скребка имеют ширину лезвия меньше 20 мм, средняя ширина лезвия 25–35 мм).

Данные трасологического анализа, дополненные результатами планиграфических наблюдений и ремонтажа, позволяют гипотетически реконструировать последовательность операций, связанных с работой конкретными скребками. Группа скребков (3 пр.) связана с операцией оформления / подправки лезвия орудия. В первом случае (цв. илл. XX, *А*; рис. 2, *14*) и скребок, и аппликированный к нему скол связаны со скоплением микродебитажа. Можно предположить, что при оформлении лезвия из-за микротрещины мастер отколол часть корпуса и вынужден был переоформлять лезвие заново. Полученным в результате скребком обрабатывали мягкий материал (шкуру / кожу) и оставили его в зоне скопления микродебитажа.

Во втором случае к двум скребкам из приочажного скопления аппликированы сколы подправки лезвия из скопления микродебитажа (цв. илл. XX, *Б, В*; XXII, *Г, Д*). На лезвии первого скребка, как и на сколе, были зафиксированы следы микроизноса, характерного для обработки шкуры / кожи (цв. илл. XX, *Б*; XXII, *Д*), на лезвии второго скребка были зафиксированы следы шкурного износа, на сколе микродебитажа – нет (цв. илл. XX, *Г*; XXII, *Г*). Данный скребок сделан из кремня с уникальной для комплекса № 2 цветностью, и в скоплении микродебитажа, помимо аппликированной чешуйки, были обнаружены еще 8 сколов подправки скребкового лезвия того же цвета. Ни один из них аппликирован к скребку не был, но на одном из них были зафиксированы следы, идентичные следам на скребке (цв. илл. XXII, *Г*). Можно предположить, что эти скребки были принесены к первоначальному месту работы (приочажное скопление? пятно красной охры?), непродолжительное время ими обрабатывали шкуры, возникла необходимость подправки лезвия, скребки были подправлены (в зоне скопления микродебитажа либо на месте работы), и ими продолжили обрабатывать шкуры / кожу в зоне приочажного скопления. Работа, видимо, была окончена, так как скребки

[8] Устное сообщение В. Е. Щелинского.

были оставлены в зоне приочажного скопления. Учитывая характер заполировки скребковых лезвий (не сильная) и «соседство» приочажного скопления и скопления микродебитажа, можно полагать, что данные операции, скорее всего, были произведены за непродолжительный временной промежуток.

Два скребка связаны с ситуацией, когда после поломки орудия была подправлена его аккомодационная часть (цв. илл. XX, *Г, Д*; XXI, *А, Б*). Первый скребок обнаружен в приочажном скоплении, а его аккомодационная часть – в скоплении микродебитажа (цв. илл. XX, *Г*; XXI, *Б*). Возможно, во время работы скребок был сломан, по слому корпуса подправлен уплощающей ретушью по спинке в области скопления микродебитажа (что можно интерпретировать как намеренную подгонку скребка под рукоять), и им продолжили обработку шкуры / кожи в области приочажного скопления. Второй скребок находится в 1 метре к З от приочажного скопления, его аккомодационная часть – в 1,3 м к Ю от скребка (цв. илл. XX, *Д*; XXI, *А*), здесь зафиксирована идентичная первому случаю ситуация. Оба скребка сделаны из кремня характерного цвета и структуры, количественные признаки корпуса (длина корпуса, ширина и толщина лезвия) скребков очень близки, можно предположить, что заготовки для этих скребков были сколоты с одного ядрища. Заготовки для скребков могли быть получены в пределах комплекса № 2 или принесены с собой в готовом виде. На данном этапе исследования однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Однако среди дебитажа, связанного с приочажным скоплением комплекса № 2, было обнаружено около 10 кремневых сколов с такой же коркой, цветностью и структурой кремневого сырья, как у кремня, из которого сделаны последние два скребка. Аппплицировать ни один из сколов с негативами на спинке скребков не удалось. Но если привлечь аналогии к рассматриваемому сюжету, то в материалах комплекса № 3 есть «складанка» из двух последовательно снятых сколов – первичного отщепа и последующего массивного пластинчатого скола, на первичном отщепе был оформлен концевой скребок.

Делать окончательные выводы не представляется возможным, но материал позволяет выдвинуть несколько предположений о характере структурных элементов комплекса № 2, их соотношении и деятельности, связанной с последними:

1. На изученном участке «первого слоя» производили обработку шкур / кожи в пределах приочажного скопления и пятна охры, а в нескольких метрах от них, в пределах скопления микродебитажа, производилась «заточка» / оформление лезвий скребков.

2. Операции, связанные с подправкой / оформлением лезвий скребков, производились на месте работы (в области приочажного скопления и пятна охры), а скопление микродебитажа – зона эвакуации «отходов».

3. Данный участок связан с оформлением / подправкой скребковых лезвий, обработка шкур производилась в другом (неизвестном) месте.

Результаты функционально-планиграфического анализа позволили говорить о структурном единстве комплекса № 2 и выделить в пределах комплекса несколько специализированных зон: обработка шкур скребками – в области приочажного скопления и пятна красной охры, подправка и переоформление скребков – в области скопления микродебитажа. Похожее соотношение структурных элементов

в пределах комплекса было зафиксировано для участка жилой площадки второго слоя (15–16 тыс. л. н.) стоянки Каменная Балка 2 (*Хамакава, Александрова*, 2011; *Александрова*, 2012). Подобный подход в исследованиях культурного слоя и его составляющих позволяет достаточно объективно диагностировать характер хозяйственно-бытовой деятельности на различных участках поселения и в дальнейшем реконструировать его планировку.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова О. И., 2012. Функциональный анализ скребков (по материалам верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II) // КСИА. Вып. 227. С. 154–163.

Амирханов Х. А., 2000. Зарайская стоянка. М.: Научный мир. 248 с.

Виноградова Е. А., 1996. Скребки юго-западного участка стоянки Каменная Балка II // Археологический альманах. № 5. Донецк. С. 185–191.

Гвоздовер М. Д., 1964. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Палеолит бассейна Днепра и Приазовья / Ред. П. И. Борисковский, Н. Д. Праслов. М.; Л.: Наука. С. 37–41. (САИ; Вып. А1–5.)

Гвоздовер М. Д., Деопик Д. В., 1984. Опыт классификации каменных орудий (На материале верхнепалеолитических скребков) // Типология основных элементов традиционной культуры / Ред. М. В. Крюков, А. И. Кузнецов. М.: Наука. С. 115–200.

Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е., 1996. Методика макро-микроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб.: ИИМК РАН. 80 с. (Археологические изыскания; Вып. 36.)

Коваль Ю. Г., 1996. О технологической вариабельности вентрально-проксимальной подтески сколов в верхнем палеолите (по материалам памятников степной зоны Русской равнины) // Археологический альманах. № 5. Донецк. С. 161–168.

Леонова Н. Б., Несмеянов С. А., Виноградова Е. А., Воейкова О. А., Гвоздовер М. Д., Миньков Е. В., Спиридонова Е. А., Сычева С. А., 2006. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). М.: Научный мир. 360 с.

Леонова Н. Б., Виноградова Е. А., Медведев С. П., Хайкунова Н. А., 2013. Верхнепалеолитические памятники каменнобалковской культуры – исследования и перспективы // Вестник Московского университета. Сер. XXIII: Антропология. № 2. С. 96–105.

Миньков Е. В., 1990. Методика полевых исследований на верхнепалеолитических памятниках Каменная Балка 1 и Каменная Балка 2 // КСИА. Вып. 202. С. 17–20.

Семенов С. А., 1957. Первобытная техника. Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы. М.; Л.: Академия наук СССР. 240 с. (МИА; № 54.)

Хайкунова Н. А., 1996. Культурный слой на стоянке Третий мыс // Археологический альманах. № 5. Донецк. С. 175–184.

Хайкунова Н. А., 2004. Производственно-бытовой комплекс на верхнепалеолитической стоянке Третий мыс (новый раскоп) // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. С. 231–261.

Хайкунова Н. А., 2006. Проблема выявления жилых мест на стоянке Третий мыс (к постановке вопроса) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Вып. 22. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 147–152.

Хайкунова Н. А., 2007. Южный участок стоянки Третий мыс (Каменная Балка III) // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги. С. 257–276.

Хайкунова Н. А., 2011. Комплексы стоянки Третий мыс: проблемы объединения // Палеолит и Мезолит Восточной Европы: Сб. ст. в честь 60-летия Х. А. Амирханова / Отв. ред. и сост. К. Н. Гаврилов. М.: Таус. С. 383–396.

Хамакава М., Александрова О. И., 2011. Опыт функционально-планиграфического анализа микродебитажа (по материалам верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II) // РА. № 3. С. 5–13.

Audouin F. Y., Plisson H., 1982. Les ocres et leurs témoins au Paleolithique en France: enquête et expériences sur leur validité archéologique // Cahiers de Centre de Recherches Prehistoriques. Universite de Paris I. Vol. 8. P. 33–80.

Bonwick J., 1898. Daily life and origin of the Tasmanians. Second ed. London: S. Low, Marston & Co. 364 p.

Dubreuil L., Grosman L., 2009. Ochre and hide-working at a Natufian burial place // Antiquity. Vol. 83. P. 935–954.

Keeley L. H., 1980. Experimental determination of stone tool uses. London; Chicago: University of Chicago Press. 212 p.

Keeley L. H., 1982. Hafting and retooling: effects on the archaeological record // American Antiquity. Vol. 47. P. 798–809.

Odell G. H., 1979. A New and Improved System for the Retrieval of Functional Information from Microscopic Observations of Chipped Stone Tools // Ed. B. Hayden. *Lithic Use-Wear Analysis*. New York: Academic Press. P. 329–344.

Plisson H., 1985. Etude fonctionnelle d'outillages lithiques préhistoriques par l'analyse des micro-usures: recherche méthodologique et archéologique. Paris: Université de Paris. 357 p.

Vaughan P. C., 1985. Use-wear Analysis of Flaked Stone Tools. Tucson: The University of Arizona Press. 204 p.

Сведения об авторах.

Симоненко Антон Анатольевич, Государственный Исторический музей, Красная площадь, д. 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: antoshka-sm@yandex.ru;

Александрова Олеся Игоревна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: adamena@mail.ru.

A. A. Simonenko, O. I. Aleksandrova

Functional and spatial analysis of materials from complex No. 2 in the first level of the Trety mys site

Abstract. In this article materials from complex No. 2 in the first level of the Trety mys site (Fig. 1) are analysed. Results of functional and spatial analysis give grounds to state the structural unity of complex No. 2 (Ill. XIX) and single out specialised areas within its area. Special spots were outlined designed for processing skins with scrapers concentrated near the hearth and accumulation of red ochre, another spot with accumulation of microdebitage was assigned for modifying and re-working scrapers (Ill. XX).

Keywords: Trety mys, Palaeolithic, spatial analysis, remontage, functional analysis, traces, scraper, microdebitage, hide working.

REFERENCES

Aleksandrova O. I., 2012. Funktsional'ny analiz skrebkov (po materialam verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Kamennaya Balka II) [Functional analysis of scrapers from the Upper Palaeolithic site Kamennaya Balka II)]. *KSIA*, 227, pp. 154–163.

Amirkhanov H. A., 2000. Zarayskaya stoyanka [Zaraysk station]. M.: Nauchny mir. 248 p.

Audouin F. Y., Plisson H., 1982. Les ocres et leurs témoins au Paleolithique en France: enquête et expériences sur leur validité archéologique. *Cahiers de Centre de Recherches Prehistoriques Paris*, I, 8, pp. 33–80.

Bonwick J., 1898. Daily life and origin of the Tasmanians. Second ed. London: S. Low, Marston & Co. 364 p.

Dubreuil L., Grosman L., 2009. Ochre and hide-working at a Natufian burial place. *Antiquity*, 83, pp. 935–954

Gvozdover M. D., 1964. Pozdnepaleoliticheskiye pamyatniki Nizhnego Dona [Late Palaeolithic sites of Lower Don]. *Paleolit basseyna Dnepra I Priazov'ya* [*Palaeolithic of Dnieper basin and Azov Sea region*]. P. I. Boriskovsky, N. D. Praslov, eds. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 37–41.

Gvozdover M. D., Deopik D. V., 1984. Opyt klassifikatsii kamennykhorudy (na materiale verkhnepaleoliticheskikh skrebkov) [Experience of classification of stone tools (on material of Uper Palaeolithics capers)]. *Tipologiya osnovnykh elementov traditsionnoy kul'tury* [*Typology of basic elements of traditional culture*]. M. V. Kryukov, A. I. Kuznetsov, eds. Moscow: Nauka, pp. 115–200.

Keeley L. H., 1980. Experimental determination of stone tool uses. London; Chicago: University of Chicago Press. 212 p.

Keeley L. H., 1982. Hafting and retooling: effects on the archaeological record. *American Antiquity*, 47, pp. 798–809.

Khamakava M., Aleksandrova O. I., 2011. Opyt funktsional'no-planigraficheskogo analiza mikrodebitazha (po materialam verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Kamennaya Balka II) [Experience of functional-planigraphic analysis of micro-debitage (on materials of Upper Palaeolithic station KamennayaBalka II)]. *RA*, 3, pp. 5–13.

Khaykunova N. A., 1996. Kul'turny sloyna stoyanke Trety mys [Cultural deposit at station Trety mys]. *Arkheologichesky al'manakh* [*Archaeological miscellany*], 5, Donetsk. pp. 175–184.

Khaykunova N. A. 2004. Proizvodstvenno-bytovoy kompleks na verkhnepaleoliticheskoy stoyanke Trety mys (novy raskop) [Production-household complex at Upper Palaeolithic station Trety mys (new excavation area)]. *Problem ykamennogo veka Russkoy ravniny* [*Problems of Stone Age of Russian Plain*]. Kh. A. Amirkhanov, ed. Moscow: Nauchnymir, pp. 231–261.

Khaykunova N. A., 2006. Problema vyyavleniya zhilykh mest na stoyanke Trety mys (k postanovke voprosa) [Problem of identification habitation areas at station Trety mys (raising the problem)]. *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v Azoveina Nizhnem Donu* [*Historical-archaeological investigations in Azov and on Lower Don*], 22 (2005). V. Ya. Kiyashko, ed. Azov: Azovskykrayevedcheskymuzey, pp. 147–152.

Khaykunova N. A., 2007. Yuzhny uchastok stoyanki Trety mys (Kamennaya Balka III) [South area of station Trety mys (Kamennaya Balka III)]. *Problemy arkheologii kamennogo veka (k yubileyu M. D. Gvozdover)* [*Problems of Stone Age archaeology (towards anniversary of M. D. Gvozdover)*]. Moscow: Dom yevreyskoyknigi, pp. 257–276.

Khaykunova N. A., 2011. Kompleksy stoyanki Trety mys: problemy ob'yedineniya [Complexes of station Trety mys: problems of unification]. *Paleolit I mezolit Vostochnoy Yevropy: sbornik statey v chest' 60-letiya Khizri Amirkhanovicha Amirkhanova* [*Palaeolithic and Mesolithic of Eastern Europe: collection of articles in commemoration of 60th anniversary of Khizri Amirkhanovich Amirkhanov*]. Moscow: Taus, pp. 383–396.

Korobkova G. F., Shchelinsky V. Ye., 1996. Metodika mikro-makro analiza drevnikh orudiy truda [Methodic of micro-macro analysis of ancient tools], 1. St. Petersburg: IIMK RAN. 80 p.

Koval' Yu. G. 1996. O tekhnologicheskoy variabel'nosti ventral'no-proksimal'noy podteskiskolov v verkhnem paleolite (po materialam pamyatnikov stepnoy zony Russkoy ravniny) [On technological variability of ventral-proximal processing spalls in Upper Palaeolithic (on materials of steppe zone sites in Russian Plain)]. *Arkheologichesky al'manakh* [*Archaeological miscellany*]. 5. Donetsk. pp. 161–168.

Leonova N. B., Nesmeyanov S. A., Vinogradova Ye. A., Voyeykova O. A., Gvozdover M. D., Min'kov Ye. V., Spiridonova Ye. A., Sycheva S. A., 2006. Paleoekologiya ravninnogo paleolita (na primere kompleksa verkhnepaleoliticheskikh stoyanok Kamennaya Balka v Severnom Priazov'ye) [Paleo-ecology of plain Palaeolithic (on example of complex of Upper Palaeolithic stations Kamennaya Balka in region north from Azov Sea)]. Moscow: Nauchny mir. 360 p.

Leonova N. B., Vinogradova Ye. A., Khaykunova N. A., Medvedev S. P., 2013. Verkhnepaleoliticheskiye pamyatniki kamennobalkovskoy kul'tury – issledovaniya i perspektivy [Upper Palaeolithic sites of Kamennaya Balka culture – research and perspectives]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 23. Antropologiya* [*Bulletin of Moscow University, Ser. 23. Anthropology*], 2, pp. 96–105.

Min'kov Ye. V., 1990. Metodika polevykh issledovany na verkhnepaleoliticheskikh pamyatnikakh Kamennaya Balka 1 i Kamennaya Balka 2 [Methodics of field investigations at Upper Palaeolithic sites Kamennaya Balka 1 and Kamennaya Balka 2]. *KSIA, 202.* pp. 17–20.

Odell G. H., 1979. A New and Improved System for the Retrieval of Functional Information from Microscopic Observations of Chipped Stone Tools. *Lithic Use-Wear Analysis*. Brian Hayden, ed. Academic Press: New York, pp. 329–344.

Plisson H., 1985. Etude fonctionnelle d'outillages lithiques préhistoriques par l'analyse des micro-usures: recherché méthodologique et archéologique. Paris: Université de Paris. 357 p.

Semyonov S. A., 1957. Pervobytnaya tekhnika. Opyt izucheniya drevneyshikh orudy i izdelypo sledam raboty [Primitive technique. Experience of study of earliest tools and artefacts on use-wear traces]. Moscow; Leningrad: Nauka. 240 p. (MIA, 54.)

Vaughan P. C., 1985. Use-wear Analysis of Flaked Stone Tools. Tucson: The University of Arizona Press. 204 p.

Vinogradova Ye. A., 1996. Skrebki yugo-zapadnogo uchastka stoyanki Kamennaya Balka II [Scrapers of south-western area of station Kamennaya Balka II]. *Arkheologichesky al'manakh* [*Archaeological miscellany*], 5. Donetsk. pp. 185–191.

About the authors.

Simonenko Anton A., The State History Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: antoshka-sm@yandex.ru;

Aleksandrova Olesya I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: adamena@mail.ru.

Е. А. Виноградова, Н. Б. Леонова

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ УЧАСТОК ОСНОВНОГО СЛОЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II

Резюме. Группа верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка, расположенная на высоком правобережье приустьевой части долины Дона, относящаяся к каменнобалковской археологической культуре, исследуется более пятидесяти лет и широко известна среди специалистов. На стоянке Каменная Балка (основной слой) исследовано около 2 000 кв. м сплошной площадью. Археологический материал и комплексные естественнонаучные исследования позволяют реконструировать различные стороны жизнедеятельности древнего населения. В статье дается описание нового участка основного слоя в северо-западной части памятника Каменная Балка II, исследованного в 2004, 2010–2012 гг. (всего 188 кв. м). Анализ состава находок и их пространственного распределения позволяют предполагать, что на этом участке располагалось не менее двух новых жилых площадок.

Ключевые слова: Нижний Дон, верхний палеолит, каменнобалковская культура, стоянка, жилая площадка, производственный комплекс.

Многослойная верхнепалеолитическая стоянка Каменная Балка II, расположенная на высоком правобережье приустьевой части балки Каменной (долина р. Дон), входит в группу памятников, относящихся к каменнобалковской археологической культуре (*Гвоздовер*, 1967).

Стоянка исследуется уже более 50 лет археологическими экспедициями МГУ – Ростовской палеолитической (1957–1971 гг.) под руководством М. Д. Гвоздовер и Донской (1978 – по настоящее время) под руководством Н. Б. Леоновой (*Леонова и др.*, 2006; 2013. С. 96–100). В настоящее время на памятнике исследовано уже около 2 000 кв. м, однако территория, которую занимали три (или более) разновременных поселения верхнего палеолита, представленные материалами трех культурных слоев, значительно шире, чем уже исследованная площадь памятника.

Второй (основной) культурный слой Каменной Балки II, прослеженный на всей исследованной территории памятника и датируемый в интервале от 16 000 до 14 000 лет до н. э. (калиброванные даты), представляет собой остатки базовой стоянки, существовавшей длительное время и предположительно имеющей

несколько эпизодов заселения. На стоянке выявлены крупные производственные скопления и так называемые жилые площадки, имеющие достаточно устойчивые археологические характеристики (*Леонова*, 2009; *Виноградова*, 2009).

В этой статье мы хотели бы представить новые материалы основного культурного слоя (КС 2) Каменной Балки II, полученные при раскопках стоянки в 2004, 2010–2012 гг. и практически неопубликованные. Этот участок располагается в северо-западной части стоянки и занимает площадь в 188 кв. м (рис. 1, *а*). Все материалы раскопок подробно освещены в отчетах Донской экспедиции МГУ.

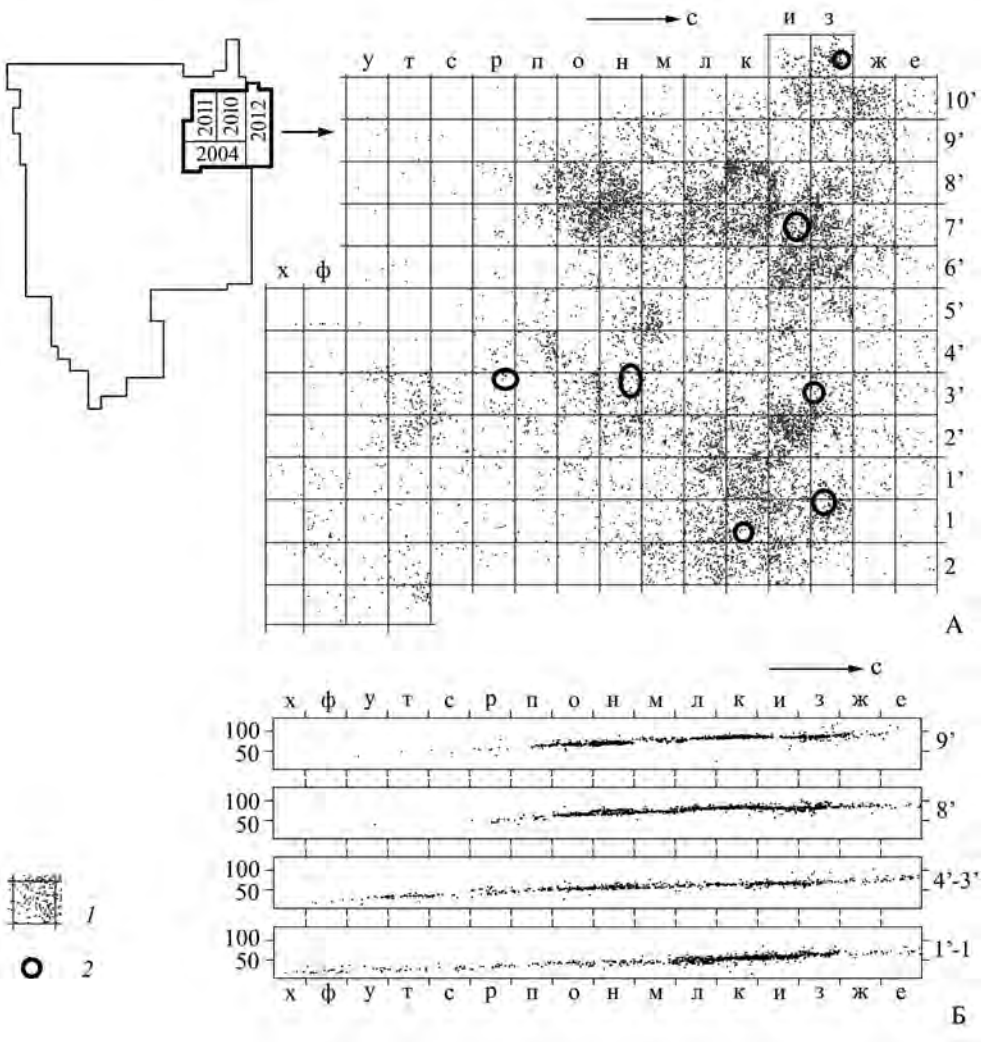

Рис. 1. Каменная Балка II. Второй культурный слой северо-западного участка

А – план; *Б* – микропрофили

1 – кремневые находки; *2* – очаг

Исследуемый в последние годы северо-западный участок стоянки не только дал богатые материалы для изучения хозяйственно-бытовой структуры стоянки, позволяющие уточнить специфику исследованного участка стоянки, но и поставил перед исследователями памятника ряд вопросов, в том числе: относятся ли выявленные скопления культурных остатков к одной или двум жилым площадкам?

Традиционно для основного слоя Каменной Балки II выделяются жилые площадки – крупные овальные скопления (площадью не менее 60–80 кв. м) с линией очагов примерно посередине, ориентированных по длинной оси основной массы сгущения находок. Такие скопления имеют сложную внутреннюю структуру, здесь выделяются жилые и производственные зоны, хозяйственная деятельность на которых весьма разнообразна. Детальные исследования палеэкологических условий обитания позволяют это реконструировать (*Леонова и др.*, 2006).

На исследуемом участке локализуются один или два похожих объекта, имеющие ряд очагов, окруженных хорошо выраженными на плане скоплениями находок. В рамках этих объектов прослежено несколько ямок с костями возле очагов, что еще более сближает их характеристики с другими жилыми объектами КС 2. Однако на исследуемом участке выделяются и другие крупные скопления, как в округе очагов, так и за ее пределами.

В рамках этой работы мы делаем попытку выделения границ новых жилых объектов стоянки и описания планиграфии основных категорий находок на участке с выделением наиболее значимых скоплений.

Общая характеристика участка

Мощность палевого суглинка, в котором залегают находки основного культурного слоя, варьирует от 45 до 80 см, по направлению к северу она увеличивается и достигает 130–140 см, что говорит об изменениях в условиях осадконакопления в этот период формирования древнего рельефа. Наклон древней дневной поверхности хорошо прослеживается в направлении с северо-запада на восток-юго-восток, что хорошо соответствует реконструкциям древнего рельефа, проведенных с помощью геолого-геоморфо-логических методов (*Леонова и др.*, 2006. С. 176–178).

Хорошо выраженная линза находок, видимая на микропрофилях (рис. 1, *б*), четкость зольных пятен, хорошая сохранность локальных скоплений и очагов позволяет говорить о том, что 2 (основной) культурный слой находился в непотревоженном состоянии, несмотря на некоторые нарушения, связанные с деятельностью роющих животных.

Характер микропрофилей в целом не дает основания считать, что слой имеет еще какое-либо деление, следовательно, его можно рассматривать как единую структуру. Лишь в одном месте на одном из микропрофилей прослеживаются два микрогоризонта залегания находок – на участке насыщенного скопления на кв. о, н-7’, 8’ (рис. 1, *б*). Такие наблюдения могут свидетельствовать о неоднократном использовании этого участка в рамках существования одного поселения.

На плане описываемого участка прекрасно видно выразительное сгущение находок на площадях раскопов 2004, 2010 и 2012 гг., что отмечено на приведенном плане находок и схеме расположения раскопов – кв. е-у, 10’ (рис. 1, *а*). Северная и южная границы этого сгущения хорошо читаются на плане и расположены на площадях раскопов 2010–2012 гг., восточная незначительно заходит за восточную границу 2004 г.

Вопрос о западной границе пока остается открытым, так как достаточно насыщенный находками слой уходил под западную стенку раскопа 2012 г. и небольшое очажное пятно прослеживалось в северном профиле на кв. з -11’ (рис. 1, *а*).

Культурные остатки на описываемом участке располагаются неравномерно (рис. 1, *а*). Выделяются два крупных скопления находок: в западной, северо-западной части (кв. п-е, 11’–7’) и в восточной (на линиях кв. р-з-4’–2), а также несколько небольших скоплений в средней части исследуемой территории. По направлению к югу и к северу количество находок значительно уменьшается, скорее всего, это периферийные части площадки.

На исследуемом участке расположено 7 очагов разного размера и разной степени сохранности. Некоторые из них достаточно глубокие (глубиной 15–18 см), другие, как, например, очаг на кв. з-11’, – очень маленькие (его глубина – 5–7 см). В основном очаги расположены в зонах большой концентрации находок – например на кв. и-7’–8’, и-з-2’. Большой очаг на кв. н-5’,4’ находится в зоне относительно разреженных находок. Все это в целом дает довольно сложную картину использованной площади.

Кремневые находки

Общее количество кремневых находок на этом участке – 11 144 предмета, из них 877 орудий. На исследуемом участке представлены все основные категории кремневых изделий, характерных для каменнобалковской культуры: орудия, нуклеусы, первичные сколы, пластинчатые заготовки и многочисленные отходы производства. Процентное содержание категорий изделий является типичным для Каменной Балки II (табл. 1).

Нуклеусы представлены подпризматическими, коническими и клиновидными формами. Встречаются одноплощадочные и двуплощадочные нуклеусы (10 %) с переменным направлением скалывания, есть нуклеусы для получения микропластин. Все они отличаются сильной степенью сработанности. Всего нуклеусов и нуклевидных обломков – 56 экз. (0,5 % от общего количества изделий основного культурного слоя).

Продукты первичного расщепления представлены отщепами, пластинами с коркой (1 364 экз., всего чуть более 12 %) и фрагментами желваков.

Достаточно распространены сколы оживления нуклеусов и ребристые сколы (364 экз., 3 %). Среди сколов оживления довольно часто встречаются предметы небольшого размера. Ребристых сколов гораздо меньше, чем сколов обновления площадок раскалывания. На крупных сколах оживления фронта скалывания нуклеуса сделаны орудия (резцы и др.). Некоторые ребристые микропластинки использованы для изготовления микроострий.

Таблица 1. Состав каменного инвентаря северо-западного участка Каменной Балки II

Категория	кол-во	%*
Всего	**11144**	**100,0**
желвак	24	0,2
нуклеус и нуклевидные обломки	56	0,5
сколы оживления нуклеуса и ребристые сколы	364	3,3
первичная пластины и отщепы	1364	12,2
отщепок резцовый	363	3,3
отщепок краевой	62	0,6
пластина	264	2,4
пластинка	618	5,6
микропластинка	1414	12,7
отщеп	2389	21,4
осколок	3339	30,0
камень	7	0,1
фр-т ретушера	3	0,0
орудие	**877**	**7,9/100**
резец (в том числе двойной)	167	19,0
скребок	68	7,7
МППК	266	30,2
острие	41	4,7
проколка	4	0,5
транке	26	3,0
стамеска	17	1,9
комбинированное орудие	17	1,9
зубчато-выемчатое орудие	5	0,6
орудие с выемками	20	2,3
скребловидное орудие	1	0,1
пластины с участками ретуши	94	10,7
отщепы с участками ретуши	60	6,8
пластины со следами использования	35	4,0
отщепы и сколы со следами использования	19	2,2
неопределимые фрагменты орудий	37	4,2

* Процентное содержание категорий орудий дано от общего количества орудий

Значительную часть всех кремневых находок составляют заготовки и отходы производства: отщепы (2 389 экз.), пластины (264 экз.), пластинки (618 экз.) и микропластинки (1 414 экз.). Микропластинки составляют более 12 % всех изделий, пластин и пластинок значительно меньше. Три четверти пластинок и микропластинок представлено фрагментами, что указывает на их активное использование для изготовления различных изделий. Осколки (мелкий дебитаж не из промывки) составляют 30 % всех изделий, это обычное для производственного участка стоянки содержание такой категории дебитажа.

Орудия коллекции основного культурного слоя отличаются значительным разнообразием форм. Основу орудийной коллекции составляют обычные для каменнобалковской культуры категории орудий – микропластинки с притупленным краем, резцы, скребки, пластины и отщепы с участками ретуши и следами использования (табл. 1, рис. 2). Всего орудий – 877 экз. (около 8 % от общего числа находок). Среди орудий количественно преобладают микропластинки с притупленным краем (МППК) (более 30 % от всех орудий) и резцы (примерно пятая часть всех орудий, включая двойные резцы). Третью по численности категорию орудий составляют изделия (пластины, пластинки, микропластинки, отщепы) с участками ретуши (154 экз.). Также многочисленны скребки (68 экз.) и тронке (26 экз.), острия (41 экз.), выемчатые орудия (20 экз.), стамески (17 экз.) и комбинированные орудия (17 экз.). Широко встречаются пластины, отщепы и другие сколы со следами использования (54 экз.). Еще 37 предметов с вторичной обработкой представляют собой различные небольшие по размеру фрагменты неопределимых орудий.

Микропластинки с притупленным краем (*МППК*) *– 266 экз.*, составляющие более трети всех орудий, имеют различные формы и степень обработки краев и концов (рис. 2). Среди МППК довольно много целых экземпляров (около 20 %), что позволяет хорошо проследить их морфологические особенности. Следует отметить, что размеры МППК довольно сильно варьируют в пределах категории – от крупных до миниатюрных. Встречается довольно много экземпляров с ретушью на втором краю, среди целых МППК такие составляют большую часть (половина из них имеет полностью ретушированный второй край). Более половины всех МППК имеют обработанные ретушью концы (один или оба). В большинстве случаев концы поперечносрезаны, реже кососрезаны крутой или притупливающей ретушью. Большая часть МППК фрагментирована.

Резцы – 167 экз.– представлены ретушными формами и резцами на углу сломанной заготовки и составляют 19 % от общего числа орудий (рис. 2). Резцы сделаны в основном на крупных пластинах, в том числе первичных и сколах оживления нуклеусов. Преобладают косоретушные резцы. Имеется значительное количество комбинированных двойных резцов (более 10 % от общего количества резцов). Они также в основном являются косоретушными. Также в коллекции представлены поперечноретушные и выемчаторетушные резцы и резцы на сломе заготовки. Есть несколько срединных резцов, из них 2 плоских. В коллекции присутствует небольшое число полиэдрических резцов. Количество резцовых отщепков превышает количество резцов больше чем вдвое (их 363 экз.). Среди резцов есть экземпляры со следами многократной подправки рабочей кромки,

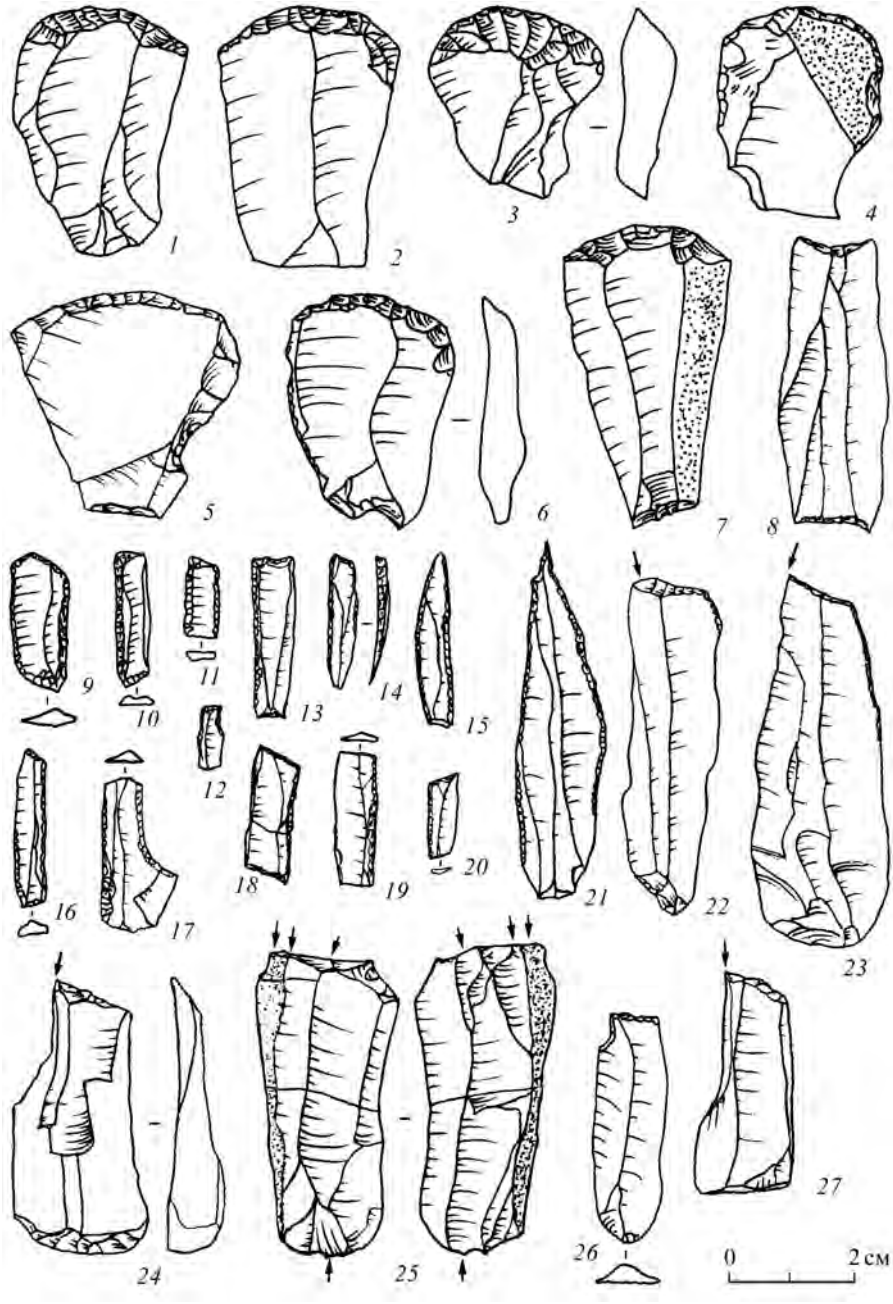

Рис. 2. Каменная Балка II.
Кремневый инвентарь второго культурного слоя северо-западного участка

1–6 – скребки; *7* – комбинированное орудие (скребок+тронке); *8* – двойное тронке; *9–20* – микропластинки с притупленным краем; *21* – острие; *22, 23, 25–27* – резцы; *24* – комбинированное орудие (резец+скребок)

однако фактов ремонтажа резцов и резцовых отщепков на исследуемом участке пока выявить не удалось.

Третью по численности категорию орудий во втором культурном слое составляют *пластины, пластинки микропластинки с участками ретуши* (более 10 % орудий) и *отщепы с участками ретуши* (6 %). Ретушь в основном крутая и полукрутая, иногда притупливающая, расположена в подавляющем большинстве на дорсальной стороне заготовки. Имеются редкие экземпляры с ретушью на вентральной стороне. Ретушь располагается в основном на участках краев предметов, в редких случаях – на конце.

Доля *острий и микроострий – 41 экз.* – в коллекции северо-западного участка стоянки составляет около 5 %. Это в основном симметричные орудия с ретушью по одному или обоим краям. Микроострия представляют собой изделия на микропластинках с острым точечным концом и краем / краями, полностью обработанными притупливающей ретушью. Более крупные экземпляры острий изготовлены на пластинах и пластинках. Одно из острий имеет тонкое слегка выделенное жальце на конце.

Комбинированные орудия – 26 экз. – представлены тремя основными разновидностями: комбинациями резцов и скребков, резцов и тронке, тронке и скребков.

Скребки – 68 экз. – составляют около 8 % орудий, в основном они сделаны на конце заготовки (рис. 2). Эти орудия представлены разными по размеру и ширине лезвия экземплярами, преобладают скребки с довольно широким лезвием. Однако они не выходят за рамки разновидностей форм скребков, характерных для основного слоя памятника. Некоторые скребки фрагментированы или имеют выломы на лезвии, что говорит об их активном использовании.

Среди орудий также представлены *тронке – 26 экз.* (3 %). Это в основном поперечноретушные орудия, сделанные на пластинах или крупных пластинках. Есть одно косоретушное тронке и одно поперечноретушное двойное тронке. Одно из таких орудий фрагментировано на 2–3 части, найденные фрагменты находились на расстоянии 30–50 см друг от друга.

Небольшим количеством в коллекции представлены *стамески, выемчатые* и *зубчато-выемчатые орудия – 37 экз.* (менее 2 %).

При промывке вмещающей породы было получено очень большое количество микродебитажа, состав которого разнообразен. В него входят мельчайшие отходы производства – чешуйки, микропластинки, микрорезцовые отщепки и т. п.

В целом состав находок основного культурного слоя полностью подтверждает предположение о том, что раскопанный участок представляет собой производственно-бытовую зону (часть жилой площадки или двух площадок).

Фаунистические находки

На описываемом участке было найдено относительно немного фаунистических остатков, однако их распределение по площади имело некоторые различия. Сохранность кости, как правило, очень плохая, что вызвано высоким уровнем карбонатности вмещающей породы.

Определимые кости представлены остатками широкопалой лошади (Equus caballis cf. latifes) – 51,4 %, бизона (Bison priscus) – 20 %, единичными находками мелкой плейстоценовой лошади – «осла» (Equus hydruntinnus) –8,6 %. Стоит отметить, что остатки этого животного найдены и на жилой площадке, исследованной в 2006–2009 гг. По мнению палеонтологов, в раскопе 2012 г. Каменной Балки II представлено минимум по одной особи каждого из указанных видов млекопитающих (определения к. б. н. В. С. Байгушевой, к. б. н. В. В. Титова, А. А. Благуш). Размеры бизонов – мелкие, ближе всего к современным европейским зубрам.

На разных участках исследуемой площади встречены довольно многочисленные одиночные зубы копытных, а также крупный фрагмент челюсти лошади вместе с зубами. Несколько определимых костей (суставы костей конечностей копытных, зубы) находились в заполнении очагов на кв. и-7’ и н-3’ кв. з-1’. Как правило, они были не обожжены – это обычное наблюдение для основного слоя стоянки, по-видимому указывающее на вторичное использование очажных ямок. Несколько крупных костей было найдено и в ямке с вкопанными костями – кв. л-2’. На некоторых фрагментах относительно крупных костей иногда наблюдаются следы разрубания или другого физического воздействия (*Байгушева*, *Титов*, 2013).

Кроме того, у очагов встречались довольно многочисленные находки раковин морских моллюсков Gastropoda, часто имеющие искусственные отверстия. Как правило, эти находки совмещены с пятнышками или крупинками охры во вмещающей породе. На кв. ж, з-11’–9’ отмечается присутствие во вмещающей породе золистости, пятнышек охры и находки раковин моллюсков – 27 предметов, имеющих искусственные отверстия и окрашенных охрой.

Характеристика производственно-бытовых объектов участка

По насыщенности археологическим материалом выделяются два крупных скопления находок – в северо-западной (кв. п-е, 11’–7’) и в северо-восточной (на линиях кв. р-з-4’–2) частях – и несколько небольших скоплений в средней части исследуемой территории стоянки (рис. 1, *а*).

В северо-западной части (линии кв. 10’–6’) культурный слой обильно насыщен находками. Можно выделить несколько крупных скоплений, имеющих центральными элементами очаги или крупные пятна зольности.

Скопление 1 расположено на кв. з, и, к – 8’– 6’. Вмещающая порода на этом участке имеет серый цвет с пятнами золистости. Часто встречаются пятнышки и крупинки охры. На кв. и -7’ был расчищен небольшой углубленный очаг округлой формы, сопровождавшийся пятном зольности. Размеры очага – 56 × 60 см, глубина – до 15 см, дно и стенки в нижней части потревожены кротовинами, поэтому точную глубину очажного углубления было невозможно определить. В зольное заполнение было погружено небольшое, но компактное скопление необожженной кости, включающее ряд определимых суставов и зуб копытного.

Приочажное скопление характеризуется большим количеством находок, в составе которых много различных орудий (рис. 3–5). Кроме МППК, которые

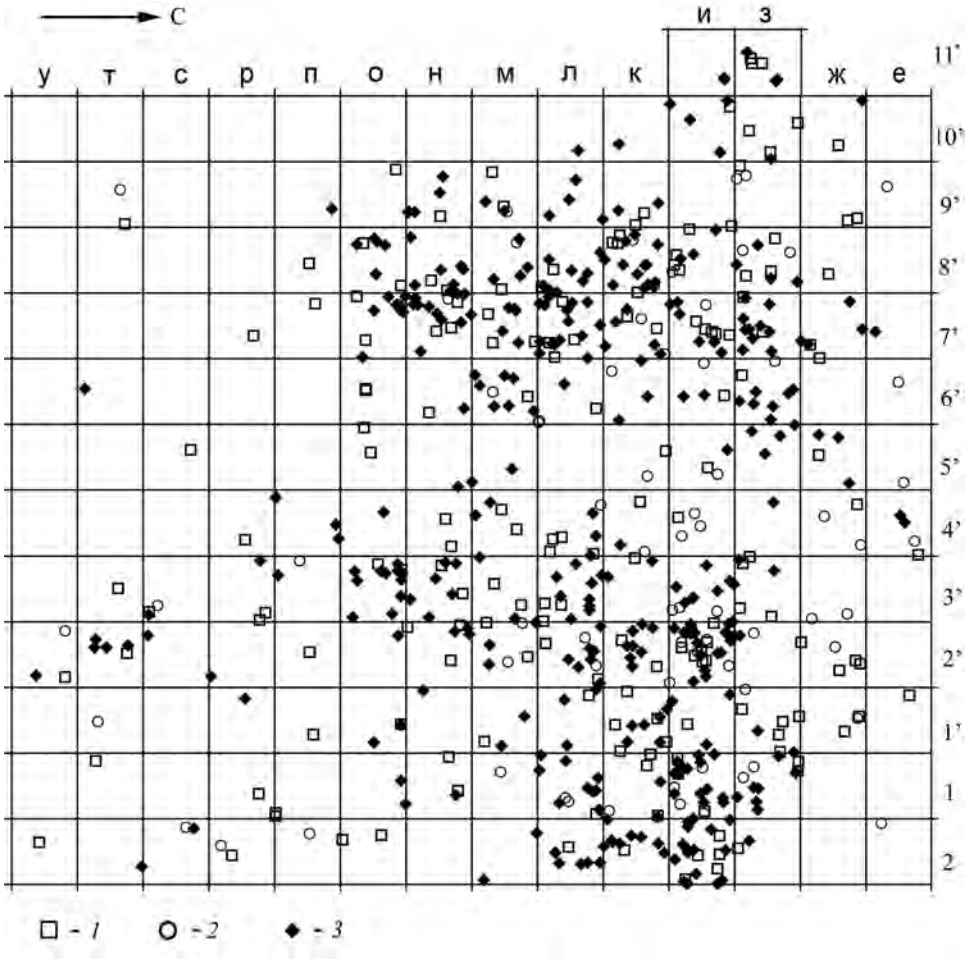

Рис. 3. Каменная Балка II. Расположение резцов, резцовых отщепков и скребков на плане северо-западного участка

1 – резец; *2* – скребок; *3* – резцовый отщепок

преобладают в скоплении, зафиксировано большое количество резцов, скребков и пластинок с участками ретуши (табл. 2). Скребки располагаются на окраинных частях скопления, а резцы и многочисленные резцовые отщепки группируются у очага. Встречаются тронке, зубчато-выемчатые и выемчатые орудия. Микропластинки с притупленным краем (МППК) представлены в основном фрагментами (середина + дистальная часть предмета). На этом же участке найдены 3 заготовки для МППК (на кв. и-6’, к-6’, к-7’), что может указывать на вероятную работу по их изготовлению.

Кроме того, среди этого большого скопления находок можно выделить ряд индивидуальных рабочих мест. Хорошим примером может служить «точок», который был выявлен на кв. к-8’. Это маленькое, но очень плотное скопление, в составе которого преобладают многочисленные и разнообразные отходы

Таблица 2. Состав орудий в скоплениях северо-западного участка Каменной Балки II

Объект	Скопление 1 (ж-л – 6’-8’)		Скопление 2 (н-п – 7’, 8’)		Скопление 3 (ж-и-11’-9’)		Скопление 4 (з-л – 3’-2)		Скопление 5 (м-о – 4’-2’)	
Категория	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
микропластинка с притупленным краем	68	40,7	44	39,3	17	27,4	53	27,8	36	38,3
резец		18,6	11	9,8	1	1,6	43	22,5	18	19,2
скребок	12	7,2	2	1,8	13	21	20	10,5	3	3,2
острие	3	1,8	14	12,5	1	1,6	3	1,6	2	2,1
транке	7	4,2	1	0,9			2	1,1	3	3,2
стамеска					1	1,6	3	1,6	1	1,1
пластина с ретушью	26	15,6	31	27,7	13	21	15	7,9	15	16,0
отщеп с ретушью	9	5,4	6	5,4	10	16,1	11	5,8	6	6,4
выемчатое орудие	3	1,8	1	0,9	1	1,6	6	3,1	2	2,1
Всего орудий*	167	100	112	100	62	100	191	100	94	100

* Дано общее число орудий в каждом скоплении, но в таблице представлены не все категории орудий

производства, преимущественно средних и мелких размеров. Кроме того, из промывки здесь получено очень много микродебитажа.

Выразительное сгущение находок располагается на кв. н, о, п - 8’–7’ – *скопление 2*. Не исключено, что это скопление могло являться структурной частью большого производственного объекта (скопления 1), между ними практически не прослеживается области разреженных находок.

На этом участке наблюдалась сероватая окрашенность вмещающей породы, которая иногда была явно золистого цвета. Очень яркие пятна такой золистости прослеживались на кв. н, м-7’, 8’, о-8’, при этом углубленный очаг в округе так и не был обнаружен. Зольное пятно может трактоваться как след кострища.

Зольное пятно, как и в скоплении 1, распространялось на юг–юго-восток по склону. Было встречено довольно много пятнышек грунта, имеющих охристую окрашенность и мелких комочков охры. В промывке обнаружено много угольков, крупинок охры, довольно много микродебитажа.

Анализ распределения различных видов орудий показал, что в скоплении 2 преобладают МППК, острия и пластинки с участками ретуши. Этот объект представляет собой самое крупное скопление МППК и острий на северо-западном участке стоянки. Максимальное сгущение МППК наблюдается на квадратах о, н-8’. Среди орудий достаточно многочисленны резцы, есть тронке, отщепы с ретушью и выемчатые орудия.

Большое количество фрагментов МППК в этом скоплении представлено средней частью микропластинок. Вероятно, наличие большого количества сред-

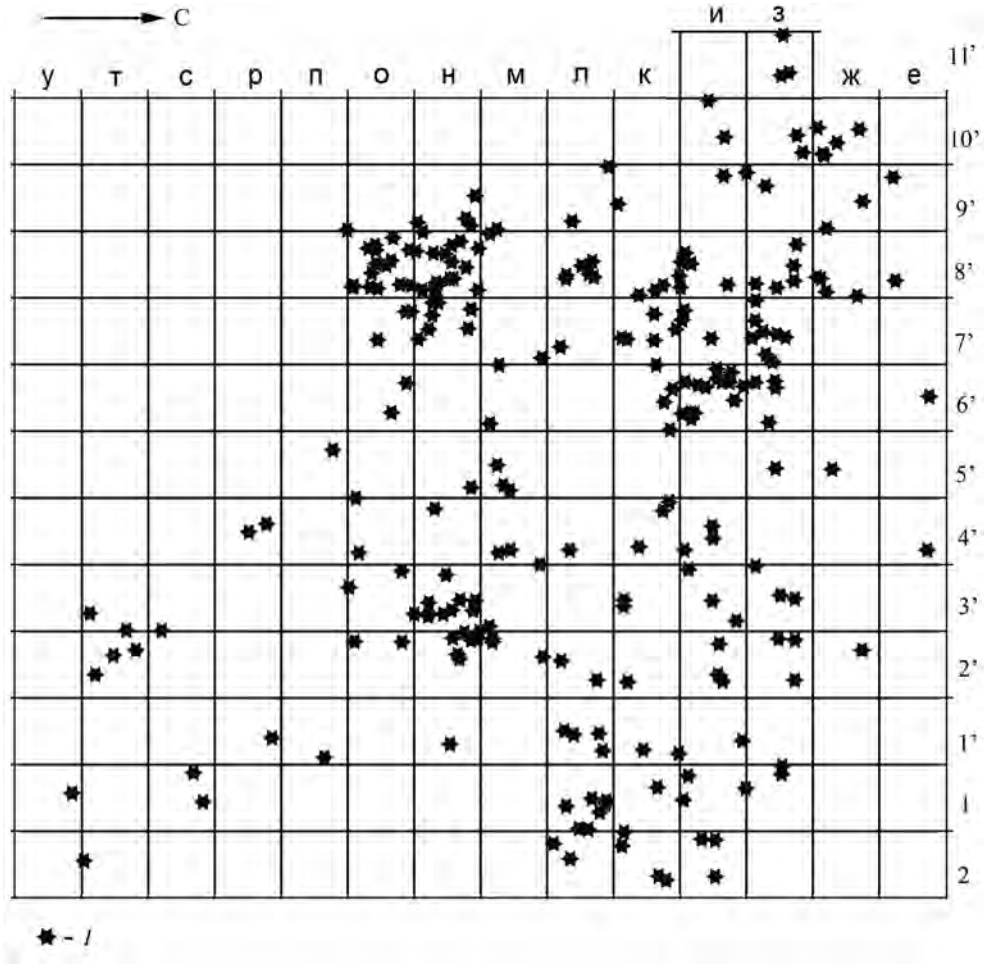

Рис. 4. Каменная Балка II. Расположение микропластинок с притупленным краем на плане второго культурного слоя северо-западного участка

1 – МППК; *2* – остальные категории находок

них частей МППК в определенной зоне говорит о какой-то специфической деятельности на этом участке.

Далее, по направлению к северу, северо-западу число находок немного сокращается. На кв. ж, з, и-10’, 11’ можно выделить еще один самостоятельный объект – *скопление 3*.

На кв. з-11’ находился маленький очаг. У очага и на прилегающих квадратах линии 10’–9’ отмечаются присутствие во вмещающей породе золистости, крупинок и пятнышек красной охры и находки раковин моллюсков, имеющих искусственные отверстия и окрашенных охрой. Количество таких раковин, целых и поврежденных, – 19. Здесь наблюдалось и сгущение кремневых находок, как правило, некрупных размеров, много мелкой раздробленной кости. Среди

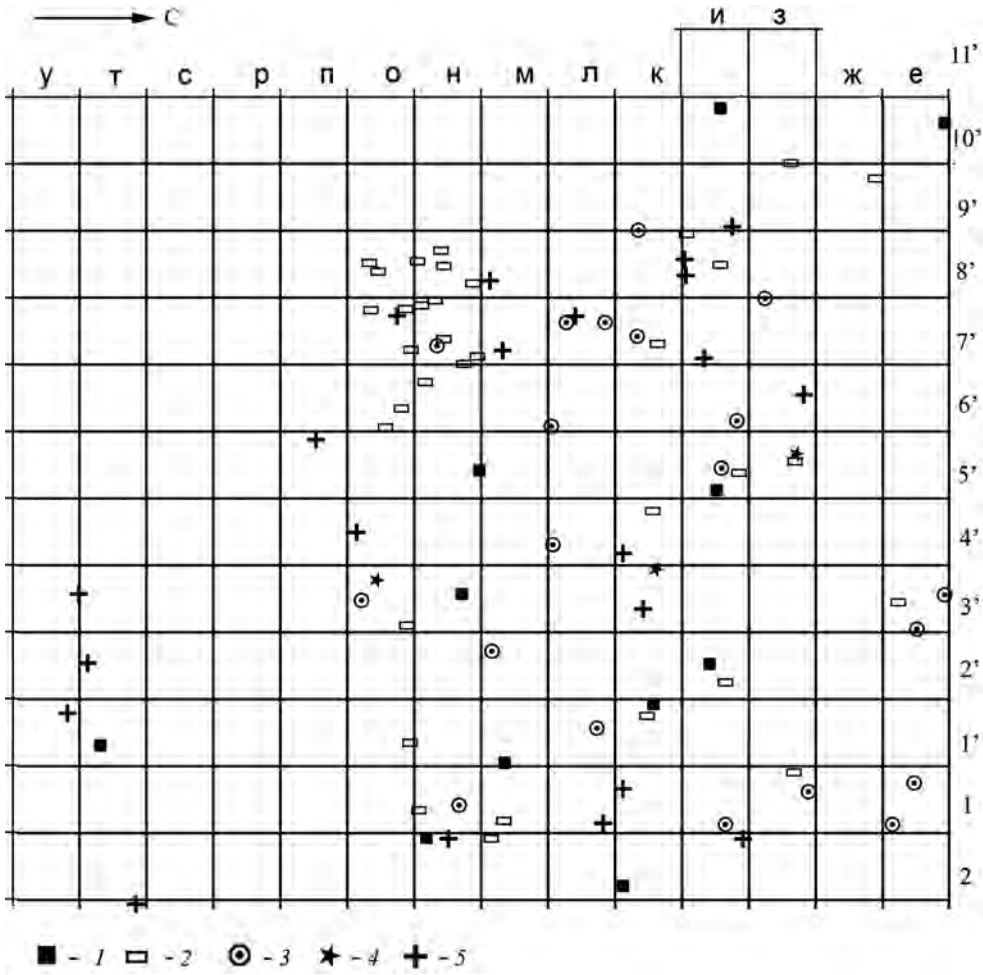

Рис. 5. Каменная Балка II. Расположение различных категорий орудий на плане се-веро-западного участка

1 – стамеска; *2* – острие; *3* – тронке; *4* – скребловидное орудие; *5* – зубчато-выемчатое и выемчатое орудие

находок представлены практически все разновидности расщепленного кремня: орудия, которых много, заготовки, технические сколы и дебитаж. Среди орудий преобладают МППК (их около 30 %), широко представлены резцы и скребки. Резцовых отщепков немного. Набор орудий достаточно разнообразен, преобладают изделия на небольших заготовках, состав изделий этого скопления отличен от двух описанных выше скоплений лишь процентным соотношением категорий.

Восточная часть рассматриваемой территории представляет собой значительное по площади сгущение культурных остатков, где расположено 5 очагов и разнообразные по составу скопления находок.

Самый крупный объект находится северо-восточной части (*скопление 4*), располагается на кв. з, и, к, л - 3’–2 и включает в себя три очага и окружающие их скопления находок. На плане это скопление выглядит достаточно «монолитным» и рассматривается нами как единый объект. Следует отметить наличие в этом скоплении наибольшего разнообразия категорий орудий. Помимо МППК и резцов (количественно преобладающих категорий), широко представлены скребки, стамески, тронке, зубчато-выемчатые и выемчатые орудия, много комбинированных форм орудий. Есть скребловидные орудия. Помимо фрагментов, в скоплении встречено 6 целых экземпляров МППК. Кроме того, на этом участке много пластинок и микропластинок, некрупных отщепов, встречаются хорошие пластинчатые заготовки, много микродебитажа. В центре сгущения находок, на кв. и, к, л-2’–3’, отмечено довольно много фрагментов расщепленных трубчатых костей и расколотых зубов копытных, большая часть сосредоточена по краям этого сгущения находок. На кв. и-3’ были найдены крупные фрагменты челюсти лошади (Eqius Caballis) с зубами, лежавшие на интенсивно окрашенном охрой участке квадрата. Челюсть также имела следы окраски.

На кв. н, з-3’, 4’ прослежено большое неравномерно окрашенное зольное пятно. В восточной части кв. н-3’ зольность стала более интенсивной, на ее поверхности наблюдалось скопление различных фрагментов трубчатых костей. Был выявлен небольшой углубленный очаг, дно и западная стенка которого были повреждены кротовиной. При расчистке очага в зольном заполнении было обнаружено много крупных кремней, углей и крупных необожженных неопределимых костей. Кости в основном располагались в средней части заполнения очага. В юго-восточной части очага на стенках сохранились следы прокала. Неподалеку от очага располагалось скопление кремня с высоким процентным содержанием резцов и резцовых отщепков. В скоплении встречается довольно много фрагментов кости, и мы не исключаем, что здесь происходила активная обработка кости.

Второй очаг был выявлен на кв. з-1, 1’ под скоплением необожженной расщепленной кости. Этот округлый углубленный очаг имел очень хорошую сохранность, его дно практически не было повреждено кротовинами и сохранило следы прокала. В округе очага найдена большая часть скребков скопления 4. МППК встречаются реже, чем в других скоплениях, состав орудий разнообразен.

На кв. к-1 был расчищен третий очажок, небольшой в плане, похожий просто на углубленное зольное пятно округлой формы с максимальной глубиной 7 см. На его краю лежал очень крупный фрагмент трубчатой кости с углублением, возможно сделанным искусственно. В приочажном скоплении преобладали резцы и резцовые отщепки.

На кв. л-2’, на окраине скопления, была обнаружена ямка с вкопанными костями. Ямка была небольшой по размерам – 20 × 18 × 30 см. В заполнении встречены два крупных сустава копытных, сверху фрагмент крупной трубчатой кости, два крупных отщепа. Подобные ямки хорошо известны на памятнике и традиционно считаются остатками строительных конструкций – ямками для забутовки столбиков или подпорок. В скоплении имеется еще одна ямка – компактное скопление кости на кв. к-1, донная часть которого была окрашена охрой. В верхней части этого скопления был найден зуб лошади, остальные кости

неопределимы. Крупинки охры встречались и в костном заполнении этой ямки. Характер заполнения ямки отличен от обычных для каменнобалковских памятников «ямок с вкопанными костями», которые считаются элементами строительных конструкций (*Леонова, Виноградова*, 2014).

В центре описываемого участка стоянки на кв. н-р-4'–2' располагалось еще одно скопление. Оно также очень богато находками, хотя их плотность несколько меньше, чем на описанных выше объектах. Смысловой центр скопления составляет очаг на кв. о, н -3',4' и скопление рядом с очагом. Обширное пятно зольности распространяется на юг и соединяет пространство с маленьким неуглубленным очагом на кв. р-3', практически не имевшем углистого заполнения. Среди находок здесь чаще встречаются крупные предметы, как правило пластинки и отщепы, много орудий. Здесь же много фрагментов кости, которая иногда группируется в небольшие скопления. Рядом с очагом на кв. о, н-3',4' выявлено скопление МППК и большого числа фрагментов заготовок – пластинок и микропластинок. Встречаются резцы, резцовые отщепки и тронке. Довольно много мелких угольков, крупинок охры и микродебитажа.

На северной окраине скопления 4, на линии ж и к югу от скопления 5 начинается зона разреженных находок. В некоторых местах наблюдаются небольшие сгущения находок.

Заключение

После проведения анализа расположения на плане участка объектов культурного слоя, различных категорий каменного инвентаря и фаунистического материала стала очевидной невозможность выделения одной крупной жилой площадки, занимающей всю северную часть исследованной территории, как предполагалось ранее. Первоначальное предположение базировалось на двух факторах: высокая насыщенность северного участка находками, которые формировали вытянутое по оси восток-запад крупное овальное скопление, и наличие 4-х расположенных по длинной оси скопления очагов (рис. 1а).

На Каменной Балке II известны крупные жилые площадки овальной формы, площадью 80–100 кв. м, выявленные раскопками в 1962–1968 и 2001–2003 гг. (*Леонова*, 2009. С. 198–201). Однако следует отметить, что ни одна из предполагаемых жилых площадок стоянки не имеет очагов, расположенных по оси восток-запад. Напротив, для жилых площадок Каменной Балки II можно выделить два направления длинной оси жилых площадок – север-юг, юго-восток и северо-восток – юго-запад (Там же. С. 198).

Выделенные скопления северо-западного участка могут быть интерпретированы по-разному. Можно сказать, что наиболее крупные объекты – скопление 1, к которому можно присоединить скопление 2 и скопление 4, – имеют направленность по длинной оси с севера на юг. Другие площадки северной части стоянки (объекты из раскопок 1962 и 2001–2003 гг.) ориентированы так же (Там же). Такое расположение их в пространстве может объясняться нахождением этих объектов на правом берегу древней погребенной ложбины, которая сформировала палеорельеф поселения на уровне КС 2 (основного культурного

слоя). Возможно, это говорит о том, что здесь мы наблюдаем не одну, а две жилых площадки, северо-западная часть одной из которых еще не докопана (кв. и, з, ж-11'–14').

Жилые площадки могли быть расположены в соответствии с общим наклоном поверхности обитания на юг – юго-восток. Расположение очагов, вероятно, зависело от сезона эпизода обитания. На некоторых площадках Каменной Балки II очаги образовывали не ось жилой площадки, а круговую структуру (*Виноградова*, 2009. С. 202–209).

Крупные объекты северо-западного участка стоянки демонстрируют некоторые выделенные ранее устойчивые характеристики распределения орудий на жилых площадках стоянки: 1) относительно равномерное распределение орудий по площади объекта; 2) большое разнообразие категорий орудий; 3) высокое процентное содержание мелких вкладышевых орудий, особенно в приочажных скоплениях; 4) концентрация большого количества одной категории орудий на конкретных участках; 5) незначительное количество скребков (Там же. С. 207–209).

На северо-западном участке стоянки встречаются компактные скопления МППК, которые, как правило, тяготеют к очагам. В местах крупных скоплений различных предметов, в частности больших скоплений микропластинок с притупленным краем, наблюдается большое количество микродебитажа, что может свидетельствовать в том числе и о деятельности по изготовлению МППК. Это предположение подтверждается находками ретушеров в одном крупном скоплении МППК, окруженных довольно большим количеством фрагментов (разных частей МППК) и целых МППК. Рядом было найдено несколько заготовок для МППК. Иногда встречаются небольшие участки, на которых сконцентрировано значительное количество средних частей МППК. Такие места характеризуются следами активной производственной деятельности. Не исключено, что эти фрагменты являются результатом какой-то специфической работы.

Выделенные крупные скопления отличает широкая представленность таких категорий орудий, как пластинки с ретушью и резцы (табл. 1, 2). Наличие этих категорий свидетельствует в первую очередь о том, что на этих участках происходила активная деятельность по изготовлению и подправке резцов, производство микропластинок с притупленным краем и, возможно, изготовление вкладышевых орудий. Места скоплений резцов не всегда совпадают со скоплениями дебитажа, но, как правило, сопровождаются скоплениями резцовых отщепков. О деятельности по изготовлению вкладышевых орудий также свидетельствует большое количество микродебитажа, сконцентрированное в местах скоплений микропластинок с притупленным краем (*Хамакава*, 2008. С. 94–97).

К сожалению, для исследуемого участка пока не сделан ремонтаж, который во многих случаях позволяет соотнести объекты по времени их существования более точно. Анализ же распределения различных категорий инвентаря позволяет лишь говорить об определенном сходстве состава скоплений больших объектов и о том, что они полностью совпадают с характером состава находок на жилых объектах стоянки Каменная Балка II.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградова Е. А., 2009. Жилые площадки Каменной Балки II (особенности орудийного набора по данным раскопок 2000–2007 гг.) // С. Н. Бибиков и первобытная археология / Ред. С. А. Васильев, Л. В. Кулаковская. СПб.: ИИМК РАН. С. 202–210.

Гвоздовер М. Д., 1967. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Подонья // Вопросы антропологии. Вып. 27. С. 82–103.

Леонова Н. Б., 2009. Жилые площадки каменнобалковской культуры // С. Н. Бибиков и первобытная археология / Ред. С. А. Васильев, Л. В. Кулаковская. СПб.: ИИМК РАН. С. 195–201.

Леонова Н. Б., Виноградова Е. А., 2014. Специфические скопления культурных остатков на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка II // Проблемы археологии эпохи камня / Отв. ред. Е. В. Дороничева. СПб.: Исторический ф-т СПбГУ. С. 88–98.

Леонова Н. Б., Несмеянов С. А., Виноградова Е. А., Воейкова О. А., Гвоздовер М. Д., Миньков Е. В., Спиридонова Е. А., Сычева С. А., 2006. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье) / Отв. ред. О. А. Воейкова. М.: Научный мир. 342 с.

Леонова Н. Б., Виноградова Е. А., Хайкунова Н. А., Медведев С. П., 2013. Верхнепалеолитические памятники каменнобалковской культуры – исследования и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. № 2. С. 96–105.

Хамакава М., 2008. Специализация хозяйственной деятельности на стоянке Каменная Балка 2 на основе анализа распределения микродебитажа // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 1. М.: ИА РАН. С. 94–97.

Сведения об авторах.

Виноградова Екатерина Александровна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27/4, Москва, 119992, Россия; e-mail: vinogradovae@mail.ru;

Леонова Наталия Борисовна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27/4, Москва, 119992, Россия; e-mail: nbleonova@gmail.com.

Ye. A. Vinogradova, N. B. Leonova

The north-western sector of the main layer at the Upper Palaeolithic site Kamennaya Balka II

Abstract. The Kamennaya Balka complex of the Upper Palaeolithic sites is located on the high right bank of the River Don valley near its mouth. The sites are attributed to the Kamennaya Balka archaeological culture that has been being studied for over 50 years and is well-known to specialists. At the Kamennaya Balka site (main level) a total area of about 2000 sq. m has been investigated. The collected archaeological material and the multi-disciplinary research involving natural sciences make it possible to reconstruct palaeo-environmental situation and various aspects of life of the ancient population. A description is provided of a new sector of the main level in the north-western part of the Kamennaya Balka II site investigated in 2004 and 2010–2012 (totally 188 sq. m).

Analysis of the range of finds and their spatial distribution gives grounds to assume that one or two habitation places functioned there.

Keywords: Lower Don, Upper Palaeolithic, Kamennaya Balka culture, site, habitation place, manufacturing complex.

REFERENCES

Gvozdover M. D., 1967. O kulɔturnoy prinadlezhnosti pozdnepaleoliticheskikh pamyatnikov Nizhnego Podonya [On cultural attribution of Late Palaeolithic sites of the Lower Don]. *Voprosy antropologii* [*Problems of Anthropology*], 27, pp. 82–103.

Khamakava M., 2008. Spetsialilizatsiya khozyaystvennoy deyatelnosti na stoyanke Kamennaya Balka 2 na osnove analiza raspredeleniya mikrodebitazha [Specialization of economic activity at station Kamennaya Balka 2 based on analysis of debitage distribution]. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda v Suzdale, 2008 g.* [*Transactions of II (XVIII) All-Russian Congress in Suzdal, 2008*]. A. P. Derevyanko, N. A. Makarov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 94–97.

Leonova N. B., 2009. Zhilyye ploshchadki kamennobalkovskoy kultury [Habitation areas of Kammennaya Balka culture]. *S. N. Bibikov i pervobytnaya arkheologiya* [*S. N. Bibikov and prehistoric archaeology*]. S. A. Vasil'yev, L. V. Kulakovskaya, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 202–210.

Leonova N. B., Nesmeyanov S. A., Vinogradova Ye. A., Voyeykova O. A., Gvozdover M. D., Min'kov Ye. V., Spiridonova Ye. A., Sycheva S. A., 2006. Paleoekologiya ravninnogo paleolita (na primere kompleksa verkhnepaleoliticheskikh stoyanok Kamennaya Balka v Severnom Priazov'ye) [Palaeoecology of plain Palaeolithic (on example of complex of Upper Palaeolithic stations Kamennaya Balka in region north from Azov Sea)]. O. A. Voyeykova, ed. Moscow: Nauchny mir. 342 p.

Leonova N. B., Vinogradova Ye. A., 2014. Spetsificheskiye skopleniya kul'turnykh ostatkov na verkhnepaleoliticheskoy stoyanke Kamennaya Balka II [Specific accumulation of cultural remains at Upper Palaeolithic station Kamennaya Balka II]. *Problemy arkheologii epokhi kamnya* [*Problems of Stone Age archaeology*]. Ye. V. Doronicheva, ed. St. Petersburg: Istorichesky fakul'tet St. Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 88–98.

Leonova N. B., Vinogradova Ye. A., Khaykunova N. A., Medvedev S. P., 2013. Verkhnepaleoliticheskiye pamyatniki kamennobalkovskoy kul'tury – issledovaniya i perspektivy [Upper Palaeolithic sites of Kamennaya Balka culture – research and perspectives]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya* [*Bulletin of Moscow University, Ser. 23. Anthropology*], 2, pp. 96–105.

About the authors.

Vinogradova Yekaterina A., Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky av., 27/4, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: vinogradovae@mail.ru;

Leonova Nataliya B., Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky av., 27/4, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: nbleonova@gmail.com.

Д. К. Еськова, Е. В. Леонова

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БЕЛЫЙ КОЛОДЕЦ 1: ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ

Резюме. В статье представлены результаты типологического и технологического анализов материалов мезолитической стоянки Белый Колодец 1, расположенной на р. Осетр (бассейн р. Оки), вблизи выходов кремневого сырья. По типологическому набору каменного инвентаря стоянка может быть отнесена к иеневской культуре. На памятнике представлен полный цикл первичного расщепления, что позволило впервые для материалов иеневской культуры провести анализ всех аспектов технологии расщепления камня, выявить и описать различные производственные цепочки, связанные с изготовлением орудий рубящих и сколов-заготовок.

Ключевые слова: мезолит, Волго-Окский бассейн, иеневская культура, стоянка-мастерская, технология расщепления камня, типологический анализ.

Иеневская мезолитическая культура была выделена более 30 лет назад на основании отличия кремневого инвентаря ряда памятников от наборов инвентарей других мезолитических культур Волго-Окского междуречья (*Крайнов, Кольцов*, 1979). К настоящему моменту известно около ста памятников, содержащих материалы иеневской культуры (*Леонова*, 2007), но подробные публикации материалов стоянок единичны и, как правило, ограничены рамками формально-типологического, функционального и пространственного анализов. В последнее десятилетие было также предпринято несколько попыток характеристики отдельных аспектов иеневской технологии расщепления камня в сравнении с другими мезолитическими индустриями региона (*Жилин*, 1998; *Лозовский и др.*, 2009).

Цель настоящей работы – типологическая и технологическая характеристика каменного инвентаря.

Выбор материалов стоянки Белый Колодец 1 для технологического анализа неслучаен. Стоянка расположена вблизи от выходов кремневого сырья, на памятнике представлен полный цикл первичного расщепления, выполнен частичный ремонтаж сколов. Всё это позволяет провести первый для индустрии иеневской культуры детальный технологический анализ материалов стоянки-мастерской. Также для материалов стоянки Белый Колодец 1 проведен пространственный

анализ (*Леонова*, 2014), данные которого учитывались в настоящем исследовании.

Источником для типологического анализа послужила вся коллекция каменного инвентаря, полученная в ходе раскопок стоянки Белый Колодец 1, насчитывающая 7 157 экз., а для технологического анализа – все преформы, нуклеусы и их фрагменты, технологические сколы, пластинчатые сколы и орудия, а также выборка из 150 отщепов. Статистические выкладки в разделе, посвященном технологии расщепления камня на стоянке, приводятся на основании баз данных, в которые включены все нуклеусы, орудия и выборка пластин, пластинок и пластинчатых отщепов, насчитывавшая 278 экз., из них 40 целых, 84 проксимальных, 69 медиальных, 85 дистальных частей. Нами также был осуществлен частичный ремонтаж коллекции, в основном сколов, относящихся к пластинчатому расщеплению.

Памятник Белый Колодец 1 находится на северо-западной окраине г. Зарайск Московской области, расположен в южной части мыса, образованного второй надпойменной террасой правого берега р. Осетра (правый приток Оки) и устьем оврага, на высоте 27–27,5 м над меженным уровнем воды в р. Осетр. Памятник Белый Колодец 1 открыт И. Е. Зайцевой в 1996 г. и исследовался Зарайской археологической экспедицией. В 1998, 2000, 2001 и 2003 гг. раскопки проводились под руководством Е. В. Леоновой. Общая площадь раскопа составила 145 кв. м. Выделяется два основных горизонта залегания находок. Верхний, приуроченный к современному почвенному слою и подстилающим его серой и белесовато-серой супесям, содержит разновременные смешанные материалы от эпохи бронзового века до современности.

Нижний (мезолитический) горизонт сопряжен с нижней частью коричневато-серого суглинка (погребенная почва?) и контактом последнего с подстилающим светло-бурым плотным суглинком, нарушен позднейшими ямами, опущенными из верхних слоев, а также норами землеройных животных, в результате чего часть артефактов была перемещена. Мезолитические находки, представленные только изделиями из камня, залегали на глубине 55–85 см от поверхности и образовывали в плане несколько небольших скоплений. Никаких следов объектов мезолитического времени (кострищ, ям и т. п.) не обнаружено.

Проведенный пространственный анализ материалов позволяет сделать заключение о непродолжительном бытовании стоянки и одномоментном акте создания отдельных микроскоплений, а наличие связей по ремонтажу – о синхронности части из них (*Леонова*, 2014).

На стоянке в качестве сырья использовался местный кремень из карбоновых отложений известняков, вероятней всего собиравшийся в оврагах в непосредственной близости от стоянки. Этот кремень имеет форму уплощенных желваков подовальных очертаний, как правило, со слаборельефными боковыми поверхностями и тонкой коркой (редко толще нескольких миллиметров). Его цвет – табачно-желтый или темно-коричневый, иногда голубой, сиреневый, бежевый или черный во внутренней части. В зависимости от желвака, а также от внутренней слоистости кремень может быть как средне-, так и крупнозернистым. В переотложенном виде он чаще всего встречается в виде обломков желваков, поперечных и реже продольных. Продольные обломки связаны с термическим

растрескиванием. В единичных случаях орудия изготовлялись из плиток окремненного известняка и сланца. В качестве орудий для первичного расщепления и вторичной обработки использовались кварцитовые гальки.

Всего в коллекции 7 157 изделий из кремня, небольшая часть из них (362 экз. – 5 %) была переотложена в результате позднейшей антропогенной деятельности и землеройными животными в верхний слой, синхронность некоторых изделий из нижнего и верхнего горизонтов подтверждается данными ремонтажа. Таким образом, сырьевое единство, отсутствие в верхних слоях материалов археологических культур с развитой каменной индустрией позволяет изделия из кремня из нижнего и верхнего слоев рассматривать вместе. При описании коллекции морфологически выраженные орудия, залегавшие на момент раскопок в верхнем слое, отмечены «в. с.».

Структура каменного инвентаря

Орудия для первичной обработки камня (отбойники и ретушеры) – 6 экз. – представляют собой кварцитовые гальки разных размеров, отнесены к этой группе орудий по следам забитости на одном или двух концах.

Кусков кремня – 17.

Тестированных кусков сырья (обломков желваков с негативами 1–2 сколов) – 13.

Преформ нуклеусов – 1.

Нуклеусов и их обломков – 67 (рис. 1–3).

Нуклеусов для пластинчатого расщепления – 39: 23 торцевых одноплощадочных (из них 4 для скалывания пластинок); 6 одноплощадочных с распространением фронта расщепления на одну из боковых поверхностей (из них 1 для скалывания пластинок); 3 торцевых одноплощадочных с двумя фронтами расщепления (из них 1 для скалывания пластинок); 3 торцевых одноплощадочных с двумя фронтами расщепления и распространением одного из них на боковую поверхность; 1 торцевой двуплощадочный; 1 торцевой двуплощадочный с переходом фронта расщепления на одну из боковых поверхностей; 2 торцевых двуплощадочных с двумя фронтами расщепления.

Обломков торцевых нуклеусов для пластинчатого расщепления – 5.

Аморфных нуклеусов (многоплощадочных нуклеусов, с бессистемным скалыванием) – 7.

Торцевых нуклеусов для скалывания пластинчатых отщепов – 6 (из них 3 двуплощадочных, 3 одноплощадочных).

Дисковидных нуклеусов для скалывания отщепов – 8.

Неопределимых обломков нуклеусов – 2.

Технологических сколов 86, из них 54 ребристые пластины и 32 скола оживления площадки.

Отщепов, осколков, чешуек – 3 524 (без учета еще 2 874 мелких осколков и чешуек, собранных послойно).

Пластин и их фрагментов – 377, в том числе 131 пластинка и 229 пластин. Еще 17 пластин происходят из верхнего слоя.

К морфологически невыраженным орудиям отнесено 26 отщепов, 11 пластинчатых отщепов и 2 термических осколка с нерегулярной ретушью и 13 пластин и пластинок со следами использования (в том числе массивная пластина

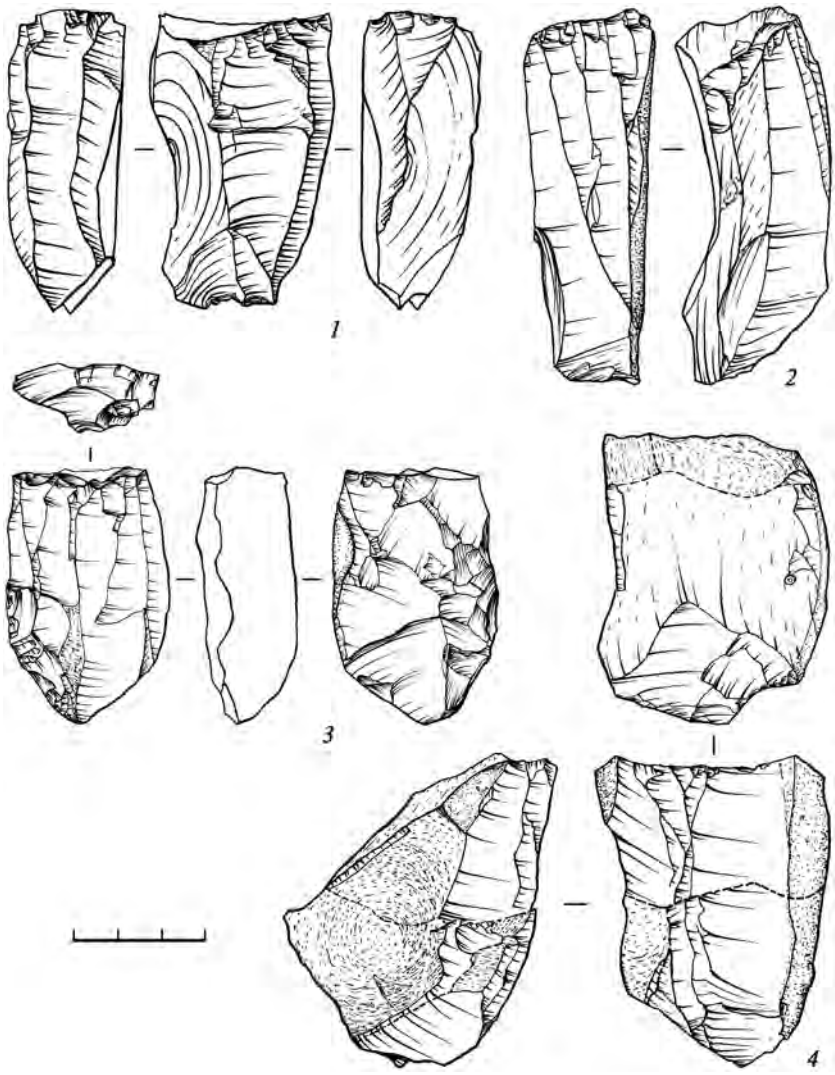

Рис. 1. Стоянка Белый Колодец 1. Каменный инвентарь. Нуклеусы

с нерегулярными плоскими сколами на брюшке, 3 пластинки и 1 ребристая пластина). Семь из этих орудий можно с некоторой долей уверенности отнести к т. н. «приспособленным скребкам» (2 на пластинчатых отщепах, 2 на пластинах, 1 из отщепа, 1 из осколка, 1 из ребристой пластины).

Морфологически выраженных орудий – 83.

Скребков и их обломков – 25 (рис. 5, *1–5, 7–10*), абсолютно преобладают концевые формы – 23. Из них 11 на пластинах (в том числе 1 двойной), 2 на пластинках, у одного из них у лезвия оформлена небольшая выемка, 5 на пластинчатых отщепах, 5 на отщепах. Тип заготовки концевого скребка, у которого лезвие оформлено на брюшке, не ясен. У еще одного скребка на первичном отщепе

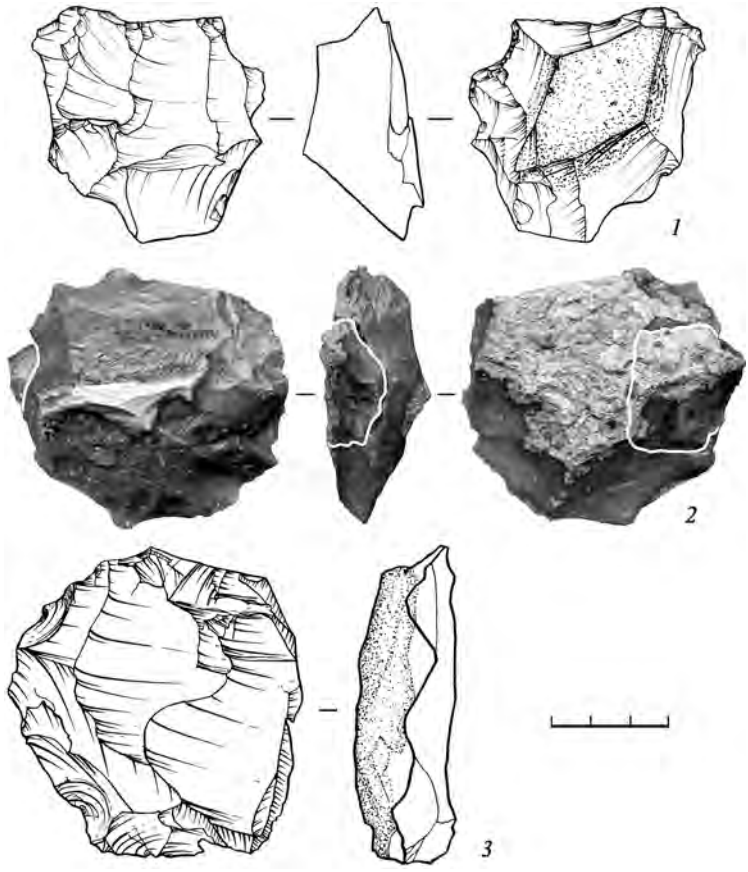

Рис. 2. Стоянка Белый Колодец 1. Каменный инвентарь. Нуклеусы

лезвие расположено на узкой боковой стороне заготовки. Лезвия орудий дугообразные (18), дугообразно скошенные (4), два орудия из пластины и пластинчатого отщепа с миниатюрными узкими лезвиями. У двойного скребка лезвие со стороны проксимального конца прямое, оформлено вертикальной ретушью с брюшка, в остальных случаях ретушь крутая или полукрутая по спинке.

Резцов – 21 (рис. 6, *4–6, 8, 9*). С ретушированной площадкой скола 8: 4 вогнуторетушных (1 на ребристой пластине, 3 на отщепах), в том числе один двойной и один многофасеточный, и 4 с прямой ретушированной площадкой (1 на пластине, 2 на отщепах, 1 на массивном осколке кремня). Столько же резцов на сломе или окончании заготовки (8): 4 на пластинах, 2 на отщепах (у одного из них резцовая кромка оформлена на проксимальной части заготовки, а дистальный конец орудия и частично один край срезаны вертикальной ретушью с брюшка), 2 на осколках кремня. Резцов с площадкой, оформленной резцовым сколом 4 (2 на крупных отщепах, 2 на осколках кремня).

Еще один резец двойной на пластинчатом отщепе – вогнуторетушный плоский и на сломе заготовки.

Рис. 3. Стоянка Белый Колодец 1. Каменный инвентарь. Ремонтаж

К группе рубящих орудий, включая заготовки и обломки, отнесено 9 предметов (рис. 7).

Топоров (тесел) с перехватом – 4. Одно орудие, подтрапециевидное в плане, изготовлено из плоского обломка низкокачественного кремня без следов преднамеренного расщепления, крутой крупнофасеточной односторонней ретушью примерно на $^{2}/_{3}$ краям заготовки сформирован «перехват», плавно переходящий в более узкую относительно лезвия орудия обушковую часть. Лезвийная часть орудия без следов обработки, профиль орудия симметричный.

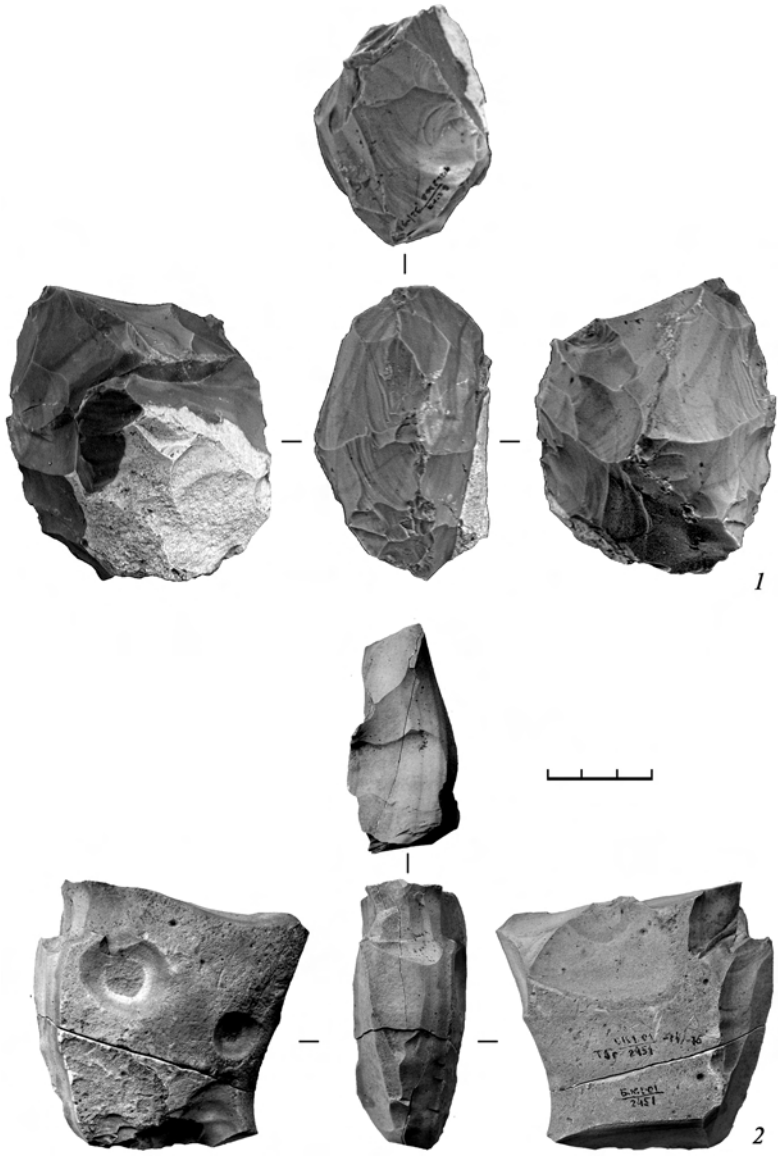

Рис. 4. Стоянка Белый Колодец 1. Каменный инвентарь

1 – преформа; *2* – нуклеус

Подтрапециевидный в плане топор с перехватом, с узким обушком и широким лезвием изготовлен из плоского первичного обломка желвака с коркой без следов преднамеренного расщепления. В средней части орудия крутой крупнофасеточной ретушью и односторонней оббивкой оформлены широкие выемки. Конец слабо асимметричного в профиле лезвия подправлен двусторонней оббивкой. Конец обушка подправлен несколькими сколами.

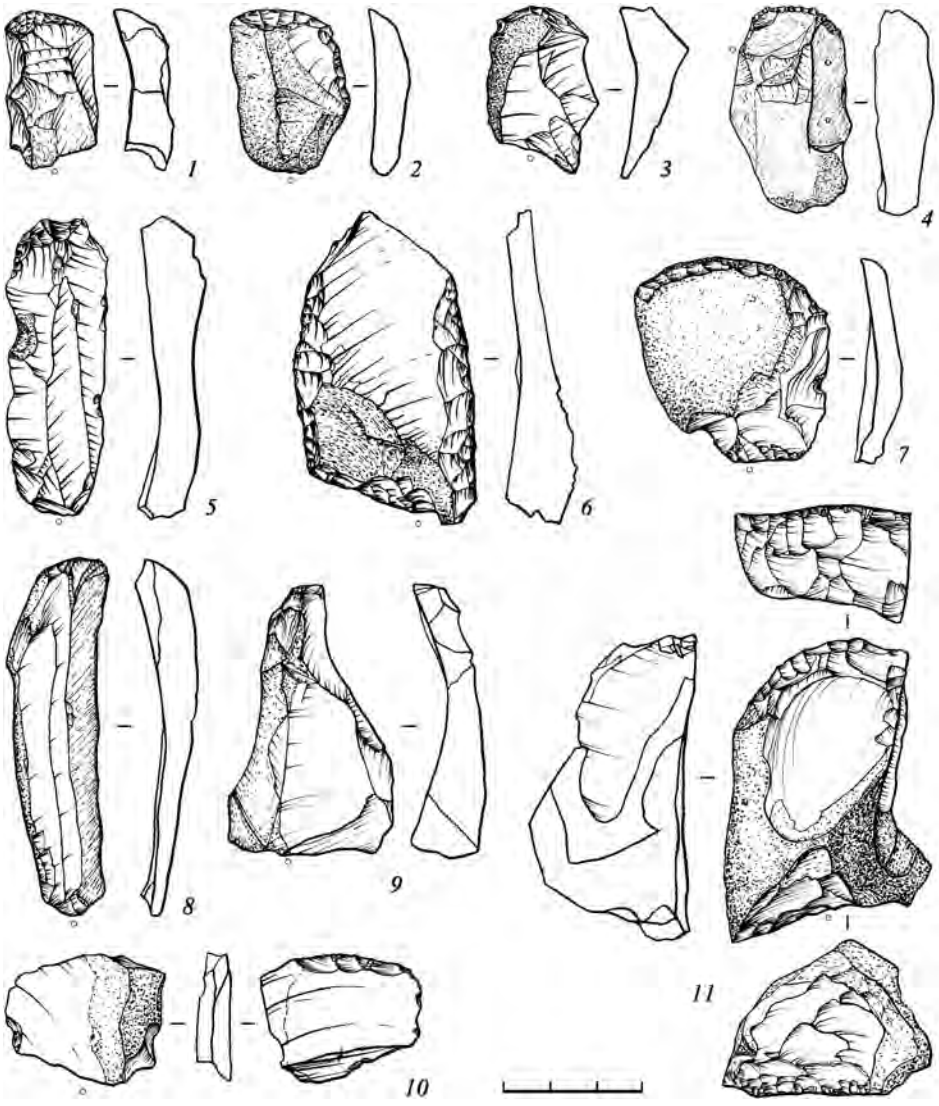

Рис. 5. Стоянка Белый Колодец 1. Каменный инвентарь

1–5, 7–10 – скребки; *6, 11* – скребла

Третий топор с перехватом изготовлен из обломка тонкого кремневого желвака, причем обушковая часть с обеих сторон покрыта желвачной коркой. Подтрапециевидное в плане орудие оформлено грубой двусторонней оббивкой, боковые слабо асимметричные выемки и конец лезвия подправлены ретушью. Лезвие орудия в плане выпуклое, в профиле – симметричное.

Еще одно изделие изготовлено из кремнистого известняка также без следов первичного расщепления. В плане вытянутое, подтрапециевидных очертаний, профиль орудия асимметричный. Неглубокие выемки оформлены в средней

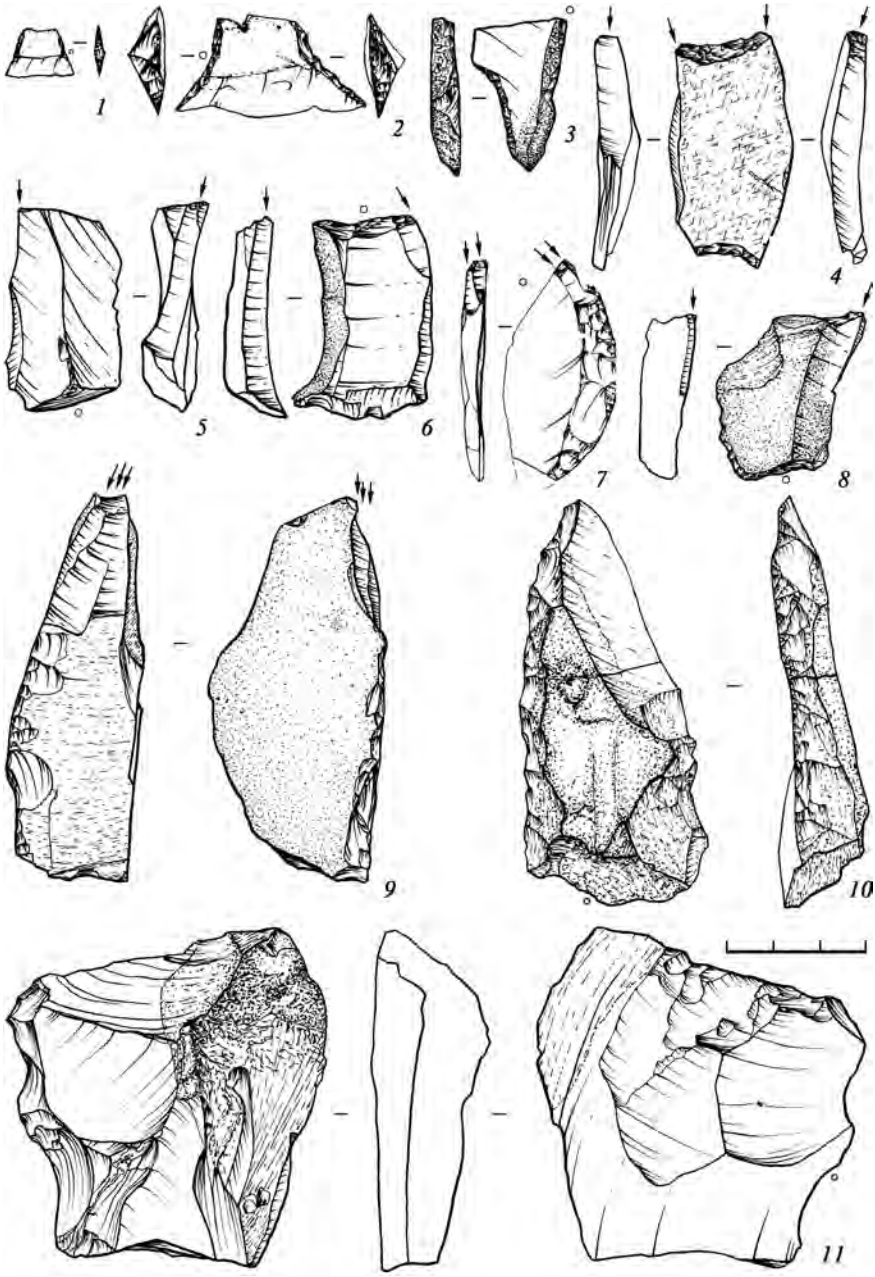

Рис. 6. Стоянка Белый Колодец 1. Каменный инвентарь

1, 2 – трапеции; *3* – обломок асимметричного наконечника; *4–6, 8, 9* – резцы; *7* – комбинированное орудие; *10* – обушковый нож; *11* – обломок заготовки рубящего (?) орудия

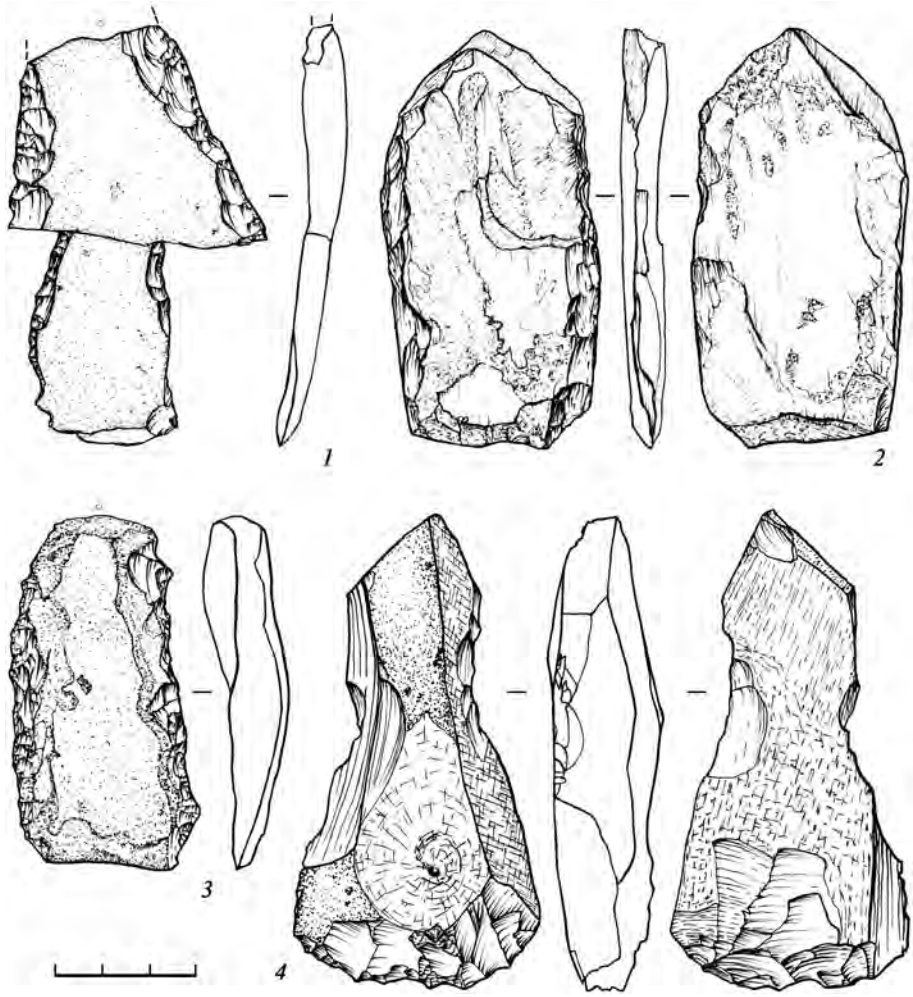

Рис. 7. Стоянка Белый Колодец 1. Каменный инвентарь. Рубящие орудия

части орудия односторонней крутой ступенчатой ретушью. Выпуклое в плане и слабо асимметричное в профиле лезвие сформировано двусторонней оббивкой. Узкий обушок орудия оставлен без вторичной обработки (рис. 7, *4*).

Тесло трапециевидное в плане из первичного отщепа с крутой ретушью по спинке, формирующей боковые немного асимметричные (слабо выпуклую и прямую) стороны орудия, лезвием является естественное окончание заготовки (рис. 7, *3*).

Два фрагмента заготовок рубящих орудий (?) представляют собой две части (поперечный слом) крупного достаточно тонкого первичного отщепа. У большего, трапециевидного в плане осколка, у которого утрачены и проксимальная и дистальная части, полукрутой крупнофасеточной ретушью по спинке оформлены боковые стороны. Меньший является дистальной частью отщепа, боковые

края которого усечены крутой ретушью по спинке с двух сторон таким образом, что редуцирована значительная часть ширины заготовки. Поперечный слом и конец орудия не обработаны (рис. 7, *1*).

Тесло из сланцевой плитки с коротким остроконечным естественным обушком, параллельными боковыми сторонами, подправленными двусторонней плоской оббивкой и прямо срезанным полукрутой односторонней ретушью лезвием, обратная сторона которого имеет такой естественный скос, что угол лезвия составляет примерно 45°. Обе плоскости орудия пришлифованы, на одной стороне поверх пришлифованной поверхности читаются грубые продольные подпараллельные царапины. Сечение орудия плоское подчетырехугольное (рис. 7, *2*).

Крупный обломок орудия из массивного отщепа (?), обработанный грубыми двусторонними сколами (обломок заготовки рубящего?) (рис. 6, *11*).

Выемчатых орудий – 5: пластина с глубокой выемкой, сформированной крутой ретушью по спинке на одном из краев заготовки; осколок, у которого глубокой выемкой, оформленной агрессивной (с отрицательным углом) ретушью, с брюшка удалена бугорковая часть заготовки; проксимальный фрагмент пластины с неглубокой широкой выемкой, оформленной на сломе заготовки; крупный первичный отщеп с широкой неглубокой выемкой на конце, оформленной крутой ретушью по спинке; массивный осколок, у которого со стороны поперечного слома заготовки крутой ретушью оформлена широкая выемка.

Скребло двойное из отщепа, лезвия оформлены полукрутой крупнофасеточной ретушью по спинке на краях заготовки (рис. 5, *6*).

Еще одно орудие, изготовленное на массивном сколе с желвака, может быть отнесено к высоким скреблам. Со стороны дистального конца крутой ретушью по спинке оформлено выпуклое лезвие, противоположный – усечен многорядной вертикальной ретушью с брюшка (рис. 5, *11*).

Обушковых ножей – 2: остроконечный, подтреугольной в плане формы, из крупного отщепа обушок сформирован вертикальной крупнофасеточной ретушью с брюшка вдоль диагонального усечения заготовки, лезвие не обработано (рис. 6, *10*); второй – из ребристой пластины, дистальный конец заготовки утрачен, обушком послужила одна из граней спинки – естественная поверхность трещины, подправленная мелкой вертикальной ретушью, вероятно, при оформлении ребра, на лезвии отчетливо читаются следы утилизации в виде мелкой разнофасеточной краевой ретуши по спинке.

Пластин с ретушью всего 2: проксимальный фрагмент пластины с мелкой полукрутой ретушью по спинке по обоим краям; крупный изогнутый в плане пластинчатый скол с участком полукрутой ретуши на перообразном конце.

Комбинированных орудий – 2.

Резец-скребок из пластинчатого отщепа: вогнуторетушный резец – в качестве площадки для резцового скола послужила выемка, оформленная крутой ретушью по спинке заготовки; проксимальная часть орудия усечена вертикальной ретушью с брюшка, а на углу крутой ретушью по спинке оформлено узкое скребковое лезвие.

Резец на сломе, оформленный на обломке орудия из отщепа (?), дугообразный край которого подправлен приостряющей ретушью по спинке, а конец скошен крутой ретушью по спинке (нож?) (рис. 6, *7*).

Фрагмент черешка асимметричного иеневского острия с боковой выемкой (несет следы пребывания в огне) – 1 (рис. 6, *3*).

Трапеций – 2 (рис. 6, *1, 2*): средневысокая симметричная трапеция из пластины, концы вогнуты, оформлены вертикальной ретушью с брюшка, и симметричная высокая трапеция из пластинки, оформленная вертикальной ретушью с брюшка.

Также к трапециям был отнесен обломок орудия из медиальной части пластины, один конец которой усечен вертикальной ретушью с брюшка, образуя небольшую выемку, на фрагменте другого конца сохранился участок такой же ретуши, один край оставлен без обработки, другой – обломан.

Пластинок со скошенным крутой ретушью по спинке концом – 3.

Пластин (1 пластина и 2 пластинки) с прямо усеченным вертикальной ретушью с брюшка концом – 3.

Пластинка с выемкой на конце, оформленной вертикальной дорсальной ретушью – 1.

Крупный массивный отщеп с зубчатой крупнофасеточной ретушью по спинке по одному краю и широкой выемкой, оформленной крутой ретушью по спинке, на противоложном краю – 1.

Кроме этого, в орудийном комплексе стоянки 3 крупных отщепа с крупными плоскими сколами на брюшке («подтеской»), в двух случаях на спинке крутой ретушью подготовлена площадка скола. Единично подобные орудия встречаются в коллекциях Беливо 6В, Куково, Настасьино 2, Поречье (*Леонова*, 2007).

Неопределимых обломков орудий – 17, одно на пластине, 3 на отщепах, тип заготовок остальных обломков не ясен. В том числе среди неопределимых обломков есть мелкий осколок с вертикальной частично встречной ретушью по краю, который предположительно может рассматриваться как фрагмент острия косолезвийного наконечника.

Краевых отщепов резцов – 30.

Рассмотренный выше ансамбль каменного инвентаря выглядит достаточно однородным и соответствует почти всем признакам, характеризующим иеневскую культуру (*Леонова*, 2007. С. 146, 147). Своеобразие мезолитической коллекции стоянки Белого Колодца придает присутствие орудия со следами шлифовки и трапеций относительно низких пропорций (отношение длины неретушированного «основания» и высоты орудия составляет 0,54 и 0,9, тогда как для микролитов из коллекций других иеневских стоянок оно больше или равно 1).

При общем низком индексе пластинчатости индустрии – 5,9 % (с учетом микродебитажа) или 9,9 % (без учета микродебитажа) – индекс пластинчатости всего орудийного комплекса достаточно высок – 30,9 %, а в группе морфологически выраженных орудий составляет 41 % (без учета пластинчатых отщепов и неопределимых обломков орудий, тип заготовки подавляющего большинства которых установить невозможно) (табл. 1). Это вполне согласуется с данными, полученными для других каменных комплексов иеневской культуры (Там же. С. 146, 150–153).

Несмотря на высокий индекс пластинчатости орудийного комплекса стоянки Белый Колодец, значительная часть пластин использовалась без вторичной обработки и учтена в группе морфологически невыраженных орудий.

Таблица 1. Стоянка Белый Колодец 1.
Количественный и процентный состав каменного инвентаря

Категория / группа	Количество	С учетом мелкого дебитажа %	Без учета мелкого дебитажа* %	Индекс пластинчатости %
Отбойники	6	0,08	0,14	–
Нуклеусы, нуклевидные куски, сырье	98	1,37	2,29	–
Технологические сколы с нуклеусов	86	1,20	2	–
Отщепы, осколки	3 524	49,24	82,3	–
Мелкий дебитаж (чешуйки и осколки)	2 874	40,16	–	–
Пластины и пластинки	377	5,27	8,8	–
Морфол. невыраж. орудия	52	0,73	1,21	–
Обломки орудий	17	0,24	0,4	–
Краевые отщепы резцов	30	0,42	0,7	–
Морфологически выраженные орудия	83	1,16	1,94	–
Всего без учета мелкого дебитажа	**4 283**	–	**100**	**9,9**
ВСЕГО	**7 157**	**100**	–	**5,9**

*На подавляющем большинстве ранее раскопанных стоянок иеневской культуры из-за особенностей методики раскопок очень мелкий дебитаж мог не собираться или быть пропущен, поэтому здесь мы приводим процентное соотношение в двух системах подсчета: с учетом мелкого дебитажа и без него, чтобы в дальнейшем можно было сравнивать материалы стоянок, раскопанных с применением различных методик.

Не менее важной характеристикой каменной индустрии стоянки Белый Колодец 1 является ширина спектра используемых заготовок, не ограничивающаяся пластинами и отщепами. В него также входят как целые конкреции и их обломки, так и технологические сколы и термические осколки кремня. Следует отметить, что «топоры с перехватом» являются единственными типами орудий, четко связанными с определенной категорией заготовок – конкрециями и их обломками. Для наиболее массовых категорий орудий – скребков и резцов – характерен наиболее широкий спектр используемых заготовок (табл. 2).

Таким образом, анализ стратегии подбора заготовок на стоянке Белый Колодец 1 показал, что производственные цепочки не были направлены на изготовление определенных категорий орудий или производство запаса стандартных

Таблица 2. Стоянка Белый Колодец 1. Распределение различных типов заготовок, использованных для изготовления орудий

Категория либо тип орудия	Желвак	Продольный обломок желвака	Поперечный обломок желвака	Плитка	Пластина	Пластинка	Пластинчатый отщеп	Первичный отщеп	Отщеп	Скол оживления площадки нуклеуса	Термический осколок	Осколок	Неопределимая заготовка	Всего орудий:	Пластинчатость комплекса в %
Морфологически выраженные орудия и их обломки:	**1**	**2**	**1**	**2**	**25**	**9**	**11**	**14**	**9**	**1**	**4**	**2**	**19**	**100**	**34**
Скребки					12	1	4	5			1		2	25	-
Резцы					5		6		3	1	3		3	21	-
Топоры (тесла) с перехватом	1	2		1										4	-
Тесло трапециевидное								1						1	-
Тесло подпрямоугольное из сланца				1										1	-
Заготовки рубящих орудий?								2	1					3	-
Выемчатые орудия					2			1				2		5	-
Скребло двойное								1						1	-
Двойное высокое скребло			1											1	-
Обушковые ножи					1			1						2	-
Пластина с ретушью					2									2	-
Резец-скребок							1							1	-
Резец-нож(?)									1					1	-
Асимметричный черешковый наконечник													1	1	-
Трапеции					1	2								3	-
Пластинки со скошенным ретушью концом						3								3	-
Пластины с усеченым ретушью концом					1	2								3	-
Пластинка с выемкой на конце						1								1	-

Окончание таблицы 2

Отщеп с зубчатой ретушью									1					1	-
Отщепы с «подтеской»								3						3	-
Неопределимые обломки орудий					1				3				13	17	-
Морфологически невыраженные орудия:					**10**	**3**	**11**		**26**		**2**			**52**	**26,9**
Пластины со следами использования и/или нерегулярной ретушью					10	3	11							24	-
Отщепы со следами использования и/или нерегулярной ретушью									26					26	-
Термический осколок с ретушью											2			2	-
Всего	***1***	***2***	***1***	***2***	***35***	***12***	***22***	***14***	***35***	***1***	***6***	***2***	***19***	***152***	***30,9***

заготовок, которые могли использоваться для изготовления орудий различных категорий. «Топоры с перехватом» являются единственным исключением. Вероятней всего, для большей части категорий, в особенности массовых (скребков и резцов), мы можем говорить об индивидуально-ситуационном подборе заготовок.

Разнообразие заготовок позволяет поставить вопрос о существовании как минимум двух производственных цепочек, одна из которых связана с изготовлением «топоров с перехватом», вторая – орудий на сколах-заготовках.

Особенности оформления «топоров с перехватом» были подробно рассмотрены выше. Следует еще раз подчеркнуть, что процесс их изготовления ограничивался дву- или односторонней оббивкой, ни в одном случае речь не идет о вторичном утоньшении. Больше того, в тех случаях, где первоначальная форма конкреции (или ее обломка) это позволяла, не только обушковая, но и лезвийная часть могла сохраняться естественной. То есть можно говорить о минимизации процесса обработки за счет строгого отбора заготовок–желваков и их продольных обломков и плиток. Одним из основных критериев отбора был небольшой размер конкреций, прежде всего небольшая толщина – от 14 до 23 мм.

Следует отметить, что иные разновидности каменного сырья использовались лишь при изготовлении рубящих орудий: один из «топоров с перехватом» изготовлен из окремненного известняка, подтрапециевидное тесло – из сланца.

При рассмотрении расщепления с целью получения сколов-заготовок перед нами встает вопрос: скалывались ли отщепы, пластины и пластинки в рамках одной и той же производственной цепочки (одновременно или последовательно) либо независимо? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего детально проанализировать все этапы изготовления пластинчатых заготовок.

Этап подбора сырья для пластинчатого расщепления являлся очень важным в рамках исследуемой технологической традиции. В данном случае принцип состоял не в подборе кремня наилучшего качества (с наименьшим количеством трещин, внутренних включений, наиболее тонкозернистого), что характерно, например, для Зарайских стоянок палеолитического времени, где также использовался кремень из местных известняковых отложений карбонового времени.

Основным критерием отбора в рамках изучаемой индустрии являлась морфология желваков: небольшая толщина (рис. 8, *1*) и слабо выраженный рельеф естественных поверхностей. При этом следует отметить, что единственная в коллекции Белого Колодца преформа большой толщины – желвак с подготовленным ребром, однако она была оставлена до начала расщепления (рис. 4, *1*). Учитывая, что качество кремня было достаточно высоко, основной причиной того, что преформа не была использована, являлся, видимо, большой объем. Для скалывания пластин активно использовались обломки желваков, в том числе поперечные, но наиболее яркой особенностью стратегии подбора сырья является частое использование продольных термических обломков желваков. Причина, по которой они так часто отбираются для расщепления, заключается, вероятно, в их небольшой толщине.

Скалывание пластин и пластинок на стоянке Белый Колодец 1 осуществлялось посредством прямой ударной техники прямого удара без применения

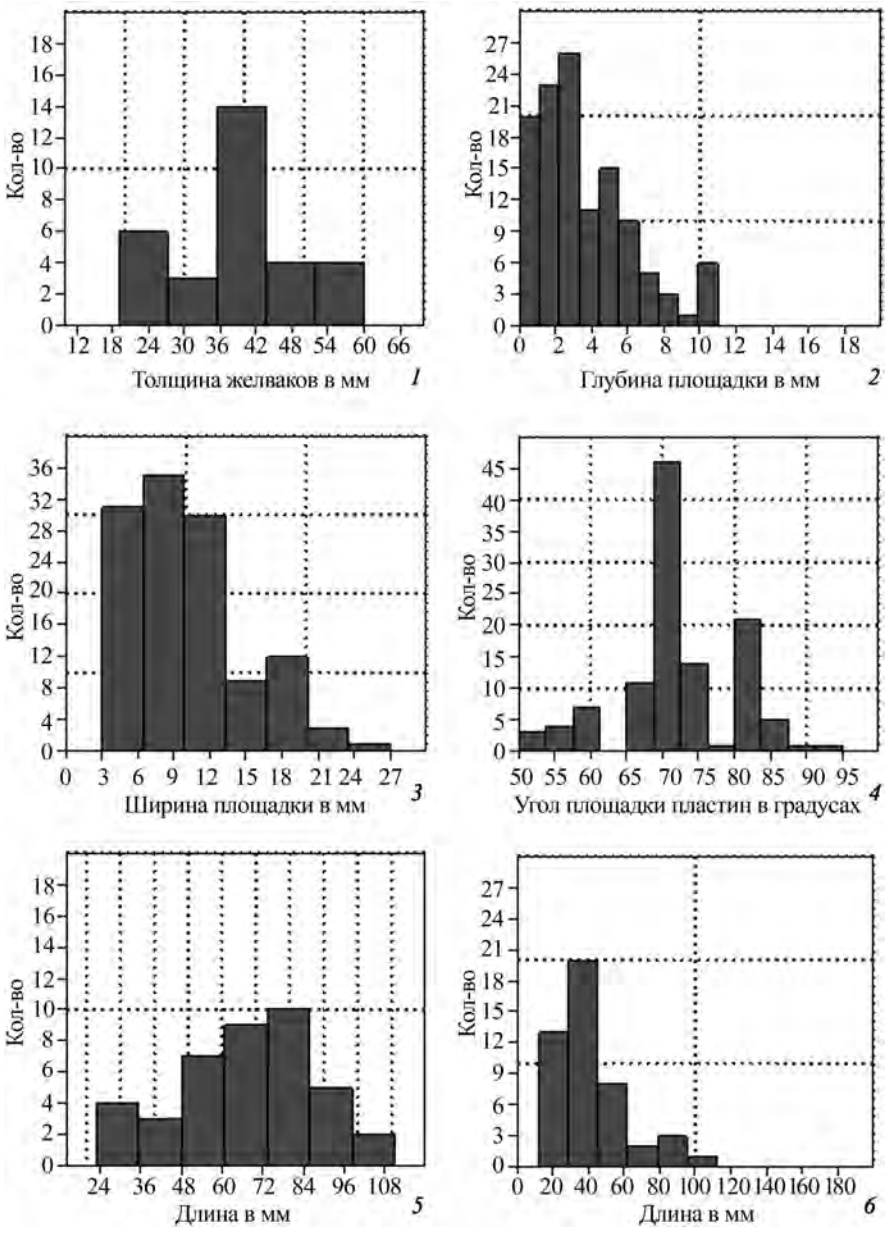

Рис. 8. Стоянка Белый Колодец 1. Диаграммы

1 – толщина желваков, из которых изготовлены нуклеусы для скалывания пластин; *2* – глубина площадок пластин; *3* – ширина площадок пластин; *4* – угол площадки пластин; *5* – длина целых пластинчатых сколов без вторичной обработки; *6* – длина орудий на пластинчатых сколах

посредника. В отличие от материалов стоянки иеневской культуры Ладыжино 3А, где была зафиксирована группа пластинок, полученных при помощи отжима (*Лозовский и др.*, 2009), в исследованной нами коллекции Белого Колодца 1 отсутствуют продукты расщепления, которые могли бы быть получены при помощи этой техники.

Материал, из которого были изготовлены отбойники, использовавшиеся при скалывании пластин и пластинок на стоянке Белый Колодец 1, был определен на основании ряда признаков, предложенных Ж. Пелеграном (*Pelegrin*, 2000). Большая часть пластин была получена при помощи мягкого органического (рогового?) (58 %) и твердого минерального (19 %) отбойников (рис. 9, *1*; 10). Небольшая доля пластинчатых сколов была получена при помощи мягкого отбойника, материал которого невозможно определить точно (5 %). Точное определение применяемой ударной техники оказалось невозможно для значительной части пластин (18 %) из-за того, что их площадки были сильно повреждены.

В коллекции Белого Колодца 1 преобладают пластины с достаточно широкими (как правило, от 3 до 12 мм) (рис. 8, *3*) и тонкими площадками (от 0,5 до 5 мм) (рис. 8, *2*). Однако для некоторой части пластин характерны и чрезвычайно массивные площадки (максимальные значения ширины – 27 мм, глубины –11 мм).

Таким образом, были достоверно определены только две техники, при помощи которых производилось скалывание пластинчатых заготовок на стоянке Белый колодец 1 – прямая ударная техника с применением мягкого органического отбойника и прямая ударная техника с применением твердого минерального отбойника, при этом ударная техника с применением мягкого органического (рогового?) отбойника в рамках рассматриваемой технологической традиции была основной. Следует также отметить, что различий в применении техник для получения пластин и пластинок не было зафиксировано.

Второй этап производственной цепочки, нацеленной на получение пластин и пластинок, – изготовление преформ нуклеусов и скалывание первой пластины – представлен несколькими вариантами, ни один из которых не является доминирующим в рамках исследуемой технологической традиции. Предварительная подготовка перед началом пластинчатого расщепления всегда была минимальна: лишь в единичных случаях мы можем говорить о бифасиальных преформах. Основное внимание перед началом расщепления уделялось созданию оптимального для применения мягкого органического отбойника изгиба будущего фронта расщепления и достаточно острого угла между ним и ударной площадкой нуклеуса. В случае, когда исходная форма тонкого линзовидного желвака этому способствовала, подготовка расщепления сводилась к созданию площадки. Первая пластина, «открывавшая» фронт расщепления, скалывалась с естественно изогнутого и выпуклого торца желвака (рис 3, *2*). Большое количество пластин (5 %), на спинке которых отсутствуют негативы предшествующих снятий (тип огранки – E и EE)[1], говорит о том, что этот наиболее простой вариант являлся достаточно распространенным. В других случаях оформлялось

[1] Здесь и далее условные обозначения типов огранки пластин приведены по: *Гиря*, 1997. С. 165.

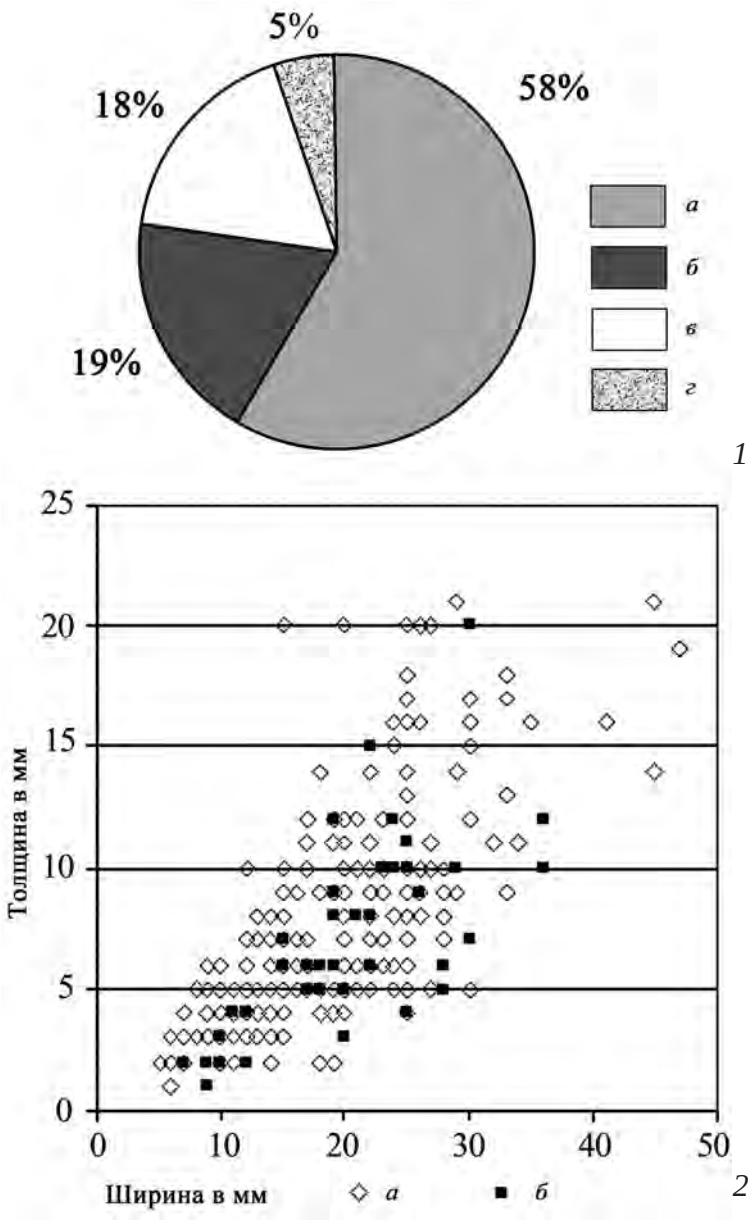

Рис. 9. Стоянка Белый Колодец 1. Диаграммы

1 – соотношение пластин, сколотых при помощи различных видов отбойников: *а* – мягкий органический отбойник; *б* – твердый минеральный отбойник; *в* – неопределенный тип ударной техники; *г* – мягкий органический (?)/минеральный (?) отбойник;

2 – метрические параметры пластин без вторичной обработки и орудий на пластинчатых сколах: *а* – пластины без вторичной обработки; *б* – орудия на пластинчатых сколах

фронтальное ребро: двустороннее (РР) – 6,5 % – или одностороннее (ЕР) – 4 %, достаточно часто дополнявшееся нижним ребром, служившим для понижения рельефа дистальной части поверхности расщепления. Следует отметить, что фронтальное ребро не всегда оформлялось на всей длине будущей поверхности расщепления, в таких случаях поперечные сколы затрагивали лишь дистальную и частично медиальную часть преформы (рис. 3, *3*). Таким образом, мы можем заключить, что, несмотря на то что созданию нужного угла между поверхностью расщепления и площадкой, а также созданию изгиба поверхности расщепления уделялось достаточное внимание, создание оптимальной выпуклости поверхности расщепления на данном этапе не являлось приоритетом. Единственной техникой, использовавшейся при создании ударной площадки и ребер, по всей видимости, является прямой удар твердым минеральным отбойником.

Третий этап производственной цепочки, направленной на производство пластин и пластинок – это собственно скалывание пластин-заготовок. Пластинчатое расщепление на стоянке Белый Колодец 1 велось, прежде всего, по торцу, реже с переходом на боковые поверхности нуклеуса (см. классификацию нуклеусов выше). Как отмечено ранее, на этапе подготовки преформы созданию оптимальной выпуклости будущей поверхности расщепления не уделялось большого внимания. Это во многом объясняет выявленное предпочтение тонким желвакам при отборе первичного сырья: каждый второй, максимум третий скол при торцевом расщеплении в таком случае оказывается краевым – таким образом, выпуклость поверхности расщепления достаточно долго сохранялась. Прием изоляции поверхности расщепления, создающий выпуклость рельефа в проксимальной части, редко применялся при скалывании пластин и пластинок (зафиксирован лишь в 9 % случаев). Слабый контроль над шириной распространения скалывающей являлся причиной чрезвычайно частого образования ныряющих окончаний пластин – в 11 % случаев.

Большее внимание в начале пластинчатого расщепления уделялось созданию и поддержанию острого угла между площадкой и поверхностью расщепления. Преобладание достаточно острых углов площадок у пластин (максимальное количество значений приходится на промежуток между 65 и 75º) при наличии значительного числа пластин с углами площадок, близкими к 90º (рис. 8, *4*) и даже тупыми, соответствует использованию двух выявленных ударных техник. Острый угол площадки при применении мягкого органического отбойника является жесткой технологической необходимостью, в то время как сколы твердым минеральным отбойником могут производится и с угла, близкого к прямому (*Pelegrin*, 2000. P. 75, 77). В основном широкие сколы оживления площадки снимались со стороны поверхности расщепления и захватывали всю или большую часть ширины поверхности расщепления. Однако в коллекции Белого Колодца был зафиксирован и прием понижения рельефа в тыльной части площадки при помощи ряда поперечных сколов, осуществляемых с одной из боковых поверхностей нуклеуса. Он позволял удалять заломы от последовательно снимаемых со стороны поверхности расщепления сколов оживления площадки и таким образом дольше поддерживать достаточно острый угол.

На Белом Колодце 1 скалывание пластин велось в основном с одной площадки, гораздо реже – с двух. Пластинчатые сколы с негативами встречных снятий

составляют всего 6 % от всех пластин. Изучение последовательности снятия сколов с двуплощадочных нуклеусов показывает, что скалывание с двух противоположных площадок велось, как правило, не одновременно, а последовательно.

Таким образом, снятие встречных сколов с противоположной площадки не являлось распространенным способом борьбы с заломами, которые образовывались на поверхности расщепления очень часто (38 % (!) пластинчатых сколов имеют петельчатое окончание, перовидные и ступенчатые окончания составляют всего 43 % и 7 % соответственно).

Случаев абразивной подработки, понижающей рельеф поверхности расщепления ниже образовавшегося залома, не зафиксировано. Частое оформление вторичных ребер (более 5 % пластин и пластинок) в данном случае связано не с удалением заломов, а с поддержанием ритма расщепления. Фактически основным способом борьбы с заломами на поверхности расщепления в рамках анализируемого метода расщепления является снятие при помощи твердого минерального отбойника массивной пластины, шириной во всю поверхность расщепления или большую ее часть. Это крайне неэкономичный способ, больше того, связанный с риском образования еще более глубоких заломов либо ныряющих окончаний, значительно сокращающих длину поверхности расщепления.

При подготовке зоны расщепления при скалывании пластин и пластинок на Белом Колодце использовалось ограниченное число приемов, прежде всего грубое редуцирование (в 66 % случаев) и абразивная подработка карниза (47,5 %). Пришлифовка карниза встречается крайне редко (в 5 % случаев) (цв. илл. XXIII). Такие приемы, как освобождение и изолирование площадки, не применялись.

Минимальные усилия, направленные на создание и поддержание выпуклости поверхности расщепления, рискованный и неэкономичный способ борьбы с заломами в совокупности с использованием минимального количества приемов подготовки зоны расщепления приводят к сравнительно слабому контролю над скалывающей. Это в свою очередь вело к нерегулярной огранке пластин, малой метрической стандартизации и низкой продуктивности пластинчатого расщепления в целом. Для пластин Белого Колодца 1 характерны следующие типы огранки: РР – 6,1 % (17), ЕЕ – 5 % (14), ЕР – 4 % (11), ПП – 26 % (74), ВВ – 0,4 % (1), ПЕ – 39 % (109), ВЕ – 3 % (9), ОП – 5 % (14), ОВ – 0,7 % (2), ПН – 1,4 % (4), ВН – 0,4 % (1), ПВ – 1,7 % (5), НЕ – 0,4 % (1), ВР – 0,4 % (1), РН – 0,4 % (1), РП – 5 % (14).

О невысокой продуктивности пластинчатого расщепления ярко свидетельствует то, что пластины, по типу огранки относимые к первым снятиям, открывающим циклы расщепления (двусторонние (РР) и односторонние ребристые (ЕР)), а также пластины без негативов предшествующих снятий (ЕЕ) составляют очень высокую долю от всех пластинчатых сколов – 15,1 %.

На последнем этапе эксплуатации нуклеусов для снятия пластин происходил либо переход к бессистемному расщеплению с целью получения отщепов, либо радикальная смена поверхности расщепления. Речь идет о попытках скалывания пластин или пластинок с тыльной стороны нуклеуса. При этом переоформление нуклеуса не осуществлялось. В таких случаях использовалась основная

площадка, к тому моменту находящаяся под близким к прямому или тупым углом по отношению к первоначальной поверхности расщепления. Возможность перехода расщепления на тыльную сторону нуклеуса обусловлена переходом на последнем этапе расщепления к технике твердого минерального отбойника, при применении которого требования к углу между площадкой и поверхностью расщепления являются менее жесткими.

Цель описанной выше производственной цепочки – получение коротких (не более 11 см в длину) (рис. 8, *5*) и достаточно широких пластин и пластинчатых отщепов. Для изготовления орудий преимущественно отбираются достаточно широкие (от 15 до 30 мм) и сравнительно толстые (от 4 до 15 мм) пластины (рис. 9, *2*). В основном пластинчатые заготовки именно таких параметров используются для изготовления наиболее массовых категорий орудий: скребков, резцов и морфологически невыраженных орудий (пластин с участками ретуши и/или следами использования). Между тем метрическая вариабельность пластин, получаемых на стоянке, куда больше: ширина пластинчатых сколов варьирует от 5 до 48 мм, толщина – от 1 до 23 мм. Длина не являлась важным критерием при отборе пластинчатых заготовок для изготовления орудий или использования без вторичной обработки (рис. 8, *6*). Регулярный пластинчатый отщеп, таким образом, был потенциальной заготовкой не в меньшей степени, чем широкая пластина и в большей, чем нерегулярная мелкая пластинка. Использование более массивных или широких заготовок невозможно связать с определенными категориями орудий. В случае с пластинками корреляция типа заготовок с типами орудий сильнее: речь идет о пластинках со скошенными ретушью концами или с выемкой на конце, хотя при столь малой выборке указанных орудий говорить об устойчивой тенденции преждевременно.

Анализ огранки пластинчатых сколов (пластин, пластинок и пластинчатых отщепов), использовавшихся для изготовления орудий, показывает, что в качестве заготовок отбирались пластинчатые сколы, получаемые на разных этапах расщепления, и их соотношение очень близко к выявленному для пластин без ретуши.

При получении пластин и пластинчатых отщепов производилось скалывание мелких пластинок, однако их подавляющая часть имела крайне нерегулярную огранку и не использовалась. Таким образом, мы можем говорить о том, что пластинки, скалываемые в ходе крупнопластинчатого расщепления, являлись отходами производства. В коллекции, однако, существует группа довольно регулярных пластинок (узких, достаточно массивных, с равномерным изгибом), а также немногочисленные орудия, изготовленные на них (рис. 6, *1*; 9, *2*; 11, *1, 2, 5, 6*).

При скалывании регулярных мелких пластинок и микропластинок используются не вторичные нуклеусы (на массивных отщепах или пластинах), а очень мелкие желваки. Следует отметить, что метод получения регулярных пластинок очень сильно напоминает крупнопластинчатое расщепление: торцевое расщепление с единственной площадки, ритм которого поддерживается при помощи оформления вторичных ребер, острый угол между площадкой и фронтом расщепления поддерживается посредством понижения рельефа в тыльной части площадки при помощи поперечных сколов (рис. 3, *1*; 4, *2*). То есть регулярные

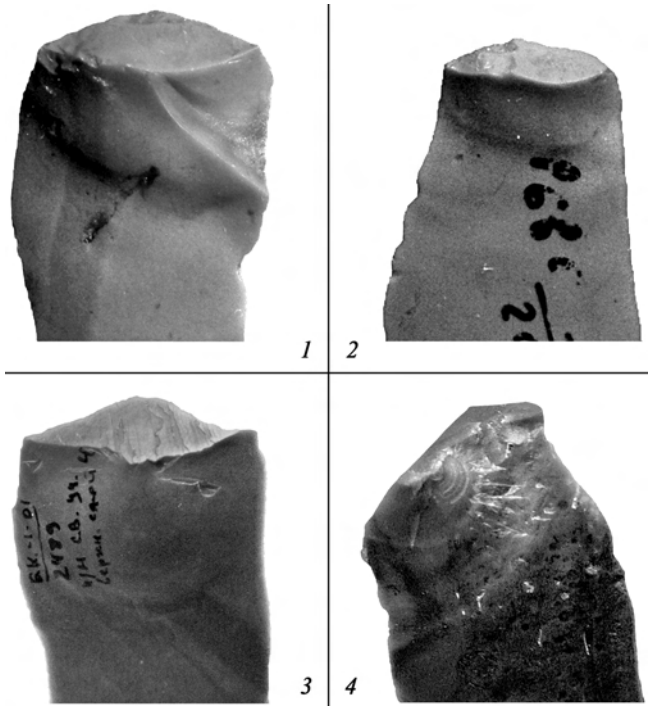

Рис. 10. Стоянка Белый Колодец 1.
Проксимальные части пластин, полученных при помощи различных ударных техник

1, 2 – мягкий органический отбойник; *3, 4* – твердый минеральный отбойник

пластинки скалывались независимо от пластин, но способ расщепления был аналогичным и разница в метрических параметрах предопределялась исключительно на первом этапе – при подборе сырья для расщепления.

Вопрос о наличии независимой производственной цепочки, связанной с получением отщепов, является на данный момент наиболее сложным. На финальной стадии расщепления, после скалывания пластин при значительной редукции изначальной длины нуклеуса, могло производиться также скалывание пластинчатых отщепов, этот вариант не является единственным способом получения отщеповых заготовок.

В результате процесса оформления ребер (первичных и вторичных), а также создания площадки и поддержания оптимального угла между ней и фронтом расщепления скалывалось достаточно большое количество отщепов, которые могли быть использованы в качестве заготовок орудий либо без вторичной обработки. Однако следует отметить: в процессе этих операций достаточно редко скалывались действительно крупные отщепы, учитывая изначально небольшой размер желваков, использовавшихся для скалывания пластин. В то же время некоторые орудия на отщепах (часть рубящих и отщепы с подтеской) отличаются крупными размерами (более 60 мм в длину и более 50 мм в ширину).

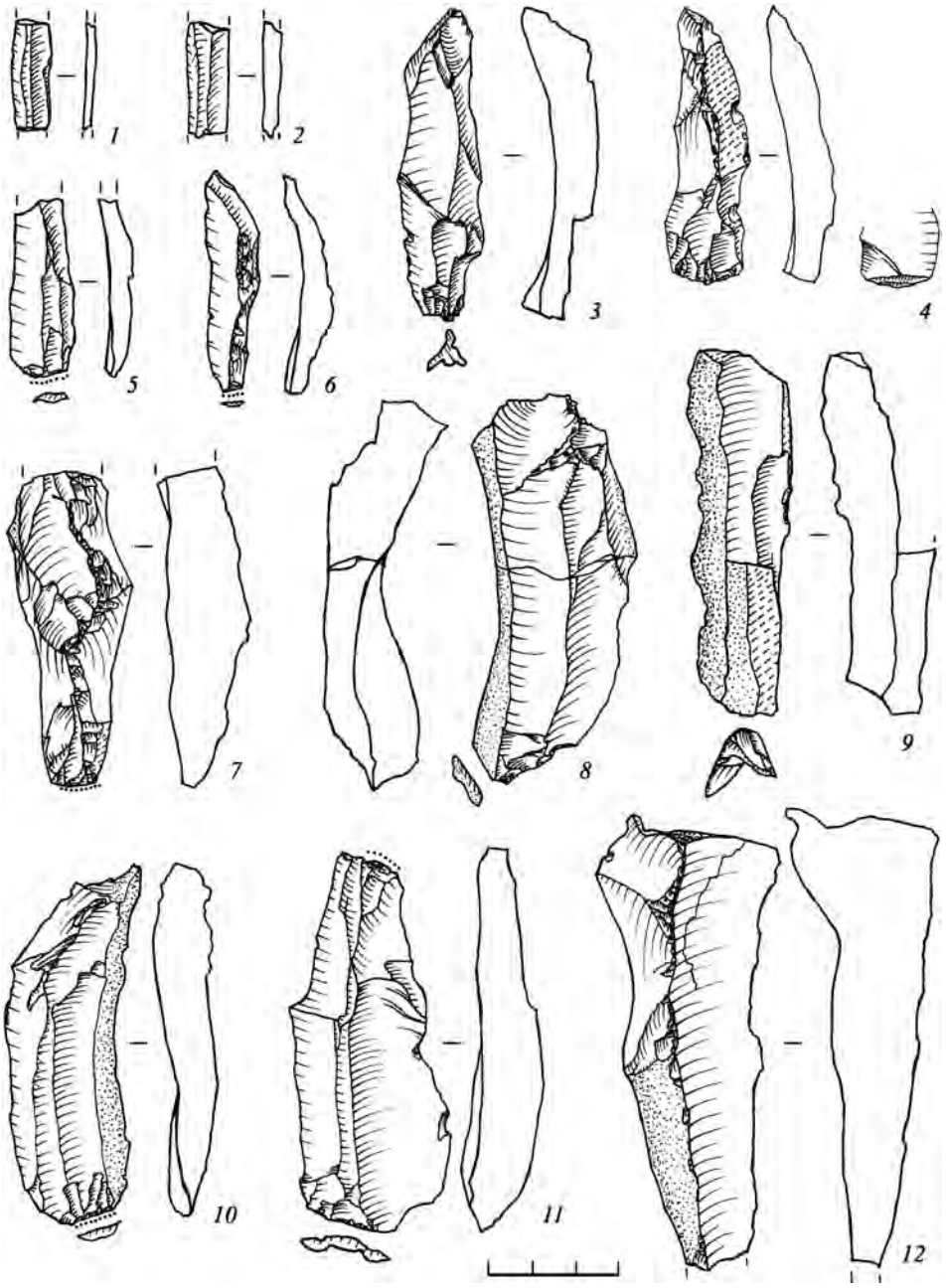

Рис. 11. Стоянка Белый Колодец 1. Каменный инвентарь. Пластины и пластинки

Часть крупных отщепов могла быть получена в ходе бессистемного расщепления аморфных многоплощадочных нуклеусов. Кроме того, скалыванию очень крупных отщепов на Белом Колодце 1 могут соответствовать предметы, интерпретируемые нами в качестве дисковидных нуклеусов для получения отщепов (рис. 2). Конвергентное скалывание широких отщепов производилось по одному широкому и плоскому фронту расщепления, в то время как короткие сколы, снимаемые со стороны фронта расщепления, служили для создания площадок. Никаких приемов подготовки зоны расщепления, кроме грубого редуцирования, при скалывании крупных отщепов и сколов, создающих ударные площадки, не фиксируется. Судя по немногочисленным отщепам, связанным с этой небольшой группой нуклеусов ремонтажем, а также по глубоким негативам от ударных бугоков, вероятно, единственной техникой скалывания крупных отщепов был прямой удар с использованием твердого минерального отбойника.

Эта группа предметов интерпретируется нами в качестве нуклеусов для скалывания отщепов, но мы не можем полностью исключать вероятности того, что они являются преформами торцевых нуклеусов для скалывания пластин: в коллекции существует один пример, где с торца такого нуклеуса было снято несколько нерегулярных пластинчатых сколов после создания площадки (рис. 2, *3*). Однако против этого свидетельствует, во-первых, нерегулярность «ребер», получаемых в результате этой двусторонней оббивки, во-вторых, тот факт, что даже частичное бифасиальное оформление преформ нуклеусов является исключительно редким явлением в рамках рассматриваемой технологической традиции. Мы склоняемся к тому, что описанный пример являлся ситуационной попыткой приспособить дисковидный нуклеус для последующего получения пластин.

Изучение каменной индустрии мезолитической стоянки Белый Колодец 1 позволяет сделать следующие выводы:

- В рамках рассматриваемой технологической традиции были выявлены как минимум три независимые производственные цепочки: первая была направлена на получение пластин, пластинок и пластинчатых отщепов; вторая – на получение крупных отщепов; третья – на изготовление «топоров с перехватом».
- На стоянке Белый Колодец 1 осуществляется полный цикл расщепления в рамках всех выявленных производственных цепочек – от первичного расщепления до оформления орудий. Вывод о нацеленности какой-либо из производственных цепочек на производство запаса преформ, заготовок или готовых орудий, который был унесен со стоянки, делать преждевременно до получения данных полного ремонтажа.
- Ни в одной из выявленных производственных цепочек, включая направленную на получение пластинчатых заготовок, высокое качество сырья (мелкозернистость и слабая трещиноватость) не являлось приоритетным критерием отбора (в случае с «топорами с перехватом», вероятно, наоборот, отбирались скорее крупнозернистые конкреции). Однако при отборе сырья, как для производства «топоров с перехватом», так и для скалывания пластин, определенно существовала тенденция к предпочтению тонких желваков с слабо рельефными боковыми поверхностями и их обломков.

- При скалывании пластин и пластинок использовались две техники расщепления: прямой удар с использованием мягкого органического отбойника и прямой удар с использованием твердого минерального отбойника. При этом первая была основной в рамках рассматриваемой технологической традиции. Набор приемов подготовки зоны расщепления при скалывании пластин и пластинок был минимален. Только редуцирование и абразивная подработка применялись систематически.
- Скалывание пластин, пластинок и пластинчатых отщепов производилось с торцевых и, как правило, одноплощадочных нуклеусов. Подготовка преформ нуклеусов для получения пластин носила минимальный характер и заключалась в оформлении фронтального (одно- либо двустороннего) и, в некоторых случаях, нижнего ребер и создании площадки. Иногда подготовка ограничивалась созданием площадки.
- Метрические параметры желваков, отбираемых для пластинчатого расщепления, (их небольшая толщина) не могли полностью компенсировать слабый контроль над скалывающей, что делало пластинчатое расщепление относительно малопродуктивным и приводило к получению большого количества пластин и пластинок нерегулярной огранки.
- Пластинчатое расщепление было в основном ориентировано на получение широких недлинных пластин.
- Крупные отщепы скалывались со специфических плоских нуклеусов с широким фронтом расщепления.
- Стратегия подбора заготовок имела, как правило, ситуационный характер: за редкими исключениями, для изготовления орудий одной категории использовался очень широкий спектр заготовок.
- Для Белого Колодца 1 характерна низкая пластинчатость комплекса каменного инвентаря, при этом индекс пластинчатости орудийного комплекса достаточно высок.
- Специфика техники вторичной обработки заключается в широком использовании приемов усечения заготовки посредством крутой, вертикальной, в том числе встречной, ретуши, с одной стороны; с другой стороны, случаи использования приостряющей ретуши единичны.
- Следов техник сверления и пиления камня не выявлено.
- Впервые для памятников иеневской культуры отмечен случай применения техники шлифования мягких пород камня.
- Среди орудий доминируют скребки, резцов незначительно меньше.
- Среди скребков абсолютно доминируют концевые формы; группа резцов включает в себя ретушные и на сломе или окончании заготовки, меньше угловых.
- Рубящие представлены различными вариантами изделий «с перехватом», а также подтрапециевидными и подовальными в плане суживающимися к обушку орудиями.
- Обушковые ножи не образуют больших серий.

- В орудийном комплексе присутствуют асимметричные острия с боковой выемкой.
- Группа геометрических микролитов представлена только трапециями, но чуть более низких пропорций, чем на других памятниках иеневской культуры.

Таким образом, по составу орудийного комплекса и географическому положению (бассейн р. Ока) материалы мезолитической стоянки Белый Колодец 1 можно с уверенностью отнести к иеневской культуре. Специфические черты, отмеченные выше, можно объяснить локальным своеобразием (Стоянка Белый Колодец 1 – один из самых южных комплексов) и/или хронологическими различиями. Малочисленность «чистых» стоянок, раскопанных широкой площадью, единичные радиоуглеродные даты и отсутствие многослойных стратифицированных памятников не позволяют пока делать каких-либо обоснованных культурно-хронологических построений. Полный технологический анализ для материалов иеневских стоянок проведен впервые. Перспективным представляется дальнейшее накопление данных технологического анализа для однокультурных или хронологически и территориально близких комплексов других культур. Это позволит получить сравнительный материал для решения вопросов об особенностях адаптации иеневских коллективов к различным сырьевым базам. Также технологический аспект изучения мезолитических комплексов значительно дополнит существующие культурно-хронологические построения и наряду с типологическим анализом приблизит к решению проблем, связанных с подосновой культурных традиций иеневской культуры в обработке камня.

ЛИТЕРАТУРА

Гиря Е. Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб.: Академ Принт. 198 с. (Археологические изыскания. Вып. 44.)

Жилин М. В., 1998. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // ТАС. Вып. 3. С. 25–30.

Крайнов Д. А., Кольцов Л. В., 1979. Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ ВВАЭ ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке: тезисы пленарных докладов Всесоюзной конференции. Л. С. 22–26.

Леонова Е. В., 2007. К проблеме археологического содержания иеневской культуры Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги. С. 119–154.

Леонова Е. В., 2014. Мезолитическая стоянка Белый Колодец 1: пространственный анализ // Проблемы археологии эпохи камня: Труды исторического факультета Санкт-Петербургского гос. ун-та. Т. 18. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та. С. 142–163.

Лозовский В. М., Гиря Е. Ю., Кравцов А. Е., 2009. Мезолит Волго-Окского междуречья: технологический подход // Археологический альманах. № 20: Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы / Отв. ред. В. П. Чабай. Донецк: Донбас. С. 269–288.

Pelegrin J., 2000. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions // L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire. Confrontation des modèles régionaux de peuplement: Actes de la table-ronde de Nemours, 14–16 mai 1997, Nemours. Nemours: Ed. A.P.R.A.I.F. P. 73–86. (Mémoires du Musée de préhistoire d'Ile-de-France; № 7).

Сведения об авторах.

Еськова Дарья Кирилловна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: bdims@mail.ru;

Леонова Елена Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва 117036, Россия; e-mail: lenischa@yandex.ru.

D. K. Yes'kova, Ye. V. Leonova

The Mesolithic site Bely Kolodets 1: typological and technological analysis of lithic industry

Abstract. The paper presents the results obtained in the course of typological and technological study of materials from the Mesolithic site Bely Kolodets 1 situated in the Oka River basin near flint outcrops. Typologically the site can be attributed to the Iyenevo Mesolithic culture. The flint-knapping cycle is fully represented at the site. This enables us to carry out the analysis of all aspects of lithic technology. Various operational chains connected with blanks production and facconage of axes and adzes are described.

Keywords: Mesolithic, the Volga-Oka region, Iyenevo culture, workshop site, lithic technology, typological analysis.

REFERENCES

Girya Ye. Yu., 1997. Tehnologicheskiy analiz kamennykh industriy. Metodika mikro- maktroanaliza drevnikh orudiy truda [Technological analysis of stone industries. Methodics of micro-macroanalysis of ancient tools]. Chast' 2. St. Petersburg: Akadem Print. 198 p. (Arkheologicheskiye izyskaniya [Archaeological Research], 44.)

Kraynov D. A., Kol'tsov L. V., 1979. Problemy pervobytnoy arkheologii Volgo-Okskogo mezhdurech'ya (po rezul'tatam rabot VVAE IA AN SSSR) [Problems of prehistoric archaeology of Volga-Oka interfluve (on results of works of VVAE IA AN SSSR)]. *Sovetskaya arkheologiya v X pyatiletke: tezisy plenarnykh dokladov Vsesoyuznoy konferentsii* [*Soviet archaeology and X five-year plan: abstracts of plenary reports of All-Union conference*]. Leningrad, pp. 22–26.

Leonova Ye. V. In print. Mezoliticheskaya stoyanka Bely Kolodets 1: prostranstvenny analiz [Mesolithic station Bely Kolodets 1: spatial analysis]. *Problemy arkheologii epokhi kamnya* [*Problems of archaeology of Stone Age*]. St. Petersburg.

Leonova Ye. V., 2007. K probleme arkheologicheskogo soderzhaniya iyenevskoy kul'tury Volgo-Okskogo basseyna [On problem of archaeological content of Ienevo culture in Volga-Oka basin]. *Problemy arkheologii kamennogo veka* (*k yubileyu M. D. Gvozdover*) [*Problems of Stone Age archaeology (towards anniversary of M. D. Gvozdover*]. Moscow: Dom yevreyskoy knigi, pp. 119–154.

Lozovsky V. M., Girya Ye. Yu., Kravtsov A. Ye., 2009. Mezolit Volgo-Okskogo mezhdurech'ya: tekhnologichesky podkhod [Mesolithic of Volga-Oka interfluve: technological approach]. *Arkheologichesky al'manakh* [*Archaeological miscellany*]*, 20. Aktual'nyye problemy pervobytnoy arkheologii Vostochnoy Yevropy* [*Current problems of prehistoric archaeology of Eastern Europe*]. V. P. Chabay, ed. Donetsk: Donbas, pp. 269–288.

Pelegrin J., 2000. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions. *L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire. Confrontation des modèles régionaux de peuplement: Actes de la table-ronde de Nemours, 14–16 mai 1997, Nemours*. Nemours: Ed. A.P.R.A.I.F, pp. 73–86. (Mémoires du Musée de préhistoire d'Ile-de-France, 7).

Zhilin M. V., 1998. Adaptatsiya mezoliticheskikh kul'tur Verkhnego Povolzh'ya k kamennomu syr'yu [Adaptation of Mesolithic cultures of Upper Volga region to stone raw materials]. *Tverskoy arkheologichesky sbornik* [*Tver' archaeological collection of articles*], 3. I. N. Chernykh, ed. Tver': Tverskoy ob'yedinenny muzey, pp. 25–30.

About the authors.

Yes'kova Darya K., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: bdims@mail.ru;

Leonova Yelena V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: lenischa@yandex.ru.

М. Г. Жилин

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОРУДИЙ ИЗ КОСТИ И РОГА НА МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНКАХ ИВАНОВСКОЕ 7 И ОЗЕРКИ 5*

Резюме. Автором проведен трасологический анализ изделий из кости и рога из мезолитических слоев многослойных торфяниковых стоянок Ивановское 7 и Озерки 5 в Верхнем Поволжье. В результате определены орудия охоты, рыбной ловли и разделки добычи, орудия для обработки шкур, дерева, кости и рога, камня и других материалов. В результате проведенного пространственного анализа распределения изделий из кости и рога установлено, что на протяжении раннего, среднего и позднего мезолита эти стоянки являлись местом неоднократных сезонных посещений группами населения бутовской культуры для занятий охотой, рыболовством и собирательством в теплое время года. Только в верхнем мезолитическом слое Ивановского 7 есть данные также и о посещениях этой стоянки в холодное время года для охоты на лосей. Во время сезонных посещений велась разнообразная хозяйственная деятельность, включавшая изготовление и использование орудий из кости и рога для промысловых нужд и обработки различных материалов. Специализированных площадок, связанных с определенными видами деятельности, на памятниках не отмечено. Вероятно, эта деятельность осуществлялась по мере необходимости на любом подходящем участке стоянки.

Ключевые слова: трасологический анализ, орудия из кости и рога, пространственный анализ, мезолит, Верхнее Поволжье, торфяниковые памятники.

В настоящее время на территории Верхнего Поволжья известно более 50 мезолитических торфяниковых стоянок (рис. 1), из которых около двадцати в разной степени изучено раскопками. Почти все они относятся к бутовской культуре (*Жилин*, 2001). Из всех раскопанных торфяниковых памятников бутовской культуры для пространственного анализа распределения орудий из кости и рога представляют интерес стоянки, исследованные на значительной площади, культурные слои которых не переотложены, где раскопаны участки, включающие центр поселения и его периферию, с различной концентрацией находок и хозяйственными объектами. Коллекции изделий из кости и рога с таких памятников должны

* Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 11-06-00293-а, 14-06-000042-а.

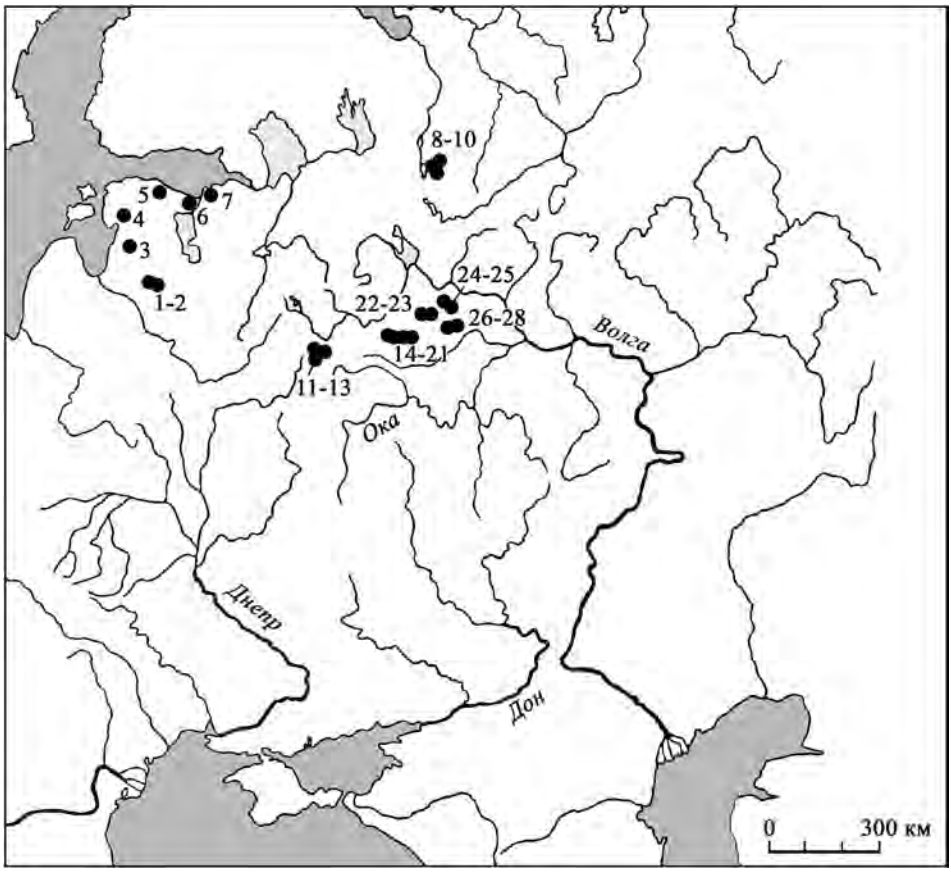

Рис. 1. Основные мезолитические торфяниковые памятники Восточной Европы

1, 2 – Звидзе, Оса; *3* – Звейниеки 2; *4* – Пулли; *5* – Кунда Ламмасмяги; *6* – Сийвертси; *7* – Тырвала; *8–10* – Веретье 1, Нижнее Веретье, Сухое; *11–13* – Озерки 5, 16, 17; *14–21* – Нушполы 11, Окаемово 4, 5, 18а, 29, Замостье 2, 5, Минино 2; *22, 23* – Ивановское 3, 7; *24, 25* – Становое 1, 4; *26–28* – Сахтыш 2а, 9, 14

быть достаточно представительными, изученными с помощью трасологического анализа. Этим условиям в наиболее полной мере отвечают два памятника – Ивановское 7 и Озерки 5. Многослойное поселение Становое 4 также дало представительную коллекцию изделий из кости и рога, но на этой стоянке в достаточной мере исследован только прибрежный участок.

В результате проведенного автором трасологического анализа были определены функции изделий из кости и рога. Эти изделия были нанесены значками разного цвета на план раскопа. После этого с плана была убрана сетка квадратов и все остальные находки (каменные изделия, фаунистические остатки и т. п.). Анализ распределения орудий из кости и рога позволил говорить об осуществлении той или иной деятельности, связанной с этими орудиями, на раскопанной площади данного культурного слоя, наличии или отсутствии определенных

мест, связанных с различными производствами, связи этих мест с различными хозяйственно-бытовыми объектами.

Поселение **Ивановское 7** находится между Москвой и Ярославлем, в центральной части Ивановского торфяника (рис. 2). Оно было расположено частично на невысоком суходоле, частично на торфянике (рис. 3); его площадь ориентировочно составляла более 10 тыс. кв. м. В разные периоды голоцена суходол был то островом, то полуостровом. Древние поселения, сменяя друг друга, занимали его южную оконечность, склон и прибрежную отмель (*Жилин и др.*, 2002). В раскопе V площадью 332 кв. м прослежена следующая стратиграфия:

1. Дерн торфяной мощностью 10–20 см.

2. Насыпь грунтовой дороги мощностью 10–80 см.

3а. Торф буро-коричневый, средней степени разложения; мощность до 20 см.

3б. Торф черный, сильно разложившийся (погребенная почва); мощность до 18 см.

3в. Торф коричневый, средней степени разложения; мощность 12–40 см.

3в'. Торф серо-коричневый с примесью сапропеля, местами переходит в оторфованный сапропель. Прослежен в южной части раскопа между слоями 3б и 3в; мощность до 6 см у южной стенки. Выклинивается по направлению к суходолу.

4. Сапропель светлый, с тонкими линзами торфа; мощность 16–36 см.

5. Сапропель темно-оливковый, в северной и центральной части раскопа замещается торфом (6а); мощность до 30 см.

6а. Торф рыже-бурый, средней степени разложения, в северной части раскопа окислившийся до коричневого, в южной, восточной и западной частях раскопа замещается темно-оливковым сапропелем (5); мощность до 20 см.

6б. Торф рыже-бурый, средней степени разложения с примесью песка, в южной, западной и восточной частях раскопа выклинивается; мощность до 20 см.

7. Песок серый оторфованный; мощность до 26 см.

8. Сизый песок мощностью 20 см и более.

9. Сизая вязкая глина мощностью более 2 м.

Раскопом вскрыт участок низкого берега древнего озера и прибрежного мелководья. Переслаивание песков, сапропелей и торфов указывает на неоднократные колебания уровня водоема, вызывавшие смещение береговых линий. В центральной части раскопа прослежена оконечность низкого мыса, окруженного в древности с трех сторон водой, располагавшегося у подножия суходола.

В раскопе V прослежены два неолитических (остатки льяловского и верхневолжский) и три мезолитических культурных слоя.

Нижний мезолитический (IV) культурный слой залегает в северной части раскопа V в слоях рыже-бурого торфа с песком (слой 6б) под линзами разнозернистого намывного песка и в подстилающем сером оторфованном песке (слой 7), лежащем на материке. В центральной части раскопа хорошо прослеживается выклинка слоя 6б. В остальных частях раскопа находки этого горизонта залегают в слое 7, перекрытом нижней частью слоя 5 без находок, отделяющей его от среднего культурного слоя.

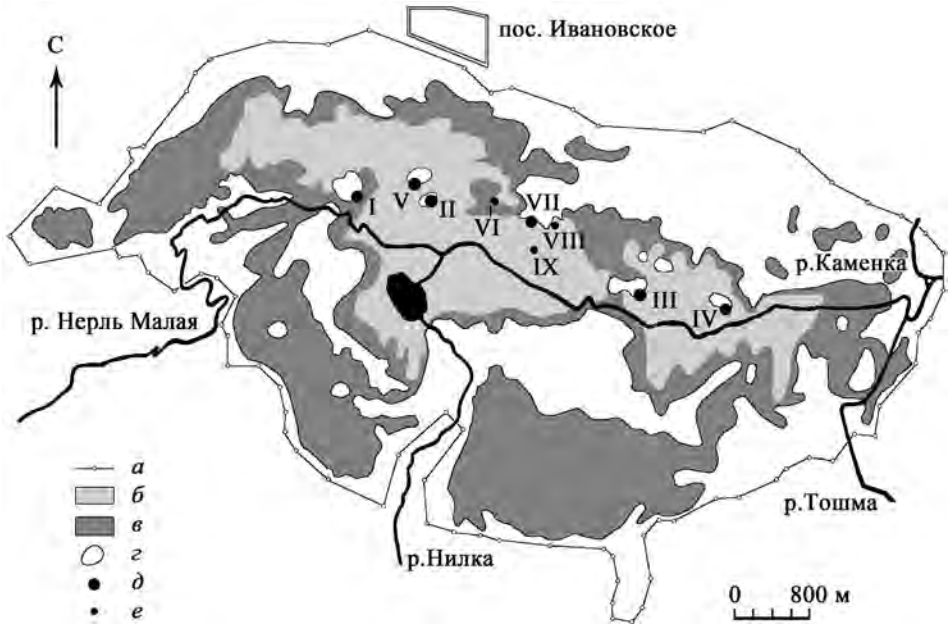

Рис. 2. Археологические памятники Ивановского торфяника (по: Жилин и др., 2002) (римскими цифрами обозначены номера стоянок)

а – граница торфопредприятия; *б* – залежи сапропеля; в – залежи торфа; *г* – суходолы; *д* – стоянки; *е* – разрушенные стоянки

Нижний мезолитический слой по результатам спорово-пыльцевого анализа относится к концу первой половины пребореального периода, имеет радиоуглеродные даты: 9 650 ± 110 (ГИН-9520) и 9 640 ± 60 (ГИН-9516) л. н. Из самого низа сапропеля (слоя 5), перекрывшего этот культурный слой в результате озерной трансгрессии, получены даты 9 690 ± 120 (ГИН-9367), 9 500 ± 110 (ГИН-9517) и 9 500 ± 100 (ГИН-9385) л. н. Таким образом, наиболее вероятный возраст этого слоя – 9 700–9 600 л. н.

На плане раскопа основная концентрация находок нижнего слоя отмечается в центральной части, скопление немного смещено к западу от центра вскрытого участка (рис. 4, *1*). Несмотря на нечеткость границ основного скопления, можно сказать, что раскопом V вскрыт центр поселения и частично его периферия.

Перепад глубин верха слоя 7 от южной к северной части пятого раскопа составляет 0,5 м. В юго-западном углу раскопа, непосредственно под слоем 5, на слое 7 прослеживалась тонкая (до 2–3 см) прослойка нанесенного штормами лесного опада – мелких веток, кусков коры, листьев, еловых шишек, кусков более крупных веток, обгрызенных бобрами. На ее уровне фиксировался верх крупных костей, залегавших в слое 7. Несколько меньшее количество лесного опада отмечалось на границе слоев оливкового сапропеля (слой 5) и подстилающего серого оторфованного песка (слой 7) и в юго-восточном углу раскопа. Эта прослойка показывает, где проходила береговая линия озера во время

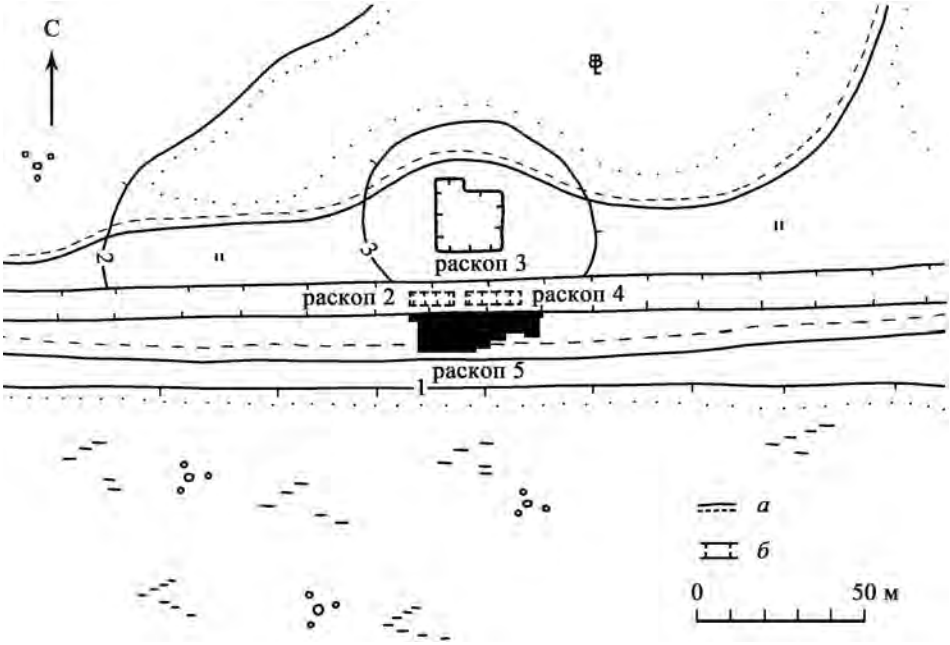

Рис. 3. Ивановское 7. План стоянки

а – грунтовая дорога; *б* – дренажный канал

обитания стоянки, которая располагалась на низком песчаном прибрежном мысу у подножия суходола и функционировала до начала отложения сапропеля (слой 5) и торфа с песком (слой 6б). Торф с песком откладывался на мелководье во время высокого стояния воды в озере, после того как поселение было затоплено. Во время штормов в результате работы прибоя в этот торф попадал песок и находки из перемывавшейся верхней части слоя 7. Многие кости в слое 6б залегали наклонно, на них и на изделиях нередко наблюдалась сильная окатанность. В раскопах II и IV Д. А. Крайнова (*Крайнов, Хотинский*, 1984; *Жилин и др*., 2002) находки нижнего мезолитического слоя залегали в тех же слоях, что и в северной части пятого раскопа. Их малое количество указывает на то, что этими раскопами вскрыта северная периферия того же поселения.

На юго-восточном крае основного скопления находок обнаружен интересный «клад». В западине нижней части слоя 7 наклонно (под углом около 45º) рядом друг с другом лежали три трубчатые кости лося с сохраненными эпифизами и прилегающими к ним суставными костями. На одной из них четко видны следы продольной разметки резчиком, на другой резчиком намечены кольцевые линии на концах диафиза, где обычно делался надруб или надрез для удаления эпифизов. Эти кости были, вероятно, положены в ямку, вырытую ниже уровня воды, для замачивания перед обработкой. Неподалеку от них найдена заготовка крупного игловидного наконечника стрелы.

Распределение орудий из кости и рога, связанных с различными производствами, по площади раскопа для культурного слоя IV в целом повторяет общее

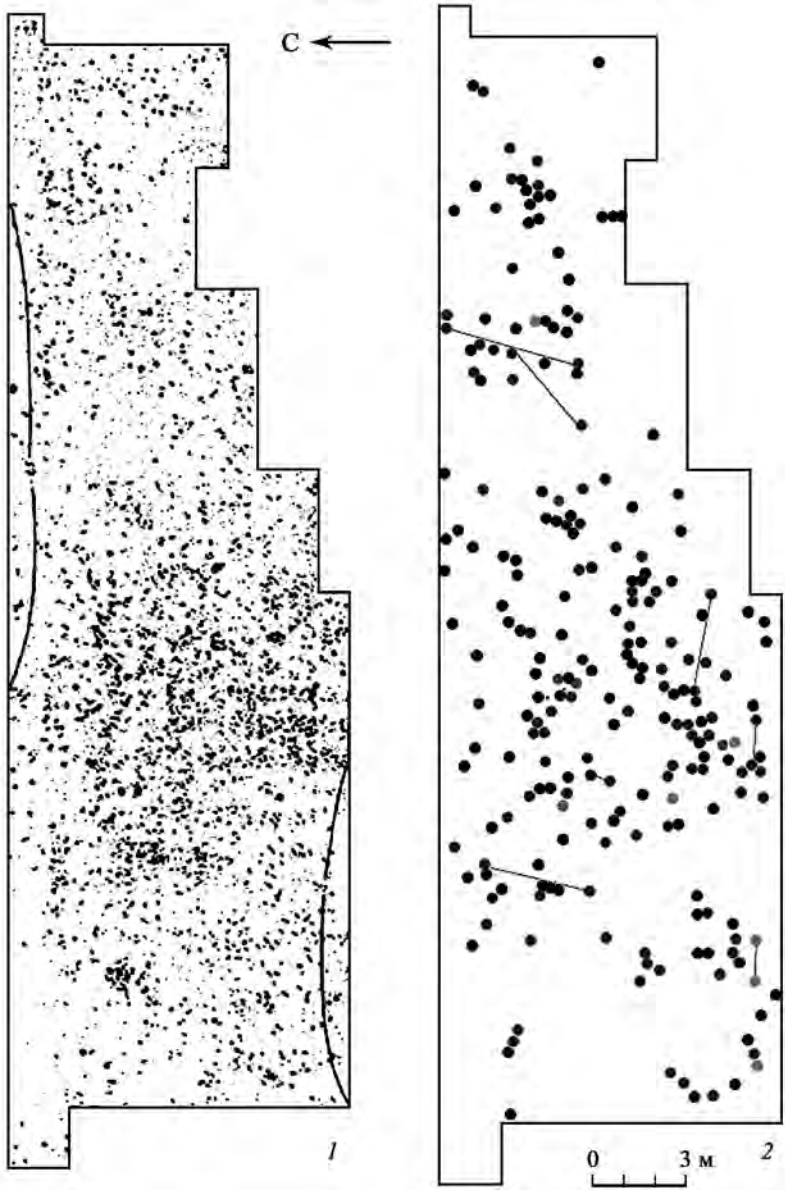

Рис. 4. Ивановское 7, нижний (IV) культурный слой

1 – общий план находок; *2* – изделия из кости и рога

распределение находок на плане этого слоя. Это наглядно видно при сопоставлении рис. 4, *1* и 4, *2*. На обоих планах отмечается расплывчатое скопление значков в центральной части раскопа. Примечательно, что такое же распределение показывают и наиболее крупные кости, нанесенные в масштабе на общем плане находок (рис. 4, *1*). По видам хозяйственной деятельности орудия из кости

и рога распределялись следующим образом. Предметы вооружения встречались по всей площади раскопа, не образуя компактных скоплений, однако несколько больше их было найдено в его центральной части. Здесь же встречено и большинство орудий для лова и обработки рыбы. Орудия для обработки шкур и кожи, дерева, камня повторяют картину распределения оружия, то есть также встречались по всей площади раскопа, однако несколько больше их было найдено в его центральной части. Здесь же найдена большая часть землекопных орудий и украшений. Заготовки и отходы производства изделий из кости и рога повторяют картину распределения оружия и орудий для обработки шкур, дерева и камня.

Таким образом, на вскрытой площади нижнего культурного слоя стоянки Ивановское 7 не выделяется каких-либо специализированных участков, на которых осуществлялась какая-либо определенная хозяйственная деятельность. Обработка различных материалов при помощи орудий из кости и рога, как и их изготовление, велась на всей площади раскопа. Наиболее интенсивная неспециализированная хозяйственная деятельность, связанная с этими орудиями, осуществлялась в его центральной части. С учетом расположения стоянки на низком мысу у самой воды и функционирование ее в теплое время года (*Жилин и др*., 2002), такое распределение орудий из кости и рога, как и других находок, позволяет предположить неоднократное сезонное посещение данной стоянки в течение не очень длительного времени. При этом различные орудия из кости и рога изготавливались (или приносились), использовались и выбрасывались в зависимости от конкретных повседневных нужд.

Средний мезолитический (III) культурный слой в северной части раскопа V связан со слоем рыже-бурого торфа (слой 6а), находки залегают преимущественно в его верхней части. В нижней части слоя 6а в отдельных квадратах встречены единичные находки этого культурного слоя, вероятно втоптанные в древности. В южной, западной и восточной частях этого раскопа находки среднего мезолитического слоя залегают в верхней части оливкового сапропеля (слой 5), замещающего слой 6а. От верхнего мезолитического слоя средний отделяется стерильной прослойкой светлого сапропеля (слой 4) и нижней частью коричневого торфа (слой 3в), не содержавшей находок. Подстилающий слой 6б четко отделяется от слоя 6а по литологическому составу. На границе слоев 6а и 6б в средней и северной частях раскопа отмечены линзы намывного песка, указывающие на трансгрессию палеоозера. Нижняя часть слоя 5 (без археологических находок) надежно отделяет средний мезолитический слой от нижележащих слоев на остальной части раскопа V.

Средний мезолитический культурный слой палинологическим методом отнесен к бореальному оптимуму (около 8 600–8 200 л. н.). По сапропелю и торфу получены радиоуглеродные даты: 8 780 ± 120 (ГИН-9383), 8 550 ± 100 (ГИН-9366), 8 530 ± 50 (ГИН-9373/II), 8 290 ± 160 (ГИН-9372), 8 200 ± 300 (ГИН-9373/I) л. н. Перекрывающий его слой стерильного сапропеля отнесен по пыльце ко второй половине – концу бореального периода, что подтверждается радиоуглеродными датами: 8 630 ± 120 (ГИН-9382), 8 540 ± 110 (ГИН-9365), 8 530 ± 100 (ГИН-9364), 8 360 ± 160 (ГИН-9371), 8 080 ± 100 (ГИН-9363), 8 020 ± 160 (ГИН-9381) л. н. Исходя из залегания основной массы находок

среднего мезолитического слоя в верхней части слоев 5 и 6а – непосредственно под прослойкой стерильного сапропеля, наиболее вероятными хронологическими рамками этого слоя следует считать 8 700–8 500 л. н. Начало его формирования, представленное единичными находками костей и кремневым наконечником стрелы в нижней части слоя 6а, определяется датой образца, отобранного с уровня залегания этого наконечника – 8 780 ± 120 (ГИН-9383) л. н.

Наибольшая концентрация находок этого культурного слоя наблюдается в средней и северной частях пятого раскопа (рис. 5, *1*), однако границы скопления нечеткие. У северной стенки раскопа средний мезолитический слой в значительной степени разрушен канавой, чем объясняется малое количество находок на этом участке. В раскопах II и IV Д. А. Крайнова (*Крайнов, Хотинский*, 1984; *Жилин и др*., 2002) этот культурный слой также представлен. Зачистка, поставленная в 1994 г. на северном крае канавы – на склоне суходольного мыса напротив центральной части раскопов IV и V, выявила тонкий (10 см) культурный слой мезолитического времени, залегающий в суглинке под ранненеолитическим слоем. Наиболее вероятно, что это также продолжение среднего мезолитического слоя, поскольку именно он связан с трансгрессивной фазой Ивановского палеоозера. Если это так, то поселение в это время располагалось как на площадке и склоне суходола, так и у его подножия, и раскопками исследована прибрежная часть этого поселения.

Распределение орудий из кости и рога, связанных с различными производствами, по площади раскопа для культурного слоя IV в целом повторяет общее распределение находок на плане этого слоя. Это наглядно видно при сопоставлении рис. 5, *1* и 5, *2*. На обоих планах отмечается расплывчатое скопление находок в центральной и восточной части раскопа. В западной части раскопа находок значительно меньше, а орудия из кости и рога единичны. Примечательно, что почти такое же распределение показывают и наиболее крупные кости, нанесенные в масштабе на общем плане находок (рис. 5, *1*). По видам хозяйственной деятельности орудия из кости и рога распределялись следующим образом. Предметы вооружения встречались в основном в центральной части раскопа. Интересно, что два из них найдены в западной части раскопа, где других костяных орудий не встречено. В восточной же части раскопа, где встречено значительное количество находок, в том числе и орудий из кости и рога, изделий, связанных с охотой, не обнаружено. Зато именно в этой части встречены орудия, связанные с рыболовством. Орудия для обработки шкур и кожи найдены в западной части центрального скопления, на остальной площади раскопа их нет. А орудия для обработки дерева встречены в восточной части раскопа, в том числе на восточном краю центрального скопления находок. Здесь же найдены заготовки и отходы производства изделий из кости и рога. Единичные орудия для обработки прочих материалов и немногочисленные украшения встречены в центральной и восточной частях раскопа.

Такая картина позволяет в общих чертах реконструировать хозяйственную деятельность на прибрежном участке поселения, оставившего средний мезолитический культурный слой стоянки Ивановское 7. Жилая часть поселения, вероятно, располагалась на мысу коренного берега, а под ним, на заболоченном низком берегу у кромки воды, на открытой площадке в теплое время года

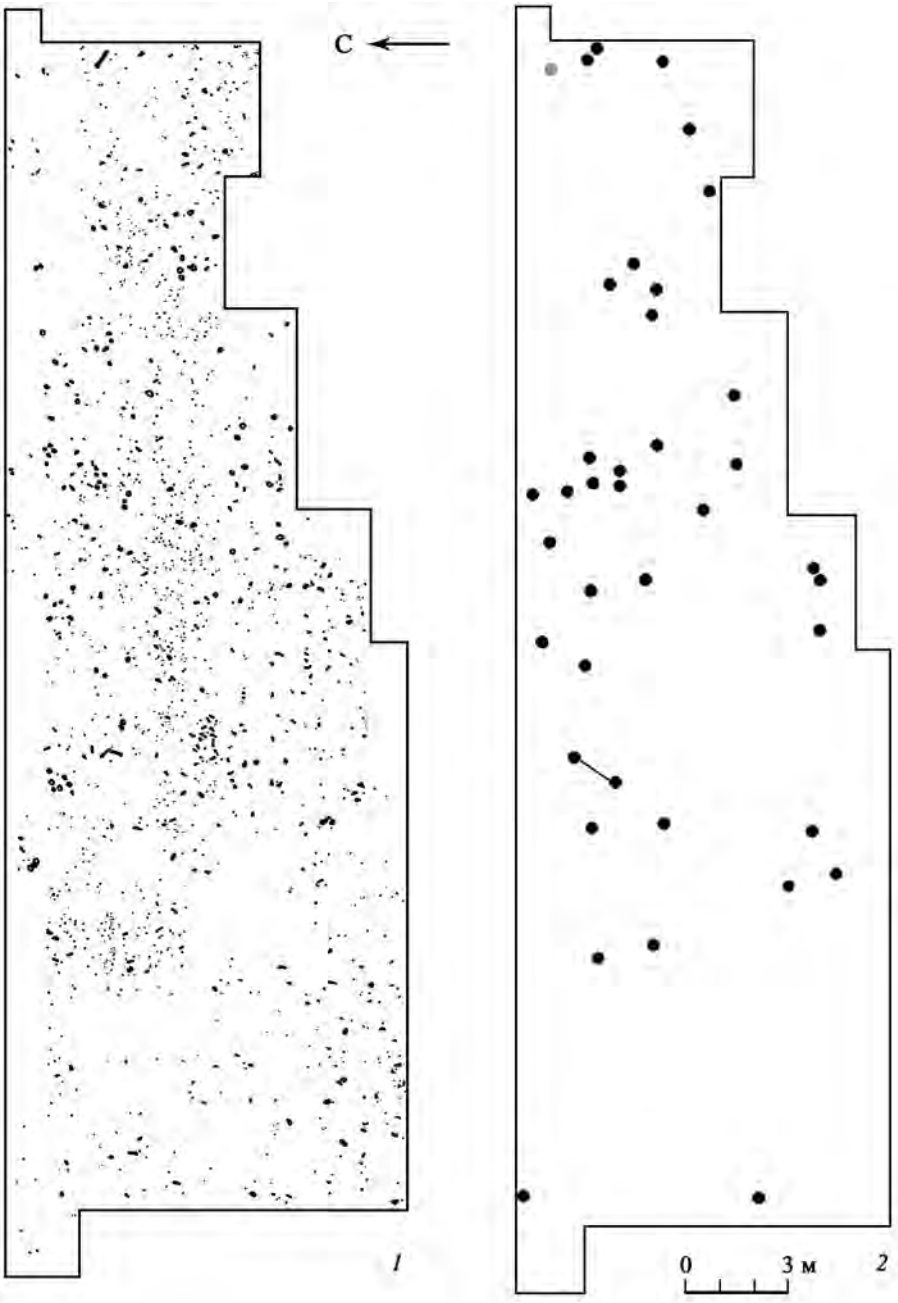

Рис. 5. Ивановское 7, средний мезолитический (III) слой

1 – общий план находок; *2* – изделия из кости и рога

(*Жилин и др*., 2002) осуществлялись различные операции, связанные с повседневными нуждами жителей стоянки. При этом специализированных участков, связанных с каким-либо одним видом деятельности, не наблюдается. С другой стороны, отмечено тяготение орудий, связанных с некоторыми производствами, к разным частям раскопа (например, орудия для обработки шкур встречены в западной части, а орудия для обработки дерева – в восточной части раскопа). Вместе с тем в центральной части раскопа, где встречено основное скопление находок, представлены изделия из кости и рога, связанные как с промыслом, так и с обработкой различных материалов. Вероятно, в этой части стоянки культурный слой накапливался в результате накладки нескольких эпизодов кратковременного использования прибрежной площадки для различной хозяйственно-бытовой деятельности.

Верхний мезолитический (IIа) культурный слой залегает в раскопе V в верхней части коричневого торфа (слой 3в), нижняя часть этого торфа не содержит находок. В плане четко фиксировалась концентрация находок этого культурного слоя в западной части раскопа, особенно ближе к юго-западному углу (рис. 6, *1*). В восточной половине раскопа находки редки, а на восточном конце совершенно отсутствуют. В южной части раскопа данный культурный слой был перекрыт тонкой стерильной прослойкой серо-коричневого торфа с примесью сапропеля или оторфованного сапропеля (3в’), мощность которой увеличивается к югу. Эта прослойка отделяет верхний мезолитический слой от вышележащего слоя раннего неолита (культурный слой II). На значительной площади (около 40 кв. м) западного конца раскопа в основании ранненеолитического культурного слоя прослеживалась тонкая прослойка пожара мощностью 1 см, лежащая в юго-западном углу на прослойке оторфованного сапропеля. На остальной площади резкая разница литологического состава также позволяла легко отделять культурный слой раннего неолита (II) от верхнего мезолитического (IIа).

Верхняя часть слоя 3в с находками верхнего мезолитического слоя по пыльце отнесена к началу атлантического периода; по торфу получены радиоуглеродные даты: 7 530 ± 150 (ГИН-9361), 7 520 ± 60 (ГИН-9361), 7 490 ± 120 (ЛЕ-1260), 7 375 ± 170 (ЛЕ-1261), 7 320 ± 190 (ГИН-9369) л. н. Таким образом, его возраст, наиболее вероятно, лежит в интервале 7 530–7 320 л. н.

В раскопе встречены две небольшие ямы. Яма № 1 прослежена в центральной части раскопа в виде неправильно-подокруглого (ближе к аморфному) пятна темно-коричневого торфа диаметром около 36 см на фоне подстилающего светлого сапропеля. Стенки почти вертикальные, дно плоское, глубина – 10 см от уровня ее фиксации. Яма заполнена слоем 3в с угольками и мелкими костями. При разборке заполнение легко отделялось от стенок и дна ямы, однако следов инструментов на стенках ямы не наблюдалось. Яма опущена из нижней части слоя культурного слоя IIа. Вероятно, это яма для хранения. Первоначально она, видимо, была глубже, но верх ее в слое коричневого торфа не прослеживался.

Яма № 2, опущенная из верхней части слоя 3в, выявлена у южной стенки раскопа. Контуры ямы прослеживались в виде пятна более темного и рыхлого торфа с многочисленными мелкими костями. Ее форма в плане округлая, диаметр – 36 см. Стенки почти вертикальные, дно плоское, заполнение легко отделялось от стенок и дна, что характерно для ям, вырытых во влажном материковом

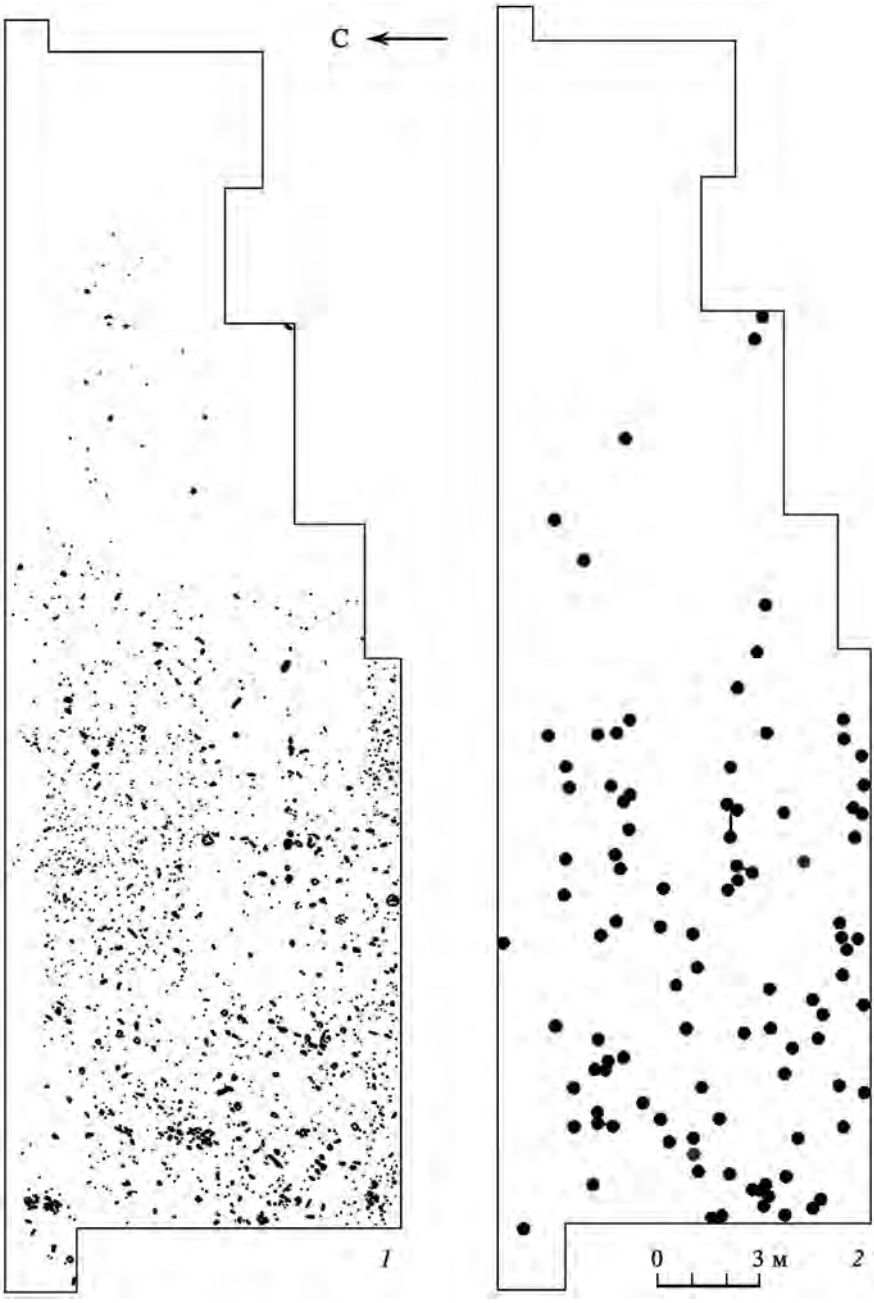

Рис. 6. Ивановское 7, верхний мезолитический (IIа) слой

1 – общий план находок; *2* – изделия из кости и рога

торфе (низ ямы достиг слоя светлого сапропеля) и заполненных культурным слоем. Глубина ямы – 27 см. В заполнении помимо рыхлого темного торфа и мелких костей встречено три копролита, а в нижней части лежал скребок на отщепе. Вероятно, это помойная яма, но, возможно, первоначально ее назначение было иным (яма для хранения?).

К северу от второй ямы, в соседнем квадрате, прослежено небольшое тонкое (2 см) углистое аморфное пятно размером 40 × 22 см, вероятно остатки легкого наземного кострища. Рядом с ним встречено небольшое скопление крупной гальки и мелких валунов, среди которых обнаружено одно грузило с перехватом. Возможно, и другие использовались для этой же цели, однако ни следов обработки, ни следов обмотки на них визуально не зафиксировано.

Раскопом вскрыта центральная часть кратковременного поселения и его северная и восточная периферия. Часть северной окраины этой стоянки вскрыта в раскопе II (*Крайнов, Хотинский*, 1984; *Жилин и др*., 2002). Кратковременная трансгрессия, во время которой отложился слой 3в’, вероятно, послужила причиной оставления стоянки. Примечательно, что верх некоторых крупных костей находился в нижней части слоя 3в’, в то время как большая их часть залегала в слое 3в. Такое могло получиться, когда в момент затопления эти кости располагались на поверхности, а отсутствие следов погрызов мелких грызунов может свидетельствовать о том, что поселение в это время еще было обитаемо.

Скопление орудий из кости и рога совпадает с границами общего скопления находок в раскопе (рис. 6, *1, 2*). При этом орудия, связанные с охотой, рыболовством, обработкой различных материалов, в том числе изготовлением орудий из кости и рога, залегают совместно. Каких-либо участков, связанных с определенным видом деятельности, не отмечается. Не прослежено и связи каких-либо видов деятельности с ямами и кострищем в южной части раскопа. Можно только отметить, что здесь не встречено предметов вооружения. Не отмечено и каких-либо следов специализированной деятельности на периферии стоянки в восточной части раскопа. Раскопанная часть верхнего мезолитического культурного слоя стоянки Ивановское 7 состоит из единой хозяйственной площадки, на которой осуществлялась различная производственно-бытовая деятельность жителей поселения, располагавшегося на торфе, на низком берегу озера в период его регрессии, на удалении от коренного берега. Фаунистические данные говорят о функционировании поселения главным образом в теплое время года, а также об использовании его площадки в качестве лагеря охотников на лосей в холодное время года (*Жилин и др*., 2002). Таким образом, можно уверенно утверждать, что культурный слой этого поселения накапливался в результате относительно кратковременных, но многократных посещений стоянки на протяжении некоторого промежутка времени.

Поселение **Озерки 5** расположено в западной части Озерецкого торфяника в Конаковском районе Тверской области (*Жилин*, 2006). Поселение располагалось на полях торфодобычи Озерецкого торфопредприятия, в 300 м к западу от песчаного островка – внутреннего суходола (рис. 7). Всего с 1990 по 1995 г. раскопано около 220 кв. м. В древности стоянка занимала низкий мыс при выходе из озера небольшой речки, на правом берегу последней (рис. 8).

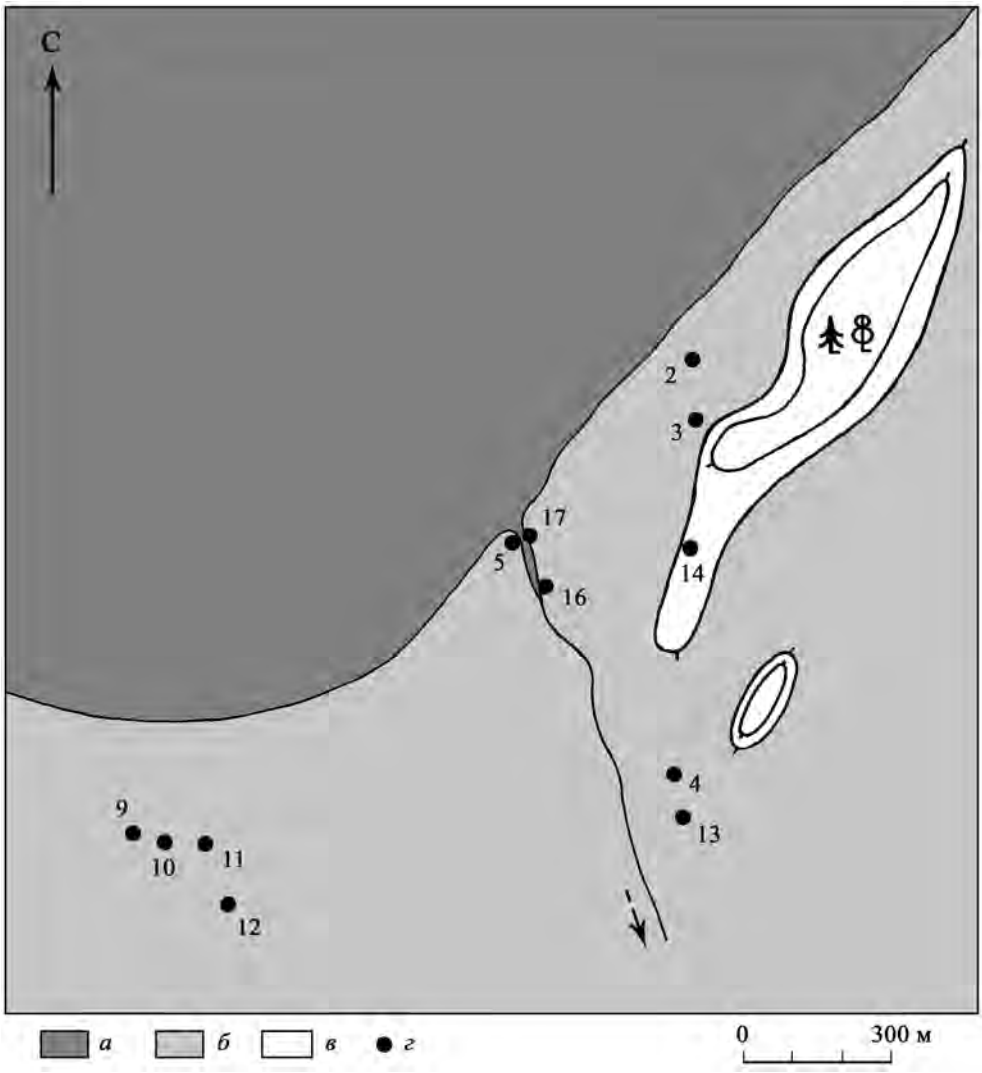

Рис. 7. Мезолитические стоянки Озерецкого торфяника.
Цифры соответствуют номерам стоянок (по: *Жилин*, 2006)

а – сапропель; *б* – торф; *в* – песок; *г* – стоянка

Стратиграфия памятника такова:

1а – коричневый торф переработанный фрезерованием, мощность – 0,12–0,22 м.

1б – серый торф с примесью суглинка – 0,02–0,05 м.

1в – коричневый торф, средней степени разложения – 0,1–0,84 м, в южной части раскопа – рыже-бурый (до желтого) слабо разложившийся торф.

2. Торф темно-коричневый (до черного), сильно разложившийся с лесным опадом и древесиной, слегка опесчаненный, с угольками, золой и большим

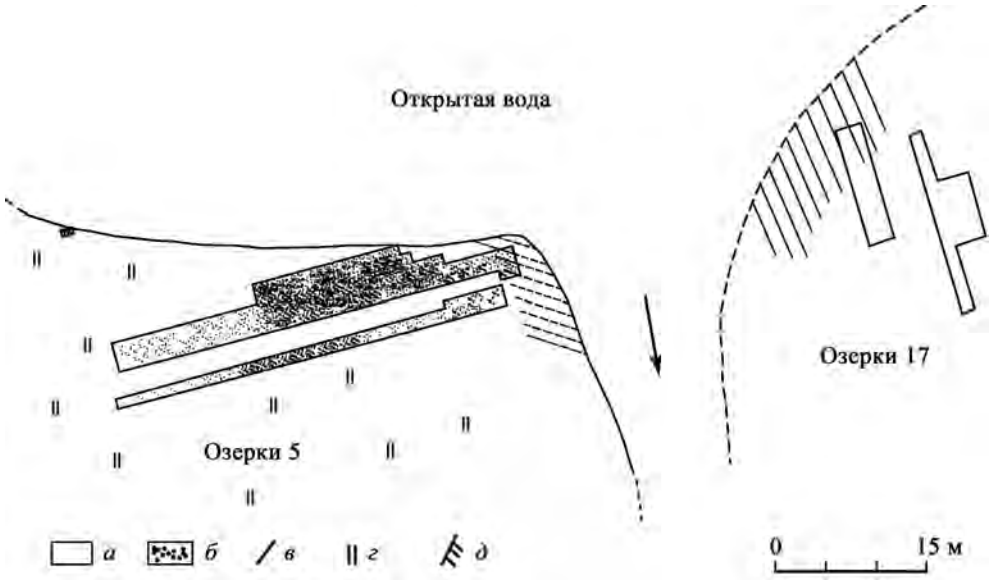

Рис. 8. Озерки 5. Ситуационный план мезолитического (IV) культурного слоя стоянки

а – раскоп; *б* – распределение находок; *в* – береговая линия; *г* – луг; *д* – места заболачивания

количеством кальцинированной костяной крошки. Выражен практически на всей площади раскопа. Мощность достаточно стабильная – 0,3–0,4 м. Вместе с тем отмечаются как плавные перепады, так и многочисленные мелкие западины этого слоя глубиной до 10 см практически по всей площади раскопа.

2а. Торф темно-коричневый, слаборазложившийся, с зеленоватым оттенком, с лесным опадом, угольками, золой, но без песка и кальцинированной костяной крошки. Встречен в северо-восточной части раскопа, где он замещает слой 2, а также в виде линзы под слоем 2 в северо-западной части раскопа.

3а. Торф бурый, не слоистый, средней степени разложения, опесчанен, с примесью лесного опада, древесины, угольков, кальцинированной костяной крошки и семенами вахты. Средняя мощность слоя – 0,2–0,3 м, в северо-восточном углу раскопа уменьшается до 0,02–0,03 м. Отмечается наклон этого слоя в северо-восточном направлении. Большое количество находок в этом углу раскопа при малой мощности и сильной опесчаненности слоя 3а говорит о его размыве и выносе частиц торфа, что указывает на работу прибоя во время штормов и наличие открытой воды на данном участке во время формирования этого слоя. Примечательно также то, что многие находки на этом участке находятся в вертикальном или наклонном положении. На восточном конце раскопа слой 3а также понижается, в нем меньше кальцинированной костяной крошки, песка и угольков, торф обводненный и менее разложившийся. На крайнем восточном конце раскопа в слое 3а отмечается слоистость и появляются листья рогоза. Видимо, во время его формирования эта часть раскопа была заболочена, а восточный конец обводнен. В западной части во время функционирования описанной выше протоки слой 3а был частично размыт, и линза слоя 2а ложится непосредственно на слой 3б. В западинах в южной

части раскопа мощность слоя 3а увеличивается до 0,6 м. Здесь этот слой наиболее сухой, со следами древних торфяных пожаров в виде аморфных котлов выгорания и прогоревших «овражков», ориентированных по направлению господствующих ветров в основном с северо-запада на юго-восток. Наклон дна «овражков» не выдержан, глубина также произвольно меняется. Подобная картина очень характерна для торфяника после локального пожара, очень часто возникающего от оставленного непотушенного костра. В этом случае торф медленно тлеет по направлению господствующего ветра. Там, где торф более сырой, пожар либо затухает, либо ограничен по площади и глубине. На участках, где торф более сухой, образуются более глубокие и обширные котлы выгорания. Такую картину мы наблюдали в 2 км к северо-востоку от стоянки, где современные охотники постоянно оставляли непогашенные костры. Когда пожар гас, поверхность торфяника точно соответствовала тому, что наблюдалось в раскопе. Слой 3а формировался во время регрессии палеоозера. В это время были распространены березовые леса с участием сосны и широколиственных пород, а также различные травы. Флористический комплекс характерен для первой половины атлантического периода голоцена.

3б. Торф рыжий слоистый, слабо разложившийся, с большим количеством листьев рогоза и тонкими полигональными трещинами усыхания, заполненными слоем 3а, мощность – 1–1,5 м. Этот слой формировался на озерной отмели во время трансгрессии водоема, но к началу отложения слоя 3а отмель в результате регрессии вышла из воды и обсохла.

4. Сапропель серый известковистый – 0,3 м.

5. Тонкие прослойки сапропеля и сизого песка – 0,12 м.

6. Песок сизый – озерное дно.

В раскопе прослежено четыре культурных слоя, три из которых относятся к неолиту (*Жилин*, 2006). **Мезолитический (IV) культурный слой** залегает в слое 3а и четко отделяется от перекрывающего и подстилающего слоя. Прослежено уменьшение его мощности в северном и восточном направлении. В то же время очень тонкий слой 3а в северо-восточной части раскопа значительно насыщен находками. В западной части плотность находок минимальна, это явная периферия стоянки, удаленная от воды. Во время заселения это место было сухим. На восточном конце прослежен болотный шлейф IV культурного слоя. Находки здесь залегают не только в средней и нижней части слоя 3а, в котором отмечается слоистость и присутствие листьев рогоза, но и в самом верху слоя 3б. Показательна здесь находка целого костяного кинжала, стоявшего вертикально острием вниз в верхней части слоя 3б. Он явно упал и воткнулся в топкое дно на заболоченном прибрежном мелководье.

Палинологический анализ относит время формирования этого культурного слоя к началу атлантического периода, что подтверждает серия радиоуглеродных дат в интервале 7410 ± 90 – 7120 ± 50 л. н. (*Жилин и др.*, 1998; *Жилин*, 2006).

Наибольшая концентрация находок в IV культурном слое отмечается в центральной и южной частях раскопа (рис. 8). Здесь прослежены многочисленные аморфные углисто-золистые пятна с примесью песка, с большим количеством мелких костей и кальцинированной костяной крошки мощностью 1–4 см – остатки легких наземных кострищ. Рядом с ними встречались обожженные

камни, куски дерева, среди которых отмечены обломки затесанных бревен и плах, обломки выструганных сосновых лучин и деревянных изделий, скорлупа лесного и водяного ореха, большое количество костей зверей, птиц и рыб, отщепы, каменные, костяные и роговые орудия. Камни не образуют каких-либо выкладок и, вероятно, использовались при приготовлении пищи (варки в кожаных или плетеных емкостях методом погружения). Подобный прием известен из этнографии и проверен экспериментально (*Семенов, Коробкова*, 1983). В северо-западной части раскопа отмечались скопления рыбьей чешуи мощностью 1–2 см, одно из них перекрывало хозяйственную яму. Здесь же в культурном слое встречались небольшие куски и пятна серой глины, явно принесенной на стоянку. Об интенсивной хозяйственной деятельности говорит и большое количество кальцинированной костяной крошки в этой части раскопа. Культурный слой здесь достаточно сильно перемешан в результате интенсивного хождения людей по торфяной почве. Это проявляется в наклонном положении многих находок, и прежде всего крупных костей, один конец которых находится на уровне самого верха слоя, а другой – на уровне материка.

Интерес представляет находка в средней части IV культурного слоя остатков сочленения раковин беззубки. Вероятно, съедобные моллюски приносились на стоянку, но вследствие химизма торфяника раковины в культурном слое не сохранились. Это подтверждается наличием растворившихся почти полностью известняковых камней и растворением известковой желвачной корки на многих отщепах в этом слое.

В южной части раскопа нижняя граница IV культурного слоя неровная с большим количеством западин, образовавшихся в результате описанных выше локальных пожаров, причиной которых, вероятно, послужили непотушенные костры. При этом находки, лежавшие на поверхности несгоревших участков, ставших кочками, в силу естественных причин скатывались в выгоревшие углубления. Из-за этого концентрация находок в западинах существенно выше, чем на окружающих их участках. Подобные прогоревшие западины, но более мелкие, прослежены и на западном, более возвышенном и сухом конце основного скопления находок. В северной части раскопа, где уровень IV культурного слоя был существенно ниже, торф, вероятно, и в древности был более сырой, поэтому котлов выгорания там не наблюдалось.

Помимо легких кострищ и описанных выше западин с IV культурным слоем связано несколько сооружений. Яма № 1 в центральной части раскопа была опущена из нижней части культурного слоя в материковый торф (3б). В плане яма подпрямоугольная, ориентировка – северо-запад – юго-восток, размеры в плане 45 × 33 см. Стенки довольно крутые, углублена на 10 см в материк. Дно плоское, на дне горизонтально лежал кусок бересты прямоугольной формы размером 33 × 21 см, обрезанный по краям. Яма заполнена культурным слоем. Вероятно, это была неглубокая яма для хранения.

Яма № 2 появилась в нижней части культурного слоя в виде подовального в плане темного пятна размером 56 × 45 см, ориентировка –запад-восток. Более четко выявилась на 5 см глубже на фоне материкового торфа с рогозом (3б), размеры практически те же – 54 × 45 см. Стенки ямы вертикальные, четко видно, как они прорезают слоистый торф, срезая листья рогоза. Дно плоское,

глубина – 40 см. Верхняя часть ямы заполнена культурным слоем, типичным для этого участка, с большим количеством кальцинированной костяной крошки, угольками, костями, отщепами, семенами вахты и кувшинки. В этой части найдены кремневый скребок и обломок струга из резца бобра. В средней части ямы встречена линза серо-зеленоватой разложившейся органики с большим количеством мелких рыбьих костей мощностью 2–3 см. Такой состав характерен для копролитов. Ниже яма была также заполнена культурным слоем, а на дне лежал копролит хорошей сохранности. Видимо, это первоначально яма для хранения, использовавшаяся позднее дважды в качестве отхожего места, после чего она каждый раз засыпалась. Вероятно, в это время жилая площадка располагалась несколько в стороне. После засыпки ямы на этом участке проходила различная хозяйственно-бытовая деятельность, включавшая, в частности, чистку большого количества рыбы, главным образом карася. Подобная ситуация свидетельствует в пользу неоднократного посещения данной стоянки за время отложения культурного слоя IV, при этом участки различного назначения меняли свои места.

Два интересных объекта встречены на западной периферии стоянки. Яма № 3 перекрыта кострищем, появившимся в средней части культурного слоя в виде аморфного золисто-углистого пятна. Более четко оно выявилось в виде неправильно-подокруглого пятна размером 45 × 40 см в 5 см ниже. Кострище было наземным, однако в центральной его части торф прогорел сильнее, вследствие чего появилось углубление. В разрезе кострище линзовидное, максимальная мощность в центре до 11 см. Заполнение пятна – горелый торф, зола, угольки, кости, в том числе кальцинированные, отщепы кремня. Яма выявилась прямо под описанным кострищем в виде неправильно-овального пятна размером 52 × 42 см на фоне коричневого слоистого материкового торфа с рогозом – слоя 3б. Яма ориентирована – север-юг. Северная стенка ямы вертикальная, остальные прослеживались хуже. Дно ямы плоское, глубина – 22 см. Яма заполнена культурным слоем. Вероятно, это была яма для хранения. После окончания использования пустая яма была засыпана культурным слоем, и на этом месте (возможно, в оставшемся от ямы углублении) позднее развели легкий костерок.

Яма № 4 появилась в виде аморфного пятна рыхлого темно-коричневого торфа на фоне плотного бурого слоистого материкового торфа с рогозом (3б) в виде аморфного пятна. Контур пятна и стенки ямы подчеркнуты тонкой черной полоской, получившейся за счет проникновения кислорода вдоль стенок ямы и их окисления. Стенки вертикальные, заполняющий яму слой 3а прилегает к ним не очень плотно и легко отделяется. На стенках хорошо заметны следы плавно изогнутого в сечении орудия с лезвием шириной около 8 см, которым рыли, а точнее, вырезали в плотном торфе яму. Дно ямы плоское, чуть углубляется к центру, глубина – 70 см от ее верха. На дне, ближе к западной стенке, прослежена ямка от вертикально стоявшего кола диаметром 5 см и глубиной 20 см. Яма заполнена слоем 3а с фрагментами лучин, единичными кальцинированными костями. В южной части ямы на боку лежал сверток, сделанный из одного куска бересты, обрезанного по краям. Углы его подогнуты, вдоль края проколоты отверстия и лежали тонкие веточки без сучков и щепки

диаметром 5 мм. Возможно, они крепились к краям этого свертка. Заполнен этот своеобразный «сосуд» тем же слоем 3а, но внутри встречены обрывки крученой веревки диаметром 2 и 3 мм, сделанной из растительного материала. На уровне низа этого свертка встречены два обломка конца расщепившегося кола, лежавшие наклонно, под углом друг к другу. На дне ямы горизонтально лежал конец заостренной наискось палки диаметром 1,5 см. Других находок не встречено. Вероятно, это яма для хранения продуктов (своеобразный «холодильник»), вырытая на периферии поселения. Судя по большой глубине, яма была заполнена холодной грунтовой водой, в которую могли опускать сложенные в берестяной «сосуд» скоропортящиеся продукты, привязывая его к колу, который втыкался в дно ямы.

Яма № 5 появилась на южном участке центральной части раскопа в виде черного, овального в плане пятна размером 36 × 16 см на фоне рыжего материкового торфа с рогозом (слоя 3б). Ориентирована – запад-восток. Стенки крутые, дно неровное, максимальная глубина – 15 см. Яма заполнена семенами или плодами растений, у восточной стенки внутри ямы лежал наклонно свиток обрезанной по краям бересты. Яма опущена из низа IV культурного слоя, вырыта в материке и засыпана, вероятно, вынутым при ее рытье слоем 3б. В отличие от многочисленных западин, встреченных в этой части раскопа, заполнение ямы отслаивалось от ее стенок, как и у других ям. Вероятно, это яма для хранения продуктов собирательства, которые почему-то не были вынуты.

Помимо описанных кострищ и ям, в западной части раскопа обнаружено компактное скопление отщепов и мелких чешуек, в котором встречались единичные пластины – место расщепления и вторичной обработки кремня. Рядом с ним, в нижней части этого культурного слоя, встречен конец березовой сваи, лежавший почти горизонтально в нижней части IV культурного слоя. Назначение сваи неясно. Несколько разрозненных сосновых и березовых колов диаметром 8–10 см были глубоко вбиты в материк в центральной части раскопа. Какой-либо конструкции они не образуют. Наиболее вероятное их назначение – для подвешивания или просушки чего-либо, например сетей.

Таким образом, для нижнего культурного слоя этой стоянки характерны те же особенности планировки, что и для большинства сезонных поселений на дюнах и террасах – наличие ям-хранилищ, легких кострищ, скоплений находок около них и на периферии и т. п. Остатки кострищ встречались на разных уровнях культурного слоя, указывая на многократные кратковременные посещения стоянки. Большинство их, как и ямы, связаны с нижней частью IV культурного слоя. Флористические и фаунистические остатки указывают на функционирование данной стоянки в конце лета – начале осени (*Жилин*, 2006). Раскопом вскрыта на значительной площади центральная часть стоянки, ее западная, сухая, периферия и прибрежно-болотный шлейф культурного слоя в восточной части, где, видимо, был заболоченный исток р. Инюхи. Выход к открытой воде озера был к северу – северо-востоку от центральной части стоянки, многократно посещавшейся населением финального этапа бутовской культуры во время глубокой регрессии палеоозера (рис. 8).

Нанесение на план раскопа изделий из кости и рога по результатам трасологического анализа дало следующую картину. Скопление этих орудий отмечается

в центральной части раскопа, совпадая в общих чертах с основным скоплением находок и фаунистических остатков. Это хорошо видно при сравнении рис. 8 и 9, *1*. При этом отмечается меньшее количество орудий из кости в западной части раскопа, что связано с разрушением кости в результате аэрации. Этим же объясняется и малое количество фаунистических остатков в этой части раскопа. С другой стороны, здесь встречено кострище, мелкая хозяйственная яма, глубокая яма-«холодильник» и место расщепления кремня. Это позволяет рассматривать западную, сухую, периферию стоянки как зону специфической хозяйственной деятельности, связанной с хранением и возможной переработкой пищевых продуктов и обработкой кремня. Связь этих объектов с нижней частью культурного слоя при малой толщине и слабой насыщенности находками культурного слоя позволяет предположить относительно одновременное (в течение одного момента заселения) функционирование этих объектов на единой хозяйственной площадке. Однако для бесспорного доказательства этого недостаточно данных.

На остальной площади раскопа изделия из кости и рога, связанные с обработкой различных материалов, лежат совместно, особенно в центральной части раскопа – в пределах основного скопления находок (рис. 9, *1*). Предметы вооружения встречены главным образом в центральном скоплении находок, включая его периферию (рис. 9, *2*). Следует отметить связи подклейки обломков наконечников. Особенно показательна длинная линия связи, объединяющая обломки костяного наконечника из центральной и южной (за канавой) частей раскопа. В центральном скоплении находок встречены обломки преднамеренно сожженных костяных наконечников стрел, и здесь же найдены пережженные обломки галек с гравировками – так называемых чуринг. Если эти находки связаны друг с другом, то их следует рассматривать как следы неких ритуалов, совершавшихся в центральной части стоянки. Распределение орудий из кости, связанных с рыболовством, дает сходную с оружием картину. Орудия для обработки шкур и кожи встречены в пределах центрального скопления находок, там же обнаружены и землекопные орудия. За пределами этого скопления на западном и восточном концах раскопа нет ни тех ни других. Орудия для обработки дерева концентрируются также в пределах основного скопления находок, но единичные экземпляры встречены как на восточном, так и на западном концах раскопа. Такое же распределение показывают единичные орудия для обработки прочих материалов и многочисленные украшения. Заготовки и отходы производства орудий из кости и рога отсутствуют на западном конце раскопа, наибольшая их часть встречена также в пределах основного скопления находок.

Приведенные планы показывают, что основная хозяйственная деятельность по обработке различных материалов осуществлялась в центральной части раскопа, где отмечено скопление кремневых изделий, фаунистических остатков, большая часть кострищ и три из пяти хозяйственных ям. Такая картина характерна для стоянок, которые многократно посещались одной группой населения на протяжении довольно продолжительного времени для ведения неспециализированной промыслово-хозяйственной деятельности и жизни в теплое время года. При этом остатки одного посещения накладывались на остатки предыдущего,

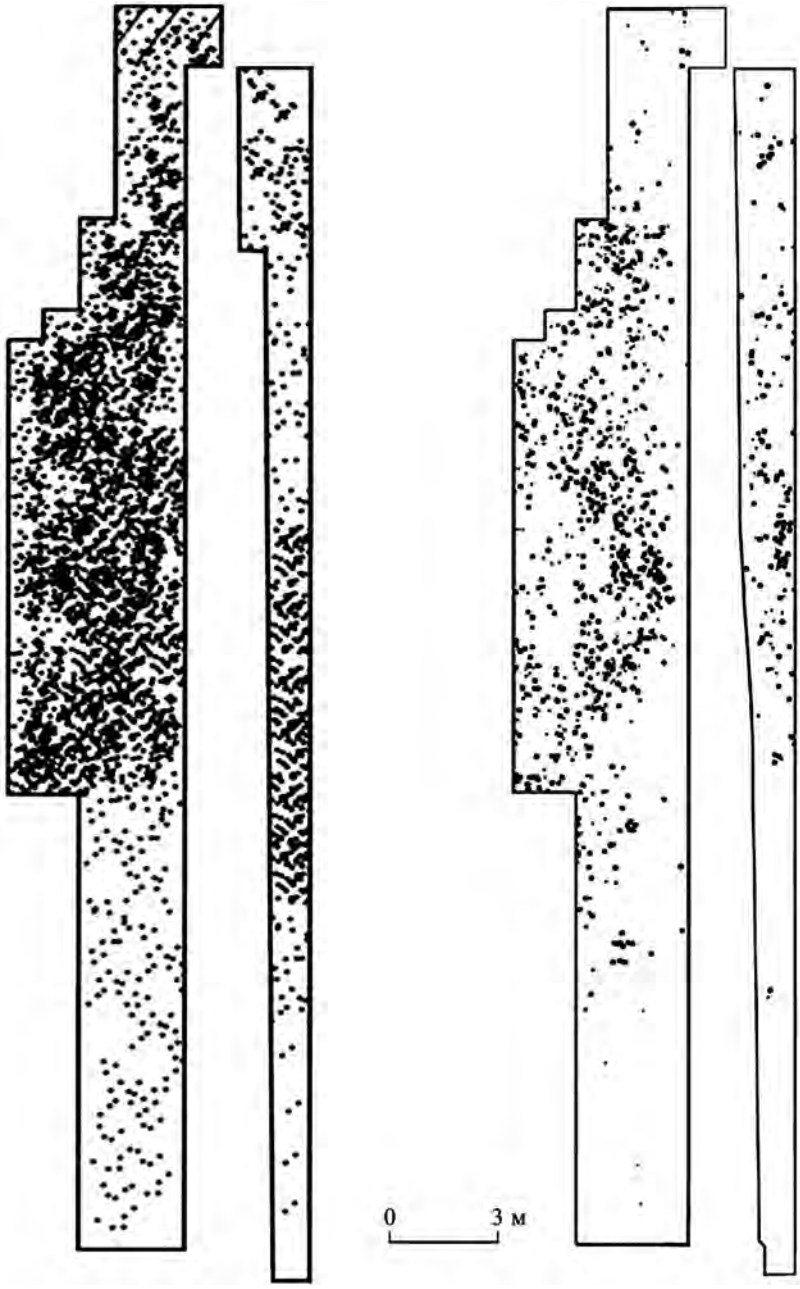

Рис. 9. Озерки 5, мезолитический (IV) культурный слой

1 – общий план находок; *2* – изделия из кости и рога

в результате чего получалась общая усредненная картина распределения орудий из кости и рога.

В результате проведенного пространственного анализа распределения изделий из кости и рога на двух опорных торфяниковых памятниках Верхнего Поволжья установлено, что на протяжении раннего, среднего и позднего мезолита эти стоянки являлись местом неоднократных сезонных посещений группами бутовского населения для занятий охотой, рыболовством и собирательством в теплое время года. Только в верхнем мезолитическом слое Ивановского 7 есть данные также и о посещениях этой стоянки в холодное время года – для охоты на лосей. Во время этих сезонных посещений велась разнообразная хозяйственная деятельность, включавшая изготовление и использование орудий из кости и рога для промысловых нужд и обработки различных материалов. Специализированных площадок, связанных с определенными видами деятельности, на этих памятниках не отмечено. Вероятно, эта деятельность осуществлялась по мере необходимости на любом подходящем участке стоянки. Распределение изделий из камня и фаунистических остатков на этих памятниках не отличается от распределения орудий из кости и рога (*Жилин, Высоцкая*, 2005).

ЛИТЕРАТУРА

Жилин М. Г., 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС. 326 с.

Жилин М. Г., 2006. Мезолитические торфяниковые памятники тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М.: Лира. 140 с.

Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В., 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М.: Наука. 246 с.

Жилин М. Г., Высоцкая Ю. М., 2005. Стратиграфия и планиграфия стоянки Озерки 5 // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья / Ред. М. Г. Жилин. М.: Academia. С. 168–189.

Жилин М. Г., *Спиридонова Е. А., Алешинская А. С.*, 1998. История развития природной среды и заселения стоянок Озерки 5, 16, 17 в Конаковском районе Тверской области // ТАС. Вып. 3. С. 209–219.

Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., 1984. Ивановские стоянки – комплекс мезо- и неолитических озерно-болотных поселений на Волго-Окском междуречье. // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины: Путеводитель совместного советско-французского полевого семинара по теме «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами» / Отв. ред. А. А. Величко и др. М.: Наука. С. 92–109.

Семенов С. А., Коробкова Г. Ф., 1983. Технология древнейших производств (мезолит – энеолит). Л.: Наука. 255 с.

Сведения об авторе.

Жилин Михаил Геннадиевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mizhilin@yandex.ru.

M. G. Zhilin

Spatial analysis of distribution of tools made of bone and antler at Mesolithic sites Ivanovskoye 7 and Ozerki 5.

Abstract. The author has carried out use-wear analysis of bone and antler artefacts from the Mesolithic levels of the multilayer sites Ivanovskoye 7 and Ozerki 5 on the Upper Volga. As a result tools used for hunting, fishing and processing animals and fishes caught, tools for preparing skins, working wood and bone, stone and other materials were defined. The spatial analysis of distribution of bone and antler artefacts made it possible to establish that during the Early, Middle and Late Mesolithic the sites had been places of repeated seasonal visiting by groups of the Butovo population engaged in hunting, fishing and gathering at warm seasons. Only in the Upper Mesolithic level of Ivanovskoye 7 some data were obtained pointing to visits to the site during cold seasons for hunting elk. During the seasonal visits, various forms of activity were practiced, including manufacture and use of bone and antler tools for hunting and fishing and processing of various materials. Specialized areas associated with specific types of activity were not revealed at the sites. This activity probably took place when necessary in any suitable spot within the site.

Keywords: use and wear analysis, tools made of bone and antler, spatial analysis, Mesolithic, Upper Volga region, peatbog sites.

REFERENCES

Kraynov D. A., Khotinsky N. A., 1984. Ivanovskiye stoyanki – kompleks mezo- i neoliticheskikh ozerno-bolotnykh poseleniy na Volgo-Okskom mezhdurech'ye [Ivanovskoye stations – a complex of Meso- and Neolithic lake and peat-bog settlements in Volga–Oka interfluve]. *Arkheologiya i paleogeografiya mezolita i neolita Russkoy ravniny: putevoditel' sovmestnogo sovetsko-frantsuzkogo polevogo seminara po teme «Dinamika vzaimodeystviya mezhdu yestestvennoy sredoy i doistoricheskimi obshchestvami»* [*Archaeology and palaeogeography of Mesolithic and Neolithic of Russian Plain: a guide for joint Soviet-French field seminar «Environment and prehistoric societies: dynamics of interaction»*]. A. A. Velichko, ed. Moscow: Nauka, pp. 92–109.

Semenov S. A., Korobkova G. F., 1983. Tekhnologiya drevneyshikh proizvodstv (mezolit – eneolit) [Technology of earliest production (Mesolithic – Eneolithic)]. Leningrad: Nauka. 255 p.

Zhilin M. G., 2001. Kostyanaya industriya mezolita lesnoy zony Vostochnoy Yevropy [Bone industry of Mesolithic in forest zone of Eastern Europe]. Moscow: URSS. 326 p.

Zhilin M. G., 2006. Mezoliticheskiye torfyanikovyye pamyatniki tverskogo Povolzh'ya: kul'turnoye svoyeobraziye i adaptatsiya naseleniya [Mesolithic peat-bog sites of Volga basin in Tver' region: population's cultural specifics and adaptation]. Moscow: Lira. 140 p.

Zhilin M. G., Kostyleva Ye. L., Utkin A. V., Engovatova A. V., 2002. Mezoliticheskiye i neoliticheskiye kul'tury Verkhnego Povolzh'ya (po materialam stoyanki Ivanovskoye VII) [Mesolithic and Neolithic cultures of Upper Volga basin (on materials of station Ivanovskoye VII)]. Moscow: Nauka. 246 p.

Zhilin M. G., Spiridonova Ye. A., Aleshinskaya A. S., 1998. Istoriya razvitiya prirodnoy sredy i zaseleniya stoyanok Ozerki 5, 16, 17 v Konakovskom rayone Tverskoy oblasti [History of environment development and settling of stations Ozerki 5, 16, 17 in Konakovo district, Tver' Region]. *TAS*, 3, pp. 209–219.

Zhilin M. G., Vysotskaya Yu. M., 2005. Stratigrafiya i planigrafiya stoyanki Ozerki 5 [Stratigrapy and planigraphy of station Ozerki 5]. *Kamenny vek lesnoy zony Vostochnoy Yevropy i Zaural'ya* [*Stone*

Age of forest zone of Eastern Europe and Eastern Urals]. M. G. Zhilin, ed. Moscow: Academia, pp. 168–189.

About the author.

Zhilin Mikhail G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mizhilin@yandex.ru.

М. П. Зимина

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВАЛДАЙСКОГО ПРИОЗЕРЬЯ
(РАСПОЛОЖЕНИЕ, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА)

Резюме. Большинство неолитических памятников, исследованных автором, располагается группами на берегах речек, чаще всего при их слиянии, или берегах озер, нередко при впадении в них небольших речек (рис. 1). На стоянках обнаружены остатки бытовых комплексов в виде очажных и хозяйственных ям, очагов, обложенных камнями. На некоторых стоянках сохранились остатки жилищ – Усть-Валдайка I (рис. 3), Репище. Культурный слой стоянок залегал под тонким слоем дерна в слабо гумусированном песке. Мощность его на большинстве памятников составляла 0,25–0,4 м. И только на стоянке Репище (в суходольной части) мощность культурного слоя – 0,7–1,0 м, а в торфяниковой части – 1,55–1,90 м. Культурные напластования здесь залегали под слоем дерна и бурого торфа в нескольких различных по структуре и цвету прослойках ила и торфа. В слое темного торфа сохранились остатки нескольких построек.

Ключевые слова: неолит, охра, кремневый инвентарь, янтарь, неолитические стоянки, жилище, культура ямочно-гребенчатой керамики.

В Валдайском приозерье, включающем бассейн реки Мсты, цепью небольших речек связанной с многочисленными озерами, к настоящему времени известны более 140 неолитических памятников. Более 70 из них исследованы автором. Среди них – поселения и могильники.

Накопленные за последние десятилетия данные позволяют рассматривать вопросы, связанные с расположением памятников, организацией их пространства.

Основанием для этого послужили материалы, полученные в результате раскопок и разведочных работ Северо-Западной экспедиции Института археологии АН СССР под руководством автора в 1964–1988 гг. Привлечены также материалы и сведения, добытые другими исследователями (*Гурина*, 1950; *Зимина*, 1981; 1993; *Крижевская*, 1959; *Рерих*, 1903; 1905).

Обычно стоянки (речь идет о памятниках эпохи позднего неолита-энеолита) находятся либо на берегах озер, нередко при впадении в них небольших речек, либо на берегах этих речек (чаще всего при их слиянии).

Большинство исследованных памятников располагается группами. В каждой группе имеются одна-две крупные стоянки и несколько мелких. Такое расположение неолитических стоянок характерно и для других территорий, например для Восточного Прионежья (*Ошибкина*, 1978).

Близкорасположенные мелкие стоянки, по-видимому, были временными, возможно связанными с какими-то зимними заготовками. В частности, это касается островных стоянок, на которых, скорее всего, древнее население заготавливало рыбу. Эти стоянки, возможно, были связаны друг с другом или с крупными стоянками. Материалы их идентичны. Они относятся к одному кругу памятников.

Поздненеолитические памятники, о которых пойдет речь ниже, относятся к мстинской культуре, бытовавшей в начале – середине III тыс. до н. э. в бассейне реки Мсты.

Одна такая группа располагалась в низовьях р. Уверь, правого притока реки Мсты. В районе слияния рек Съежи и Увери, в нескольких километрах ниже и выше по течению последней, находились 17 неолитических стоянок (рис. 1, *IV*). 16 из них располагались на первой боровой террасе или высокой пойме. Раскопки производились лишь на стоянке Репище[1].

Стоянка Репище находится в 5 км к северо-востоку от с. Перелучи, в 0,5 км от места слияния р. Условки с р. Съежей, левым притоком р. Уверь. Расположена она на площадке шириной 100–120 м, возвышающейся на 2,5 м над поймой р. Съежи.

На этой площадке были разбиты три раскопа, соединенные траншеями. Предполагаемая площадь стоянки 6 тыс. кв. м.

Вторая большая группа стоянок располагается на оз. Пирос. Здесь обследовано 19 неолитических стоянок (рис. 1, *II*). Восемь из них находятся в западной части озера, на р. Валдайке, неподалеку от ее устья. Шесть – на северном и пять – на южном берегу озера. На двух стоянках – Усть-Валдайка I и Усть-Валдайка II – произведены раскопки; на остальных заложены шурфы и зачистки, собран подъемный материал.

Стоянка Усть-Валдайка I находится на левом берегу р. Валдайка, в 0,5 км от впадения ее в озеро Пирос. Расположена она на первой надпойменной террасе, на мысу, образованном рекой, в 3 м над ее уровнем.

Площадь стоянки равна 2 500–3 000 кв. м. Раскоп был разбит в восточной части памятника (рис. 2).

Стоянка Усть-Валдайка II находится на левом берегу р. Валдайки в 300 м от впадения ее в озеро Пирос, в 200 м к востоку от стоянки Усть-Валдайка I. Расположена она на мысу, образованном рекой, на высокой пойме, в 2 м над уровнем воды. Предполагаемая площадь стоянки не превышает 1400 кв. м.

[1] Многие стоянки сильно разрушены в результате колебаний уровня воды в водоемах, связанных с регуляцией стока р. Мсты и ежегодными весенне-осенними паводковыми водами, а также при строительстве хозяйственных сооружений, распашки, вследствие чего целостность культурного слоя нередко оказывалась нарушенной. На разрушенных стоянках собирался подъемный материал, закладывались шурфы с целью выяснения характера культурного слоя и площади памятника.

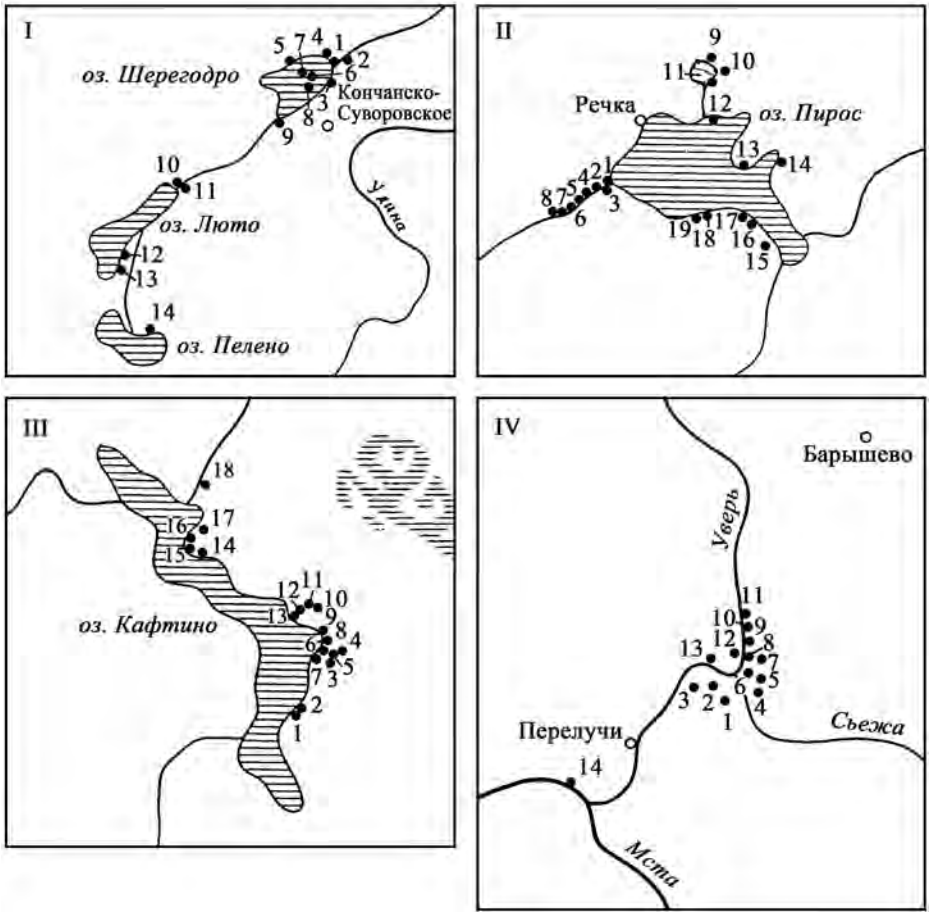

Рис. 1. Карта распространения неолитических стоянок бассейна р. Мсты (среднее течение)

а – группы стоянок; *б* – стоянки

I – озеро Шерегодро: *1* – Кончанское I; *2* – Кончанское II; *3* – Кончанское III; *4* – Кончанское IV; *5* – Кончанское V; *6* – Зват; *7* – Березовец; *8* – Заяц; *9* – Осиновец; *10* – Б. Оберечье; *11* – М. Оберечье; *12* – Березовский рядок; *13* – Размытый полуостров; *14* – Белавинская;

II – озеро Пирос: *1* – Усть-Валдайка I; *2* – Усть-Валдайка II; *3* – Усть Валдайка III; *4* – Усть-Валдайка IV; *5* – Усть-Валдайка V; *6* – Усть-Валдайка VI; *7* – Усть-Валдайка VII; *8* – Усть-Валдайка VIII; *9* – Островская пристань; *10* – Шадомицкая пристань; *11* – Сухоедовская пристань; *12* – Узмень; *13* – Прикол; *14* – М. Клешино; *15* – Рютино I; *16* – Рютино II; *17* – Рютино III; *18* – Велье I; *19* – Велье II;

III – озеро Кафтино: *1* – Липна I; *2* – Липна II; *3* – Песенка I; *4* – Песенка II; *5* – Песенка III; *6* – Песенка IV; *7* – Песенка V; *8* – Песенка VI; *9* – Песенка VII; *10* – Черная речка I; *11* – Черная речка II; *12* – Черная речка III; *13* – Черная речка IV; *14* – Бычий мыс I; *15* – Бычий мыс II; *16* – Бычий мыс III; *17* – Бычий мыс IV; *18* – Гоголево;

IV – низовье р. Уверь: *1* – Выезд; *2* – Репище; *3* – Дубьевская; *4* – Шабодро; *5* – Заозерица I; *6* – Заозерица II; *7* – у стекольного завода; *8* – Зимники; *9* – Юдиха; *10* – Ржище; *11* – Владыкино; *12* – Чебенево; *13* – Болоньинская; *14* – Чернецкая

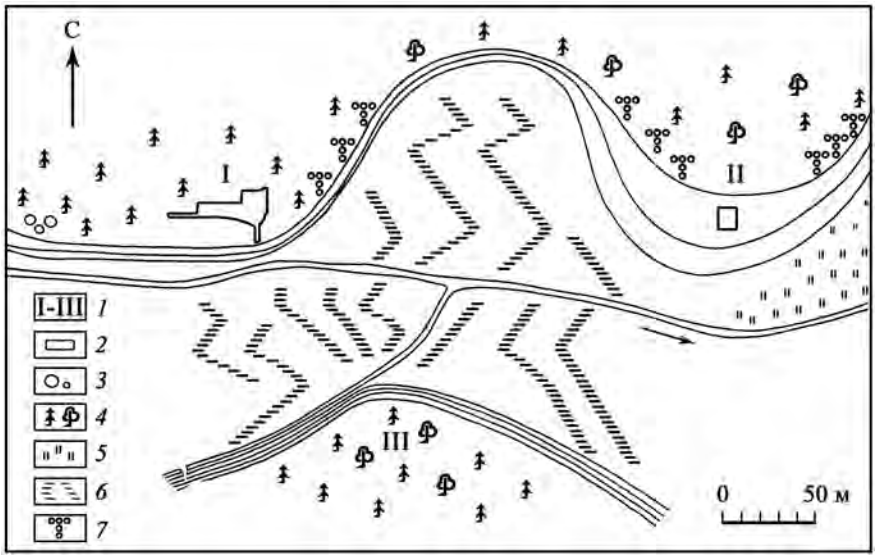

Рис. 2. План расположения стоянок в устье р. Валдайка

1 – стоянки: I – Усть-Валдайка I; II – Усть-Валдайка II; III – Усть-Валдайка III;
2 – раскопы; *3* – курганы; *4* – деревья; *5* – луг; *6* – болото; *7* – кустарник

Пять стоянок Усть-Валдайка IV–VIII находятся на расстоянии 200–500 метров друг от друга, на левом берегу р. Валдайки вверх по течению, в 800 м от места впадения ее в озеро Пирос, в 300 м от Усть-Валдайки I. Расположены они на высоте 4 м над уровнем реки.

Небольшое озеро Хвошня находится в двух километрах к северу от озера Пирос и соединяется с ним неширокой речкой Узмень (рис. 1, *II*).

Здесь, на северном и восточном берегах озера, обследованы три стоянки: Островская пристань, Шадомицкая пристань, Сухоедовская пристань, возвышающиеся на 1–1,5 м над уровнем озера и отстоящие друг от друга на 500 м.

Стоянка Узмень расположена на мысу, образованном р. Хвощенкой (левый берег) и излучиной озера Пирос, на высоте 2,5–3 м над уровнем реки и озера.

Восточнее находятся еще 2 небольших стоянки.

Стоянка Прикол расположена в юго-восточной узкой части озера на высоте 2 м над уровнем воды в нем. Ранее здесь производили небольшие раскопки Н. Н. Гурина (1950) и Л. Я. Крижевская (1959).

Стоянка Малое Клешино, находившаяся у одноименной деревни на берегу небольшого протока, впадающего в озеро Пирос, совершенно разрушена вследствие многолетней вспашки.

В юго-восточной части озера, неподалеку от р. Березайки, находятся 3 стоянки Рютино I–III, в 200–500 м друг от друга, в 3 м над уровнем воды в озере.

На южном берегу озера Пирос, у впадения в него маленькой речки, имеются две небольшие стоянки Велье I и II, возвышающиеся на 3 м над уровнем воды в озере.

Третья группа стоянок находится на восточном берегу озера Кафтино. Здесь зафиксировано 18 неолитических стоянок (рис. 1, *III*). Две из них расположены близ устья р. Липны (Липна I, II), семь – в бассейне р. Песенки (Песенка I–VII), четыре – вдоль р. Черной (Черная речка I–IV), четыре – в районе урочища Бычий мыс (Бычий мыс I–IV) и одна – неподалеку от дер. Гоголево.

Расстояние между стоянками в каждой из перечисленных выше групп не превышает 200–500 м. Высота их над меженным уровнем воды в озере 1,5–3 м. Раскопки производились на стоянке Песенка II, находившейся на левом берегу р. Песенки, в 0,5 км от ее впадения в озеро Кафтино, на высоте 3 м над уровнем воды в речке.

Четвертая группа стоянок находится в бассейне оз. Шерегодро. С юга р. Кадрица соединяет его с озером Люто. Озеро Люто, в свою очередь, соединено речкой Пеленкой с озером Пелено (Белавинское).

В бассейне озера Шерегодро известно 14 неолитических стоянок (рис. 1, *I*). Девять из них находятся на озере Шерегодро, четыре – на оз. Люто и одна – на озере Пелено.

На озере Шерегодро имеется несколько островов, на трех из них есть стоянки.

Раскопки производились на стоянках Кончанское I, IV, Березовец, Зват.

Стоянка Кончанское I находится на мысу правого берега р. Узмень, неподалеку от впадения ее в озеро Шерегодро, в 3 м над уровнем реки. Площадь стоянки равна 4 000 кв. м.

Стоянка Кончанское II расположена на левом берегу р. Узмень в 0,5 км от стоянки Кончанское I и оз. Шерегодро.

Стоянка Кончанское III находится на берегу северо-восточной части, а стоянка Кончанское V – на западном берегу озера, обе в 1 км от стоянки Кончанское IV.

Стоянка Кончанское IV находится на северном берегу озера Шерегодро, в 300 м от стоянки Кончанское I, на высоте 2 м над уровнем воды. Площадь стоянки равна 3 000 кв. м.

Стоянки на островах Березовец, Зват и Заяц находятся в 1–1,2 км от северного берега озера и стоянки Кончанское IV, на высоте 1–1,5 м над уровнем воды в озере.

Как видно, на крупных озерах имеется несколько групп стоянок. Расстояния между стоянками внутри такой группы не более 500 м, между группами стоянок одного озера – 2–3 км. Группы стоянок вокруг разных озер и устьев рек отстоят друг от друга на несколько десятков километров.

Культурный слой стоянок залегал под тонкой прослойкой дерна в слабо гумусированном песке, имеющем серую или коричневатую окраску, иногда на низко расположенных стоянках слой песка насыщен мелкой галькой. Мощность культурного слоя на большинстве памятников составляла 0,25–0,4 м. На небольших, по-видимому временных, стоянках толщина культурного слоя не больше 0,1–0,15 м, и только на стоянке Репище мощность культурного слоя превышает 0,7–1,0 м. На некоторых стоянках в основании дернового слоя и верхней части культурного содержались предметы, относящиеся к эпохе бронзы и раннего железа.

Наиболее интересным памятником является многослойное поселение Репище. Вскрытая площадь составляет 3 320 кв. м. Здесь сохранились остатки восьми разновременных комплексов. Это следы восьми этапов заселения этой территории (Репище I–VIII). Кроме того, здесь обнаружен крупный могильник (204 погребения), в существовании которого выделяется также несколько периодов.

На разных участках памятника культурный слой залегал в различных литологических прослойках.

В суходольной части стоянки мощность культурного слоя, залегающего в слое песка коричневато-серого цвета вверху и темно-серого внизу, варьирует от 0,25 до 0,8 м.

В нижней части дернового слоя и в верхней части коричневато-серого песка содержались находки, относящиеся к эпохе бронзы и раннего железа (Репище VII–VIII).

Ниже располагались вещи, принадлежащие эпохе мезолита (Репище I), раннего неолита (Репище II), позднего неолита (Репище V), энеолита (Репище VI).

В центральной и приторфяниковой части стоянки культурный слой мощностью 0,78 м залегал в серой иловатой супеси и сером песке, вверху имеющем более темную окраску. Остатки эпохи бронзы и раннего железа находились в основном в толще иловатой супеси. В песке содержались находки поздненеолитической и энеолитической эпохи (Репище V, VI).

Культурные слои в песке выделялись исходя из наблюдений над стратиграфическим и планиграфическим положением находок, их статистическим распределением и характером самих находок.

Площадь распространения находок мезолитической эпохи равна 600 кв. м, инвентарь изготовлен только из фиолетового кремня.

Площадь распространения находок ранненеолитической эпохи (1 период) равна 550 кв. м, инвентарь изготовлен из белого, розоватого кремня.

Площадь распространения находок эпохи позднего неолита достигает 3 800 кв. м, инвентарь изготовлен из пестроцветного валунного кремня.

Площадь распространения находок эпохи энеолита достигает 3 500 кв. м, инвентарь изготовлен из валунного пестроцветного и коричневого кремня.

Территория распространения вещей позднего неолита и энеолита частично заходила и в торфяниковую часть памятника.

В торфяниковой части стоянки мощность культурного слоя достигала 1,55–1,90 м. Культурный слой залегал под слоем дерна и бурого торфа в слое ила, вверху окрашенного в серый, слегка зеленоватый цвет, внизу переходящий в темно-серый, почти черный. Нижняя часть этого слоя насыщена мелкими угольками, костным тленом и мелкими кусочками ярко-красной охры. Во всей толще этого ила залегали вещи, принадлежащие к поздненеолитической и энеолитической эпохе (Репище V, VI), датируемой серединой – концом III тысячелетия до н. э. (ЛЕ-1263 4 580 $\pm$ 120 л. н., 2 630 до н. э.).

Под слоем ила находился слой темного торфа, насыщенного древесиной и находками, относящимися к среднему неолиту (Репище IV). Верхняя толща торфа имела красноватый оттенок из-за большого количества древесных остатков, лежащих горизонтально или наклонно, торчащих в различных направлениях, нередко вертикально. Много обструганных веток, узких планок, плах, ино-

гда обугленных, а также большое количество лежащих и торчащих кольев, часть из них входила в состав деревянных конструкций или использовалась для настилов. Расчищены остатки деревянных сооружений, обломки и развалы сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом. Кремневые орудия изготовлены из темно-серого, почти черного кремня. Эти находки относятся к эпохе среднего неолита, площадь их распространения около 900 кв. м.

Из нижерасположенных слоев оторфованного и иловатого песка происходят остатки эпохи раннего неолита (2 период, Репище III). Площадь их распространения около 300 кв. м.

Культурный слой подавляющего большинства неолитических памятников исследуемого района залегает в песке и на небольшой глубине. Многие предметы бытовой и хозяйственной деятельности первобытного человека, сделанные из органических веществ, до нас не дошли. Как правило, в песке сохраняются лишь вещи, изготовленные из камня, и изделия из обожженной глины. Обычно это обломки глиняной посуды, орудия рыболовства и охоты, орудия, предназначенные для обработки камня, дерева, шкур, иногда янтарные украшения.

Помимо инвентаря часто обнаруживаются остатки бытовых комплексов в виде очажных и хозяйственных ям, очагов. Особенно много их на стоянках Кончанское I, IV и Репище (суходольная часть). На некоторых стоянках зафиксированы частичные контуры жилищ, иногда со столбовыми ямками. На стоянках Усть-Валдайка I и Репище (Репище IV) прослежены остатки четырех построек.

На стоянке Усть-Валдайка I вскрыто 500 кв. м. Культурный слой залегал под слоем дерна (0,15–0,2 м) в коричневато-сером песке. Мощность его равна 0,2–0,45 м.

На территории раскопа прослежены очертания четырех жилищ. Все они были наземными или слегка заглубленными (рис. 3).

Жилище 1 имело четырехугольную форму и ориентировано с северо-запада на юго-восток. Площадь жилища – 56 кв. м. Ближе к западному углу расположен очаг. Размеры его – 1,4 × 1,0 м, глубина – 0,7 м. Очажная яма заполнена черным песком с угольками, камнями разной величины и формы, мелкими обломками сосудов и орудий, кремневыми отщепами. В центре жилища – углистое пятно (1,8 × 0,6 м) без находок. Вокруг очага – несколько развалов сосудов. Еще два крупных скопления керамики – в восточной половине жилища. У западной стенки – выход, возможно переход к соседнему жилищу, очертания которого прослежены лишь частично. Перед выходом, на расстоянии 1,5 м от него, находилось небольшое очажное пятно с прокаленным песком и угольками. Рядом с ним – скопления керамики.

Жилище 2 располагалось неподалеку от первого и имело подчетырехугольную форму. Очертания его менее четкие, чем у предыдущего. Ориентировано оно с северо-востока на юго-запад. Южная половина разрушена. Площадь жилища – около 60 кв. м. У восточной стенки – очаг. Размеры его – 1,3 × 1,0 м, глубина – 0,9 м. В заполнении – углистый слой с обломками керамики и осколками кремня. Рядом с ним – еще одно размытое углистое пятно (1,0 × 0,4 м). Возле него – два раздавленных сосуда. У западной стенки жилища – неясная конструкция из

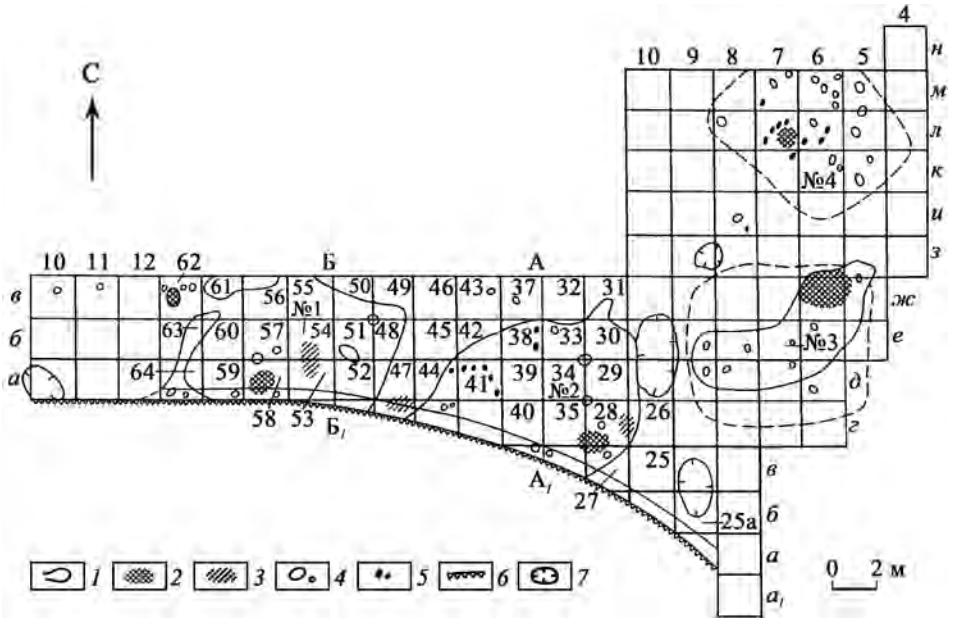

Рис. 3. Усть-Валдайка I. План раскопа

1 – жилища; *2* – кострища; *3* – углистые пятна; *4* – скопление керамики; *5* – камни; *6* – обрыв; *7* – яма

крупных плоских камней, расположенных в виде полукольца. На территории жилища – несколько не имеющих привязки к очагу скоплений керамики. Между первым и вторым жилищами находилось углистое пятно (1 × 1 м). Толщина углистого слоя – 0,15 м.

Жилище 3 прослежено частично. В северной его части находилось кострище, имеющее несколько расплывчатые очертания (2,1 × 1,8 м, глубина – 0,5 м), с большим количеством мелких обломков керамики, кремневых отщепов и угольков. На территории предполагаемого жилища – восемь скоплений керамики, принадлежащих нескольким сосудам. Площадь жилища, по видимому, равнялась 40–50 кв. м.

Очертания жилища 4 прослежены частично. Ближе к западной стене был расположен очаг, обложенный камнями. Размеры очага – 1,2 × 1,0 м, глубина – 0,5 м. В заполнении – углистый слой с обломками сосудов, кремневыми отщепами. Вдоль восточной стены несколько развалов сосудов.

Как видно, три жилища вытянуты вдоль берега реки, одно – под углом к ней. Внутри жилищ находились очажные ямы, располагавшиеся у стен или по центру жилища. Очажные ямы за пределами жилищ не обнаружены. Между жилищами 2 и 3 зафиксировано несколько ям, возможно хозяйственных.

Жилища и материалы внутри них и за пределами относятся к позднему неолиту.

На стоянках Кончанское I, Кончанское IV, суходольной части стоянки Репище зафиксировано много хозяйственных и очажных ям и очагов, обложенных

камнями. Вокруг некоторых из них сосредоточены развалы сосудов. Многие из таких очагов в свое время входили в состав жилищ. На стоянках Кончанское IV и Репище частично прослежены контуры прямоугольных жилищ с остатками столбовых ямок. Некоторые хозяйственные ямы использовались для хранения каменных и кремневых орудий, в других держали запасы кремня для изготовления орудий.

На поселении Репище в суходольной и приторфяниковой части вскрыто 3 190 кв. м, в торфяниковой части – 130 кв. м.

В слое торфа найдены остатки построек из дерева, относящиеся к среднему неолиту. Площадь первой постройки, имевшей прямоугольную форму, равна 15 кв. м (5 × 3 м), она ориентирована торцом к реке. По обеим сторонам прослежены ряды вертикально стоящих кольев от 10 до 15 см в диаметре. Между ними по всей площади сооружения лежали прутья, жерди и плахи шириной 12–20 см. Посредине сооружения кольев не было. Стены конструкции состояли из жердей и прутьев. Часть плах использовалась для перекрытий, возможно, для пола. Но твердого настила по всей площади постройки не прослежено. Перекрытие могло быть односкатным, поскольку посередине конструкции нет линий столбов, могущих поддерживать двускатную кровлю. Крыша перекрывалась корой, возможно, шкурами. Последними могли утепляться и стены. У восточной стены под слоем древесины прослежены остатки небольшого кострища с размерами 0,65 × 0,45 м, мощность углистой прослойки 0,05–0,1 м. В нем было найдено несколько мелких фрагментов керамики и один крупный с примесью дресвы в тесте. Под слоем дерева и между древесными остатками находились каменные и кремневые орудия и обломки глиняных сосудов с примесью дресвы в тесте и ямочно-гребенчатым орнаментом. К востоку от постройки, у южного ее конца, расчищены развалы двух таких же сосудов. К северо-западному углу описанной постройки примыкало небольшое шалашевидное, видимо, хозяйственное сооружение, округлое в плане (диаметр его 1,5 м). Колья и прутья связывались плахами, образовывавшими круг. Вверху, очевидно, было оставлено небольшое отверстие. Рядом с этой постройкой расчищено большое количество сосновой коры и бересты.

Возле прямоугольной постройки и под прямым углом к ней зафиксированы остатки еще одной, такой же формы, но несколько длиннее. Она была вытянута вдоль реки. Здесь также вдоль стен шли столбы и колья. Между ними найден ряд плах, жердей и веток. Под слоем древесины здесь найдено 5 развалов сосудов с примесью дресвы в тесте и ямочно-гребенчатым орнаментом, 4 из них находились в западной части сооружения. Очаги не прослежены. Под слоем древесины найдены кремневые орудия, а также их обломки и заготовки. Рядом с этой постройкой находилась большая куча рыбьей чешуи. Видимо, в этом месте занимались чисткой рыбы или складировали рыбью чешую. Чуть дальше к западу от этого сооружения частично расчищены остатки еще одного, у которого слеги и плахи были крест-на-крест перевязаны полосками лыка. Между этими двумя постройками находилась яма, в которой было найдено большое количество костей животных, в том числе расколотых. По-видимому, это была хозяйственная яма, в которой заготавливалась впрок кость, необходимая для изготовления орудий.

Таким образом, стоянка Репище этого периода являлась, по-видимому, долговременным поселением, на котором было несколько жилищ и хозяйственных построек, ориентированных вдоль реки или торцом к ней. Между ними устраивались переходы в виде настилов, уложенных на ряды кольев. Около построек и между ними находились хозяйственные ямы с запасами костей, а также кучи коры и рыбьей чешуи.

Жилища и материалы в них и окружающем их пространстве относятся к среднему неолиту. Этот этап заселения стоянки Репище датируется первой половиной III тысячелетия до н. э. (ЛЕ-1262 4 670 ± 120 л. н., 2 720 до н. э.).

Как видно из вышесказанного, и на поздненеолитической стоянке Усть-Валдайка 1, и на стоянке Репище эпохи среднего неолита (Репище IV) форма жилищ и их расположение на территории стоянки и по отношению к водоему сходны.

Исходя из наблюдений над расположением построек на Усть-Валдайке 1 и Репище, а также остатками жилищ и бытовых комплексов на других стоянках, приходим к выводу о том, что жилища, одиночные или небольшими группами, находились недалеко друг от друга, на расстоянии 3–4 м. Между жилищами или на некотором удалении от них лежали кучками камни; иногда плоские камни аккуратно сложены в определенном порядке, видимо, это были заготовки камней для обкладки очагов. А в некоторых хозяйственных ямах находились заготовки орудий и запасы кремневого или костяного сырья. В одной хозяйственной яме на стоянке Кончанское I, в частности, стоял крупный сосуд, в котором лежали несколько шлифованных каменных орудий.

Следует отметить, что в начале III тыс. до н. э. в бассейне реки Мсты складывается своеобразная культура с ямочно-гребенчатой керамикой, генетически связанная с предшествующей. В каменном инвентаре прослеживается сходство с инвентарем Волго-Окских поздненеолитических стоянок, с одной стороны, и валдайской культуры, с другой стороны. Интересно, что на протяжении неолита в бассейне реки Мсты трижды менялось сырье, используемое для изготовления кремневых орудий. В начале раннего неолита применяли высококачественный кремень светло-серого, почти белого, красноватого или желтовато-серого цветов. В конце раннего и в среднем неолите употребляли темно-серый, почти черный крупнозернистый кремень. В позднем неолите – валунный пестроцветный и светло-серый кремень. Смена сырья была вызвана, вероятно, недоступностью прежних источников кремня в связи с изменением природных условий, а возможно, и нарушением контактов с соседями, перекрывавшими доступ к местам выхода кремня.

ЛИТЕРАТУРА

Гурина Н. Н., 1950. Результаты археологического обследования среднего течения р. Мсты // СА. Т. 13. С. 292–310.

Зимина М. П., 1981. Неолит бассейна р. Мсты. М.: Наука. 205 с.

Зимина М. П., 1993. Каменный век бассейна р. Мсты. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 268 с. (Российский этнограф; № 16.)

Крижевская Л. Я., 1959. Неолитическая стоянка Прикол на озере Пирос // КСИИМК. № 75. С. 77–84.

Ошибкина С. В., 1978. Неолит Восточного Прионежья // Отв. ред. В. И. Мошинская. М.: Наука. 230 с.

Рерих Н. К., 1903. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. С. 14–43.

Рерих Н. К., 1905. Каменный век на озере Пирос // ЗОРСА. Т. VII. Вып. 1. С. 160–170.

Сведения об авторе.

Зимина Майя Павловна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mzimina@mail.ru.

M. P. Zimina

Neolithic sites in the Valday Lake Region (location and spatial structure)

Abstract. Most of the Neolithic sites investigated by the author are situated in groups along river banks, often at confluences of rivers or on the shores of lakes and frequently at places where small rivers flow into lakes (Fig. 1). At the sites the remains of household objects were discovered: hearths or household pits lined with stones. At some settlements remains of dwellings have survived – Konchanskoye IV, Ust'-Valdaika I (Fig. 3), Repishche. The cultural layer was located under a thin turf layer, in sand with low humus content. Cultural deposit was mostly 25–40 cm thick, and only at the Repishche site (in its dry part) it ranged between 70 cm and 1 m, while in its peatbog part – between 1.55 and 1.90 m. The cultural deposits there were covered by a thin layer of turf and brown peat, consisting of several thin interlayers of silt and peat. Remains of several structures have survived in the level of dark peat.

REFERENCES

Gurina N. N., 1950. Rezul'taty arkheologicheskogo obsledovaniya srednego techeniya r. Msty [Results of archaeological survey of middle reaches of Msta River]. *SA*, 13, pp. 292–310.

Krizhevskaya L. Ya., 1959. Neoliticheskaya stoyanka Prikol na ozere Piros [Neolithic station Prikol on Lake Piros]. *KSIIMK*, 75, pp. 77–84.

Oshibkina S. V., 1978. Neolit Vostochnogo Prionezh'ya [Neolithic of the region east from Onega Lake]. V. I. Moshinskaya, ed. Moscow: Nauka. 230 p.

Rerikh N. K., 1903. Nekotoryye drevnosti pyatin Derevskoy i Bezhetskoy [Some antiquities of Derevskaya and Bezhetskaya pyatinas]. *ZORSA*, t. V, vyp. 1, pp. 14–43.

Rerikh N. K., 1905. Kamenny vek na ozere Piros [Stone Age on Lake Piros]. *ZORSA*, t. VII, vyp. 1, pp. 160–170.

Zimina M. P., 1981. Neolit basseyna r. Msty [Neolithic of Msta River basin]. Moscow: Nauka. 205 p.

Zimina M. P., 1993. Kamenny vek basseyna r. Msty [Stone Age of Msta River basin]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. 268 p.

About the author.

Zimina Maya P., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mzimina@mail.ru.

МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА «VII в. В ПОДНЕПРОВЬЕ И ПООЧЬЕ: ПРОБЛЕМЫ СМЕНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР» (Москва, 31 октября – 1 ноября 2013 г.)

А. М. Обломский

О СЕМИНАРЕ «VII в. В ПОДНЕПРОВЬЕ И ПООЧЬЕ: ПРОБЛЕМА СМЕНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР»

Семинар, посвященный 90-летию со дня рождения В. В. Кропоткина, крупнейшего исследователя римской, византийской и средневековой восточной нумизматики, создавшего своды римских и византийских вещей на территории Восточной Европы, был организован в рамках программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

Концепция семинара заключалась в исследовании перелома этнокультурной ситуации на обширной территории Поднепровья и Поочья, выразившегося в исчезновении ряда старых археологических культур и появлении новых. В ходе обсуждения этого явления участники старались ответить (насколько позволяют источники) на несколько вопросов: в чем заключалась причина исчезновения культур V–VII вв., была ли она общей для всего региона, какие новые археологические общности сложились на территории Поднепровья и Поочья после VII в., какое отношение новое заселение этой территории имело к образованию Киевской Руси и значительной трансформации Хазарии?

Семинар проходил 31 октября – 1 ноября 2013 г. Институте археологии РАН. Его открыл член-корреспондент РАН Р. М. Мунчаев, который сделал сообщение о значении творчества В. В. Кропоткина для российской археологии. Выступление члена-корреспондента РАН П. Г. Гайдукова было посвящено работам В. В. Кропоткина по нумизматике.

А. В. Комар (Киев) сделал обзор источников по финалу перещепинской культуры восточноевропейских степей и ранних комплексов с признаками салтово-маяцкой культуры. Перелом этнокультурной ситуации в степи наступил, по его мнению, во второй четверти VIII в.

Этнокультурным процессам в лесостепном Поднепровье были посвящены доклады Е. В. Синицы (Киев), А. М. Обломского, В. Е. Родинковой (Москва), О. А. Щегловой (Санкт-Петербург). Во всех этих сообщениях в той или иной

степени анализировались вопросы смены археологических культур на территории Среднего Поднепровья в конце VII – начале VIII в. В них были рассмотрены клады круга древностей антов первой и второй групп, распространение культуры Луки-Райковецкой и родственных ей в Среднем Поднепровье, Днепровском лесостепном Левобережье, относительная хронология памятников колочинской, пеньковской культур, древностей кочевников в лесостепи, время функционирования ремесленных центров в балке Канцерке, Мачухах, на Пастырском городище. Докладчики пришли к выводу, что смена археологических культур в регионе приходится на третью четверть – конец VII в. При этом произошло массовое переселение славян с территорий, лежащих к западу от Днепра, на восток.

И. О. Гавритухин (Москва) рассмотрел раннесредневековые славянские древности, распространенные к западу от Днепра. Он показал, что около середины VII в. наблюдаются массовые передвижения населения пражской культуры. Позднее, около третьей четверти VII в. она трансформируется в культуру Луки-Райковецкой.

Этнокультурные процессы в Верхнем Поднепровье, бассейне Западной Двины и на прилегающих территориях были рассмотрены в докладах А. М. Медведева (Минск), В. С. Нефёдова и И. В. Ислановой (Москва).

А. М. Медведев показал, что банцеровская археологическая культура (в его понимании) датируется V–VIII вв. И. В. Исланова сделала вывод, что культура псковских длинных курганов существовала вплоть до образования Киевской Руси, хотя ее территория и сократилась в размерах. Она же сделала очерк динамики археологических общностей в Верхневолжье и на Валдае. В. С. Нефёдов продемонстрировал наиболее ранние комплексы культуры смоленских длинных курганов. Он пришел к выводу, что эта археологическая общность сформировалась на территории Верхнего Поднепровья, но в результате массового переселения в этот регион раннеславянского населения с территории Днепровского Правобережья, что, возможно, было причиной разгрома городищ Никодимово, Вежки, Кисели и др. Отмечены были также связи культуры смоленских длинных курганов с Подунавьем.

Три доклада были посвящены территории Поочья. Н. А. Кренке (Москва) рассмотрел наиболее поздние находки москворецкой группы дьяковской культуры, которые относятся ко второй – третьей четвертям VII в. Более поздние материалы вплоть до преддревнерусского периода в этом регионе пока неизвестны. А. М. Воронцов (Тула) продемонстрировал находки этого же времени на памятниках мощинской культуры (городище Акиньшино, которое погибло в пожаре). Тем не менее и после этого периода какие-то остатки мощинского населения в Верхнем Поочье сохранялись. Специфические мощинские (по форме) лепные сосуды происходят из комплексов роменской культуры IX–XI вв.

И. Р. Ахмедов (Москва) дал характеристику рязано-окской культуры как потестарной структуры. Не позднее конца VII в. прекратились захоронения на большинстве могильников, расположенных к югу от Оки, следы разгрома наблюдаются на городище Терехово. Таким образом, и эта группа финно-угорского населения не избежала военной катастрофы.

Д. А. Сташенков (Самара) показал, что и в Самарском Поволжье не позднее конца VII – начала VIII в. происходит смена населения: памятники именьковской культуры, этническая принадлежность которой спорна, сменяются новинковскими могильниками. Последние, по мнению большинства специалистов, принадлежали тюркам.

Итоги семинара подвели И. О. Гавритухин и А. М. Обломский (Москва). И. О. Гавритухин показал, что этнокультурные изменения на рубеже VII и VIII вв. охватывают огромную территорию: от Поднепровья на западе до бассейна Камы на востоке. А. М. Обломский сделал вывод, что финал пеньковской и колочинской культур в Поднепровье (конец VII в.) демонстрирует конец истории антов – народа особой раннеславянской ветви. Этнокультурная ситуация, которая сложилась в Поднепровье в конце VII в., соответствует картине расселения славян накануне образования Киевской Руси.

А. М. Воронцов

ПОЗДНИЙ ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ МОЩИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Резюме. В статье рассматриваются материалы, относящиеся к позднему периоду существования мощинской культуры в V–VII вв. Относящиеся к ней памятники распространены в лесной зоне Восточной Европы, в верхнем течении Оки (рис. 1). Для определения поздней даты культуры наибольшее значение имеют находки поясной гарнитуры геральдического стиля (рис. 2, *11–17*), происходящие с городищ Акиньшино и Картавцево, и фрагмента пальчатой фибулы днепровского типа (рис. 2, *18*). С финалом существования культуры также связаны серия трехлопастных черешковых наконечников стрел с городища Акиньшино (рис. 4, *1–14*) и набор женских украшений, включающий подвески из тонкого серебряного листа и ведерковидные подвески (рис. 2, *1–10*). Со слоями мощинской культуры V–VII вв. связан еще ряд характерных находок: фибулы типа Картавцево–Серенск (рис. 3, *1–5*), железные посоховидные булавки (рис. 3, *6–16*) и бляшки-нашивки (рис. 4, *19–26*).

Ключевые слова: мощинская культура, верхнее Поочье, Великое переселение народов, лесная зона.

Мощинская археологическая культура распространена в бассейне верхнего течения р. Ока вплоть до впадения в нее р. Протвы по левому берегу и до впадения р. Осетр по правому берегу, кроме того, часть памятников занимает бассейн верхнего Днепра и левые притоки Десны, один памятник известен в верховьях р. Вазузы, относящейся к бассейну Волги (*Воронцов*, 2013. С. 10. Рис. 3).

Изучение относящихся к мощинской культуре памятников было начато в кон. XIX – нач. XX в. работами на городищах Мощины, Серенск, Спас-Перекша (Н. И. Булычов), Дуна (Н. В. Теплов, И. Д. Четыркин и Ю. Г. Гендуне), Акиньшино, Белое (Ю. Г. Гендуне), Поречье (Н. И. Троицкий), Федяшево (В. А. Городцов), курганах у дд. Шаньково и Почепок, Кажаки (Н. И. Булычов).

Результаты этих работ выявили ряд характерных черт материальной культуры верхнеокской группы памятников (украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей, грубая и лощеная лепная керамика, курганы с кольцевой оградкой, домовиной и безурновыми трупосожжениями в основании насыпи),

* Статья подготовлена в рамках программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

которые позволили П. Н. Третьякову выделить памятники мощинского типа в самостоятельную культуру (*Третьяков*, 1941. С. 47–49). Предложенные им хронологические рамки существования мощинской культуры – IV–VII вв. – были основаны на принятых в то время датировках находок украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей.

Началом следующего этапа изучения древностей мощинской культуры стали работы, проводившиеся начиная с 1950-х гг. экспедицией под руководством Т. Н. Никольской. Ее монография (*Никольская*, 1959) до последнего времени оставалась единственной опубликованной сводной работой, посвященной этим материалам. Параллельно работам Т. Н. Никольской на территории Окско-Донского водораздела были начаты раскопки экспедиции под руководством С. А. Изюмовой.

Масштабные работы на мощинских памятниках Калужской и Орловской областей проводились в 1970-х – начале 1980-х гг. экспедицией И. К. Фролова. На территории Верхнего Поднепровья и верховьев Угры большие разведочные работы проводились Е. А. Шмидтом, им же были раскопаны несколько мощинских памятников в этом регионе.

Все эти данные были кратко резюмированы в работе В. В. Седова, поддержавшего традиционную датировку мощинских древностей в рамках IV–VII вв. без приведения каких-либо аргументов, обосновывающих верхнюю дату (*Седов*, 1982. С. 41–45), и послужили основой для диссертационного исследования Г. А. Массалитиной, которое, к сожалению, опубликовано не было (*Массалитина*, 1994).

Полученные к этому моменту в ходе изучения памятников мощинской культуры данные порождали справедливые сомнения в обоснованности ее верхней даты и позволяли сузить датировку относящихся к ней памятников до III–V вв. (*Казанский*, 1999. С. 407; *Массалитина*, 2003; *Гавритухин*, 2005). Таким образом, образовывалась серьезная хронологическая лакуна между памятниками мощинской культуры и сменяющими ее славянскими памятниками, датирующимися IX–X вв. (*Григорьев*, 2005).

Следующим этапом изучения памятников мощинской культуры стали начавшиеся в 90-е гг. XX в. активные раскопки памятников на территории Окско-Донского водораздела. На сегодняшний день проведены раскопки на городищах Борисово (Т. В. Наумова и автор), Торхово (В. П. Гриценко), Супруты (А. В. Шеков, А. В. Григорьев и автор), Ново-Клеймёново, Щепилово, Картавцево, Акиньшино, Дуна (автор), Велегож (Е. В. Столяров), селище Слободка 2 (А. В. Шеков). Благодаря проведенной работе были получены соответствующие современным научным требованиям материалы, послужившие основой для монографии (*Воронцов*, 2013).

Материалы, позволяющие говорить о мощинской культуре VI–VII вв., до последнего времени были единичны и представлены в основном случайными находками (*Воронцов*, 2011; 2013. С. 37–42). Полноценные материалы для обсуждения позднего периода существования мощинских памятников дали только раскопки Акиньшинского городища. В 2009–2010 гг. на городище были заложены два раскопа, общей площадью 98 кв. м на площадке городища, и была проведена зачистка грабительской траншеи, практически наполовину прорезавшей вал городища, благодаря чему была изучена стратиграфия укреплений

(*Воронцов*, 2009; 2010). Наиболее ранние слои городища относятся к концу III – IV в., наиболее поздние комплексы датированы на основании находок ременной гарнитуры геральдического стиля 1-й половиной VII в. Акиньшинское городище является первым изученным памятником на Верхней Оке, имеющим хорошо сохранившиеся последовательные слои мощинской культуры, имеющие датировку вплоть до середины VII в.

Несмотря на то что происходящий с поздних памятников мощинской культуры комплекс находок невелик, уже сегодня можно охарактеризовать ряд наиболее показательных категорий.

Бляшки-нашивки из свинцово-оловянистого сплава

С памятников мощинской культуры 3-й четверти I тыс. н. э. происходит небольшая серия небольших круглых бляшек-нашивок из свинцово-оловянистого сплава (рис. 1; 4, *19–26*). В настоящее время известно 8 экземпляров: с городищ Велегож (рис. 4, *19, 20*), Дуна (рис. 4, *21*), Лужки (рис. 4, *26*), Акиньшино (рис. 4, *22–25*). Всех их характеризует наличие на обратной стороне прямого узкого канала для нитки, перекрытого литыми перемычками, число которых варьируется от одной до трех. На лицевой стороне обязателен рельефный ободок по периметру, в большинстве случаев состоящий из полусферических выступов, в двух случаях гладкий (рис. 4, *21, 23*). Средняя часть бляшек в большинстве случаев плоская, на двух экземплярах выпуклая (рис. 4, *23, 26*).

Наибольшие отличия в серии имеет экземпляр из Лужков, более массивный по сравнению с другими, имеющий, в отличие от них, более широкий канал под нитку и всего одну перемычку, более тщательную проработку лицевой части (рис. 4, *26*). Датировать его сложно, поскольку материалы раскопок фактически не опубликованы, а сохранившаяся в Орловском краеведческом музее коллекция не полна. Судя по находке черняховской фибулы и браслета с расширяющимися концами (*Никольская*, 1970. Рис. 4, *3, 4*), можно говорить о наличии на городище слоев IV–V вв.

Находки с городищ Дуна и Велегож могут датироваться только в рамках общей датировки мощинских слоев этих памятников, т. е. сер. III – V в. в первом случае и сер. IV – сер. V в. – во втором. Наибольший интерес представляют находки с городища Акиньшино, поскольку они были обнаружены в стратифицированных комплексах. Анализ их стратиграфического положения позволяет предложить для Акиньшинских находок дату в рамках сер. V – нач. VI в. Таким образом, наиболее вероятно эта серия находок может датироваться в рамках V – нач. VI в., хотя для находки из Лужков не исключена и более ранняя датировка.

Железные посоховидные булавки

Еще одной интересной категорией находок являются железные посоховидные булавки (рис. 1; 3, *6–16*). Первую серию составляют булавки с квадратным сечением верхней части и завитком на конце (рис. 3, *6, 7*). Две находки происходят

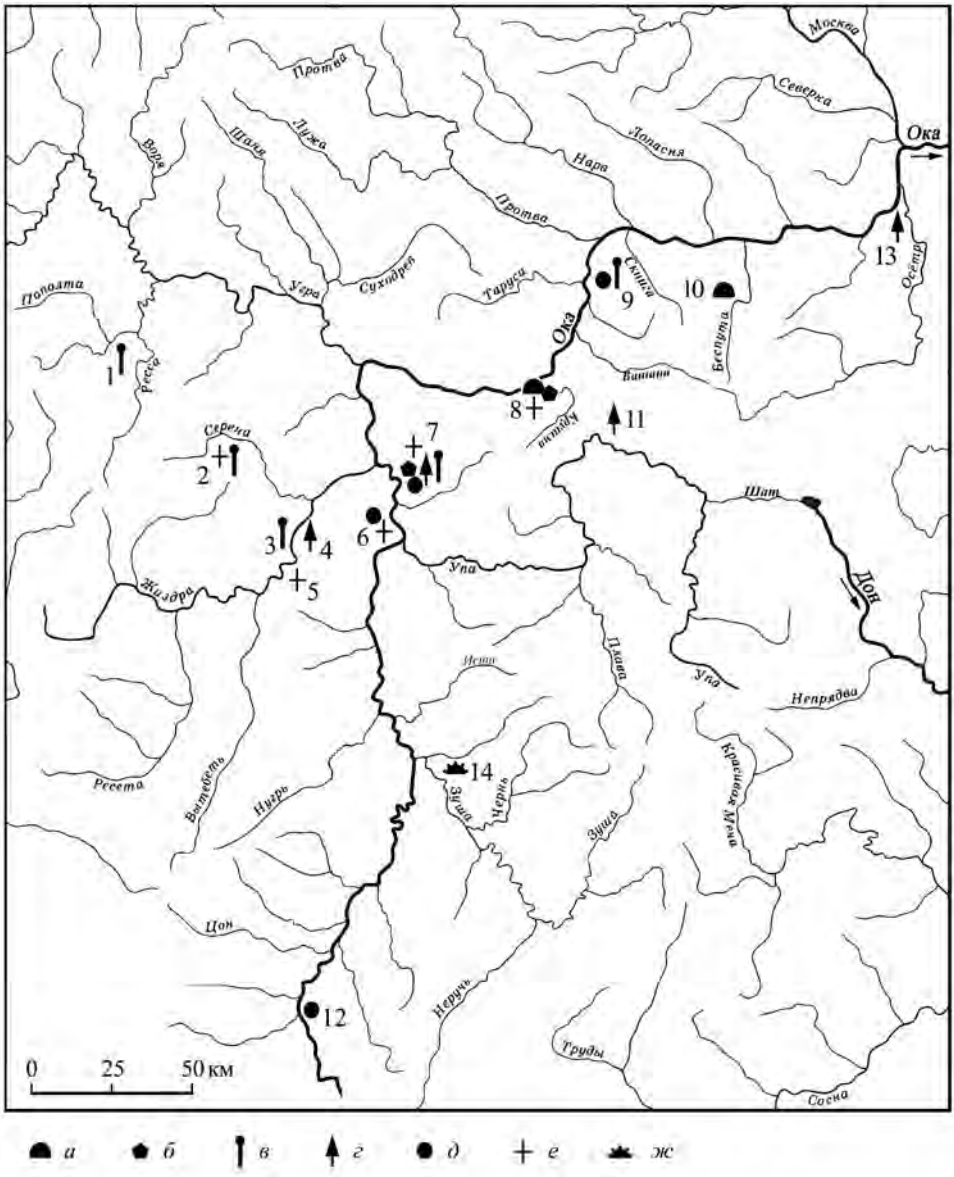

Рис. 1. Карта распространения некоторых находок с поздних памятников мощинской культуры

а – подвески позднемощинского стиля; *б* – поясная гарнитура геральдического стиля; *в*– булавки; *г* – трехлопастные черешковые наконечники стрел; *д* – бляшки-нашивки; *е* – фибулы типа Картавцево–Серенск; *ж*– пальчатая фибула

1 – городище Мощино; *2* – городище Серенск; *3* – городище Дешовки; *4* – городище Сосенский (Чертово); *5* – окрестности Козельска; *6* – городище Дуна; *7* – городище Акиньшино; *8* – городище Картавцево; *9* – городище Велегож; *10* – городище Борисово; *11* – городище Щепилово; *12* – городище Лужки (Пашково); *13* – городище Ростиславль; *14* – случайная находка у д. Вязовна

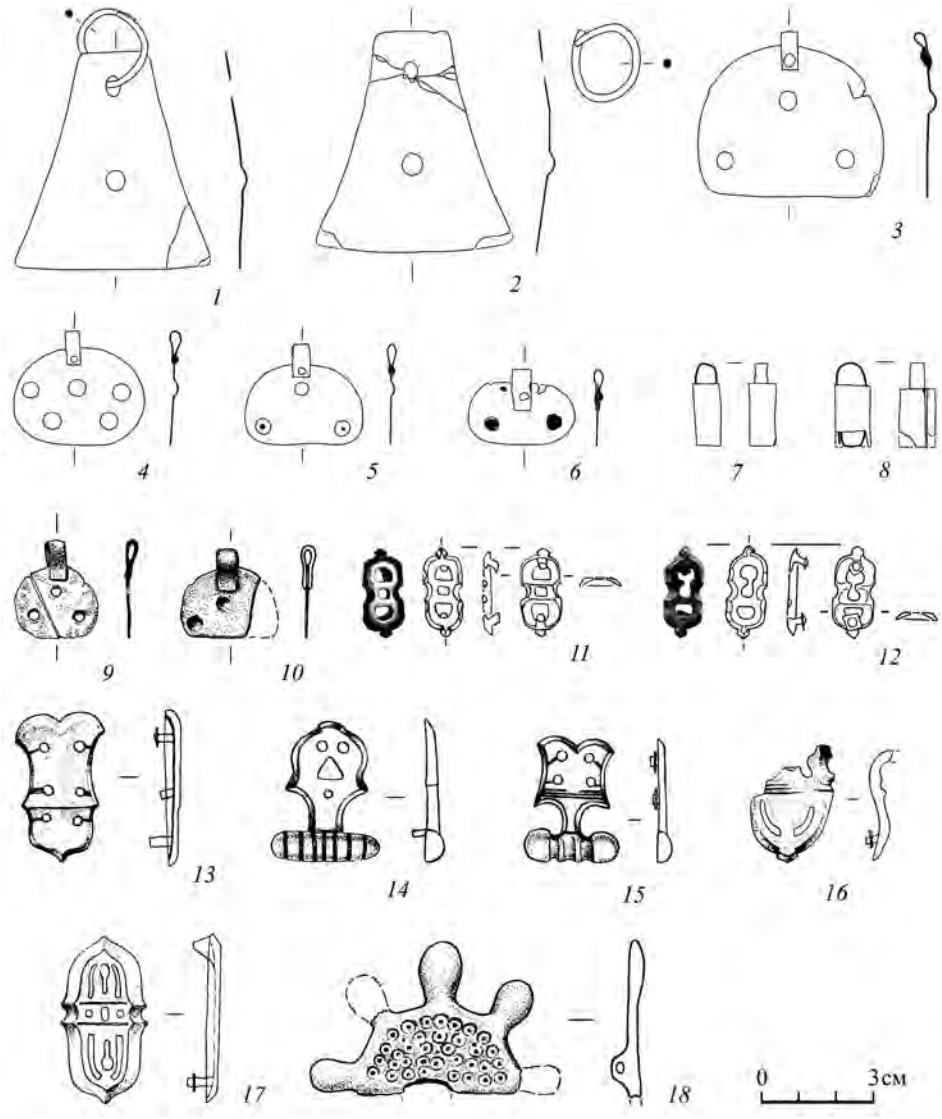

Рис. 2. Подвески позднемощинского стиля, поясная гарнитура геральдического стиля и фрагмент пальчатой фибулы

1–8, 10 – городище Картавцево; *9* – городище Борисово; *11, 12* – городище Акиньшино (*11–12* – рисунки И. О. Гавритухина); *13–17* – городище Картавцево; *18* – случайная находка у д. Вязовна; *1–6, 9, 10* – серебро; *7–8, 11–18* – бронза

с городищ Велегож и Акиньшино, аналогичные находки – с городищ Серенск и Дешовки (раскопки Т. Н. Никольской). Поскольку все находки сделаны вне комплексов, предложить какую-либо узкую датировку для них в настоящее время невозможно, хотя необходимо отметить, что находка с городища Велегож не может быть датирована ранее сер. IV в.

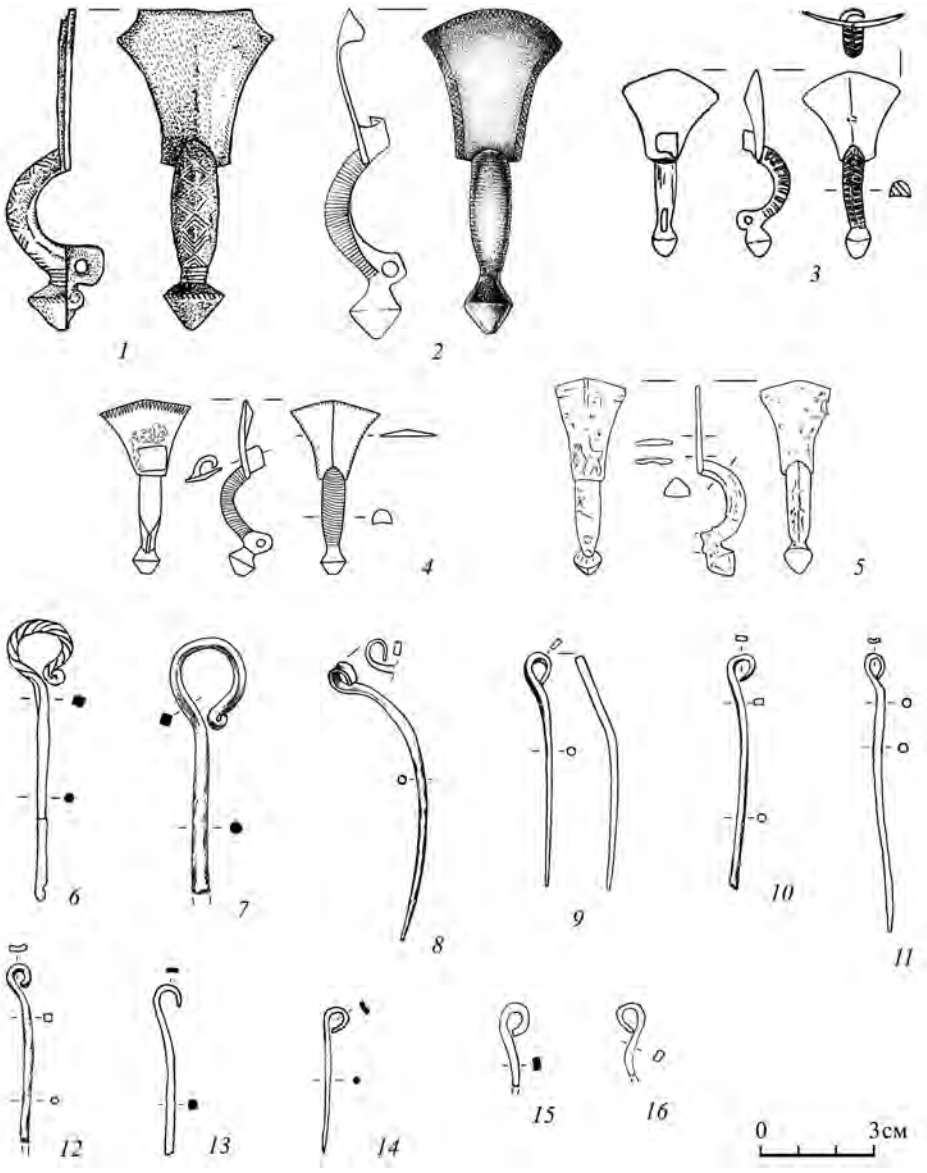

Рис. 3. Фибулы типа Картавцево–Серенск и железные булавки

1 – городище Серенск; *2* – городище Картавцево; *3* – окрестности Козельска; *4* – городище Дуна; *5, 7–12, 15, 16* – городище Акиньшино; *6, 13, 14* – городище Велегож
(*1, 3* – по: *Ахмедов*, 2008. Рис. 9: 2, 4; 5 – рисунок И. О. Гавритухина)
1–4 – бронза; *5* – свинцово-оловянистый сплав; *6–16* – железо

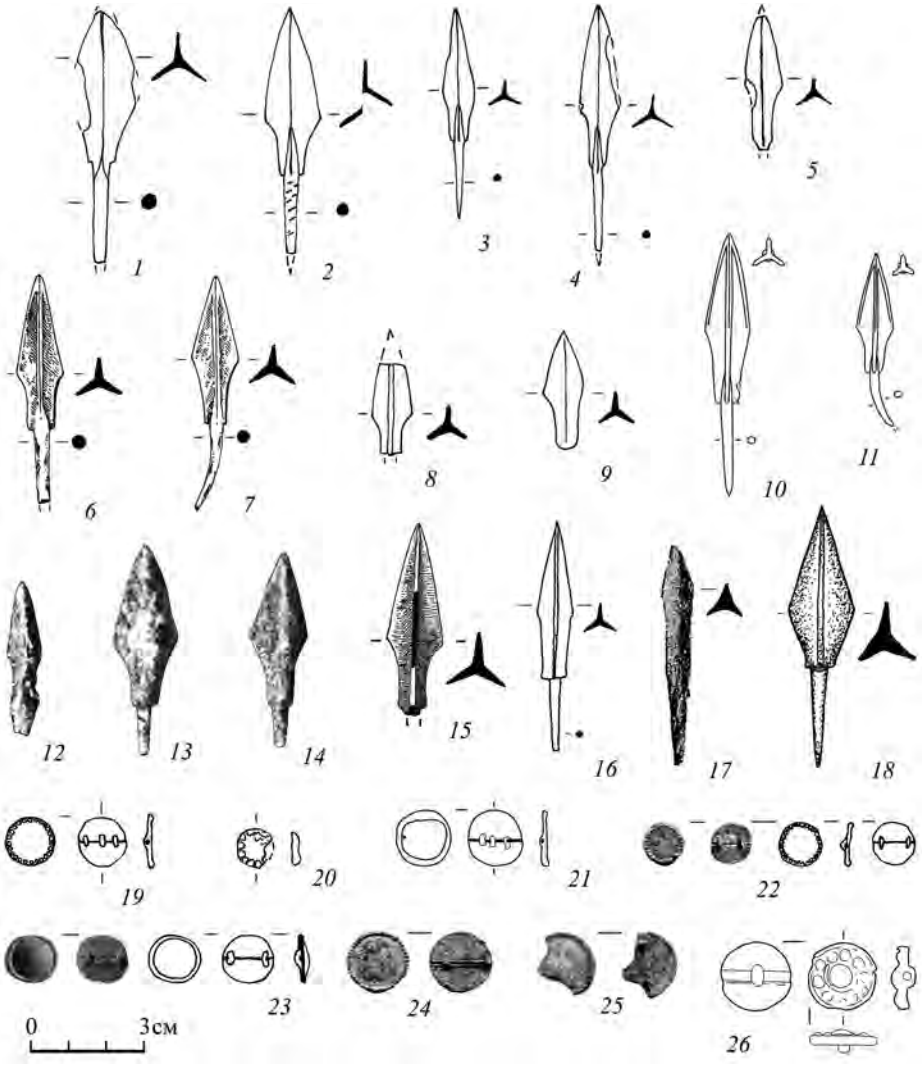

Рис. 4. Трехлопастные черешковые наконечники стрел и бляшки-нашивки

1–14, 22–25 – городище Акиньшино; *15* – городище Щепилово; *16, 17* – городище Ростиславль; *18* – городище Сосенский (Чертово); *19, 20* – городище Велегож; *21* – городище Дуна; *26* – городище Лужки

(*10, 11* – рисунки И. О. Гавритухина; *12–14* – фото Ю. Г. Гендуне; *16–17* – по: *Медведь*, 2007. Рис. 3, а, б; 18 – рисунок О. Л. Прошкина)

1–18 – железо; *19–26* – свинцово-оловянистый сплав

Наибольший интерес представляет серия посоховидных булавок с городища Акиньшино (рис. 3, *8–12, 15, 16*). Эти булавки характеризуются прямоугольным (в некоторых случаях «прогнутым») сечением верхней части, круглым сечением нижней и отсутствием завитка на конце. Их присутствие в стратифицированных комплексах позволяет определить время их существования

в рамках середины V – 1-й пол. VII в. Аналогичные находки происходят с городища Велегож (рис. 3, *13–14*). Их возможно датировать только в рамках общей хронологии мощинских слоев городища на основании анализа всего комплекса находок, т. е. сер. IV – сер. V в.

Таким образом, датировать бытование железных посоховидных булавок, главным образом второй серии, на мощинских городищах можно в рамках V – 1-й пол. VII в., хотя для первой серии не исключена и несколько более ранняя дата. Необходимо заметить, что в слоях мощинских памятников 2-й четв. I тыс. находки посоховидных булавок неизвестны. Примером позднего бытования железных посоховидных булавок могут служить литовские древности (Lietuvos TSR archeologijos atlasas…, 1977. P. 147. K. 41), хотя специальной работы, посвященной их бытованию и хронологии на территории Литвы, к сожалению, нет.

Фибулы типа Картавцево–Серенск

Фибулы типа Картавцево–Серенск (рис. 1; 3, *1–5*) были выделены в отдельную группу И. Р. Ахмедовым и датированы в рамках V в. (*Ахмедов*, 2008. С. 15, 16. Рис. 9). Их характеризует крупные биконические шишечки на головке, массивные дуговидные спинки, в большинстве случаев рифленые с полукруглым сечением, широкие трапециевидные ножки, короткий пластинчатый приемник пружинный механизм ни в одном случае не сохранился. Безусловно, они близки рязано-окским крестовидным фибулам, но тем не менее имеют ряд характерных отличий и образуют достаточно компактную группу. Два наиболее крупных экземпляра (длина – 8,5–8,6 см) происходят с городища Серенск (раскопки Т. Н. Никольской) (*Фролов,* 1970. Рис. 1, *1*) и городища Картавцево (случайная находка) (рис. 3, *1, 2*). Серия находок небольшого размера (4,5–5 см) происходит с городищ Дуна (случайная находка), Акиньшино (постройка 2а) и из окрестностей Козельска (случайная находка) (рис. 3, *3–5*). Наибольший интерес для обсуждения датировки этой серии фибул имеет акиньшинская находка. В отличие от остальных экземпляров, изготовленных из бронзы, она сделана из свинцово-оловянистого сплава и, по всей видимости, не могла иметь пружинного механизма, т. е. может рассматриваться как имитация, также ее отличает от других экземпляров подтреугольное сечение спинки. Стратиграфическое положение постройки, из которой она происходит, позволяет датировать ее около середины V в., что не противоречит общей датировке, предложенной И. Р. Ахмедовым.

Поясная гарнитура геральдического стиля

Для датировки позднего горизонта мощинских древностей главное значение имеют находки поясной гарнитуры геральдического стиля. Всего с территории Верхнего Поочья происходят семь изделий с двух памятников (рис. 1; 2, *11–17*).

На городище Акиньшино в скоплении 2 и в слое 0 (в непосредственной близости от скопления 2) найдены две горизонтально симметричные накладки с окончаниями щитовидной формы (рис. 2, *11, 12*). Эти находки, безусловно, составляют один гарнитур, вторая накладка имеет литейный брак. По типологии И. О. Гавритухина, они относятся к типу 3г, близки им типы 3б и 3в (*Гавритухин, Обломский*, 1996. С. 27, 28. Рис. 40; 41). Аналогии происходят из Приазовских степей и горного Крыма, с Кавказа, одна находка известна на Суре. Акиньшинские находки, безусловно, следует отнести к «южному» импорту, наиболее вероятная их датировка – кон. VI – сер. VII в.

С городища Картавцево происходят пять случайных находок (рис. 2, *13–17*), в том числе наконечник ремня с боковыми фигурными выступами и роговидной верхней частью (рис. 2, *13*), две Т-образные бляшки, одна из которых имеет пламевидную пластину с треугольным отверстием посередине (тип А, по И. О. Гавритухину) и тремя круглыми отверстиями для крепления (рис. 2, *14*), а вторая имеет рогатую пластину с четырьмя круглыми отверстиями для крепления (тип Б2в, по И. О. Гавритухину) (рис. 2, *15*) (*Гавритухин, Обломский*, 1996. С. 25–27, 32. Рис. 37–39). Завершают список две горизонтально симметричные накладки с окончаниями щитовидной формы типа 3г, по И. О. Гавритухину (рис. 2, *16, 17*). В целом, комплекс находок с Картавцевского городища синхронен акиньшинским.

Находки поясной гарнитуры геральдического стиля на сегодняшний день являются наиболее поздними хроноиндикаторами для слоев мощинских памятников. Таким образом, объективно верхняя дата мощинских древностей может быть определена временем около середины VII в.

Находка пальчатой фибулы днепровского типа

Фрагмент пальчатой фибулы найден в районе д. Вязовна Чернского района Тульской области (рис. 1; 2, *18*). Детального археологического обследования района находки не проводилось, поэтому связать ее с какой-либо группой памятников в настоящее время не представляется возможным. Найденный фрагмент представляет собой часть головки фибулы с сохранившимися тремя из пяти «пальцев», украшенную циркульным орнаментом. Находка относится к днепровской группе пальчатых фибул, по И. О. Гавритухину (*Гавритухин, Обломский*, 1996. С. 36–38). Более точное типологическое определение невозможно. Наиболее вероятна датировка находки в рамках VI–VII вв.

Подвески позднемощинского стиля

К позднемощинскому престижному женскому набору могут быть отнесены подвески, выполненные из тонких серебряных листов, украшенные крупным пунсоном (рис. 1; 2, *1–6, 9–10*). Такие предметы входят в состав найденного на городище Картавцево клада (рис. 2, *1–6*), который в настоящее время передан в фонды музея-заповедника «Куликово поле» и полная публикация которого го-

товится. Кроме двенадцати полукруглых подвесок (две фрагментированы), украшенных крупными выпуклинами (в большинстве случаев тремя) и имеющих приклепанное ушко, сделанное из бронзовой пластины, в него входили две крупные трапециевидные подвески с проволочными колечками для подвешивания, украшенные одной выпуклиной в центре, три ведерковидные подвески и набор красных и зеленых бус из глухого стекла (*Воронцов*, 2013. Рис. 73). По всей видимости, клад представляет собой убор одной женщины, спрятанный в момент опасности.

Полностью идентичная входящим в состав клада полукруглая подвеска была найдена на склоне городища Картавцево при проведении исследований 2003 г. (рис. 2, *10*). Аналогичная подвеска, имеющая на месте выпуклин отверстия (по всей видимости, из-за плохой сохранности) происходит из постройки 4 городища Борисово (рис. 2, *9*).

Полной аналогией подвескам с городищ Борисово и Картавцево являются некоторые категории находок из Елшинского клада VII в. из Пронского района Рязанской области[1]. Датировка клада основана на присутствии в его составе предметов круга днепровских кладов типа Мартыновки. Интересно место его находки – в верховьях Прони, фактически между ареалами мощинской культуры и культуры рязано-окских могильников.

Таким образом, наиболее вероятно подвески позднемощинского стиля могут датироваться поздним периодом существования мощинских древностей, т. е. примерно 1-й пол. VII в. Присутствие в составе Картавцевского и Елшинского клада ведерковидных подвесок, традиционно относящихся к позднеримскому времени, по всей видимости, отражает особенности их бытования именно у мощинского населения. Вообще, среди древностей мощинской культуры ведерковидные подвески известны только в составе Велегожского клада (сер. V в.)[2], т. е. в «классический» период бытования их в Восточной Европе на территории Верхнего Поочья они неизвестны и встречаются исключительно в 3-й четверти I тыс.

Трехлопастные черешковые наконечники стрел

Еще одной категорией находок, представляющих особый интерес при рассмотрении памятников мощинской культуры третьей четверти I тыс. н. э., являются трехлопастные черешковые наконечники стрел (рис. 1; 4, *1–18*).

Наиболее представительная их коллекция происходит с Акиньшинского городища (рис. 4, *1–14*). Все они относятся к типу 3в, по И. П. Засецкой (*Засецкая*, 1994. С. 36–39. Рис. 4). Пять наконечников происходят из раскопок Ю. Г. Гендуне, проведенных в 1903 г. Все они были найдены в траншее № 8, располагавшейся в подошве вала с внутренней стороны его южной части (*Гендуне*, 1903. Л. 50, 71, 81. № 4, 7, 8, 10, 12). Два из них сохранились в коллекции Калужского краеведческого музея (рис. 4, *10, 11*), остальные приводятся по фотографиям из отчета.

С раскопа 1 (2009–2010 гг.) на площадке городища Акиньшино происходят 8 трехлопастных наконечников стрел (рис. 4, *1–8*), еще один был найден

[1] Благодарю И. Р. Ахмедова за предоставленную информацию.

[2] Клад в настоящее время готовится к публикации.

в шурфе 2008 г., включенном впоследствии в систему раскопа (рис. 4, *9*). Все наконечники обнаружены в непосредственной близости от южного склона площадки городища, четыре из них связаны с наиболее поздними сооружениями мощинской культуры на городище, остальные – со слоем вокруг них. Таким образом, выпадение в слой трехлопастных наконечников стрел связано с прекращением жизни на городище, которое, вероятнее всего, можно датировать 1-й пол. – сер. VII в.

Характерной особенностью акиньшинских находок, прослеживаемой на хорошо сохранившихся экземплярах, является то, что на них черешок далеко (до 1 см и более) заходит в нижнюю часть пера (рис. 4, *2–4, 6, 7, 10, 11*). Близкий по конструкции наконечник происходит из кургана 35 могильника Ливенцовский VII, расположенного на территории Ростова-на-Дону (*Безуглов, Ильюков*, 2007. Рис. 5, *7*). Комплекс датируется в рамках 2-й пол. VI – нач. VII в. (Там же. С. 35, 36).

Аналогией акиньшинским находкам среди окских памятников могут служить опубликованные И. Р. Ахмедовым находки трехлопастных черешковых наконечников стрел с городища Терехово (*Ахмедов*, 2010. С. 13, 14. Рис. 11; 12). Один такой наконечник был найден в комплексе подпечной ямы (объект 1), датированном VII в. и носящем следы военного разгрома, в том числе и фрагменты человеческих останков (Там же. С. 13. Рис. 11, *2*). Это позволило автору связать с этим горизонтом находки трехлопастных черешковых наконечников стрел, происходящих из сборов с площадки городища.

К более раннему времени, по всей видимости, относится трехлопастный наконечник стрелы, найденный в слое 0 раскопа IV на городище Щепилово (рис. 4, *15*) (*Воронцов*, 2002. С. 9. Рис. 5, *4*). Материалы раскопок Щепиловского городища не позволяют датировать изученный на нем слой мощинской культуры позднее V в. (*Воронцов*, 2013. С. 63, 64. Рис. 12–34; *Гавритухин, Воронцов*, 2008. С. 36–38, 58, 59). Вероятно, этот наконечник можно соотнести со слоем пожара 2-й пол. IV в. (постройки 1, 2).

Еще два наконечника происходят с городища Ростиславль (рис. 4, *16, 17*) (*Медведь*, 2007. С. 54. Рис. 3, *а, б*). Один из них, судя по опубликованной фотографии (рис. 4, *17*), имеет плохую сохранность, препятствующую точному типологическому определению. Он был найден в верхнем перемешанном слое на поверхности вала. Второй (рис. 4, *16*), отнесенный автором публикации к типу 1Ба, по И. П. Засецкой, соотносится со слоем пожара, наиболее вероятно датируемым кон. IV – 1-й пол. V в. (*Тавлинцева*, 2010). Учитывая, что тип 1 характеризуется наконечниками с боевой головкой, верхняя и нижняя части которой равны по величине, рассматриваемый наконечник ближе к типу 3в (*Засецкая*, 1994. С. 37. Рис. 4).

Еще один наконечник найден на склоне городища Сосенский (Чертово) (рис. 4, *18*). Его удалось выделить среди обширной коллекции трехлопастных черешковых наконечников стрел, связанных со слоями IX–X вв., наиболее ярко представленных на памятнике (*Прошкин*, 2011). Точнее датировать этот наконечник не представляется в настоящий момент возможным.

Находки трехлопастных черешковых наконечников стрел в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы в последнее время широко обсуждаются

в научной литературе (*Казанский*, 1999; 2008; *Медведь*, 2007; *Седин*, 2011; *Kazanski*, 2000; *Bitner-Wróblewska, Kontny*, 2006). С точки зрения М. М. Казанского, появление таких наконечников стрел в лесной зоне Восточной Европы является инновацией эпохи Великого переселения народов, при этом при их интерпретации различается два момента: подтверждается их, несомненно, «степное», по крайней мере южное, происхождение и отрицается реальность их принадлежности на «лесных» памятниках каким-либо кочевникам (*Казанский*, 2008. С. 306, 307, 310, 311). Для обоснования последнего утверждения приводятся следующие аргументы: широкое распространение таких находок в лесной зоне Восточной Европы («вплоть до Псковщины, куда кочевники не добрались и во времена Батыя») и наличие трехлопастных черешковых наконечников стрел и костяных накладок для сложносоставного лука у славян и германцев в контексте, исключающем случайное попадание (*Казанский*, 2008. С. 307).Таким образом, находки трехлопастных черешковых наконечников стрел автор связывает с проникновением в лесную зону милитаризированных групп, вероятнее всего славянского населения из Поднепровья или Подунавья (Там же. С. 310, 311).

Аналогичной точки зрения придерживаются А. Битнер-Врублевская и Б. Контны при интерпретации находок трехлопастных черешковых наконечников стрел с территории Литвы (*Bitner-Wróblewska, Kontny*, 2006). Согласно их выводам, найденные на территории Литвы трехлопастные наконечники стрел – результат племенных войн с населением лесной зоны Восточной Европы, которое переняло элементы кочевого «гуннского» вооружения (Ibid. S. 118, 119).

В свете этой теории находки на мощинских городищах могут скорее послужить исключением, поскольку для них «кочевой» контекст не является невозможным.

Рассмотренные выше находки делятся на две хронологические группы. К первой относятся находки с городищ Щепилово и Ростиславль, датируемые в рамках кон. IV – 1-й пол. V в. Наиболее вероятно их связать с конфликтами, сопровождавшими формирование на Верхнем Дону памятников типа Чертовицкое–Замятино (Острая Лука..., 2004). В пользу этого утверждения можно привести следующие аргументы. Во-первых, наличие на Верхнем Дону группировки кочевого населения, использовавшего сложные луки гуннского типа и трехлопастные наконечники стрел. Во-вторых, доступность мощинских памятников Окско-Донского водораздела, занимающих кромку лесной зоны, для кочевых набегов и вторжений. В-третьих, связь находок со слоями военного разгрома поселений. В-четвертых, наличие перемещенного мощинского населения на полиэтничных памятниках Острой луки.

Находки с Акиньшинского городища дают вторую волну выпадения трехлопастных черешковых наконечников стрел на мощинских памятниках, относящуюся к 1-й пол. – сер. VII в. Эти находки характеризует также «военный» контекст, и вполне вероятна взаимосвязь с аналогичными находками с Тереховского городища, расположенного на территории культуры рязано-окских могильников. Вероятность вооруженных рейдов кочевников на территорию Верхнего и Среднего Поочья в эту эпоху, как справедливо отмечает И. Р. Ахмедов, подтверждается находкой Арцыбашевского погребения (*Ахмедов*, 2010. С. 14).

Таким образом, находки трехлопастных наконечников стрел на памятниках мощинской культуры не могут рассматриваться как пример перенимания населением лесной зоны «кочевого» по происхождению оружия, поскольку связаны с «военным» контекстом. Также весьма вероятна их интерпретация как следов вооруженных рейдов кочевников в кон. IV – 1-й пол. V в. и в 1-й пол. – сер. VII в.

Выводы

Рассматриваемые в настоящей статье материалы памятников мощинской культуры 3-й четверти I тыс. н. э. позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, материалы большинства изученных раскопками памятников верхнего Поочья датируются временем не позднее V в. Более поздние мощинские памятники расположены на мелких притоках Оки в глубине лесной зоны и, судя по всему, отсутствуют на более близких к границе лесостепи территориях (например, бассейна р. Упы).

Во-вторых, в настоящее время найдены и изучены памятники, верхняя дата которых относится к середине VII в., причем материалы Акиньшинского городища говорят о «военном» характере прекращения жизни на поселении, при этом не исключено, что это произошло в результате вооруженного рейда кочевников. Эта дата соотносится с финалом культуры рязано-окских могильников, определяемым И. Р. Ахмедовым около середины VII в. (*Ахмедов*, 2010. С. 13). Аналогично определяется Н. А. Кренке верхняя дата для городища Дьяково и москворецкой группы памятников в целом (*Кренке*, 2011. С. 138–145, 224, 225). При этом отмечается, что достоверных находок импортных изделий VI–VII вв. и местных изделий, датирующихся этим временем, в бассейне Москвы-реки очень мало, что очень напоминает упоминавшийся выше процесс сокращения количества памятников мощинской культуры в конце V в.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов И. Р., 2008. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: Сб. ст. Вып. 1 / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Гос. военно-ист. и природный музей-заповедник «Куликово поле». С. 7–27.

Ахмедов И. Р., 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тыс. н. э. / Отв. ред. И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 7–34. (РСМ; Вып. 13.)

Безуглов С. И., Ильюков Л. С., 2007. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 2: Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим. С. 25–48.

Воронцов А. М., 2002. Отчет об археологических исследованиях на городище у д. Щепилово Ленинского района Тульской области, в г. Туле, г. Алексине и Богородицком районе Тульской области в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Воронцов А. М., 2009. Отчет об археологических исследованиях в Суворовском и Кимовском районах Тульской области в 2009 г. Ч. 1: Раскопки на городище Акиньшино Суворовского района // Архив ИА РАН. Р-1.

Воронцов А. М., 2010. Отчет об археологических исследованиях в Суворовском и Кимовском районах Тульской области и в г. Туле в 2010 г. Ч. 1: Раскопки на городище Акиньшино Суворовского района // Архив ИА РАН. Р-1.

Воронцов А. М., 2011. К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород. С. 14–15.

Воронцов А. М., 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V вв. на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Гос. военно-ист. и природный музей-заповедник «Куликово поле». 173 с.

Гавритухин И. О., 2005. Фибула с городища Супруты // Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu / Red. Łuczkiewicz. Lublin. P. 113–115.

Гавритухин И. О., Воронцов А. М., 2008. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые, подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: Сб. ст. Вып. 1 / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Гос. военно-ист. и природный музей-заповедник «Куликово поле». С. 28–89.

Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996. РСМ-3. 296 с.

Гендуне Ю. Г., 1903. Отчет в Императорскую археологическую комиссию о раскопках, произведенных в 1903 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1903. Арх. № 15. Л. 35, 47–53, 61–65, 71, 73–74, 82–85.

Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: Репроникс. 207 с.

Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб: Эллипс. 224 с.

Казанский М. М., 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. № 6. СПб. С. 404–417.

Казанский М. М., 2008. Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: Сб. ст. Вып. 1 / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Гос. военно-ист. и природный музей-заповедник «Куликово поле».С. 304–325.

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 548 с.

Массалитина Г. А., 1994. Мощинская культура: Дисс. … канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-II. № 2567. 253 с.

Массалитина Г. А., 2003. О специфическом типе верхнеокской керамики // Slavia Antiqua. T. XLIV. S. 157–165.

Медведь А. Н., 2007. Стрелы раннего железного века с городища Ростиславль // АП. Вып. 3. С. 52–57.

Никольская Т. Н., 1959. Культура племен бассейна верхней Оки в I тыс. н. э. М.: Академия наук СССР. 152 с. (МИА; № 72.)

Никольская Т. Н., 1970. К истории домостроительства у племен бассейна Верхней Оки // Древние славяне и их соседи / Ред. Ю. В. Кухаренко. М.: Наука. С. 83–90. (МИА; № 176.)

Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени, 2004 / Сост. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Тула: Гриф и К. 330 с. (РСМ; Вып. 6.)

Прошкин О. Л., 2011. Чертово городище: Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга: Золотая аллея. 144 с.

Седин А., 2011. Предметы вооружения из городища Никодимово // Acta archaeologica Albaruthenica. Vol. VII. P. 68–82.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне и их соседи в VI–XIII вв. М.: Наука. 327 с. (Археология СССР; Т 14.)

Тавлинцева Е. Ю., 2010. Городище Ростиславль – горизонт пожара середины I тыс. н. э. // АП. Вып. 6. С. 24–33.

Третьяков П. Н., 1941. Северные восточнославянские племена // Этногенез восточных славян: Сб. ст. / Под ред. М. И. Артамонова. Т. 1. М.; Л: Академия наук СССР. С. 9–55. (МИА; № 6.)

Фролов И. К., 1970. Нижний слой городища у дер. Серенск // Древние славяне и их соседи / Ред. Ю. В. Кухаренко. М.: Наука. С. 80–82. (МИА; № 176.)

Bitner-Wróblewska A., Kontny B., 2006. Controversy about three-leaf arrowheads from Lithuania // Archaeologia Lituana. Vilnius. No. 7. P. 104–122.

Kazanski M., 2000. Les armes baltes et occidentals dans la zone forestiere de l'Europe orientale a l'epoque des Grandes Migrations // Archaeologia Baltica. No. 4. Klaipėda. P. 199–212.

Lietuvos TSR archeologijos atlasas. 4. I–XIII a. radiniai. 1977. A. Tautavičius. Vilnius: Mokslas.160 p.

Сведения об авторе.

Воронцов Алексей Михайлович, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», пр. Ленина, 47, Тула, 300041, Россия; e-mail: amvorontsov@gmail.com.

A. M. Vorontsov

Late period of the Moshchino culture

Abstract. In this article materials are examined which relate to the late period of the Moshchino culture in the 5th–7th cc. The sites attributed to that culture are situated in the forest zone of Eastern Europe in the upper reaches of the Oka River (Fig. 1). In order to determine the terminal date of the culture, finds of belt sets decorated in the heraldic style (Fig. 2, *11–17*) originating from the fortified settlements of Akin'shino and Kartavtsevo and the fragment of a palmate fibula of the Dnieper type (Fig. 2, *18*) are of principal importance. A number of other characteristic finds are also attributed to the final stage of the Moshchino culture: a series of trefoil tanged arrowheads from the Akin'shino fortified settlement (Fig. 4, *1–14*), a set of woman ornaments including pendants made of silver foil and bucket-shaped pendants (Fig. 2, *1–10*). Layers of the Moshchino culture dating from the 5th–7th cc. have yielded a number of characteristic finds, among them: fibulae of the Kartavtsevo–Serensk type (Fig. 3, *1–5*), iron staff-like pins (Fig. 3, *6–16*) and sewn-on plaques (Fig. 4, *19–26*).

Keywords: Moshchino culture, Upper Oka basin, Great Migration of the peoples, forest zone.

REFERENCES

Akhmedov I. R., 2008. Okskiye fibuly [Oka fibulae]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Yevropy v epokhi rimskikh vliyany i Velikogo pereseleniya narodov* [*Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epochs of Roman influences and Migration period*], 1. Tula: Gosudarstvenny muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 7–27.

Akhmedov I. R., 2010. Problema «final'nogo» perioda kul'tury ryazano-okskikh finnov: (k sovremennomu sostoyaniyu voprosa) [Problem of «terminal» period of culture of Ryazan-Oka Finns: (towards present state of the problem)]. *Arkheologiya Vostochnoy Yevropy v I tys. n. e.: problemy i materialy* [*Archaeology of Eastern Europe in I mill. AD: problems and materials*]. I. V. Islanova, V. E. Rodinkova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 7–34. (RSM, 13).

Bezuglov S. I., Il'yukov L. S., 2007. Pamyatnik pozdnegunnskoy epokhi v ust'ye Dona [Site of late-Hun epoch in Don estuary]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona, 2: Srednevekovyye drevnosti Dona* [*Materials and investigations in archaeology of Don, 2. Medieval antiquities of Don*]. Moscow; Jerusalem, pp. 25–48.

Bitner-Wróblewska A., Kontny B., 2006. Controversy about three-leaf arrowheads from Lithuania. *Archaeologia Lituana*, 7, pp. 104–122.

Frolov I. K., 1970. Nizhny sloy gorodishcha u der. Serensk [Lower layer of fortified settlement near village Serensk]. *Drevniye slavyane i ikh sosedi* [*Ancient Slavs and their neighbours*]. Yu. V. Kukharenko, ed. Moscow: Nauka, pp. 80–82. (MIA, 176.)

Gavritukhin I. O., 2005. Fibula s gorodishcha Supruty [Fibula from fortified settlement Supruty]. *Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu*. P. Łuczkiewicz, ed. Lublin, pp. 113–115.

Gavritukhin I. O., Oblomsky A. M., 1996. RSM-3. 296 p.

Gavritukhin I. O., Vorontsov A. M., 2008. Fibuly verkhneoksko-donskogo vodorazdela: dvuchlennyye prognutyye, podvyaznyye i so sploshnym priyemnikom [Fibulae of Upper Oka-Don watershed: two-piece bent ones, tied ones and with solid catchplate]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Yevropy v epokhi rimskikh vliyany i Velikogo pereseleniya narodov* [*Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epochs of Roman influences and Migration period*], 1. Tula: Gosudarstvenny muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 28–89.

Gendune Yu. G., 1903. Report to Imperial Archaeological commission on excavations performed in 1903. *Archive of IIMK RAN* (In Russian, unpublished).

Grigor'yev A. V., 2005. Slavyanskoye naseleniye vodorazdela Oki i Dona v kontse I – nachale II tys. n. e. [Slavic population of Oka and Don watershed in end of I – beginning of II mill. AD]. Tula: Reproniks. 207 p.

Kazanski M., 2000. Les armes baltes et occidentales dans la zone forestiere de l'Europe orientale a l'epoque des Grandes Migrations. *Archaeologia Baltica*, 4, pp. 199–212.

Kazansky M. M., 1999. O baltakh v lesnoy zone Rossii v epokhu velikogo pereseleniya narodov [On Balts in forest-steppe zone of Russia in Migration period]. *Arkheologicheskiye vesti* [*Archaeological Bulletin*], 6, pp. 404–417.

Kazansky M. M., 2008. Oruzhiye «zapadnogo» i «yuzhnogo» proiskhozhdeniya v lesnoy zone Rossii i Belorussii v nachale srednevekov'ya [Weapons of «Western» and «Southern» origin in forest zone of Russia and Byelorussia in beginning of Middle Ages]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Yevropy v epokhi rimskikh vliyany i Velikogo pereseleniya narodov* [*Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epochs of Roman influences and Migration period*], 1. Tula: Gosudarstvenny muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 304–325.

Krenke N. A., 2011. D'yakovo gorodishche: kul'tura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. [D'yakovo fortified settlement: culture of population of Moskva River basin in I mill. BC – I mill. AD]. Moscow: IA RAN. 548 p.

Lietuvos TSR archeologijos atlasas. 4. I–XIII a. radiniai, 1977. A. Tautavičius ed. Vilnius: Mokslas. 160 p.

Massalitina G. A., 1994. Moshchinskaya kul'tura: dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Moshchino culture: dissertation presented for the degree of Doctor of Philosophy]. Moscow. 253 p.

Massalitina G. A., 2003. O spetsificheskom tipe verkhneokskoy keramiki [On specific type of Upper Oka pettery]. *Slavia Antiqua*, XLIV, pp. 157–165.

Medved' A. N., 2007. Strely rannego zheleznogo veka s gorodishcha Rostislavl' [Early Iron Age arrowheads from fortified settlement Rostislavl']. *AP*, 3, pp. 52–57.

Nikol'skaya T. N., 1959. Kul'tura plemen basseyna verkhney Oki v I tys. n. e. [Culture of Upper Oka basin tribes in I mill. AD]. Moscow: AN SSSR. 152 p.

Nikol'skaya T. N., 1970. K istorii domostroitel'stva u plemen basseyna Verkhney Oki [On the history of housing of Upper Oka basin tribes]. *Drevniye slavyane i ikh sosedi* [*Ancient Slavs and their neighbours*]. Yu. V. Kukharenko, ed. Moscow: Nauka, pp. 83–90. (MIA, 176.)

Ostraya Luka Dona v drevnosti. Zamyatinsky arkheologichesky kompleks gunnskogo vremeni [The past of Ostraya Luka of River Don. Zamyatino archaeological association of Hun time], 2004. A. M. Oblomsky, comp. Moscow: IA RAN; Tula: Grif i K. 330 p. (RSM-6).

Proshkin O. L., 2011. Chertovo gorodishche: Osvoyeniye slavyanami Verkhnego Pooch'ya [Chertovo fortified settlement: Slavs' settlement of Upper Oka basin]. Kaluga: Zolotaya alleya. 144 p.

Sedin A., 2011. Predmety vooruzheniya iz gorodishcha Nikodimovo [Pieces of weaponry from fortified settlement Nikodimovo]. *Acta archaeologica Albaruthenica*, VII, pp. 68–82.

Sedov V. V., 1982. Vostochnyye slavyane v VI–XIII vv. [Eastern Slavs in VI–XIII cc.]. Moscow: Nauka. 327 p. (Arkheologiya SSSR, 14.)

Tavlintseva Ye. Yu., 2010. Gorodishche Rostislavl' – gorizont pozhara serediny I tysyacheletiya n. e. [Fortified settlement Rostislavl'– horizon of fire of mid I millennium AD]. *AP*, 6, pp. 24–33.

Tret'yakov P. N., 1941. Severnyye vostochnoslavyanskiye plemena [Northern East Slavic tribes]. *Etnogenez vostochnykh slavyan [Ethnic origins of Eastern Slavs*], 1. M. I. Artamonov, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 9–55. (MIA, 6.)

Vorontsov A. M., 2002. Report on archaeological investigations at fortified settlement near village Shchepilovo in Lenino district, Tula Region, in city of Tula, Aleksin and Bogorodsk district, Tula Region in 2002. *Archive of IA RAN* (In Russian, unpublished).

Vorontsov A. M., 2009. Report on archaeological investigations in Suvorovo and Kimovsk districts of Tula Region in 2009. Part 1. Excavations at fortified settlement Akin'shino in Suvorovo district. *Archive of IA RAN* (In Russian, unpublished).

Vorontsov A. M., 2010. Report on archaeological investigations in Suvorovo and Kimovsk districts of Tula Region and in city of Tula in 2010. Part 1. Excavations at fortified settlement Akin'shino in Suvorovo district. *Archive of IA RAN* (In Russian, unpublished).

Vorontsov A. M., 2011a. K voprosu o pozdney date moshchinskoy kul'tury [On problem of late dating of Moshchino culture]. *Trudy III* (*XIX*) *Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda* [*Transactions of III* (*XIX*) *All-Russian archaeological congress*], 2. N. A. Makarov, Ye. N. Nosov, eds. St. Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod: IIMK RAN, pp. 14–15.

Vorontsov A. M., 2011b. Report on archaeological investigations in Suvorovo and Kimovsk districts of Tula Region in 2011. Part 1. Excavations at fortified settlement Duna in Suvorovo district. *Archive of IA RAN* (In Russian, unpublished).

Vorontsov A. M., 2013. Kul'turno-khronologicheskiye gorizonty pamyatnikov II–V vekov na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Cultural-chronological horizons of sites of II–V centuries in territory of Oka-Don watershed]. Tula: Gosudarstvenny muzey-zapovednik «Kulikovo pole». 173 p.

Zasetskaya I. P., 1994. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu [Culture of nomads of South Russian steppes in Hun epoch (end of IV – V c.)]. St. Petersburg: Ellips. 224 p.

About the author.

Vorontsov Aleksey M., State Museum-Reserve «The Kulikovo Field», Lenin av., 47, Tula, 300041, Russian Federation; e-mail: amvorontsov@gmail.com.

И. В. Исланова

КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В АРЕАЛЕ ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ*

Резюме. На территории, занятой памятниками культуры псковских длинных курганов (КПДК), в третьей четверти I тыс. н. э. фиксируются памятники иных культурных традиций (рис. 1), расположенные чересполосно в других экологических микрорегионах, приуроченные к будущим магистральным водным и сухопутным путям; традиция сооружения погребальных курганов здесь отсутствует. На памятниках КПДК доминирует местный компонент, судя по местоположению поселений и курганов (рис. 2), керамическому материалу, элементам женского этнографического костюма. Древности других культурных традиций, за исключением памятников типа Подол, оставлены, видимо, расселившимся раннеславянским населением, поддерживающим контакты с местными жителями и населением КПДК. В VIII в. происходит перерастание «новых» групп древностей в культуру сопок (рис. 3). В одних случаях (Шитовичи) возникают крупные поселенческие комплексы в местах близкого проживания населения КПДК и культуры сопок; в других – в конце I тыс. н. э. фиксируется запустение микрорегионов КПДК или, после принятия христианства, там происходит изменение культурных традиций. Памятники типа Подол представляют собой обособленную группу, имевшую культурных связи с лежащими на юго-западе и юге регионами и иную «судьбу» в конце I тыс. н. э.

Ключевые слова: культура псковских длинных курганов, раннеславянское население, культурные традиции.

Наиболее распространенное в литературе наименование древностей третьей четв. I тыс. н. э. Северо-Запада лесной зоны Восточной Европы – культура псковских длинных курганов – возникло как результат исследования погребальных памятников, имеющих особую форму. Длинные насыпи входят в единый могильник с курганами иных форм, которые имели аналогичные остальные признаки погребального обряда (*Носов*, 1981. С. 42–56; *Михайлова*, 2009). Составной частью погребальных комплексов являются грунтовые захоронения, расположенные между курганами одного могильника и вблизи них. Известные в этой культуре поселения

* Статья подготовлена в рамках программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

(городища и селища) изучены слабо, и этнокультурные построения опираются преимущественно на результаты анализа погребальных памятников.

Территория распространения памятников КПДК включает побережье Псковско-Чудского озера, бассейны рек Великой, Плюссы, Луги, верхнего течения Западной Двины, верхнего и среднего течения Ловати, верхней Полы, озер в верховьях Волги, бассейны Мсты и средней Мологи (рис. 1). Ареал культуры выглядит в виде «подковы», в центре которой находится озеро Ильмень с прилегающими низменностями, где древности КПДК неизвестны.

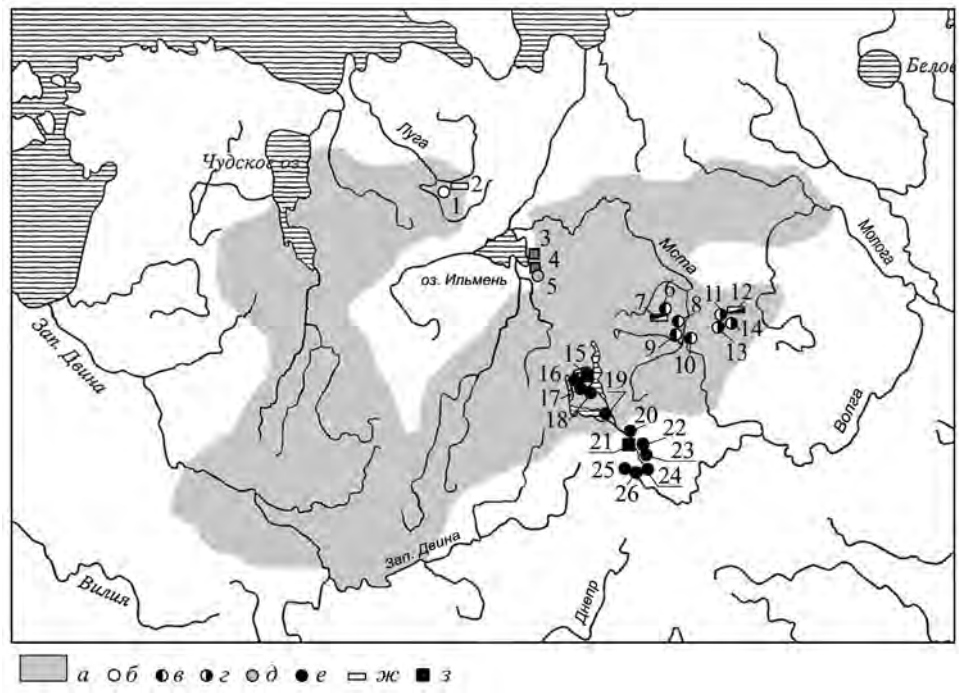

Рис. 1. Ареал культуры псковских длинных курганов и иные культурные группы

а – ареал КПДК; *б* – полужская группа; *в* – мстинская группа; *г* – удомельская группа; *д* – ильменская группа; *е* – группа поселений типа Подол; *ж* – грунтовый могильник; *з* – городище
1 – селище Заполье; *2* – грунтовый могильник Заполье; *3* – городище Сельцо; *4* – городище Городок на Маяте; *5* – селище Городок на Маяте; *6* – селище Бологое; *7* – грунтовый могильник Бологое; *8* – селище Леонтьево; *9* – селище Борисково; *10* – селище Пашино; *11* – селище Юрьевская Горка; *12* – грунтовый могильник Юрьевская Горка; *13* – селище Троица; *14* – селище Ряд 3; *15* – городище Никола Рожок; *16* – селище Горка; *17* – селище Звягино; *18* – селище Ронское 3; *19* – селище Подол 3; *20* – селище Теплый Ручей; *21* – городище Осечен; *22* – селище Суходол 2; *23* – селище Рогово; *24* – селище Першино; *25* – селище Усть-Тудовка 8; *26* – селище Бобронники

Исследователи выделяют три области концентрации памятников: западную (бассейн Псковского и Чудского озер, реки Луга, Плюсса, верховья р. Великой), восточную (Молого-Мстинское междуречье и Верхневолжские озера) и южную (правобережье Западной Двины, нижнее течение рек Великой и Ловати) (*Лыч*, 2000. С. 73–76; *Михайлова*, 2009. С. 12–13). Западная и восточная области

имеют некоторые различия по вещевому инвентарю. Наличие южной области в ареале весьма проблематично, так как помимо территориального расположения она не имеет никаких особых признаков. На самом деле памятники КПДК не располагаются сплошным непрерывным массивом. Участки с объектами этой культуры представляют собой отдельные «пятна», «микрорайоны», имеющие определенный ландшафт и почвы.

Погребальные объекты КПДК достаточно узнаваемы по серии визуальных признаков, отличающих их от остальных древностей второй пол. I тыс. н. э. этой и смежных территорий (*Исланова*, 2012. С. 20–21). Это:

1. Наличие в курганном могильнике разнообразных по форме основания насыпей: длинных, удлиненных, округлых, подпрямоугольных; реже – комбинированных и сопковидных (высотой более 1,5 м и диаметром более 15 м). При этом возможно наличие в могильнике всех перечисленных или только одной из этих категорий курганов.
2. Размещение в определенном типе почвенного ландшафта ледникового происхождения: на участках зандровых равнин и низин со слабо волнистым рельефом и песчаными почвами, занятыми (или ранее занятыми) сосновыми борами.
3. Расположение курганов внутри могильника цепью в один или несколько рядов; удлиненные насыпи сооружены по направлению цепи курганов. Направление основной массы насыпей и осей длинных и удлиненных курганов соответствует общему направлению могильника.
4. Цепь из курганов или из могильников вытянута по направлению береговой линии (по кореннику) или по озовой гряде, расположенной на некотором расстоянии от воды.

Погребения КПДК – это остатки трупосожжения на стороне, которые помещались в основании кургана, в его насыпь (на разных этапах сооружения), на ее вершине или за пределами кургана (грунтовое погребение). Захоронения иногда находились в глиняной урне или какой-либо емкости, иногда – внутри деревянной конструкции, представленной истлевшей нижней частью сруба (см.: *Исланова*, 2006. С. 46–48; 2012. С. 24).

Е. Р. Михайловой предложена дробная периодизация КПДК, основывающаяся на детальном анализе вещевого инвентаря с учетом современных разработок по смежным территориям и результатов имеющихся радиоуглеродных анализов (*Михайлова*, 2009. С. 13–14).

I период: конец V – вторая четв. – сер. VI в. – формирование КПДК. Наиболее ранние предметы: округлые бронзовые пряжки с хоботковидным язычком с поперечным рифлением, пряжки с рифленой В-образной рамкой, крапчатые стеклянные бусы, браслеты типа Володи, костяные гребни с горбатой спинкой и др. – встречены на памятниках разных, далеко лежащих друг от друга регионов КПДК.

II период: сер. VI – рубеж VIII/IX вв. – развитая культура псковских длинных курганов. В этот период проявляются различия между западной и восточной областями по вещевому инвентарю. Однако, по мнению Е. Р. Михайловой, большого обособления частей культуры не происходит, а в VIII в. южная область КПДК опустевает (Там же. С. 14).

III период: финальный этап существования КПДК (IX – нач. XI в.). Существенно уменьшается количество памятников и территория культуры сокращается. Это «время существования отдельных изолированных культурных групп в новом окружении». Верхняя граница периода – распространение нового погребального обряда (ингумации), связанное с крещением местного населения (*Михайлова*, 2009. С. 14, 15).

Памятники этого периода продолжали функционировать только на верхней Плюссе, в бассейне верхней Луги, на правобережье Чудского озера (западная область), на левобережье нижнего течения Мсты, на р. Шегре в бассейне р. Тверцы и, возможно, на отдельных участках на р. Шлине (восточная область).

Проблемы происхождения и этнокультурной принадлежности культуры псковских длинных курганов до настоящего времени остаются предметом дискуссий (см., например: *Седов*, 1999. С. 122, 123; *Конецкий*, 1997; 1998). По мнению исследователей, изучавших отдельные регионы, культура складывается: 1) на основе местных прибалтийско-финских (К. С. Лаул, Г. С. Лебедев, М. Аун, В. И. Конецкий) или днепро-двинских (А. М. Микляев, А. Н. Мазуркевич, В. С. Короткевич) древностей; 2) в результате миграции населения из верхнеднепровскодвинских земель (тушемлинская культура) (Р. С. Минасян, Е. Н. Носов); 3) на основе памятников типа Заозерье (Н. В. Лопатин, А. Г. Фурасьев); 4) в результате интеграционных процессов (постепенной славянизации) в среде пришедшего и доминирующего славянского населения, а также прибывшего вместе со славянами разноплеменного, в том числе балтского, населения и местных финнов (*Седов*, 1999. С. 124–125).

Анализ системы расселения в конкретных регионах восточной области КПДК добавляет серию аргументов в пользу доминирования в КПДК местных компонентов:

1. Памятники КПДК размещаются в некотором удалении от основной водной магистрали области, р. Мсты – на озерах и небольших речках ее лево- и правобережья.

2. Фиксируется преемственность в территориальной и почвенной приуроченности памятников раннего железного века и КПДК: скопления поселений и могильников находятся в микрорегионах, освоенных еще в предшествующую эпоху, рядом с городищами дьяковской культуры (рис. 2). В двух случаях (Липовицы, Дягилево) курганные могильники сооружены не только вблизи, но и сразу за валами городищ. Некоторые городища раннего железного века используются, видимо, как убежища населением КПДК. Так, в верхних слоях городищ Варварина Гора, Яхново, Почеп, Липовицы найдены вещи и керамика, распространенные в КПДК (*Исланова*, в печати).

3. Многочисленны находки деталей характерного для КПДК женского убора. Это бляшки-обоймицы (квадратные и прямоугольные), украшавшие головные венчики, крепившиеся на неширокую ленту, а также бляшки-обоймицы от сложных головных венчиков с пронизями, спиральками на нескольких нитях или ремешках. Близкие, но не аналогичные украшения распространены в раннесредневековых финских древностях Поволжья (Финно-угры…, 1987. Табл. XLV, XLVI, XLIX), а аналоги сложным венчикам известны в прибалтийских древностях VIII–XI вв. (*Михайлова*, 2009. С. 9).

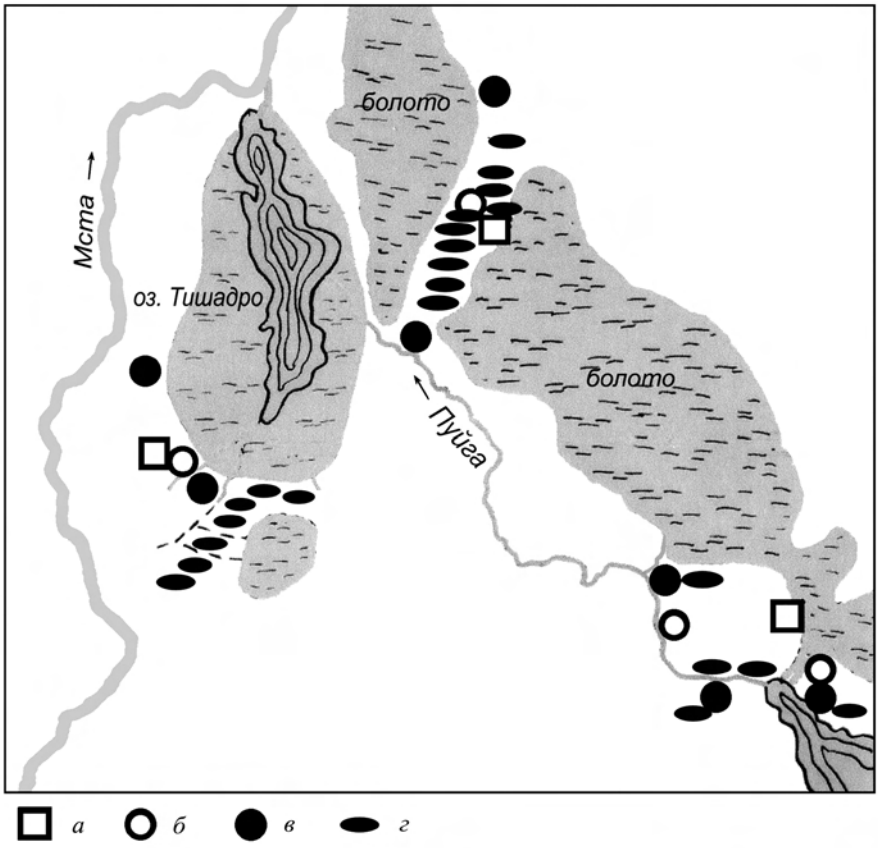

Рис. 2. Преемственность в расположении памятников раннего железного века и КПДК в микрорегионе на правобережье р. Мсты

а – городище раннего железного века; *б* – селище раннего железного века; *в* – селище КПДК; *г* – курганный могильник КПДК

Определенная доля керамики КПДК имеет местные традиции. По мнению Н. В. Лопатина, предложившего единую классификацию для керамики из погребальных памятников, прототипы некоторых форм лежат в киевских, колочинских древностях и на памятниках типа Заозерье–Узмень (*Лопатин*, 2003. С. 43–57). Однако в КПДК преобладают собственные керамические формы: сосуды S-образного профиля с перегибом тулова в верхней части (тип 8), сосуды раскрытые, очень слабо профилированные, с едва намеченной шейкой (тип 9), раскрытые S-видные сосуды с коротким и более резким профилем, чем у типа 8, и с характерной утоньшенной (сжатой) шейкой (тип 11), ребристые сосуды слабопрофилированной формы (Р1), отчасти закрытые сосуды с наибольшим расширением в верхней трети и очень коротким венчиком (тип 7).

Традиция сооружения курганных насыпей была привнесена. В настоящее время наиболее популярной остается версия о «донорстве» носителей культуры восточнолитовских курганов в возникновении погребального обряда

КПДК (*Лопатин, Фурасьев*, 2007. С. 284). Однако преобладание в культуре местного компонента делает весьма перспективным предположение В. Я. Конецкого о возникновении новой погребальной традиции в результате объединения двух элементов: собственно курганной традиции, пришедшей с запада, и местного обычая устройства деревянных сооружений (*Конецкий*, 1997. С. 223). При этом исследователь опирается на зафиксированные многочисленные погребальные объекты – «домики мертвых» у населения раннего железного века Молого-Шекснинского междуречья, наличие в КПДК прямоугольных и подквадратных курганов, выявление в насыпях и в их основании деревянных конструкций.

Начало изучения другого массива древностей приходится на кон. XX – нач. XXI в. Памятники существовали параллельно с объектами КПДК в том же ареале, но чересполосно в иных микрорегионах. Источниковая база пока немногочисленна и пополняется постепенно. В настоящее время возможна весьма предварительная общая характеристика этих древностей.

Выявленные к настоящему времени поселения и бескурганные могильники известны в 5 микрорегионах (рис. 1): Верхнее Полужье, восточное Приильменье, бассейн Верхней Мсты, Удомельское Поозерье и верховья р. Волги с прилегающими озерами. За исключением древностей последнего участка, к остальным памятникам можно применить термин «предсопочные», предложенный В. Я. Конецким (2007. С. 266). Однако в настоящее время целесообразно рассматривать памятники по предварительным территориальным группам: полужская, ильменская, мстинская, удомельская (также именуется: «памятники Удомельского типа»). Поселения в верховьях Волги представляют собой отдельную группу (памятники типа Подол), имевшую особую «судьбу»; ее территория лишь частично расположена в ареале КПДК.

Рассматриваемые древности занимают иные, чем поселения и могильники КПДК, экологические ниши, где сосредоточены относительно плодородные аллювиальные и лессовидные почвы. Следует также отметить, что «новые» древности расположены в основном на участках, через которые в конце I тыс. н. э. пролегали магистральные водные и сухопутные дороги, связывающие Ильменский и Мстинский, Западнодвинский, Волжский бассейны.

Поселения представлены селищами и городищами, погребальные памятники – грунтовыми могильниками с обрядом сожжения на стороне. Насыпи КПДК здесь неизвестны.

Полужская группа. Селище и грунтовый могильник Заполье. Памятники были выявлены при раскопках сопки № 4 у Передольского погоста (Заполье 1) (*Платонова*, 1996. С. 9–12). Объекты были повреждены при сооружении здесь сопки. В культурном слое селища собраны мелкие фрагменты неорнаментированной лепной керамики, обломки железного ножа, бронзовой подвески и, предположительно, спирального перстня. В бескурганном могильнике было изучено 5 погребений – сожжений в материковых ямках. Н. И. Платонова отмечает близость памятников комплексу Юрьевская Горка (удомельская группа) и датирует их нач. VI – сер. VII в. (разброс дат по C^{14} – от рубежа IV–V до сер. VII в.).

Ильменская группа. Городище и селище около д. Городок на р. Маяте, городище Сельцо в бассейне р. Полы (*Еремеев, Дзюба*, 2010. С. 65–161, 123–127,

403, 406). Постройки были наземными – срубными с материковыми прямоугольными (3 × 3; 3,4 × 2,2 м) углублениями (на 0,4 и 0,2 м) в центральной части – и именуются условно полуземлянками. В трех случаях (из шести) в них найдены остатки печей-каменок, которые были расположены в углах котлованов. Ближайшие аналоги таким строениям найдены на поселении Старое Село в северной Белоруссии (*Еремеев, Дзюба*, 2010. С. 110).

В керамической коллекции преобладают сосуды типов 4 и 7 (по Н. В. Лопатину); малочисленны фрагменты типа 9, хорошо известные в КПДК Псковско-Чудского и Мстинско-Валдайского регионов (Там же. Рис. 98, *1, 3*); встречены единичные находки лощеных и ребристых сосудов. Судя по профилировке найденных обломков, серия сосудов имеет аналоги на селище Юрьевская Горка (Там же. Рис. 66, *1*; 67, *1*; 74, *1*; 97). Вещевой материал содержит предметы, распространенные в лесной зоне Восточной Европы на памятниках третьей четверти I тыс. н. э. (глиняные биконические пряслица, железные ножи с прямой спинкой и наконечник стрелы с «расклешенным черенком», серп с пяткой).

Погребальные комплексы пока не обнаружены, но, вероятнее всего, это грунтовые могильники. На основании радиоуглеродных анализов поселения датируются V–VII вв. В IX–X вв. на Городке (на р. Маяте) находится поселение культуры сопок с типичными для этого времени вещевыми и керамическими материалами. По мнению И. И. Еремеева, первоначальное поселение на р. Маяте возникает в результате миграции населения из северных областей киевской и колочинской культур. При этом исследователь отрицает наличие преемственности между населением этого поселения и последующего, возникшего в конце I тыс. н. э. (Там же. С. 161, 162, 524), но весомых аргументов для доказательства такой версии не приводит.

Мстинская группа. Селища Леонтьево и Борисково на оз. Мстино, селище Пашино – при впадении р. Цны в это озеро, а также, по-видимому, селище на оз. Бологое и располагавшийся рядом предполагаемый грунтовый могильник (рис. 1). В небольших раскопах остатки строений выявлены не были.

С селищ Леонтьево, Пашино и Борисково происходит лепная неорнаментированная керамика в основном типов 8, 10, Р1 (по Н. В. Лопатину), единичны находки фрагментов посуды, характерной для КПДК (типа 11) и для древностей предшествующей эпохи (*Исланова*, 2006. С. 91–93). Фрагменты S-видных сосудов схожи с аналогичными сосудами селища Юрьевская Горка. Сосуды со скругленным ребром в верхней трети близки (или являются их своеобразными предшественниками) ребристым сосудам с поселений культуры сопок (*Исланова*, 1997. Рис. 98; 101; 102).

Вещевые находки представлены глиняными биконическими и округлыми пряслицами, железными серпом, ножами с прямой и слабо выпуклой спинкой (*Исланова*, 2006. Рис. 64; *Иванова*, 2009). Предварительная хронология поселений – VI–VIII вв. Судя по керамическому набору, исследованный участок селища Леонтьево, по всей видимости, относился к заключительному этапу функционирования раннесредневековых объектов третьей четверти I тыс. н. э. и к переходной фазе к культуре сопок.

Селище и могильник на оз. Бологое предположительно отнесены к анализируемой группе древностей на основании ландшафтной приуроченности. Во вто-

рой пол. XX в. эти объекты были разрушены при строительстве моста в г. Бологое. Раннесредневековые материалы (глиняные пряслица, схожие с находками селища Леонтьево, льячка) были обнаружены в нач. 80-х гг. XIX в. при раскопках П. А. Путятиным многослойного поселения (*Спицын*, 1903. С. 240–243, 254–256). По всей видимости, невыразительные фрагменты лепной керамики не заинтересовали исследователя и не были сохранены. Рядом с раннесредневековым селищем, видимо, находился грунтовый могильник (сведений о курганах нет). А. А. Спицын сообщает о находке здесь крупной лепной урны с жженными костями (Там же. С. 10).

Удомельская группа. Селище и грунтовый могильник Юрьевская Горка (Стан) вблизи истока р. Съежа из оз. Удомля, селище Троица 1 и, возможно, селище Ряд 3 на оз. Удомля (рис. 1). Основной материал, характеризующий группу, происходит с селища Юрьевская Горка (*Исланова*, 1997. С. 22–50). Строения были наземными срубными с применением в конструкции столбов и с подпольными ямами; некоторые хозяйственные строения имели каркасно-столбовую конструкцию. Одна жилая постройка (т. н. полуземлянка) имела углубленный в материк (на 0,3–0,4 м) прямоугольный котлован (2,8–3×2,5–2,6 м) с примыкающей к нему овальной хозяйственной ямой. Два хозяйственных строения также имели прямоугольные углубления в материке. Отопительные сооружения представлены печами-каменками (иногда, видимо, с применением глины) и очагами. В одном случае обнаружен глинобитный под печи. Отопительные сооружения были расположены в углу построек или ближе к одной из стен, пазы между бревнами и досками, возможно, промазывались глиной. Аналоги конструкции жилой «полуземлянки» известны в славянских древностях типа Корчак. Аналоги жилым строения со «сдвоенными» подпольными ямами встречены на раннеславянском поселении Восточной Волыни Тетеревка 1. Схожие жилые и хозяйственные строения, за исключением полуземлянок, продолжали сооружаться в этом микрорегионе и в следующую эпоху – на поселениях культуры сопок (Там же. С. 42, 76).

Погребальный памятник – грунтовый могильник. Исследованы остатки не менее 11 захоронений. Сожжения на стороне перенесены в материковые округлые и овальные ямки; погребальный инвентарь и находки керамики единичны. В одном случае прослежена обмазка глиной стенок и дна погребальной ямки с последующим обжигом; двух случаях – ямы сверху были забутованы кусками обожженной глины (Там же. С. 50–55). Аналоги таким деталям погребального обряда неизвестны.

Керамика представлена в основном сосудами типов 7 и 8 (по Н. В. Лопатину); относительно много и хорошо профилированных S-видных горшков (тип 10); присутствие сосудов баночных форм и единичных (в том числе и лощеных) фрагментов керамики мощинского круга могут свидетельствовать о контактах с «местным» населением (Там же. С. 23–30). Единичны сосуды с ребром или скругленным ребром – предшественники керамики «ладожского типа», представленной в культуре сопок; единичны сосуды типов 9 и 11, указывающих на наличие культурных связей с населением КПДК. По материалам селищ Юрьевская Горка и Бережок, относящегося к культуре сопок, фиксируется преемственность в развитии не только ребристых, но и слабопрофилированных, баночных, S-видных сосудов (Там же. Рис. 109).

Массовыми вещевыми находками являются глиняные биконические пряслица. Серия предметов относится к общим типам, бытовавшим в третьей четверти I тыс. н. э. в лесной зоне (синие полиэдрические бусы, железные ножи, спиральные пронизки и др.). Некоторые находки свидетельствуют о контактах с населением КПДК (бронзовая обоймица) и, возможно, с финским населением – потомками носителей позднедьяковской культуры (бронзовые треугольная и бутылковидные подвески, шумящая подвеска с привесками) (*Исланова*, 1997. Рис. 76, *21, 27–29*)

Нижнюю дату поселений удомельской группы – кон. V – VI в. – определяют находки крапчатой бусины, железной и бронзовой (с клювовидным язычком) пряжек, звеньев трехчастных удил (Там же. С. 46, 47. Рис. 77, *5, 13*; 79, *8, 9*). Наиболее поздние изделия, происходящие из селища Юрьевская Горка, появляются в регионе, видимо, в VIII в. – это фрагменты железных фитильных трубочек и единственная находка стеклянной желтой бусины-лимонки (Там же. Рис. 76, *8*; 77, *7, 8*). Подобные бусы массово встречаются в Удомельском Поозерье на селищах культуры сопок второй пол. VIII – X в. (Там же. С. 77–78).

Группа поселений типа Подол. Наименование получила по реперному поселению Подол 3, расположенному на оз. Волго (*Синицына, Исланова*, 2009). Еще четыре поселения также расположены на озерах Верхневолжского бассейна чересполосно с памятниками КПДК. Семь поселений лежат по берегам самой Волги, где КПДК неизвестна (рис. 1). Памятники представлены селищами и двумя городищами; погребальные объекты неизвестны, но это могли быть бескурганные могильники.

Жилые постройки были наземными срубными с подпольными ямами в материке, в одном случае по углам строения были зафиксированы столбовые ямки; отопительные сооружения представлены скоплениями обожженных камней от очагов или печей-каменок (*Исланова и др.*, 2007. С. 134). На селище Суходол 2 очаг находился в центре постройки (*Максимов*, 1998. С. 380, 384. Рис. 2).

Для памятников характерен т. н. Верхневолжский набор керамики (*Исланова*, 2007. С. 313). В отличие от наборов КПДК, здесь относительно много ребристых форм, схожих с находками керамики памятников типа Узмень. Единичные схожие сосуды известны на поселениях ильменской и удомельской групп (*Исланова*, 1997. Рис. 38, *1, 11, 14–17*; *Еремеев, Дзюба*, 2010. Рис. 66, *1*; 98, *4*). Часто встречаются и фрагменты посуды т. н. мощинского круга или форм, являющихся как бы развитием такой посуды. Хорошо представлены округлобокие сосуды, близкие к типам 7, 8 (по Н. В. Лопатину), которые известны в ильменской и удомельской группах (*Еремеев, Дзюба*, 2010. Рис. 98, *1, 3*; *Исланова*, 1997. Рис. 35, *16–17*; 36), и S-видные сосуды, аналоги которым есть на памятниках типа Узмень (*Лопатин, Фурасьев*, 2007. Рис. 125, *4*) и КПДК (*Исланова*, 2006. Рис. 85, *7*), на поселениях удомельского типа (*Исланова*, 1997. Рис. 37). Немногочисленны находки типа 9, свидетельствующие о контактах с населением КПДК. Заслуживают внимания находки фрагментов глиняных сковородок с городища Осечен и селища Подол 3, неизвестные на памятниках, лежащих севернее.

Вещевые находки представлены глиняными округлыми и биконическими пряслицами, железной и бронзовой посоховидными булавками, железными ножами с прямой спинкой и серпами с пяткой, которые датируются VI–VII вв.,

втульчатыми наконечниками копий, пластинчатым кресалом, трехлопастным наконечником стрелы, фрагментами трехчастных удил, литейными формочками, неоднократно публиковавшимися и анализировавшимися в археологической литературе (см.: *Исланова*, 2012. С. 42–43; *Щеглова*, 2009).

На основании вещевых и керамических материалов можно говорить о культурных связях населения со смежными Верхнеднепровским и Верхнедвинским регионами, о контактах через эти регионы с раннепражским населением, о мощной местной подоснове мощинского круга, а также о возможных передвижениях на р. Волгу отдельных раннеславянских групп населения с юга и юго-запада. Все это привело к оформлению не позднее VI в. н. э. древностей типа Подол.

Особенность памятников типа Подол связана, видимо, напрямую с местоположением поселений на крупной водной магистрали – р. Волге – и вблизи волока к верховьям Западной Двины.

Таким образом, на рассматриваемой территории в третьей четв. I тыс. н. э. фиксируется пестрая культурная картина, которая не противоречит выдвинутой В. Я. Конецким общей гипотезе «двух культурных традиций» (*Конецкий*, 2007. С. 267). Памятники КПДК и памятники иного культурно-хозяйственного типа были размещены в разных экологических микрорегионах и имели разную приуроченность к водным магистралям лесной зоны Восточной Европы. Определенная преемственность с древностями раннего железного века в местоположении объектов и в керамическом наборе, наличие деталей головного убора, близких финскому и балтскому населению, видимо, свидетельствуют о доминировании местного компонента в КПДК.

На заключительных этапах существования древностей КПДК в отдельных микрорегионах западной и восточной областей при переходе к христианству прослеживается плавное перерастание их в древнерусские поселения и могильники. Там же зафиксированы т. н. смешанные могильники, где в одних и тех же курганных группах находились насыпи с кремацией и инвентарем КПДК и с ингумацией с инвентарем, характерным для древнерусской культуры. Некоторые микрорегионы КПДК население покидает еще в VIII в. н. э. В восточной области на р. Шегре известна серия подобных смешанных могильников (Шитовичи, Черенцово, Березино), а будущий погост Шитовичи, известный по новгородской берестяной грамоте (*Янин*, 2001. С. 66, 67), вырастает на основе памятников как КПДК, так и культуры сопок (рис. 3).

Среди памятников, расположенных чересполосно с КПДК, родственными выглядят полужская, ильменская, мстинская и удомельская группы. На памятниках этих групп имеются близкие керамические и вещевые наборы. Там, где исследовались большие площади (Городок на Маяте и Юрьевская Горка), фиксируется сходство в конструкциях построек. В кон. I тыс. н. э. эти микрорегионы с благоприятными для земледелия почвами заняты культурой сопок (древностями летописных новгородских словен) (рис. 3). Явственно прослеживается преемственность в большинстве форм керамики и домостроении между поселениями выделенных групп и поселениями культуры сопок. Можно предполагать, что в древностях полужской, ильменской, удомельской и мстинской групп доминировал раннеславянский компонент, которому был чужд обряд сооружения курганных насыпей.

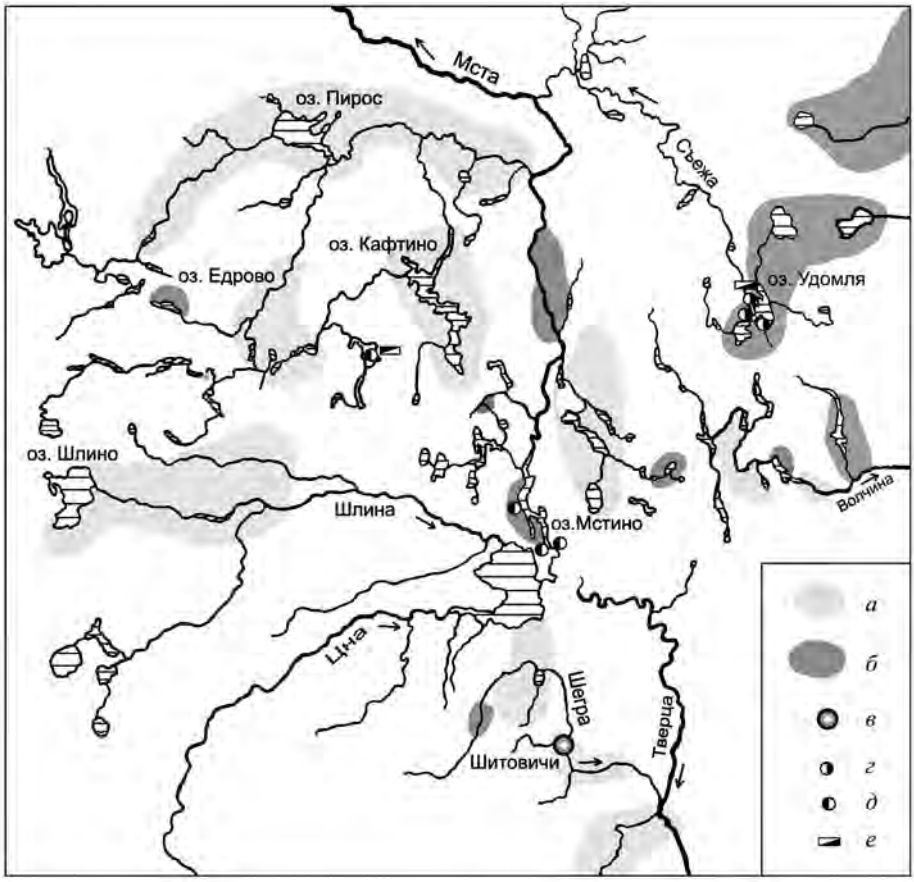

Рис. 3. Чересполосное размещение памятников КПДК, мстинской и удомельской групп и культуры сопок в бассейне верхних Мсты, Тверцы и Волчины

а – микрорегион с памятниками КПДК; *б* – микрорегион с памятниками культуры сопок; *в* – смешанный комплекс Шитовичи; *г* – селище удомельской группы; *д* – селище мстинской группы; *е* – грунтовый могильник

Памятники типа Подол представляют собой обособленную группу, имевшую несколько иной керамический набор, в котором отразилась иная местная подоснова и культурные связи с регионами, лежащими юго-восточнее и южнее. Судьба населения, оставившего эти памятники, из-за слабой источниковой базы остается пока неясной, и, в отличие от древностей иных групп, такие объекты не перерастают в культуру сопок.

ЛИТЕРАТУРА

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки: Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень / Ред. И. И. Еремеев. СПб.: Нестор-История. 670 с. (Труды ИИМК; Т. 33.)

Иванова А. Б., 2009. Отчет о спасательных археологических работах на территории Вышневолоцкого и Спировского районов Тверской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-I.

Исланова И. В., 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.: Эдиториал УРСС. 302 с.

Исланова И. В., 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: Тверской гос. университет. 286 с.

Исланова И. В., 2007. Верхневолжье и Валдай // РСМ-9. С. 301–332.

Исланова И. В., 2012. Древности в верховьях Волги (ранний железный век и раннее средневековье) / Отв. ред. А. М. Обломский, ред. И. Н. Черных. М.: ИА РАН. 218 с.

Исланова И. В., в печати. Городища культуры псковских длинных курганов в бассейне Мсты // Вестник Тверского гос. ун-та. История.

Исланова И. В., Мирецкий А. В., Олейников О. М., 2007. Городище Осечен (ранний железный век и раннее средневековье) // ТАС. Вып. 6. Т. II. Тверь: Триада. С. 132–146.

Конецкий В. Я., 1997. К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля: История и Археология: Материалы конференции / Отв. ред. В. Л. Янин. Вып. 11. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. С. 213–225.

Конецкий В. Я., 1998. Славянская колонизация северо-запада в отечественной исторической и археологической литературе // Новгород и Новгородская земля: История и Археология: Материалы конференции / Отв. ред. В. Л. Янин. Вып. 12. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. С. 226–241.

Конецкий В. Я., 2007. Этнокультурные процессы второй половины I тыс. н. э. на Северо-Западе; итоги и перспективы изучения // У истоков русской государственности: историко-археологический сборник: материалы междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия) / Ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 256–267.

Лопатин Н. В., 2003. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 214. С. 43–58.

Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., 2007. Северо-Запад России и Север Белоруссии // РСМ-9. С. 276–300.

Лыч Б. Г., 2000. О территориальных различиях погребального инвентаря носителей культуры псковских длинных курганов // Вестник молодых ученых. Исторические науки. Вып. 5. СПб. С. 72–76.

Максимов А. Д., 1998. Археологический комплекс III–VIII вв. н. э. селища Суходол II (Ржевский район Тверской области) // ТАС. Вып. 3. Тверь: Тверская обл. типография. С. 380–386.

Михайлова Е. Р., 2009. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. СПб. 18 с.

Носов Е. Н., 1981. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье // СА. № 1. С. 42–56.

Платонова Н. И., 1996. О «белых пятнах» на археологической карте памятников третьей четверти I тыс. н. э. на Северо-Западе // Ладога и Северная Русь: вторые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г.) / Науч. ред. Д. А. Мачинский. СПб. С. 9–12.

Седов В. В., 1999. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры. 320 с.

Синицына Г. В., Исланова И. В., 2009. Раннесредневековые материалы с северного берега оз. Волго в Тверской области // ТАС. Вып. 7. Тверь: Триада. С. 484–495.

Спицын А. А., Сводка сведений о древностях Новгородской губернии // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. № 171.

Спицын А. А., 1903. Бологовская стоянка каменного века // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. С. 252–253. Табл. XXIV–XLII.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987 / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. 510 с. (Археология СССР; Т. 17.)

Щеглова О. А., 2009. Волны распространения вещей из Подунавья на Северо-Восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света: материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. СПб: Гос. Эрмитаж. С. 39–65. (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 49.)

Янин В. Л., 2001. У истоков Новгородской государственности. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. 151 с.

Сведения об авторе.

Исланова Инна Васильевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ivisl@mail.ru.

I. V. Islanova

The cultural situation within the zone of Pskov-type long kurgans

Abstract. Within the territory occupied by sites relating to the culture of Pskov-type long kurgans in the third quarter of the I mill. AD, sites with different cultural traditions (Fig. 1) have been recorded located in different ecological micro-regions. The sites are situated near future main water and land routes and there is no tradition for building burial mounds there. At sites characterized by Pskov type long kurgans a local component predominates, to judge from the arrangement of the settlements and burial mounds (Fig. 2), the ceramic material and elements of female ethnographic costume found. Antiquities relating to other cultural traditions, apart from those of the Podol type, would appear to have been left behind by an early Slavic population, which maintained contacts with the local inhabitants and the population which constructed the long burial mounds of the Pskov type. In the 8th c. these «new» groups of antiquities merged into the culture of «sopka» burial mounds (Fig. 3). In some cases (Shitovichi) large groups of settlements emerge in places near to the area inhabited by the population related to the Pskov-type long kurgans and also the population with the culture of «sopka» burial mounds. In other micro-regions of the Pskov-type kurgans depopulation is recorded for the late I mill. Changes in cultural traditions could also have taken place after the adoption of Christianity. Sites of the Podol type constitute a distinct group which maintained cultural links with the regions to the South-West and South. Their destiny would take shape differently at the end of the I mill. AD.

Keywords: culture of the Pskov-type long burial mounds, early Slavic population, cultural traditions.

REFERENCES

Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya [Finno-Ugrians and Balts in the epoch of Middle Ages], 1987. V. V. Sedov, ed. Moscow: Nauka. 510 p. (Arkheologiya SSSR, 17.)

Islanova I. V., 1997. Udomel'skoye Poozer'ye v epokhu zheleza i rannego srednevekov'ya [Udomlya lake region in Iron Age and early Middle Ages]. Moscow: Editorial URSS. 302 p.

Islanova I. V., 2006. Verkhneye Pomostэye v rannem srednevekovэye [Upper Msta basin in early Middle Ages]. Moscow: Tverskoy gosudarstvenny universitet. 286 p.

Islanova I. V., 2007. Verkhnevolzhəye i Valday [Upper Volga region and Valday]. *RSM-9*, pp. 301–332.

Islanova I. V., 2012. Drevnosti v verkhovəyakh Volgi (ranny zhelezny vek i ranneye srednevekovəye) [Antiquities on Upper Volga (early Iron Age and early Middle Ages)]. A. M. Oblomsky, I. N. Chernykh, eds. Moscow: IA RAN. 218 p. (RSM-14).

Islanova I. V. Gorodishcha kulətury pskovskikh dlinnykh kurganov v basseyne Msty [Fortified settlements of culture of long kurgans of Pskov type in Msta basin]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [*Bulletin of Tver' State university. History*], in print.

Islanova I. V., Miretsky A. V., Oleynikov O. M., 2007. Gorodishche Osechen (ranny zhelezny vek i ranneye srednevekov'ye) [Fortified settlement Osechen (early Iron Age and early Middle Ages)]. *TAS*, 6, part 2. Tver': Triada, pp. 132–146.

Ivanova A. B., 2009. Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh rabotakh na territorii Vyshnevolotskogo i Spirovskogo rayonov Tverskoy oblasti v 2009 g. [Report on rescue archaeological works in territory of Vyshny Volochok and Spirovo districts, Tver' Region in 2009]. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished.)

Konetsky V. Ya., 1997. K voprosu o formirovanii kul'tury dlinnykh kurganov [On problem of formation of culture of long kurgans]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [*Novgorod and Novgorod land. History and archaeology*], 11. V. L. Yanin, ed. Novgorod: Novgorodsky gosudarstvenny ob'yedinenny muzey-zapovednik, pp. 213–225.

Konetsky V. Ya., 1998. Slavyanskaya kolonizatsiya severo-zapada v otechestvennoy istoricheskoy i arkheologicheskoy literature [Slavic colonization of North-West in national historical and archaeological academic literature]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [*Novgorod and Novgorod land. History and archaeology*], 12. V. L. Yanin, ed. Novgorod: Novgorodsky gosudarstvenny ob'yedinenny muzey-zapovednik, pp. 226–241.

Konetsky V. Ya., 2007. Etnokul'turnyye protsessy vtoroy poloviny I tys. n. e. na Severo-Zapade; itogi i perspektivy izucheniya [Ethno-cultural processes of second part of I mill. AD in North-West; results and perspectives of research]. *U istokov russkoy gosudarstvennosti: k 30-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgorodskogo Ryurikova Gorodishcha i Novgorodskoy oblastnoy arkheologicheskoy ekspeditsii. Istoriko-arkheologichesky sbornik. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*At the origins of Russian state organization: toward 30th anniversary of archaeological investigation of Ryurikovo fortified settlement at Novgorod and Novgorod Regional archaeological expedition. Historical-archaeological collection of articles. Proceedings of international scientific conference*]. Ye. N. Nosov, A. E. Musin, eds. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, pp. 256–267.

Lopatin N. V., 2003. O proiskhozhdenii i lokal'noy spetsifike keramicheskikh naborov kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov [On origins and local specifics of pottery sets of Pskov long kurgans culture]. *KSIA*, 214, pp. 43–58.

Lopatin N. V., Furas'yev A. G., 2007. Severo-Zapad Rossii i Sever Belorussii [North-West of Russia and North of Byelorussia]. *RSM-9*, pp. 276–300.

Lych B. G., 2000. O territorial'nykh razlichiyakh pogrebal'nogo inventarya nositeley kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov [On territorial differences of grave goods of bearers of Pskov long kurgans culture]. *Vestnik molodykh uchenykh. Istoricheskiye nauki* [*Young scientists' Herald. Historical sciences*], 5, 72–76.

Maksimov A. D., 1998. Arkheologichesky kompleks III–VIII vv. n. e. selishcha Sukhodol II (Rzhevsky rayon Tverskoy oblasti) [Archaeological complex of III–VIII cc. AD of open settlement Sukhodol II (Rzhev district, Tver' Region)]. *TAS*, 3. Tver': Tverskaya oblastnaya tipografiya, pp. 380–386.

Mikhaylova Ye. R., 2009. Kul'tura pskovskikh dlinnykh kurganov. Problemy khronologii i razvitiya material'noy kul'tury: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Pskov long kurgans culture. Problems of chronology and development of material culture: thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy]. St. Petersburg. 18 p.

Nosov Ye. N., 1981. Nekotoryye obshchiye voprosy izucheniya pogrebal'nykh pamyatnikov vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. v Priil'men'ye [Some general problems of research of burial sites of second part of I mill. AD in Ilmen Lake region]. *SA*, 1, pp. 42–56.

Platonova N. I., 1996. O «belykh pyatnakh» na arkheologicheskoy karte pamyatnikov tret'yey chetverti I tys. n. e. na Severo-Zapade [On «blank spots» in archaeological map of sites of third quarter I mill. AD in North-West]. *Ladoga i Severnaya Rus': vtoryye chteniya pamyati Anny Machinskoy* [*Ladoga and North Rus': second readings in memory of Anna Machinskaya*]. D. A. Machinsky, ed. St. Petersburg, pp. 9–12.

Sedov V. V., 1999. Drevnerusskaya narodnost': Istoriko-arkheologicheskoye issledovaniye [Medieval Russian nation: Historical-archaeological investigation]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 320 p.

Shcheglova O. A., 2009. Volny rasprostraneniya veshchey iz Podunav'ya na Severo-Vostok v VI–VIII vv. kak otrazheniye migratsiy ili kul'turnykh vliyany [Waves of spreading of artefacts from Danube basin to North-East in VI–VIII cc., reflection of migrations or cultural influence]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, 49.* [*State Hermitage Transactions*]*,* 49. St. Petersburg: Gosudarstvenny Ermitazh, pp. 39–65.

Sinitsyna G. V., Islanova I. V., 2009. Rannesrednevekovyye materialy s severnogo berega oz. Volgo v Tverskoy oblasti [Early medieval materials from northern shore of Lake Volgo in Tver' Region]. *TAS,* 7. Tver': Triada, pp. 484–495.

Spitsyn A. A., Svodka svedeniy o drevnostyakh Novgorodskoy gubernii [Summary of data on antiquities of Novgorod Province]. *Archive of IIMK RAN*, f. 2, No. 171 (In Russian, unpublished).

Spitsyn A. A., 1903. Bologovskaya stoyanka kamennogo veka [Bologoye Stone Age camp]. ZORSA, t. V, issue 1, pp. 252–253, tabl. XXIV–XLII.

Yanin V. L., 2001. U istokov Novgorodskoy gosudarstvennosti [At the origins of Russian state organization]. Veliky Novgorod: Novgorodsky gosudarstvenny universitet imeni Yaroslava Mudrogo. 151 p.

Yeremeyev I. I., Dzyuba O. F., 2010. Ocherki istoricheskoy geografii lesnoy chasti Puti iz varyag v greki: Arkheologicheskiye i paleogeograficheskiye issledovaniya mezhdu Zapadnoy Dvinoy i ozerom Il'men' [Essays of historical geography of forest part of Route from Varangians to Greeks: Archaeological and palaeogeographic researches between West Dvina and Lake Il'men']. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 670 p.

About the author.

Islanova Inna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow 117036, Russian Federation; e-mail: ivisl@mail.ru.

Н. А. Кренке

ФИНАЛ ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОДМОСКОВЬЕ*

Резюме. В статье анализируются находки финальной стадии дьяковской культуры раннежелезного века, обнаруженные в Подмосковье. Делается вывод, что в IV–Vвв. н. э. жизнь на городищах была еще очень активной, а культура – самобытной. В материальной культуре прослеживаются важные инновации. Возможно, в V в. н. э. на городищах распространился новый стиль керамики «мощинского круга». В VI–VII вв. наблюдается резкое сокращение числа находок, указывающее на затухание жизни на городищах. В VII–VIII вв. жизнь на москворецких городища прекращается. На периферии ареала москворецких городищ в VII–VIII вв. н. э. появляются памятники с новым типом керамики, находящим аналогии в синхронных балтских древностях смежных регионов.

Ключевые слова: дьяковская культура, украшения, радиоуглеродные датировки, геральдический стиль.

Длительный хронологический интервал – вся вторая половина I тыс. н. э. – для территории Подмосковья по-прежнему остается весьма загадочным и слабо обеспеченным археологическими источниками. Попытки «закрыть» лакуну, предложив новые датировки для позднедьяковских древностей (*Розенфельдт*, 1982), оказались малоудачными. «Перетягивание» древностей римского времени во вторую половину I тыс. противоречило всей системе европейских датировок, стратиграфии Дьякова городища и значительной серии радиоуглеродных дат, полученных для позднедьяковских объектов (*Кренке*, 2011; *Кренке, Сулержицкий*, 2006).

Задача настоящей статьи – рассмотреть еще раз серию наиболее поздних находок эпохи раннего средневековья, встреченных на городищах дьякова типа Подмосковья, а также новые комплексы лепной керамики, предположительно относящихся к последьяковскому времени.

На поздней стадии развитии позднедьяковской культуры, примерно в IV в. н. э., продолжалось эволюционное развитие материального комплекса, а также проявились инновации. Эволюционное развитие прослеживается в наборе бронзовых украшений.

* Статья подготовлена в рамках программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

Важно отметить, что, безусловно, существовала очень сильная развивавшаяся локальная ювелирная традиция, в ряде случаев подчинявшая внешние влияния. Уникальным примером подобного рода может служить бронзовая подвеска-гребень с Успенского городища (*Кренке*, 2011. Рис. 244, *23*). Возможно, в качестве исходного образца в данном случае послужил черняховский костяной гребень, но в итоге вещь очень отдалилась от оригинала. Гребень был выполнен с использованием элементов местного ювелирного стиля (трапециевидные подвески с двойной зернью, перевитая нить по периметру) и по привычной технологии литья по восковой модели.

Специфика местного ювелирного стиля заключалась в соединении двух стилистических направлений – 1) «шумящих» украшений и 2) вещей, состоящих из комбинаций соединенных друг с другом маленьких скорлупок. Оба эти направления соединились вместе в таких вещах, как, например, крупные нашивные украшения из клада Троицкого городища и случайная находка с Борисоглебского городища (*Дубынин*, 1970. Рис. 19, *4*; *Розенфельдт*, 1982. Рис. 16, *2*).

Украшения местного стиля представлены серией подвесок с треугольными щитками и привесками в виде трапеций или треугольников (рис. 1). Видимо, одновременно бытовали украшения с большими и малыми щитками. Можно предполагать, что поздняя стадия развития этих украшений представлена экземплярами, у которых привески имели вид «низких» треугольников с переходниками, «приросшими» к привескам.

Примером является находка с Дьякова городища (*Кренке*, 2011. Рис. 143, № 57–83). По типологии И. Г. Розенфельдт она относится к типу V, варианту 3б (*Розенфельдт*, 1982. С. 35–37). Это украшение с двумя подвесками имеет маленький щиток, состоящий из двух рядов волют, и два кольца для привесок. Шарики зерни крупнее и составляют сплошные ряды с каждой стороны щитка. Типологическую специфику вещи определяют привески – они в виде низких треугольников с тремя группами двойной зерни и имеют «приросший» неподвижный переходник в виде плетенки, обрамленной зернью. Единственная аналогия происходит с Кунцевского городища (Там же. Рис. 8, *1*). Можно согласиться с И. Г. Розенфельдт, что данная привеска является позднейшим вариантом в группе привесок с маленьким щитком. Основание для такого заключения – особая форма привески в виде именно низкого треугольника и «приросший» переходник. К данному типу очень близки украшения типа 5 варианта 3в (с подвижным переходником). Они найдены на Саввино-Сторожевском (*Краснов Ю., Краснов Н*., 1978) и Ростиславльском (*Коваль*, 2009) городищах.

Крупная привеска с Дьякова городища (рис. 1, *1*) относится к типу привесок с большим щитком. У нее имеется четыре треугольные привески, прикрепленные с помощью переходников, в основе которых – косое плетение. Ближайшая аналогия – находка с городища Луковня 1 (*Розенфельдт*, 1982. Рис. 8, *14*). Аналогичные переходники встречены у вышеупомянутых маленьких подвесок типа 5 вариант 3в, а также у подвески с большим щитком с городища Орлов городок в Тверской обл. (*Максимов*, 1981. Рис. 62). Предположительно можно думать, что описанные выше украшения характеризуют местное ювелирное производство IV–V (VI?) вв. н. э.

Рис. 1. Дьяково городище. Бронзовые украшения V–VII вв.

1–5 – местная ювелирная традиция; *6–10*– импорты

Развитие линии подвесок с большими и малыми щитками прослеживается в других культурных контекстах на финно-угорских памятниках Волго-Окского бассейна вплоть до X–XI вв. (*Голубева*, 1973. Рис. 5, *4*; *Горюнова*, 1961. Рис. 39; 40).

Новацией являлось широкое распространение совершенно не применявшейся ранее в Москворечье технологии изготовления бронзовых (?) и оловянных

украшений в двусторонних глиняных и каменных формочках. Эти технологические новации во второй половине I тыс. н. э. имели очень широкое распространение в лесной зоне Восточной Европы от Прибалтики до Рязанского Поочья (*Ахмедов*, 2010; *Моора*, 1963; *Volkaite-Kuliskauskiene, Jankauskas*, 1992). Именно литейные формочки, но не сами украшения были найдены большими сериями на таких москворецких городищах, как Дьяково и Луковня 1, единичные – на городищах Троицкое и Боршева, а также в смежных регионах на городищах Кикино, Ростиславль, Огубское, селище Щурово (*Сыроватко и др*., 2012. Рис. 2, *13*).

Ассортимент изделий, отливавшихся в формах, найденных на москворецких городищах, был достаточно широк, но в целом это разнообразные мелкие украшения: подвески, нашивные бляшки, накладки и т. п.

Аналогии прямоугольным декорированным поперечными линиями пластинкам, которые отливали в москворецких формочках, встречены в бассейне Верхней Волги и в Прибалтике на городищах Кикинское (*Вишневский*, 1998. Рис. 2, *22*), Осечен (*Исланова, Мирецкий*, 1997. С. 15. Рис. 2, *2*), Хлепень (*Смирнов*, 1974. Табл. 19) и Рыуге в Восточной Эстонии (*Шмидехельм*, 1959. Табл. V, *6а, 10*), Старой Ладоге (*Давидан*, 1980. Табл. 2, *17*).

Большая часть негативов на москворецких формах типична для лесной и лесостепной зон Восточной Европы, где они встречаются на памятниках второй пол. I тыс. н. э. Есть негативы, отнесенные О. А. Щегловой к группе общих, «сквозных» типов украшений, распространенных не только на Северо-Западе, но и в южной части Восточной Европы. Сюда входят бляшки-розетки и круглые выпуклые нашивные бляшки (*Щеглова*, 2002).

Нужно отметить, что позднедьяковские литейные формочки имеют технологические отличия от более поздних мерянских. На дьяковских формочках никогда не встречаются расходящиеся веером литейные каналы. Вероятно, время бытования дьяковских литейных форм следует отнести к V–VI (VII) вв. н. э. Они являются исключительно важным хронологическим маркером, указывающим на продолжение жизни москворецких городищ в это время.

С дьяковских городищ происходит серия бронзовых трапециевидных высоких привесок (часто с эсовидными переходниками), относительно которых можно с равной вероятностью предполагать либо их импортное, либо местное производство. Семь экземпляров происходят с Дьякова городища (*Кренке*, 2011. Рис. 146, *№ 342–81; 377–81; 1404–87; 1432–87*). Две привески имеют высокие пропорции, у них сохранились эсовидные переходники. Две из них являются комбинированными украшениями: состоят из трех привесок, соединенных вместе переходниками-колечками (рис. 1, *5*). Оба варианта представлены в самом верхнем горизонте культурного слоя Дьякова городища. Аналогии на других дьяковских памятниках, собранные И. Г. Розенфельдт, единичны (*Розенфельдт*, 1982. Рис. 5). Очень близкие аналоги привескам имеются в рязано-окских могильниках, например из погребений 79 могильника Кораблино и 195 могильника Заречье происходит целая серия тождественных привесок с переходниками, украшавших поясок головного венчика (*Ахмедов*, 2007. Рис. 26; *Белоцерковская*, 2007. Рис. 2; *Белоцерковская, Ахмедов,* 2009). Относительная датировка этих погребений – период 3, по И. В. Белоцерковской, который датируется V – нач. VI в.

(*Белоцерковская*, 2007. С. 201). Аналогичным образом датируется Никитинский могильник, где также встречены подобные украшения (*Воронина и др*., 2005). Есть они и в Безводнинском могильнике, где являлись элементом головного убора (*Краснов*, 1980. Рис. 28). Список аналогий можно существенно расширить, но приведенные выше наиболее близки находкам с Дьякова городища.

Подвески, состоявшие из трех соединенных трапеций, встречены на дьяковских городищах Саввино-Сторожевское, Кунцево, Дьяково, Подмоклово. Тождественная подвеска представлена в погребении 195 могильника Заречье (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 8, *40*), которое, как отмечалось выше, датируется V – нач. VI в. Аналогичные вещи есть и в других финских могильниках того же культурного круга – Хотимльском, Борковском (*Розенфельдт*, 1982. Рис. 6). Находка тождественной подвески имеется на мощинском городище Акиньшино, расположенном на правом притоке Оки выше Алексина (*Воронцов*, 2010. Рис. 42).То есть ареал сложносоставных подвесок – бассейн Оки, вероятная датировка – гуннское время или кон. V – нач. VI в. н. э. Одиночные трапециевидные подвески есть в Ратьковском могильнике (*Вишневский, Новоселова*, 2010. Рис. 6, *12, 13*; 8, *11*), нижняя дата которого определяется VI (V?) в. н. э.

Такие знаковые вещи, как грузики дьякова типа, продолжали бытовать в финальный период позднедьяковской культуры. Наибольшее количество составляли грузики типа 1 (по К. А. Смирнову), небольшой серией представлены грузики с уплощенным верхом, форма которых представляет переходный вариант между конусом и цилиндром. Специфичен для данного периода уплощенный тип грузика в виде низкого конуса.

Важно отметить наличие грузиков с намеренно сточенным верхом. Такая переработка превратила их в дисковидные пряслица с зубчатым краем (*Кренке*, 2011. Рис. 122, № *1353–86; 172–83; 202–83*). Эта переделка вряд ли может быть названа ремонтом. Можно предположить, что таким образом была реализована попытка «культурной адаптации»– переделка грузика в пряслице. Размеры всех поздних грузиков маленькие, окончательно вышли из обихода предметы крупных и средних размеров.

Относительно увеличивается количество глиняных биконических пряслиц с широким каналом. При этом важно отметить, что в бассейне Москвы-реки не представлены пряслица мощинского типа с лощеной поверхностью и широким каналом. По-видимому, долина Оки на участке ее течения от Серпухова до Коломны являлась пограничным районом, «тянувшим» все же скорее к югу, нежели к северу.

В IV–V вв. н. э. в Москворечье наблюдался своеобразный бум мелкой глиняной антропоморфной пластики. Статуэтки однотипны. Крестообразная фигура, голова всегда показана очень схематично, никаких черт лица не изображалось. Руки раскинуты, ноги прямые, часто сомкнуты, иногда выделены ступни, ягодицы подчеркнуты, плоский перед. На некоторых статуэтках есть орнамент, нанесенный вдавлениями тонкой палочки, встречаются отпечатки ногтей. По-видимому, какие-то важные события происходили в религиозной сфере, местный культ получил уникальное материальное выражение для лесной зоны Восточной Европы в эпоху переселения народов. Специфика глиняной мелкой пластики еще раз указывает на то, что население, проживавшее

в Москворечье, имело явную культурную обособленность от соседей. Находки глиняных статуэток распространены очень неравномерно. Есть городища, где проводились большие раскопки позднедьяковских слоев, но статуэток не было найдено (Троицкое, Кунцевское, Боршева и др.). Антропоморфные статуэтки концентрируются всего на нескольких городищах. Это Успенское, Дьяково, Луковня, Щербинское, Кузнечики, Борисоглебское. Можно выдвинуть предположение, что эти памятники являлись не просто поселениями, но и сакральными центрами москворецкого региона в это время. В один комплект с антропоморфными статуэтками входили глиняные орнаментированные таблички. Между статуэтками и изображениями на табличках, видимо, имелась смысловая связь (*Кренке*, 1989).

Разнообразен состав импортов, относящихся к финальной стадии позднедьяковской культуры, – от стеклянных бус до бронзовых украшений, монет и предметов вооружения. Это разнообразие само по себе, как мне кажется, указывает скорее на торговые контакты, нежели на след вторжений завоевателей.

Среди стеклянных бус нужно в первую очередь отметить синие 14-гранные, стратиграфическое положение которых на городище Дьяково зафиксировано именно в верхней части верхнего культурного горизонта.

В IV в. н. э. дальние контакты южного направления продолжали проявлять себя в находках таких предметов импорта, как черняховская фибула с Дьякова городища или бронзовая монета императора Костантина II, чеканенная в Кизике, с городища Бушарино (*Кренке*, 2011. Рис. 244).

Имеется серия импортов V–VI вв. н. э., также указывающих на условный «юг». К ним относятся найденные на городище Луковня 1 железный умбон щита, язычок пряжки с поперечными каннелюрами у основания, фрагмент браслета с расширенными концами и браслетообразного височного кольца, трехлопастная стрела с городища Кунцево (*Ахмедов, Казанский*, 2004. Рис. 5) и серия аналогичных стрел, найденных возле городища у Саввино-Сторожевского монастыря (коллекция ЗИАиХМ). Датировку этих предметов И. Р. Ахмедов и М. М. Казанский определяют V в. н. э. (Там же. С. 174).

К перечисленным выше находкам примыкает щиток пряжки с Дьякова городища – массивный, литой, овальной формы, с одной заклепкой в центре. (Рис. 1, *10*). Аналогии на памятниках дьякова типа отсутствуют. Очень близки находке с Дьякова городища пряжки из склепа 78 Боспорского некрополя. И. П. Засецая датирует их второй пол. V – рубежом V/VI вв. (*Засецкая*, 2003. С. 38. Табл. 12, *36, 45*). В могильнике Дюрсо близ Новороссийска также есть пряжки с аналогичными щитками с одной заклепкой в центре. Ранний пласт погребений, где они найдены, датирован кон. V – первой пол. VI в. (*Дмитриев*, 2003. Табл. 79, *14*. С. 201). Пряжку с овальным щитком и одной заклепкой из Константиновграда И. О. Гавритухин датировал второй пол. V – первой пол. VI в. (*Гавритухин*, 2007. С. 32. Табл. 22, *12*). Сходные находки из склепа 495 в Скалистом в Крыму (*Хайретдинова*, 2003. Рис. 1, *9, 10*) определены как обувная гарнитура и датированы первой пол. VI в. По мнению Э. А. Хайретдиновой, они произведены в Херсонесе по византийским образцам (Там же. С. 126). На Верхнем Дону в могильнике с трупоположениями на Животинном городище были найдены погребения, содержавшие портупейный пряжки, аналогичные находке

с Дьякова городища. И. Р. Ахмедов и М. М. Казанский датируют эти комплексы 450–480 гг. н. э., считают, что погребения принадлежат «носителям западной воинской цивилизации» (*Ахмедов, Казанский*, 2004. С. 179. Рис. 13, *7*), и делают далее заключение, что именно лесостепной район междуречья Днепра и Дона мог быть источником инноваций для лесной зоны.

Есть слабые признаки юго-восточных связей V в. н. э. с культурой рязано-окских могильников. Находки предметов этой культуры в Москворечье редки. Крестовидные фибулы из Можайска (*Янишевский*, 2012а) и Хотяжей (*Алексеев*, 2004) скорее являются исключением. Показательно, что обе найдены вне контекста поселений дьякова типа.

Достоверных импортов VI–VII вв. н. э. в бассейне Москвы-реки очень мало. Их число едва выходит из первого десятка. В этот короткий список входят широкопластинчатая фибула со Щербинского городища (*Дубынин*, 1974. Табл. XI), которая датируется VII–VIII вв. (*Горюнов, Казанский*, 1978); накладка геральдической формы с городища Луковня 1 VI–VII вв. (*Розенфельдт*, 1982. С. 113, 114), двурогая одночастная поясная накладка геральдического стиля с Дьякова городища, датируется, скорее всего, первой пол. VII в. н. э. (*Кренке*, 2011. С. 72, 73), браслет с расширенными концами с Успенского городища (*Успенская*, 1957. Рис. 46), датируемый третьей четвертью I тыс. н. э. (*Родинкова, Седин*, 2004. С. 244). Ближайшей к Москворечью территорией, где геральдические поясные наборы были широко представлены в кон. VI – первой пол. VII в. н. э., является ареал рязано-окских могильников (*Ахмедов*, 2010).

Две трапециевидные подвески, орнаментированные двумя рядами точек с Дьякова городища (*Кренке*, 2011. Рис. 146, *75–83*), датируются VII в. (*Гавритухин*, 1997).

На городищах Москворечья было найдено несколько вещей, указывающих на контакты с северо-западными территориями, Прибалтикой. Это, во-первых, три тисненых бляшки-обоймицы. Две из них происходят с Дьякова городища. Одна была найдена в 1984 г. (рис. 1, *6*), другая – при раскопках под руководством А. Г. Векслера (*Векслер*, 2007. Цв. вклейка между с. 240 и 241). Аналогичная бляшка была найдена на городище Луковня 1 (*Розенфельдт*, 1982. Рис. 1, *7*). Они относятся к типу «квадратных», выделенному Е. Р. Михайловой (2007). Орнамент выпуклый, выполнен тиснением. На пересечении диагоналей, обозначенных двойными линиями, – кольцо с точкой в центре, по двум боковым краям – линии из точек, верх и низ ограничены двумя параллельными линиями. Практически точные аналоги (3 экз.) представлены в псковских длинных курганах (*Михайлова*, 2007. Илл. 1). Очень близкая по особенностям декора бляшка происходит из кургана Любахин 1 (*Башенькин*, 1995. Рис. 8). В памятниках культуры псковских длинных курганов встречены разнообразные стилистически схожие украшения, что дало основание Е. Р. Михайловой выделять их в качестве культуроопределяющих (*Михайлова*, 2009; 2014). Это позволяет предполагать, что находки на позднедьяковских городищах Москворечья происходят из региона культуры псковских длинных курганов. Е. Р. Михайлова приводит аргументы в пользу определения нижней даты этой культуры кон. V в. н. э. (Там же). Курган 6 могильника Березно 1 она датирует второй пол. VI – нач. VII в., привлекая при этом радиоуглеродные датировки. Имеются также предположения

о несколько более ранних датировках. Так, А. Н. Башенькин по набору инвентаря относит курган Любахин 1 к V в. н. э. (*Башенькин*, 1995. С. 25). Косвенным подтверждением данной точки зрения являются находки из Литвы. В могильниках III–V вв. н. э. Велиона и Марвеле были найдены головные украшения, элементы которых могут рассматриваться как прототипы тисненых подвесок (*Bertašius*, 2005; *Michelbertas*, 1986. Pav. 13).

Типичными прибалтийскими украшениями являются бубенчики с полями, напоминающие шляпку. Три бубенчика были найдены на Дьяковом городище (рис. 1, *7*). Бубенчики имеют характерные эсовидные переходники для подвешивания. Бубенчики подобной формы являются уникальной находкой в пределах Москворечья. Изготовлены методом штамповки из бронзового листа, на полях бубенчиков имеется разрез. Многочисленные аналогии известны на территории Эстонии, Восточной Латвии (*Аун*, 1980. Рис. 18; Latvijas PSR Arheologija…, 1974. Tab. 42, 43; *Urtāns*, 1970). Нижняя дата находок из Латвии – VII в. н. э.

Наконец, есть импорты, указывающие на восточное направление контактов. С Дьякова городища происходит шумящая подвеска-пронизь (рис. 1, *9*). Корпус полый, круглый в сечении, отлитый по модели, выполненной из нити, скрученной в цилиндр, – «спиралевидный», по терминологии В. И. Вишневского (*Вишневский и др.*, 2007. С. 96). К корпусу прикреплены снизу два кольца, в которые продеты подвески. На памятниках дьякова типа эти находки редки. Большая серия аналогий происходит из Ратьковского могильника. Схожие пронизи были найдены во многих других финских могильниках – Никитинском (*Воронина и др.*, 2005. Рис. 36), Заречьинском (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 2, *38*; 7, *23*), Большое Молочное (*Леонтьев*, 1996. Рис. 128, *4*), Сарском городище (*Леонтьев*, 1996. Рис. 73, *4*). В Москворечье такая пронизь была найдена на поселении Хотяжи вместе с крестовидной окской фибулой V в. н. э. (*Алексеев*, 2004. Рис. 4, *14*). Судя по находкам в рязано-окских погребениях стадии 3 (по И. В. Белоцерковской), украшение может быть датировано начиная с V в. н. э. Безусловно, данные вещи бытовали и позже – в VI–VII вв. н. э.

Нашивное украшение с городища Боршева (*Розенфельдт*, 1982. Рис. 15, *16*) с привесками ромбической формы уникально для дьяковских памятников и имеет аналогии в финских древностях Поочья.

Бубенчики в форме бутылочки были найдены на городище Дьяково (*Кренке*, 2011. Рис. 144, *№ 43–83, 332*). Для дьяковских памятников Москвы-реки вещь редкая. Многочисленные аналоги представлены в финно-угорских могильниках и поселениях в бассейнах Верхней Волги и Оки – Ратьковском (*Вишневский, Новоселова*, 2010, рис. 8, *7*; *Вишневский и др.*, 2007. Рис. 7, *18, 19*); Безводнинском (*Краснов*, 1980. Рис. 27, 29); Заречье (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 3, *1*); селище Усть-Черная, Сарском и Мало-Давыдовском городищах (*Леонтьев*, 1996. Рис. 73, *14*; 90, *8*; 96, *4–6*). Датировка комплексов, где они встречены, находится в интервале V–VII вв. Вероятно, на Дьяковом городище данные изделия являются привозными и датируются в рамках указанного интервала.

Показательно, что перечисленные находки были найдены на тех же самых ключевых памятниках, о которых говорилось выше, – это городища Успенское, Кунцево, Дьяково, Луковня 1, Щербинское, расположенные в относительно небольшом ареале среднего течения Москвы-реки и Пахры.

В IV–V вв. н. э. в Москворечье распространяется новый керамический стиль, так называемого мощинского круга (рис. 2). Очень широкое распространение в Волго-Окском бассейне керамики этого стиля с его ведущим признаком в виде прямого венчика и переходом к округлому плечику, подчеркнутым уступом и горизонтальной каннелюрой, заставляет думать, что это, прежде всего, явление моды. В этом стиле изготавливалась как грубая гладкостенная, так и лощеная керамика. Можно предполагать, что исходной точкой развития этого стиля был регион верхнего Поочья, где на памятниках мощинской культуры он представлен особенно ярко. Для датирования керамики Волго-Окского междуречья, выполненной в этом стиле, важны радиоуглеродные датировки, указывающие на V–VII вв. н. э., полученные для селища Кибол-7 в Суздальской округе (*Макаров и др.*, 2011).

Вероятно, с южным влиянием следует связывать появление в керамическом комплексе дьяковских городищ в бассейне р. Пахры глиняных сковородок (*Розенфельдт*, 1974. Рис. 43).

Важно подчеркнуть также, что далеко не все формы сосудов, характерные для памятников мощинской культуры, представлены в Москворечье. Здесь совершено отсутствуют типичные мощинские цилиндроконические формы, не менее значимые для определения мощинской культуры, чем сосуды с прямой шейкой и горизонтальной каннелюрой при переходе к плечику. Для Москворечья характерны грубые гладкостенные сосуды для хранения припасов, имевшие вытянутые пропорции и орнаментированные отпечатками палочки с веревочкой (рис. 1, *5*), а также горшки малых форм с разнообразной ямочной орнаментацией (рис. 1, *2*), специфичные именно для этого региона. Сравнение составляющих набора вещей мощинских памятников бассейна Верхней Оки и позднедьяковских в Москворечье с очевидностью показывает их различия (следует учесть грузики дьякова типа, мелкую глиняную пластику, лощеные пряслица, бронзовые украшения). То есть границу мощинской культуры нельзя отодвигать так далеко на север, чтобы она включала бассейн Москвы-реки, как это сделано в монографии М. Б. Щукина и соавторов (*Ščukin et al.*, 2006. Fig. 42).

В VI–VII (VIII?) вв. н. э. в развитии керамического комплекса на памятниках Волго-Окского междуречья наблюдаются некоторые общие тенденции. К сожалению, остро ощущается недостаток материалов и надежных датировок. Тем не менее некоторые памятники с находками керамики третьей четверти I тыс. н. э. имеются, и они могут служить отправными точками для рассуждений (рис. 3; 4). Это позднемощинские городища, такие как Акиньшино на Правобережье Оки (*Воронцов*, 2011), позднедьяковское городище Кикино на р. Веле (*Вишневский*, 2007), селище Болшево-3 на р. Клязьме (*Чернов, Волков*, 2009), городище Бородино-2 на Москве-реке, городища Борисов городок (*Янишевский*, 2012б) и Маломахово (*Прошкин, Фролов*, 2012) в бассейне р. Протвы, селище и могильник Соколова Пустынь на р. Оке выше устья Москвы-реки (*Потемкина и др.*, 2013), селище Рогово на Верхней Волге под Ржевом. В качестве таких общих явлений в развитии керамического комплекса можно отметить сокращение (исчезновение?) доли лощеной и орнаментированной керамики. Приоритет получают формы грубой гладкой керамики с высоким венчиком и «сглаженным ребром-уступом» в верхней части плечика при переходе к венчику. Венчик может быть

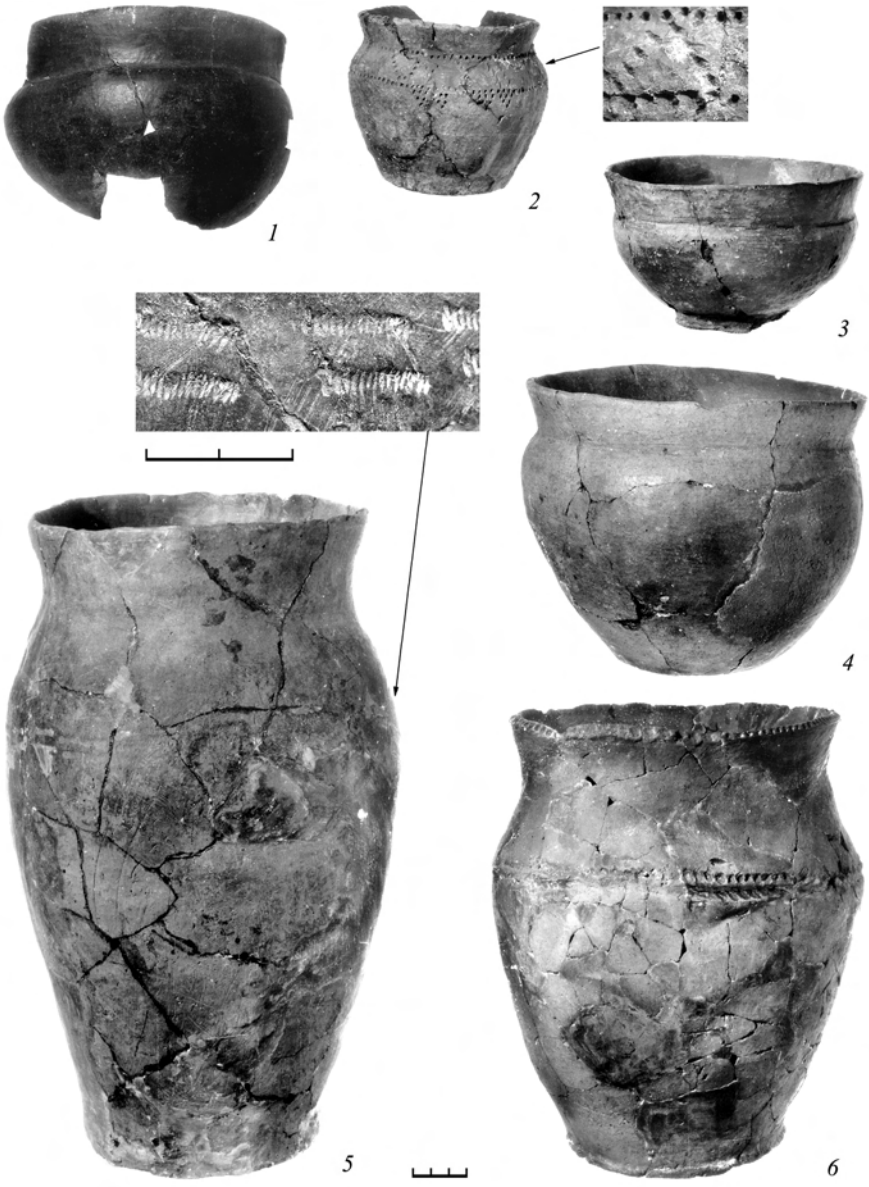

Рис. 2. Дьяково городище. Керамика IV–V вв. периода влияния «мощинского стиля»

либо уплощенным по торцу, либо, наоборот, приостренным, что придает его профилю «саблевидный» (по С. З. Чернову) вид. Высокий почти прямой венчик с резким переходом к плечику через уступ может рассматриваться как наследие формы сосудов мощинского круга. Особенно эта преемственность ясна на примере городища Акиньшино. К материалам городища Акиньшино близка керамика расположенного на противоположном берегу Оки селища Соколова

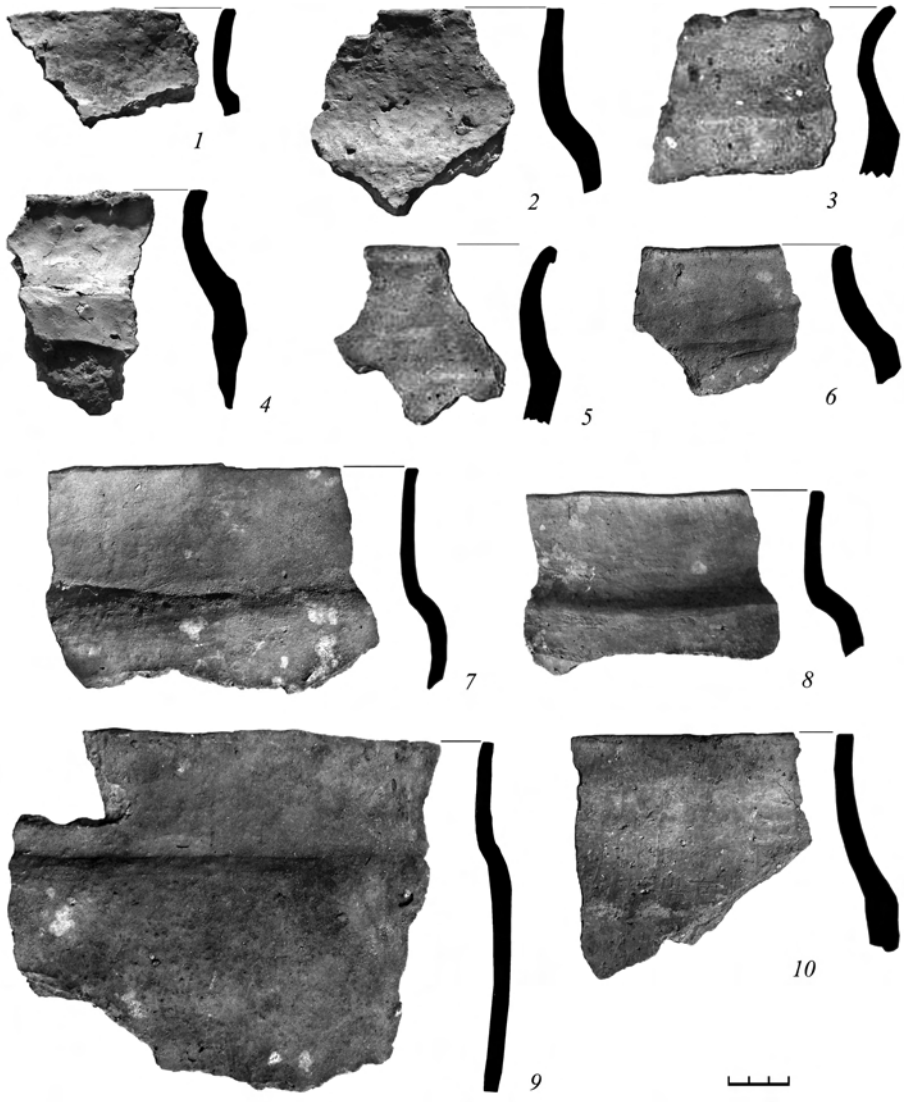

Рис. 3. Керамика «постдьяковского» периода и финала позднедьяковской культурыVII–VIII вв. с памятников Москворечья и Верхней Волги

1–5 – селище Бородино (по Б. Е. Янишевскому); *6–10* – городище Кикино (по В. И. Вишневскому)

Пустынь (*Потемкина и др.*, 2013). В этот же круг входит относительно удаленный на север комплекс селища Болшево-3. Сравнение последнего с керамикой «ладожского типа» (*Чернов, Волков*, 2009) лишь по наличию ребра на плечике не выглядит убедительным, так как морфология верхней части венчика болшевских сосудов совершенно иная.

В середине – 3-й четверти I тыс. н. э. от Ржевского течения Волги на северо-западе до верховьев Москвы-реки и Протвы на юго-востоке получила

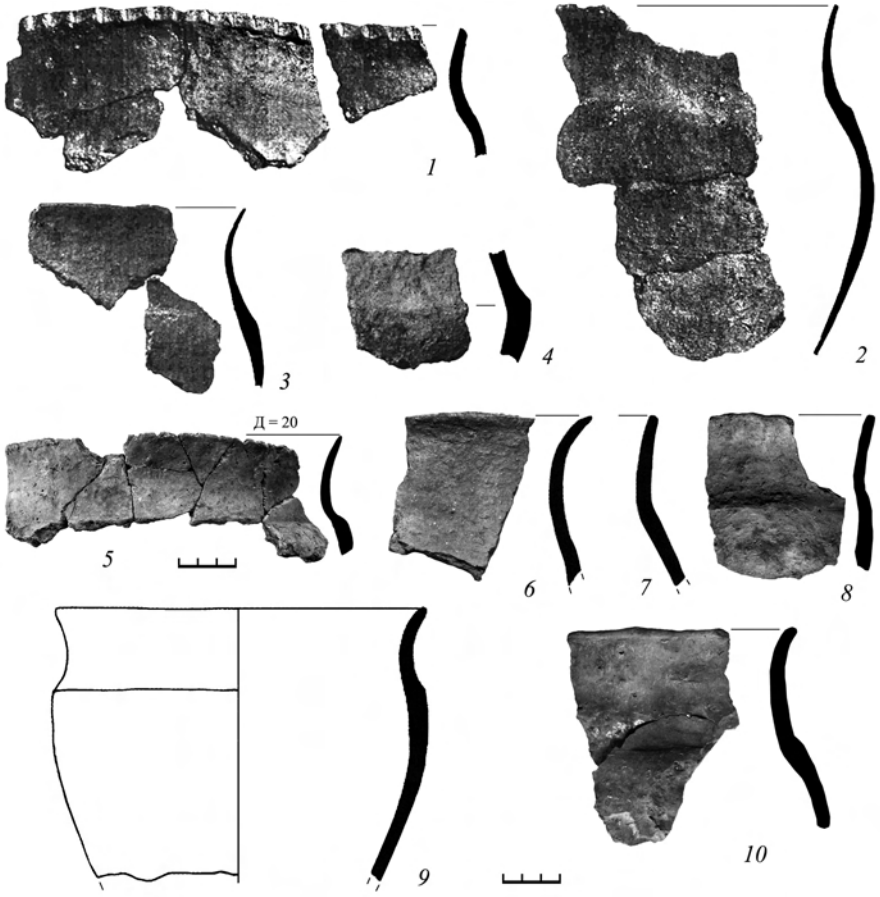

Рис. 4. Керамика «постдьяковского» периода VII–VIII вв. в Подмосковье и Поочье

1–4 – селище Болшево 3 (по: *Чернов*, 2009); *5* – поселение Соколова Пустынь (по: *Потемкина*, 2013); *6–10* – городище Акиньшино (по: *Воронцов*, 2011)

распространение керамика, которую И. В. Исланова обозначила как «верхневолжский керамический набор» (*Исланова*, 2007. С. 313). У этой керамики нет такой выраженной преемственности с сосудами мощинского круга. Венчик также прямой или слабо отогнутый, но короче и толще, переход к плечу плавный, на плечике имеется сглаженное ребро-уступ, отсутствуют следы типичной для мощинской керамики каннелюры. В некоторых случаях (Борисов городок на р. Протве) ребро-валик на тулове проявляется достаточно отчетливо. Эта керамика вызывает ассоциации с керамикой Верхнего Поднепровья середины – 3-й четверти I тыс. н. э. Особенно важно обратить внимание на сглаженное ребро в верхней части плечика. Этот признак характерен для горшков типа Р-4, выделенных Н. В. Лопатиным (*Лопатин, Фурасьев*, 2007. Рис. 11), встреченных на памятниках типа Заозерье–Узмень и затем присутствующих в культуре псковских длинных курганов. Отличие описываемой керамики

«верхневолжского набора» от лепной славянской керамики роменского типа заключается, в первую очередь, в наличие «высокого» венчика и отсутствии типов орнаментации, характерных для последней. В тоже время, сглаженное ребро – это признак, встречающийся и на древнейшей славянской керамике южного Подмосковья. В качестве примера можно привести курган у д. Рыжково на Протве (*Бубликов и др*., 2008).

Важно отметить, что керамика «верхневолжского набора» не похожа на мерянскую и сходную с ней, вроде комплекса Ратьковского могильника. Ареал мерянской/муромской керамики образует особую область, которая «нависает» над Подмосковьем с востока и северо-востока.

В коллекциях позднедьяковских городищ Москворечья керамика верхневолжского набора и позднейшие ипостаси мощинских форм пока не были выявлены. При этом надо отметить, что не производился целенаправленный анализ коллекций именно с такой задачей выявления позднейших керамических материалов. Таким образом, вывод об отсутствии описываемого керамического комплекса в среднем Москворечье пока не может считаться окончательным.

Единичные вещевые импорты VII в. н. э., обнаруженные на городищах среднего течения Москвы-реки, пока как бы повисают в воздухе, так как керамические комплексы, которые соответствуют этим находкам, не описаны. Данных о находках VIII–IX вв. н. э. в среднем течении Москвы-реки нет совсем, лишь нескольких кладов куфических монет (все документированы очень слабо) заполняют лакуну.

Выводы. Позднедьяковские памятники Москворечья IV–V вв. н. э. испытывали сильное влияние, распространявшееся с юга, но при этом продолжали сохранять свою культурную обособленность. Многие элементы в культуры (на мой взгляд, преобладающие) связывают эти памятники с восточными соседями, финским миром. Однако и западные связи несомненны. Поэтому мы можем лишь весьма схематично предполагать, что этнический облик позднедьяковского населения в Москворечье был смешанным финно-балтским.

Жизнь на москворецких городищах в IV–V вв. н. э., безусловно, продолжалась. Численность поселений, видимо, мало изменилась сравнительно с предшествовавшим этапом.

И. Р. Ахмедов, М. Б. Щукин, М. М. Казанский предполагали, что в конце IV – V в. н. э. Москворечье стало ареной военных действий, в том числе из-за походов короля готов Германариха (*Ščukin et al.*, 2006. Fig. 43). Конечно, единичные находки импортных черняховских вещей на памятниках бассейна Москвы-реки не могут служить доказательством такой реконструкции. Однако необъясненным остается факт спада жизненной активности на москворецких городищах, который можно ориентировочно датировать V–VI вв. н. э., а затем и вовсе их запустение. Возможно, что какие-то насильственные действия, приведшие к упадку культуры москворецких городищ, все же были. Учитывая, в общем-то, незначительную численность жителей Москворечья в дьяковское время, можно предполагать, что демографическое благополучие этого населения было очень уязвимо. Нельзя не отметить хронологическое совпадение прекращения жизни на дьяковских городищах Москворечья и катастрофических потрясений,

которые испытали их ближайшие соседи – рязано-окские финны – около середины VII в. н. э. (*Ахмедов*, 2010).

Необходимо учитывать, что для «подрыва» жизненной силы населения, оставившего позднедьяковские городища, было достаточно совсем небольшой группы от одной до нескольких сотен профессиональных воинов-агрессоров, археологический след которой вряд ли может быть уловлен. История дает нам массу примеров подобного рода.

В VII–VIII (?) вв. н. э. мы видим на месте бассейна Москвы-реки своеобразное белое пятно, которое лишь по периферии окаймлено памятниками типа селища Соколова Пустынь (на юге), Маломахово и Борисов городок (на юго-западе), Бородино (на западе в верховьях Москвы-реки), Болшево-3, Кикино, Ратьковский могильник (на севере). Все эти памятники имеют, скорее всего, финский или финно-балтский облик. Видимо, этого населения было достаточно, чтобы сохранить гидронимический пласт Подмосковья, в том числе и гидронимы бассейна Москвы-реки, и передать их пришедшим сюда позднее славянским колонистам.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. В., 2004. Группа памятников древнерусского времени у д. Хотяжи // АП. Вып. 1. С. 177–192.

Аун М., 1980. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э. Таллин: Валгус. 136 с.

Ахмедов И. Р., 2007. Инвентарь мужских погребений // РСМ-9. С. 137–185.

Ахмедов И. Р., 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов: (к современному состоянию вопроса) //Археология Восточной Европы в I тыс. н. э.: проблемы и материалы / Отв. ред. И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 7–34. (РСМ; Вып. 13.)

Ахмедов И. Р., Казанский М. М., 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: доклады науч. конф., посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 168–202. (Труды ИИМК РАН; Т. 11.)

Башенькин А. Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси / Отв. ред. И. В. Дубов, И. Я. Фроянов. Вып. 3. СПб.: Санкт-Петербургский университет. С. 3–29. (Славяно-русские древности; Вып. 3.)

Белоцерковская И. В., 2007. Инвентарь женских погребений // РСМ-9. С. 186–212.

Белоцерковская И. В., Ахмедов И. Р., 2009. Работы археологических экспедиций ГИМ на Оке: некоторые итоги и перспективы изучения рязано-окских могильников III–VII вв. н. э. // Археологические открытия 1991–2004. Европейская Россия / Под ред. Н. А. Макарова. М.: ИА РАН. С. 283–298.

Бубликов В. В., Прошкин О. Л., Добровольская М. В., 2008. Курганный могильник Рыжково на реке Протве // АП. Вып. 4. С. 108–123.

Векслер А. Г., 2007. Спасательная археология Москвы. М.: Вече. 320 с.

Вишневский В. И., 1998. Кикинское городище // ТАС. Вып. 3. С. 359–366.

Вишневский В. И., 2007. Керамический комплекс посуды Кикинского городища // ТАС. Вып. 6. Ч. 2. С. 85–93.

Вишневский В. И., Кирьянова Н. А., Добровольская М. В., 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. № 2. С. 89–107.

Вишневский В. И., Новоселова Т. Н., 2010. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2006–2007 гг.) // АП. Вып. 6. С. 67–82.

Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энговатова А. В., 2005. Никитинский могильник. М.: ИА РАН. 168 с.

Воронцов А. М., 2010. Отчет об археологических исследованиях в Суворовском и Кимовском районах Тульской области в 2009 г. //Архив ИА РАН.

Воронцов А. М., 2011. К вопросу о поздней дате мощинской культуры // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. Т. 2. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН. С. 14–15.

Гавритухин И. О. 1997. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // ГАЗ. № 12. С. 43–53.

Гавритухин И. О., 2007. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения, и отдельные находки постгуннского времени // РСМ-9. С. 30–33.

Голубева Л. А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X–XI вв. М.: Наука. 212 с.

Горюнов Е. А., Казанский М. М., 1978. О происхождении широкопластинчатых фибул // КСИА. Вып. 155. С. 25–31.

Горюнова Е. И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука. 267 с. (МИА; № 94.)

Давидан О. И., 1980. Бронзолитейное дело в Ладоге // АСГЭ. Вып. 21. Л.: Аврора. С. 59–67.

Дмитриев А. В., 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. И. Плетнева. М.: Наука. С. 200–206.

Дубынин А. Ф., 1970. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье. М.: Наука. С. 5–98. (МИА; № 156.)

Дубынин А. Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 198–281.

Засецкая И. П., 2003. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV – начала VII в. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. И. Плетнева. М.: Наука. С. 31–40.

Исланова И. В., 2007. Верхневолжье и Валдай // РСМ-9. С. 301–332.

Исланова И. В., Мирецкий А. В., 1997. Находки с городища Осечен // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья / Отв. ред. А. Н. Хохлов. Вып. 2. Тверь: Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр. С. 12–20.

Коваль В. Ю., 2009. Отчет о работах Ростиславльской археологической экспедиции в 2009 г. // Архив ИА РАН.

Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник. М.: Наука. 224 с.

Краснов Ю. А., Краснов Н. А., 1978. Погребальное сооружение на городище «дьякова типа» // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В. И. Козенкова, Ю. А. Краснов, И. Г. Розенфельдт. М.: Наука. С. 140–153.

Кренке Н. А., 1989. Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмосковья // СА. № 2. С. 79–87.

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 546 с.

Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д., 2006. Хронология городищ «дьякова типа» в бассейне Москвы-реки в свете результатов радиоуглеродного датирования // РА. № 2. С. 121–133.

Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. М.: ИА РАН. 341 с.

Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., 2007. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н. э. М.: ИА РАН. 252 с. (РСМ; Вып. 8.)

Макаров Н. А., Федорина А. Н., Зайцева Г. И., Гроотс П. М., 2011. Радиоуглеродные даты памятников раннего железного века – средневековья в Суздальском ополье // РА. № 4. С. 35–51.

Максимов А. Д., 1981. Отчет о раскопках городища Орлов городок и разведках на оз. Селигер в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8477.

Михайлова Е. Р., 2007. Тисненые бляшки-обоймицы из памятников культуры псковских длинных курганов // А. В.: Сб. науч. тр. в честь 60-летия А. В. Виноградова / Отв. ред. С. В. Хаврин. СПб.: Культ-Информ Пресс. С. 158–164.

Михайлова Е. Р., 2009. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. СПб. 18 с.

Михайлова Е. Р., 2014. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 427 с.

Моора Х., 1963. Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике // Muneraarcheologica Iosepho Kostrzewski. Poznań. S. 355–365.

Потемкина О. Ю., Сыроватко А. С., Добровольская М. В., Клещенко Е. А., Свирина Н. Г., Олейник А. Б., 2013. Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднедьяковского времени (итоги работ 2011–2012 гг.) // Оки связующая нить / Отв. ред. Э. Э. Фомченко. Ступино: Ступинский историко-краеведческий музей. С. 146–156.

Прошкин О. Л., Фролов А. С., 2012. Ранние периоды поселения Маломахово в бассейне р. Протвы // АП. Вып. 8. С. 96–113.

Родинкова В. Е., Седин А. А., 2004. Браслеты Никодимова городища // Восточная Европа в средневековье / Ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов, Н. В. Лопатин. М.: Наука. С. 234–246.

Розенфельдт И. Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 90–197.

Розенфельдт И. Г., 1982. Древности Волго-Окского междуречья VI–IX вв. М.: Наука. 190 с.

Смирнов К. А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 7–89.

Сыроватко А. С., Трошина А. А., Спиридонова Е. А., 2012. Хронология Щуровского могильника по естественно-научным данным // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 3 / Отв. ред.: А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 119–132.

Успенская А. В., 1957. Успенское городище // КСИИМК. Вып. 68. С. 117–122.

Хайретдинова Э. А., 2003. Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ / Ред-сост. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Вып. X. С. 125–160.

Чернов С. З., Волков И. В., 2009. Болшево-3 – древнерусское поселение XI в. на верхней Клязьме // АП. Вып. 5. С. 112–136.

Шмидехельм М. Х., 1959. Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии // Вопросы этнической истории народов Прибалтики / Ред. С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева. М.: Академия наук СССР. С. 154–185. (Труды ПОКЭ; Т. 1.)

Щеглова О. А., 2002. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на северо-западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН. С. 134–150.

Янишевский Б. Е., 2012а. Новые памятники археологии раннего железного века в верховьях рек Москвы и Протвы // Вопросы археологии, истории и культуры верхнего Поочья: Материалы XIV Всерос. науч. конф. (5–7 апреля 2011 г.). Калуга: Полиграф-Информ. С. 28–33.

Янишевский Б. Е., 2012б. Раскопки на Борисовом городке в 2009 г. // АП. Вып. 8. С. 229–245.

Bertašius M., 2005. Marvelė. Ein Gräberfeld Mittellitauens. Bd I. Kauno: Kauno technologijos universitetas Humanitarinių mokslų fakultetasno. 296 p.

Latvijas PSR Arheologija,1974. Riga:Zinātne. 374 p.

Michelbertas M., 1986. Senasis geležius amžius Lietuvoje. Vilnius: Mokslas. 272 p.

Ščukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des les goths aux huns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l'epoque des grandes migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p. (BAR International Series; 1535.)

Urtāns V., 1970. Bronzas zvaninu rotas VII–XI gs. // Изв. АН Латвийской ССР. № 8. P. 64–75.

Volkaite-Kuliskauskiene R., Jankauskas K., 1992. Iš Senosios Lietuvių amatininkystes istorijos (alavas senuosiose lietuvių papuošaluose) // Lietuvos Archeologija. 8. Vilnius: Mokslas, 135–170.

Сведения об авторе.

Кренке Николай Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: nkrenke@mail.ru.

N. A. Krenke

Final stage of the Dyakovo culture in the environs of Moscow

Abstract. This article analyses finds from the final stage of the Early Iron Age Dyakovo culture discovered in the environs of Moscow. The author has concluded that in the 4th and 5th cc. AD, life in fortified settlements was still active and their culture marked by specific features. Important innovations can be traced in the material culture. It is possible that in the 5th c. AD a new pottery style of the Moshchino cultural circle spread over the fortified settlements. In the 6th and 7th cc. there was a sharp drop in the number of finds, indicating a gradual decline in the life of the fortified settlements. In the 7th and 8th cc. activity came to an end in the fortified sites of the Moskva River basin. At the edges of the territory occupied by these sites, new sites appear in the 7th and 8th cc. with a new type of pottery similar to what we know from the adjacent regions among antiquities of the same date left behind by the Balts.

Keywords: Dyakovo culture, jewellery, radiocarbon dating, heraldic style.

REFERENCES

Akhmedov I. R., 2007. Inventar' muzhskikh pogrebeny [Inventory of male burials]. *RSM-9*, pp. 137–185.

Akhmedov I. R., 2010. Problema «final'nogo» perioda kul'tury ryazano-okskikh finnov: (k sovremennomu sostoyaniyu voprosa) [Problem of «terminal» period of culture of Ryazan-Oka Finns: (towards present state of the problem)]. *Arkheologiya Vostochnoy Yevropy v I tys. n. e.: problemy i materialy* [*Archaeology of Eastern Europe in I mill. AD: problems and materials*]. I. V. Islanova, V. E. Rodinkova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 7–34. (RSM-13.)

Akhmedov I. R., Kazansky M. M., 2004. Posle Attily: Kiyevsky klad i yego kul'turno-istorichesky kontekst [After Attila: Kiev hoard and its cultural- historical context]. *Kul'turnyye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'ye* [*Cultural transformations and mutual influences in Dnieper region in the end of Roman time and early Middle Ages*]. St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye, pp. 168–202. (Trudy [Transactions] IIMK RAN, 11.)

Alekseyev A. V., 2004. Gruppa pamyatnikov drevnerusskogo vremeni u d. Khotyazhi [Group of sites of Medieval Russian time near village Khotyazhi]. *AP*, 1, pp. 177–192.

Aun M., 1980. Kurgannyye mogil'niki Vostochnoy Estonii vo vtoroy polovine I tys. n. e. [Kurgan cemeteries of Eastern Estonia in second half of I mill. AD]. Tallin: Valgus, 136 p.

Bashen'kin A. N., 1995. Kul'turno-istoricheskiye protsessy v Mologo-Sheksninskom mezhdurech'ye v kontse I tys. do n. e. – I tys. n. e. [Cultural-historical processes in Mologa-Sheksna interfluve in the end of I mill. BC – I mill. AD]. *Problemy istorii Severo-Zapada Rusi* [*Problems of history of North-West of Russia*]. I. V. Dubov, I. Ya. Froyanov, eds. St. Petersburg: Sankt-Peterburgsky universitet, pp. 3–29.

Belotserkovskaya I. V., 2007. Inventar' zhenskikh pogrebeny [Inventory of female burials]. *RSM-9*, pp. 186–212.

Belotserkovskaya I. V., Akhmedov I. R., 2009. Raboty arkheologicheskikh ekspeditsy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya na Oke: nekotoryye itogi i perspektivy izucheniya ryazano-okskikh mogil'nikov III–VII vv. n. e. [Works of State Historical museum's expeditions on the Oka: Some results and perspectives of research of Ryazan-Oka cemeteries of III–VII cc. AD]. *Arkheologicheskiye otkrytiya, 1991–2004 gg. Yevropeyskaya Rossiya* [*Archaeological discoveries, 1991–2004. European Russia*]. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 283–298.

Bertašius M., 2005. Marvelė. Ein Gräberfeld Mittellitauens. I Bd. Kauno: Kauno technologijos universitetas Humanitarinių mokslų fakultetasno. 296 p.

Bublikov V. V., Proshkin O. L., Dobrovol'skaya M. V., 2008. Kurganny mogil'nik Ryzhkovo na reke Protve [Kurgan cemetery Ryzhkovo on Protva River]. *AP*, 4, pp. 108–123.

Chernov S. Z., Volkov I. V., 2009. Bolshevo-3 – drevnerusskoye poseleniye XI v. na verkhney Klyaz'me [Bolshevo-3 – Medieval Russian settlement of XI c. on Upper Klyaz'ma]. *AP*, 5, pp. 112–136.

Davidan O. I., 1980. Bronzoliteynoye delo v Ladoge [Bronze-casting craft in Ladoga]. *ASGE*, 21, pp. 59–67.

Dmitriyev A. V., 2003. Mogil'nik Dyurso – etalonny pamyatnik drevnostey V–IX vekov [Cemetery Dyurso – reference site of antiquities of V–IX cc.]. *Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya. IV–XIII vv.* [*Crimea, North-Eastern Pontic zone and Transcaucasus in Medieval epoch. IV–XIII cc.*]. T. I. Makarova, S. I. Pletneva, eds. Moscow: Nauka, pp. 200–206.

Dubynin A. F., 1970. Troitskoye gorodishche [Troitskoye fortified settlement]. *Drevneye poseleniye v Podmoskov'ye* [*Ancient settlement in Moscow region*]. Moscow: Nauka, pp. 5–98. (MIA, 156.)

Dubynin A. F., 1974. Shcherbinskoye gorodishche [Shcherbinka fortified settlement]. *D'yakovskaya kul'tura* [*D'yakovo culture*]. Moscow: Nauka, pp. 198–281.

Gavritukhin I. O., 1997. Malen'kiye trapetsiyevidnyye podveski s poloskoy iz pressovannykh tochek po nizhnemu krayu [Small trapeze-like pendants with band of impressed dots on bottom edge]. *GAZ*, 12, pp. 43–53.

Gavritukhin I. O., 2007. Ingumatsii, svyazannyye s kul'turoy osedlogo naseleniya, i otdel'nyye nakhodki postgunnskogo vremeni [Inhumations related with settled population culture, and separate finds of post-Hun time]. *RSM-9*, pp. 30–33.

Golubeva L. A., 1973. Ves' i slavyane na Belom ozere X–XI vv. [Ves' and Slavs on Beloye Lake X–XI cc.]. Moscow: Nauka. 212 p.

Goryunov Ye. A., Kazansky M. M., 1978. O proiskhozhdenii shirokoplastinchatykh fibul [On origins of broad-plate fibulae]. *KSIA*, 155, pp. 25–31.

Goryunova Ye. I., 1961. Etnicheskaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya [Ethnic history of Volga-Oka interfluve]. Moscow: Nauka. 267 p. (MIA, 94.)

Islanova I. V., 2007. Verkhnevolzh'ye i Valday [Upper Volga region and Valday]. *RSM-9,* pp. 301–332.

Islanova I. V., Miretsky A. V., 1997. Nakhodki s gorodishcha Osechen [Finds from Osechen fortified settlement]. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nyye territorii v epokhu srednevekov'ya* [*Tver', Tver' land and adjacent territories in epoch of Middle Ages*], 2. A. N. Khokhlov, ed. Tver': Tverskoy nauchno-issledovatel'sky istoriko-arkheologichesky i restavratsionny tsentr, pp. 12–20.

Khayretdinova E. A., 2003. Obuvnyye nabory V–VII vv. iz yugo-zapadnogo Kryma [Shoe-wear sets of V–VII cc. from South-Western Crimea]. *MAIET*, 10. A. I. Aybabin, V. N. Zin'ko, eds., pp. 125–160.

Koval' V. Yu., 2009. Report on activities of Rostislavl' archaeological expedition in 2009. *Archive of IA RAN* (In Russian, unpublished).

Krasnov Yu. A., 1980. Bezvodninsky mogil'nik [Bezvodninsky cemetery]. Moscow: Nauka. 224 p.

Krasnov Yu. A., Krasnov N. A., 1978. Pogrebal'noye sooruzheniye na gorodishche «d'yakova tipa» [Burial construction at fortified settlement of «D'yakovo type»]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arkheologii Vostochnoy Yevropy* [*Problems of ancient and medieval archaeology of Eastern Europe*]. V. I. Kozenkova, Yu. A. Krasnov, I. G. Rozenfel'dt, eds. Moscow: Nauka, pp. 140–153.

Krenke N. A., 1989. Glinyanaya plastika i nekotoryye osobennosti pozdned'yakovskikh gorodishch Podmoskov'ya [Clay plastics and some specifics of late D'yakovo fortified settlements of Moscow region]. *SA*, 2, pp. 79–87.

Krenke N. A., 2011. D'yakovo gorodishche: kul'tura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e. [D'yakovo fortified settlement: culture of population of Moskva River basin in I mill. BC – I mill. AD]. Moscow: IA RAN. 546 p.

Krenke N. A., Sulerzhitsky L. D., 2006. Khronologiya gorodishch «d'yakova tipa» v basseyne Moskvy-reki v svete rezul'tatov radiouglerodnogo datirovaniya [Chronology of fortified settlements of «D'yakovo type» in Moskva River basin in light of results of radiocarbon datinge]. *RA*, 2, pp. 121–133.

Latvijas PSR Arheologija, 1974. Riga: Zinātne. 374 p.

Leont'yev A. Ye., 1996. Arkheologiya meri [Archaeology of Merya]. Moscow: IA RAN. 341 p.

Lopatin N. V., Furas'yev A. G., 2007. Severnyye rubezhi ranneslavyanskogo mira v III–V vv. n. e. [Northern borders of early Slavic world in III–V cc. AD]. Moscow: IA RAN. 252 p. (RSM-8.)

Makarov N. A., Fedorina A. N., Zaytseva G. I., Groots P. M., 2011. Radiouglerodnyye daty pamyatnikov rannego zheleznogo veka – srednevekov'ya v Suzdal'skom opol'ye [Radiocarbon dates of sites of Early Iron Age – Middle Ages in Suzdal Field region]. *RA*, 4, pp. 35–51.

Maksimov A. D., 1981. Report on excavations of fortified settlement Orlov gorodok and field surveys on Lake Seliger in 1980. *Archive of IA RAN*. R-1. No. 8477 (In Russian, unpublished).

Michelbertas M., 1986. Senasis geležius amžius Lietuvoje. Vilnius: Mokslas. 272 p.

Mikhaylova Ye. R., 2007. Tisnenyye blyashki-oboymitsy iz pamyatnikov kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov [Embossed setting-plates from sites of culture of Pskov-type long kurgans]. *A. V.: sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letiya A. V. Vinogradova* [*A. V.: Collection of scientific transactions in commemoration of 60th anniversary of A. V. Vinogradov*]. S. V. Khavrin, ed. St. Petersburg: Kul't-Inform Press, pp. 158–164.

Mikhaylova Ye. R., 2009. Kul'tura pskovskikh dlinnykh kurganov. Problemy khronologii i razvitiya material'noy kul'tury: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Pskov long kurgans culture. Problems of chronology and development of material culture: thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy]. St. Petersburg. 17 p.

Mikhaylova Ye. R., 2014. Veshchevoy kompleks kul'tury pskovskikh dlinnykh kurganov. Tipologiya i khronologiya [Ware complex of the Pskov long kurgans culture. Typology and Chronology]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 427 p.

Moora Kh., 1963. Ob olovyannykh ukrasheniyakh i ikh izgotovlenii v Pribaltike [On tin ornaments and their production in Baltic zone]. *Munera archeologica Iosepho Kostrzewski*. Poznań, pp. 355–365.

Potemkina O. Yu., Syrovatko A. S., Dobrovol'skaya M. V., Kleshchenko Ye. A., Svirina N. G., Oleynik A. B., 2013. Sokolova Pustyn' – novy pogrebal'ny pamyatnik pozdned'yakovskogo vremeni (itogi rabot 2011–2012 gg.) [Sokolova Pustyn' – new burial site of late D'yakovo time (results of works in 2011–2012)]. *Oki svyazuyushchaya nit': arkheologiya Srednego Pooch'ya* [*Oka's joining thread: archaeology of Middle Oka basin*]. E. E. Fomchenko, ed. Stupino: Stupinsky istoriko-krayevedchesky muzey, pp. 146–156.

Proshkin O. L., Frolov A. S., 2012. Ranniye periody poseleniya Malomakhovo v basseyne r. Protvy [Early stages of settlement Malomakhovo in Protva River basin]. *AP*, 8, pp. 96–113.

Rodinkova V. Ye., Sedin A. A., 2004. Braslety Nikodimova gorodishcha [Bracelets of Nikodimovo fortified settlement]. *Vostochnaya Yevropa v srednevekov'ye* [*Eastern Europe in Middle Ages*]. N. A. Makarov et al., eds. Moscow: Nauka, pp. 234–246.

Rozenfel'dt I. G., 1974. Keramika d'yakovskoy kul'tury [Pottery of D'yakovo culture]. *D'yakovskaya kul'tura* [*D'yakovo culture*]. Moscow: Nauka, pp. 90–197.

Rozenfel'dt I. G., 1982. Drevnosti Volgo-Okskogo mezhdurech'ya VI–IX vv. [Antiquities of Volga-Oka interfluve VI–IX cc.]. Moscow: Nauka. 190 p.

Ščukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des les goths aux huns: Le nord de la mer Noire au Bas – empire et a l'epoque des grandes migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p. (BAR, 1535).

Shcheglova O. A., 2002. Svintsovo-olovyannyye ukrasheniya VIII–X vv. na severo-zapade Vostochnoy Yevropy [Lead-tin ornaments of VIII–X cc. in North-West of Eastern Europe]. *Ladoga i yeyo sosedi v epokhu srednevekov'ya* [*Ladoga and its neighbours in Medieval epoch*]. A. N. Kirpichnikov, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 134–150.

Shmidekhel'm M. Kh., 1959. Gorodishche Ryuge v yugo-vostochnoy Estonii [Fortified settlement Ryuge in South-Eastern Estonia]. *Voprosy etnicheskoy istorii narodov Pribaltiki: Po dannym arkheologii, etnografii i antropologii* [*Problems of ethnic history of Baltic peoples: On data of archaeology, ethnography and anthropology*]. S. A. Tarakanova, L. N. Terent'yeva, eds. Moscow: AN SSSR, pp. 154–185.

Smirnov K. A., 1974. D'yakovskaya kul'tura [D'yakovo culture]. *D'yakovskaya kul'tura* [*D'yakovo culture*].Yu. A. Krasnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 7–89.

Syrovatko A. S., Troshina A. A., Spiridonova Ye. A., 2012. Khronologiya Shchurovskogo mogil'nika po yestestvenno-nauchnym dannym [Chronology of Shchurovo cemetery on data of natural sciences]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Yevropy v epokhi rimskikh vliyany i velikogo pereseleniya narodov: konferentsiya 3* [*Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epochs of Roman influences and Migration period: conference 3*]. A. M. Vorontsov, I. O. Gavritukhin, eds. Tula: Gosudarstvenny muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 119–132.

Urtāns V., 1970. Bronzas zvaninu rotas VII–XI gs. *Izvestiya Akademii nauk Latviyskoy SSR* [*Proceedings of the Academy of Sciences of the Latvian SSR*], 8, pp. 64–75.

Uspenskaya A. V., 1957. Uspenskoye gorodishche [Uspenskoye fortified settlement]. *KSIIMK*, 68, pp. 117–122.

Veksler A. G., 2007. Spasatel'naya arkheologiya Moskvy [Rescue archaeology of Moscow]. Moscow: Veche. 320 p.

Vishnevsky V. I. 1998. Kikinskoye gorodishche [Kikino fortified settlement]. *TAS*, 3, pp. 359–366.

Vishnevsky V. I., 2007. Keramichesky kompleks posudy Kikinskogo gorodishcha [Pottery complex of ware from Kikino fortified settlement]. *TAS, 6, ch. 2*, pp. 85–93.

Vishnevsky V. I., Kir'yanova N. A., Dobrovol'skaya M. V., 2007. Rat'kovsky rannesrednevekovy finno-ugorsky mogil'nik: khronologiya, kul'tura, obryad [Rat'kovo early medieval Finno-Ugrian cemetery: chronology, culture, rite]. *RA*, 2, pp. 89–107.

Vishnevsky V. I., Novoselova T. N., 2010. Rannesrednevekovy finno-ugorsky mogil'nik na Rat'kovskom gorodishche: (rezul'taty raskopok 2006–2007 gg.) [Early medieval Finno-Ugrian cemetery at Rat'kovo fortified settlement: (results of excavations of 2006–2007]. *AP*, 6, pp. 67–82.

Volkaite-Kuliskauskiene R., Jankauskas K., 1992. Iš Senosios Lietuvių amatininkystes istorijos (alavas senuosiose lietuvių papuošaluose). *Lietuvos Archeologija*. 8, p. 135–170.

Voronina R. F., Zelentsova O. V., Engovatova A. V., 2005. Nikitinsky mogil'nik [Nikitino cemetery]. Moscow: IA RAN. 168 p.

Vorontsov A. M., 2010. Report on archaeological investigations in Suvorovo and Kimovsk districts of Tula Region in 2009. *Archive of IA RAN* (In Russian, unpublished).

Vorontsov A. M., 2011. K voprosu o pozdney date moshchinskoy kul'tury [On problem of late dating of Moshchino culture]. *Trudy III* (*XIX*) *Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda* [*Transactions of III* (*XIX*) *All-Russian archaeological congress*], 2. N. A. Makarov, Ye. N. Nosov, eds. St. Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod: IIMK RAN, pp.14–15.

Yanishevsky B. Ye., 2012a. Novyye pamyatniki arkheologii rannego zheleznogo veka v verkhov'yakh rek Moskvy i Protvy [New sites of archaeology of Early Iron Age in upper reaches of rivers Moskva

and Protva]. *Voprosy arkheologii, istorii i kul'tury verkhnego Pooch'ya. Materialy XIV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [*Problems of archaeology, history and culture of Upper Oka region. Materials of XIV All-Russian scientific conference*]. Kaluga: Poligraf-Inform, pp. 28–33.

Yanishevsky B. Ye., 2012b. Raskopki na Borisovom gorodke v 2009 g. [Excavations at Borisov gorodok in 2009]. *AP*, 8, pp. 229–245.

Zasetskaya I. P., 2003. Bosporsky nekropol' kak etalonny pamyatnik drevnostey IV – nachala VII veka [Bosporan necropolis as reference site of antiquities of IV – early VII century]. *Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya. IV–XIII vv.* [*Crimea, North-Eastern Pontic zone and Transcaucasus in Medieval epoch. IV–XIII cc.*]. T. I. Makarova, S. I. Pletneva, eds. Moscow: Nauka, pp. 31–40.

About the author.

Krenke Nikolay A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow 117036, Russian Federation; e-mail: nkrenke@mail.ru.

О. А. Макушников

КОЛОЧИНСКАЯ КУЛЬТУРА В ГОМЕЛЬСКОМ ПОДНЕПРОВЬЕ И СМЕНЯЮЩИЕ ЕЕ ПАМЯТНИКИ VIII–IX вв.*

Резюме. Основным населением Гомельского Поднепровья в V–VII вв. были носители колочинской культуры. Исследования последних десятилетий выявляют как по Днепру, так и по Сожу с притоками памятники пражской культуры (Мохов) или смешанной пражско-колочинской традиции (Проскурни II и др.). Хронологическое соотношение колочинских и пражских памятников пока неясно, но некоторые наблюдения над сменой керамических наборов и распространением типично славянских полуземлянок с печами-каменками свидетельствует о том, что пражские традиции более поздние и, скорее всего, привнесенные. В конце VII – начале VIII в. в регионе распространяется культура Лука-Райковецкая. Раннесредневековые памятники Гомельского Поднепровья остаются малоизученными.

Ключевые слова: Гомельское Поднепровье, колочинская культура, пражская культура, культура Лука-Райковецкая, раннее средневековье, городище, селище, могильник, керамика.

Гомельское Поднепровье – историко-географический регион на юго-востоке Беларуси. Он соответствует Приднепровской низменности, охватывающей гомельское течение Днепра с притоками. Памятники второй половины I тыс. н. э. здесь стали известными в 1930-х гг. благодаря разведкам А. Н. Лявданского и его коллег (*Лявданский, Коваленя*, 1936). Материалы этих исследований не успели получить обоснованной атрибуции, а отчеты и часть коллекций были утрачены. В 1950–1960-х гг. экспедициями П. Н. Третьякова, Л. Д. Поболя и др. был исследован ряд памятников с отложениями второй половины I тыс. н. э. (*Поболь*, 1974). Выдающийся результат дали раскопки Э. А. Сымоновича на городище и селище Колочин (*Сымонович*, 1963. С. 95–137). Погребальные древности третьей четверти I тыс. н. э. были открыты в 1960–1980-х гг. Г. Ф. Соловьевой, В. В. Богомольниковым и В. Н. Рябцевичем (*Соловьева*, 1967. С. 187–198; *Богомольников*, 1975. С. 382; *Рябцевич*, 1984. С. 369). Раскопки культового городища Золотомино с колочинским материалом провел С. Е. Рассадин (*Расадзін*, 1985.

* Статья подготовлена в рамках программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

С. 75–79); изучение данной категории памятников продолжается. Интересный материал получен А. И. Дробушевским на селище Проскурни II (*Дробушевский*, 2006. С. 18–32). С 1980-х гг. памятники второй половины I тыс. н. э. исследуются автором (Гомель, селища Нисимковичи, Носовичи в Посожье и др.) (*Макушнікаў*, 1985. С. 91–98; 1999. С. 348–359; *Макушников*, 1994. С. 227–237; 2003. С. 217–233; 2009). Материалы памятников второй половины I тыс. н. э. Юго-Восточной Беларуси анализировались в работах П. Н. Третьякова, В. В. Седова, И. П. Русановой, Е. А. Горюнова, Н. В. Лопатина, А. М. Обломского, А. М. Медведева и др. (*Третьяков*, 1982; *Седов*, 1982; *Русанова*, 1973; 1976; *Горюнов*, 1981; 2004. С. 10–17; *Перхавко*, 1978; *Гавритухин и др.*, 2004. С. 39–50, 60, 69; *Медведев*, 1996. С. 57–59; Культурные трансформации…, 2004).

Несмотря на многолетние изыскания, раннесредневековые памятники Гомельского Поднепровья изучены недостаточно. Масштаб осуществленных полевых исследований скромный, ученые не имеют в своем распоряжении «закрытых» комплексов на поселениях. Количество датирующих предметов мизерно и они не привязаны к массовому материалу. В этой связи этнокультурные процессы, имевшие место в регионе во второй половине I тыс. н. э., можно освещать только в плане постановки вопроса.

Памятники V–VII вв. представлены городищами, городищами-святилищами, селищами, курганными и грунтовыми могильниками (рис. 1). Городища занимали господствующие участки рельефа, имели незначительную площадь. Эталоном выступает городище Колочин I. Гомельское городище имело площадь 0,4–0,5 га. К нему примыкало поселение размерами не менее 4 га. В Гомеле открыты две полуземлянки: одна – с печью-каменкой в углу, вторая – с центральным опорным столбом и следами очага. Найдены остатки мастерских, связанных с металлургией железа, цветного металла, кузнечным делом, а также грунтовое сожжение. Находки представлены лепной керамикой колочинского и пражского облика, пряслицами, пальчатой фибулой и др. (рис. 2, *2*). Раскопки святилища в Золотомино (*Расадзін*, 1985. С. 75–79), показали, что памятники такого рода начали сооружаться в третьей четверти I тыс. н. э. Селища, не являющиеся спутниками городищ, занимают невысокие места вблизи водоемов. Мощность бедного вещевым материалом культурного слоя не превышает 0,4 м. Площадь большинства поселений составляет 0,5–1,5 га.

Домостроительство третьей четверти I тыс. н. э. представлено полуземлянками поселений Колочин, Гомель, Новые Громыки, Мохов, Нисимковичи I–III, Носовичи, Проскурни II. Нижние части жилищ углублены в материк на 0,25–0,60 м. Котлованы имеют прямоугольную форму площадью 10–24 кв. м. Применялась как срубная, так и столбовая техники возведения стен при преобладании первой (рис. 3). К устройству крыш домов имеют отношение ямы от центральных опорных столбов, открытые в жилищах Колочина, Носовичей, Нисимковичей II (постр. 2) и III, Проскурней II (постр. 4). Отопительными сооружениями служили очаги и печи-каменки. Очаги устраивались на полу или слегка заглублялись в него. Место расположения очага могло быть в центре жилища или рядом с центром, иногда – в углу. Печи сооружались в углах, они открыты в Нисимковичах II (постр. 1), Проскурнях II (постр. 1, 2, 4, 8), Мохове, Гомеле. Жилища с очагами и опорными столбами находят аналогии на памятниках

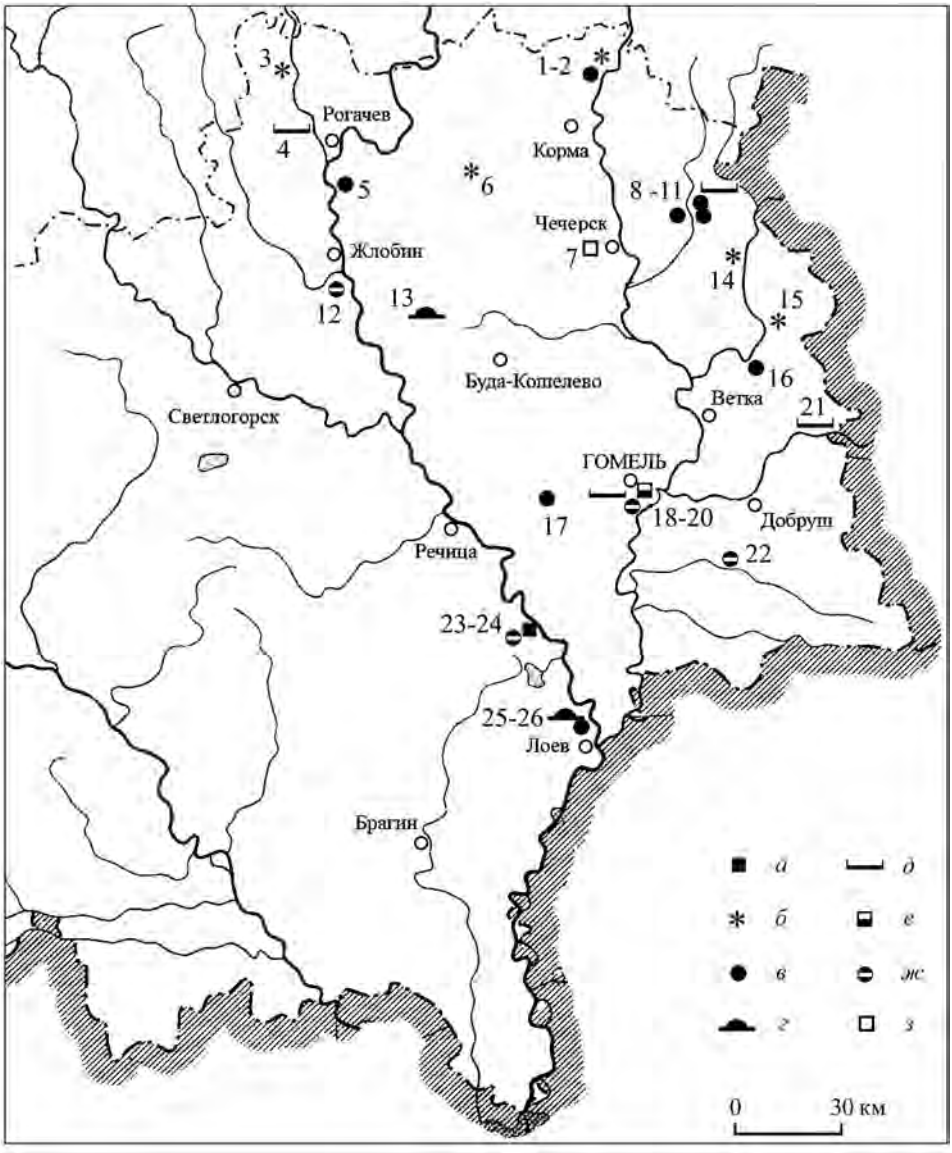

Рис. 1. Гомельское Поднепровье

Условные обозначения: памятники V–VII вв.: *а* – городища; *б* – городища-святилища; *в* – селища; *г* – курганные могильники; *памятники с отложениями V–VII и VIII–IX вв.*: *е* – городища; *ж* – селища; *памятники VIII–IX вв.*: *з* – городище

1, 2 – Золотомино; *3* – Озераны; *4* – Колосы; *5* – Ходосовичи; *6* – Каменка; *7* – Чечерск; *8–11* – Нисимковичи; *12* – Проскурни; *13* – Колос; *14* – Чемерня; *15* – Столбун; *16* – Новые Громыки; *17* – Калиновка; *18–20* – Гомель; *21* – Демьянки; *22* – Носовичи; *23, 24* – Колочин; *25–26* – Мохов

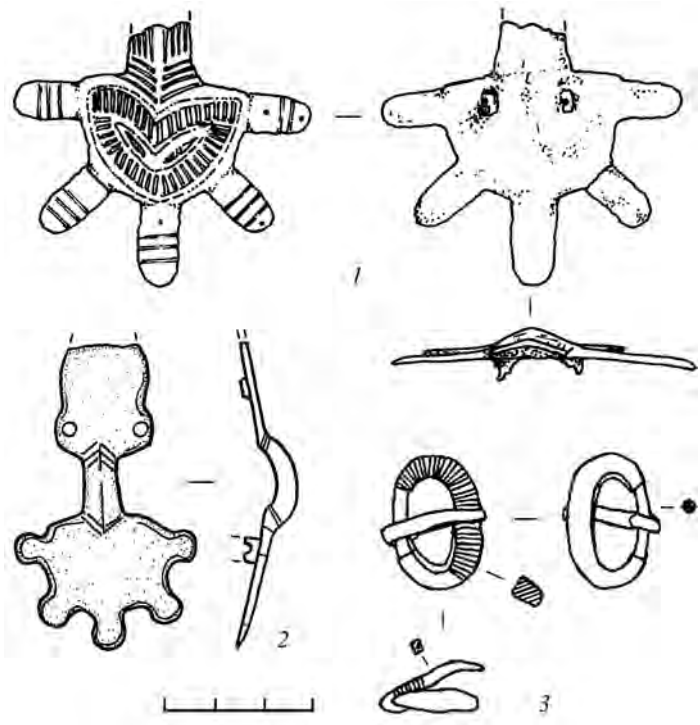

Рис. 2. Гомельское Поднепровье. Бронзовые изделия

1 – Однополье, пальчатая фибула, случайная находка второй половины 2000-х гг.; *2* – Гомель, пальчатая фибула, раскопки О. А. Макушникова 1987 г.; *3* – Мохов, пряжка, раскопки О. А. Макушникова 2005 г.

киевской и ранней стадии пеньковской культуры. Жилища с каменками имеют полные аналогии в пражской культуре (*Русанова*, 1976; *Седов*, 1982; *Баран*, 1988). Сложно проследить, какие типы жилищ были более ранними и какие традиции домостроительства сосуществовали. В Нисимковичах II жилище с каменкой перекрывает постройку с очагом и центральным столбом (рис. 3). Керамика раннего дома (постр. 2) имеет позднекиевский или раннеколочинский облик (рис. 4). В позднем объекте (постр. 1) сосуды более профилированные и не относятся к основным формам керамики типа Колочина (рис. 5, *1–15*). Жилища с печами, открытые на правом берегу Днепра (Мохов, Проскурни II), дают специфический керамический комплекс. Постройка из Мохова содержит пражские формы (рис. 5, *16*). Сооружения из Проскурней II дают пражские (вытянутые с расширением выше середины высоты) и колочинские (слабопрофилированные и ребристые) формы керамики (*Дробушевский*, 2006. С. 18–32).

Погребальный обряд населения Гомельского Поднепровья представлен материалами грунтовых (Демьянки, Колосы, Чистые Лужи) и курганных (Колос, Мохов) могильников с кремацией на стороне. Погребения грунтовых могильников ямные и урновые, с бедным инвентарем (железные пряжка, наконечник стрелы, остатки бронзовых украшений). В курганных могильниках

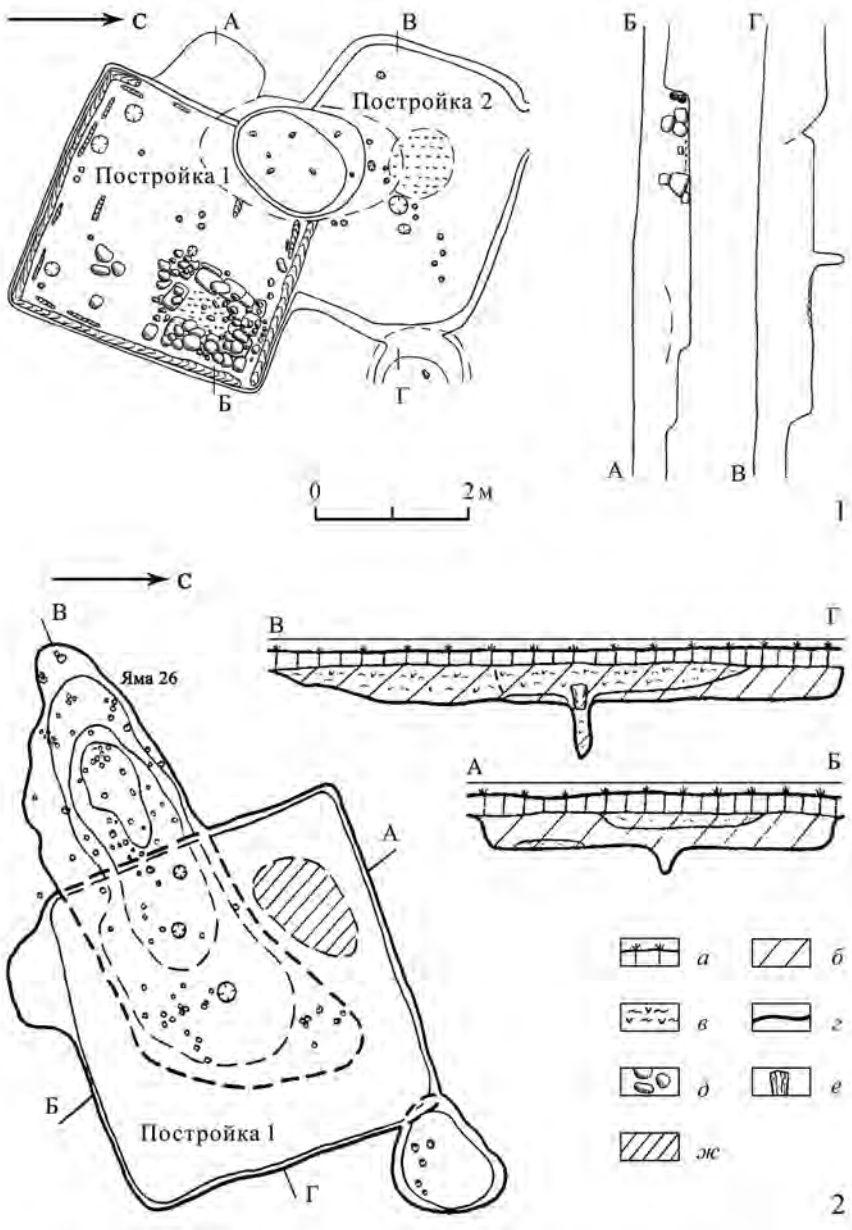

Рис. 3. Гомельское Поднепровье. Полуземлянки середины – третьей четверти I тыс. н. э. Исследования О. А. Макушникова

1 – Нисимковичи II, раскопки 1984 г.; *2* – Носовичи, раскопки 1982 г.

Условные обозначения: *а* – пахотный горизонт; *б* – культурный слой; *в* – уголь и зола; *г* – уровень материка; *д* – камни; *е* – древесный тлен; *ж* – очажное пятно

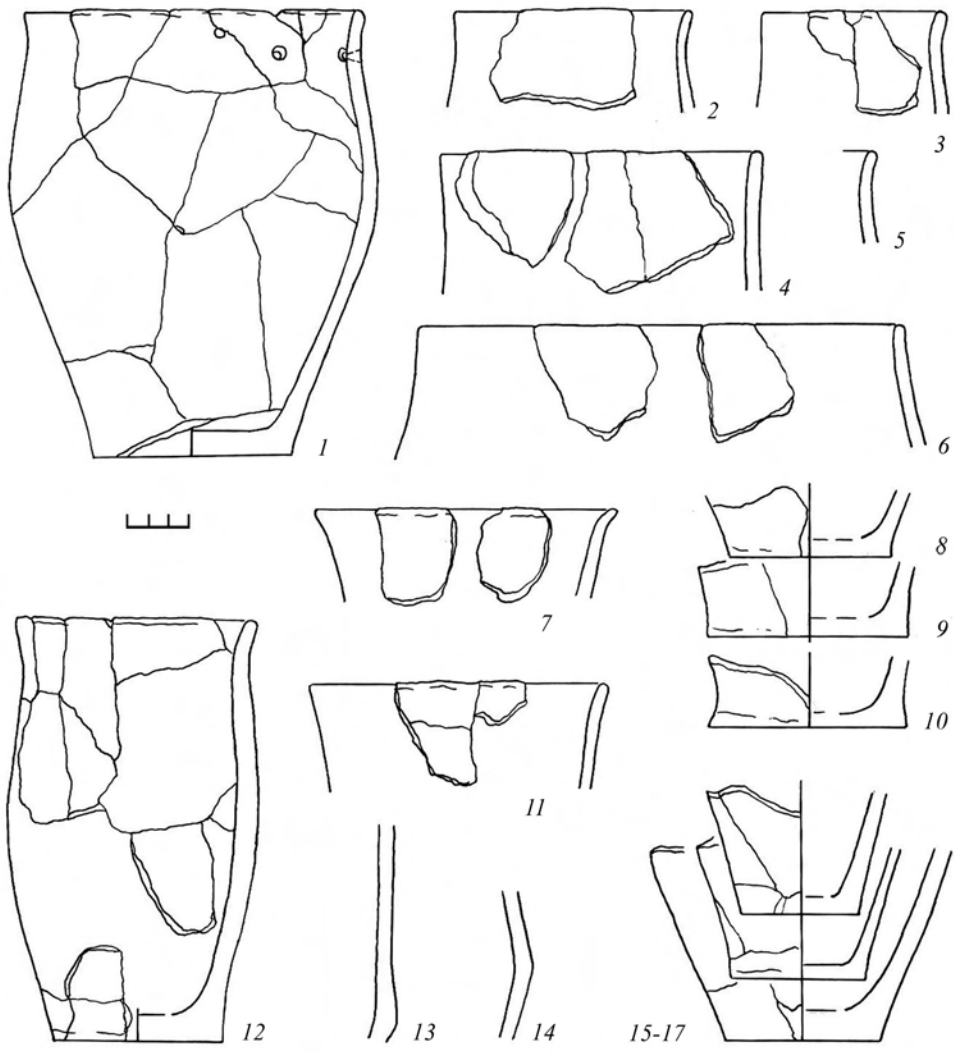

Рис. 4. Нисимковичи II. Постройка 2. Лепная керамика. Раскопки О. А. Макушникова 1984 г.

отмечены безурновые захоронения с высыпанием костей, угля и золы на горизонте. В кургане Колоса выявлена сожженная столбовая кольцевая оградка, а типично колочинский сосуд найден в насыпи (рис. 6). В Мохове захоронение сопровождалось бронзовой В-образной пряжкой с насечками (рис. 2, *3*), близлежащее селище дает остатки поселения с пражской керамикой. Грунтовые погребения аналогичны погребениям колочинских могильников Подесенья, Курского Посеймья и Могилевского Поднепровья, а также тушемлинских и банцеровских могильников (*Митрофанов*, 1978; *Баран та др.*, 1991; *Горюнов*, 2004. С. 10–17). Курган с кольцевой оградкой по своему устройству

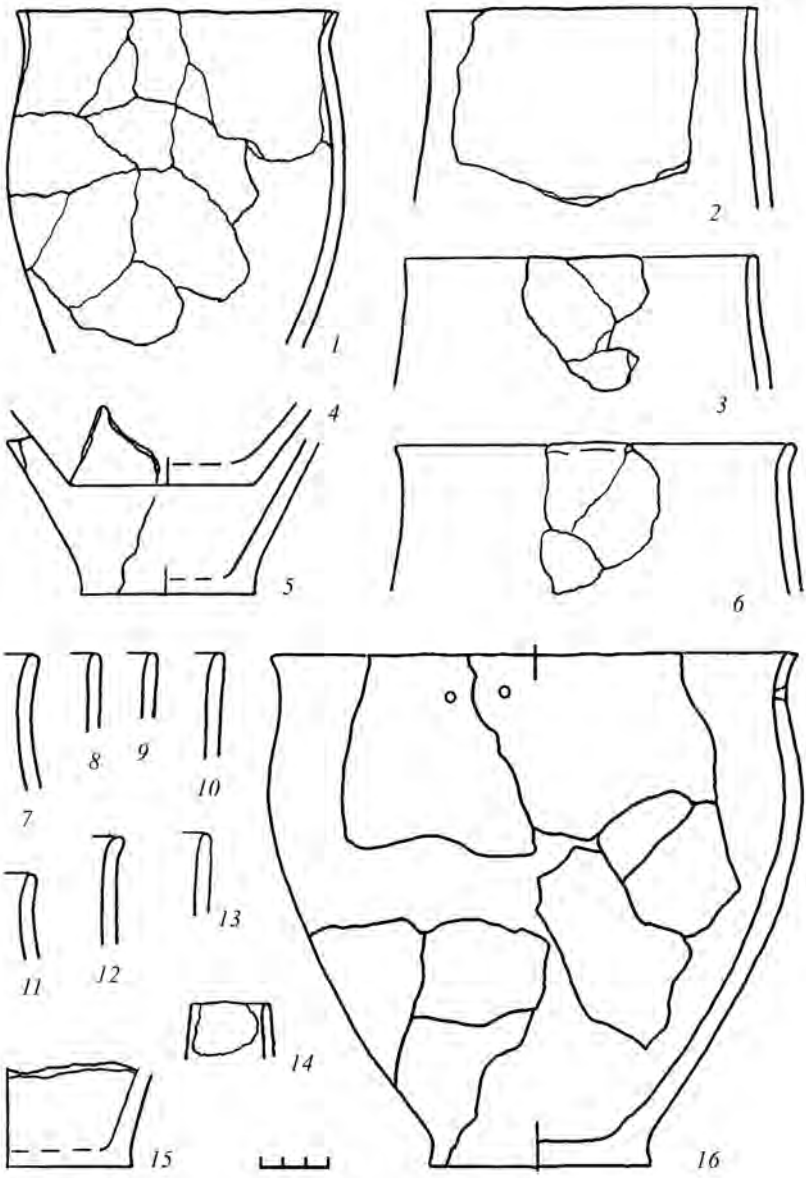

Рис. 5. Гомельское Поднепровье.
Лепная керамика третьей четверти I тыс. н. э., исследования О. А. Макушникова

1–15 – Нисимковичи I, постройка 1, раскопки 1984 г.; *16* – Мохов, полуземлянка с печью-каменкой, раскопки 2004 г.

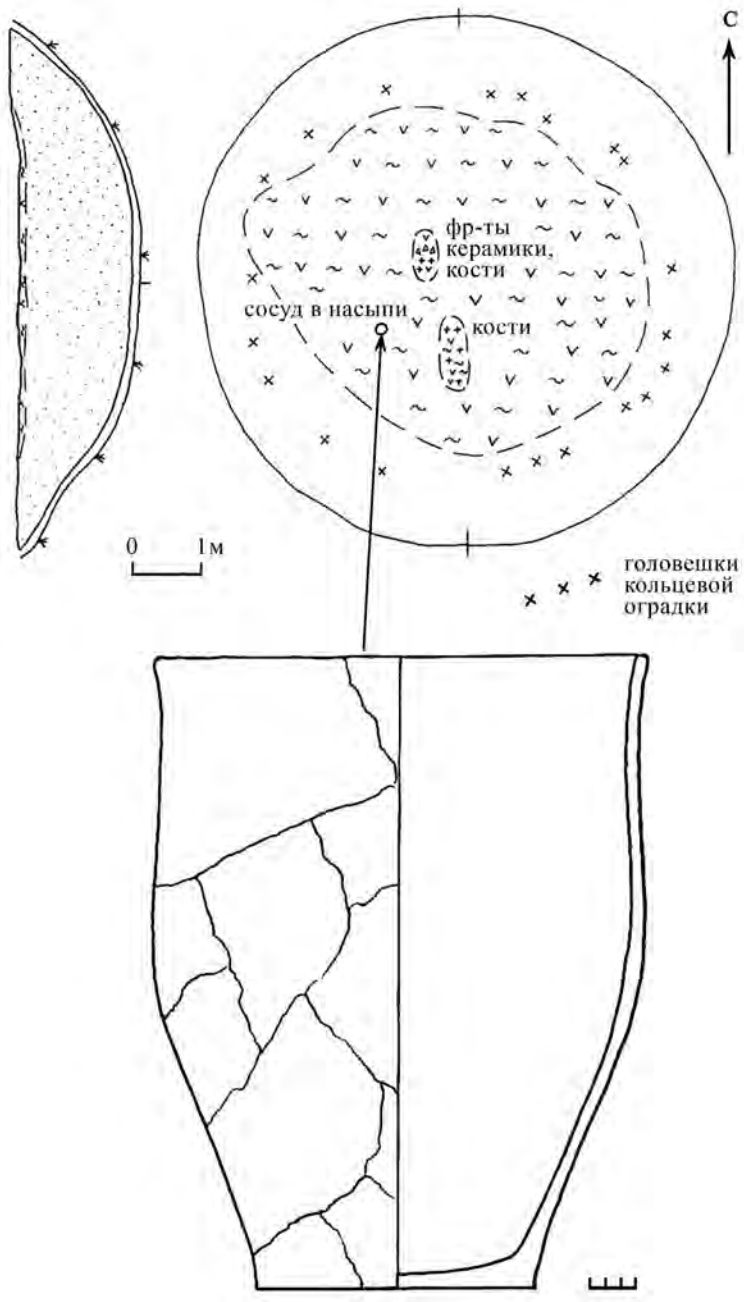

Рис. 6. Колос. Курган третьей четверти I тыс. н. э. с лепным сосудом, раскопки В. В. Богомольникова 1974 г.

обнаруживает близкое сходство с ранними курганами Кветуни, а также мощинскими и пражскими.

Основной категорией находок памятников третьей четверти I тыс. н. э. Гомельского Поднепровья является лепная керамика. Недостаток первой публикации материалов Колочина I (*Сымонович*, 1963. С. 95–137) заключается в том, что большинство сосудов отображено не в горизонтальной проекции, что искажает восприятие их формы. Повторное изучение коллекции (более 3 000 фр.) показало, что она насчитывает 12 сосудов полного профиля, а также около 60 обломков, отражающих форму сосудов почти полностью или до уровня середины высоты (*Макушников*, 2003. С. 217–233). Наши раскопки 1980-х гг. позволили откорректировать представление о колочинской посуде региона в целом. В предложенной классификации не учтены материалы селищ Проскурни II и Мохов, поскольку их керамический комплекс указывает на культурную традицию, отличную от эталонной колочинской.

Керамика третьей четверти I тыс. н. э. лепная, почти вся – неорнаментированная, со следами грубого сглаживания поверхности и редко слегка подлощеная. В глине содержатся крупные примеси (дресва, реже – шамот, песок или сочетания нескольких отощителей). По назначению сосуды разделены на 4 категории: преобладающие в комплексе кухонные горшки и корчаги, а также встречаемые в небольшом количестве миски, сковороды и диски. Выделено 6 типов горшков и корчаг (рис. 7).

К I типу отнесены баночно-округлобокие горшки с максимальным расширением тулова на середине высоты и суженной горловиной; диаметр дна близок, но уступает диаметру горловины. II тип составляют горшки и корчаги тюльпановидной формы. Они имеют широкую горловину и плавно сужающиеся от середины высоты ко дну стенки. Диаметры расширений горловины и тулова (на середине высоты) таких сосудов примерно равны. К III типу принадлежат ребристые горшки и корчаги. Максимальное расширение их тулова – на уровне середины высоты, иногда несколько выше – оформлено в виде ребристого изгиба стенок. Они имеют невыделенную шейку. Единичные сосуды украшены под венчиком налепным валиком с косой насечкой. IV тип представлен цилиндро-коническими горшками. Шейка у них не выделена, изгиб стенок на тулове сосуда оформлен в виде плавного или угловатого ребра. К V типу относятся горшки усечено-конической формы с невыделенной или едва намеченной шейкой. Встречается валик на уровне середины высоты сосуда, а также валик под венчиком, орнаментированный косыми насечками. К VI типу отнесены вытянутые горшки с максимальным расширением на уровне верхней трети высоты, с намеченными плечиками, короткой шейкой и узким дном. Миски представлены ребристыми формами, приближающимися по деталям оформления к горшкам и корчагам III типа. Единичны находки мисок иных форм. Незначительное место в керамическом комплексе занимают диски и сковороды с низким (до 1 см высоты) бортиком.

Коллекция Колочинского I городища позволяет примерно проиллюстрировать распределение типов горшков и корчаг на памятниках колочинского круга изучаемого региона. В порядке убывания типы сосудов располагаются следующим образом: I, II, III, VI, V, IV. Миски и диски-сковороды занимают в комплексе

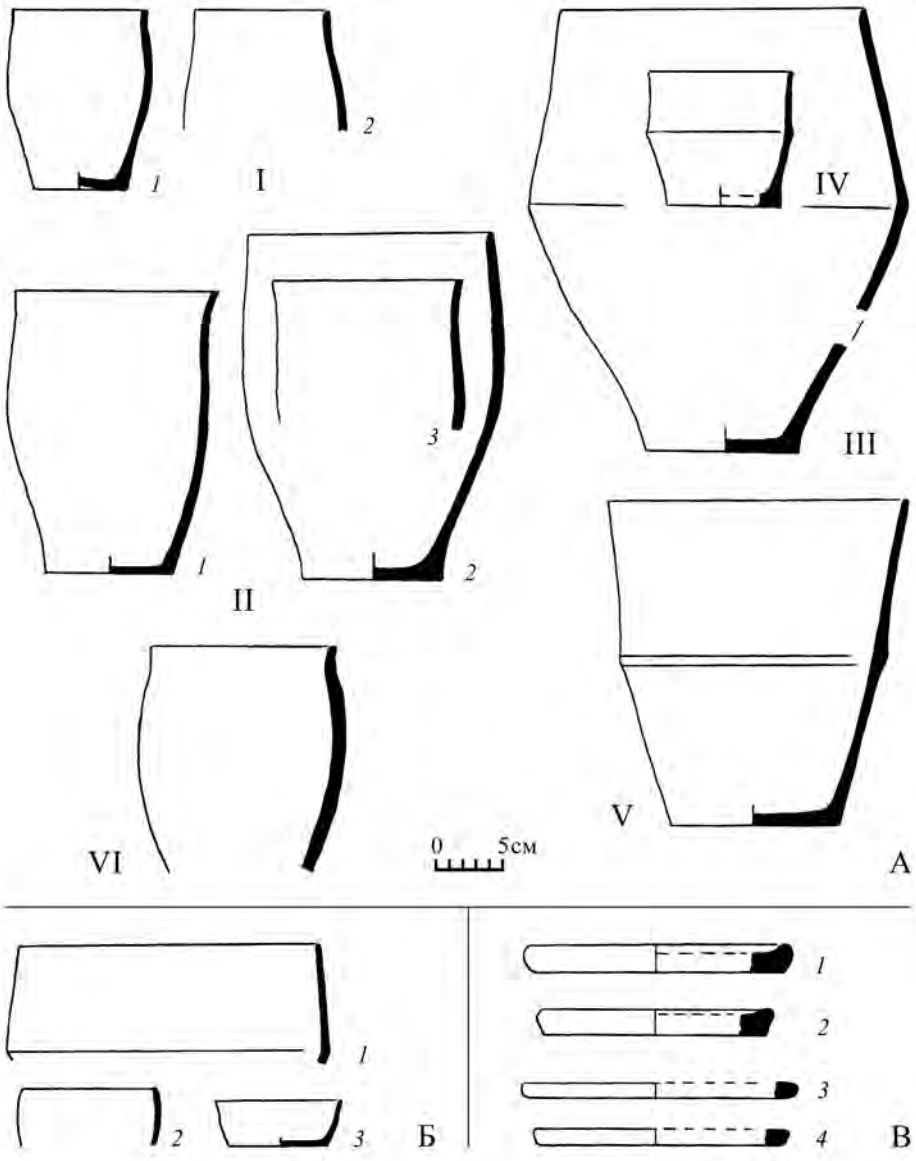

Рис. 7. Гомельское Поднепровье. Классификация керамики колочинского круга

А – горшки и корчаги; *Б* – мисковидные сосуды; *В* – сковороды и диски

не более 1–3 %. Анализ комплекса Колочина I и сходных с ним памятников показывает преобладание горшков баночно-округлобоких форм. Тюльпановидные формы отнюдь не преобладают, а цилиндро-конические, усечено-конические и близкие пражским (тип VI) встречаются редко. Ребристые сосуды распространены довольно широко, занимая в комплексе третье место после баночно-округлобоких и тюльпановидных.

Исследования селища Проскурни II показали сочетание в жилых постройках колочинских и пражских керамических форм, Моховского поселения – наличие пражских форм. Интересная серия керамики происходит из разрушенной полуземлянки селища Калиновка (рис. 8), которая демонстрирует сочетание сосудов с максимальным расширением в верхней трети высоты, слабопрофилированных и ребристых.

На раннесредневековых поселениях встречены глиняные пряслица усеченно-биконической формы с ребристым переходом на середине высоты. Признаки железообработки и кузнечного дела (шлак, стенки глинобитных домниц) имеются на большинстве поселений. В Гомеле исследована постройка, заполненная болотной рудой, а также часть углубленного сооружения, связанного с обработкой металлов. Среди кузнечной продукции имеются ножи и шилья. К деревообрабатывающим инструментам относится долото, найденное на Колочинском I городище. Орудия уборки урожая представлены обломком косы-горбуши и серпами (Колочин I). О развитии рыболовства говорят находки на том же памятнике железных крючков и пешни. Из предметов вооружения известно несколько наконечников стрел и наконечник копья (Колочин I, Демьянки, Бердыж).

Количество бронзовых предметов невелико. Это проволочное височное кольцо (Бердыж), П-образная пластинка (Носовичи), фрагмент поделки в виде трубки и обломок перстня (Нисимковичи II). Интерес представляют находки двух бронзовых пальчатых фибул. Фибула из Гомеля упомянута выше, вторая случайно поднята на многослойном поселении Однополье на Соже (рис. 2, *1*). По аналогиям эти предметы могут быть отнесены к VI–VII вв. Однопольская фибула отличается как от днепровских, так и «поствосточногерманских» фибул. Полная аналогия имеется в Диногеции (область Добруджа в Румынии), где она выявлена с монетами 574 и 590 гг. (*Гавритухин, Обломский*, 1996. Рис. 64).

Основным занятием населения Гомельского Поднепровья было земледелие (находки зерен проса и чечевицы, отпечатки зерен на керамике, орудия уборки и переработки урожая). Развитие скотоводства подтверждается находками костных останков животных и топографией поселений, расположенных в выгодных для такого рода занятий условиях.

Датировка колочинских и пражских памятников определена в границах V – конца VII в. Она, с незначительными хронологическими сдвигами, корректируется в работах Е. А. Горюнова, Р. В. Терпиловского, А. М. Обломского, И. О. Гавритухина, В. С. Вергей и иных специалистов (*Горюнов*, 1981. С. 63; *Гавритухин, Обломский*, 1996; *Вяргей*, 1999. С. 333, 334; и др.). На памятниках Гомельского Поднепровья хорошо датируемые предметы редки, но даже единичные их находки (пальчатые фибулы, В-образная пряжка) указывают на те же хронологические рамки – V–VII вв.

Наименее изученными в Гомельском Поднепровье остаются древности VIII–IX вв. Материалы исследований последних десятилетий показывают, что в данный период здесь получили распространение восточнославянские памятники круга Луки-Райковецкой. Лепная керамика луки-райковецкого облика в небольшом количестве выявлена на городищах летописных Гомеля и Чечерска (рис. 9, *1–6*), на селище у городища Колочин I, на селище Проскурни II. Горшки представлены сосудами вытянутых пропорций, сужающимися у дна и горла,

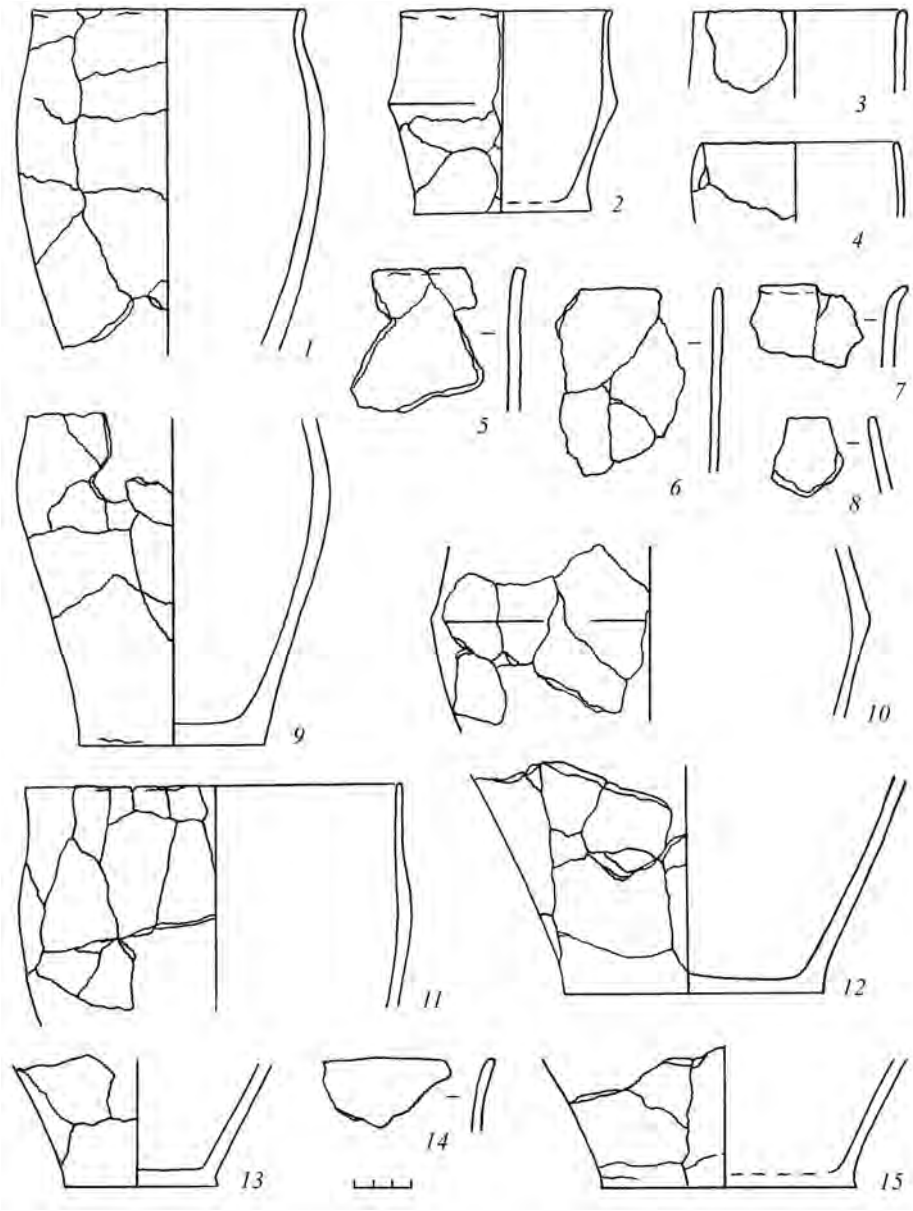

Рис. 8. Калиновка. Керамика третьей четверти I тыс. н. э. из разрушенной полуземлянки, обследования О. А. Макушникова 1981 г.

с расширением в верхней части тулова, иногда – у середины высоты. Сосуды нередко украшены ямочными (пальцевыми) вдавлениями или насечками по обрезу венчика. Встречаются ямочные (пальцевые) вдавления или мелкие наколы по плечикам. Небольшие серии обломков лепной керамики из указанных памятников не могут быть базой для широких обобщений.

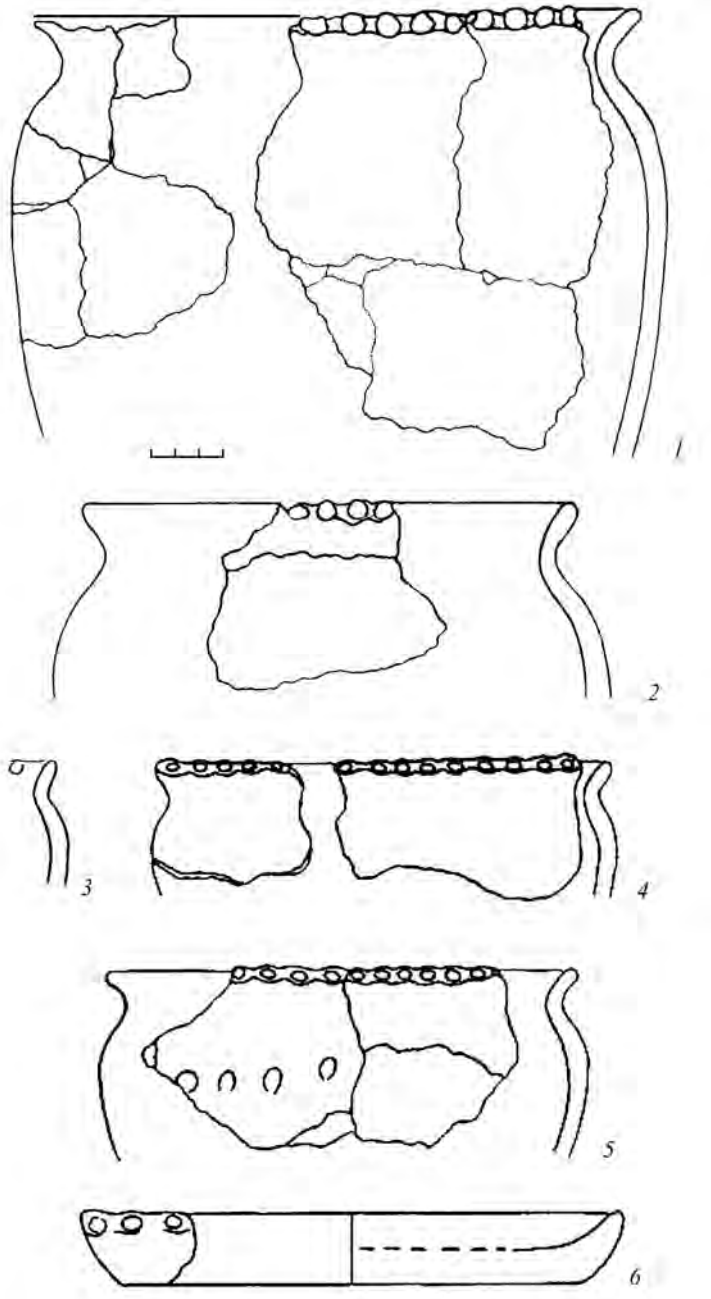

Рис. 9. Гомельское Поднепровье. Керамика круга Луки-Райковецкой

1–3 – Гомель, раскопки и обследования О. А. Макушникова 1988 г.; *4* – Гомель, раскопки и обследования М. А. Ткачева 1988 г.; *5, 6* – Чечерск, раскопки В. В. Богомольникова и И. М. Чернявского 1975 г., 1981–1982 гг.

К древностям круга Луки-Райковецкой относится полуземлянка селища Колочин и, вероятно, несколько полуземлянок из Проскурней II. Их котлованы имеют четырехугольный контур, конструкция стен столбовая и срубная (Проскурни II, жилища 6, 7). Печи (каменки и каменно-глинобитные) располагались в углах жилищ (*Сымонович*, 1963, с. 95–137; *Дробушевский*, 2006. С. 18–32). Данная домостроительная традиция имеет выраженный восточнославянский характер. С древностями Луки-Райковецкой связан обнаруженный в Гомеле железный наральник, определенный Ю. А. Красновым. Он ошибочно датирован М. А. Ткачевым XIII в., поскольку найден не в слое, а в его обнажении. Ближайшие аналогии имеются в памятниках круга Волынцево и Сахновки (*Краснов*, 1987. С. 19–25).

Судя по керамическому набору, имеющему аналогии в древностях Украины, памятники круга Луки-Райковецкой Гомельского Поднепровья следует отнести к VIII–IX вв. Жилище 2 селища Колочин дало сердоликовую бусину, датированную Э. А. Сымоновичем VIII в. (*Сымонович*, 1963. С. 95–137).

Прямая генетическая связь между колочинскими и более поздними памятниками традиции Луки-Райковецкой в Гомельском Поднепровье не прослеживается. Это указывает на смену населения или на значительный приток новых групп населения извне.

Таким образом, изучая раннесредневековые памятники Гомельского Поднепровья, можно сделать следующие выводы.

Основным населением региона в V–VII вв. были носители колочинской культуры. В это же время (точные датировки пока невозможны) здесь появляются носители пражской культуры. В конце VII – начале VIII в. в Гомельском Поднепровье распространяются восточнославянские культурные традиции круга Луки-Райковецкой, которые диагностируются единичными памятниками с отдельными находками керамики. Генетическая связь между этими и предшествующими колочинскими древностями не прослеживается. Более поздний пласт восточнославянских памятников региона связан с роменской и раннедревнерусской культурами.

Распространение на рубеже третьей и последней четвертей I тыс. н. э. в Гомельском Поднепровье восточнославянских традиций сопряжено с культурными трансформациями. Претерпевает изменения керамический комплекс, в котором господствующее положение занимают профилированные сосуды с расширением на уровне верхней трети высоты и скромной орнаментаций. Существенные отличия элементов культуры V–VII (именно колочинской традиции) и VIII–IX вв. едва ли могут объясняться эволюционным развитием местной культуры. В любом случае, трансформации раннесредневековых древностей изучаемого региона в значительной степени связаны с притоком населения – носителей раннеславянских (пражских) традиций. Основным вектором этого продвижения мог быть западный, то есть с территории белорусско-украинского Полесья.

ЛИТЕРАТУРА

Баран В. Д., 1988. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев: Наукова думка. 160 с.

Баран В. Д., Козак Д. Н., Терпиловський Р. В., 1991. Походження слов'ян / Ред. О. П. Моця. Київ: Наукова думка. 144 с.

Богомольников В. В., 1975. Работы в Жлобинском районе // АО 1974 г. М.: Наука. С. 382.

Вяргей В. С., 1999. Помнікі тыпу Прагі–Карчак і Лукі-Райкавецкай // Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча / Пад рэд. В. І. Шадыры і інш. Мінск: Беларуская навука. С. 317–348.

Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996. РСМ-3. 296 с.

Гавритухин И. О., Лопатин Н. В., Обломский А. М., 2004. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья (тезисы к концепции славянского этногенеза) // Славянский мир Полесья в древности и средневековье / Ред. О. А. Макушников и др. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. С. 39–50.

Горюнов Е. А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья / Под ред. А. Н. Кирпичникова. Л.: Наука. 134 с.

Горюнов Е. А., 2004. Могильники колочинской культуры // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье: доклады науч. конф., посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 10–17.

Дробушевский А. И., 2006. Охранные исследования на поселении у д. Проскурни (Проскурни-II) в Гомельском Поднепровье // Археалогія эпохі сярэдневякоўя (да 75-годдзя з дня нараджэння П. Ф. Лысенкі). Мінск: ІГ НАН Беларусі. С. 18–32. (МАБ; Вып. 12.)

Краснов Ю. А., 1987. Рало из Бреста // КСИА. Вып. 190. С. 19–25.

Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье, 2004. Доклады науч. конф., посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское Востоковедение. 288 с.

Лявданский А. Н., Коваленя А. Д., 1936. Материалы по обследованию р. Сож в 1936 г. Дневник // Архив ИИ НАН Беларуси. Д. 457.

Макушнікаў А. А., 1985. Кераміка паўдневай часткі Дняпроўска-Сожскага міжрэчча V–VII (VIII) стст. н. э. //Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. № 6. С. 91–98.

Макушнікаў А. А., 1999. Калочынская культура / Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча // Пад рэд. В. І. Шадыры і інш. Мінск: Беларуская навука. С. 348–359.

Макушников О. А., 1994. Поселение второй половины I тыс. н. э. близ д. Носовичи в Нижнем Посожье // ГАЗ. Вып. 5. С. 227–237.

Макушников О. А., 2003. Раннесредневековая керамика городища Колочин I на Гомельщине // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. Минск: ИИ НАН Беларуси. С. 217–233. (МАБ; Вып. 8.)

Макушников О. А., 2009. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII в.: социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. 221 с.

Медведев А. М., 1996. О времени прихода славян на территорию Беларуси (характеристика источников) // Тэз. дакл. і паведамл. Беларус. дэлегацыі на VI Міжнародн. кангрэсе славянскай археалогіі (Ноўгарад, 26–30 жніўня 1996 г.) / Адк. рэд. Г. Штыхаў. Мінск: ІГ АН Беларусі. С. 57–59.

Митрофанов А. Г., 1978. Железный век Средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.) / Науч. ред. Г. В. Штыхов. Минск: Наука и техника. 160 с.

Перхавко В. Б., 1978. Раннесредневековые древности междуречья Днепра и Немана V–VIII вв.: Автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.06. М.: ИА АН СССР. 22 с.

Поболь Л. Д., 1974. Славянские древности Белоруссии: (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.). Минск: Наука и техника. 424 с.

Расадзін С. Я., 1985. Гарадзішча-сховішча Залатаміно ў Беларускім Пасожжы // Весці АН БССР. Сер. грамадск. навук. № 2. С. 75–79.

Русанова И. П., 1973. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М.: Наука. 100 с. (САИ; Вып. Е1–25.)

Русанова И. П., 1976. Славянские древности VI–VII вв. (культура пражского типа) / Под ред. А. К. Амброза. М.: Наука. 216 с.

Рябцевич В. Н., 1984. Раскопки могильника у д. Колосы // АО 1982 г. М.: Наука. С. 369.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 328 с. (Археология СССР; Т. 14.)

Соловьева Г. Ф., 1967. Славянские курганы близ села Демьянки // СА. № 1. С. 187–198.

Сымонович Э. А., 1963. Городище Колочин I на Гомельщине // Славяне накануне образования Киевской Руси. М.: Наука. С. 95–137. (МИА; № 108.)

Третьяков П. Н., 1982. По следам древних славянских племен / Под ред. Б. А. Рыбакова. Л.: Наука. 144 с.

Сведения об авторе.

Макушников Олег Анатольевич, Гомельский Государственный университет им. Ф. Скорины, ул. Советская, 104, Гомель, 246019, Белоруссия; e-mail: makushnikov@tut.by.

O. A. Makushnikov

The Kolochin culture in the Gomel region of the Dnieper valley and the sites which came after it in the 8th and 9th centuries

Abstract. In the 5th–7th cc. AD the Gomel region in the Dnieper valley was mostly populated by the bearers of the Kolochin culture. Research carried out in recent decades in the area along the Dnieper and Sozh rivers with their tributaries has identified sites of the Prague culture (Mokhov) or a mixed Prague-Kolochin tradition (Proskurni II etc.). The chronological relationship between the Kolochin and Prague sites is not clear yet, but Prague traditions were later ones and were probably introduced from outside, as indicated by certain observations concerning the sequence of pottery sets and the spread of typically Slavic dwellings with sunken bottom and stone ovens. At the end of the 7th and beginning of the 8th cc., the Luka Raykovetskaya culture was widespread in the region. The Early Medieval sites of the Gomel region in the Dnieper valley have so far not been thoroughly studied.

Keywords: Gomel region of the Dnieper valley, Kolochin culture, Prague culture, Luka Raykovetskaya culture, Early Medieval period, fortified settlement, open settlement, burial ground, pottery.

REFERENCES

Baran V. D., 1988. Prazhskaya kul'tura Podnestrov'ya (po materialam poseleny u s. Rashkov) [Prague culture of Dniester basin (on materials from settlement near village Rashkov)]. Kiyev: Naukova dumka. 160 p.

Baran V. D., Kozak D. N., Terpilovs'ky R. V., 1991. Pokhodzhennya slov'yan [Origins of Slavs]. O. P. Motsya, ed. Kiyev: Naukova dumka. 144 p.

Bogomol'nikov V. V., 1975. Raboty v Zhlobinskom rayone [Works in Zhlobin district]. *AO 1974 goda* [*AO of 1974*]. B. A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, p. 382.

Vyargey V. S., 1999. Pomniki typu Pragi-Karchak i Luki-Raykavetskay [Sites of Prague-Korchak and Luka-Raykovetskaya type]. *Arkhealogiya Belarusi* [*Archaeology of Byelorussia*], 2. V. I. Shadyra, ed. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 317–348.

Gavritukhin I. O., Oblomsky A. M., 1996. *RSM-3*. 296 p.

Gavritukhin I. O., Lopatin N. V., Oblomsky A. M., 2004. Novyye rezul'taty izucheniya ranneslavyanskikh drevnostey lesnogo Podneprov'ya i Verkhnego Podvin'ya (tezisy k kontseptsii slavyanskogo etnogeneza) [New results of research of early Slavic antiquities of Dnieper and Upper Dvina forest regions (abstracts towards concept of Slavic ethnic origin)]. *Slavyansky mir Poles'ya v drevnosti i srednevekov'ye* [*Slavic world of Poles'ye in antiquity and Middle Ages*]. O. A. Makushnikov, ed. Gomel': Gomel'sky gosudarstvenny universitet imeni F. Skoriny, pp. 39–50.

Goryunov Ye. A., 1981. Ranniye etapy istorii slavyan Dneprovskogo [Early stages of history of Slavs in Dnieper left bank zone]. A. N. Kirpichnikov, ed. Leningrad: Nauka. 134 p.

Goryunov Ye. A., 2004. Mogil'niki kolochinskoy kul'tury [Cemeteries of Kolochin culture]. *Kul'turnyye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'ye* [*Cultural transformations and mutual influences in Dnieper region in the end of Roman time and early Middle Ages*]. St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye, pp. 10–17.

Drobushevsky A. I., 2006. Okhrannyye issledovaniya na poselenii u d. Proskurni (Proskurni-II) v Gomel'skom Podneprov'ye [Rescue investigations at settlement near village Proskurni (Proskurni-II) in Gomel region of Dnieper basin]. *MAB*, 12, pp. 18–32.

Krasnov Yu. A., 1987. Ralo iz Bresta [Ard from Brest]. *KSIA*, 190, pp. 19–25.

Kul'turnyye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'ye [Cultural transformations and mutual influences in Dnieper region in the end of Roman time and early Middle Ages], 2004. St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. 288 p.

Lyavdansky A. N., Kovalenya A. D., 1936. Materials on field survey of River Sozh in 1936. Diary. *Archive of Institute of History, National Academy of Sciences of Byelorussia* (In Russian, unpublished).

Makushnikau A. A., 1985. Keramika paudnevay chastki Dnyaprouska-Sozhskaga mizhrechcha V–VII (VIII) stst. n. e. [Dnieper-Sozh interfluve of V–VII (VIII) cc. AD]. *Vestsi Akademii navuk Belaruskay savetskay satsyyalistychnay respubliki. Seryya gramadskikh navuk* [*Herald of Academy of Sciences of Byelorussian Soviet Socialist Republic. Series of social sciences*], 6, pp. 91–98.

Makushnikau A. A., 1999. Kalochynskaya kul'tura [Kolochin culture]. *Arkhealogiya Belarusi, 2. Zhalezny vek i rannyaye syarednyavechcha* [*Archaeology of Byelorussia, 2. Iron Age and early Middle Ages*]. V. I. Shadyra, ed. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 348–359.

Makushnikov O. A., 1994. Poseleniye vtoroy poloviny I tys. n. e. bliz d. Nosovichi v Nizhnem Posozh'ye [Settlement of second half of I mill. AD near village Nosovichi in Lower Sozh basin]. *GAZ*, 5, pp. 227–237.

Makushnikov O. A., 2003. Rannesrednevekovaya keramika gorodishcha Kolochin I na Gomel'shchine [Early medieval pottery of fortified settlement Kolochin I in Gomel region]. *Ranniye slavyane Belorusskogo Podneprov'ya i Podvin'ya* [*Early Slavs of Dnieper and Dvina basins in Byelorussia*]. Minsk: Institut istorii Natsional'noy akademii nauk Belarusi, pp. 217–233.

Makushnikov O. A., 2009. Gomel'skoye Podneprov'ye v V – seredine XIII v.: sotsial'no-ekonomicheskoye i etnokul'turnoye razvitiye [Dnieper basin in Gomel region in V – mid XIII c.: social-economic and ethno-cultural development]. Gomel': Gomel'sky gosudarstvenny universitet imeni F. Skoriny. 221 p.

Medvedev A. M., 1996. O vremeni prikhoda slavyan na territoriyu Belarusi (kharakteristika istochnikov) [On date of coming of Slavs to territory of Byelorussia (sources characteristic)]. *Tezisy dakladau i pavedamlennyau belaruskay delegatsyi na VI Mizhnarodnym kongrese slavyanskay arkhealogii* [*Abstracts of reports and communications of Byelorussian delegation of VI International con-*

gress of Slavic archaeology]. G. Shtykhau, ed. Minsk: Instytut gistoryi Akademii navuk Belarusi, pp. 57–59.

Mitrofanov A. G., 1978. Zheleznyy vek Sredney Belorussii (VII–VI vv. do n. e. – VIII v. n. e.) [Iron Age of Middle Byelorussia (VII–VI cc. BC – VIII c. AD)]. G. V. Shtykhov, ed. Minsk: Nauka i tekhnika. 160 p.

Perkhavko V. B., 1978. Rannesrednevekovyye drevnosti mezhdurech'ya Dnepra i Nemana V–VIII cc.: … kandidata istoricheskikh nauk [Early medieval antiquities of Dnieper and Neman interfluve of V–VIII cc.: thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy]. Moscow: IA AN SSSR. 22 p.

Pobol' L. D., 1974. Slavyanskiye drevnosti Belorussii (svod arkheologicheskikh pamyatnikov rannego etapa zarubinetskoy kul'tury – s serediny III v. do n. e. po nachalo II v. n. e.) [Slavic antiquities of Byelorussia (catalogue of archaeological sites of early stage of Zarubintsy culture – from mid III c. BC till early II c. AD)]. Minsk: Nauka i tekhnika. 424 p.

Rasadzin S. Ya., 1985. Garadzishcha-skhovishcha Zalatamino v Belaruskim Pasozhzhy [Fortifed settlement-refuge Zalatamino in Sozh basin in Byelorussia]. *Vestsi Akademii navuk Belaruskay savetskay satsyyalistychnay respubliki. Seryya gramadskikh navuk* [*Herald of Academy of Sciences of Byelorussian Soviet Socialist Republic. Series of social sciences*], 2, pp. 75–79.

Rusanova I. P., 1973. Slavyanskiye drevnosti VI–IX vv. mezhdu Dneprom i Zapadnym Bugom [Slavic antiquities of VI–IX cc. Between Dnieper and Western Bug]. 100 p. (SAI, E1–25.)

Rusanova I. P., 1976. Slavyanskiye drevnosti VI–VII vv. (kul'tura prazhskogo tipa) [Slavic antiquities of VI–VII cc. (culture of Prague type)]. A. K. Ambroz, ed. Moscow: Nauka. 216 p.

Ryabtsevich V. N., 1984. Raskopki mogil'nika u d. Kolosy [Excavations of cemetery near village Kolosy]. *AO 1982 goda* [*AO of 1982*]. B. A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, p. 369.

Sedov V. V., 1982. Vostochnyye slavyane v VI–XIII vv. [Eastern Slavs in VI–XIII cc.]. Moscow: Nauka. 328 p. (Arkheologiya SSSR, 14.)

Solov'yeva G. F., 1967. Slavyanskiye kurgany bliz sela Dem'yanki [Slavic kurgans near village Dem'yanki]. *SA*, 1, pp. 187–198.

Symonovich E. A., 1963. Gorodishche Kolochin I na Gomel'shchine [Fortified settlement Kolochin I in Gomel region]. *Slavyane nakanune obrazovaniya Kiyevskoy Rusi* [*Slavs on the eve of formation of Kievan Rus'*]. Moscow: Nauka, pp. 95–137. (MIA, 108.)

Tret'yakov P. N., 1982. Po sledam drevnikh slavyanskikh plemen [Following footprints of ancient Slavic tribes]. Leningrad: Nauka. 144 p.

About the author.

Makushnikov Oleg A., Francisk Skorina Gomel State University, ul. Sovetskaya, 104, Gomel', 246019, Byelorussia; e-mail: makushnikov@tut.by.

А. М. Обломский, В. Е. Родинкова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕЛОМ В ПОДНЕПРОВЬЕ В VII в. н. э. ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

Резюме. Этнокультурный перелом в Поднепровье заключается в прекращении существования пеньковской и колочинской культур, а также ряда других групп памятников, синхронных им; в массовом сокрытии днепровских кладов типа Мартыновского и гибели в пожарах ряда поселений; в появлении и массовом расселении в регионе нового славянского населения с территории Днепровского Правобережья (с культурой типа Лука Райковецкая – Сахновка – Волынцево). Все типы раннесредневековых памятников Поднепровья сгруппированы в культурные блоки. К первому относятся днепровские клады типа Мартыновского, ко второму – колочинская и пеньковская культуры, к третьему – древности круга Луки Райковецкой – Сахновки – Волынцево, к четвертому – мастерские по изготовлению сероглиняной гончарной керамики Мачухи и Балка Канцерка, к пятому – Пастырский производственный центр, к шестому – древности кочевников. В статье рассмотрены хронологические соотношения между этими блоками и сделан вывод, что наиболее вероятная дата этнокультурного перелома в лесостепи и на юге лесной зоны Поднепровья – третья четверть – конец VII в.

Ключевые слова: этнокультурный перелом, лесостепное и лесное Поднепровье, клады типа Мартыновки, колочинская культура, пеньковская культура, памятники типа Лука Райковецкая – Сахновка – Волынцево.

Суть этнокультурного перелома в днепровской лесостепи и лесном Поднепровье состоит в следующем.

Северную часть региона в V–VII вв. занимают памятники колочинской, а южную – пеньковской культуры (рис. 1). На небольшом участке Среднего Поднепровья (в черте современного г. Киева и в его южных окрестностях) известны поселения пражской культуры. В междуречье Псла и Ворсклы, на левом берегу Ворсклы, а также в районе днепровских порогов концентрируются разнообразные по характеру древности кочевников. В регионе известны центры по производству гончарной керамики (Канцерка, Мачухи, Пастырское), ювелирных изделий (Пастырское). Наряду с типичными для колочинской и пеньковской традиций могильниками с кремациями, в ареале пеньковской культуры встречены отдельные ингумации с раннеславянскими вещами. Этнокультурная ситуация, таким образом, была достаточно сложной, особенно в южной части лесостепной зоны.

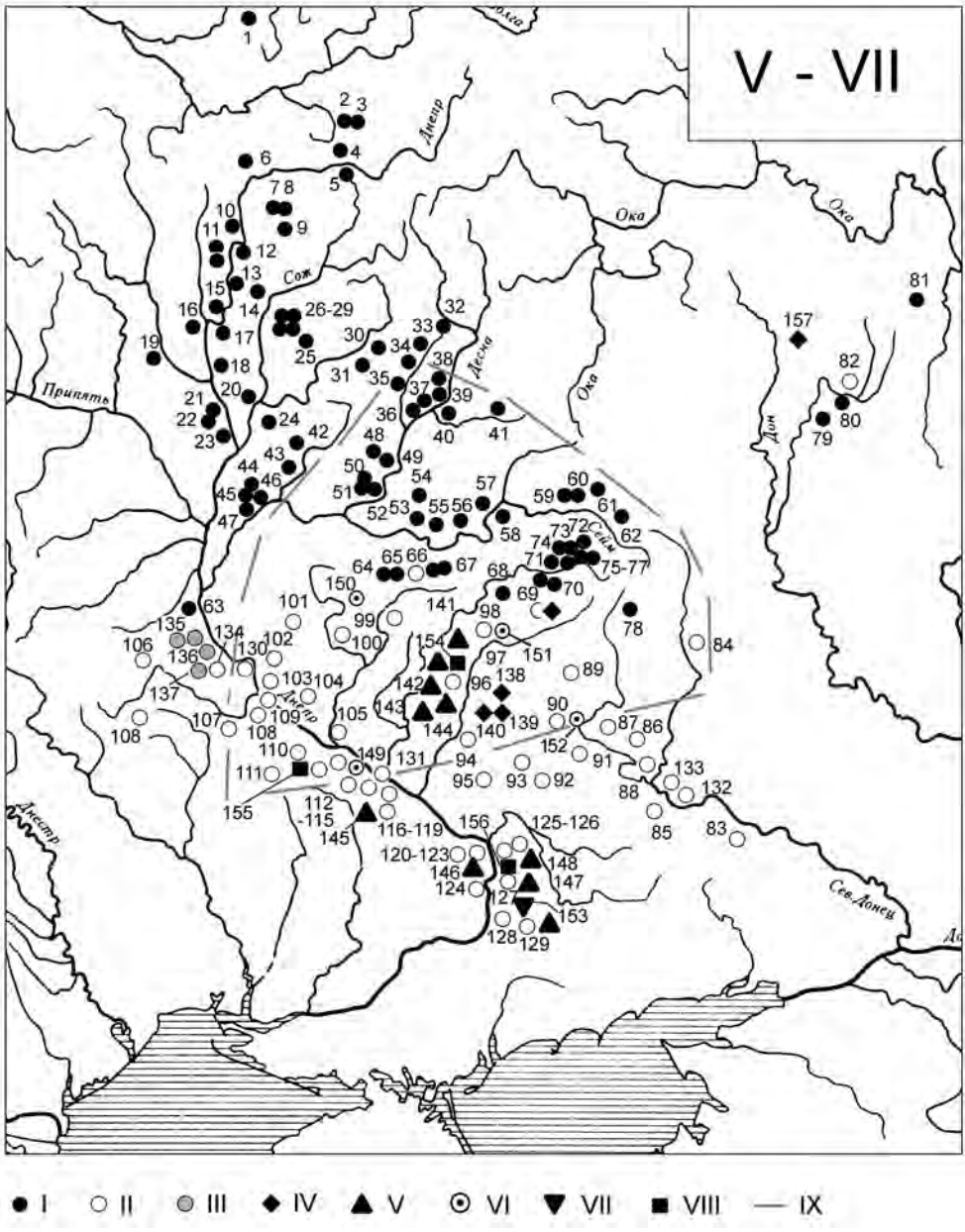

Рис. 1. Памятники V–VII вв. в Поднепровье, исследованные раскопками

I – памятники колочинской культуры; II – памятники пеньковской культуры; III – памятники пражской культуры; IV – богатые комплексы кочевников; V – стойбища кочевников; VI – ингумации с вещами «мартыновского» круга; VII – тюркский поминальный храм; VIII – ремесленные центры; IX – ареал днепровских кладов типа Мартыновского

Показателем угрозы населению Поднепровья является выпадение в землю так называемых днепровских раннесредневековых кладов I группы или типа Мартыновского (*Щеглова*, 1990) (рис. 2), принадлежащих, судя по близости состава, к одному и тому же времени. Ареал кладов, очевидно, и следует считать эпицентром катастрофы. Кроме того, в Могилёвском Поднепровье исследовано несколько сгоревших в VII в. городищ колочинской культуры (Вежки, Черкасово, Никодимово) (*Левко, Колосовский*, 2003. С. 187). На последнем найдена серия украшений тех же типов, что включают клады I группы (*Седзін*, 1994; 2000. Рис. 4, *1, 2, 4–6*). Одно из самых восточных поселений с набором посуды, имеющим параллели в колочинском керамическом комплексе, – Кривец-4

колочинская культура: *1* – Кисели; *2* – Акатово, городище; *3* – Акатово, могильник; *4* – Близнаки; *5* – Демидовка; *6* – Черкасово; *7, 8* – Вежки, городище, селище; *9* – Никодимово; *10* – Могилёв; *11* – Тайманово; *12* – Нижняя Тощица; *13* – Воронино; *14* – Золотомино; *15* – Новый Быхов; *16* – Колосы; *17* – Ходосовичи; *18* – Колос; *19* – Щатково; *20* – Гомель; *21* – Колочин-1; *22* – Колочин-2; *23* – Мохов; *24* – Носовичи; *25* – Новые Громыки; *26–29* – Нисимковичи-1–5; *30* – Рассуха-2; *31* – Левенка-3; *32* – Смольянь; *33* – Случевск; *34* – Синьково-Дмитрово; *35* – Посудичи; *36* – Кветунь; *37* – Макча; *38* – Мансурово; *39* – Усох; *40* – Хохлов Вир; *41* – Слободка; *42* – Мощенка; *43* – Макишин (Ровчак); *44* – Роище; *45* – Выгоры-1; *46* – Александровка-1; *47* – Еловщина; *48* – Смяч; *49* – Колодезный Бугор; *50* – Левкин Бугор; *51* – Заярье; *52* – Стрелица; *53* – Красное-4; *54* – Литвиновичи-3; *55* – Харьевка; *56* – Пески; *57* – Артюшково; *58* – Гапоново; *59* – Воробьевка-2; *60* – Авдеево, Воробьевка Вторая; *61* – Каменево-2; *62* – Лебяжье-1; *63* – Ходосовка (Диброва); *64, 65* – Артюховка, поселение, могильник; *66, 67* – Большие Будки, городище, селище (Хутор); *68* – Бездрик; *69* – Гочево-3; *70* – Курочкин-3; *71* – Шмырёво-2; *72* – Казачья Локня (Замощанская дюна); *73, 74* – Княжий, Княжий-5; *75–77* – Картамышево-1–3; *78* – Шишино-5; *79* – Ярлуково; *80* – Кривец-4; *81* – Коровий Брод

пеньковская культура: *82* – Ярок-5; *83* – Богородичное; *84* – Яблонево; *85* – Сухая Гомольша; *86* – Задонецкое; *87* – Занки; *88* – Раковка-1; *89* – Фески-3; *90* – Соколово; *91* – Нижний Бишкинь-1; *92* – Богатое; *93* – Чернеччина; *94* – Прогресс; *95* – Осиповка; *96* – Полузорье-1, 2; *97* – Бельск; *98* – Рябовка-3; *99* – Хитцы; *100* – Засулье; *101* – Корнеевка; *102* – Сушки-1; *103* – Домантово; *104* – Соснова; *105* – Жовнин; *106* – Белая Церковь; *107* – Вильховчик; *108* – Гута Михайловская; *109* – Крещатик; *110* – Будище; *111* – Беляевка; *112–115* – поселения и могильники у с. Великая Андрусовка; *116–119* – поселения у с. Пеньковка; *120–123* – поселения и могильники у с. Волошское; *124* – Звонецкое; *125–126* – поселения и могильник у с. Игрень; *127* – Васильевка (низовья р. Вороной); *128* – Васильевка (Любимовская забора); *129* – Васильевка (о-в Кизлевый; балка Тягинка); *130* – Григоровка; *131* – Дереивка; *132* – Виделиха; *133* – Бондариха; *134* – Обухов-7

пражская культура: *135* – Киев (Старокиевская гора, Оболонь); *136* – Большая Бугаевка; *137* – Обухов-2

богатые комплексы кочевников: *138* – Малое Перещепино; *139* – Новые Санжары–Зачепиловка; *140* – Макуховка

стойбища кочевников: *141* – Лаврики; *142* – Вовки; *143* – Белокони; *144* – Чередняки; *145* – Стецовка; *146* – Вовниги; *147* – Орлово; *148* – Балка Клюшникова-3

ингумации с вещами мартыновского круга: *149* – Балаклея; *150* – Поставмуки; *151* – Березовка; *152* – Мохнач

тюркский поминальный комплекс: *153* – Вознесенка

ремесленные центры: *154* – Мачухи; *155* – Пастырское; *156* – Канцерка

кочевническое погребение на водоразделе Дона и Оки: *157* – Арцыбашево

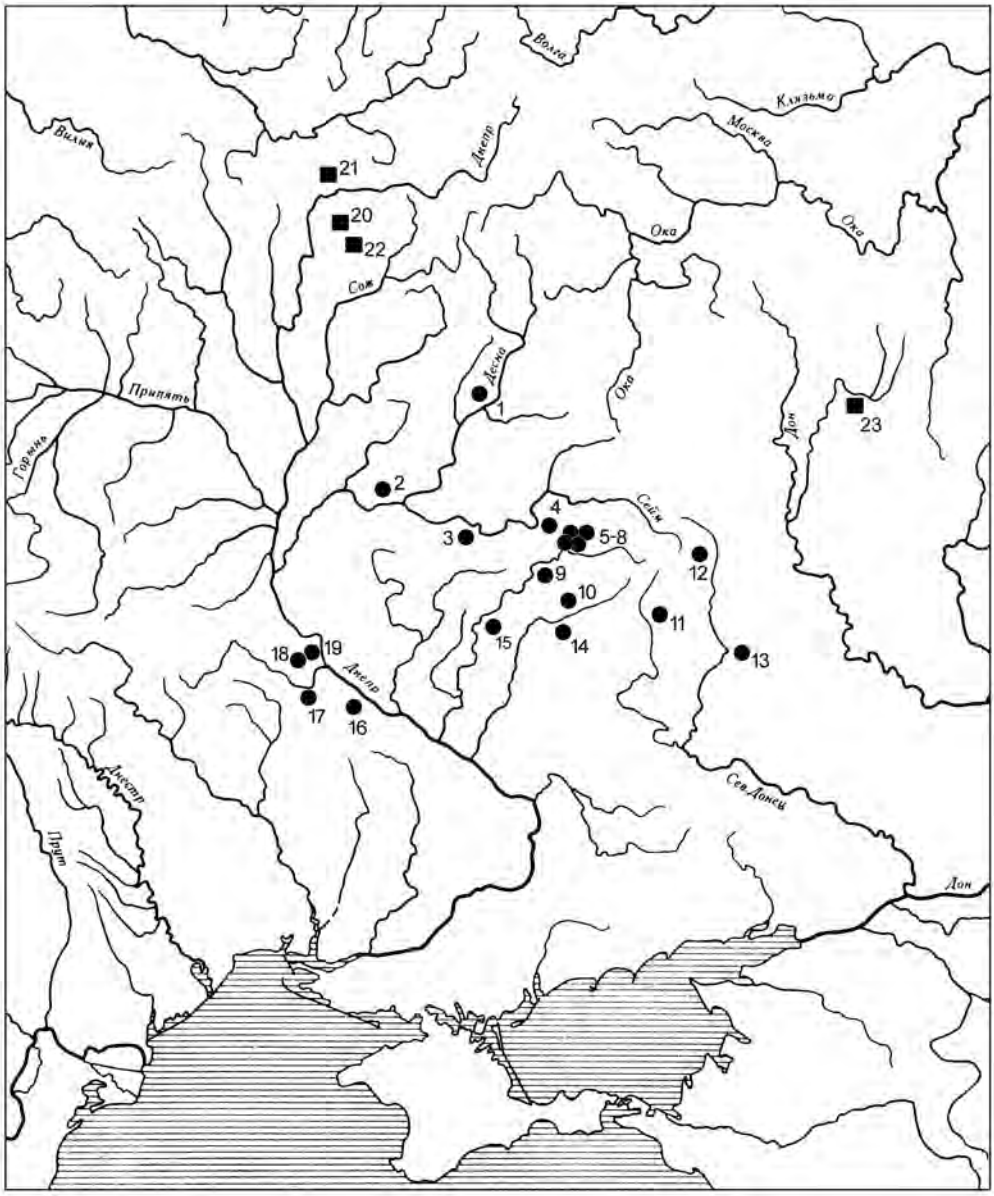

Рис. 2. Карта днепровских раннесредневековых кладов I группы

Клады I группы: 1 – Трубчевск; 2 – Мена; 3 – Шевченково; 4 – Гапоново; 5 – Куриловка; 6 – Суджа-Замостье; 7 – Суджа (1947 г.); 8 – Черкасская Конопелька; 9 – Нижняя Сыроватка; 10 – Смородино; 11 – Цепляево Первое; 12 – Углы; 13 – Колосково; 14 – Козиевка/Новая Одесса; 15 – Блажки; 16 – Хацки; 17 – Вильховчик; 18 – Малый Ржавец; 19 – Мартыновка

Сгоревшие в VII в. поселения колочинской культуры: 20 – Вежки; 21 – Черкасово; 22 – Никодимово; 23 – Кривец-4

в верховьях р. Воронеж – также сгорело в пожаре. Аналогичные украшения найдены и здесь (*Андреев, Филимонова*, 2008. Рис. 2, *11*; *Обломский*, 2012а. Рис. 8, *5*; 18, *11, 12*; 22, *3, 6*). Следы катастрофы, таким образом, ощущаются вплоть до северной и восточной границ колочинской культуры[1].

Не позднее VIII в. ситуация в регионе резко меняется (рис. 3). Ни пеньковская, ни колочинская культуры не имеют эволюционного продолжения. Вся территория лесостепи и юга лесной зоны Поднепровья занята памятниками, которые называют по-разному: типа Луки-Райковецкой, Сахновки, Волынцево, связанными по происхождению с пражской археологической общностью. Население, обитавшее в это время в Поднепровье, было в этнокультурном отношении однородным. Налицо массовое перемещение в Среднее Поднепровье и на левобережье Днепра населения с Днепровского Правобережья. Большинство известных в Поднепровье поселений и могильников типа Луки-Райковецкой – Сахновки – Волынцево укладываются в пределы области выпадения кладов I группы. В Верхнем Поднепровье распространяются памятники смоленско-полоцких длинных курганов, генетически не связанные с колочинской культурой.

Таким образом, этнокультурный перелом в Поднепровье заключается в:

– прекращении существования пеньковской и колочинской культур, а также ряда других групп памятников, синхронных им;

– массовом сокрытии днепровских кладов типа Мартыновского и гибели в пожарах ряда поселений (рис. 2);

– появлении и массовом расселении в регионе нового славянского населения с территории Днепровского Правобережья.

Относительно интерпретации этих событий и их хронологии существует несколько точек зрения.

Е. А. Горюнов, развивая идеи М. И. Артамонова и Г. Ф. Корзухиной, считал, что причиной сокрытия днепровских кладов послужило вторжение хазар, с присутствием которых он связывал богатые кочевнические комплексы из Малого Перещепино, Макуховки, Зачепиловки, Глодос, Вознесенки. Выпадение кладов он относил к концу VII – началу VIII в. На это же время приходится и финал пеньковской культуры. В керамическом комплексе волынцевских памятников,

[1] Приведенная точка зрения принадлежит А. М. Обломскому. В. Е. Родинкова по вопросу о датировке и культурно-исторической интерпретации пожаров в Никодимово и Кривце-4 придерживается другой позиции. По ее мнению, время гибели рассматриваемых памятников определяют находки малых пальчатых фибул (*Седзін*, 2000. Рис. 4, *3*; *Обломский*, 2012а. Рис. 22, *1*), существовавших в Поднепровье преимущественно в постпеньковское и постколочинское время (*Родинкова*, 2009. С. 408; 2011. С. 255). Эту дату подтверждает имеющийся в коллекции Никодимовского городища обломок деривата звездчатой серьги. Иными словами, поселения в Никодимово и Кривце-4 сгорели после того, как были сокрыты клады I группы, эти события не должны рассматриваться в едином контексте. Украшения «мартыновского» облика могли появиться в Верхнем Поднепровье и Подонье вместе со своими обладателями, вынужденными переселиться из Среднего Поднепровья и с Днепровского Левобережья под давлением обстоятельств, приведших к выпадению вышеуказанных кладов. Аналогичным образом может объясняться наличие фибул и прочих изделий днепровских типов в Юго-Западном Крыму и некоторых других регионах.

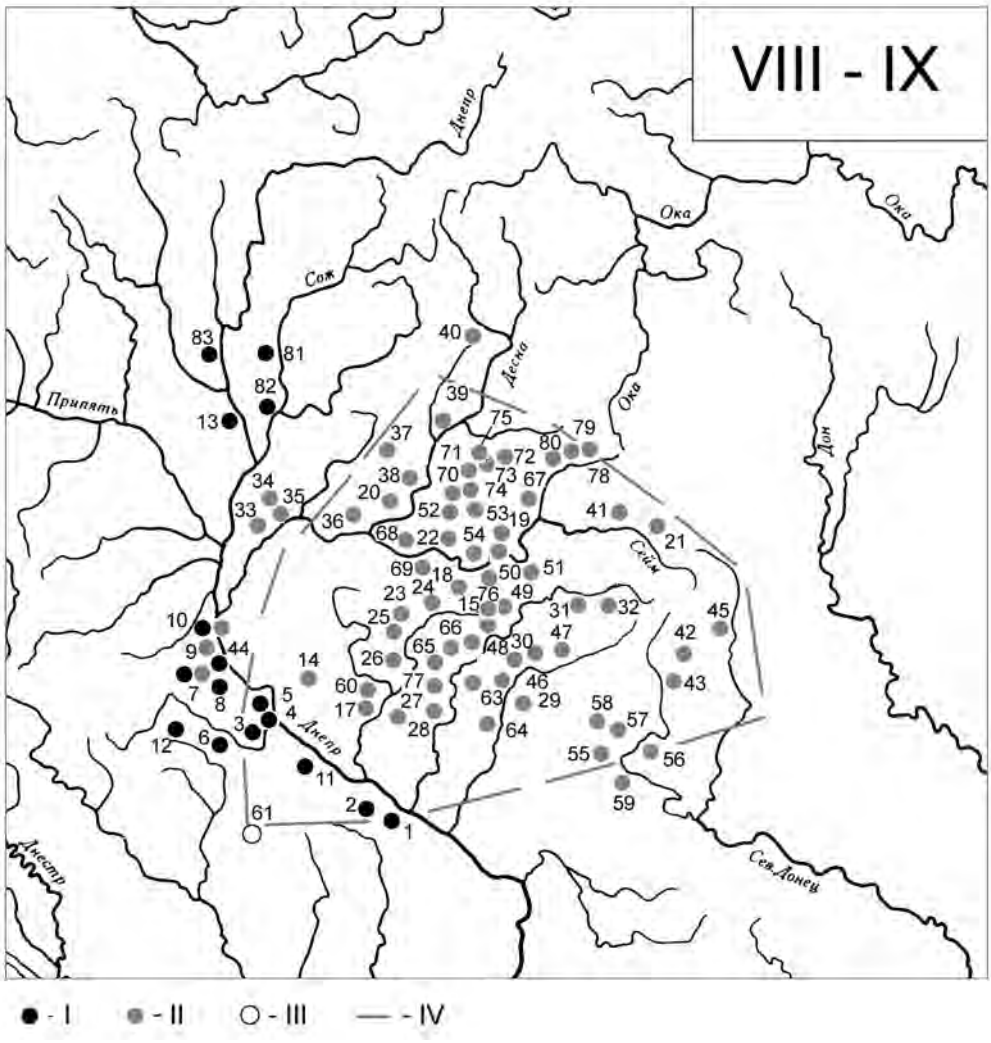

Рис. 3. Поднепровье в VIII–IX вв.

I – памятники типа Сахновки–Луки-Райковецкой; II – памятники волынцевского типа; III – Пастырское городище; IV – граница ареала кладов типа Мартыновского

памятники: 1 – у с. Пеньковка; 2 – у с. Большая Андрусовка; 3 – Сахновка; 4 – Канев; 5 – Монастырек; 6 – Момоты; 7 – Обухов-2; 8 – Обухов-7; 9 – Ходосовка; 10 – Киев; 11 – Стецовка; 12 – Журавка Ольшанская; 13 – Колочин; 14 – Стовпяги; 15 – Битица; 16 – Вовки; 17 – Васильки; 18 – Малые Будки, Беседовка; 19 – Волынцево; 20 – Сосница; 21 – Лебяжье-1, 3; 22 – Латышевка; 23 – Раковая Сечь; 24 – Деркачевка-Должик; 25 – Глинск; 26 – Пески; 27 – Терновый–Савинцы; 28 – Поповка; 29 – Хухра; 30 – Березовка; 31 – Гочево-3; 32 – Бобрава-5; 33 – Шестовица; 34 – Роище; 35 – Александровка; 36 – Мена-5; 37 – Залиновье; 38 – Целиков Бугор; 39 – Макча; 40 – Голяжье; 41 – Авдеево; 42 – Дмитриевка; 43 – Шоссейное; 44 – Белгородка; 45 – Приоскольское-2; 46 – Солдатское; 47 – Рябовка-3; 48 – Токари; 49 – Запселье; 50 – Пески; 51 – Попово–Лежачи-4; 52 – Литвиновичи-3; 53 – Воргол; 54 – Харьевка; 55 – Сухая Гомольша; 56 – Занки; 57 – Соколово; 58 – Тимченки; 59 – Новый Бишкинь-1; 60 – Хитцы; 61 – Пастырское; 62 – Иванино-2;

сменивших пеньковские, сохранились некоторые пеньковские традиции при общем различии набора посуды двух культур. Та же картина наблюдается и в Подесенье, где керамика колочинского происхождения встречена на волынцевских памятниках (*Горюнов*, 1981. С. 87–90).

Точка зрения А. В. Комара близка идеям Е. А. Горюнова: клады I группы закопаны во время достаточно длительной экспансии кочевников на север. К памятникам кочевников А. В. Комар причисляет не только «княжеские» комплексы и рядовые захоронения типа Рябовки-3, но и ингумации с вещами мартыновского круга (*Комар*, 2005. С. 208, 209). Сами клады он соотносит с периодами II и III относительной хронологии выделенной им перещепинской культуры (643–698 гг. «без калибровки по историческим событиям») (*Комар*, 2006. С. 124–128). С этими же периодами связаны комплексы из Макуховки и Малого Перещепино, т. е. в целом они должны быть синхронны днепровским кладам I группы. Вопрос о том, исчезло ли пеньковское население из лесостепной зоны с приходом сюда кочевников, А. В. Комар оставил открытым (Там же. С. 118, 128).

М. М. Казанский указывает, что большинство исследователей не сомневаются в том, что клады типа Мартыновского были сокрыты во время экспансии кочевников. Диапазон их выпадения в землю – от 620/640 до 640/650 гг. (*Казанский*, 2013. С. 53–55). М. М. Казанский и А. В. Мастыкова выделяют особый промежуточный период, начавшийся после прекращения существования пеньковских поселений и сокрытия кладов I группы и продолжавшийся до наступления этапа Сахновка–Волынцево. К нему они относят гончарные центры в балке Канцерке и Мачухах, Пастырское городище, некоторые поселения, интерпретируемые как стойбища кочевников (Чередники, Лаврики и др.), «княжеские» комплексы типа Малого Перещепино, Новых Санжар, Вознесенки. В абсолютных датах выделяемый этап начинается в 630–650 гг. и продолжается до конца VII в. (для некоторых памятников допустимо и начало VIII в.). М. М. Казанский предлагает вернуть для обозначения этого культурно-хронологического горизонта предложенный М. И. Артамоновым термин «пастырская культура» (*Мастыкова*, 2012. С. 139; *Казанский*, 2013. С. 71, 72).

По мнению О. А. Щегловой, клады типа Мартыновского выпадают в землю в конце VII в. Входящие в их состав вещи связаны с колочинским и пеньковским населением; они найдены также на «неоднородных по этнической принадлежности памятниках типа Пастырского городища и поселений Надпорожья». Затем в регионе распространяются древности сахновского и волынцевского типов и происходит сложение нового набора украшений, который связан по происхождению со славяно-аварским населением Подунавья (*Щеглова*, 1991. С. 44–47).

По мнению И. О. Гавритухина и А. М. Обломского, время сокрытия днепровских кладов I группы совпадает с прекращением существования пеньковской и колочинской культур и относится приблизительно к третьей четверти VII в. По всей

63 – Кудановка; 64 – Бишкинь; 65 – Бровково; 66 – Песчаное; 67 – Березники-3; 68 – Ленинское; 69 – Нечаевка; 70 – Кочерги; 71 – Нижние Вирки; 72 – Кочерги; 73 – Руднево; 74 – Веселое; 75 – Глухов; 76 – Дергачевка; 77 – Плешивец; 78 – Береза-1; 79 – Харасея; 80 – Сныткино-2; 81 – Чечерск; 82 – Гомель; 83 – Проскурни

видимости, эти взаимосвязанные события произошли в результате военных действий, в ходе которых пострадала в первую очередь элита местного общества. Не исключено, что в столкновениях участвовали и какие-то группы кочевников, но лидирующую роль сыграли явно не они. Следствием этих войн стало широкое расселение носителей древностей круга Сахновки и Волынцево, т. е. славянского населения, связанного по происхождению с территориями к западу от Днепра. Война, таким образом, происходила, прежде всего, между различными славянскими группировками. В ее результате население лесостепи и юга лесной зоны Поднепровья потерпело поражение (*Гавритухин, Обломский*, 1996. С. 144–148; 2009. С. 317–319). По А. М. Обломскому, симбиоз пеньковской культуры и кочевого населения в лесостепи действительно существовал, но до периода выпадения в землю кладов I группы (*Обломский*, 2012б. С. 23–27).

Мнение о том, что происходившие в лесостепи и южной части лесной зоны Поднепровья события имели катастрофический характер в основном для местной элиты, высказывалось и В. Е. Родинковой (*Родинкова*, 2011. С. 261). Недавно было выдвинуто также предположение, что не все клады типа Мартыновского представляют собой сокровища, спрятанные в момент опасности; среди них могут быть и комплексы, имеющие символический (вотивный) характер (*Родинкова и др.*, 2012; в печати).

Таким образом, для понимания причин и характера этнокультурного перелома в Поднепровье ключевым является вопрос о его хронологии. Рассмотрение его начнем с краткой характеристики местных древностей, сгруппированных в тематические блоки. Описание будет в некоторой степени упрощенным, но представляется, что именно это и необходимо для того, чтобы «не утонуть» в деталях.

Первый блок. Днепровские раннесредневековые клады I группы. Как самостоятельное явление в раннесредневековой материальной культуре Поднепровья своеобразный вещевой комплекс, известный по кладам и отдельным находкам, впервые рассмотрел А. А. Спицын, назвавший эти вещи «древностями антов» (*Спицын*, 1928). О. А. Щеглова аргументированно разделила их на две хронологические группы (*Щеглова*, 1990). Для первой, более ранней, эпонимным памятником стал Мартыновский клад, вторую формируют комплексы типа Пастырских и Харьевского.

Ареал кладов, аналогичных Мартыновскому, охватывает Среднее Поднепровье, Днепровское лесостепное Левобережье, лесостепную часть бассейна Северского Донца, в том числе Поосколье, на юге лесной зоны – Нижнее и Среднее Подесенье, Посеймье (рис. 2).

Сокровища этого типа включают от нескольких десятков до нескольких сотен вещей из металла (сплавы на основе меди, серебра, олова и свинца, железо), стекла, камня (янтарь), изредка – кости и глины. В типологическом отношении состав их достаточно стабилен: преимущественно это мужские и женские украшения и детали убора, иногда – изделия, связанные с воинским снаряжением, конской упряжью, орудия труда, в единичных случаях – драгоценная утварь и предметы обихода. Широко известны «мартыновские» антропоморфные и зооморфные фигурки (рис. 4, *41–43*), назначение которых до конца не выяснено. Костюмному

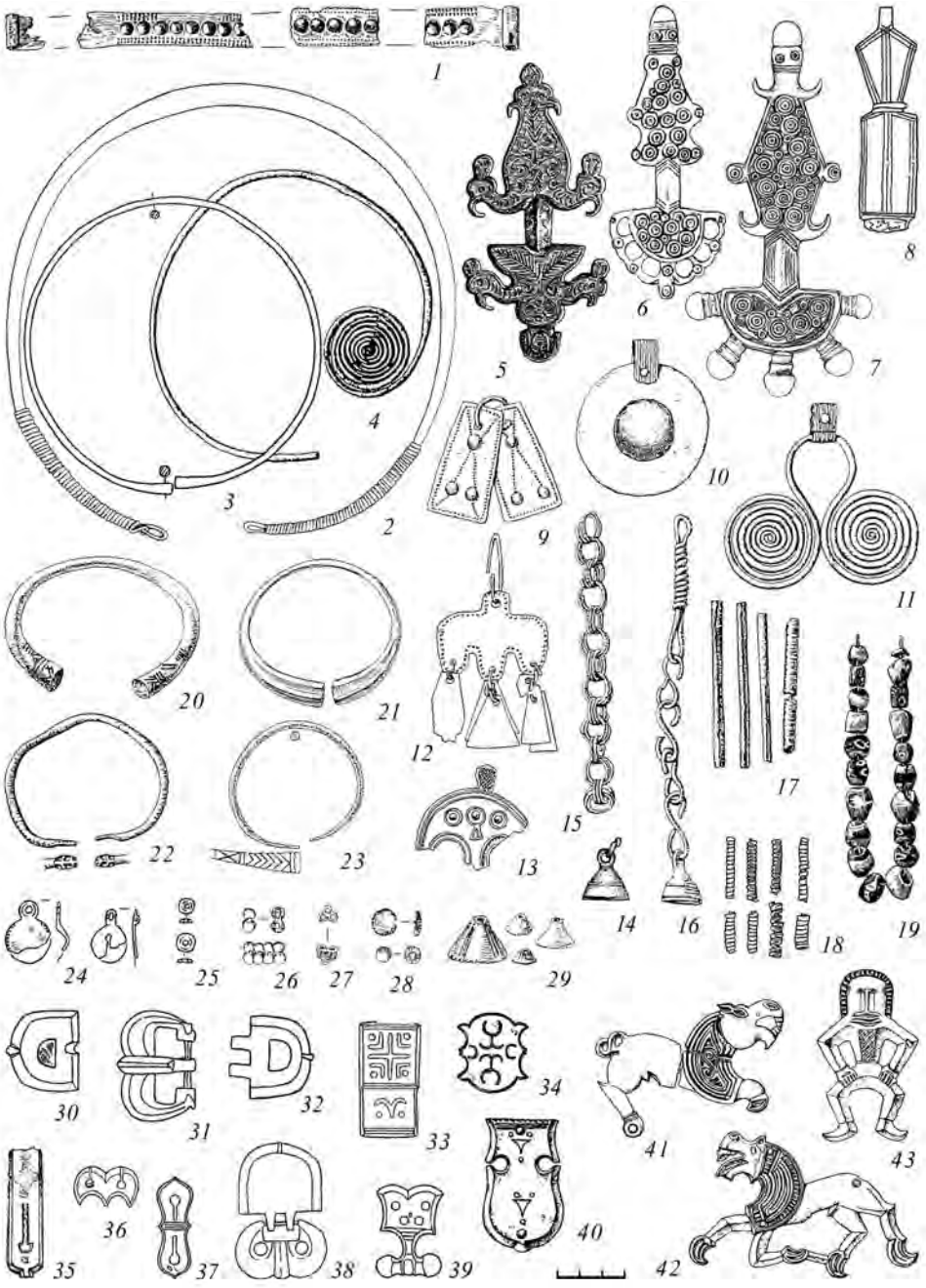

Рис. 4. Основные типы вещей из днепровских раннесредневековых кладов I группы

1, 12, 13, 15, 17, 19, 22, 26–29 – Козиевка/Новая Одесса; *2, 9–11, 16* – Суджа (1947 г.); *3, 8, 18, 24, 25, 30–33, 36–39* – Гапоново; *4* – Малый Ржавец; *5, 21, 34, 40–43* – Мартыновка; *6* – Трубчевск; *7, 14, 35* – Куриловка; *20* – Мена; *23* – Колосково

комплексу принадлежат элементы поясных наборов (пряжки, ременные накладки, наконечники и др.) так называемого геральдического стиля (рис. 4, *30–40*), пластинчатые головные венчики (рис. 4, *1*), височные кольца односпиральные и круглопроволочные (рис. 4, *3, 4*), шейные гривны (рис. 4, *2*), фибулы пальчатые, с каймой из птичьих голов, антропозооморфные, широкопластинчатые (рис. 4, *5–8*), нагрудные цепи (рис. 4, *15, 16*), пронизки трубчатые и спиральные (рис. 4, *17, 18*), разнообразные подвески (умбоновидные, трапециевидные, двуспиральные, лунницы, колокольчики, раковины) (рис. 4, *9–14, 16*), бусы (рис. 4, *19*), браслеты с цельнометаллическими орнаментированными и неорнаментированными расширенными или изготовленными в форме стилизованной змеиной головы концами (рис. 4, *20–23*), возможно, ворворки (рис. 4, *29*), мелкие нашивные и подвесные бляшки (рис. 4, *24–28*) и некоторые другие вещи.

Второй блок. Колочинская и пеньковская культуры. Представляют собой родственные археологические общности. Первая сложилась на юге лесного и в северной части лесостепного Поднепровья в результате эволюции традиций деснинского варианта киевской культуры (памятников типа Ульяновки). Основную роль в формировании второй сыграло население, оставившее так называемые памятники киевской традиции в черняхове (типа поселения Хлопков-1) и, вероятно, среднеднепровского варианта киевской культуры. В раннепеньковском керамическом комплексе выделяются также традиции киевского населения лесной зоны, в гуннское время продвинувшегося в лесостепь (например, поселение Сенча в Посулье). Самые ранние пеньковские и колочинские памятники относятся ко второй четверти – середине V в. (*Терпиловский*, 2004. С. 59–67; *Обломский*, 2002. С. 69–80).

Наиболее поздние вещи, встреченные на поселениях и могильниках пеньковской и колочинской культур, принадлежат к тому же набору, что представлен в кладах I группы (четвертый горизонт хронологических индикаторов по В. Е. Родинковой). Это, прежде всего, фибулы днепровских типов и детали геральдической поясной гарнитуры (*Родинкова*, 1996а. С. 126, 127; 1996б. С. 155–161, рис. 100, *2, 4– 6*; 101, *5, 6, 8*; 103, *3, 5, 6, 11, 12, 17, 18, 26*). Гапоновский и Новосуджанский клады найдены непосредственно на поселениях колочинской, а Вильховчикский – на поселении пеньковской культуры (*Обломский*, 1996а; *Родинкова*, 1996б. С. 156, 158; *Приходнюк*, 1980. С. 129). В составе клада из Великих Будков, также обнаруженного в процессе раскопок колочинского поселения, имеется фрагмент характерной для «древностей антов» I группы антропозооморфной фибулы (*Горюнова*, 1992. С. 127. Рис. 1, *15*; *Горюнова, Родинкова*, 1999. С. 172. Рис. 48, *2*).

Как было отмечено, какие-либо культурные группы VIII–IX вв. с колочинской и пеньковской культурами генетически не связаны. Тем не менее на поселениях сахновско-волынцевского горизонта в качестве реликтов встречены лепные сосуды колочинских и пеньковских форм. Явные случаи таких находок отмечены на поселениях Вовки, Хитцы (третий горизонт), Роище, Волынцево, Рябовка-3 (третий горизонт) (*Щеглова*, 1986. С. 16, 17. Рис. 1; *Горюнов*, 1981. Рис. 48, *1–5, 7, 8, 10, 12*; 50, *1–3, 6, 10*; *Обломский, Терпиловский*, 2001. Рис. 3, *13–15, 17*; 6, *7*). На волынцевском селище Приоскольское-2 типичный для

пеньковской культуры биконический горшок украшен по плечикам зигзагообразным веревочным орнаментом (*Обломский, Завьялов*, 2003. Рис. 14, *7*). Таким образом, новое, пришедшее в лесостепное Поднепровье население, которому принадлежат памятники типа Сахновки–Луки-Райковецкой–Волынцево, заняло еще не опустевшую территорию. На ней продолжали обитать носители пеньковской и колочинской культур. Следовательно, ранние сахновско-волынцевские памятники (времени до появления гончарной керамики, по О. А. Щегловой) хронологически смыкаются с этими культурами.

Третий блок. Древности культуры Луки-Райковецкой, типа Сахновки и Волынцево. Памятники типа Луки-Райковецкой сформировались на территории лесостепной зоны Правобережной Украины и в Припятском Полесье в результате эволюции раннеславянской пражской культуры. Наиболее полно эта теория была разработана И. П. Русановой (*Русанова*, 1973. С. 10–16; *Смиленко*, 1985) и в настоящее время считается общепринятой.

Памятники типа Сахновки в качестве особого этапа развития раннеславянской культуры Среднего Поднепровья были выделены О. М. Приходнюком, первоначально видевшим в них переходное звено между пеньковской культурой и древностями круга Луки-Райковецкой (*Приходнюк*, 1980. С. 121–123). Впоследствии О. М. Приходнюк изменил свою точку зрения, отмечая, что возникновение памятников типа Сахновки связано с притоком нового населения (*Приходнюк*, 1998. С. 75). В настоящее время само поселение Сахновка (на седловине между горами Девицей и Дегтярной) и подобные ему памятники рассматриваются как относящиеся к раннему (до появления гончарной посуды) этапу культуры Луки-Райковецкой в Среднем Поднепровье (*Михайлина*, 2007. С. 10–42).

Древности волынцевского типа на территории Днепровского Левобережья выделены Д. Т. Березовцом. Е. А. Горюнов рассматривал их в качестве особого культурно-хронологического этапа истории региона. Волынцевские памятники сменяют пеньковские и колочинские и предшествуют роменским, причем в значительной степени они близки к последним (*Горюнов*, 1981. С. 89, 90).

Несмотря на локальные различия, ранние древности типа Луки-Райковецкой–Сахновки и Волынцево по основным характеристикам археологического комплекса (набору лепной посуды, домостроительству, отчасти по погребальному обряду) близки между собой и представляют явления одного культурного круга (*Обломский, Щеглова*, 1996; Славяне…, 1990. С. 276, 277). На территории Гомельского Поднепровья О. А. Макушников вообще относит их к единому «восточнославянскому периоду» (*Макушников*, 2009. С. 22–31; 2011. С. 122, 123).

Ранние (до появления гончарной керамики) памятники типа Луки Райковецкой датируются концом VII – VIII в., в т. ч. и в Поднепровье (*Михайлина*, 2007. С. 41). Волынцевские древности Е. А. Горюнов в целом датировал VIII–IX вв. (*Горюнов*, 1981. С. 94). О. А. Щеглова отметила, что гончарная волынцевская керамика появилась не в самом начале существования памятников волынцевского типа (*Щеглова*, 1986. С. 20, 21).

Вещей, специфических для днепровских кладов I группы, на поселениях и могильниках типа Луки-Райковецкой – Сахновки – Волынцево нет. С древностями этого круга обычно связывают клады II группы, а на территории

Днепровского Левобережья – и несколько более поздние (Фатовижский, Андрияшевский и др.) (*Гавритухин, Щеглова*, 1996; *Комар*, 2012. С. 92). Харьевский клад II группы обнаружен в горшке, который представляет собой лепное подражание волынцевскому гончарному сосуду (*Березовець*, 1952. С. 109, 118; *Гавритухин, Щеглова*, 1996. С. 133). Следовательно, этот комплекс был сокрыт не на самом раннем этапе волынцевской культуры, а позднее.

Четвертый блок. Мастерские по изготовлению сероглиняной гончарной керамики. В Поднепровье центры по производству такой керамики известны в двух местах – на балке Канцерке (Днепровские пороги) и в Мачухах под Полтавой. На балке Канцерке раскопаны 3 поселения гончаров, где изучены остатки 12 мастерских и 20 горнов. У с. Мачухи исследована гончарная печь, в которой были обнаружены сосуды того же культурно-хронологического круга, что изготавливались в Канцерке (*Макаренко*, 1911. С.116–118; *Сміленко*, 1975. С. 118–140).

Начиная с работы Т. М. Минаевой 1961 г. утвердилось мнение, что это керамическое производство было перенесено в Поднепровье из Кисловодской котловины (*Мінаєва*, 1961. С. 119–128). В. Ю. Малашев сделал вывод о синхронности канцерских мастерских тем периодам относительной хронологии эталонного для Кисловодской котловины могильника Мокрая Балка, для которых характерно использование геральдической поясной гарнитуры (IIа–IIIб), что в абсолютных датах, по И. О. Гавритухину, соответствует концу VI – втор. пол. VII / началу VIII в. При этом большая часть продукции канцерских мастеров, судя по описаниям, которые приводит А. Т. Смиленко, относится к этапу IIIб Мокрой Балки и, возможно, к несколько более позднему времени, т. е. расцвет гончарного производства в Поднепровье по аналогиям может датироваться втор. пол. VII – нач. VIII в. (*Гавритухин*, 1996а. С. 83; *Обломский*, 1996б. С. 123; *Малашев*, 2001. С. 47, 48).

Керамика типа Канцерки в массовом количестве происходит только из самих гончарных центров. На памятниках лесостепного и степного Поднепровья она встречается редко, как правило в виде немногочисленных обломков или отдельных сосудов. Она найдена на поселениях пеньковской культуры, в стойбищах кочевников (Белокони, Вовки, Лаврики, Полузерье-2, Стецовка и др.), в богатых кочевнических комплексах в Вознесенке, Келегеях и Ясиново (*Володарець-Урбанович, Скиба*, 2011. С. 38; *Володарец-Урбанович*, 2012; *Казанский*, 2013. С. 63–65) и в определенной степени является индикатором синхронизации. Показательно, что не известно ни одного случая, когда такую керамику можно было бы однозначно связать с сахновско-волынцевским горизонтом. По всей видимости, гончарные центры в Канцерке и Мачухах прекратили свое существование до появления в лесостепном Поднепровье населения, оставившего древности этого типа.

Пятый блок. Пастырский производственный центр и пастырская гончарная керамика. Время начала раннесредневекового этапа заселения Пастырского городища точно не определено. Ясно лишь, что это происходит на какой-то стадии развития пеньковской культуры. По крайней мере, пеньковская лепная

керамика, в т. ч. характерные биконические формы, на городище найдена (*Приходнюк*, 1980. С. 107. Рис. 66, *2*). О. М. Приходнюк привел также рисунок черняховского гончарного кувшина с Пастырского, но непонятно, связан ли этот сосуд с раннесредневековым периодом заселения памятника, или же на городище существовало более раннее поселение позднеримского периода (*Приходнюк*, 1980. С. 107. Рис. 67, *9*). Существует предположение, что некоторые найденные на Пастырском гончарные кувшины могли быть изготовлены в мастерских на балке Канцерке (*Приходнюк*, 2005. С. 65).

Более определенно можно судить об относительной хронологии гибели памятника в пожаре. С него происходит серия кладов II группы, содержащих изделия постколочинского и постпеньковского этапа (Там же. С. 51–54). Во время раскопок найдены шаблоны для изготовления браслетов с полыми многогранными концами и сережек из двух спаянных полусфер, входивших во II группу «древностей антов» (*Приходнюк*, 1994. С. 66–69).

Кроме ювелирных изделий, на городище, по всей видимости, производили специфическую сероглиняную гончарную посуду, в наборе которой преобладали горшки с шарообразным туловом и короткими венчиками[2].

В качестве импорта пастырская гончарная керамика встречена на памятниках пеньковской культуры (*Горюнов*, 1981. С. 78; рис. 27, *А*; *Приходнюк*, 1998. С. 35. Табл. VII; *Володарець-Урбанович, Скиба*, 2011. С. 36). На селище Хитцы, по наблюдениям Е. А. Горюнова, из объектов первого (раннего) пеньковского горизонта происходит черняховская гончарная керамика (*Горюнов*, 1981. С. 75–78. Рис. 47, *3, 7*). По-видимому, пастырская посуда начала поступать в Хитцы не в самом начале существования поселения, а несколько позже. О. М. Приходнюк относил распространение пастырской керамики к третьей (заключительной, по его периодизации) фазе пеньковской культуры (*Приходнюк*, 1998. С. 43). Гончарные горшки пастырского типа встречены на поселении Стецовка с пеньковскими, сахновскими и кочевническими элементами, а также на ранних волынцевских памятниках (например, в Шоссейном, Роище и Александровке) (*Володарець-Урбанович, Скиба*, 2011. С. 36. Рис. 1, *2, 3, 5, 6*). Таким образом, функционирование гончарного центра на Пастырском городище начинается где-то на позднем этапе развития пеньковской культуры, разгром периода выпадения в землю днепровских кладов I группы его не коснулся, а завершает свое существование городище во время сокрытия кладов II группы, т. е. уже после этнокультурного перелома в лесостепном Поднепровье.

Шестой блок. Древности кочевников. Памятники этого круга делятся на четыре типа: 1) роскошные комплексы из Малого Перещепино, Зачепиловки и Макуховки; 2) поминальный комплекс-храм в Вознесенке; 3) рядовой могильник в Рябовке-3; 4) стойбища кочевников и некоторые поселения с элементами степной культуры.

[2] Непосредственных следов производства этой керамики на Пастырском не обнаружено, но о нем свидетельствует значительно более высокая концентрация гончарной посуды на городище (54,75 %), чем на других поселениях, где обнаружена керамика пастырского круга (*Приходнюк*, 2005. С. 60–69).

Проблемы историко-культурной и этнической интерпретации находок из Малого Перещепино, Зачепиловки и Макуховки в настоящей статье рассматриваться не будут. Общие схемы периодизации этих памятников и Вознесенского храма предложены И. О. Гавритухиным и А. В. Комаром. В деталях они различаются, но важно, что более ранним оба автора считают Малое Перещепино, а более поздней – Вознесенку (*Гавритухин*, 1996а. С. 89. Рис. 90; *Комар*, 2006. С. 113–118).

Могильник в Рябовке-3 перекрывает пеньковские объекты второго строительного горизонта поселения, которые датируются широко: VI–VII вв. (*Обломский, Терпиловский*, 2001. С. 13–15). Могильник разграблен, тем не менее из него происходит несколько вещей, которые можно синхронизировать с днепровскими кладами I группы: браслеты с расплющенными орнаментированными концами и пряжка геральдического стиля (Там же. Рис. 9, *11,12,15,16*).

Мысль о выделении стойбищ кочевников в особый вид поселений региона принадлежит Л. М. Рутковской (1969. С. 318). Затем этой проблемой занимались Е. А. Горюнов и М. М. Казанский (*Горюнов*, 1981. С. 81, 82; *Горюнов, Казанський*, 1998. С. 77, 78); последний опубликовал наиболее полную сводку поселений и стойбищ степного населения в лесостепном Поднепровье и на Днепровских порогах (*Казанский*, 2013. С. 63–65)[3]. Для синхронизации этих древностей с другими важно, что из большинства стойбищ происходит канцерская гончарная керамика, упоминаются ее находки и в валах Вознесенки. На некоторых поселениях обнаружены обломки гончарных пастырских сосудов (Вовки, Стецовка) (*Казанский,* 2013. С. 63–65; *Володарець-Урбанович, Скиба*, 2011. С. 38). Древности кочевников, таким образом, должны существовать в период использования канцерской керамики и начала употребления пастырской, т. е. быть синхронными поздним пеньковским памятникам.

Седьмой блок. Женские ингумации с украшениями круга днепровских раннесредневековых кладов I группы. Погребения этого специфического типа на территории лесостепного Поднепровья известны начиная с XIX в. (Поставмуки, Березовка, Балаклея)[4] (*Родинкова*, 1996б. С. 161, 162; *Синица*, 1999). Наиболее яркий комплекс происходит из подбойного захоронения Мохнач под Харьковом, где вместе с пеньковским лепным биконическим горшком найден практически полный набор украшений «мартыновского круга» (*Аксенов,*

[3] А. В. Комар считает, что, поскольку «стойбища» документированы в основном по разведкам, выделять их в качестве особого типа памятников преждевременно (*Комар*, 2006. С. 128).

[4] Не исключено, что к этой группе памятников относится и парное погребение у с. Разиньково, большинство вещей из которого были уничтожены находчиками. По сохранившемуся рисунку браслета, сделанного ими, однозначно установить его тип не представляется возможным. Железную гривну из Разиньково А. В. Мастыкова склонна датировать второй половиной – последней четвертью VII в., но аналогии, которые она привела, достаточно отдаленные типологически и территориально (*Мастыкова*, 2012. С. 135, 137).

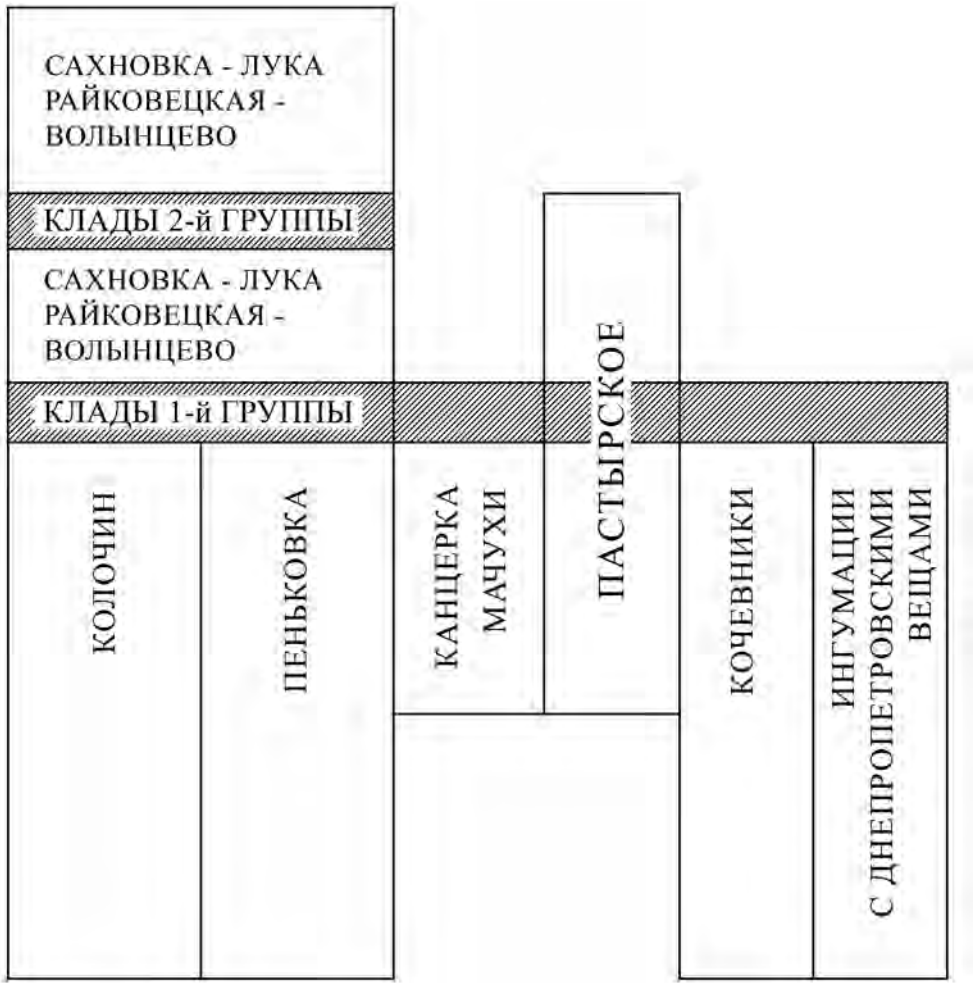

Рис. 5. Таблица синхронизации культурно-хронологических блоков древностей лесостепного и южной части лесного Поднепровья

Бабенко, 1998). На этом основании рассматриваемые ингумации должны синхронизироваться с пеньковской и колочинской культурами.

Составленная по приведенным данным таблица синхронизации (рис. 5) наглядно демонстрирует, что для особого «неславянского» горизонта, выделяемого М. М. Казанским, в ней места нет: гончарные производственные центры в Канцерке и Мачухах и древности кочевников должны быть синхронны пеньковской культуре (на завершающем ее этапе), а производство гончарной керамики на Пастырском городище началось еще в пеньковский период.

Абсолютные даты имеются только для территории Днепровской лесостепи. Их немного и они не слишком надежны, но вполне «вписываются» в общую хронологическую систему.

Из комплексов кочевников происходит серия византийских солидов, наиболее поздние из которых чеканены в 637/638 (Макуховка) и 642–646 гг. (Зачепиловка, Малое Перещепино) (*Комар*, 2006. С. 50, 51). То есть сокровища из Зачепиловки и Малого Перещепино попали в землю не ранее середины VII в. Необходимо отметить, что типологически это не самые поздние памятники кочевнического круга Днепровского Левобережья. Поминальный храм из Вознесенки, как было отмечено выше, должен относиться к более позднему времени.

В днепровских кладах I группы до недавнего времени не было предметов, которые давали бы непосредственные указания на абсолютные даты. Единственная находка такого рода – фрагмент серебряного блюда из Суджи-Замостья с клеймом императора Константа II (641–668 гг.) или, скорее, Константина IV (668–685 гг.) (*Родинкова*, 2012. С. 153).

Как уже было отмечено, памятники Луки-Райковецкой, согласно современным представлениям, связаны по происхождению с пражской культурой. Разумеется, раньше финала последней население с традициями Луки-Райковецкой не могло массово расселиться в Поднепровье. По данным И. О. Гавритухина, специально рассматривавшего этот вопрос, финал пражской культуры относится к концу VII – началу VIII в. (*Гавритухин*, 1996б. С. 137).

Наиболее полная сводка дат из ранних (до появления гончарной керамики) комплексов культуры Луки-Райковецкой издана Л. Михайлиной. Он относит начало культуры Луки Райковецкой к концу VII – середине VIII в. (*Михайлина*, 2007. С. 15–19), что практически полностью совпадает с датой финала пражской культуры. Следовательно, расселение славян – носителей древностей круга Луки-Райковецкой в Поднепровье началось, скорее всего, не ранее конца VII в. Пеньковское и колочинское население на интересующей нас территории, учитывая наличие реликтов их традиций на ранних волынцевских памятниках, продолжало обитать как минимум до этого хронологического рубежа.

Таким образом, наиболее вероятная дата этнокультурного перелома в Поднепровье – третья четверть – конец VII в.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В. С., Бабенко Л. И., 1998. Погребение VI–VII вв. н. э. у села Мохнач // РА. № 3. С. 111–122.

Андреев С. И., Филимонова Н. В., 2008. Раннеславянские культуры в Тамбовской обл. // Верхнее Подонье: археология, история / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 14–17.

Березовець Д. Т., 1952. Харівський скарб // Археологія. Вип. VI. Київ. С. 109–119.

Володарец-Урбанович Я. В., 2012. Хронология бытования канцерской гончарной посуды // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы Междунар. конф., посвященной 110-летию со дня рождения И. И. Ляпушкина (1902–1968). 3–5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. О. А. Щеглова, В. М. Горюнова. СПб.: СОЛО. С. 94–97.

Володарець-Урбанович Я. В., Скиба А. В., 2011. Гончарний посуд VII–VIII ст. на Півдні Східної Європи // Археологія. Вип. 2. Київ. С. 34–46.

Гавритухин И. О., 1996а. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // РСМ-3 С. 58–95.

Гавритухин И. О., 1996б. Датировка начальных фаз культуры Луки-Райковецкой // РСМ-3. С. 136–139.

Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996. Днепровское Левобережье на заре средневековья: динамика историко-культурных процессов и клады // РСМ-3. С. 140–148.

Гавритухин И. О., Обломский А. М., 2009. Гапоновский клад и малоизвестные события раннесредневековой истории Поднепровья // Археологические открытия. Европейская Россия 1991–2004 гг. / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 308–320.

Гавритухин И. О., Щеглова О. А., 1996. Хронология начальных фаз памятников волынцевского круга // РСМ-3. С. 133–135.

Горюнов Е. А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобере-жья. Л.: Наука. 135 с.

Горюнов Є. О., Казанський М. М., 1998. До археологічної карти сточища р. Полузір'я // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1–2. Полтава: Археологія. С.76–78.

Горюнова В. М., 1992. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. І. СПб. С. 126–140.

Горюнова В. М., Родинкова В. Е., 1999. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // Время «Че»: к 100-летию открытия черняховской культуры. СПб.; Кишинев; Одесса: Высшая антропологическая школа С. 167–219. (Stratum plus; № 4/1999.)

Казанский М. М., 2013. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред.: А. М. Обломский, Д. А. Сташенков. М.: ИА РАН. С. 45–137. (РСМ; Вып. 15.)

Комар А. В., 2005. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары / Отв. ред. В. Петрухин. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим. С. 207–218.

Комар А. В., 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья: Сб. науч. работ. Т. 5: Хазарское время. Донецк: ДонНУ. С. 7–244.

Комар А. В., 2012. Хронология волынцевской и роменской культур: принципы и практика // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: материалы междунар. конф., посвященной 110-летию со дня рождения И. И. Ляпушкина (1902–1968). 3–5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. О. А. Щеглова, В. М. Горюнова. СПб.: СОЛО. С. 94–96.

Левко О. Н., Колосовский Ю. В., 2003. Раскопки городищ у дер. Кисели (Дымокуры) Толочинского р-на и у д. Черкасово Оршанского р-на Витебской обл. // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. Минск: ИИ НАН Беларуси. С. 182–208. (МАБ; № 8.)

Макаренко Н. Е., 1911. Археологические исследования 1907–1909 гг. СПб. 130 с. (Известия ИАК; Вып. 43.)

Макушников О. А., 2009. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII в. Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель: ГТУ им. Ф. Скорины. 217 с.

Макушников О., 2011. Ранние и восточные славяне в Гомельском Поднепровье (V–X вв.): вопросы этнокультурной интерпретации // ГАЗ. № 26. С. 119–125.

Малашев В. Ю., 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: Оргсервис. 150 с.

Мастыкова А. В., 2012. Раннесредневековое погребение у с. Разиньково Курской области // РА. № 2. С. 134–141.

Мінаєва Т. М., 1961. Кераміка балки Канцирка в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі //Археологія. Вип. XIII. Київ. С. 119–128.

Михайлина Л., 2007. Слов'яни VIII–X ст. між Дніпром і Карпатами. Київ: ІА НАНУ. 300 с.

Обломский А. М., 1996а. Поселение Гапоново и обстоятельства находки клада // РСМ-3. С. 7–10.

Обломский А. М., 1996б. Ремесленные центры // РСМ-3. С. 123–124.

Обломский А. М., 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). М.: Наука. 255 с. (РСМ; Вып. 5.)

Обломский А. М., 2012а. Раннесредневековые памятники Верхнего Подонья. Предварительные итоги исследования // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины / Отв. ред. С. И. Андреев. Вып. 3. Тамбов: ТГУ. С. 172–229.

Обломский А. М., 2012б. Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. н. э. // Древнейшие государства Восточной Европы: Ежегодник. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский фонд содействия образованию и науке; Университет Дмитрия Пожарского. С. 10–33.

Обломский А. М., Завьялов В. И., 2003. Новые памятники периода раннего средневековья бассейна Северского Донца // Славянские древности / Ред.: Р. А. Рабинович, Н. П. Тельнов. Кишинев: Высшая антропологическая школа. С. 71–90. (Stratum plus; № 5/2001–2002.)

Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2001. Славянское поселение и кочевнический могильник V–VIII вв. на Ворскле // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1. Полтава: Археологія. С. 5–16.

Обломский А. М., Щеглова О. А., 1996. Некоторые особенности культуры памятников волынцевского типа и спорные вопросы их происхождения // РСМ-3. С. 131–133.

Приходнюк О. М., 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VII–IX ст. Київ: Наукова думка. 152 с.

Приходнюк О. М., 1994. Технологія виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища //Археологія. Вип. 3. Київ. С. 61–77.

Приходнюк О. М., 1998. Пеньковская культура: Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж: Воронежский ун-т. 170 с.

Приходнюк О. М., 2005. Пастирське городище. Київ; Чернівці: Зелена Буковина. 244 с.

Родинкова В. Е., 1996а. Металлические детали одежды и украшения как хронологические индикаторы // РСМ-3. С. 124–130.

Родинкова В. Е., 1996б. Раннесредневековые памятники Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья с датирующими находками // РСМ-3. С. 155–162.

Родинкова В. Е., 2009. Новые находки пальчатых фибул в Поднепровье // Studia Antiqua et Medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblate / Ed. D. Aparaschivei. Bucureşti: Editura Academiei Române. P. 401–409.

Родинкова В. Е., 2011. Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: материалы Школы молодых археологов (Кириллов, 3–12 сентября 2011 г.) / Отв. ред. и сост. В. Е. Родинкова. М. С. 239–265.

Родинкова В. Е., 2012. Новая находка византийского серебряного сосуда с клеймом в Восточной Европе // РА. № 4. С. 151–158.

Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А., Сычева С. А., 2012. Раннесредневековые клады Поднепровья: традиционный взгляд и новые данные // Проблемы истории и археологии Украины: материалы VIII Междунар. науч. конф. (9–10 ноября 2012) / Харьковский нац. ун-т им. В. Н. Каразина. Харьков: НТМТ. С. 72.

Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А., Сычева С. А., в печати. Клад из Суджи-Замостья и проблема социокультурной интерпретации днепровских раннесредневековых кладов I группы.

Русанова И. П., 1973. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. М.: Наука. 100 с. (САИ; Вып. Е1–25.)

Рутковская Л. М., 1969. Исследование стойбищ скотоводов на левом берегу Орели // АО 1968 г. М.: Наука. С. 317–318.

Седзін А. А., 1994. Пальчатыя фібулы з Нікадзімава // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Магілёў. С. 128–132.

Седзін А. А., 2000. Никодимово – городище третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. в Восточной Беларуси // Край: Дыялог на сумежжы культур / Рэд.: А. Агееў, Я. Іваноў. Магілёў: Брама. С. 31–43.

Синиця Е. В., 1999. Ранньосередньовічні інгумації в ареалі пеньківської культури // Vita Antiqua. № 2. Київ. С. 98–110.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. 1990. Киев: Наукова думка. 485 с.

Сміленко А. Т., 1975. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї. Київ: Наукова думка. 210 с.

Смиленко А. Т., 1985. Славянская культура Правобережья Днепра (типа Луки-Райковецкой) // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка. С. 106–115.

Спицын А. А., 1928. Древности антов // Сб. ст. в честь академика А. И. Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук по почину его учеников / Под ред. акад. В. Н. Перетца. Л.: Академия наук СССР. С. 492–495.

Терпиловский Р. В., 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. Lublin: UMCS. 232 с.

Щеглова О. А., 1986. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА. Вып. 187. С. 15–22.

Щеглова О. А., 1990. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Р. В. Терпиловский. Курск: Курское областное отделение Всероссийского фонда культуры. С. 162–204.

Щеглова О. А., 1991. Среднее Поднепровье конца VII – первой половины VIII в.: причины смены культур // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК АН СССР. С. 42–50.

Сведения об авторах.

Обломский Андрей Михайлович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия, e-mail: oblomsky_a@rambler.ru;

Родинкова Власта Евгеньевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия, e-mail: vlasta2004@mail.ru.

A. M. Oblomsky, V. Ye. Rodinkova

The ethno-cultural watershed in the Dnieper valley in VII c. AD. Sequence of events

Abstract. The ethno-cultural watershed of the 7 c. AD in the Dnieper valley is reflected in the following events: the end of the Penkovka and Kolochin cultures and also several other groups of sites of the same date; the mass-scale hiding of Dnieper hoards of the Martynovka type and the destruction of several settlements by fire; the appearance and mass-scale settling of a new Slavic population from the west bank of the Dnieper (with a culture of the Luka Raykovetskaya – Sakhnovka – Volyntsevo type). All types of Early Medieval sites in the Dnieper valley are grouped together in cultural blocks. The first block comprises Dnieper hoards of the Martynovka type; the second one is the territory where the Kolochin and Penkovka cultures had existed; the third is related to the antiquities of the Luka Raykovetskaya – Sakhnovka – Volyntsevo range; the fourth includes workshops for the manufacture of wheel-made grey-clay pottery in Machukhi and Balka Kantserka; the fifth contains the Pastyrskoye production centre and the sixth one – antiquities with to

of the nomads. The article examines the chronological relationships between these blocks. The conclusion is drawn that the most likely date for the ethno-cultural watershed in the forest-steppe zone and in the South of the forest zone of the Dnieper valley is the third quarter or end of the 7 c. AD.

Keywords: ethno-cultural watershed, forest-steppe and forest zones of the Dnieper valley, hoards of the Martynovka type, Kolochin culture, Penkovka culture, sites of the Luka Raykovetskaya – Sakhnovka – Volyntsevo type.

REFERENCES

Aksenov V. S., Babenko L. I., 1998. Pogrebeniye VI–VII vv. n. e. u sela Mokhnach [Burial of VI–VII cc. near village Mokhnach]. *RA*, 3, pp. 111–122.

Andreyev S. I., Filimonova N. V., 2008. Ranneslavyanskiye kul'tury v Tambovskoy oblasti [Early Slavic cultures in Tambov Region]. *Verkhneye Podon'ye: Arkheologiya. Istoriya* [*The Upper Don basin: Archaeology. History*], 3. A. N. Naumov, ed. Tula: Gosudarstvenny muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 18–24.

Berezovets' D. T., 1952. Kharivs'ky skarb [Kharivka hoard]. *Arkheologiya* [*Archaeology*], VI, pp. 109–119.

Gavritukhin I. O., 1996a. Datirovka dneprovskikh kladov pervoy gruppy metodom sinkhronizatsii s drevnostyami drugikh territory [Dating of the Dnieper hoards of the first group by method of synchronization with the antiquities from other territories]. *RSM-3*, pp. 58–95.

Gavritukhin I. O., 1996b. Datirovka nachal'nykh faz kul'tury Luki Raykovetskoy [Dating of initial stages of Luka Raykovetskaya culture]. *RSM-3*, pp. 136–139.

Gavritukhin I. O., Oblomsky A. M., 1996. Dneprovskoye Levoberezh'ye na zare srednevekov'ya: dinamika istoriko-kul'turnykh protsessov i klady [Dnieper left bank zone in the dawn of Middle Ages: dynamics of historical-cultural processes and hoards]. *RSM-3*, pp. 140–148.

Gavritukhin I. O., Oblomsky A. M., 2009. Gaponovsky klad i maloizvestnyye sobytiya rannesrednevekovoy istorii Podneprov'ya [Gaponovo hoard and insufficiently known events of early medieval history of the Dnieper valley]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1991–2004 gg. Yevropeyskaya Rossiya.* [*Archaeologicla discoveries 1991–2004. European Russia*]. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 308–320.

Gavritukhin I. O., Shcheglova O. A., 1996. Khronologiya nachal'nykh faz pamyatnikov volyntsevskogo kruga [Chronology of initial stages of sites of Volyntsevo circle]. *RSM-3*, pp. 133–135.

Goryunov Ye. A., 1981. Ranniye etapy istorii slavyan Dneprovskogo Levoberezh'ya [Early stages of history of Slavs in Dnieper left bank zone]. Leningrad: Nauka. 135 p.

Goryunov E. O. Kazans'ky M. M., 1998. Do arkheologichnoï karti stochishcha r. Poluzir'ya [Toward archaeological map of Poluzirye River basin]. *Arkheologichny litopis Livoberezhnoï Ukraïni* [*Archaeological chronicle of Ukraine, Dnieper left bank zone*], 1–2, Poltava: Arkheologiya, pp. 76–78.

Goryunova V. M., 1992. Novy klad antskogo vremeni iz Srednego Podneprov'ya [New hoard of the Antes time from the Middle Dnieper region]. *Arkheologicheskiye vesti* [*Archaeological bulletin*], I, pp.126–140.

Goryunova V. M., Rodinkova V. E., 1999. Ranneslavyanskoye poseleniye Velikiye Budki (Khutor) [Early Slavic settlement Velikiye Budki (Khutor)]. *Vremya «Che»: k 100-letiyu otkrytiya chernyakhovskoy kul'tury* [*«Che»-time: toward centenary of discovery of Chernyakhov culture*]. St. Petersburg; Kishinyov; Odessa: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 167–219. (Stratum plus, 4/1999).

Kazansky M. M., 2013. Arkheologicheskaya situatsiya v Srednem Podneprov'ye v VII v. [Archaeologicl situation in the Middle Dnieper basin in VII c.]. *Problemy vzaimodeystviya naseleniya Vostochnoy Yevropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov* [*Problems of interaction of East*

European population in Migration period]. A. M. Oblomsky, D. A. Stashenkov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 45–137. (RSM, 15.)

Komar A. V., 2005. Istoricheskiye predposylki vozniknoveniya legendy o polyanskoy dani khazaram po arkheologicheskim dannym [Historical preconditions of the legend on Polanian tribute for the Khazars on archaeological data]. *Khazary* [*The Khazars*]. V. Petrukhin, ed. Moscow: Mosty kul'tury; Jerusalem: Gesharim, pp. 207–218.

Komar A. V., 2006. Pereshchepinsky kompleks v kontekste osnovnykh problem istorii i kul'tury kochevnikov Vostochnoy Yevropy VII – nachala VIII v. [Pereshchepino complex in context of key problems of history and culture of East European nomads of VII – early VIII c.]. *Stepi Yevropy v epokhu srednevekov'ya, 5. Khazarskoye vremya* [*Steppes of Eurasia in the epoch of Middle Ages, 5. Khazarian time*]. Donetsk: Donetsky natsional'ny universitet, pp. 7–244.

Komar A. V., 2012. Khronologiya volyntsevskoy i romenskoy kul'tur: printsipy i praktika [Chronology of Volyntsevo and Romny cultures: principles and practice]. *Slavyane Vostochnoy Yevropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [*Slavs of Eastern Europe on the eve of formation of Medieval Russian state. Proceedings of international conference*]. O. A. Shcheglova, V. M. Goryunova, eds. St. Petersburg: SOLO, pp. 94–96.

Levko O. N., Kolosovsky Yu. V., 2003. Raskopki gorodishch u d. Kiseli (Dymokury) Tolochinskogo rayona i u d. Cherkasovo Orshanskogo rayona Vitebskoy oblasti [Excavations of fortified settlements near village Kiseli (Dymokury), Tolochin district, and village Cherkasovo, Orsha district, Vitebsk Region]. *Materialy po arkheologii Belarusi* [*Materials on archaeology of Byelorussia*], 8, pp. 182–208.

Makarenko N. E., 1911. Arkheologicheskiye issledovaniya 1907–1909 gg. St. Petersburg , pp. 116–118. (Izvestiya [Transactions] IAK, 43).

Makushnikov O., 2011. Ranniye i vostochnyye slavyane v Gomel'skom Podneprov'ye (V–X vv.): voprosy etnokul'turnoy interpretatsii [Early and Eastern Slavs in Dnieper basin, Gomel' Region (V–X cc.): problems of ethno-cultural interpretation]. *GAZ*, 26, pp. 119–125.

Makushnikov O. A., 2009. Gomel'skoye Podneprov'ye v V – seredine XIII v. Sotsial'no-ekonomicheskoye i etnokul'turnoye razvitiye [Dnieper basin in Gomel' Region in V – mid XIII c. Social-economic and ethno-cultural developemnt]. Gomel': Gomel'sky gosudarstvenny universitet imeni F. Skoriny. 217 p.

Malashev V. Yu., 2001. Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Mokraya Balka [Pottery of early Medieval cemetery Mokraya Balka]. Moscow: Orgservis. 150 p.

Mastykova A. V., 2012. Rannesrednevekovoye pogrebeniye u s. Razin'kovo Kurskoy oblasti [Early medieval burial near village Razin'kovo, Kursk Region]. *RA,* 2, pp. 134–141.

Mikhaylina L., 2007. Slov'yani VIII–X st. mizh Dniprom i Karpatami [Slavs of VIII–X cc. between Dnieper and Carpathians]. Kiïv: Institut arkheologiï Natsional'noï akademiï nauk Ukraini. 300 p.

Minayeva T. M., 1961. Keramika Balki Kantsirki v svitli arkheologichnikh doslidzhen' na Pivnichnomu Kavkazi [Pottery of Balka Kantsirka in the light of archaeological investigations in South Caucasus]. *Arkheologiya* [*Archaeology*], XIII, pp. 119–128.

Oblomsky A. M., 1996a. Poseleniye Gaponovo i obstoyatel'stva nakhodki klada [Settlement Gaponovo and circumstances of the hoard discovery]. *RSM-3*, pp. 7–10.

Oblomsky A. M., 1996b. Remeslennyye tsentry. Kul'tury Srednego Podneprov'ya i Dneprovskogo Levoberezh'ya v tret'yey chetverti I tys. n. e. [Craft centres. Cultures of Middle Dnieper basin and Dnieper left bank zone in the third quarter of I mill. AD]. *RSM-3*, pp. 123–124.

Oblomsky A. M., 2002. Dneprovskoye lesostepnoye Levoberezh'ye v pozdnerimskoye i gunnskoye vremya (seredina III – pervaya polovina V v. n. e.) [Dnieper left bank forest-steppe zone in Late Roman and Hun time (mid III – first part of V c. AD)]. Moscow: Nauka. 255 p. (RSM-5.)

Oblomsky A. M., 2012a. Rannesrednevekovyye pamyatniki Verkhnego Podon'ya. Predvaritel'nyye itogi issledovaniya [Early medieval sites of Upper Don basin. Preliminary results of investigation].

Tambovskiye drevnosti. Arkheologiya Oksko-Donskoy ravniny [*Tambov antiquities. Archaeology of Oka-Don plain*], 3. S. I. Andreyev, ed. Tambov: Tambovsky gosudarstvenny universitet, pp. 172–229.

Oblomsky A. M., 2012b. Struktura naseleniya lesostepnogo Podneprov'ya v VII v. n. e. [Structure of population of Dnieper forest-steppe zone in VII c. AD]. *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Yevropy, 2010 god. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva* [*Earliest states of Eastern Europe, year of 2010. Preconditions and paths of formation of Medieval Russian state*]. Moscow: Russky fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke; Universitet Dmitriya Pozharskogo, pp. 10–33.

Oblomsky A. M., Shcheglova O. A., 1996. Nekotoryye osobennosti kul'tury pamyatnikov volyntsevskogo tipa i spornyye voprosy ikh proiskhozhdeniya [Some cultural specifics of Volyntsevo-type sites and vexed questions of their origin]. *RSM-3*, pp. 131–133.

Oblomsky A. M., Terpilovsky R. V., 2001. Slavyanskoye poseleniye i kochevnichesky mogil'nik V–VIII vv. na Vorskle [Slavic settlement and nomadic cemetery of V–VIII cc. on Vorskla]. *Arkheologichny litopis Livoberezhnoï Ukraïni* [*Archaeological chronicle of Ukraine, Dnieper left bank zone*], 1, pp. 5–16.

Oblomsky A. M., Zav'yalov V. I., 2003. Novyye pamyatniki perioda rannego srednevekov'ya basseyna Severskogo Dontsa [New sites of early Middle Ages period in Seversky Donets basin]. *Slavyanskiye drevnosti* [*Slavic antiquities*]. Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 71–90. (Stratum plus, 5/2001–2002.)

Prikhodnyuk O. M., 1980. Arkheologichni pam'yatki Seredn'ogo Pridniprov'ya VII–IX st. n. e. [Archaeological sites of Middle Dnieper of VII–IX cc. AD]. Kiïv: Naukova dumka. 152 p.

Prikhodnyuk O. M., 1994. Tekhnologiya virobnitstva ta vitoki yuvelirnogo stilyu metalevikh prikras Pastirs'kogo gorodishcha [Production technology and origins of jewelry style on metal ornaments from Pastyrskoye fortified settlement]. *Arkheologiya* [*Archaeology*], 3, pp. 61–77.

Prikhodnyuk O. M., 1998. Pen'kovskaya kul'tura: Kul'turno-khronologichesky aspekt issledovaniya [Pen'kovka culture: Cultural-chronological aspect of research]. Voronezh: Voronezhsky universitet. 170 p.

Prikhodnyuk O. M., 2005. Pastirs'ke gorodishche [Pastyrskoye fortified settlement]. Kiïv; Chernivtsi: Zelena Bukovina. 244 p.

Rodinkova V. E., 1996a. Metallicheskiye detali odezhdy i ukrasheniya kak khronologicheskiye indikatory [Metal costume details and ornaments as chronological indicators]. *RSM-3*, pp. 124–130.

Rodinkova V. E., 1996b. Rannesrednevekovyye pamyatniki Srednego Podneprov'ya i Dneprovskogo Levoberezh'ya s datiruyushchimi nakhodkami [Early medieval sites of Middle Dnieper basin and left bank of the Dnieper with chronologically reliable finds]. *RSM-3*, pp. 155–162.

Rodinkova V. E., 2009. Novyye nakhodki pal'chatykh fibul v Podneprov'ye [New finds of palmate fibulae in the Middle Dnieper basin]. *Studia Antiqua et Medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblate*. D. Aparaschivei, ed. Bucureşti: Editura Academiei Române, pp. 401–409.

Rodinkova V. E., 2011. Zhensky kostyum dneprovskikh plemen v epokhu Velikogo pereseleniya narodov: sovremennoye sostoyaniye issledovany [Female costume of the Dnieper tribes in Migration period: present state of research]. *Novyye issledovaniya po arkheologii stran SNG i Baltii* [*New investigations on archaeology of countries of CIS and Baltic zone*]. V. E. Rodinkova, ed., comp. Moscow: IA RAN, pp. 239–265.

Rodinkova V. E., 2012. Novaya nakhodka vizantiyskogo serebryanogo sosuda s kleymom v Vostochnoy Yevrope [New find of Byzantine silver vessel with a stamp in Eastern Europe]. *RA*, 4, pp. 151–158.

Rodinkova V. E., Saprykina I. A., Sycheva S. A., 2012. Rannesrednevekovyye klady Podneprov'ya: traditsionny vzglyad i novyye dannyye [Early medieval hoards of Dnieper basin: traditional view and new data]. *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy. Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Problems of history and archaeology of Ukraine. Proceedings of VIII international conference*]. Khar'kov: NTMT, pp. 72.

Rodinkova V. E., Saprykina I. A., Sycheva S. A., in print. Klad iz Sudzhi-Zamost'ya i problema sotsiokul'turnoy interpretatsii dneprovskikh rannesrednevekovykh kladov I gruppy [Hoard from Sudzha-Zamost'ye and problem of socio-cultural interpretation of Dnieper hoards of group I].

Rusanova I. P., 1973. Slavyanskiye drevnosti VI–IX vv. mezhdu Dneprom i Zapadnym Bugom [Slavic antiquities of VI–IX cc. between Dnieper and Western Bug]. Moscow: Nauka, 100 p. (SAI, E1–25.)

Rutkovskaya L. M., 1969. Issledovaniye stoybishch skotovodov na levom beregu Oreli [Research of stock-breeders' camps on Orel left bank]. *AO 1968 goda* [*AO of 1968*]. Moscow: Nauka, pp. 317–318.

Sedzin A. A., 1994. Pal'chatyya fibuly z Nikadzimava [Palmate fibulae from Nikodimovo]. *Arkhealogiya i starazhytnaya gistoryya Magilyoŭshchyny i sumezhnykh terytory* [*Archaeology and ancient history of Mogilyov Region and adjacent territories*]. Magilyou, pp. 128–132.

Sedzin A. A., 2000. Nikodimovo – gorodishche tret'yey chetverti 1-go tysyacheletiya n. e. v Vostochnoy Belarusi [Nikodimovo fortified settlement of third quarter of I mill. AD in Eastern Byelorussia]. *Kray: Dyyalog na sumezhzhy kul'tur* [*Border: Dialogue on cultures' frontier*]. A. Ageyeu, Ya. vanou, eds. Magilyou: Brama, pp. 31–43.

Shcheglova O. A., 1986. Ranniye elementy v keramicheskom komplekse pamyatnikov volyntsevskogo tipa [Early elements in pottery complex of Volyntsevo-type complexes]. *KSIA*, 187, pp. 15–22.

Shcheglova O. A., 1990. O dvukh gruppakh kladov «drevnostey antov» v Srednem Podneprov'ye [On two groups of hoards of «Antes' antiquities» in Middle Dnieper basin]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ya* [*Materials and investigation on archaeology of Dnieper Left bank zone*]. R. V. Terpilovsky, ed. Kursk: Kurskoye oblastnoye otdeleniye Vserossiyskogo fonda kul'tury, pp. 162–204.

Shcheglova O. A., 1991. Sredneye Podneprov'ye kontsa VII – pervoy poloviny VIII v.: prichiny smeny kul'tur [Middle Dnieper basin in the end of VII – first part of VIII c.: causes of cultures' shifts]. *Sotsiogenez i kul'turogenez v istoricheskom aspekte* [*Social genesis and cultural genesis in historical aspect*]. V. M. Masson, ed. St. Petersburg: IIMK AN SSSR, pp. 42–50.

Sinitsya Ye. V., 1999. Rann'oseredn'ovichni ingumatsiï v areali pen'kivs'koï kul'turi [Early medieval inhumations in Pen'kovka culture area]. *Vita Antiqua*, 2, pp. 98–110.

Slavyane Yugo-Vostochnoy Yevropy v predgosudarstvenny period [*Slavs of South-Eastern Europe in the period before state formation*], 1990. Kiyev: Naukova dumka. 485 p.

Smilenko A. T., 1985. Slavyanskaya kul'tura Pravoberezh'ya Dnepra (tipa Luki-Raykovetskoy) [Slavic culture of Dnieper right bank zone (Luka-Raykovetskaya type)]. *Etnokul'turnaya karta territorii Ukrainskoy SSR v I tys. n. e.* [*Ethno-cultural map of Ukrainian SSR' territory in I mill. AD*]. V. D. Baran, ed. Kiyev: Naukova dumka, pp. 106–115.

Smilenko A. T., 1975. Slov'yani ta ikh susidi v stepovomu Podniprov'ï [Slavs and their neighbours in steppe of Dnieper basin]. Kiïv: Naukova dumka. 210 p.

Spitsyn A. A., 1928. Drevnosti antov [Antiquities of Antes]. *Sbornik statey v chest' akademika A. I. Sobolevskogo, izdanny ko dnyu 70-letiya so dnya yego rozhdeniya Akademiyey nauk po pochinu yego uchenikov* [*Collection of articles in honour of Academician A. I. Sobolevsky published on the occasion of his 70th anniversary by Academy of Sciences*]. V. N. Peretts, ed. Leningrad: AN SSSR, pp. 492–495.

Terpilovsky R. V., 2004. Slavyane Podneprov'ya v pervoy polovine I tys. n. e. [Slavs of Dnieper basin in the first half of I mill. AD]. Lublin: UMCS. 232 p.

Volodarets-Urbanovich Ya. V., 2012. Khronologiya bytovaniya kantserskoy goncharnoy posudy [Chronology of occurrence of Kantserka-type wheel-made potter]. *Slavyane Vostochnoy Yevropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [*Slavs of Eastern Europe on the eve of formation of Medieval Russian state. Proceedings of international conference*]. O. A. Shcheglova, V. M. Goryunova, eds. St. Petersburg: SOLO, pp. 94–97.

Volodarets'-Urbanovich Ya. V., Skiba A. V., 2011. Goncharny posud VII–VIII st. na Pivdni Skhidnoï Yevropi [Wheel-made pottery of VII–VIII cc. in the South of Eastern Europe]. *Arkheologiya* [*Archaeology*], 2, pp. 34–46.

About the authors.

Oblomsky Andrey M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow 117036, Russian Federation; e-mail: oblomsky_a@rambler.ru;

Rodinkova Vlasta Ye., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow 117036, Russian Federation; e-mail: vlasta2004@mail.ru.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП – Археология Подмосковья / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
в. н. с. – ведущий научный сотрудник
ГАЗ – Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск. Інстытут гісторыі АН Беларусі
ГИМ – Государственный исторический музей
д. и. н. – доктор исторических наук
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ДНЦ – Дагестанский научный центр
ЗИАиХМ – Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИАЭ – Институт археологии и этнографии
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Исследования… – Исследования первобытной археологии Евразии: Сб. ст. в честь 60-летия чл.-корр. РАН, профессора Х. А. Амирханова / Отв. ред. О. М. Давудов. Махачкала: Наука ДНЦ РАН, 2010
к. и. н. – кандидат исторических наук
Карабах… – Карабах в каменном веке: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 50-летию открытия палеолитической пещерной стоянки Азых в Азербайджане (3–7 октября 2010 г., Баку, Азербайджанская Республика). Баку: Текнур, 2010
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры. Л. (СПб.)
МАБ – Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МАИЭТ – Материалы по археологии и этнографии Таврии. Симферополь
МОИП – Московское общество испытателей природы
ПОКЭ – Прибалтийская объединенная комплексная экспедиция
РСМ – Раннеславянский мир
РСМ-3 – Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1996. 296 с.
РСМ-9 – Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Ред. И. О. Гавритухин, Н. В. Лопатин, А. М. Обломский. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2007
ТАС – Тверской археологический сборник / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Тверской гос. объединенный музей
Фундаментальные проблемы… – Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А. П. Деревянко / Отв. ред. В. И. Молодин, М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013
ЮНЦ РАН – Южный научный центр

AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
AN SSSR – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of USSR]
AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow Region]. A. V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN
ASGE – Arkheologichesky sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological collection of articles of State Hermitage]
BAR – British Archaeological Reports International Series
BKIChP – Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda [Bulletin of Commission for Quaternary period Studies]
c. (cc.) – centuary(entuaries)
Fundamental problems… – Fundamental'nyye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Yevrazii: K 70-letiyu akademika A. P. Derevyanko [Fundamental problems of archaeology, anthropology and ethnography of Eurasia: Toward 70th anniversary of Academician A. P. Derevyanko]. V. I. Molodin, M. V. Shun'kov, eds. Novosibirsk: IAE SO RAN
GAZ – Gistarychna-arkhealagichny zbornik [Historical-archaeological collection of articles]. Minsk: Instytut gistoryi Akademii navuk Belarusi
GIM – Gosudarstvenny istoricheskiy muzey [State Historic museum]
IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
IAE SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture, RAS]
Ivestigations... – Issledovaniya pervobytnoy arkheologii Yevrazii: sbornik statey v chest' 60-letiya chlen-korrespondenta Rossiyskoy akademii nauk, professora Kh. A. Amirkhanova [Investigations of prehistoric archaeology of Eurasia: collection of articles in commemoration of 60th anniversary of Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Professor Kh. A. Amirkhanov]. O. M. Davudov, ed. Makhachkala: Izdatel'stvo «Nauka» Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN
Karabakh… – Karabakh v kamennom veke: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu otkrytiya paleoliticheskoy peshchernoy stoyanki Azykh v Azerbaydzhane [Karabakh in Stone Age: materials of International scientific conference devoted to 50th anniversary of discovery of Azykh Palaeolithic cave station in Azerbaijan]. Baku: Teknur, 2010
KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
KSIIMK RAN – Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief communications of Institute for the History of Material Culture]
MAB – Materyyaly pa arkhealogii Belarusi [Materials on archaeology of Byelorussia]. Minsk
MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol'
MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR
RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow.
RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
RGZM – Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz
RSM – Ranneslavianskiy mir [Early Slavic World]
RSM-3 – Gavritukhin I. O., Oblomsky A. M. Gaponovsky klad i yego kul'turno-istorichesky kontekst [Gaponovo hoard and its cultural-historical context]. Moscow: IA RAN, 1996. 296 p.
RSM-9 – Vostochnaya Yevropa v seredine I tys. n. e. [Eastern Europe in mid I mill. AD]. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomsky, eds. Moscow: IA RAN, 2007
SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov. Moscow: Nauka
SHM – State Historic museum

SSR – Sovetskaya Sotsialisticheskaya Respublika
TAS – Tverskoy arkheologichesky sbornik [Tver' archaeological collection of articles], I. N. Chernykh, ed. Tver': Tverskoy gosudarstvenny ob'yedinenny muzey
v. (vv.) – vek (veka)
ZORSA – Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Proceedings of Department of Russian and Slavic archaeology, Imperial Russian Archaeological Society]

ОТ РЕДАКЦИИ

КРАТКИЕ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Материалы, направляемые для публикации в издание «Краткие сообщения Института археологии», должны быть оформлены по следующим правилам:

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника.
2. Рукопись подается в формате Microsoft Word и в виде распечатки.
3. Материалы должны состоять из: а) основного текста, б) списка литературы, в) подрисуночных подписей, г) резюме и ключевых слов, д) списка сокращений, е) таблиц, ж) иллюстраций, з) сведений об авторе/авторах.
4. Общий объем рукописи (п. 3, а–е) – не свыше 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций.
5. Статья должна быть напечатана шрифтом кегля 14 через 1,5 интервала.
6. Нестандартные буквы и знаки в тексте должны быть вписаны от руки в распечатку.
7. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (не вставлять в текст) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения изображений, поскольку размер иллюстраций в печатном виде составляет 13 × 19 см.

В подрисуночной подписи кратко расшифровываются все условные обозначения. Черно-белые иллюстрации сканируются в режиме «градации серого», масштаб 1:1; фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

8. Таблицы (цифровые и текстовые) представляются в отдельных файлах (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.
9. Список литературы дается в алфавитном порядке. Он состоит из двух частей: а) издания на кириллице, б) на латинице. Например:

Седов В. В., 1979а. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. Vol. I: The Late Chalcolithic and Early Bronze Age levels. London: British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

10. Представляются ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (0,5 страницы).

Более подробно см. на сайте издания ksia.iaran.ru.

Материалы направляются на электронный адрес редакции ksia@iaran.ru.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

СОДЕРЖАНИЕ

КАМЕННЫЙ ВЕК
ПРОБЛЕМЫ, МАТЕРИАЛЫ, ОТКРЫТИЯ
(К 20-ЛЕТИЮ ОТДЕЛА АРХЕОЛОГИИ КАМЕННОГО ВЕКА ИА РАН)

Амирханов Х. А. Археологические материалы Центрального Дагестана в контексте проблемы первоначального расселения человека 3
Щелинский В. Е. Возраст, функциональные особенности и каменная индустрия эоплейстоценовой раннепалеолитической стоянки Родники 1 в Западном Предкавказье 14
Любин В. П., Беляева Е. В. Макро-ножи в ашеле Кавказа. 44
Ожерельев Д. В. Типология изделий со вторичной обработкой слоя 74 раннепалеолитической стоянки Мухкай II (Дагестан) 60
Селезнёв А. Б. Исследования раннепалеолитической стоянки Мухкай I в 2011–2013 гг. 82
Анойкин А. А. Раннепалеолитическая мелкоорудийная индустрия местонахождения Рубас-1 (Приморский Дагестан) 102
Александрова О. И. Органические остатки на кремневых изделиях из второго мезолитического слоя пещеры Двойная (по данным трасологического анализа). 121
Гаврилов К. Н., Воскресенская Е. В., Дука К., Мащенко Е. Н. Стоянка Хотылёво 2 – пункт В: новые данные о возрасте и пространственной организации культурного слоя 130
Сергин В. Я., Ахметгалеева Н. Б., Мащенко Е. Н. Обработанная кость из раскопок 1970–80-х гг. поселения Гонцы (Украина, Полтавская область) 152
Грехова Л. В. Структура культурного слоя стоянки Елисеевичи по материалам раскопок 1970–1980 гг.. 188
Симоненко А. А., Александрова О. И. Функционально-планиграфический анализ материалов комплекса № 2 первого слоя стоянки Третий мыс. 210
Виноградова Е. А., Леонова Н. Б. Северо-западный участок основного слоя верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II 226
Еськова Д. К., Леонова Е. В. Мезолитическая стоянка Белый Колодец 1: типологическая и технологическая характеристика каменного инвентаря. 244
Жилин М. Г. Пространственный анализ распределения орудий из кости и рога на мезолитических стоянках Ивановское 7 и Озерки 5 273
Зимина М. П. Неолитические памятники Валдайского Приозерья (расположение, организация пространства) 296

МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА
«VII в. В ПОДНЕПРОВЬЕ И ПООЧЬЕ: ПРОБЛЕМА СМЕНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР»
(МОСКВА, 31 ОКТЯБРЯ – 1 НОЯБРЯ 2013 г.)

Обломский А. М. О семинаре «VII в. в Поднепровье и Поочье: проблема смены археологических культур». 307
Воронцов А. М. Поздний период существования мощинской культуры 310
Исланова И. В. Культурная ситуация в ареале псковских длинных курганов 327

Кренке Н. А. Финал дьяковской культуры в Подмосковье 342
Макушников О. А. Колочинская культура в Гомельском Поднепровье и сменяющие ее памятники VIII–IX вв. 363
Обломский А. М., Родинкова В. Е. Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н. э. Хронология событий 381

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 405
ОТ РЕДАКЦИИ. Краткие правила оформления рукописей 408

CONTENTS

STONE AGE: PROBLEMS, MATERIALS, DISCOVERIES
(20TH ANNIVERSARY OF THE DEPARTMENT OF THE STONE AGE ARCHAEOLOGY, IA RAS)

Amirkhanov H. A. Archaeological materials from Central Dagestan and the problem of initial human settling 3
Shchelinsky V. E. The age, functional features and lithic industry of the Eopleistocene Early Palaeolithic site Rodniki 1 in the Western Caucasus foothills 14
Lyubin V. P., Belyaeva Ye. V. Macro-knives of the Acheulian period in the Caucasus 44
Ozherelyev D. V. Typology of artefacts with secondary treatment from layer 74 of the Early Palaeolithic site Mukhkay II (Dagestan) 60
Seleznyov A. B. Investigations at the Early Palaeolithic site Mukhkay I in 2011–2013 82
Anoykin A. A. The Early Palaeolithic small tool industry of the Rubas-1 site (Caspian Dagestan) . . 102
Aleksandrova O. I. Organic residues on the stone artefacts from the Early Mesolithic layer of Dvoinaya Cave (based on data of use-wear analysis) 121
Gavrilov K. N., Voskresenskaya Ye. V., Douka K., Mashchenko E. N. Khotylyovo 2 site – point B: new data on the age and spatial organization of the cultural deposit 130
Akhmetgaleyeva N. V., Sergin V. Ya., Mashchenko Ye. N. Artefacts of processed bones from the excavations of 1977–1985 at the Gontsy Upper Palaeolithic site (Ukraine, Poltava Region) 152
Grekhova L. V. Structure of the cultural deposit of the Yeliseyevichi 1 site, based on materials from excavations of 1970–1980 188
Simonenko A. A., Aleksandrova O. I. Functional and spatial analysis of materials from complex No. 2 in the first level of the Trety mys site 210
Vinogradova Ye. A., Leonova N. B. The north-western sector of the main layer at the Upper Palaeolithic site Kamennaya Balka II 226
Yes'kova D. K., Leonova Ye. V. The Mesolithic camp Bely Kolodets 1: typological and technological description of lithic industry 244
Zhilin M. G. Spatial analysis of distribution of tools made of bone and antler at Mesolithic sites Ivanovskoye 7 and Ozerki 5 273
Zimina M. P. Neolithic sites in the Valday Lake Region (location and space structure) 296

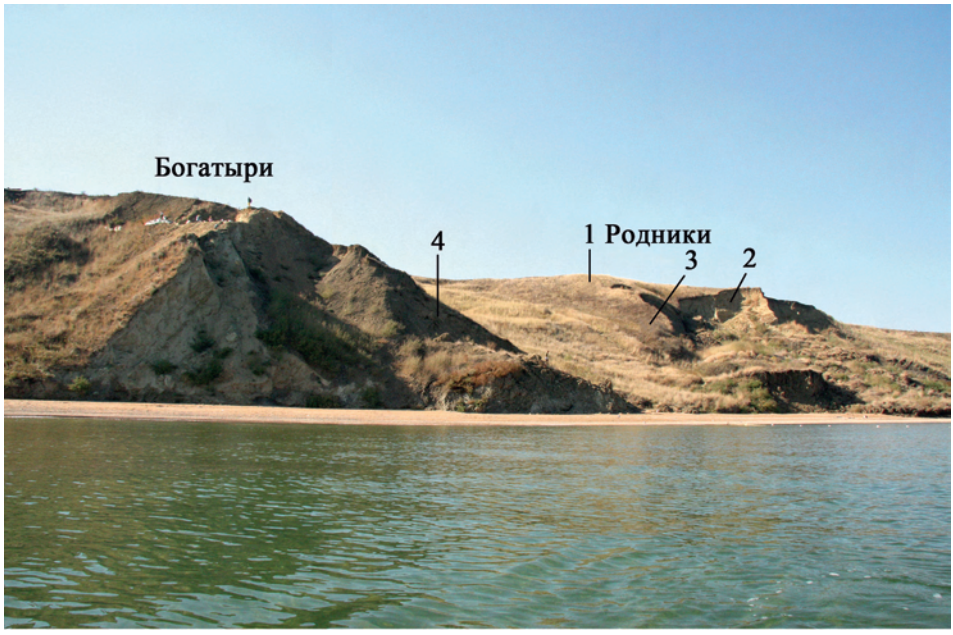
VII CENTURY ON THE DNIEPER AND OKA RIVERS:
PROBLEM OF ARCHAEOLOGICAL CULTURES' SUCESSION.
TRANSACTIONS OF THE SCIENTIFIC SEMINAR
(MOSCOW, 2013, OCTOBER 31 – NOVEMBER 1)

Oblomsky A. M. Introduction. Scientific seminar "VII century on the Dnieper and Oka rivers: problem of archaeological cultures' succession" 307
Vorontsov A. M. Late period of the Moshchino culture 310
Islanova I. V. The cultural situation within the zone of Pskov-type long kurgans 327
Krenke N. A. Final stage of the Dyakovo culture in the environs of Moscow 342
Makushnikov O. A. The Kolochin culture in the Gomel region of the Dnieper valley and the sites which came after it in the 8th and 9th centuries 363

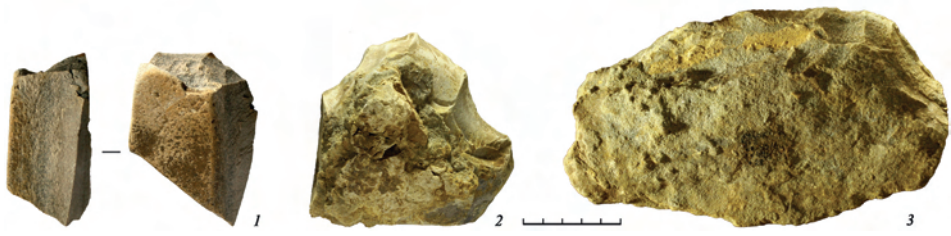
Oblomsky A. M., Rodinkova V. Ye. The ethno-cultural watershed in the Dnieper valley in VII c. AD. Sequence of events 381

ABBREVIATIONS 405
SUBMISSION GUIDE 408

Статья В. Е. Щелинского
Возраст, функциональные особенности и каменная индустрия эоплейстоценовой раннепалеолитической стоянки Родники 1 в Западном Предкавказье

Илл. I. Расположение раннепалеолитической стоянки Родники 1 на Таманском берегу Азовского моря. Вид с северо-востока (фото С. А. Кулакова)

Илл. II. Стоянка Родники 1. Чопперы из окварцованного доломита (1–3)

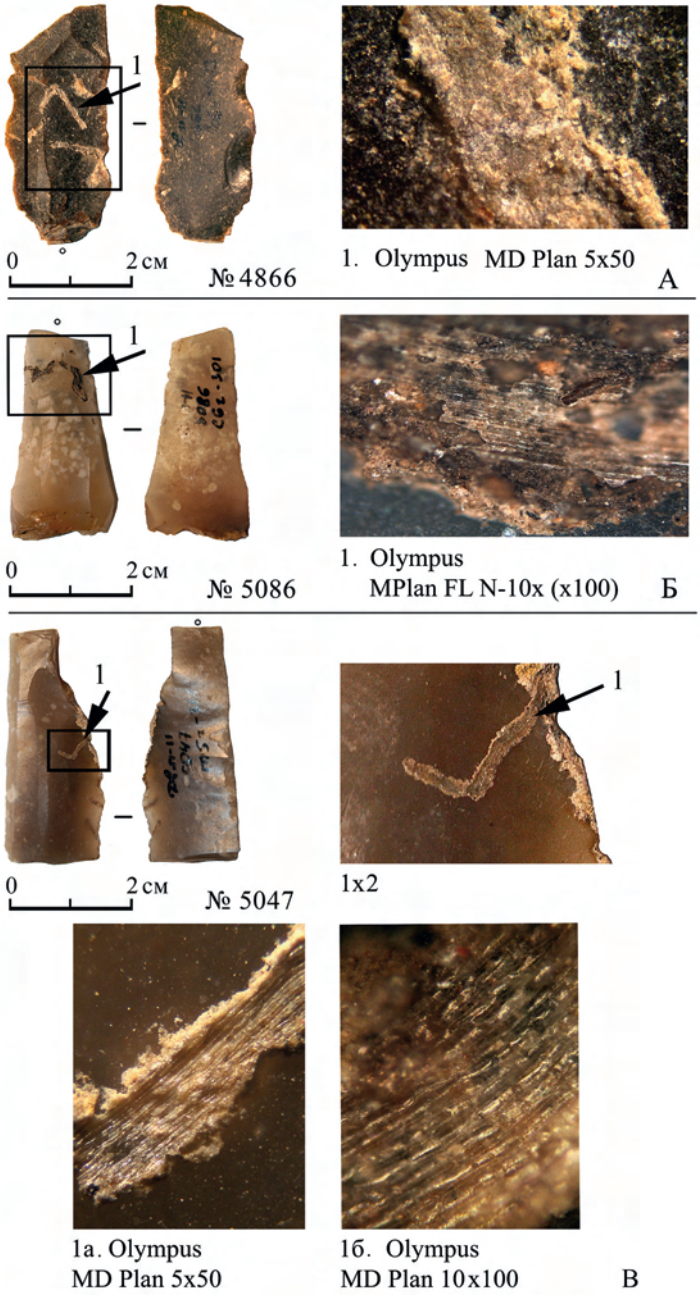

Илл. III. Стоянка Мухкай II. Участки раскопочных траншей. Общий вид с запада

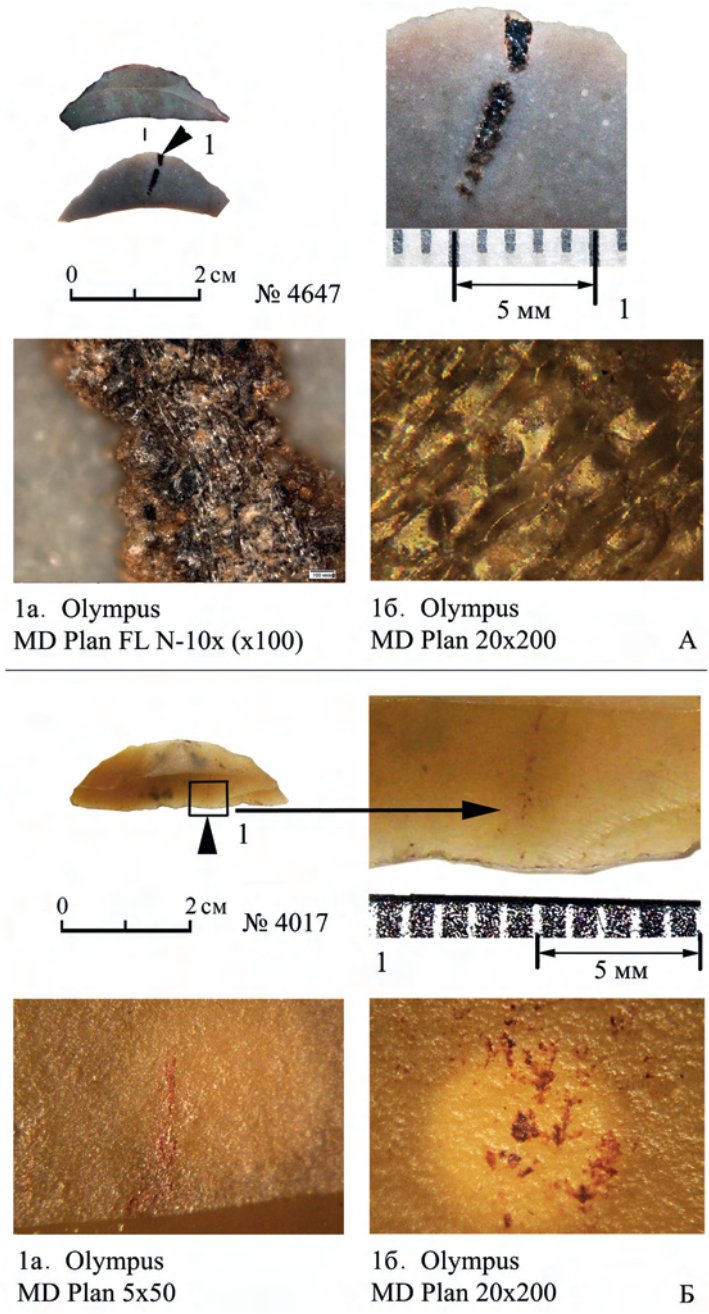

Илл. IV. Мухкай I. Шурф-врезка 2007, 2011 гг. и шурф-врезка 2012–2013 гг. Общий вид с востока

Статья О. И. Александровой
Органические остатки на кремневых изделиях
из второго мезолитического слоя пещеры Двойная
(по данным трасологического анализа)

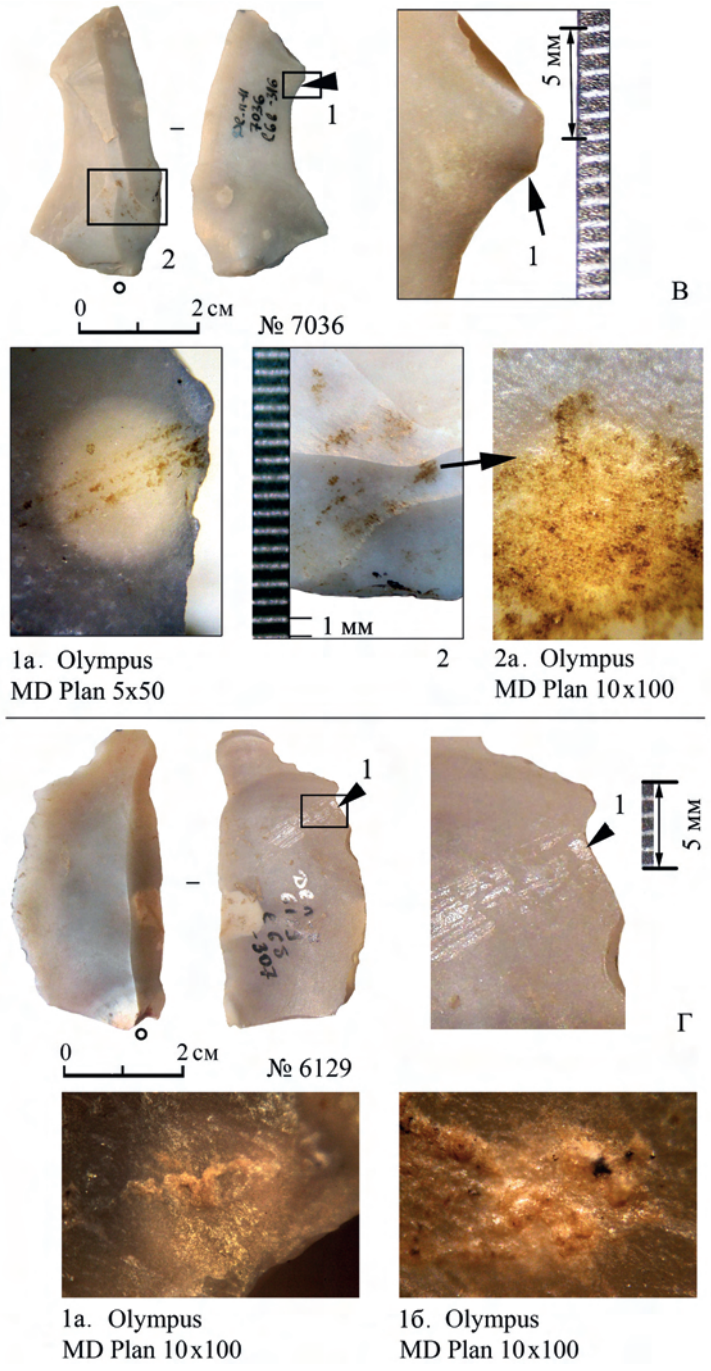

Илл. V. Пещера Двойная, 2-ой мезолитический слой.
Следы от контакта поверхности каменных изделий
с предположительно органическими остатками в культурном слое

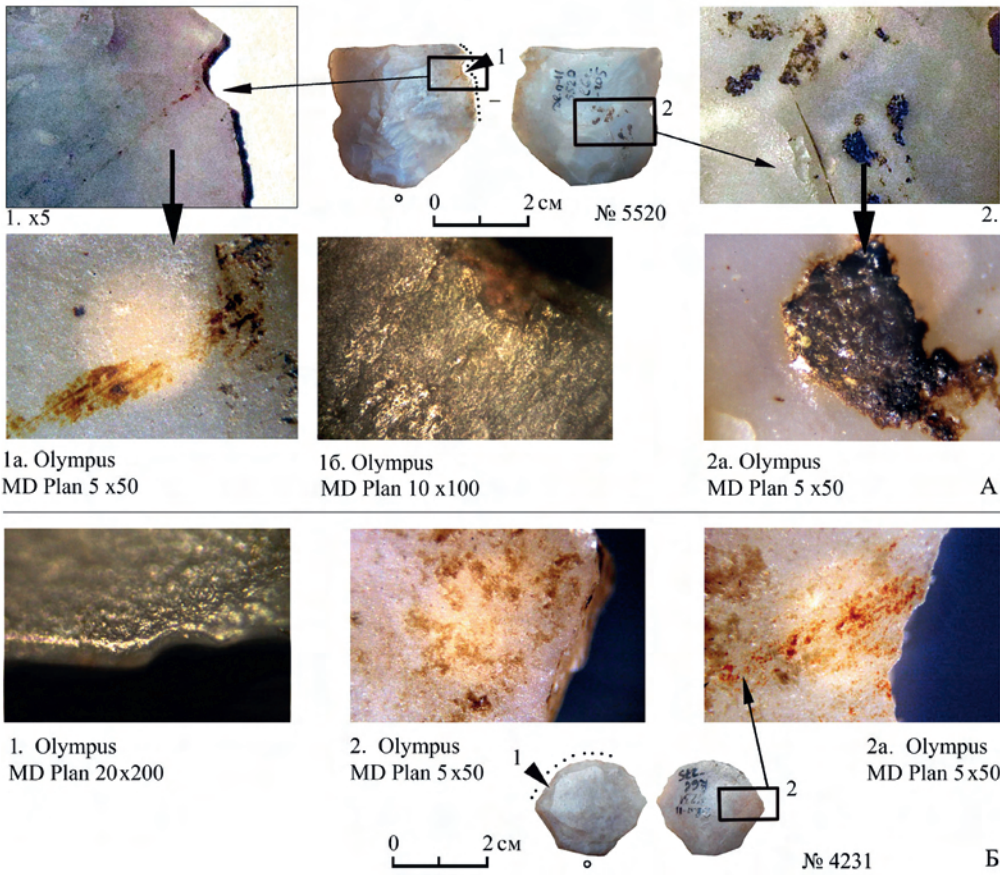
Илл. VI. Пещера Двойная. Остатки предположительно органического происхождения на поверхности трасологически выделенных орудий из 2-го мезолитического слоя

А – остатки смолоподобного вещества, имеющие структуру, на сегменте, использовавшемся в качестве косолезвийного наконечника стрелы; Б – остатки смолоподобного вещества в виде полосы на сегменте, использовавшемся в качестве косолезвийного наконечника стрелы

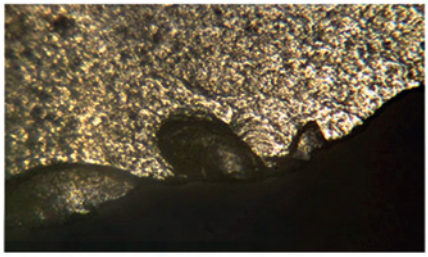
Илл. VII. Пещера Двойная. Остатки предположительно органического происхождения на поверхности трасологически выделенных орудий из 2-го мезолитического слоя

В – остатки в виде полосы смолоподобного вещества на лезвии струга по дереву и пятен смолы (?) на обушковой части орудия; Г – визуально различимая линейность на рабочем лезвии струга по дереву, сопровождающаяся на микроуровне пятнами смолоподобного вещества

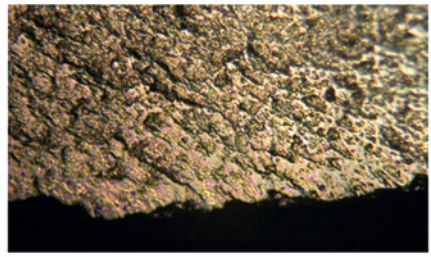

Илл. VIII. Пещера Двойная. Остатки предположительно органического происхождения на поверхности трасологически выделенных орудий из 2-го мезолитического слоя

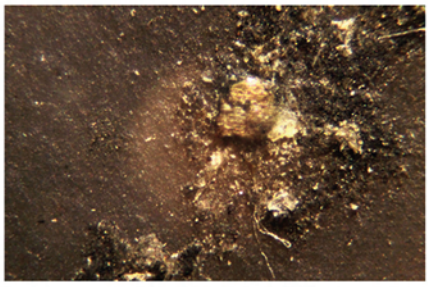
А – полосы смолоподобного вещества на рабочем лезвии струга по дереву и пятна смолы (?) на обушковой части орудия; Б – полосы предположительно органического вещества на скребке для обработки шкур/кожи

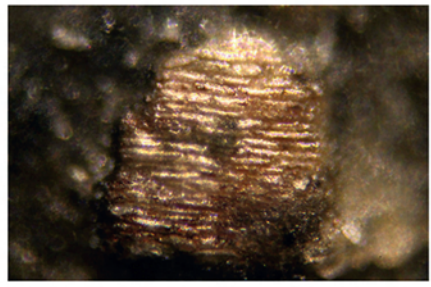
1. Olympus MD Plan 10x100

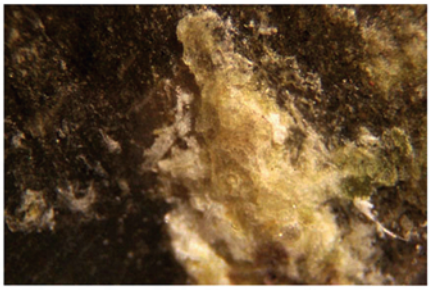
1a. Olympus MD Plan 20x200

2. Olympus MD Plan 5x50

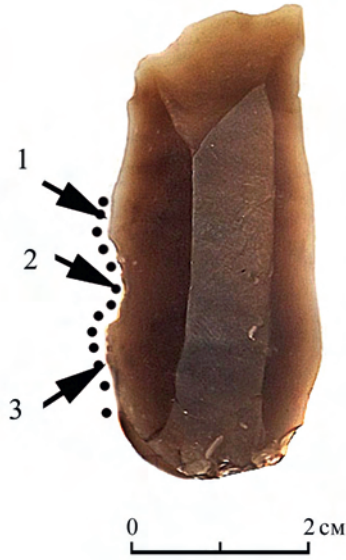

2a. Olympus MD Plan 20x200

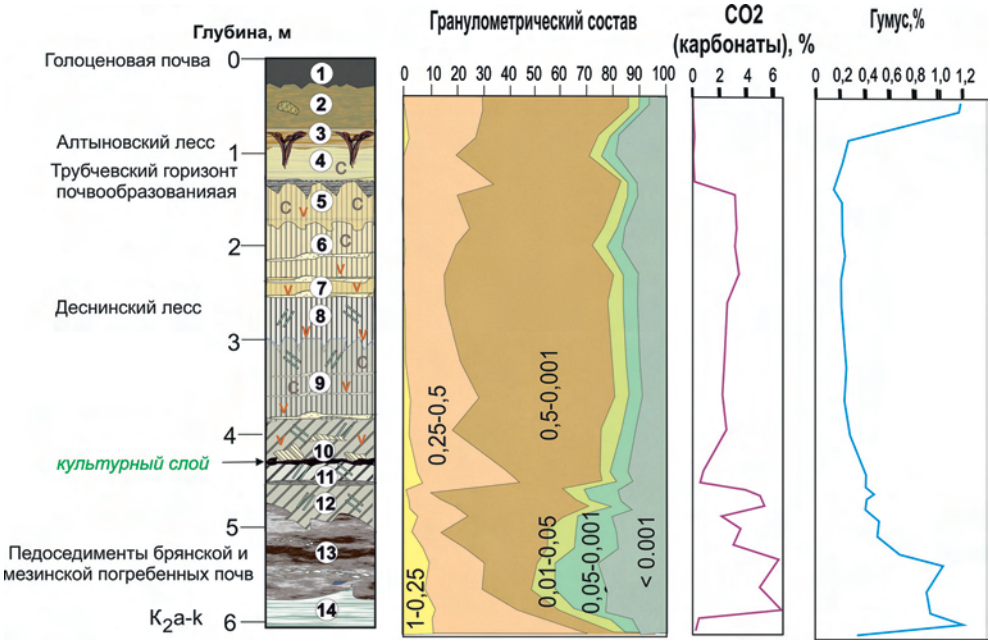
3. Olympus MD Plan 10x100

Илл. IX. Следы износа на рабочем лезвии, а также остатки смолы и растительных тканей на экспериментальном струге для обработки свежей древесины сосны (время работы эталонным орудием – 1 час 35 минут)

Илл. X. Панорама правого берега р. Десна и расположение пунктов А–Д стоянки Хотылёво 2

Илл. XI. Хотылёво 2, пункт В.
Литолого-стратиграфическая колонка и вещественный состав отложений стоянки

Илл. XII. Хотылёво 2, пункт Б, раскоп I. Череп волка

Илл. XIII. Стоянка Гонцы. Различия в степени износа и тафономических изменениях на концевых частях ребер мамонта

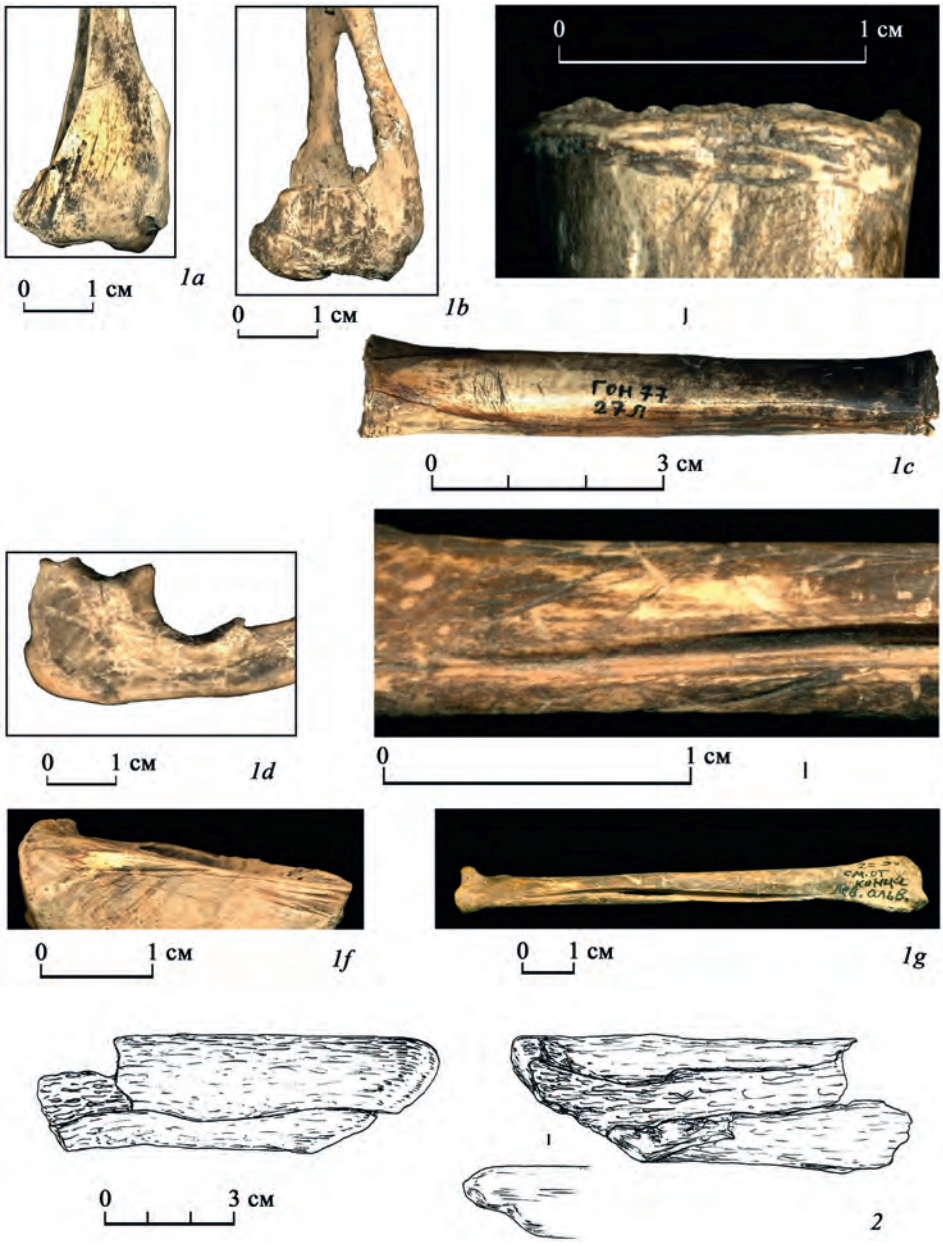
1: A – фрагмент продольно расчлененного ребра; B – двусторонняя землекопалка из левого ребра взрослого мамонта из ямы 10; C – землекопалка из ямы;

2 – пластины из ребер: A – дистальная часть ребра детеныша мамонта; B – дистальная часть ребра детеныша мамонта; C – дистальная часть правого ребра детеныша мамонта; D – дистальная часть правого ребра взрослого мамонта

Илл. XIV. Стоянка Гонцы. Фрагменты рёбер с нарезками

1 – фрагмент средней части тела ребра; *2* – фрагмент дистальной части правого ребра взрослого мамонта; *2А* – фигурная головка изделия; *3* – следы продольного резания на расколотой метаподии северного оленя; *4* – остроконечный предмет из длинной кости мамонта

Илл. XV. Стоянка Гонцы

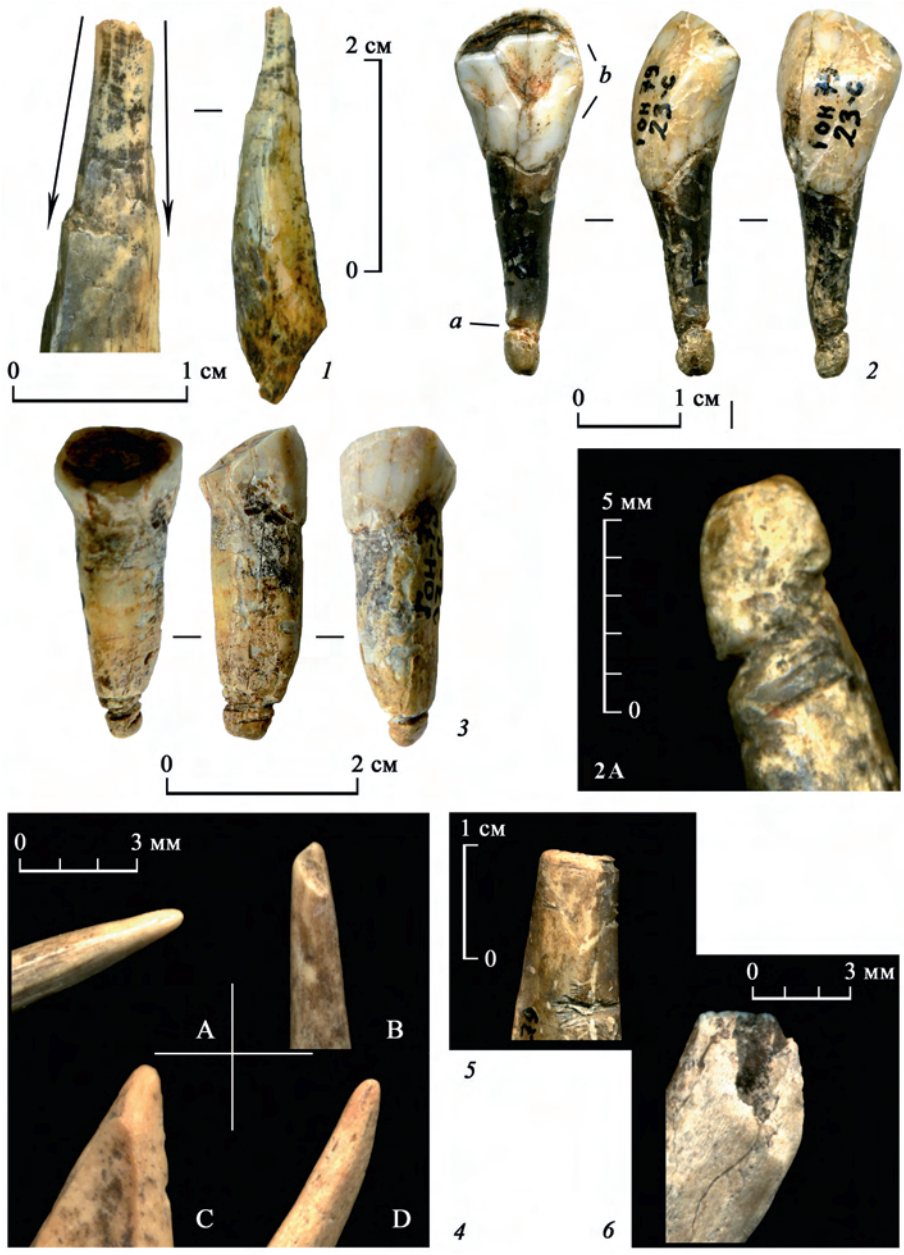
1 – изделия из костей нижних конечностей мелких животных: *1A* – рукоятка (рис. 4, 8); *1B* – отверстие на шиле второй группы (рис. 4, *9*); *1C* – игольник из длинной кости конечности со следами поперечного резания; *1D* – следы скобления на проксимальном конце локтевой кости зайца; *1F* – следы поперечного пиления на большой берцовой кости зайца; *1G* – лучевая кость песца со следами продольного резания резцевидной кромкой каменного орудия;

2 – землекопное орудие из ребра мамонта

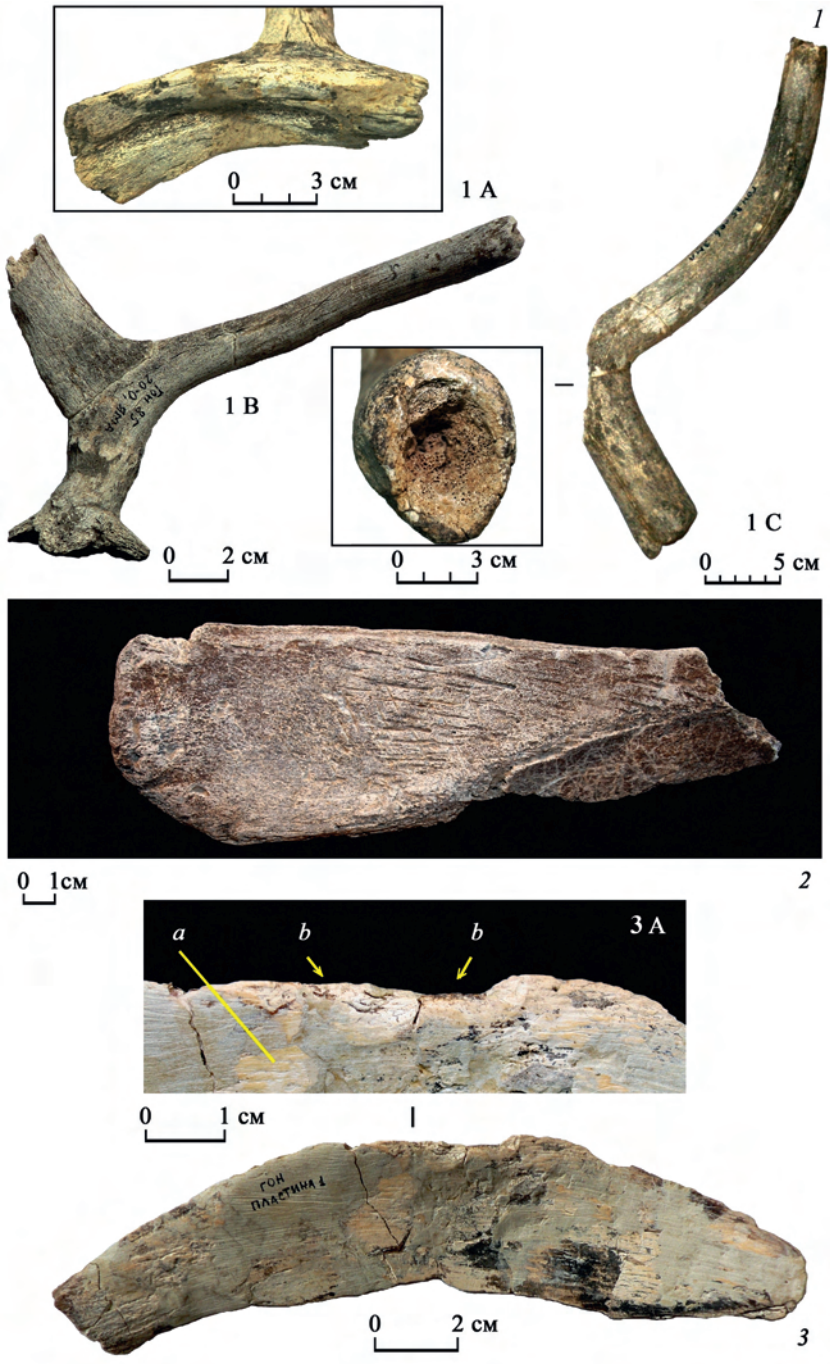
Илл. XVI. Изделия стоянки Гонцы

1 – стержневидная заготовка из бивня мамонта; *2–4* – продольно расколотые бивни мамонта

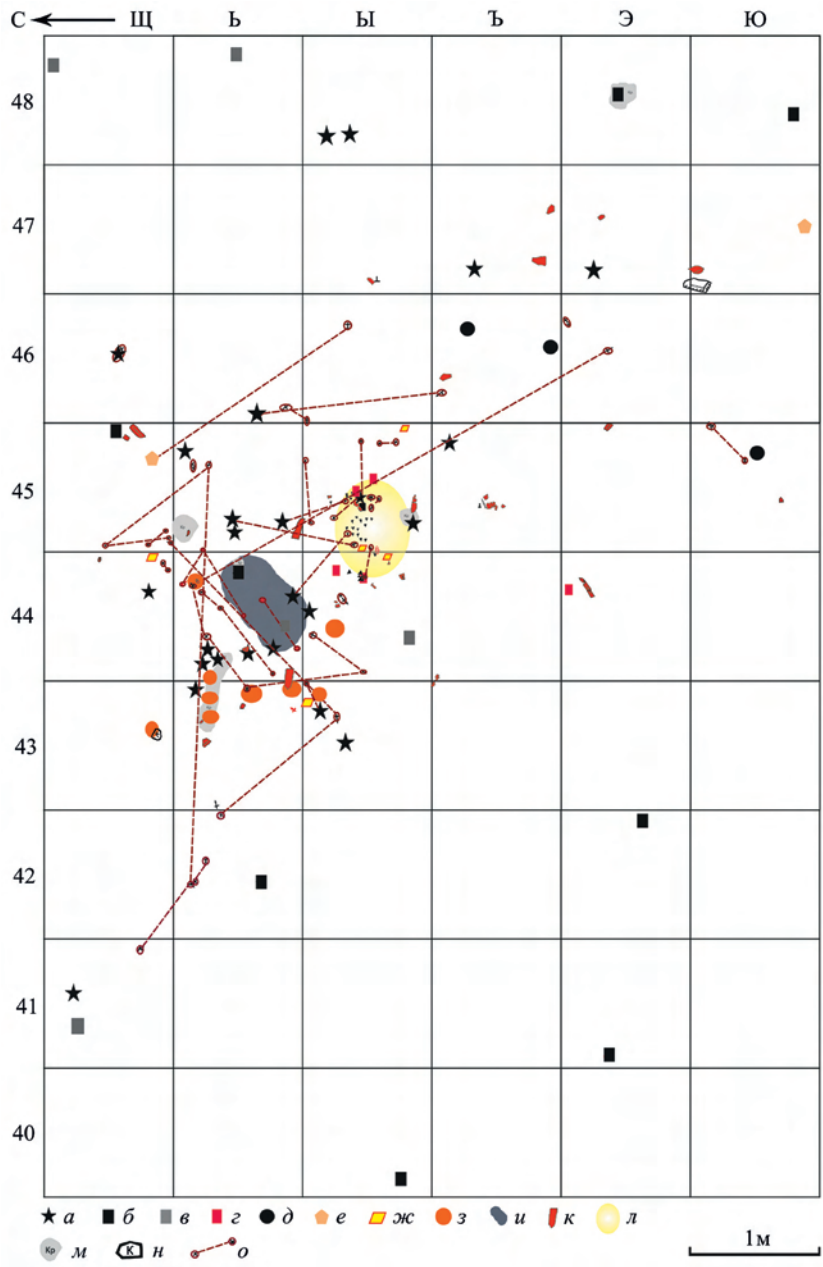
Илл. XVII. Стоянка Гонцы. Макрофотографии следов

1 – отход производства острия из бивня; *2* – подвеска из нижнего резца молодой особи бизона: *2*A – участок корня зуба со следами пиления; *3* – подвеска из нижнего резца (i2) старой особи бизона; *4* – следы износа на кончиках острий: *4*A – кончик острия (рис. 4, *5*); *4*B – кончик острия (рис. 4, *6*); *4*C– кончик острия (рис. 4, *3*); *4*D – кончик острия (рис. 4, *1*); *5* – отпиленная проксимальная часть зайца с нарезками; *6* – следы износа на диафизе длинной кости

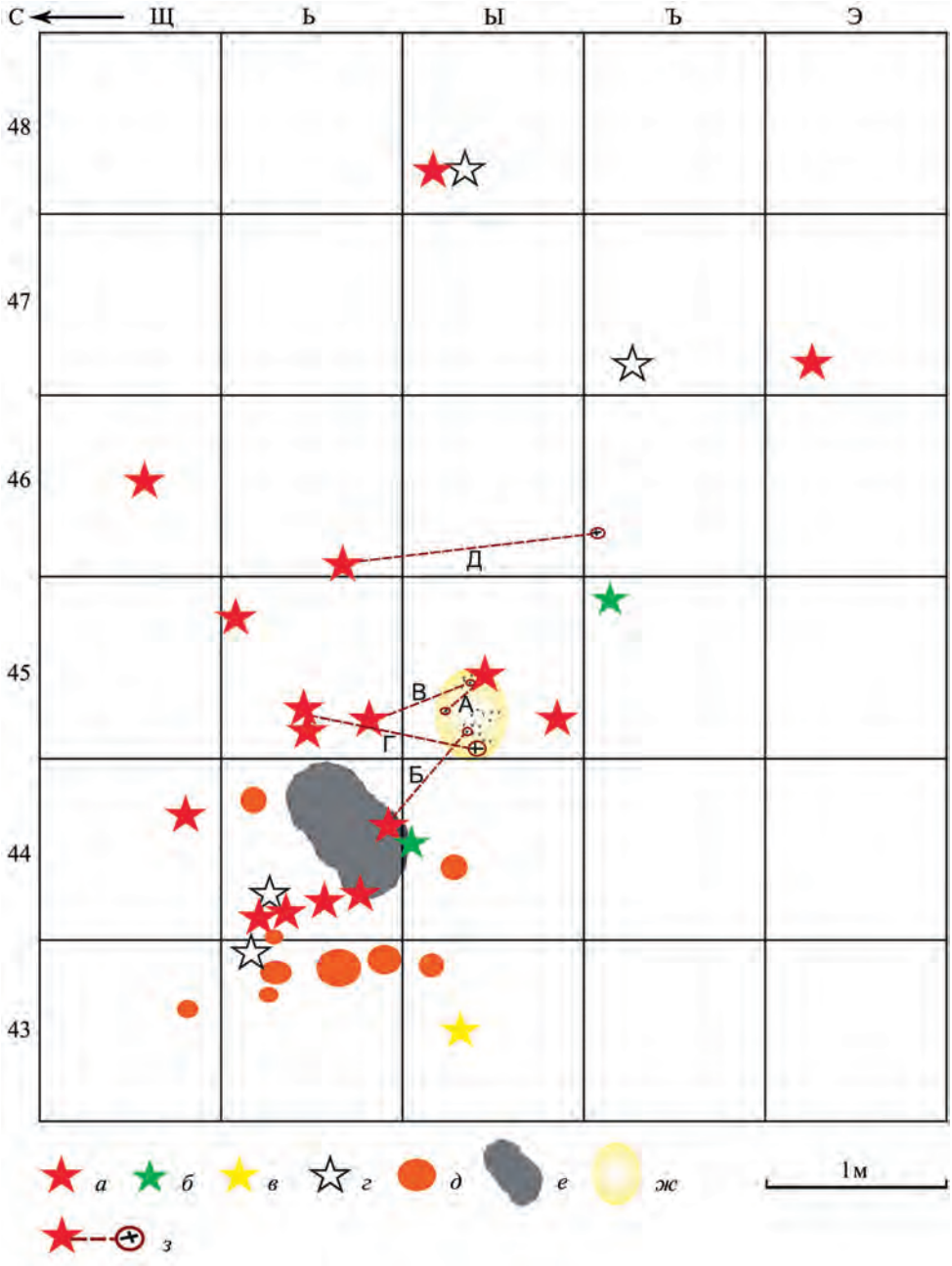
Илл. XVIII. Изделия стоянки Гонцы

1 – обработка рога северного оленя: 1А – следы двойного паза (double groove) при продольном членении рога; 1В – следы выскабливания штанги рога с остатками костей черепа; 1С – обработанный рог северного оленя со следами поперечного резания резце-видной кромкой каменного орудия; *2* – обломок альвеолярного отростка черепа мамонта; *3* – «нож» из отщепа бивня мамонта (внутренняя поверхность): А – рабочая зона изделия (а – следы скобления поверхности; б – следы износа: смятость кромки и выбоинки)

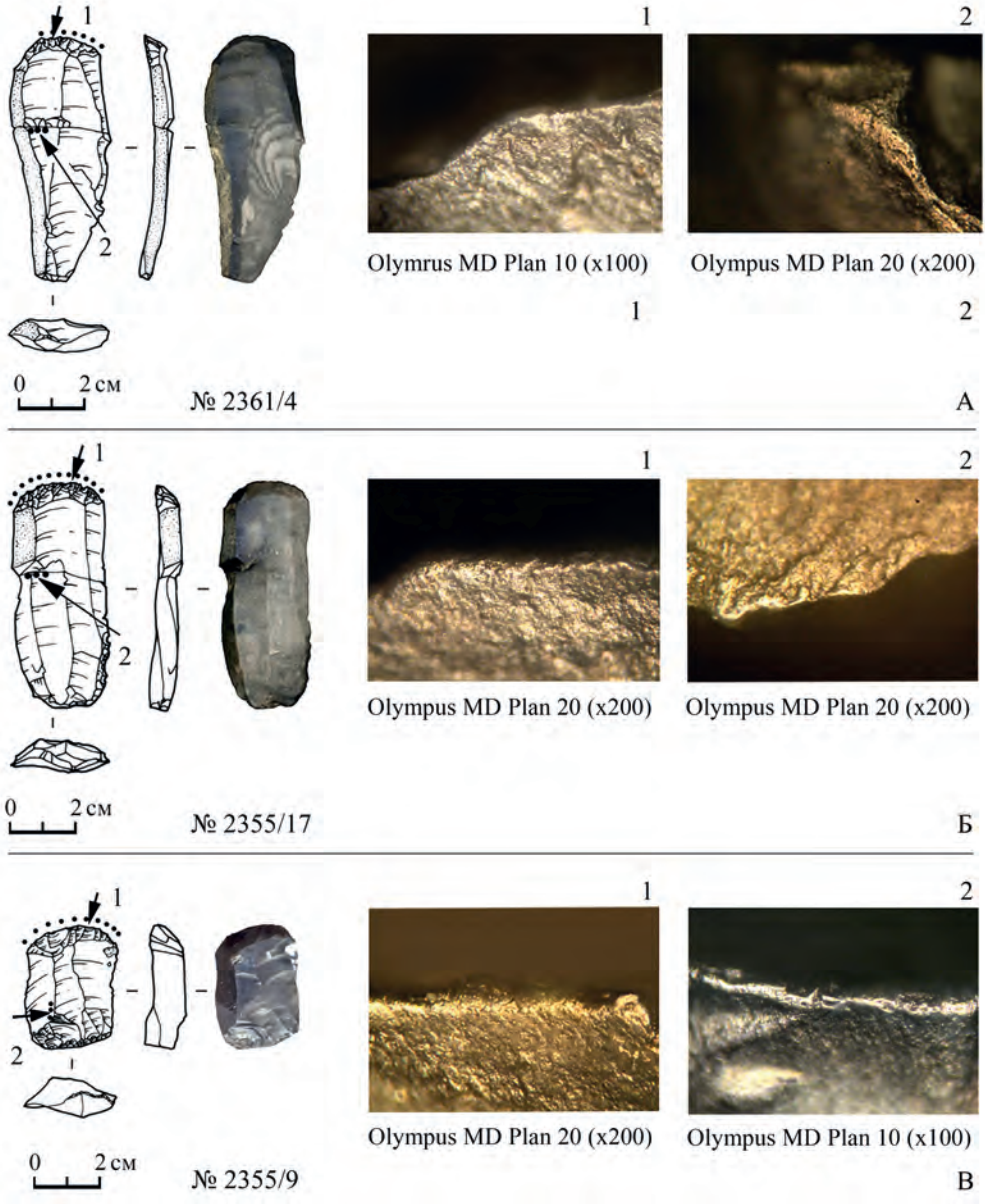
Илл. XIX. Стоянка Третий мыс, первый слой. Распределение структурных элементов, основных категорий орудий, костного материала и «связи» по ремонтажу в рамках комплекса № 2

Условные обозначения: *А* – скребок; *Б* – резец; *В* – резцовый отщепок; *Г* – пластинка с притупленным краем; *Д* – острие; *Е* – чешуйчатое орудие (с вентральной подтеской конца); *Ж* – пластинка с притупленным концом; *З* – пятно охры; *И* – очаг; *К* – кость; *Л* – скопление микродебитажа; *М* – кротовина; *Н* – камень; *О* – связи по ремонтажу

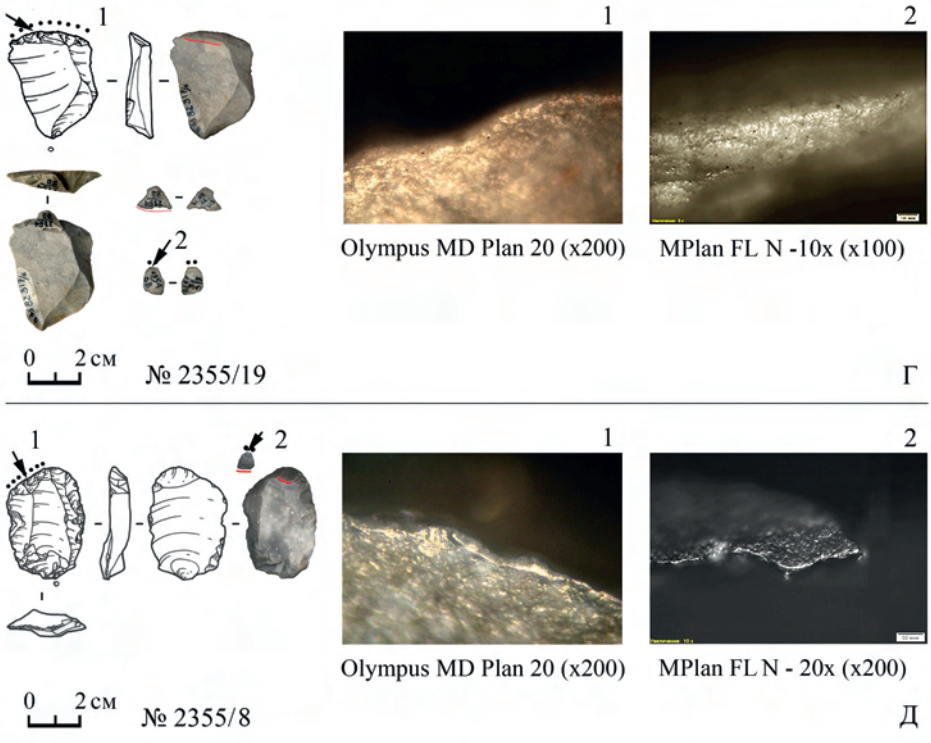

Илл. XX. Стоянка Третий мыс, первый слой. Распределение скребков со следами работы по шкуре/коже, дереву, кости в пределах комплекса № 2

Условные обозначения: *А* – обработка шкуры/кожи; *Б* – обработка дерева; *В* – обработка кости; *Г* – без диагностирующих признаков износа; *Д* – охра; *Е* – очаг; *Ж* – скопление микродебитажа; *З* – связи по ремонтажу

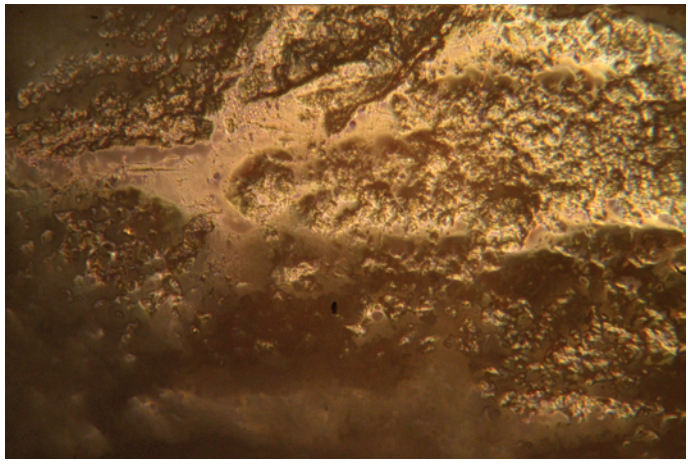

Илл. XXI. Стоянка Третий мыс, первый слой, комплекс № 2.
Скребки для обработки шкур/кожи и сколы подправки лезвий скребков с идентичными следами, аппликированные к скребкам (А, В)

Цв. илл. XXII. Стоянка Третий мыс, первый слой, комплекс № 2.
Скребки для обработки шкур/кожи и сколы подправки лезвий скребков с идентичными следами, аппликированные к скребкам (Г, Д)

Статья Д. К. Еськовой, Е. В. Леоновой
Мезолитическая стоянка Белый Колодец 1:
типологическая и технологическая характеристика каменного инвентаря

Илл. XXIII. Стоянка Белый Колодец 1.
Площадка пластины со следами пришлифовки карниза. Микрофото, × 200
(фото О. И. Александровой)

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 235

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

Редактор Л. Орловская
Корректор Е. Сметанникова
Художники А. Голикова, Н. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 18.12.2014. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 34,83. Тираж 300. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры». № госрегистрации 1037739118449.
Издательство «Знак». № госрегистрации 1027701010435.
Phone: +7 (495) 959-52-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4